

УДК 001:93/94(091)

СЛАВНАЯ ИСТОРИЯ ТАВРИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Прадиш Юрий

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,

Симферополь, Украина

Статья посвящена истории Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, который вскоре будет отмечать 95-летие со времени основания, и истории факультета украинской филологии, которому в 2014 г. исполнится 60 лет. Значительное внимание уделяется научным достижениям ученых университета и факультета.

Ключевые слова: Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, факультет украинской филологии, научный потенциал, учебный процесс, научные достижения.

В октябре 2013 г. Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского отметит свое 95-летие. Таврический университет хоть и не относится к числу старейших в Украине как, скажем, Львовский, Харьковский, Киевский или Одесский, но имеет свою славную самобытную историю. В своем выступлении по случаю открытия университета его первый ректор профессор Р. И. Гельвиг отмечал, что «Таврический университет, как храм науки, с сегодняшнего дня должен зажегся ярким светом истины, он должен стать светильником знания, постоянно и ярко горящим. Он должен светить и быть источником света и тепла. <...> К нему будут приходить молодые жизни, чтобы получить свой свет, идти в жизнь и светить, светить вокруг. Освещая светом знания, давая истину научную, университет облагораживает и ум, и сердце, постепенно улучшая жизнь и людей <...>» [21, с. 25].

Надо сказать, что подготовка к открытию первого вуза в Крыму – сначала как филиала Киевского университета Святого Владимира, а затем самостоятельного высшего учебного заведения – шла в условиях гражданской войны. Несмотря на сложное экономическое положение, различные политические взгляды многие государственные и общественные деятели, известные ученые думали о развитии образования и науки на полуострове в будущем. Поэтому университет получил поддержку как от земских органов, так и от сформированного немецкими оккупационными войсками летом 1918 г. Крымского краевого правительства во главе с генерал-лейтенантом М. А. Сулькевичем. «Казалось, что университет, – пишет в предисловии к «Истории Таврического университета» нынешний ректор университета академик НАН Украины Н. В. Багров, – ожидает вполне счастливое и безоблачное будущее. Но последовали события революционной эпохи, затем сложные времена тоталитарного режима, военное лихолетье, годы подъема и

перестройки. Вместе со всей страной университет пережил это, что-то теряя или приобретая, а нередко и начиная все сначала» [3, с. 6].

В динамике структурных изменений, которым подвергался университет в XX ст., ярко отражалась история нашего государства, особая геополитическая миссия Крыма: Таврический университет (1918 – 1921 гг.) – Крымский университет им. М. В. Фрунзе (1921 – 1925 гг.) – Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе (1925 – 1972 гг.) – Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе (1972 – 1999 гг.) – Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (с 1999 г.).

Одним из основателей университета, который с декабря 1916 г. всячески поддерживал идею его создания, был выдающийся ученый XX ст. академик В. И. Вернадский, который впоследствии стал профессором нашего университета и его ректором. Владимир Иванович имел возможность выехать за границу, чтобы спокойно заниматься наукой, однако он предпочел голодный и беспокойный край ради служения Отечеству [6, с. 36–42].

Таврический университет внес весомый вклад в развитие мировой и отечественной науки и образования. Имена тех, кем гордится университет, высечены на мемориальной доске. Среди них известные ученые, которые в разные годы работали у нас, лауреаты Нобелевской премии академики И. М. Франк и И. Е. Тамм, профессора – химик А. А. Байков, физик А. Ф. Иоффе, геолог В. А. Обручев, биохимик А. В. Палладин и др. Трижды Героями социалистического труда стали выпускники университета И. В. Курчатов (окончил университет в 1923 г.) и К. И. Щёлкин (окончил университет в 1932 г.). Следует отметить, что в бывшем Советском Союзе было 20 трижды Героев социалистического труда. Среди них – 9 ученых, в т. ч. два выпускника Таврического университета. Таким созвездием имен, без преувеличения, мог бы гордиться любой университет не только в Украине, но и в мире.

Благодаря профессорскому составу (за почти 95 лет деятельности вуза здесь работали более 300 профессоров) рос авторитет университета, формировались научные и педагогические школы. Именно интеллектуальная элита умножала его славу как храма науки и образования.

Сегодня Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского – это современный крупный многопрофильный научно-педагогический комплекс, жизнедеятельность которого обеспечивают более 1000 преподавателей, работающих на 75 кафедрах 16 факультетов. Как справедливо замечает ректор университета академик НАН Украины Н. В. Багров, «университетское образование сегодня становится велением времени потому, что динамические процессы, которые происходят в обществе, делают малоперспективной подготовку узкопрофильных специалистов. Опыт показывает, что человеку в течение жизни приходится порой несколько раз менять профессию. И только тот, кто имеет более фундаментальную подготовку, более широкий кругозор и обладает большей универсальностью, способен быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям» [4, с. 25].

Коротко об истории факультета украинской филологии.

В октябре 1954 г. Совет Министров тогдашней Украинской ССР принимает решение о переводе украинского отделения из Криворожского государственного педагогического института в Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе. В 1955 г. осуществляется первый набор на историко-филологический факультет по специальности «украинский язык и литература». В этом же году создается первая украиноведческая кафедра в Крымском пединституте – кафедра украинского языка и литературы, которая в течение двадцати лет оставалась единственной украиноведческой кафедрой в Крыму.

19 февраля 1972 г. правительство Украинской ССР принимает постановление об основании на базе Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе, а ученый совет университета – решение о создании на базе историко-филологического факультета двух факультетов – исторического и филологического.

С ростом статуса факультета растет и научный потенциал специалистов по украинскому языку и украинской литературе. Назревает необходимость в создании новых кафедр. В 1975 г. принимается решение о разделении кафедры украинского языка и литературы на две кафедры – украинского языка и украинской литературы.

В конце 80 – 90-х гг. XX ст. на факультете появляются первые доморожденные доктора наук. Так, в октябре 1988 г. успешно защитил докторскую диссертацию по украинской литературе П. М. Киричек, а в июне 1997 г. – докторскую диссертацию по украинскому и русскому языкам Ю. Ф. Прадид (кстати, это единственная (!) в XX в. докторская диссертация по украинскому языку, подготовленная в Крыму, и вторая (!) в XX в. (после В. Н. Мигирина) – докторская диссертация по русскому языку).

В декабре 2004 г. ученый совет Таврического национального университета имени В. И. Вернадского принимает решение о создании отдельного факультета украинской филологии. С января 2007 г. факультет располагается в новом корпусе. Все аудитории на факультете являются специализированными – мини-музеи «Украинская хата», украинского рушника, выставочные залы «Украина сквозь века», «Выдающиеся украинские писатели», «Украинские писатели и Крым», аудитория-библиотека им. проф. А. И. Губаря, языковедческая библиотека, которые в комплексе образуют центр украиноведения при университете.

В составе факультета три кафедры: украинского языкознания (заведующий кафедрой – доктор филологических наук профессор Ю. Ф. Прадид), теории и истории украинской литературы (заведующий кафедрой – доктор филологических наук профессор В. И. Гуменюк), культуры украинского языка (заведующая кафедрой – кандидат филологических наук доцент Л. В. Савченко). Если первые две кафедры обеспечивают учебный процесс на факультете украинской филологии, то кафедра культуры украинского языка – преподавание украинского языка по профессиональному направлению на всех остальных 15 факультетах университета.

За последние шесть лет заметно возрос научный потенциал преподавательского состава¹. Сейчас на факультете работают 32 преподавателя, из них 3 – доктора наук, профессора, 29 – кандидатов наук, доцентов. Только за последние пять лет 12 преподавателей факультета успешно защитили кандидатские диссертации. Факультет украинской филологии недавно стал первым в истории Таврического университета факультетом, на котором 100 процентов (!) преподавателей имеют ученую степень доктора или кандидата наук.

Следует подчеркнуть, что со времён создания факультет наращивал научный потенциал, как правило, за счет собственных резервов – защит диссертаций преподавателями и выпускниками факультета. Так, из более 50 кандидатов наук, которые работали с 1955 г. и работают на факультете сегодня, лишь каждый четвертый был приглашен на работу из других высших учебных заведений. К сказанному надо обязательно добавить, что подготовка кандидатов наук на факультете осуществляется преимущественно через аспирантуру, открытую на кафедрах украинского языкознания и теории и истории украинской литературы.

В апреле 2007 г. на базе факультета впервые в истории университета создан специализированный ученый совет по защите кандидатских диссертаций, в работе которого принимают участие ведущие ученые-филологи из Киева, Днепрпетровска, Донецка, Харькова и других научных центров Украины.

На факультете обучается около 700 студентов (дневная и заочная формы обучения), представляющих 12 национальностей из 15 регионов Украины. Выпускники факультета получают образовательно-квалификационный уровень бакалавра по специальности «Бакалавр филологии. Преподаватель украинского языка и литературы» (срок обучения на дневной форме – 4 года, на заочной – 5 лет), специалиста (срок обучения на дневной и заочной формах – 1 год) по специальности «Филолог. Преподаватель украинского языка и литературы», магистра (срок обучения на дневной форме – 1 год) по специальности «Магистр филологии. Преподаватель украинского языка и литературы». Кроме того, на заочной форме обучения можно получить второе высшее образование по специальности «Филолог. Преподаватель украинского языка и литературы» (срок обучения – 2 года).

На факультете полным ходом идет реализация основных положений Болонской декларации. Введены индивидуальные планы студентов, внедрена кредитно-модульная система организации учебного процесса, активизирована мобильность студентов как в университете, так и на национальном и международном уровнях. В 2011 г. переход к требованиям Болонского процесса практически завершен, о чем свидетельствует выдача выпускникам факультета приложений к диплому европейского образца.

¹ На 1 января 2006 г. из 35 преподавателей, которые работали на факультете, только 25 (69 процентов) имели ученую степень (подробнее см.: [1, с. 24–25]).

Более десятка методических пособий, подготовленных преподавателями факультета лишь за последние пять лет, направлены на совершенствование учебного процесса. Активно внедряются в учебный процесс и новейшие компьютерные технологии в филологии.

Для чтения лекций на факультете приглашаются известные ученые-филологи. Только за последние три года на факультете выступили с лекциями профессора П. И. Билоусенко (Запорожье), А. П. Загнитко (Донецк), Р. П. Зоривчак (Львов), Ю. И. Ковалив, П. П. Кононенко, С. О. Соколова, А. А. Тараненко, А. А. Ткаченко (Киев), В. Д. Ужченко (Луганск) и др.

На факультете сформировалось несколько направлений научных исследований.

Двадцатилетнюю историю имеет направление, посвященное изучению украинской научной терминологии, основанное кандидатом филологических наук, профессором Е. С. Регушевским. Шесть его аспирантов защитили кандидатские диссертации по различным отраслям терминологии. Сегодня это направление успешно развивается на факультете доктором филологических наук профессором Ю. Ф. Прадилом, под руководством которого за последние пять лет защищено четыре кандидатские диссертации по терминологической проблематике.

С конца XX в. на факультете успешно ведутся научные поиски в области фразеологии и юридической лингвистики.

Активное исследование фразеологии, как отдельной отрасли лингвистической науки, в Крыму начинается в начале 90-х годов XX ст. из трудов профессора Ю. Ф. Прадида, центральное место в которых занимают проблемы фразеологической идеографии, фразеологии, сравнительной и сопоставительной фразеологии и т. д. Кроме статей (их более 100), идеографического «Русско-украинского и украинско-русского фразеологического тематического словаря: Эмоции человека» [7], фразеологическая проблематика стала предметом исследования в монографиях Ю. Ф. Прадида «Фразеологічна ідеографія: проблематика досліджень» [13], «У царині лінгвістики і права» [12], диссертационных работах многочисленных учеников профессора Ю. Ф. Прадида, ныне кандидатов филологических наук Е. В. Дехтярёвой, Н. Ф. Грозьян, А. А. Картамышева, И. Е. Колесниковой, Л. В. Савченко (Самойлович), Л. Ш. Кубединовой, М. А. Шевчук-Черногородовой, Л. Ф. Щербачук, аспирантов и соискателей Ю. Ю. Балацкой, Т. М. Лебедевой, Е. В. Вовк и др. Фактически, в Крыму сформировался один из крупнейших в Украине научных центров по исследованию фразеологии украинского, русского, крымскотатарского, английского, французского и др. языков. Подтверждением этого является проведение в мае 2007 г. на базе факультета первой Всеукраинской научно-практической конференции «Актуальные проблемы фразеологии», в которой приняли участие более 60 ученых из Киева и Запорожья, Львова и Луганска, Днепропетровска, Донецка, Харькова, Черновцов и других городов Украины [19, 2]. Во второй конференции, проведенной в октябре 2009 г. и получившей уже статус международной, приняли участие более 150 ученых из Украины, Польши, России, Словакии, среди которых более 20 докторов наук, профессоров [20].

Без сомнения, свидетельством высокой оценки достижений ученых-фразеологов Украины в целом и Крыма в частности со стороны Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, председателем которой является наш знаменитый земляк доктор филологических наук профессор Валерий Михайлович Мокиенко, является проведение впервые в Украине Международной научной конференции «Фразеология и языковая игра» на базе Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, в работе которой принимают участие более 100 ученых из пятнадцати стран мира (ниже публикуются доклады и сообщения участников конференции).

На факультете украинской филологии активно развивается и другое научное направление – юридико-лингвистическое. Именно в Крыму, в Таврическом университете, основан первый в Украине научный центр по изучению теоретических и практических проблем юридической лингвистики – науки, которая сформировалась на стыке права и лингвистики только в конце XX – нач. XXI в. и имеет актуальное значение на этапе становления государственности в Украине. На важность изучения теоретических и прикладных аспектов юридической лингвистики не раз обращали внимание ведущие украинские ученые, юристы и филологи, в частности, академики НАН Украины В. Г. Скляренко, В. Н. Широков, члены-корреспонденты НАН Украины С. Я. Ермоленко, А. П. Загнитко, А. Л. Копыленко, А. Б. Ткаченко, профессора Д. Х. Баранник, В. М. Брицин, В. М. Коссак, А. А. Тараненко, А. С. Токарская, Е. О. Харитонов, В. М. Шаповал и др.

Основателем этого направления в Украине ученые считают проф. Ю. Ф. Прадида, который опубликовал за последнее десятилетие около 100 работ, касающихся правовых проблем языка и языковых проблем права в филологических и юридических изданиях не только в Украине, но и в Польше, России, Словакии. Среди научных достижений Ю. Ф. Прадида – учебное пособие «Вступ до юридичної лінгвістики» [8], тематический библиографический справочник «Юридична лінгвістика» [15], хрестоматия «Мовні питання в Україні. 1917 – 2000: Документи і матеріали» [9]. По его инициативе проведены две представительные международные научно-практические конференции «Право і лінгвістика» [5, 10, 11, 14, 16, 17, 18].

Высказанные выше соображения дают основания утверждать, что у Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, столетний юбилей которого уже не за горами, не только славная история, но и четкие ориентиры на будущее, над которыми усердно работает руководство университета, весь его коллектив.

Список литературы

1. Аналитический отчет о научно-исследовательской работе Таврического национального университета им. В. И. Вернадского за 2006 г. – Симферополь, 2007. – 171 с.
2. Андрейченко О. І., Прадід Ю. Ф. Хроніка: Уперше... / О. І. Андрейченко, Ю. Ф. Прадід // Мовознавство. – 2007. – №№ 4 – 5. – С. 117–119.
3. Багров Н. В. Слово к читателю // История Таврического университета / Под. общ. ред. чл.-кор.

- НАН Украины Н. В. Багрова. – К. : Либідь, 2003. – С. 6–8.
4. Багров Н. В. Таврический университет на рубеже третьего тысячелетия / Н. В. Багров. – К. : Либідь, 2007. – 248 с.
 5. Венедиктов В. С., Прадід Ю. Ф. Право і лінгвістика: Нотатки з міжнародної науково-практичної конференції / В. С. Венедиктов, Ю. Ф. Прадід // Право України. – 2003. – № 12. – С. 131–133.
 6. Подробнее см.: История Таврического университета / Под. общ. ред. чл.-кор. НАН Украины Н. В. Багрова. – К. : Либідь, 2003. – 248 с.
 7. Прадид Ю. Ф. Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь: Эмоции человека / Ю. Ф. праид. – Симферополь, 1994. – 242 с.
 8. Прадід Ю. Ф. Вступ до юридичної лінгвістики: Навчальний посібник / За ред. члена-кореспондента АПрН Ярмаша О. Н / Ю. Ф. Прадід. – Симферополь : Доля, 2002. – 104 с.
 9. Прадід Ю. Ф. Мовні питання в Україні. 1917 – 2000: Документи і матеріали / Ю. Ф. Прадід. – Симферополь : Доля, 2003. – 288 с.
 10. Прадід Ю. Ф. Право і лінгвістика: нотатки з II міжнародної науково-практична конференції / Ю. Ф. Прадід // Актуальні проблеми сучасної науки в дослідженнях молодих учених. – 2004. – Вип. 6. – С. 203–210.
 11. Прадід Ю. Ф. Право і лінгвістика: нотатки з II міжнародної науково-практичної конференції / Ю. Ф. Прадід // Право України. – 2005. – № 8. – С. 96–99 (0,4 а. а.).
 12. Прадід Ю. Ф. У царині лінгвістики і права / Ю. Ф. Прадід. – Симферополь : Ельїньо, 2006. – 256 с.
 13. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень): Монографія / Ю. Ф. Прадід. – К. ; Симферополь, 1997. – 252 с.
 14. Прадід Ю. Ф. Хроніка: Другий рік поспіль... / Ю. Ф. Прадід // Мовознавство. – 2005. – № 2. – С. 91–93.
 15. Прадід Ю. Ф. Юридична лінгвістика: Тематичний бібліографічний довідник / Ю. Ф. Прадід. – Симферополь : Доля, 2003. – 48 с.
 16. Прадід Ю. Ф., Венедиктов В. С. Міжнародна науково-практична конференція “Право і лінгвістика” / Ю. Ф. Прадід // Мовознавство. – 2003. – № 5. – С. 92–94.
 17. См. материалы конференции: Право і лінгвістика: Матеріали II Міжнар. наук.-практ. конф.: У 2-х ч. – Симферополь : Доля, 2004. – Ч. 1 – 2.
 18. См. материалы конференции: Право і лінгвістика: Матеріали Міжнар. наук.-практ. конф.: У 2-х ч. – Симферополь : Доля, 2003. – Ч. 1 – 2.
 19. См. материалы конференции: Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского : Сер. “Филология”. – 2007. – Т. 20 (59).
 20. См. материалы конференции: Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского: Сер.: “Филология. Социальные коммуникации”. – 2009. – Т. 22 (61). – № 4. – Ч. 1 – 2;
 21. Цитуємо по изданию: История Таврического университета / Под. общ. ред. чл.-кор. НАН Украины Н. В. Багрова. – К. : Либідь, 2003. – 248 с.

Прадід Юрій. Славна історія Таврійського університету / Юрій Прадід // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 3–10.

Стаття присвячена історії Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського, який незабаром відзначатиме 95-річчя з часу заснування, та історії факультету української філології, якому в 2014 р. виповниться 60 років. Значна увага приділяється науковим здобуткам учених університету і факультету.

Ключові слова: Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського, факультет української філології, науковий потенціал, навчальний процес, наукові досягнення.

Pradid Yury. The Glorious History of the Taurida University / Yury Pradid // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 3–10.

The article is devoted to the history of Taurida national Vernadsky university that is to celebrate soon its 95th foundation anniversary and history of Ukrainian philology faculty which will celebrate its 60th anniversary in 2014. Much attention is paid to scientific achievements of the faculty and university scholars.

Key words: Taurida national Vernadsky university, Ukrainian philology faculty, academic process, scientific achievements.

Стаття надійшла до редакції 15 травня 2012 року

УДК 811.161.1'374

РАЗВИТИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В УКРАИНЕ

(II ПОЛ. XX СТ. – НАЧАЛО XXI СТ.)

Прайдид Юрий

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,

Симферополь, Украина

Статья посвящена процессу становления и развития фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины в Украине. Осуществлена попытка периодизации истории изучения фразеологии. Описаны достижения украинских ученых в исследовании фразеологии украинского, русского, английского и других языков за 60 лет. Особое внимание уделено проблемам фразеологии.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеология, фразеография, паремиология, направления фразеологических исследований.

Во II-й пол. 50-х годов XX ст., как известно, акад. В. В. Виноградов, основываясь на теории Ш. Балли, разработал свою фразеологическую концепцию и поставил вопрос о фразеологии как отдельной лингвистической дисциплине. Через десять лет этот вопрос вновь поднял Б. А. Ларин: «Фразеология как лингвистическая дисциплина находится еще на стадии «скрытого развития» <...>, она еще не оформилась как зрелый плод подготовительных работ. <...> Выделить такую дисциплину нам уже очень надо, всем понятна дилетантская беспомощность, разноречивой и безуспешной попутной, случайной анализом этого материала в лексикографии, стилистике, синтаксисе. Всем известен вес специального изучения этого своеобразного фонда выразительных средств языка» [1].

Труды В. В. Виноградова и его последователей, несомненно, способствовали появлению в тогдашнем СССР большого количества работ по фразеологии, написанных на материале различных языков, в т. ч. и украинского. Заметно расширилась проблематика фразеологических поисков.

Таким образом, накопление специальных работ по фразеологии стало одной из важных предпосылок выделения фразеологии в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Достижение фразеологической науки в 50 – 60-е годы XX ст. дало основания С. Г. Гаврину констатировать: «За два десятилетия советская фразеология прошла путь от небольшого раздела в лексикологии до большой теоретической и утилитарно-практической области языкознания. Явление выдающееся, которого не знает лингвистика зарубежных стран» [2].

Достижения украинской фразеологии в разные периоды её становления и развития были объектом описания в трудах Н. А. Москаленко [3], Ф. П. Медведева [4], Л. Г. Скрипник [5, 6], Ф. П. Медведева и А. С. Юрченко [7], но с того времени, во-первых, прошло почти полвека, во-вторых, украинская фразеология достигла новых вершин и требует нового осмысления.

Хотя определение периодов, их границ – проблема сложнейшая, ведь границы любой периодизации в какой-то степени условные, все же попытаемся выделить в истории изучения украинской фразеологии три периода: 1) первый – подготовительный (50 – 60-е годы XX ст.) – обоснование основных понятий фразеологии, описание стилистического использования фразеологизмов в художественных текстах и т. д., 2) второй – структурно-семантического описания фразеологии (70 – 80-е годы XX ст.) – систематизация фразеологического материала по структуре, семантике, грамматическим и стилистическим параметрам, 3) третий – функционального изучения фразеологии (90-е годы XX ст. – XXI ст.) – комплексное исследование фразеологии в прагматическом, культурологическом, идеографическом и других аспектах с привлечением достижений наук, исследующих человеческий феномен.

Теперь подробнее об изучении украинской фразеологии в 50 – 60-х годах XX ст., то есть в подготовительный период, когда фразеология как наука начала развиваться на украинской языковой почве.

В 1952 г. увидела свет первая часть «Нарисів з української фразеології (з російсько-українськими паралелями): Прийменникові конструкції» И. Г. Чередниченко – первая фразеологическая работа в Украине, которая, как отмечает сам автор в предисловии, имела «нормативно-справочное назначение» [8]. Предполагалось, что книга будет состоять из двух частей: 1. Предложные конструкции; 2. Фразеологические сочетания знаменательных слов. Но по неизвестным нам причинам вторая часть книги так и не появилась.

При написании «Нарисів» перед проф. И. Г. Чередниченко стояла непростая задача – «рассмотреть важные факты и явления украинской фразеологии в сравнении с русскими», <...> поскольку фразеологические богатства украинского языка не только еще не изучены, но даже не собраны» [9].

Первая часть «Нарисів» состояла из трех разделов. В первом из них автор описал фразеологические конструкции с простыми предлогами (*без, у, от, для, до* и др.), а затем подал в алфавитном порядке русские конструкции с описываемым предлогом и их фразеологические соответствия в украинском языке. Что касается второго и третьего разделов, то они не имеют никакого отношения к фразеологии, поскольку в них исследуется функционирование синтаксических конструкций со сложными предлогами в украинском языке (*для, ради, из-за, из, возле* и др.), а также форм знаменательных слов, которые выполняют функции предлогов (*около, вдоль, вместо, конец, край* и др.), и даже не указано на их фразеобразовательную функцию, не приведены русские параллели, как в первом разделе.

Интересно, что И. Г. Чередниченко пользуется терминами **фразеология, фразеологический состав, фразеологические конструкции, фразеологическое значение, фразеологические средства, фразеологические образования, фразеологические свойства, фразеологический характер, фразеологические богатства, фразеологический материал, фразеологические явления, фразеологические различия, фразеологическая систематизация, фразеологические особенности, фразеологические сочетания, фразеологические соответствия, фразеологический тип**, однако ни разу не употребляет термины

фразеологизм, фразеологическая единица. Не представлено и значение термина **идиома**, употребленного автором один раз в таком контексте: «<...> На фразеологическое рассмотрение выносятся различные предложные конструкции, независимо от того, в какой степени они фразеологизированы (т. е. превратились в идиомы, устойчивые словосочетания и т. п.) внутри данного языка» [10].

В 50-х годах XX ст. фразеология украинского языка становится объектом исследования и в кандидатских диссертациях Л. Г. Скрипник «Лексика і фразеологія української радянської художньо-історичної прози» [11], Н. М. Богдан «Фразеологія художніх творів М. М. Коцюбинського» [12], Л. И. Добржанской «Фразеологія мови Шевченка» [13].

В то же время начинают появляться и первые публикации в научных всеукраинских изданиях «Мовознавство» и «Українська мова в школі» (см., например, работы И. К. Белодиды «Із спостережень над фразеологією української прози післявоєнного періоду» [14], Н. А. Крыжановской «Фразеологічні звороти в романі П. Мирного «Хіба ревуть воли як ясла повні» [15], В. А. Шадуры «Лексика і фразеологія поезій П. Г. Тичини» [16], Г. В. Сенчука «Фразеологічні вирази в творах Олекси Десняка» [17] и других ученых), в которых исследуется стилистическое использование фразеологических единиц (далее ФЕ) в творчестве отдельных писателей или в отдельных произведениях.

Со II пол. 50-х годов XX ст. статьи об украинской фразеологии начинают печататься и в региональных сборниках научных трудов. Среди них следует назвать исследования Б. И. Бондарь «Синтаксична структура і функції фразеологізмів у художній прозі І. Я. Франка» (Черновцы) [18], Г. М. Удовиченко «Спостереження над використанням лексики і фразеології в українській радянській драматургії 30 – 40 років» (Ужгород) [19], М. С. Тофан «Фразеологический состав новел В. Стефаника» (Черновцы) [20], Н. М. Богдан «Із спостережень над роботою М. Коцюбинського при вдосконаленні текстів (використання фразеологізмів)» (Житомир) [21], О. П. Григорук «Фразеологічні засоби сатири і гумору в художніх творах Леся Мартовича» (Одесса) [22], О. Н. Шляхова «Фразеологізми у мові сучасних українських фейлетонів» (Станислав, ныне – Ивано-Франковск) [23] и некоторых других ученых.

В «Библиографическом указателе литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1918 по 1961 г.» указано 64 публикации украинских ученых, из которых более 50 посвящены стилистическому анализу фразеологического материала в произведениях украинских писателей и народном языке [24].

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что в 50-е годы XX ст. ФЕ изучаются, как правило, или на материале художественной литературы (причем к ФЕ зачисляются и другие устойчивые обороты: пословицы, поговорки, афоризмы, сравнения и под., которые, собственно, и составляют основу этих исследований), или параллельно с лексикой, а потому некоторые работы и имеют название вроде «Лексика и фразеология <...> произведения <...>», причем проблемы, связанные с исследованием лексики, явно доминируют над изучением проблем фразеологии.

К концу 50-х годов XX ст. относятся и первые попытки систематизации фразеологического материала в специальных словарях. Первым фразеологическим словарем, который увидел свет в Украине, был словарь переводного типа – «Фразеологічний словник англійської мови з українськими відповідниками» К. Т. Баранцева [25], в котором насчитывалось около 7 тыс. устойчивых выражений (ФЕ, пословиц, поговорок и подобных единиц). Над усовершенствованием словаря ученый продолжал работать и после его выхода в свет, а итогом кропотливой двадцатилетней работы стал впоследствии опубликованный «Англо-український фразеологічний словник», о котором пойдет речь ниже.

В течение двадцати лет на страницах харьковского журнала «Прапор» печатался «Російсько-український фразеологічний словник» И. Выргана и М. Пилинской [26], в основу реестра которого положены русские ФЕ, зафиксированные в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах, а затем и во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова. Составители расширили реестр словаря не только пословицами, поговорками, крылатыми выражениями, но и словами, которые выделяются определенными особенностями грамматических связей в русском и украинском языках.

В словаре в алфавитном порядке подается общий компонент, т. е. ключевое слово высказывания, а ниже – все возможные устойчивые обороты, в т. ч. и ФЕ, с украинскими соответствиями, иногда с синонимами, стилистической характеристикой. Составители словаря И. Вырган и М. Пилинская, его редактор М. Наконечный стремились показать богатство выразительных средств украинского языка, были сторонниками идеи воссоздания духа, а не буквы языковой единицы. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что в украинской части при наличии синонимов сначала подаются варианты с украинской окраской.

Чтобы избежать критики, авторы словаря, в случае издания его отдельной книгой, намерены уточнить его название – «Російсько-український словник фразеологізмів, типових синтаксичних та інших сполук», – о чем писали в 10 номере журнала «Прапор» за 1971 г. [27]. Однако отдельное издание этого словаря увидело свет лишь в 2000 г. под названием «Російсько-український словник сталих виразів» [28].

60-е годы XX ст. характеризуются тем, что на страницах как центральных, так и региональных изданий, кроме работ, в которых исследуются стилистические особенности ФЕ в конкретных художественных текстах, как например: «Фразеологізми та їх роль у байках Глібова» В. Т. Мариниченко [29], «Про деякі особливості використання фразеології в романі П. Козланюка «Юрко Крук» К. А. Яскевич [30], «Фразеологізми та їх стилістична роль у памфлетах Я. Галана» С. С. Дидык [31], «Фразеологія творів А. Тесленка» А. П. Сызько [32], «Спостереження над фразеологічним матеріалом романів М. Стельмаха («Кров людська – не водиця». «Велика рідня»)), «Індивідуально-авторське оновлення фразеологізмів у романах О. Гончара «Прапорнощі» і «Людина і зброя» Н. А. Москаленко [33, 34] и других (о других работах по украинской фразеологии, вышедших в Украине в 50 – 60-е гг. XX ст., см.: [35]).

На страницах журнала «Українська мова в школі» во II пол. 50 – нач. 60-х годов XX ст. печатается ряд работ по теоретическим проблемам фразеологии русских языковедов, например: «Фразеологічні вирази» А. Я. Рожанского [36], «Про народну фразеологію» Б. А. Ларина [37], «Про вживання терміна «фразеологія» К. С. Горбачевича [38], «Про природу і характер фразеологічних одиниць» А. М. Бабкина [39]. Правда, все они, кроме статьи Б. А. Ларина, основаны на русском иллюстративном материале, следовательно не учитывают специфики украинской фразеологии.

В начале 60-х г. вышел еще один переводной словарь – «Фразеологічний словник німецької мови» Л. С. Осовецкой и К. М. Сильвестровой [40], – реестр которого охватывает около 15 тыс. устойчивых оборотов, переведенных на украинский язык. Заглавные единицы в словаре группируются по ключевым словам в алфавитном порядке. Ко многим из них даются иллюстрации из произведений немецких писателей. Составители предостерегают в предисловии, что не все высказывания имеют тождественный перевод, а потому иногда раскрывается только содержание оборота, но этого мало для воспроизведения стилистических характеристик оригинала.

В 60-х годах XX ст. все чаще в журнале «Українська мова і література» (именно под таким названием начал выходить журнал «Українська мова в школі» с января 1963 г.) начинают появляться труды украинских ученых, в которых исследуются основные понятия фразеологии и термины, которые их обозначают, семантические параметры [41, 42], компонентный состав [43, 44], грамматические особенности ФЕ [45, 46], методика их изучения в средней школе [47–50], основы фразеографии [51, 52] и др.

Во второй пол. 60-х годов XX ст. происходит становление сразу двух направлений в украинской фразеографической практике: 1) создание работ учебно-методического характера, 2) составление толковых фразеологических словарей. У истоков обоих направлений в украинистике была Н. А. Батюк, составив небольшой по объёму (около 1100 ФЕ) «Фразеологічний словник» [53]. Этот словарь, как считает сам автор, должен служить учителю справочником, поскольку в нем дается толкование наиболее распространенных ФЕ, зафиксированных в украинских художественных произведениях, изучаемых в средней школе (см. рецензию на работу Н. А. Батюк: [54]).

В конце 60-х годов XX ст. в Украине вышло фундаментальное издание – «Англо-український фразеологічний словник» К. Т. Баранцева [55], выше упомянутый, который и поныне остается единственным словарем подобного типа в Украине. Эта работа включает не только материал ранее изданного словаря, но и является, по сути, новой как по количеству устойчивых оборотов, так и по способу их подачи. Словарь охватывает около 30 тыс. ФЕ, пословиц, поговорок, крылатых выражений, и является не только переводным, но и имеет уже отдельные черты словаря толкового типа.

Материал в словаре расположен по алфавитному принципу – реестровые единицы даются в алфавитном порядке без учета артиклей, формального признака инфинитива, притяжательных и личных местоимений, которые выступают

переменными компонентами устойчивого оборота. Усердная разработка словарных статей, каждая из которых фиксирует языковую единицу в исходной форме, различные грамматические и стилистические характеристики, вариантные и синонимичные формы, украинские соответствия и иллюстрации на английском языке. Кроме того, его автор пытается сопровождать ФЕ английского языка историко-этимологическими комментариями (см. рецензию на труд К. Т. Баранцева: [56]).

Важнейшим же фразеографическим трудом конца 60-х годов XX ст. является, бесспорно, «Словник українських ідіом» Г. М. Удовиченко [57], реестр которого насчитывает более 2 тыс. ФЕ. Это наиболее полное собрание фразеологического состава украинского языка на то время. Автор представляет грамматическую, семантическую и стилистическую характеристики реестровых ФЕ. Словарь содержит широкую иллюстративную часть, которая раскрывает функционирования ФЕ в текстах, относящихся к различным функциональным стилям литературного языка, характеризует вариантные, синонимические, антонимические, полисемантические возможности фразеологического состава украинского языка (см. рецензии на труд Г. М. Удовиченко: [58, 59]).

В 1967 г. основан журнал «Мовознавство», на страницах которого по инициативе Л. Г. Скрипник с первых чисел под рубрикой «Із таємниць фразеології» начали печататься историко-этимологические справки о происхождении ФЕ [60–72]. Кроме того, уже в 1969 г. в журнале опубликована фундаментальная статья Л. Г. Скрипник «Видозміни форми фразеологічних одиниць» [73, 74], а также исследование М. Т. Демского «Дієслівна фразеологія з двопозиційним оточенням в українській мові» [75].

Следует подчеркнуть, что на активизацию научных изысканий в области фразеологии и фразеографии в Украине имели немалое влияние всесоюзные конференции и совещания по проблемам фразеологии, которые проводились с целью координации актуальных вопросов фразеологической науки в СССР в конце 50 – 70-х гг. XX в. в Самарканде (1959), Ленинграде (1961 г.), Баку (1964 г.) [76], Москве (1964 г.) [77], Череповце (1965 г.), Вологде (1967 г.) [78], Туле (1968 г.) [79], Самарканде (1970 г.) [80], Новгороде (1971 г.) [81], Туле (1972 г.) [82], Самарканде (1974 г.) [83] и в которых активно участвовали и украинские языковеды.

В 1972 г. Институт языковедения им. А. А. Потебни проводит республиканскую научную конференцию «Питання фразеології східнослов'янських мов», с докладами на которой выступают такие известные украинские языковеды, как Д. Х. Баранник, С. Ф. Бевзенко, И. И. Ковалик, Л. И. Коломиец, Л. А. Лисиченко, Ф. П. Медведев, Н. А. Москаленко, Л. Г. Скрипник и др., а также известные в Советском Союзе фразеологи И. В. Абрамец, А. Н. Кожин, А. И. Молотков, Л. И. Ройзензон и др. [84].

70-е годы XX ст. характеризуются тем, что начался новый этап в исследовании фразеологии в Украине – систематизация фразеологического материала по структурно-семантическим, грамматическим и стилистическим параметрам. Только на страницах журналов «Мовознавство» и «Українська мова і література в школі» по этой проблематике опубликовано по 24 статьи.

В 1970 г. М. Т. Демский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Глагольная фразеология в современном украинском языке» [85], в которой впервые комплексно исследовал морфологические особенности украинских глагольных ФЕ. М. Т. Демский и в кандидатской диссертации, и в своих дальнейших работах отстаивал мысль, что предметом фразеологии как науки, должны быть только ФЕ, единицы номинативного характера, в отличие от пословиц, поговорок и других подобных устойчивых сочетаний, которые являются единицами коммуникативного характера (в трудах многих украинских и, особенно, русских языковедов тогда доминировал так называемый широкий взгляд на фразеологию). Обязательно следует отметить, что М. Т. Демский в своей кандидатской диссертации впервые (!) в советской лингвистике (ведь украинская лингвистика была её неотъемлемой частью) доказал, что ФЕ следует считать единицами самостоятельного уровня языка – фразеологического, учитывая их природную сущность [86].

В 1970 – 1971 гг. в Черновцах вышло первое в Украине учебное пособие «Фразеологія сучасної української мови» в двух частях, автором которого была Н. Д. Бабич [87], которая кроме того в 1972 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Соотношение общенародного и узколокального во фразеологии украинского языка» [88].

В первой части пособия Н. Д. Бабич представлен краткий обзор изучения фразеологии в советском языкознании, затем впервые в украинской лингвистике на широком фактическом материале скрупулезно рассмотрены грамматические модели ФЕ, построенные по структуре словосочетания и предложения, простого и сложного.

Вторая часть пособия посвящена описанию системных связей в сфере фразеологии. Впервые в украинском языкознании предпринимается попытка доказать, что, как справедливо замечает Н. Д. Бабич, «явления синонимии, антонимии и полисемантизма во фразеологии так же распространены, взаимосвязаны и взаимообусловлены, как и в лексике» [89]. Особое внимание уделяется разграничению понятий полисемантизма и омонимии во фразеологической системе украинского языка. Делается попытка систематизировать разноплановый фразеологический материал по семантико-стилистическим параметрам, описать способы трансформации формы и содержания ФЕ. Следует акцентировать внимание на том, что исследование проводится на большом фразеологическом материале, отобранном из произведений буковинских писателей конца XIX – начала XX вв., а также собранном автором в буковинских диалектах.

Начало 70-х годов характеризуется не только ростом числа фразеологических изданий в Украине, но и совершенствованием принципов их создания, появлением новых типов словарей. В 1971 г. издан «Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь» И. С. Олейника и М. М. Сидоренко [90], в котором в алфавитном порядке подается 7 тыс. украинских и 6,5 тыс. российских ФЕ с лексико-грамматическими вариантами, указанием на функционально-стилистическое и эмоционально-оценочное значение.

Составители словаря использовали многочисленные лексикографические и фразеологические источники, кроме украинского и русского языков еще английского, итальянского, польского, сборники пословиц и поговорок, крылатых слов. Несмотря на отдельные недочеты (избыточность употребления диалектных и редко употребляемых соответствий, ввод в реестр выражений, которые не являются ФЕ, иногда неточность русских соответствий и т. п.) словарь долгое время был единственным справочным изданием по фразеологии в Украине. Неслучайно, через семь лет с изменениями, уточнениями и дополнениями этот словарь был переиздан [91].

Н. А. Москаленко в рецензии на эту работу отметила, что «филологи получили солидную систематизированную подборку фразеологизмов. Преподаватели вузов и учителя смогут использовать словарь и для развития речи, и при анализе различных грамматических явлений, и как ценный справочник. Работники прессы, переводчики имеют достаточно полный переводной словарь, что ускорит и облегчит их повседневную работу» [92].

Особый резонанс в научной общественности в начале 70-х годов XX ст. вызвала монография Л. Г. Скрипник «Фразеологія української мови» [93], о чем убедительно свидетельствуют сразу две рецензии, опубликованные в том же 1973 г. в журналах «Мовознавство» [94] и «Українська мова і література в школі» [95].

В монографии Л. Г. Скрипник глубоко и всесторонне, с учетом достижений советской фразеологической школы, описывает теоретические проблемы украинской фразеологии (ФЕ как лингвистическая единица, принципы научной классификации различного фразеологического материала, содержание и форма ФЕ, структурно-семантические типы ФЕ, системные связи во фразеологии). Впервые в украинском языкознании исследуются источники украинской фразеологии в тесной взаимосвязи с историей, культурой и бытом народа, история систематизации фразеологического материала в основных фольклорных, лексикографических и фразеологических работах, начиная от собрания Климентия Зиновьева до появления «Словника українських ідіом» Г. М. Удовиченко. Л. Г. Скрипник не ограничивается описанием достижений фразеологии как лингвистической дисциплины, но также и четко и последовательно формулирует тематику возможных будущих фразеологических исследований, очерчивает границы отдельных проблем и т. д. Все это дало основания А. П. Коваль резюмировать: «Появление этой работы – давно ожидаемой и столь необходимой, труда, который заполняет ощутимые пробелы в теоретическом наследии современной украинистики в области фразеологии, – является заметным событием в нашем языкознании» [96].

К сказанному А. П. Коваль почти полвека назад следует добавить, что монография Л. Г. Скрипник, без преувеличения, была и остается сегодня «воротами учености» для украинских фразеологов разных поколений.

В 1973 г. увидела свет четвертая книга академического издания «Сучасна українська літературна мова: Лексика і фразеологія» под редакцией акад. И. К. Белодіда [97], в которой раздел «Фразеологія» написан Л. Г. Скрипник. Впервые в академической грамматике украинского языка, собственно, и в украинском языкознании вообще, так емко освещены наиболее актуальные

теоретические и прикладные аспекты украинской фразеологии: объект и задачи фразеологии, ее классификационные схемы, структурно-грамматические типы и компонентный состав ФЕ, системные связи в области фразеологии и др.

Годом позже, в 1974 г., Л. Г. Скрипник успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Фразеологія української мови» [98], которая является первой в ряду докторских диссертаций, защищенных на украинском фразеологическом материале (кстати, последней, одиннадцатой, в этом ряду является диссертация М. В. Жуйковой (2009) [99]).

В конце 60 – нач. 70-х годов XX ст. в Харьковском университете под руководством проф. Ф. П. Медведева начал формироваться первый в Украине научный центр по проблемам изучения украинской фразеологии. Кроме работ самого проф. Ф. П. Медведева, стали все чаще появляться труды его учеников, в том числе и кандидатские диссертации. Так, в 1969 г. защитил диссертацию на тему «Фразеологія прозаїчних произведень М. Стельмаха» Л. Г. Авксентьев [100], в 1973 г. – диссертацию на тему «Фразеологія произведень Остапа Вишні» В. Д. Ужченко [101].

Чуть позже увидела свет и книга Ф. П. Медведева «Українська фразеологія. Чому ми так говоримо» [102], в основу которой «положены лекции, прочитанные автором на филологическом факультете Харьковского университета» [103], которая переиздавалась без изменений и дополнений в 1982 г. [104].

Работа состояла из двух частей. Первая из них – «Предмет і завдання фразеології» – имела теоретический характер и посвящена изучению источников и систематизации фразеологического материала в различных сборниках XIX–XX вв., описанию понятия *фразеологическая единица*, к которым автор относил и пословицы, поговорки, крылатые выражения, речевые штампы, каламбуры и подобные языковые единицы, семантической и структурной организации украинской фразеологии. Вторая часть – «Звідки пішли мудрі фразеологічні вислови» – является фактически кратким этимолого-историческим фразеологическим словарем, в котором, кроме толкования значения 205 устойчивых выражений, относящихся к разным временам, начиная от древнейшей эпохи, дается их этимолого-историческая справка, иллюстративный материал из разных источников от эпохи Ивана Котляревского до наших дней (см. рецензию на работу Ф. П. Медведева: [105]).

В 1977 г. в Харькове издано небольшое по объему учебное пособие «Фразеологія сучасної української мови», авторами которого были представители харьковской фразеологической школы, ученики проф. Ф. П. Медведева, Л. Г. Авксентьев, В. С. Калашник и В. Д. Ужченко [106]. В пособии освещаются теоретические вопросы фразеологии, в частности предмет и задачи фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины, взгляды ученых на ее объем и границы и др.

Авторы зачисляют в состав фразеологии не только идиомы, но и пословицы, поговорки, крылатые выражения и афоризмы. Подробно в работе проанализированы семантические, структурные, генетические и стилистические классификации ФЕ, системные отношения полисемии, омонимии, синонимии и

антонимии во фразеологии, разные способы образования украинских ФЕ. Как справедливо замечает И. Ф. Андерш в рецензии на работу: «Это пособие будет полезным как для дальнейшего расширения фразеологических исследований, более углубленного теоретического осмысления языкового материала, так и для практики преподавания фразеологии <...>» [107].

Вопросы фразеологии в 70-е годы XX ст. продолжают быть объектом исследования в диссертационных работах. Так, проблемам исторической фразеологии посвящена докторская диссертация Л. И. Коломиец «Фразеология украинского языка второй половины XVI – первой половины XVII ст. (Генезис и стилистическое использование)» [108]. Как утверждает Л. И. Коломиец, «<...> проблема генезиса – одна из острейших проблем фразеологической теории и практики. Однако она остается наименее разработанной в науке о языке» [109].

Основой для диссертационного исследования стала полемическая литература, хотя для отбора фразеологического материала привлекались и другие источники украинской литературы II пол. XVI – I пол. XVII в.: канонической, дидактической, поэтических произведений, панегирики, интермедии и т.п. На основании тщательного анализа этих памятков Л. И. Коломиец осуществляет попытку определить первоисточники исконной, книжной и заимствованной фразеологии староукраинского языка XVI – XVII вв., не забывая о том, что история ФЕ отнюдь не совпадает с ее письменной фиксацией. Как и в большинстве исследований 70-х годов XX в., в диссертации Л. И. Коломиец описанию подлежат не только идиомы, но и другие устойчивые обороты украинского языка.

Во второй пол. 70-х годов XX ст. защищены две кандидатские диссертации, объектом исследования в которых стали лексико-фразеологическая синонимика [110] и структурно-семантический анализ компаративных ФЕ украинского языка [111].

Среди наиболее значимых достижений украинских ученых-фразеологов в 80-е г. XX в. – монографические труды Я. А. Барана «Основні питання загальної та німецької фразеології» [112], Р. П. Зоривчак «Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія» [113], А. С. Юрченко «Формування фразеологічного фонду української літературної мови (кінець XVIII – початок XIX ст.)» [114], Н. Ф. Алефиренко «Теоретичні питання фразеології» [115], С. Н. Денисенко «Фразообразование в немецком языке (фразеологическая деривация как системный фактор фразообразования)» [116], Б. Н. Ажнюка «Англійська фразеологія в культурно-етнічному висвітленні» [117], В. М. Билоноженко и И. С. Гнатюк «Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів» [118], М. А. Алексеенко «Фразеология ленинской речи и способы ее перевода» [119], докторские диссертации М. Т. Демского [120], А. С. Юрченко [121], Н. Ф. Алефиренко [122].

Работа Я. А. Барана – первое монографическое исследование в Украине, выполненное на фразеологическом материале иностранного языка, в котором творчески обобщаются достижения фразеологии вообще и немецкой фразеологии в частности. Среди важных теоретических проблем фразеологии, которые являются объектом исследования в монографии, – природа значения ФЕ, их семантика,

классификационные схемы, системные связи в сфере фразеологии, ее место в системе языка и т. п. Ученый делает вывод, что «на данном этапе развития фразеологии как науки речь может идти лишь о наличии некоторых системных связей во фразеологии, а не о фразеологической системе или фразеологическом уровне» [123], что противоречит утверждению самого автора о необходимости выделения фразеологии как отдельной микросистемы [124].

Довольно много внимания в монографии уделяется изучению стилистической роли ФЕ в системе изобразительных средств языка. На иллюстрационных примерах из произведений Б. Брехта Я. А. Баран показывает безграничные возможности ФЕ в создании определенного стилистического эффекта художественного произведения (см. рецензию на труд Я. А. Барана: [125]).

Ключевой проблемой теории и практики литературного перевода, как не раз отмечали специалисты, была и остается проблема перевода ФЕ. Тщательно исследовав немало англоязычных переводов украинской художественной литературы, Р. П. Зоривчак одна из первых обратила внимание на ассоциативные лакуны (термин введен в научный оборот Р. П. Зоривчак). Оказалось, например, что украинская *былина* не имеет для англичан того символического значения, которое придается ей в Украине. На основании анализа этого и других подобных примеров автор сформулировала весомый теоретический вывод, связанный с широкой теоретической проблемой литературной адаптации: важный критерий художественности перевода – его соответствие художественно-стилистическим традициям своей речи [126]. Большая часть исследования Р. П. Зоривчак посвящена фактическому анализу типичных средств воспроизведения в переводе семантико-стилистических функций фразеологии оригинала, в частности способам эквивалентности, калькирования, описательному (см. рецензию на работу Р. П. Зоривчак: [127]).

Оригинальным является исследование харьковского фразеолога А. С. Юрченко, который в своих монографии и диссертации описывает фразеологический фонд украинского языка конца XIII – начала XIX вв., – одного из важных этапов в истории украинского литературного языка, этапа становления нового украинского литературного языка на национальной языковой основе, зачинателем которой считается И. П. Котляревский, а основателем – Т. Г. Шевченко.

Фразеологический фонд украинского языка конца XIII – начала XIX вв. изучается в сопоставлении как с фразеологическим фондом II пол. XVII – XVIII вв., так и современного украинского литературного языка. На большом фактическом материале (реестр ФЕ, подлежащих анализу, насчитывает около 45 тыс. фразеологизмов) ученый исследует как ФЕ, функционирующие в украинском литературном языке конца XVIII – начала XIX вв. издревле, так и новые ФЕ, появившиеся в украинском литературном языке исследуемого периода.

Монография и диссертация Н. Ф. Алефиренко посвящены общетеоретическим проблемам фразеологии: сущность фразеологии, место в языковой системе, взаимодействие ФЕ с единицами разных языковых уровней и подобное. Одним из фундаментальных положений этой работы является утверждение Н. Ф. Алефиренко, вслед за М. Т. Демским, об отдельном фразеологическом языковом уровне,

скрупулезное описание оснований для его выделения. Автор показывает, что фразеологическое значение включает в себя, кроме денотативного и сигнификативного компонентов, которые присущи лексическому значению, еще коннотативный компонент. Немало внимания в монографии уделяется особенностям семантико-грамматической категоризации ФЕ, взаимодействия фразеологических и синтаксических единиц (см. рецензии на монографию Н. Ф. Алефиренко: [128, 129]).

Оригинальностью отличается монография Б. Н. Ажнюка, упоминавшаяся выше, в которой ученый исследует английскую фразеологию сквозь призму родного языка, поэтому работа является определенным вкладом в исследование не только английской, но и украинской фразеологии. Подход к фразеологии как к языковому богатству, в котором закодировано этнокультурное лицо нации, – основная черта монографии. Автор разрабатывает методику лингвострановедческого исследования фразеологии. В сопоставительном аспекте описываются ФЕ-маринизмы и компаративные ФЕ. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с национальной спецификой английских ФЕ при переводе английских художественных текстов на украинский язык. «Именно Б. Н. Ажнюку, – справедливо замечает Р. П. Зоривчак в рецензии на работу Б. Н. Ажнюка, – принадлежит первая попытка лингвострановедческого анализа английской фразеологии, первая её монографическая разработка с культурно-этнического взгляда» [130] (см. рецензию на труд Б. Н. Ажнюка: [131]).

Имеющиеся в украинском языкознании пробелы в области теоретического осмысления проблем фразеологии и трансформации ФЕ в художественных текстах удалось частично устранить В. М. Билоноженко и И. С. Гнатюк в монографии «Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів».

В первых двух разделах монографии, используя достижения современной языковедческой теории и практики, В. М. Билоноженко теоретически обосновывает основные модели толкования ФЕ с учетом специфики фразеологического значения, а также структуры, синтаксических функций, парадигматики и особенностей их функционирования.

Различные способы и приемы фразеологических трансформаций всесторонне освещаются И. С. Гнатюк в следующих двух главах монографии. В первой из них содержится обстоятельное изложение теоретических основ исследования семантических трансформаций, собственно семантической и двойной актуализации, во втором – структурно-семантических трансформаций, при которых изменения формы ФЕ влияют на изменения в ее значении. Теория широко иллюстрируется фразеологическим материалом, удачно подобранным из произведений украинских писателей (см. рецензию на труд В. М. Билоноженко и И. С. Гнатюк: [132]).

Отдельно следует сказать о докторской диссертации М. Т. Демского «Українська фраземіка (дериваційна база, семантико-граматичні особливості)» [133], защищенной в 1985 г., которую не утвердила Высшая аттестационная комиссия в Москве по политическим соображениям, прикрывшись бюрократическими циркулярами. В диссертации ученый на большом фактическом материале (почти 17 тыс. ФЕ-иллюстраций, значительную часть которых даже не

фиксируют существующие лексико- и фразеографические источники) описывает семантико-грамматические разряды украинских ФЕ. Весомым является вклад ученого в исследование проблем украинской фразеодериватологии, диалектной фразеологии и т. д.

Забегая вперед, отметим, что тот же специализированный ученый совет в Ужгородском университете почти 10 лет спустя одобрил докторскую диссертацию М. Т. Демского повторно [134], а Высшая аттестационная комиссия уже независимой Украине в начале декабря 1994 г. ее утвердила, хотя диплома доктора филологических наук ученый так и не дождался, как не увидел и выхода в свет своего труда «Українські фраземи й особливості їх творення» [135] (5 января 1995 г. М. Т. Демского не стало).

В 80-е годы XX ст. ощущалась острая потребность в учебных пособиях по фразеологии украинского языка, а потому работы Л. Г. Авксентьева «Сучасна українська мова: Фразеологія» [136] и Н. Ф. Коломийца по фразеологической синонимике [137-139], В. Д. Ужченко «Народження і життя фразеологізму» [140] (о работах В. Д. Ужченко разговор пойдет ниже) в определенной степени заполнили эту лакуну.

Л. Г. Авксентьев немало внимания в своей работе уделяет достижениям в области фразеологии в 50 – 70-е годы XX в., особенно в исследовании ее теоретических проблем и вклада украинских лингвистов. Подробно описываются основные дифференциальные признаки ФЕ, типы их классификаций, системные связи в сфере фразеологии, структурно-грамматические типы ФЕ и подобное. Оригинальным является раздел об истории описания фразеологического материала в лексикографических и фольклористических работах, основах составления фразеологического словаря украинского языка. Кроме того, автор дает образцы словарных статей для фразеологического словаря (подробнее см. рецензию на пособие Л. Г. Авксентьева: [141]).

К сказанному следует добавить, что пособие Л. Г. Авксентьева, изданное в 1983 г., как и второе издание 1988 г. с изменениями и дополнениями [142] (рецензию на второе издание работы Л. Г. Авксентьева см.: [143]), было и остается сегодня важным источником знаний в области образования и фразеологической науки в Украине.

В течение 1986 – 1989 гг., как выше отмечалось, появляются учебные пособия Н. Ф. Коломийца, посвященные различным аспектам фразеологической синонимики и органично дополняющие друг друга. В первом из них описаны фразеологические синонимы глагольного, наречного, прилагательного и существительного типов, во втором – аналогичные лексико-фразеологические разряды, в третьем – теоретические вопросы фразеологической синонимики.

Кроме представленных выше научных и учебно-методических работ, разнообразным проблемам фразеологии украинского, русского и других языков посвящены кандидатские диссертации Л. Г. Бояровой «Синонімія дієслівних фразеологічних одиниць сучасної української літературної мови» [144], И. С. Гнатюк «Трансформація традиційних фразеологізмів у мові сучасної української художньої прози» [145], Н. Н. Ничик «Фразеологические единицы в

системе поэтического словоупотребления В. В. Маяковского (на материале поэм 1914 – 1924 гг.)» [146], В. М. Билоноженко «Фразеологічне значення і способи його розробки в словнику» [147], Е. Г. Конопленко «Адвербіальні фразеологічні одиниці сучасної української мови» [148], Л. Ю. Шевченко «Структурно-семантичні особливості фразеологічних одиниць сурядного типу (на матеріалі української мови)» [149], Л. Ю. Назаренко «Чеська компаративна фразеологія: структура, семантика, функції» [150], П. А. Редина «Фразеологізми з просторовим і часовим значенням у сучасній українській мові» [151] и других украинских ученых.

Журналы «Мовознавство» и «Українська мова і література в школі» в 80-е годы XX ст. все чаще помещают исследования украинских языковедов о фразеологии, расширяется их проблематика (полный перечень публикаций по фразеологии в этих изданиях см. соответственно в работах: [152, 153]).

Отдельно следует сказать о достижениях в 80-е годы XX ст. украинских ученых в области фразеологии. Так, в 1981 г. появляется «Німецько-український фразеологічний словник» В. И. Гаврися и А. П. Пророченко [154], который содержал более 30 тыс. устойчивых выражений немецкого языка, в т. ч. ФЕ. Этот труд до сих пор остается самым полным собранием фразеологического материала немецкого языка в Украине.

Интересно, что при составлении этого словаря авторы использовали не только материал фразеологических словарей немецкого, украинского и русского языков, но и материалы картотеки «Словаря современного немецкого языка», которые предоставили им в пользование ученые тогдашней ГДР, результаты опроса около 200 информантов. Каждая статья словаря содержит многочисленные ремарки, характеризующих значение, коннотацию и структуру устойчивого выражения. Словарь дает возможность пользователю получить сведения о многозначности и синонимии ФЕ, историю их возникновения, сферу применения и т.д. Большинство словарных статей сопровождается иллюстративным материалом из художественных произведений немецких, австрийских и швейцарских писателей (подробнее см. рецензию на словарь В. И. Гаврися и А. П. Пророченко: [155]).

В 1984 г. появляется «Фразеологічний словник української мови» в двух томах Г. М. Удовиченко, в котором насчитывалось около 7,5 тысяч ФЕ [156]. Как справедливо отмечают в своих рецензиях на труд В. М. Мокиенко и Л. А. Симоненко, – «это пока самый полный фразеологический словарь восточнославянской фразеологии» [157], полное собрание «богатств украинской фразеологии, засвидетельствованной в произведениях художественной литературы от И. Котляревского до наших дней» [158].

Автор, разумеется, ставил перед собой задачу – собрать и описать фразеологический фонд украинского литературного языка, в который входят как собственно украинские, так и заимствованные ФЕ, использованные в произведениях украинских писателей. ФЕ в словаре расположены в алфавитном порядке, обозначены грамматическими, функциональными, стилистическими ремарками. К каждой ФЕ дается толкование значения, подтвержденное иллюстрациями из художественной литературы или газетно-журнальных статей. В словарную статью автор включает не только конкретную описываемую ФЕ, но и целый ряд вариантов

и синонимов, ссылки на уже описанные ФЕ. Продуманные ссылки и справочный аппарат позволяют быстро разыскать пользователю нужную ФЕ или ее вариант под любым компонентом.

Первым и пока единственным в Украине трехязычным словарем является «Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь» ужгородских ученых В. И. Лавера и И. В. Зиканя [159], который увидел свет более четверти века назад. Словарь содержит около 4 тыс. употребляемых русских устойчивых выражений, в т. ч. и ФЕ, с украинскими и венгерскими соответствиями. В словарных статьях подается грамматико-стилистическая характеристика устойчивых выражений, а русские единицы сопровождаются еще и иллюстративным материалом.

II пол. 80-х годов XX ст. ознаменовалась выходом в свет «Словника фразеологічних синонімів» Н. Ф. Коломийца и Е. С. Регушевского [160], в котором подается более 300 рядов фразеологических синонимов – ФЕ, тождественных или близких между собой по значению. Словарь рассчитан прежде всего на учителей и учеников средних школ (об этом пишут сами авторы), хотя, конечно, он был и остается необходимым справочным изданием и для специалистов. Словарь дает комментарии семантико-стилистического и грамматического характера как к синонимическому ряду ФЕ в целом, так и по необходимости, к отдельным ФЕ, входящим в ряд; довольно глубоко характеризует явление вариантности во фразеологической системе украинского языка; иллюстрирует реальное функционирование ФЕ в украинском языке (подробнее см. рецензию на словарь Н. Ф. Коломийца и Е. С. Регушевского: [161]).

1990 г. ознаменовался защитой сразу трех докторских диссертаций украинскими учеными-фразеологами Н. Ф. Коломийцем [162], С. Н. Денисенко [163], М. А. Алексеенко [164].

Диссертация Н. Ф. Коломийца о фразеологической синонимике украинского языка была актуальна, ведь немало аспектов этой проблемы оставались без внимания украинских и зарубежных фразеологов, о чем убедительно свидетельствует обзор научных работ, представленный ученым. В работе отмечается, что впервые попытка представить фразеологические синонимы осуществлена А. Павловским в небольшом словаре, доданном к «Грамматике малоросійського нарѣччя». Лексикографические, фразеологические, паремиологические, фольклорные словари украинского языка II пол. XIX – XX вв., делает вывод Н. Ф. Коломиец, иллюстрируют постоянное совершенствование принципов научного описания фразеологических синонимов, увеличение количества синонимических рядов. Если второй раздел диссертации посвящен скрупулезному описанию различных аспектов внутренней синонимии, то третий – изучению синонимических связей между лексическими и фразеологическими единицами.

С. Н. Денисенко в монографии и докторской диссертации исследует один из недостаточно изученных аспектов фразеобразования – деривацию, в основу которой положены ФЕ, другие устойчивые обороты, активно функционирующие в немецком языке. Выделяются четыре основных направления фразеологической деривации: перераспределение, отделение, варьирование и расширение компонентного состава устойчивых оборотов. Автор делает вывод, что

фразеологическая деривация на основе существующей фразеологии позволяет выявить динамику фразеологического состава, лингвистические особенности фразеологической системы, раскрыть внутренние и внешние фразеологические связи (см. рецензию на монографию С. Н. Денисенко: [165]).

Труды М. А. Алексеенко, монография и докторская диссертация, посвященные исследованию принципов и способов перевода на украинский язык ФЕ, других устойчивых оборотов, функционирующих в произведениях В. И. Ленина. Известно, что устойчивые обороты ученые долгое время относили к сфере «невоспроизводимых в переводе». М. А. Алексеенко доказательно аргументировал и практически доказал воспроизводимость подобных единиц средствами близкородственных языков. Автор предлагает определять оптимальное соответствие при переводе ФЕ, других устойчивых оборотов с помощью параметрического комплекса признаков, разрабатывает типологию фразеологических и нефразеологических соответствий (тождество, эквивалент, аналог, калька, лексема, описательный оборот, имплицитное воспроизведение) (см. рецензию на монографию М. А. Алексеенко: [166]).

Третий период в истории изучения фразеологии в Украине совпадает с обретением Украиной независимости – началом 90-х годов. С 1991 г. начинается комплексное исследование фразеологии в прагматическом, культурологическом, идеографическом и других аспектах с привлечением достижений наук, исследующих человеческий феномен. В это время увидели свет монографии Ю. Ф. Прадида «Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень)» [167], Я. А. Барана «Фразеологія у системі мови» [168], А. А. Ивченко «Українська народна фразеологія: ономазіологія, ареали, етимологія» [169].

В 90-х годах XX ст. защищены пять (!) докторских диссертаций по фразеологической проблематике. Так, в 1994 г. защитили диссертации на тему «Історико-лінгвістичний аспект формування української фразеології» В. Д. Ужченко [170] и М. Т. Демский на тему «Українська фраземіка (дериваційна база, семантико-граматичні особливості)» [171], о которой шла речь выше, в 1996 г. – Н. Д. Петрова на тему «Лінгво-гносеологічні основи динаміки фразеологічної номінації (на матеріалі англійської фразеології живої природи)» [172], в 1997 г. – Ю. Ф. Прадид на тему «Проблеми фразеологічної ідеографії (на матеріалі української і російської мов)» [173], 1999 г. – Я. А. Баран на тему «Фразеологія у системі мови» [174].

Ученые-фразеологи не раз обращали внимание на отсутствие работ, которые позволили бы выявить прототипы ФЕ любой микросистемы, характеризующие духовную и материальную жизнь определенного народа, в которых «сфотографированы» характерные черты этнокультуры. Лингво-гносеологические основы динамики фразеологической номинации, образно-ассоциативный потенциал ФЕ с компонентами, обозначающими природные реалии (ботанизмы, зоонимы), которые исследует в докторской диссертации Н. Д. Петрова, как раз позволяют определить причины возникновения большинства ФЕ английского языка с учетом экстралингвистического фактора – этнокультурных факторов. Антропоморфизм таких ФЕ, как показывает анализ, иллюстрирует различные духовные,

нравственные, экологические, прагматические и другие ценности, является основным средством возникновения нового типа косвенной номинации – эоаксеологической номинации.

Органичное сочетание когнитивного подхода, с одной стороны, коммуникативно-функционального, с другой, и герменевтического, с третьей сделало возможным комплексное рассмотрение в монографии и докторской диссертации Ю. Ф. Прадида теоретических проблем фразеологической идеографии, установление места и статуса отдельных фразеологических микросистем в структуре фразеологического состава украинского и русского языков, закономерности создания фразеологических идеографических словарей. «Поскольку монография Ю. Ф. Прадида, – подчеркивает в рецензии на труд А. П. Загнитко, – является таким описанием, где элементы конкретного анализа органически сочетаются с решением общетеоретических задач, это позволяет считать актуальным сам предмет поисков автора и полностью подтвердить новизну выполненного исследования и его незаурядность в современных научных лингвистических поисках» [175] (см. рецензию на монографию Ю. Ф. Прадида: [176]).

В монографии и докторской диссертации Я. А. Барана рассматривается целый ряд проблем – изучение ФЕ как знаков языка, процессов фразеобразования и фразеологической деривации, моделирование / немоделирование ФЕ, определение объема, уровневого статуса и места фразеологии среди лингвистических дисциплин и т. п., без исследования которых невозможно изучение фразеологии как системы в целом. Предложен новый подход к определению системы, в основе которого лежат понятия функционального поля, функциональной исчерпанности, правил функционирования и регулярности взаимодействия единиц, определены онтологические и функциональные свойства ФЕ как виртуальных знаков языковой системы и т. п. (см. рецензию на монографию Я. А. Барана: [177]).

В ономаσιологическом, ареальном и этимологическом аспектах исследуется фразеология украинских народных говоров XVIII – XX ст. в монографии А. А. Ивченко. Народная фразеология изучается как в украинском диалектном континууме, так и в славянском мегаконтинууме (привлекается фразеологический материал почти всех славянских языков). Используются также многие малодоступные, как опубликованные, так и архивные, материалы. Автором предложена новая этимология для большого количества украинских ФЕ.

Труды в области фразеологии луганского ученого В. Д. Ужченко за почти сорок лет заслуживают того, чтобы сказать о них отдельно. Он одним из первых в Украине защитил кандидатскую (1973 г.) и докторскую (1994 г.) диссертации по фразеологии, о которых речь шла выше. В 1988 г. увидело свет пособие В. Д. Ужченко «Народження і життя фразеологізму» [178]). Книга в интересной и популярной форме рассказывает о происхождении и значении многих ФЕ, функционирующих в украинском языке. Хотя и рассчитана работа прежде всего на школьников, любителей украинского слова, однако она, несомненно, полезна для ученых-фразеологов. Через два года в соавторстве с Л. Г. Авксентьевым В. Д. Ужченко издает учебное пособие для филологических факультетов вузов

«Українська фразеологія» [179]. В этом же году опубликована методическая работа «Вивчення фразеології в середній школі» В. Д. Ужченко [180], в которой автор предлагает интересные способы усвоения украинской фразеологии школьниками. Составленная как пособие для учителя, книга нацелена на решение более широких задач: ознакомить учащихся с самыми важными сведениями о фразеологическом богатстве украинского языка. Труд В. Д. Ужченко фактически прошел апробацию, потому что предложенные рекомендации взяты из школьной практики (см. рецензию на пособие В. Д. Ужченко: [181]).

Как и раньше, в начале XXI в. ощущалась острая потребность в учебных пособиях для вузов и средней школы. В. Д. Ужченко выдает две важные работы – «Східноукраїнська фразеологія» [182], «Образи рідної мови» [183]. Впоследствии в соавторстве с Д. В. Ужченко в Луганске [184], а затем и в Киеве [185] выходит учебник «Фразеологія сучасної української мови». О В. Д. и Д. В. Ужченко как фразеографах речь пойдет ниже.

В 90-е годы XX ст. заметных успехов достигла в Украине фразеография. Свообразным продолжением упомянутой выше работы И. С. Олейника и М. М. Сидоренко стал «Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник», который увидел свет в 1991 г. [186] и был переиздан в Харькове в 1997 г. Около 6 тыс. наиболее часто употребляемых в украинском языке ФЕ с их российскими соответствиями составили реестр первой части словаря и примерно столько же второй, русской, части с украинскими соответствиями. Иногда к ФЕ подаются синонимы, ремарки, указывающие на грамматические особенности, стилистические характеристики, сферу распространения, частоту употребления. По сравнению с предыдущим изданием составители существенно доработали реестр словаря. По подсчетам В. Д. Ужченко, «из 71 словарной статьи издания 1978 г., например, на букву «А» в толковом словаре осталось только 27» [187].

В 90-е г. XX ст. В. Д. Ужченко была осуществлена первая попытка систематизировать диалектную фразеологию украинского языка в отдельном словаре [188], который впоследствии выдержал несколько изданий в конце XX – начале XXI в. и о котором речь пойдет ниже.

В начале 90-х г. XX ст. возникла необходимость и в создании словарей индивидуально-авторского использования ФЕ, которые, по мнению А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, помогли выявить сложный процесс взаимодействия узувального и оказионального в сфере фразеологии, зафиксировать различные приемы индивидуально-авторских изменений ФЕ относительно языковой нормы [189]. Сразу нужно сказать, что удачную попытку составить подобный словарь осуществили Н. Н. Ничик и В. М. Ронгинский на фразеологическом материале, отобранном из поэм В. Маяковского [190]. Следует отметить в целом достаточно полное описание ФЕ, включенных в реестр словаря. После ключевого слова-компонента приводится общеязыковая ФЕ, далее – индивидуально-авторский вариант, характеризуются его стилистическая и эмоционально-экспрессивная значимость, подаются некоторые другие параметры (см. рецензию на словарь Н. Н. Ничик и В. М. Ронгинского: [191]).

Достижение в теории и практике фразеографии конца XX в. создало предпосылки для подготовки тематических фразеологических словарей, ведь тематико-идеографический аспект описания ФЕ позволяет в какой-то мере «деформализировать» алфавитное представление статей, принятое в большинстве словарей. Еще В. И. Даль, отстаивая принцип именно тематического, а не алфавитного расположения пословиц и поговорок, подчеркивал, что он создает «<...> целостную картину, в которой более глубокий смысл и значение, чем в одиночных заметках» [192]. Такую же мысль высказывали Р. Халлиг и В. Фон Вартбург, считая, что действительно научная лексикография должна решительно отказаться от принципа алфавитного расположения слов, которое преследует чисто утилитарную цель, и обратиться к принципу расположения лексики по группам, связанным смысловыми узами [193].

Замечание В. И. Даля, Р. Халлига и В. фон Вартбурга в полной мере касается и обработки ФЕ во фразеологических идеографических словарях, поскольку именно тематико-идеографический принцип расположения ФЕ позволяет показать системный характер фразеологического состава языка.

В 1994 г. в Украине появилась первая фразеографическая работа, построенная по тематико-идеографическому принципу – «Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь: Эмоции человека» Ю. Ф. Прадида [194]. Следует подчеркнуть, что этот словарь принадлежит к словарям комбинированного типа, потому что является не только идеографическим, но и переводным, и толковым. В словаре представлено 414 украинских и 339 русских ФЕ, объединенных в 13 тематических разрядов. Он содержит характеристику как тематического разряда вообще, так и его каждой ФЕ с толкованием и богатым иллюстративным материалом, который отражает ее функционирования в украинском и русском языках. К сказанному следует добавить, что при написании словаря широко учитывались достижения современной психологической науки в области эмоций человека.

В 1998 г. увидел свет «Фразеологічний словник української мови», составленный В. Д. и Д. В. Ужченко [195], который содержит около 2,5 тыс. употребляемых ФЕ и предназначен прежде всего для учащихся средней школы, чем обусловлены определенные ограничения в отборе и описании ФЕ. В словаре подается толкование значения ФЕ, их грамматическая и стилистическая характеристики, приводятся синонимические, а иногда и антонимические ФЕ, поданы краткие историко-этимологические и культурно-этнические комментарии.

Динамично начала развиваться фразеология с начала XXI в. Увидели свет монографии Н. В. Гамзюка «Емотивний компонент значення у процесі створення фразеологічних одиниць (на матеріалі німецької мови)» [196], Е. А. Селивановой «Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти)» [197], Е. П. Левченко «Фразеологічна символіка: лінгвокультурологічний аспект» [198], Ю. Ф. Прадида «У царині лінгвістики і права» [199], М. В. Жуйковой «Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов» [200], К. И. Мизина «Компаративна фразеологія» [201] и «Людина в дзеркалі компаративної фразеології» [202], В. И. Школяренко «Становлення фразеологічної

картини світу німецької мови (на матеріалі писемних пам'яток УІІ – ХУІІ ст.)» [203] и некоторые другие. Кроме того, защитили докторские диссертации по фразеологической проблематике Н. В. Гамзюк [204], Е. П. Левченко [205], М. В. Жуйкова [206], В. И. Школяренко [207].

Монография и диссертация Н. В. Гамзюка посвящены изучению роли эмотивности в процессе образования ФЕ немецкого языка. На основе анализа онтологических и гносеологических особенностей эмотивности ученый делает вывод о дискретном характере этого компонента, составными частями которого являются эмотивная оценочность, эмотивный тон, интенсивность и продолжительность, обосновывает существование двух типов эмотивно-маркированных единиц (см. рецензию на монографию М. В. Гамзюк: [208]).

В монографии Е. А. Селивановой предложена новая концепция мотивационных процессов ФЕ, основой которой является соотношение ономазиологичних структур ФЕ и составляющих этносознания в проекции на культуру народа, его традиции, обычаи, обряды, верования и тому подобное. В частности, рассматриваются семиотические механизмы стереотипизации представлений украинского этноса о мире и их детерминация культурными и психоментальными факторами, прослеживаются особенности и факторы парадоксального обозначения ФЕ фрагментов концептосистемы народа и т. п.

В монографии и докторской диссертации Е. П. Левченко обосновываются механизмы фразеобразования, основанные на метафоре и метонимии, определяется роль символа в создании ФЕ, выявляются закономерности построения фразеологических картин мира, выясняются корреляции между концептами и символами и т. п. На материале русского и украинского языков исследуются особенности языковой репрезентации культурно значимых концептов ФЕ – символика соматизмов, растительного и животного мира, названий продуктов питания и др.

В монографии Ю. Ф. Прадида осуществляется попытка решить ряд теоретических проблем фразеологии сквозь призму современных лингвистических парадигм, анализируются теоретические и практические основы словарной обработки ФЕ и подобное. Особое внимание уделяется идеографическим аспектам изучения фразеологии на материале русского и украинского языков (см. рецензию на монографию Ю. Ф. Прадида: [209]).

М. В. Жуйкова в монографии и докторской диссертации исследует актуальные вопросы диахронии фразеологии украинского и русского языков на фоне других славянских языков. Фразеология презентуется как открытая динамическая система, в которой нежестко действуют определенные закономерности, поэтому эволюция фразеологической системы имеет недетерминированный характер. Исследовательница предлагает классификацию идиом, основанную на механизмах их образования, освещает историю возникновения некоторых восточнославянских ФЕ и паремий с учетом широкого культурного контекста.

Монографии К. И. Мизина посвящены проблеме лингвокультурологического изучения фразеологических микросистем в сопоставительном аспекте, в частности компаративной фразеологии английского, немецкого, украинского и русского

языков. Акцентируется внимание на установлении глубинных связей между фразеологией и национальным менталитетом, описываются типы межъязыковых фразеологических эквивалентов генетически и типологически различных языках, основательно исследуются системные принципы компаративной фразеологии как универсального языкового феномена и др. (см. рецензии на монографии К. И. Мизина: [210], [211]).

Монография и диссертационное исследование В. И. Школяренко посвящены изучению лингвокультурологического аспекта становления фразеологической системы немецкого языка в течение длительного времени – VIII – XVII вв. Такой подход предусматривает разносторонний системный анализ развития фразеологического состава немецкого языка на отдельных временных срезах с целью определения общих тенденций. Особое внимание уделяется национально-культурной детерминированности ФЕ. Исследование этих и других проблем В. И. Школяренко в определенной мере заполняет лакуны в изучении фразеологии немецкого языка в диахронном аспекте.

Теперь о развитии фразеологии в XXI в.

Первым словарем, который появился в Украине в начале нового тысячелетия, был «Словник фразеологічних антонімів української мови» В. С. Калашника и Ж. В. Колоиз [212], в котором дается характеристика как структурно однотипных, так и структурно разнотипных конструкций, дифференцируемых противоположной семантикой, а также знаками одной логической сущности, т. е. собственно фразеологической антонимии. В словарных статьях не только объясняется значение фразеологических антонимов, но и поданы синонимы к ним.

Начало XXI в. ознаменовалось также появлением трех фразеологических работ, в которых систематизируется ареальная фразеология – «Фразеологічного словника східнословобожанських і степових говірок Донбасу» В. Д. и Д. В. Ужченко [213], «Фразеологічного словника говірок Нижньої Наддніпряни» В. А. Чабаненко [214], «Фразеологічного словника говірок Житомирщини» Г. М. Добролюжи [215].

Несколько слов о каждой из них.

В 2000 и 2002 гг. были напечатаны третье и четвертое издание «Фразеологічного словника східнословобожанських і степових говірок Донбасу» В. Д. и Д. В. Ужченко. Последний вариант – пятое издание – появился как исправленное и расширенное издание предыдущих фразеологических изданий В. Д. и Д. В. Ужченко. Реестр словаря – это 4727 оборотов для обозначения понятий, связанных с бытом, видами хозяйственной деятельности, обычаями, верованиями, обрядами, живой речью сел и городов Донбасса. Статьи поданы в алфавитном порядке стержневых компонентов и одновременно по стержневому принципу.

В 2001 г. увидел свет еще один словарь ареальной фразеологии – «Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпряни» В. А. Чабаненко, в котором насчитывается около 3 тыс. устойчивых оборотов, в т. ч. и ФЕ, собранных на протяжении 1952 – 1998 гг. в Днепропетровской, Запорожской и Херсонской областях, и дополнен изречениями из фольклорно-этнографических и

диалектологических записей И. Манжуры, Я. Новицкого, Д. Яворницкого, А. Курило и др. В реестр словаря вошли прежде всего разговорно-просторечные ареальные обороты, подавая которые автор пытался сохранить их диалектные фонетические, словообразовательные, грамматические и лексические особенности [216].

«Фразеологічний словник говірок Житомирщини» Г. М. Добролюжи – результат плодотворной многолетней работы, первое печатное издание, в котором упорядочено свыше 7 тыс. ФЕ, функционирующих на территории Житомирщины. Словарь состоит из двух частей: первая – алфавитный фразеологический словарь, в котором ФЕ размещаются по алфавиту стержневого слова, вторая – идеографический фразеологический словарь, в котором ФЕ подаются по тематическим микросистемам.

В 2004 г. в Украине увидел свет словарь комбинированного типа – «Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь» А. М. Эмировой, который является и переводным, и учебным, и синонимичным [217]. Словарь содержит 900 идиом русского языка и их 600 крымскотатарских соответствий – эквивалентов и аналогов. Словарные статьи структурируются следующим образом: в российской части – ФЕ в основной форме, грамматические, стилистические и эмоционально-экспрессивные характеристики, толкование значения; в крымскотатарской части – ФЕ тоже в основной форме, такие же характеристики, как и в российской части, а также иллюстративный материал (ФЕ в тексте). В конце словарных статей поданы при наличии синонимические ряды в двух языках.

В I пол. 10-х годов XXI ст. появились еще три работы переводного типа – «Українсько-французький і французько-український фразеологічний словник» М. А. Венгранивской [218] и «Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов» Н. Е. Каики и Л. П. Кофановой [219], в которых предметом сопоставительного описания впервые избирается французская фразеология. Если первая из них рассчитана на учеников и учителей средней школы, то вторая – на тех пользователей, кто в достаточной степени владеет литературными нормами русского и французского языков и их стилистическими средствами. В словаре Н. Е. Каики и Л. П. Кофановой подано 16 тыс. семантизированных устойчивых оборотов русского языка, в т.ч. ФЕ, и почти 23,5 тыс. их французских эквивалентов.

Интенсивное развитие исследований в области фразеологии создало благоприятные предпосылки для развития фразеологического состава за счет фразеологической деривации на основе имеющихся в языке ФЕ. Впервые в отечественной практике создать словарь, в котором бы описывались подобные процессы, удалось С. Н. Денисенко, которая составила «Німецько-українсько-російський словник-довідник (Словник-довідник із фразеологічної деривації на основі існуючої фразеології німецької мови з перекладом прикладів на українську та російську мови)» [220].

Словарь содержит 400 исходных устойчивых оборотов немецкого языка, представленных в алфавитном порядке стержневых компонентов и их 1240 дериватов. Словарная статья состоит из двух частей. В первой из них

приводятся данные о происхождении выражения, подтвержденные как минимум двумя источниками, во второй – производные обороты под порядковым номером для наглядного представления об их фразеобразовательном источнике (см. рецензию на словарь С. Н. Денисенко: [221]).

Оригинальный в своем роде фразеографический труд, составленный А. И. Скопненко и Т. В. Цимбалюк «Фразеологія перекладів Миколи Лукаша: Словник-довідник» [222]. Это первая в истории отечественной фразеографии попытка наиболее глубоко описать индивидуально-авторские переводы ФЕ и других устойчивых оборотов (более 6 тыс. единиц) в языке художественных произведений английской, французской, итальянской, испанской и других европейских литератур, а шире – передать мировоззрение других народов, выраженное средствами родного языка, языка украинского. Это сверхсложная задача, поэтому неслучайно для выяснения этого феномена избрано творчество М. Лукаша, имя которого стало символом вершинных достижений украинской школы художественного перевода во II пол. XX в.

Продолжая традицию, начатую симферопольскими учеными Н. Н. Ничик и В. М. Ронгинским в 1991 г., которые составили словарь на фразеологическом материале из поэм В. Маяковского, тернопольские ученые во главе с С. Е. Панцё создали справочник «Фразеологізми у творах Богдана Лепкого» [223] – первый словарь, в котором описываются устойчивые обороты, употребленные в сочинениях украинского писателя. Словарная статья содержит заглавный компонент, реестровый оборот с его вариантами, толкования, цитаты-иллюстрации из произведений Б. Лепкого.

И, наконец, о двух важнейших фразеографических трудах, увидевших свет на рубеже тысячелетий. Имеем в виду академические издания «Фразеологічного словника української мови» [224] и «Словника фразеологізмів української мови» [225] – наиболее полные собрания фразеологического состава украинского языка на сегодня. Реестр первого словаря насчитывает около 10 тыс. ФЕ, второго – около 8 тыс. ФЕ, в которых поданы различные вариантные формы. Достаточно внимания в словарях уделено характеристике грамматических свойств ФЕ, широко представлена иллюстративная часть. Кроме того, в «Словнику фразеологізмів української мови» имеется указатель, в котором отражен каждый знаменательный компонент ФЕ с отсылкой и указанием на место обработки реестровой ФЕ. Эти два словаря, безусловно, являются нужными и полезными справочниками, без которых не могут обойтись ученые, писатели, переводчики, учителя-словесники как в Украине, так и за ее пределами (см. рецензию на «Словник фразеологізмів української мови»: [226]).

Таким образом, высказанные выше соображения позволяют резюмировать, что за 60 лет развития фразеологии как отдельной лингвистической науки в Украине достигнуты заметные успехи в решении ее теоретических и практических проблем.

Список літератури

1. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии / Б. А. Ларин // Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике: Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. – Л., 1956. – № 198. – С. 200–201.
2. Гаврин С. Г. Фразеология современного русского языка: В аспекте теории отражения: Учебное пособие по спецкурсу для филологов / Гаврин С. Г. – Пермь, 1974. – С. 16.
3. Москаленко Н. А. З історії дослідження української фразеології / Н. А. Москаленко // Українська мова і література в школі. – 1967. – № 10. – С. 22–26.
4. Медведев Ф. П. Фразеологія – багатющій скарб і невичерпне джерело народної мудрості та культури / Ф. П. Медведев // Підсумки і проблеми наукового вивчення української мови в повоєнний період. – К., 1967.
5. Скрипник Л. Г. Основні аспекти дослідження лексики і фразеології української мови / Л. Г. Скрипник // Мовознавство на Україні за п'ятдесят років. – К., 1967. – С. 79–102.
6. Скрипник Л. Г. Фразеологія / Л. Г. Скрипник // Сучасна українська літературна мова: Лексика і фразеологія / За заг. ред. акад. І. К. Білодіда. – К., 1973. – С. 331–435.
7. Медведев Ф. П., Юрченко А. С. Состояние изученности украинской фразеологии, актуальные задачи ее дальнейшего исследования / Ф. П. Медведев, А. С. Юрченко // Труды Самаркандского ун-та. – № 288. – Вопросы фразеологии. – 1975. – Вып. 9. – С. 30–40.
8. Чередниченко І. Г. Нариси з української фразеології (з російсько-українськими паралелями): Прийменникові конструкції / І. Г. Чередниченко. – К., 1952. – Ч. 1. – С. 7.
9. Чередниченко І. Г. Там само. – С. 5.
10. Чередниченко І. Г. Там само. – С. 7.
11. Скрипник Л. Г. Лексика и фразеология украинской советской художественно-исторической прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Л. Г. Скрипник. – К., 1953.
12. Богдан Н. М. Фразеология художественной прозы М. М. Коцюбинского: Автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Н. М. Богдан. – К., 1956.
13. Добржанская Л. И. Фразеология языка Шевченко: Автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Л. И. Добржанская. – Харьков, 1957.
14. Білодід І. К. Из спостережень над фразеологією української прози післявоєнного періоду / І. К. Білодід // Мовознавство. – 1953. – Т. 12. – С. 17–50.
15. Крижанівська Н. О. Фразеологічні звороти в романі П. Мирного «Хіба ревуть воли, як ясла повні» / Н. О. Крижанівська // Українська мова в школі. – 1956. – № 1. – С. 37–40.
16. Шадура В. О. Лексика і фразеологія поезій П. Г. Тичини / В. О. Шадура // Українська мова в школі. – 1957. – № 1. – С. 22–27.
17. Сенчук Г. В. Фразеологічні вирази в творах Олекси Тесленка / Г. В. Сенчук // Українська мова в школі. – 1958. – № 2. – С. 28–32.
18. Бондар Б. І. Синтаксична структура і функції фразеологізмів у художній прозі І. Я. Франка / Б. І. Бондар // Тези доповідей міжвузівської наукової конференції з проблем синтаксису української мови. – Чернівці, 1956.
19. Удовиченко Г. М. Спостереження над використанням лексики і фразеології в українській радянській драматургії 30 – 40 років / Г. М. Удовиченко // Наукові записки Ужгородського державного університету. – Ужгород, 1957. – Т. 24.
20. Тофан М. С. Фразеологический состав новелл В. Стефаника / М. С. Тофан // Тезисы докладов 13-й отчетной научной сессии профессорско-преподавательского состава Черновицкого госуниверситета. – Черновцы, 1957.
21. Богдан М. М. Из спостережень над роботою М. Коцюбинського при вдосконаленні текстів (використання фразеологізмів) / М. М. Богдан // Філологічний збірник Житомирського педінституту, присвячений IV Міжнародному з'їзду славістів. – Житомир, 1958.
22. Григорук О. П. Фразеологічні засоби сатири і гумору в художніх творах Леся Мартовича / О. П. Григорук // Праці Одеського державного університету: Серія «Філологічні науки». – Одеса, 1958. – Т. 148. – Вип. 8.
23. Шляхов О. М. Фразеологізми у мові сучасних українських фейлетонів / О. М. Шляхов // Наукові записки Станіславського педагогічного інституту: Серія філологічна. – Станіслав, 1959. – Т. 2.
24. Сергеев В. М. Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной в СРСР с 1918

- по 1961 г. / В. М. Сергеев // Проблемы фразеологии. – М.; Л. : Наука, 1964. – С. 255–309.
25. Фразеологічний словник англійської мови з українськими відповідниками / Укладач К. Т. Баранцев. – К., 1956.
 26. Вирган І., Пилинська М. Російсько-український фразеологічний словник / І. Вирган, М. Пилинська // Прапор. – 1958. – № 9. – 1971. – № 10.
 27. Прапор. – 1971. – № 10. – С. 112.
 28. Вирган І., Пилинська М. Російсько-український словник сталих виразів / За ред. М. Ф. Наконечного. – Харків : Прапор, 2009. – 864 с.
 29. Мариниченко В. Т. Фразеологізми та їх роль у байках Глібова / В. Т. Мариниченко // Лексикографічний бюлетень. – К., 1960. – Вип. 7.
 30. Яскевич К. О. Про деякі особливості використання фразеології в романі П. Козланюка «Юрко Крук» / К. О. Яскевич // Питання мови і літератури. – Львів, 1960.
 31. Дідик С. С. Фразеологізми та їх стилістична роль у памфлетах Я. Галана / С. С. Дідик // Наукові записки Львівського педінституту. – Львів, 1960. – Т. 16.
 32. Сизько А. П. Фразеологія творів А. Тесленка / А. П. Сизько // Научные записки Днепропетровского университета: сб. работ филфака. – Днепропетровск, 1960. – Т. 70. – Вип. 17. – С. 131–143.
 33. Москаленко Н. А. Спостереження над фразеологічним матеріалом романів М. Стельмаха («Кров людська – не водиця». «Велика рідня») / Н. А. Москаленко // Праці Одеського держуніверситету: Серія філологічних наук. – Одеса, 1963. – Т. 152. – Вип. 16.
 34. Москаленко Н. А. Індивідуально-авторське оновлення фразеологізмів у романах О. Гончара «Прапорнощі» і «Людина і зброя» / Н. А. Москаленко // Тези наукової конференції Одеського університету. – Одеса, 1965. – С. 18–20.
 35. Ройзензон Л. И., Бушуй А. М. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии / Л. И. Ройзензон та ін. – Самарканд, 1971. – Вип. II. – С. 176–198.
 36. Рожанський А. Я. Фразеологічні вирази / А. Я. Рожанський // Українська мова в школі. – 1956. – № 2. – С. 17–21.
 37. Ларін Б. О. Про народну фразеологію / Б. О. Ларін // Українська мова в школі. – 1959. – № 5. – С. 30–36.
 38. Горбачевич К. С. Про вживання терміна фразеологія / К. С. Горбачевич // Українська мова в школі. – 1962. – № 3. – С. 8–11.
 39. Бабкін О. М. Про природу і характер фразеологічних одиниць / О. М. Бабкін // Українська мова в школі. – 1962. – № 3. – С. 11–16.
 40. Осовецька Л. С., Сільвестрова К. М. Фразеологічний словник німецької мови / Л. С. Осовецька та ін. – К., 1964. – 715 с.
 41. Удовиченко Г. М. Предмет фразеології та семантичні типи фразеологізмів / Г. М. Удовиченко // Українська мова і література в школі. – 1965. – № 2. – С. 20–24.
 42. Матвієнко А. М. Фразеологічні синоніми і варіанти / А. М. Матвієнко // Українська мова і література в школі. – 1965. – № 8. – С. 16–20.
 43. Муқан Г. М. Лексичний склад українсько-російських фразеологічних відповідників / Г. М. Муқан // Українська мова і література в школі. – 1966. – № 9. – С. 24–26.
 44. Москаленко Н. А. Фразеологізми антропонімічного походження в українській мові / Н. А. Москаленко // Тези IV республіканської ономастичної конференції. – К., 1969.
 45. Масюкевич О. М. Займенникові фразеологізми / О. М. Масюкевич // Українська мова в школі. – 1962. – № 4. – С. 12–22.
 46. Муқан Г. М. Структура і синтаксична роль фразеологізмів / Г. М. Муқан // Українська мова і література в школі. – 1968. – № 5. – С. 13–20.
 47. Чак Є. Д. Матеріали для позакласної роботи з фразеології / Є. Д. Чак // Українська мова і література в школі. – 1968. – № 6. – С. 52–58.
 48. Чак Є. Д. Матеріали для позакласної роботи з фразеології / Є. Д. Чак // Українська мова і література в школі. – 1969. – № 3. – С. 60–63.
 49. Демський М. Т. Збагачення мови учнів фразеологізмами / М. Т. Демський // Українська мова і література в школі. – 1969. – № 3. – С. 57–60.
 50. Дорошенко М. І. Про лексико-фразеологічну роботу на уроках / М. І. Дорошенко // Українська

- мова і література в школі. – 1969. – № 5. – С. 54–57.
51. Удовиченко Г. М. Принципи укладання «Словника фразеологізмів української мови / Г. М. Удовиченко // Тези доповідей IV міжвузівської республіканської славистичної конференції. – Одеса, 1961.
 52. Грицак М. А. Подача фразеологічного матеріалу в регіональних словниках / М. А. Грицак // Тези доповідей до XIX наукової конференції. – Ужгород, 1965.
 53. Батюк Н. О. Фразеологічний словник / Н. О. Батюк. – К. : Радянська школа, 1966. – 235 с.
 54. Чак Є. Д. Батюк Н. О. Фразеологічний словник (рецензія) / Є. Д. Чак, Н. О. Батюк // Українська мова і література в школі. – 1966. – № 9. – С. 83–85.
 55. Англо-український фразеологічний словник / Укладач Баранцев К. Т. – К., 1969. – 1052 с.
 56. Скнар В. Англо-український фразеологічний словник / Укладач К. Т. Баранцев (рецензія) // Мовознавство. – 1972. – № 1. – С. 88–91.
 57. Удовиченко Г. М. Словник українських ідіом / Г. М. Удовиченко. – К. : Радянська школа, 1968. – 463 с.
 58. Чак Є. Д. Словник українських ідіом. Уклад Г. М. Удовиченко (рецензія) / Э. Д. Чак // Українська мова і література в школі. – 1969. – № 3. – С. 85–87.
 59. Ройзензон Л. Словник українських ідіом. Уклад Г. М. Удовиченко (рецензія) / Л. Ройзензон // Мовознавство. – 1969. – № 4. – С. 91–95.
 60. Скрипник Л. Із таємниць фразеології: про вислів березова каша Л. Скрипник // Мовознавство. – 1967. – № 2. – С. 85.
 61. Скрипник Л. Із таємниць фразеології: про вислови топтати ряст, від дошки до дошки / Л. Скрипник // Мовознавство. – 1967. – № 4. – С. 85–86.
 62. Скрипник Л. Із таємниць фразеології: ні кола ні двора / Л. Скрипник // Мовознавство. – 1968. – № 1. – С. 56–57.
 63. Скрипник Л. Із таємниць фразеології: накрити мокрим рядном, плести (правити) смаленого дуба / Л. Скрипник // Мовознавство. – 1968. – № 2. – С. 75–76.
 64. Скрипник Л. Із таємниць фразеології: про вислів розбити горщика (глека) з кимось / Л. Скрипник // Мовознавство. – 1968. – № 3. – С. 68–69.
 65. Скрипник Л. Із таємниць фразеології: видно (знати, пізнати) пана по халявах // Мовознавство. – 1968. – № 4. – С. 80–82.
 66. Скрипник Л. Із таємниць фразеології: стрибати у гречку // Мовознавство. – 1968. – № 5. – С. 76–78.
 67. Скрипник Л. Із таємниць фразеології: не бачити смаленого вовка / Л. Скрипник // Мовознавство. – 1969. – № 1. – С. 68–70.
 68. Скрипник Л. Із таємниць фразеології: хоч тури гони, зглядається (ззирається, видивляється), як на тура / Л. Скрипник // Мовознавство. – 1969. – № 3. – С. 83–85.
 69. Медведєв Ф. П. Скарби української фразеології / Ф. П. Медведєв // Мовознавство. – 1967. – № 5. – С. 69–74.
 70. Денисов І. Г. Із таємниць фразеології: про вислів обух сталиць / І. Г. Денисов // Мовознавство. – 1968. – № 3. – С. 69.
 71. Коломієць Л., Майборода А. Із таємниць фразеології: кучму дати / Л. Коломієць, А. Майборода // Мовознавство. – 1968. – № 5. – С. 78–80.
 72. Коломієць Л., Майборода А. Із таємниць фразеології: шапка як гніздове слово фразеологізмів / Л. Коломієць, А. Майборода // Мовознавство. – 1969. – № 2. – С. 78–80.
 73. Скрипник Л. Г. Видозміни форми фразеологічних одиниць / Л. Г. Скрипник // Мовознавство. – 1969. – № 4. – С. 3–14.
 74. Скрипник Л. Г. Видозміни форми фразеологічних одиниць / Л. Г. Скрипник // Мовознавство. – 1969. – № 6. – С. 12–19.
 75. Демський М. Т. Дієслівна фразеологія з двопозиційним оточенням в українській мові. / М. Т. Демський // Мовознавство. – 1969. – № 6. – С. 38–41.
 76. Проблемы фразеологии и составления фразеологических словарей: Материалы 9-го Всесоюзного координационного совещания. – Баку, 1968.
 77. Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – М.; Л. : Наука, 1964. – 318 с.
 78. Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967.

79. Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1968.
80. Труды Самаркандского ун-та. – Вопросы фразеологии. – 1970. – Вып. 178.
81. Вопросы семантики фразеологических единиц. – Новгород, 1971. – Ч. 1.
82. Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1972.
83. Труды Самаркандского ун-та. – № 288. – Вопросы фразеологии. – 1975. – Вып. 9.
84. Питання фразеології східнослов'янських мов. – К., 1972. – 175 с.
85. Демский М. Т. Глагольная фразеология в современном украинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. Наук / М. Т. Демский. – Львов, 1970.
86. Демский М. Т. Там само. – С. 4.
87. Бабич Н. Д. Фразеологія української мови: Навчальний посібник: У 2 ч / Н. Д. Бабич. – Чернівці, 1970 – 1971. – Ч. 1. – 63 с.; Ч. 2. – 90 с.
88. Бабич Н. Д. Соотношение общенародного и узколокального в фразеологии украинского языка: Автореф. ... дис. канд. филол. Наук / Н. Д. Бабич. – Одесса, 1972. – 21 с.
89. Бабич Н. Д. Фразеологія української мови... – Ч. 2. – С. 6.
90. Олійник І. С., Сидоренко М. М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / І. С. Олійник, М. М. Сидоренко. – К., 1971.
91. Олійник І. С., Сидоренко М. М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / І. С. Олійник, М. М. Сидоренко. – 2-е вид., доп. та перероб. – К. : Радянська школа, 1978. – 447 с.
92. Москаленко Н. А. Олійник І. С., Сидоренко М. М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник (рецензія) Н. А. Москаленко та ін. // Українська мова і література в школі. – 1971. – № 11. – С. 93.
93. Скрипник Л. Г. Фразеологія української мови / Л. Г. Скрипник. – К. : Наукова думка, 1973. – 279 с.
94. Коваль А. Скрипник Л. Г. Фразеологія української мови (рецензія) / А. Коваль, Л. Скрипник // Мовознавство. – 1973. – № 3. – С. 91–94.
95. Карпова В. Л., Олійник І. С. Скрипник Л. Г. Фразеологія української мови (рецензія) / В. Л. Карпова та ін. // Українська мова і література в школі. – 1973. – № 10. – С. 88–91.
96. Коваль А. Скрипник Л. Г. Фразеологія... – С. 91.
97. Скрипник Л. Г. Фразеологія... – С. 331–435.
98. Скрипник Л. Г. Фразеология украинского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. Г. Скрипник. – К., 1974. – 79 с.
99. Жуйкова М. В. Генеза образної предикації в етнолінгвістичному аспекті: Автореф. дис. ... д-ра філол. наук / М. В. Жуйкова. – К., 2009. – 36 с.
100. Авксентьев Л. Г. Фразеология прозаических произведений М. Стельмаха: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Г. Авксентьев. – Харьков, 1969.
101. Ужченко В. Д. Фразеология произведений Остапа Вишни: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Д. Ужченко. – Харьков, 1973.
102. Медведев Ф. П. Українська фразеологія. Чому ми так говоримо / Ф. П. Медведєв. – Харків : Вища школа, 1977. – 232 с.
103. Медведев Ф. П. Там само. – С. 3.
104. Медведев Ф. П. Українська фразеологія. Чому ми так говоримо / Ф. П. Медведєв. – 2-е вид., стереотип. – Харків : Вища школа, 1982. – 231 с.
105. Колесник Г. Медведев Ф. Українська фразеологія. Чому ми так говоримо (рецензія) / Г. Колесник, Ф. Медведєв // Мовознавство. – 1978. – № 3. – С. 85–87.
106. Авксентьев Л. Г., Калашник В. С., Ужченко В. Д. Фразеологія сучасної української мови / Л. Г. Авксентьев та ін. – Харків : Вища школа, 1977. – 65 с.
107. Андерш Й. Авксентьев Л. Г., Калашник В. С., Ужченко В. Д. Фразеологія сучасної української мови (рецензія) / Й. Андерш та ін. // Мовознавство. – 1978. – № 4. – С. 86.
108. Коломиец Л. И. Фразеология украинского языка второй половины XVI – первой половины XVII вв. (генезис и стилистическое использование): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. И. Коломиец. – К., 1978. – 48 с.
109. Коломиец Л. И. Там само. – С. 2.
110. Коломиец Н. Ф. Лексико-фразеологическая синонимика украинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Ф. Коломиец. – Днепропетровск, 1977. – 24 с.

111. Алефіренко Н. Ф. Структурно-семантичний аналіз компаративних фразеологізмів сучасного українського мови: Автореф. дис. ... канд. філол. наук / Н. Ф. Алефіренко. – К., 1978. – 24 с.
112. Баран Я. А. Основні питання загальної та німецької фразеології / Я. А. Баран. – Львів : Вища школа, 1980. – 156 с.
113. Зорівчак Р. П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія / Р. П. Зорівчак. – Львів : Вища школа, 1983. – 175 с.
114. Юрченко О. С. Формування фразеологічного фонду української літературної мови (кінець XVIII – початок XIX ст.) / О. С. Юрченко. – Харків : Вища школа, 1984. – 208 с.
115. Алефіренко М. Ф. Теоретичні питання фразеології / М. Ф. Алефіренко. – Харків : Вища школа, 1987. – 135 с.
116. Денисенко С. Н. Фразообразование в немецком языке (фразеологическая деривация как системный фактор фразообразования) / С. Н. Денисенко. – Львов : Вища школа, 1988. – 197 с.
117. Ажнюк Б. М. Англійська фразеологія в культурно-етнічному висвітленні / Б. М. Ажнюк. – К. : Наукова думка, 1989. – 136 с.
118. Білоноженко В. М., Гнатюк І. С. Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів / В. М. Білоноженко та ін. – К., 1989. – 156 с.
119. Алексеенко М. А. Фразеология ленинской речи и способы ее перевода / М. А. Алексеенко. – Львов : Вища школа, 1989. – 206 с.
120. Демський М. Т. Українська фраземіка (дериваційна база, семантико-граматичні особливості): Автореф. дис. ... д-ра філол. наук / М. Т. Демський. – Ужгород, 1985.
121. Юрченко А. С. Формування фразеологічного фонду українського літературного мови (кінець XVIII – початок XIX вв.): Автореф. дис. ... д-ра філол. наук / А. С. Юрченко. – К., 1986. – 46 с.
122. Алефіренко Н. Ф. Фразеологічне взаємодія мовних рівнів: Автореф. дис. ... д-ра філол. наук / Н. Ф. Алефіренко. – К., 1989. – 39 с.
123. Баран Я. А. Основні питання... – С. 96.
124. Баран Я. А. Там само. – С. 7.
125. Бублик В., Баран Я. Основні питання загальної та німецької фразеології (рецензія) / В. Бублик, Я. Баран // Мовознавство. – 1982. – № 2. – С. 75–76.
126. Зорівчак Р. П. Фразеологічна одиниця... – С. 28.
127. Тищенко К., Зорівчак Р. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія (рецензія) / К. Тищенко, Р. Зорівчак // Мовознавство. – 1984. – № 4. – С. 76–79.
128. Баранник Д., Коломієць М. Фразеологічне в аспекті взаємодії різних мовних рівнів Алефіренко М. Ф. Теоретичні питання фразеології (рецензія) / Д. Баранник, М. Коломієць // Мовознавство. – 1988. – № 3. – С. 77–78.
129. Лисиченко Л. А., Тимченко І. В. Алефіренко М. Ф. Теоретичні питання фразеології (рецензія) / Л. А. Лисиченко та ін. // Українська мова і література в школі. – 1988. – № 8. – С. 77–78.
130. Зорівчак Р. Фразеологія в лінгвокрасназничому аспекті. Ажнюк Б. М. Англійська фразеологія в культурно-етнічному висвітленні (рецензія) / Р. Зорівчак // Мовознавство. – 2004. – № 1. – С. 76.
131. Зорівчак Р. Там само. – С. 76–78.
132. Регушевський Є. Актуальні проблеми фразеології та фразеології. Білоноженко В. М., Гнатюк І. С. Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів. (рецензія) / Є. Регушевський // Мовознавство. – 1991. – № 1. – С. 75–78.
133. Демський М. Т. Українська фраземіка...
134. Демський М. Т. Українська фраземіка (дериваційна база, семантико-граматичні особливості): Автореф. дис. ... д-ра філол. наук / М. Т. Демський. – Ужгород, 1994. – 46 с.
135. Демський М. Українські фраземи й особливості їх творення / М. Демський. – Львів : Просвіта, 1994. – 62 с.
136. Авксентьев Л. Г. Сучасна українська мова: Фразеологія / Л. Г. Авксентьев. – Харків : Вища школа, 1983. – 137 с.
137. Коломієць М. П. Фразеологічна синоніміка української мови / М. П. Коломієць. – Дніпропетровськ, 1986. – 80 с.
138. Коломієць М. П. Питання фразеологічної синоніміки / М. П. Коломієць. – Дніпропетровськ, 1987. – 52 с.

139. Коломієць М. П. Фразеологічні синоніми / М. П. Коломієць. – Дніпропетровськ, 1989. – 67 с.
140. Ужченко В. Д. Народження і життя фразеологізму / В. Д. Ужченко. – К. : Радянська школа, 1988. – 279 с.
141. Панько Т. Авксентьев Л. Сучасна українська мова: Фразеологія (рецензія) / Т. Панько, Л. авксентьев // Мовознавство. – 1984. – № 5. – С. 76–77.
142. Авксентьев Л. Г. Сучасна українська мова: Фразеологія / Л. Г. Авксентьев. – 2-е вид., доп. і перероб. – Харків : Вища школа, 1983. – 134 с.
143. Алефіренко М. Ф. Авксентьев Л. Г. Сучасна українська мова: Фразеологія. – 2-вид., доп. і перероб. (рецензія) / М. Ф. Алефіренко, Л. Г. Авксентьев // Українська мова і література в школі. – 1990. – № 7. – С. 91–93.
144. Боярова А. Г. Синонимия глагольных фразеологических единиц современного украинского литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Г. Боярова. – К., 1981. – 20 с.
145. Гнатюк И. С. Трансформация традиционных фразеологизмов в языке современной художественной прозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. С. Гнатюк. – К., 1982. – 24 с.
146. Ничик Н. Н. Фразеологические единицы в системе поэтического словоупотребления В. В. Маяковского (на материале поэм 1914 – 1924 pp.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Ничик. – К., 1983. – 26 с.
147. Белоноженко В. М. Фразеологическое значение и способы его разработки в словаре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. М. Белоноженко. – К., 1984. – 24 с.
148. Конопленко Е. Г. Адвербиальные фразеологические единицы современного украинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Конопленко. – К., 1985. – 20 с.
149. Шевченко Л. Ю. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц сочинительного типа (на материале украинского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Ю. Шевченко. – К., 1987. – 20 с.
150. Назаренко Л. Ю. Чешская компаративная фразеология: структура, семантика, функции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Ю. Назаренко. – К., 1989. – 19 с.
151. Редин П. А. Фразеологизмы с пространственным и временным значением в современном украинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / П. А. Редин. – Харьков, 1989. – 24 с.
152. Мітрохіна Л. М., Прадід Ю. Ф. Проблеми фразеології на сторінках часопису «Мовознавство» (1967 – 2006 pp.): Бібліографічний і тематичний покажчики / Л. М. Мітрохіна, Ю. Ф. Прадід. – Сімферополь, 2006. – 36 с.
153. Савченко Л. М., Прадід Ю. Ф. Проблеми фразеології на сторінках часопису «Дивослово» (1951 – 2005 pp.): Бібліографічний і тематичний покажчики / Л. М. Савченко, Ю. Ф. Прадід. – Сімферополь, 2007. – 30 с.
154. Німецький-український фразеологічний словник: У 2 т. / Укладачі В. І. Гаврись, О. П. Пророченко. – К. : Радянська школа, 1981. – Т. 1. – 416 с.; Т. 2. – 382 с.
155. Левицький В. Німецько-український фразеологічний словник: У 2 т. / Укладачі В. І. Гаврись, О. П. Пророченко // Мовознавство. – 1982. – № 3. – С. 74–75.
156. Удовиченко Г. М. Фразеологічний словник української мови: в 2-х т. / Г. М. Удовиченко. – К., 1984. – Т. 1. – 303 с.; Т. 2. – 384 с.
157. Мокієнко В. М. Удовиченко Г. М. Фразеологічний словник української мови (рецензія) // Українська мова і література в школі / В. М. Мокієнко, Г. М. Удовиченко. – 1985. – № 6. – С. 67–68.
158. Симоненко Л. Скарбниця народної мудрості. Удовиченко Г. М. Фразеологічний словник української мови: У 2-х т. (рецензія) / Л. Симоненко // Українська мова і література в школі. – 1985. – № 6. – С. 67–68.
159. Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь / Укладачі В. І. Лавер, І. В. Зикань. – К.; Ужгород, 1985. – 371 с.
160. Коломієць М. П., Регушевський Є. С. Словник фразеологічних синонімів / М. П. Коломієць, Є. С. Регушевський. – К., 1988. – 200 с.
161. Гнатюк І. С. Фразеологічний довідник з української синонімії. Коломієць М. П., Регушевський Є. С. Словник фразеологічних синонімів (рецензія) / І. С. Гнатюк // Українська мова і література в школі. – 1989. – № 12. – С. 67–69.
162. Коломієць Н. Ф. Фразеологическая синонимика украинского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол.

- Наук / Н. Ф. Коломиєц. – Днепропетровск, 1990. – 33 с.
163. Денисенко С. Н. Фразеологическая деривация как системный и коммуникативный феномен (на материале немецкой фразерологии): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. Н. Лисенко. – Л., 1990. – 44 с.
164. Алексеенко М. А. Фразеология сочинений В. И. Ленина и ее украинское воспроизведение: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук М. А. Алексеенко. – К., 1990. – 39 с.
165. Кияк Т. Аспекти системності фразеологічної деривації. Денисенко С. Н. Фразеологічне формування в німецькому мові (фразеологічна деривация как системный фактор фразеологічного формування) (рецензія) / Т. Кияк // Мовознавство. – 1990. – № 1. – С. 72–73.
166. Рінберг В. Проблеми перекладу мови В. І. Леніна. Алексеенко М. А. Фразеологія ленинської мови і способи її перекладу (рецензія) / В. Рінгер // Мовознавство. – 1990. – № 5. – С. 78–80.
167. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень): Монографія / Ю. Ф. Прадід. – К.; Сімферополь, 1997. – 252 с.
168. Баран Я. А. Фразеологія у системі мови / Я. А. Баран. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 1997. – 176 с.
169. Івченко А. Українська народна фразеологія: ономазіологія, ареали, етимологія / А. Івченко. – Харків: Фоліо, 1999. – 304 с.
170. Ужченко В. Д. Історико-лінгвістичний аспект формування української фразеології: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. Д. Ужченко. – Дніпропетровськ, 1994. – 34 с.
171. Демський М. Т. Українська фраземіка... – 46 с.
172. Петрова Н. Д. Лінгво-гносеологічні основи динаміки фразеологічної номінації (на матеріалі англійської фразеології живої природи): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. Д. Петрова. – К., 1996. – 55 с.
173. Прадід Ю. Ф. Проблеми фразеологічної ідеографії (на матеріалі української і російської мов): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ю. Ф. Прадід. – Дніпропетровськ, 1997. – 55 с.
174. Баран Я. А. Фразеологія у системі мови: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Я. А. Баран. – К., 1999. – 32 с.
175. Загнітко А. Нові підходи до вивчення фразеології. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / А. Загнітко // Мовознавство. – 1998. – № 1. – С. 69.
176. Загнітко А. Там само. – С. 69–71.
177. Гаврись В., Баран Я. Фразеологія у системі мови / В. Гаврись, Я. Баран // Мовознавство. – 1998. – № 6. – С. 71–73.
178. Ужченко В. Д. Народження і життя фразеологізму / В. Д. Ужченко. – К.: Радянська школа, 1988. – 278 с.
179. Ужченко В. Д., Авксентьев Л. Г. Українська фразеологія / В. Д. Ужченко. – Харків: Основа, 1990. – 167 с.
180. Ужченко В. Д. Вивчення фразеології в середній школі: Посібник для вчителя / В. Д. Ужченко. – К.: Радянська школа, 1990. – 175 с.
181. Муромцев І. В., Савченко Л. Г. Ужченко В. Д. Вивчення фразеології в середній школі (рецензія) // Українська мова і література в школі. – 1992. – № 2. – С. 88–89.
182. Ужченко В. Д. Східноукраїнська фразеологія / В. Д. Ужченко. – Луганськ: Альма-матер, 2003. – 362 с.
183. Ужченко В. Образи рідної мови / В. Ужченко. – 2-е вид., виправл. і доп. – Луганськ: Знання, 2005. – 362 с.
184. Ужченко В. Д., Ужченко Д. В. Фразеологія сучасної української мови: Посібник / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – Луганськ: Альма-матер, 2005. – 400 с.
185. Ужченко В. Д., Ужченко Д. В. Фразеологія сучасної української мови: Навчальний посібник / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К.: Знання, 2007. – 494 с.
186. Олійник І. С., Сидоренко М. М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. – К., 1991. – 400 с.
187. Ужченко В. Д., Ужченко Д. В. Фразеологія сучасної української мови: Навч. посібник / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К.: Знання, 2007. – С. 421.
188. Ужченко В. Матеріали до фразеологічного словника східнослов'янських і степових говірок Донбасу / В. Ужченко. – Луганськ, 1993. – 112 с.

189. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. О принципах словаря индивидуально-авторских употреблений фразеологических единиц в современном русском языке / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Советская лексикография: Сб. ст. – М., 1988. – С. 102.
190. Словарь фразеологизмов в поэтической речи В. В. Маяковского (на материале поэм) / Сост. Н. Н. Ничик, В. М. Ронгинский. – Симферополь, 1991. – 151 с.
191. Прадід Ю. Теорія й методика вивчення індивідуально-авторських фразеологічних одиниць: Словарь фразеологизмов в поэтической речи В. В. Маяковского (на материале поэм) / Ю. Прадід / Сост. Н. Н. Ничик, В. М. Ронгинский (рецензия) // Мовознавство. – 1993. – № 1. – С. 72–73.
192. Даль В. И. Пословицы русского народа / в. И. Даль. – М., 1957. – С. 28–29.
193. Hallig R. et Wartburg V. W. Systeme raisonne des concepts pour servir de base a la lexicographie. – 2-eme ed. – Berlin, 1963. – S. 50.
194. Прадід Ю. Ф. Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь / Ю. Ф. Прадід. – Симферополь, 1994. – 252 с.
195. Ужченко В. Д., Ужченко Д. В. Фразеологічний словник української мови / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К.: Освіта, 1998. – 224 с.
196. Гамзюк М. В. Емотивний компонент значення у процесі створення фразеологічних одиниць (на матеріалі німецької мови) / М. В. Гамзюк. – К., 2000. – 256 с.
197. Селіванова О. Нариси з української фразеології (психологнітивний та етнокультурний аспекти) / О. Селіванова. – К., Черкаси: Брама, 2004. – 276 с.
198. Левченко О. Фразеологічна символіка: лінгвокультурологічний аспект / О. Левченко. – Львів, 2005. – 352 с.
199. Прадід Ю. Ф. У царині лінгвістики і права / Ю. Ф. Прадід. – Симферополь: Елінь, 2006. – С. 5–131.
200. Жуйкова М. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов / М. Жуйкова. – Луцьк, 2007. – 416 с.
201. Мізін К. І. Компаративна фразеологія: Монографія / К. І. Мізін. – Кременчук, 2007. – 168 с.
202. Мізін К. І. Людина в дзеркалі компаративної фразеології: Монографія / К. І. Мізін. – Кременчук, 2011. – 448 с.
203. Школярєнко В. І. Становлення фразеологічної картини світу німецької мови (на матеріалі писемних пам'яток УІІ – ХУІІ ст.) / В. І. Школярєнко. – Суми, 2008. – 316 с.
204. Гамзюк М. В. Емотивність фразеологічної системи німецької мови (досвід дослідження в синхронії та діахронії): Автореф. дис. ... д-ра філол. Наук / М. В. Гамзюк. – К., 2001. – 31 с.
205. Левченко О. П. Символи у фразеологічних системах української та російської мов: лінгвокультурологічний аспект: Автореф. дис. ... д-ра філол. Наук / О. П. Левченко. – К., 2007. – 36 с.
206. Жуйкова М. В. Генеза образної предикації в етнолінгвістичному аспекті: Автореф. дис. ... д-ра філол. Наук / М. В. Жуйкова. – К., 2009. – 36 с.
207. Школярєнко В. І. Становлення фразеологічної системи німецької мови (на матеріалі писемних пам'яток УІІІ – ХУІІІ ст.): Автореф. дис. ... д-ра філол. Наук / В. І. Школярєнко. – К., 2010. – 32 с.
208. Гнатюк І. Гамзюк М. Емотивний компонент значення у процесі створення фразеологічних одиниць (на матеріалі німецької мови) (рецензія) / І. Гнатюк, М. Гамзюк // Мовознавство. – 2001. – № 1. – С. 79–81.
209. Ужченко В. Д., Таран О. С. Царина наукових інтересів сімферопольського вченого: Ю. Ф. Прадід. У царині лінгвістики і права (рецензія) / В. Д. Ужченко, О. С. Таран // Лінгвістика: Зб. наукових праць. – № 2. – Луганськ, 2006. – С. 166–170.
210. Баландіна Н. Мізін К. Компаративна фразеологія: Монографія (рецензія) / Н. Баландіна, К. Мізін // Мовознавство. – 2007. – №№ 4–5. – С. 111–113.
211. Вальтер Г., Мокиєнко В., Мізін К. Людина в дзеркалі компаративної фразеології: Монографія (рецензія) / Г. Вальтер та ін. // Мовознавство. – 2011. – № 2. – С. 81–83.
212. Калашник В. С., Колоїз Ж. В. Словник фразеологічних антонімів української мови / В. С. Калашник, Ж. В. Колоїз. – К.: Довіра, 2001. – 284 с.
213. Ужченко В. Д., Ужченко Д. В. Фразеологічний словник східнословобанських і степових говірок Донбасу: 5-е вид / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – Луганськ: Альма-матер, 2005. – 348 с.

214. Чабаненко В. Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпрянщини / В. Чабаненко. – Запоріжжя, 2001. – 201 с.
215. Ужченко В. Чабаненко В. Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпрянщини // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: Науч.- метод. Сб / В. Ужченко, В. Чабаненко. – Славянск, 2001. – Вып. 9. – Ч. 1. – С. 161–168.
216. Добролюба Г. Фразеологічний словник говірок Житомирщини / Г. Добролюба. – Житомир, 2010. – 404 с.
217. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь / А. М. Эмирова. – Симферополь, 2004. – 175 с.
218. Венгренивська М. А. Українсько-французький і французько-український фразеологічний словник / М. А. Венгренивська. – Харків, 2001. – 276 с.
219. Каика Н. Е., Кофанова Л. П. Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов / Н. Е. Каика, Л. П. Кофанова. – Донецк, 2005. – 548 с.
220. Денисенко С. Н. Німецько-українсько-російський словник-довідник (Словник-довідник із фразеологічної деривації на основі існуючої фразеології німецької мови з перекладом прикладів на українську та російську мови) / С. Н. Денисенко. – Вінниця, 2005. – 277 с.
221. Кияк Т., Денисенко С. Німецько-українсько-російський словник-довідник (Словник-довідник із фразеологічної деривації на основі існуючої фразеології німецької мови з перекладом прикладів на українську та російську мови) (рецензія) / Т. Кияк, С. Денисенко // Мовознавство. – 2008. – № 6. – С. 86–88.
222. Фразеологія перекладів Миколи Лукаша: Словник-довідник / Укладачі О. І. Скопненко, Т. В. Цимбалюк. – К. : Довіра, 2003. – 735 с.
223. Фразеологізми у творах Богдана Лепкого: Словник / Гол. ред. Панцьо С. Є. – Тернопіль, 2010. – 224 с.
224. Фразеологічний словник української мови: У 2 кн. – К. : Наукова думка, 1993.
225. Словник фразеологізмів української мови / Укл.: В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук та ін. – К. : Наукова думка, 2003. – 1104 с.
226. Чабаненко В. Словник фразеологізмів української мови / Укл.: В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук та ін. (рецензія) / В. Чабаненко // Мовознавство. – 2004. – № 1. – С. 81–83.

Прадид Юрій. Розвиток фразеологічної науки в Україні (II пол. XX ст. – початок XXI ст.). / Юрій Прадид // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 11–42.

Стаття присвячена процесові становлення й розвитку фразеології як окремої лінгвістичної дисципліни в Україні. Здійснено спробу періодизації історії вивчення фразеології. Описано досягнення українських учених у дослідженні фразеології української, російської, англійської та інших мов за 60 років. Особливу увагу приділено проблемам фразеографії.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, фразеологія, фразеографія, пареміологія, напрямки фразеологічних досліджень.

Pradid Yury. The Development of Phraseological Science in Ukraine (II half of the twentieth Century. - The beginning of the XXI century.) / Yury Pradid // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 11–42.

The article is devoted to the process of formation and development of phraseology as a separate linguistic discipline in Ukraine. The attempt periodization of the history of studying phraseology. We describe the achievements of Ukrainian scientists in the study of the phraseology of the Ukrainian, Russian, English and other languages for 60 years. Particular attention is paid to frazeografy's problems.

Key words: phraseological unit, phraseology, frazeografii, paremiology, the direction of phraseological research.

Стаття надійшла до редакції 10 травня 2012 року

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

УДК 811.162.5:374

FRAZEOLÓGICKÉ PO/VEDOMIE AKO PREDPOKLAD

APERCEPCIE JAZYKOVEJ HRY

Baláková Dana

Filozofická fakulta Katolíckej univerzity v Ružomberku,

Ružomberok, Slovenská republika

Príspevok sa zaoberá problematikou reflexívnej interpretačnej kompetencie percipientov poetických textov (respondenti-vysokoškolskí študenti), úrovňou/mierou ich frazeologickej kompetencie na osi frazeologické povedomie – frazeologické vedomie, t. j. schopnosťou identifikovať frazému v jej modifikovanej podobe – identifikovať jej korektnú uzuálnu podobu.

Ключові слова: reflexívna interpretačná kompetencia, frazeologická kompetencia, frazeologické povedomie, frazeologické vedomie.

Vnímať jazykový znak ako kultúrnu jednotku umožňuje lingvistovi sledovať ho z viacerých perspektív: ako jeden z konštituentov kultúry, ako amplifikačný multiplikátor (prejavom jeho pôsobenia je aj intertextualita) či multiplikátor evolučný, ktorý v rámci medzigeneračnej komunikácie v sústave konvencionalizácií funguje ako médium kohézie a tradície, ako základ kolektívu s vlastnou identitou, kultúrnou pamäťou [3, s. 142–143]. Frazémy a parémie, sprostredkujúce relevantné obsahy, ktoré fundujú kolektívnu identitu, sú jazykovým obrazom sveta v jeho kontinuite s celým komplexom meritórnych cezgeneračných skúseností, s autenticitou snahy o reflex sveta inter/exteriorizujúceho v jeho ambivalentnosti, sú teda súčasťou kultúrnej pamäti. Frazeológia sa považuje za príznakovú, mikovsky povedané, „obraznú alternatívu reči“, ktorá napriek svojej dispozičnosti má punc pôvodnej výpovedno-vyjadrovacej „šťavnatosti“ situácie [5, s. 101]. Jej funkčnú silu umocňuje diferencovaný kontext, preto je nevyčerpatelným zdrojom intencionálnych mnohodoménových inovácií, za výrazný impulz ktorých sa považuje pragmatika a lingvokreatívne myslenie [8, s. 250].

Semiotická podstata frazémy (ďalej aj FJ), jednotky, ktorá je „presvedčivou ukázkou neopakovateľnej, elegantnej hry na ekvivalenciu (reflexnej a nonreflexnej) symetrie a asymetrie medzi formou a obsahom“ [6, s. 124], umožňuje uplatnenie FJ v rozličných typoch komunikátov. Eklatantné intencionálne zhodnocovanie obraznosti a expresívnosti, intertextuálna textotvorná stratégia je spätá najmä s poetickými textami. V nich – ako to demonštruje J. Šrank [9, s. 72–73] v súvislosti so zhodnocovaním frazém v tvorbe Š. Moravčíka – je schopnosť frazém vstupovať do jedinečných kontextov autormi viacdoménovo využívaná: od implementovania frazém v pôvodnom zmysle i funkcii – cez aktualizácie na báze prekrytia frazémy s novým kontextom, na základe čoho sa

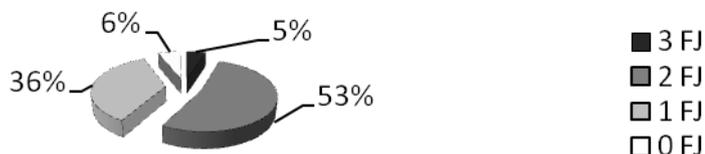
vnáša jedinečný zmysel do frazémy (metaforizácia frazém), či naopak, vnášanie frazeologického významu do básnického obrazu (frazeologizované metafory) – až po rôzne prípady frazeologického mystifikovania. Výsledkom je komplexný obraz, vzniknutý vďaka schopnosti kontextu excitovať konotačný potenciál frazémy.

Je zrejmé, že poetické texty sú percepčne náročné aj pre špecifickú vzorku (vysokoškolskí-slovakisti) respondentov, ako to dokladuje torzovitý príklad interpretácie úryvku básne, publikovaný v našej monografii [1, s. 244–245]. V rámci tohto príspevku teda zostaneme pri identických probandoch, odborne vyprofilovaných či profilujúcich sa vysokoškolákoch (FF Univerzity Komenského v Bratislave, FF Katolíckej univerzity v Ružomberku), kvantitatívne vymedzených vyšším počtom (160 oproti predchádzajúcim 143), interpretačnú kompetenciu ktorých sme posudzovali na materiáli rozsiahlejším (šesť úryvkov textov – predtým jeden). Študenti-slovakisti analyzovali úryvky poetických textov slovenského básnika Milana Rúfusa. Uvádzame ich v takej podobe, ako im boli v dotazníku predložené: v rovnakom poradí aj s odkazom na autora, zbierku a báseň.

Text č. 1: Zle je s tebou Laktibrada! / Už ťa máme v hrsti. / Pricvikla ti bradu klada / a s ňou dlhé prsty. (M. R.: Lupienky z jabloní; Ako Laktibrada prišiel o bradu)

V prvom úryvku sa v texte explicitne uplatnili tri FJ, a to *Je zle s niekým; mať niekoho v hrsti; mať dlhé (lepkavé) prsty*, a implicitne FJ *klepnúť niekoho (niekomu) po prstoch (cez prsty)*.¹ Ako z grafu č. 1 vyplýva, štyri frazémy v texte neidentifikoval nikto z respondentov. Maximum predstavovali tri FJ (5 %), napriek tomu, že sa v kombinácii odpovedí objavila aj implicitne využitá frazéma *klepnúť niekoho (niekomu) po prstoch (cez prsty)*. Celkovo túto alúziu však postrehlo len mizivé percento študentov (cca 3 %). Väčšinou (53 %) sa pozornosť recipientov koncentrovala na dve jednotky – v absolútnej prevahe na FJ *mať niekoho v hrsti; mať dlhé (lepkavé) prsty*. V prípade, že respondenti identifikovali len jednu FJ, išlo takmer vždy o FJ realizovanú v neaktualizovanej úplnej podobe, t. j. FJ *mať niekoho v hrsti*.

Graf č. 1: úspešnosť (%) respondentov podľa počtu identifikovaných FJ

Text č. 2: Počíta svoje dni / a slovám z dlaní zobe. / Čím viac je potrebný, / tým zbytočnejší dobe. / Vie, čo ho neminie. / Že tá má iných synov. / A on ich svätým nie / je ani za dedinou. / Bolí ho to a nebolí. (M. R.: Báseň a čas; Básnik v treťom tisícročí).

¹ RJ: дело плохо с кем (RČFS, 183); держать кого в [своих] руках, в кулаке, <досл. держать кого в пригоршне> (ČRFS, 184); <досл. у него длинные (липкие) пальцы> (ČRFS, s. 414); дать кому по рукам, <досл. ударить кого по пальцам> (ČRFS, 415).

V druhom texte básnik vo viac či menej modifikovanej podobe využil štyri FJ: *počítat' dni / mať zrátané dni*; *zobať niekomu z ruky (z dlane)*; *Čo ťa čaká, to ťa neminie*; *stáť ako svätý za dedinou*¹. V tomto prípade niektorí respondenti identifikovali súčasne všetky štyri jednotky, i keď, ako z grafu č. 2 vyplýva, nešlo o početnú skupinu – 3 %. Pri posudzovaní správnosti uvedenej vypísanej podoby sme pri prvej z nich zaznamenali isté kolísanie: niektorí uviedli FJ *počítat' dni*, iní FJ *mať zrátané dni*. Úryvok básne v širšom kontexte signalizuje možnosť oboch interpretácií, čo sme vzali do úvahy aj pri kvantifikácii pozitívnych odpovedí. V prípade, že študenti identifikovali tri FJ (16 %), išlo v prevažnej väčšine o kombináciu FJ *počítat' dni / mať zrátané dni*; *zobať niekomu z ruky (z dlane)*; *stáť ako svätý za dedinou*. S označením dvoch frazém mali študenti menej problémov (28 %) – ako to signalizuje už predchádzajúce konštatovanie, preferenčne registrovali FJ *zobať niekomu z ruky (z dlane)* spolu s FJ *počítat' dni / mať zrátané dni* či alternatívne s FJ *stáť ako svätý za dedinou* (obe kombinácie sa vyskytovali v rovnakom počte). V porovnaní s predchádzajúcim textom sa však zvýšilo percento respondentov, ktorí nezaznamenali ani jednu frazému, a to napriek tomu, že pri nich k výrazným aktualizáciám nedošlo.

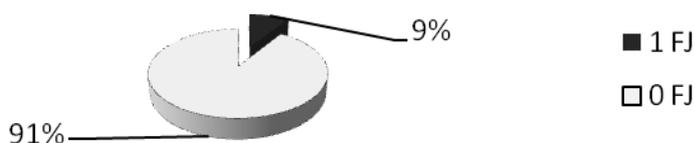
Graf č. 2: úspešnosť (%) respondentov podľa počtu identifikovaných FJ

Text č. 3: *Duneli takty pohrebné. / No tráva, ešte i v smrti plná múdrosti, / vyhrávala si do hrobu / len potichu a na najsladších husliach. / A ako sláva sveta voňala (M. R.: Stól chudobných; Vozy so senom).*

Tretí poetický text bol, ako napovedajú výsledky (graf č. 3), pre študentov interpretačne najnáročnejší, hoci sa v ňom uplatnila jediná frazéma: *Svetská sláva – poľná tráva*². Na vysokú neúspešnosť (91 %) mal evidentne vplyv charakter jej aktualizácie. Ani relatívne zrejmy frazeologický zvyšok – explicitné zachovanie komponentov *sláva, tráva*, ani významovo zachované (hoci modifikované) spojenie *svetská sláva – sláva sveta* nepostačovali na úspešnejšie recipovanie pôvodnej jednotky, deštruovanej v presahu štyroch veršov.

Graf č. 3: úspešnosť (%) respondentov podľa počtu identifikovaných FJ

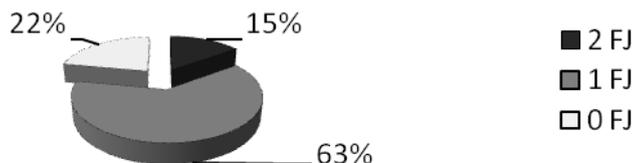
¹ считать минуты (часы, дни и т.п.) (RČFS, 280) /чи дни сочтены (ČRFS, 102); < досл. он из рук (из ладони) ест > (ČRFS, 449); Что ждать, то догонять (БСРП, 333); стоять как в воду опущенный (VRSS I, 196), < досл. стоять как святой за деревней >.

² Мирская слава – только дым (БСРП, 817).

Text č. 4: Zbohom dievča, vyčkaj ešte, / vyčkaj svojho času. / Už ja radšej pôjdem inam, / čo kraj sveta zájdem (M. R.: Lupienky z jabloní; Múdry Matko a blázni).

Štvrtý text úryvku sa nám javil ako interpretačne bezproblémový vzhľadom na to, že obe funkčne využité jednotky¹ nepodstúpili výrazný aktualizčný zásah. V prípade prvej išlo v podstate len o useknutie druhej časti rýmujúceho sa prirovnania *Vyčkaj času ako hus klasu*, druhá FJ – *ísť na kraj sveta* – bola de facto iba okazionálnym autorským komplexným variantom. Napriek tomu však neúspešnosť respondentov bola pomerne výrazná, keďže až 22 % z nich neidentifikovalo v úryvku žiadnu frazému. V prípade zaregistrovania aspoň jednej štvornásobne počtom prevyšovala FJ *Vyčkaj času ako hus klasu*.

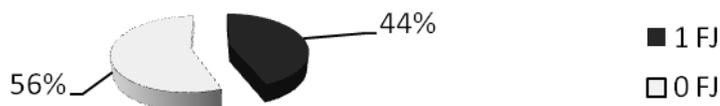
Graf č. 4: úspešnosť (%) respondentov podľa počtu identifikovaných FJ

Text č. 5: Ale že občas aj hovoriť je zlato, / dohodli sa, / tá trojka tichých bratov (M. R.: Vážka; Traja chlapi pri kolíske).

Pri piatom básnickom úryvku sme rovnako ako v prípade predchádzajúceho textu predpokladali výraznejšiu interpretačnú úspešnosť. FJ *Hovoriť striebro – mlčať zlato*². Nízke percento (pozri graf č. 5) pozitívne hodnotených odpovedí však nesúviselo ani tak s ich absenciou, ako skôr s tým, že študenti vypísali len zvyšok aktualizovanej frazémy bez uvedenia základnej podoby, čo značne ovplyvnilo konečné výsledky.

Graf č. 5: úspešnosť (%) respondentov podľa počtu identifikovaných FJ

Text č. 6: Neriekol si mi, preto som to vedel. / Videl som meč, visiaci nad priateľom. / Že ideš na doraz, / hráš vabank s vlastným telom (M. R.: Čítanie z údely; Neriekol si mi, H. Kočtúchovi).

Posledný posudzovaný básnický text zahŕňal realizáciu troch frazém: *Damoklov meč /mu visí nad hlavou/; ísť na doraz; hrať vabank*.³ Opäť možno konštatovať, že ani tu nebol celkový výsledok úspešnosti správnych interpretácií ovplyvnený perцепčným

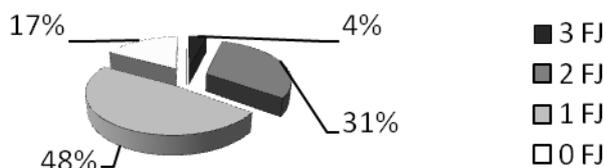
¹ Каждому овощу своё время (БСПП, с. 616); пройти / идти на край света (ČRFS, 248).

² Сказанное – серебро, несказанное – золото (БСПП, с. 805).

³ Дамоклов меч [чего] (RČFJ, 399); работать на износ (RČFS, 284); играть ва-банк (RČFS, 59).

diskomfortom, ale skôr rezignáciou študentov na napísanie základnej podoby frazémy, ktorú sme v dotazníku od nich záväzne požadovali. Ide o prvú FJ *Damoklov meč*, inovovaná podoba ktorej bola zo strany študentov zaregistrovaná (buď ju podčiarkovali priamo v úryvku, alebo vypisovali), ale neuvedená v pôvodnej podobe. Podľa našej metodiky sme teda nemohli takéto odpovede vyhodnocovať ako správne, a teda znižovali aj percento maximálnej úspešnosti, t. j. identifikácie všetkých troch frazém (pozri graf č. 6), ktorá bola na základe toho len 4-percentná. U tých probandov, ktorí správne identifikovali 2 frazémy, prevládala kombinácia FJ *ísť na doraz* a *hrať vabank*. Paradoxne, tí študenti, ktorí identifikovali len jedinú frazému, koncentrovali svoju pozornosť práve na FJ *Damoklov meč* – a na rozdiel od svojich kolegov postrehnúcich viaceré jednotky uviedli ju správne aj v jej základnej podobe.

Graf č. 6: úspešnosť (%) respondentov podľa počtu identifikovaných FJ

Sumarizujúc výsledky našich pozorovaní, možno konštatovať, že z 15 FJ využitých v poetických textoch slovenského básnika, interpretačne najpriehľadnejšou bola FJ *mať niekoho v hrsti* (úspešnosť jej identifikácie bola až 96 %). Nadpolovičnú či polovičnú percentuálnu úspešnosť odpovedí (v poradí 68; 52; 50) sme zaznamenali pri troch frazémach – *zobrat' niekomu z ruky (z dlane)*; *mať dlhé (lepkavé) prsty*; *hrať vabank*.

Hranica nad 40 % respondentov, ktorí správne uviedli základnú podobu uplatnenej jednotky, sa vzťahuje na dve frazémy: *Hovoriť striebro – mlčať zlato*; *ísť na doraz* (44; 41).

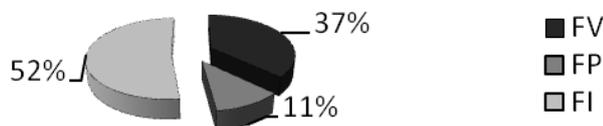
Ďalšie pásmo transparentnosti predstavujú frazémy – v poradí podľa percenta probandov schopných ich nielen registrovať, ale aj zachytiť ich pôvodnú podobu – *Damoklov meč /mu visí nad hlavou/*; *Vyčkaj času ako hus klasu* (obe 37); *stáť ako svätý za dedinou* (35), *počítat' dni* (33).

Presah či hranicu 20-percentnej úspešnosti sme zaznamenali v jednom prípade – *ísť na kraj sveta* (27); ostatné uplatnené frazémy boli zo strany respondentov percepčne náročnejšie, a teda úspešnosť sa približovala maximálne k hodnote 9 – 10 %: *Svetská sláva – poľná tráva* (9); *Je zle s niekým*; *Čo ťa čaká, to ťa neminie* (obe 10), prípadne klesla výraznejšie (3) – *klepnúť niekoho (niekomu) po prstoch (cez prsty)*.

Na margo názvu nášho príspevku, resp. frazeologickej interpretačnej kompetencie našich respondentov treba uviesť, že ju chápeme diferencovane, vychádzajúc pritom terminologicky z J. Dolníka, ktorý rozlišuje v súvislosti s prirodzenou spisovnou slovenčinou u nositeľa jazyka jazykové povedomie / jazykové vedomie, neuvedomované / uvedomované jazykové znalosti, t. j. znalosti zabezpečujúce jeho ovládanie bez opory / s oporou o verbalizované (explicitné) pravidlá [2, s. 82]. Pri osvojovaní materinského jazyka sa rozvíja jazykové povedomie, v rámci inštitucionálnej fázy vzdelávania jazykové vedomie, frazeológia je súčasťou aj jedného, aj druhého z nich. Možno teda hovoriť

o frazeologickom vedomí i frazeologickom povedomí. Odčleniť jedno od druhého – alebo skôr rozlišovať „vedomé“ a „nevedomé“ či „nevedomované“ sme sa pokúsili v rámci nášho výskumu na základe odborne sa profilujúcich probandov v tom zmysle, že sme od nich požadovali nielen identifikovanie uplatnenej frazémy v percepčne náročných textoch, ale aj uvedenie jej základnej, nemodifikovanej či neaktualizovanej realizačnej podoby, na základe čoho sme vyhodnocovali percentuálnu úspešnosť, resp. ich frazeologické vedomie, ktoré sa pohybovalo pri jednotlivých prototextoch v rozpätí 3 % – 96 %. Frazeologická reflexívna interpretačná kompetencia ako zámerné usúvstážnenie relevantných znalostí respondentov nevyhnutných pre identifikáciu frazém v posudzovaných textoch [4, s. 107] však zahŕňa aj frazeologické povedomie – schopnosť aspoň identifikovať frazému, hoci bez uvedomenia si jej znalosti invariantnej podoby. V nasledujúcom sumárnom grafe č. 7 teda znázorňujeme percentuálny pomer frazeologického vedomia a frazeologického povedomia vo vzťahu k – v skúmaných textoch uplatneným –pätnástim frazémam.

Graf č. 7: frazeologické vedomie (FV) – frazeologické povedomie (FP) – frazeologická inkompetencia (FI)

Komparatívne s výsledkami z predchádzajúcej sondy do tejto problematiky je evidentné, že poetické texty sú percepčne náročné aj pre špecifickú vzorku respondentov, o čom svedčí výrazný podiel celkovej neúspešnosti vymedzenej vzorky (160 respondentov) vysokoškolákov, potenciálnych pedagógov, a teda prestížnych používateľov jazyka, a to napriek tomu, že v mnohých prípadoch išlo o minimálne autorské zásahy do frazém, resp. zhodnocovanie frazém sa nám javilo pomerne transparentné.

Tvorivá obraznosť či lingvokreatívne myslenie má svoje miesto nielen v poézii, ale už oddávna v bežnej reči [5, s. 118], dodajme, že rovnako to platí aj o jazykovej hre, ktorá je prítomná jednak pri samotnom vzniku frazém či parémii (*Ako starí hudú, tak i mladí budú; Tvrdé mäso, tupý nôž; stará žena, mladý muž; mačka so psom v pitvore, dva kohúty na dvore; kde tých dvoje prebýva, nikdy dobre nebýva; Aké semä, také plemä*) a funguje aj pri ich zhodnocovaní v podobe antiprísloví (*Nemáš, nedáš – Nedáš, nemáš; Všade dobre, doma najlepšie – Všade dobre, tak čo doma; Nikto z neba učený nepadol – ale idiotov akoby zhadzovali; Všetci chcú vaše dobro – nedajte si ho vziať*). To však je už iná kapitola, presahujúca tematicky i rozsahom náš príspevok. V každom prípade, jazykový *orbis pictus* nás nestále presviedča, že škola života, ktorou frazeológia nepochybne je, môže byť aj hrou.

Literatúra

1. Baláková D. Dynamika súčasnej slovenskej frazeológie (fond somatických frazém) / D. Baláková. – Greifswald : Ernst-Moritz-Ardnt-Universität 2011. – 315 s.
2. Dolník J. – Bajzíkova E. Textová lingvistika / J. Dolník. – Bratislava : Stimul 1998. – 134 s.
3. Dolník J. Spisovná slovenčina a jej používatelia / J. Dolník. – Bratislava : Stimul 2000. – 215 s.
4. Dolník J. Jazyk – človek – kultúra / J. Dolník. – Bratislava : Kalligram 2010. – 221 s.
5. Habovštiaková K. – Krošláková E. Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii. Bratislava : Veda 1996. – 176 s.
6. Miko F. Aspekty literárneho textu / F. Miko. – Štúdie 6. Nitra : Ústav jazykovej a literárnej komunikácie Pedagogickej fakulty v Nitre 1989. – 201 s.
7. Mokienko V. – Wurm, A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc: Univerzita Palackého 2002. – 659 s.
8. Sabol J. Semiotická podstata frazémy / Sabol. J. // In: Frazeologické štúdie. V. Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii. Ružomberok : Katolícka univerzita – Filozofická fakulta – 2007, s. 120–125.
9. Šrank J. K textotvorným postupom Štefana Moravčíka: (z hľadiska privlastňovania a aktualizovania frazém) / J. Šrank // In: Romboid, 40, č. 1, č. 2., – 2005. – S. 70–73; 62–76.
10. Stěpanova L. Rusko-český frazeologický slovník / L. Stěpanova. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci. – 2007. – 878 s.
11. Veľký slovensko-ruský slovník. I. – VI. 1. zv. Red. D. Kollár. 2. – 6. zv. Red. E. ekaninová. Bratislava Veda 1979 – 1995.
12. Алефиренко Н. Ф. Неофраземика в когнитивно-ономасиологическом аспекте / Н. Ф. Алефиренко // In: Компарация współczesnych języków słowiańskich. 3. Frazeologia. Ed. W. Mokienko, H. Walter. Opole : Universität Greifswald – Uniwersytet Opolski. – 2008. – S. 249 – 261.
13. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

Балакова Дана. Фраzeологічне усвідомлення/знання як передумова аперцепції мовної гри / Дана Балакова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 43–49.

У статті розглядається проблематика рефлексивної інтерпретаційної компетенції перципієнтів (респонденти – студенти вищів) за рівнем / ступенем їхньої фраzeологічної компетенції на вісі фраzeологічного усвідомлення і фраzeологічного знання, тобто здатності ідентифікувати ФО в її модифікованій формі (ідентифікація коректної узувальної форми).

Ключові слова: рефлексивна інтерпретаційна компетенція, фраzeологічна компетенція, фраzeологічне усвідомлення, фраzeологічне знання.

Balakova Dana. Phraseological Awareness or/and Knowledge as a Premise of an Apperception of Linguistic Game / Dana Balakova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 43–49.

An article deals with an issue of reflexive interpretative competence of recipients regarding poetic texts (respondents – undergraduate students), with the level of their phraseological competence on an axis of phraseological awareness – phraseological awareness i.e. an ability to identify a phraseme in its modified form, to identify her precise accustomed form.

Key words: reflexive interpretative competence, phraseological competence, phraseological awareness, phraseological knowledge.

Стаття надійшла до редакції 9 червня 2012 року

УДК 811.161.2'62

NORMATIVNI VIDIK APELATIVIZACIJE V FRAZEOLOGIJI – ANOMALIJA ALI JEZIKOVNA IGRA?

Jakop Nataša

*Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU,
Ljubljana, Slovenija*

V prispevku opredelimo frazeme, ki imajo v svoji zgradbi lastno ime, problematiziramo normiranje te frazeološke skupine v slovenščini in ob opazovanju funkcije lastnega imena v frazeološki zgradbi pojasnjujemo apelativizacijo v frazeologiji kot jezikovno igro.

Ključne besede: norma v frazeologiji, lastno ime, apelativizacija, jezikovna igra, pravopis.

1 Frazemi z (iz)lastnoimensko sestavino v slovenščini

V prispevku obravnavamo z apelativizacijo spodbujena normativna vprašanja pri skupini frazemov, ki imajo v svoji zgradbi (a) osebno, zemljepisno ali (redkeje) stvarno lastno ime, npr. *Peter ali Pavel* 'kdorkoli', *odkriti Ameriko* 'odkriti kaj novega', *biti kot Fructalov sok*¹ 'biti poln samega sebe, biti nadut', (b) iz lastnega imena izpeljani svojilni ali vrstni pridevnik, npr. *Metuzalemova/metuzalemska starost* 'visoka starost', *točen kot švicarska ura* 'zelo točen', ali (c) z lastnim imenom homonimno občno besedo, npr. *biti za luno* 'biti neumen, naiven, zaostal'. To skupino frazemov označujemo z izrazom **frazemi z (iz)lastnoimensko sestavino**. Frazeološka nadomestna lastna imena, ki v svoji zgradbi nimajo katere od zgoraj naštetih sestavin, npr. *večno mesto* 'Rim', *Divji zahod* 'zahodni del ZDA, ko ta še ni bil popolnoma civiliziran', ne spadajo v to skupino in jih v prispevku ne obravnavamo, kljub temu da v slovenščini že dolgo časa odpirajo opaznejše normativne dileme [prim. 24, s. 105–107], [3, s. 60–62], npr. *stari svet* 'Evropa' – *Novi svet* 'Amerika' [19, geslo *svet*].

V slovenski frazeologiji doslej nismo imeli nobene študije, ki bi ciljno obravnavala frazeme z (iz)lastnoimensko sestavino, niti še ni bilo sistematično zb(i)rano tovrstno gradivo.² V tej raziskavi smo upoštevali tako slovarsko gradivo, in sicer Slovar slovenskega knjižnega jezika (SSKJ [21]), Slovenski pravopis (SP 2001 [20]), Slovar slovenskih frazemov [9]), nekatere druge starejše slovarske vire ([7], [18], [19]), kot tudi korpusno gradivo (besedilna korpusa Nova beseda [14] in Gigafida [8]), ki smo ga ob

¹ Zveza z imenom znamke *Fructal* je kot ustaljena in idiomatična registrirana v spletnem slovarju *Razvezani jezik: prosti slovar žive slovenščine* (<razvezanijezik.org>), ki ga že od leta 2004 oblikujejo anonimni ljubitelji jezika. Igra s (frazeološkim) pomenom nove zveze je ponazorjena v zgledu *Vsi so si edini, da je knjiga kot Fructalov sok. Le da nekateri trdijo, da je tako dobra, drugi pa, da je tako »polna samega sebe«*.

² V ruščini je vprašanje (a)semantičnosti lastnega imena v frazeološki zgradbi obravnaval Mokienko [13].

raziskovanju te tematike dopolnjevali še s priložnostnimi izpisi iz dnevnega časopisja in spletnih besedil.

Pokazalo se je, da so lastna imena sestavine različnih tipov frazemov z večjo ali manjšo stopnjo idiomatičnosti, od besednozveznih do stavčnih in nadstavčnih (povednih) struktur, npr. *kranjski Janez* 'Slovenec', *potrebovati kaj kot Sahara vode* 'zelo, močno potrebovati kaj', *Amorjeva puščica zadene koga* 'kdo se zaljubi', *Kar se Janezek nauči, to Janez zna* 'kar se človek navadi delati, početi v mladosti, to mu ostane tudi v zrelih letih', zato je pri obravnavi te problematike smiselno ostati v okviru teoretičnih izhodišč oz. definicijskih lastnosti širše frazeologije, kar je tudi sicer splošna usmeritev v sodobni frazeologiji [2, s. V].

Gradivo potrjuje, da so sestavine slovenskih frazemov najpogosteje imena bibličnega, antičnega in literarnega izvora, npr. *biti v Evinem kostumu* 'biti nag', *Avgijev hlev* 'neurejen, umazan prostor', *Nekaj gnilega je v deželi Danski* 'kje so pokvarjeni, malovredni, slabi ljudje', ali izvirajo iz legend, pravljic, ljudskega izročila, filma, umetnosti, risank idr., npr. *Matjaževa brada* 'brada pravljичnega kralja Matjaža', *spati kot Trnuljčica* 'trdno, dolgo, mirno spati', *poslednji Mohikanec* 'zadnji predstavnik kake izginjajoče, propadajoče skupine', *smehljati se kot Mona Lisa* 'skrivnostno se smehljati', *močan kot Popaj* 'zelo močan'.¹

Mnogi frazemi z (iz)lastnoimensko sestavino so skupni in poznani več narodom in vsaj v strukturnem smislu internacionalni, npr. *prekoračiti Rubikon* 'storiti odločilno dejanje', češ. *překročit Rubikon*, hr., srb. *prijeći Rubikon*, *preći preko Rubikona*, nem. *den Rubikon überschreiten*, rus. *perejti [čerez] Rubikon* [9, s. 838–839]. Na drugi strani pa so t. i. nacionalni frazemi ravno zaradi (iz)lastnoimenske frazeološke sestavine del nacionalnega besednega zaklada in večinoma neprevedljivi, npr. *prosto po Prešernu* 'poljubno, brez načrta, prepuščajoč se trenutku', kjer je sestavina ime znamenitega slovenskega pesnika, *teta s Krvavca* 'menstruacija', kjer je sestavina ime vzpetine v slovenskih Alpah, *star kot Peca* 'zelo star', ki ima v svoji zgradbi ime slovenske gore v Karavankah.

2. Normiranje frazemov z (iz)lastnoimensko sestavino v slovenščini

V sodobnem slovenskem jezikovnem gradivu je pri mnogih frazemih z (iz)lastnoimensko frazeološko sestavino mogoče ugotoviti dvojnično normo, in sicer pri frazeoloških strukturah (a) z lastnim imenom, npr. *hoditi od Poncija do Pilata* 'poskušati urediti kako stvar v najrazličnejših uradih, pri najrazličnejših odgovornih ljudeh', *kaditi kot Turek* 'veliko, pogosto kaditi', (b) z izlastnoimenskim pridevnikom, npr. *Ahilova peta* 'slabost, napaka', oziroma (c) z občnim poimenovanjem, ki je homonimno lastnemu imenu, npr. *biti koga/česa kot rusov* 'biti jih zelo veliko', *biti za luno* 'biti neumen, naiven, zaostal':

a) *Vsako leto hodi od vrat do vrat, od Poncija do Pilata, in ureja dovoljenja. – Pošiljali so nas od poncija do pilata, odgovorov pa od nikoder.*

Kadila je kot Turek in pila kot žolna. – Pije vedra kave, kadi kot turek in posluša govorne oddaje na radiu.

¹ Podoben izvor frazemov z lastnimi imeni v angleščini izpostavlja Pierini [15].

Kitajci kadijo kot Turki. – Saj tudi Slovenci kadite kot turki.

b) *V tem mesecu so vaša Ahilova peta prav finance. – Delo je še vedno vaša ahilova peta, posebno če ste bili nekoliko zapravljivi.*

c) *Rusov je bilo kot rusov. – Bilo jih je kot Rusov, spraševali so me drug čez drugega. Sem jaz tako za luno ali drugi? – Vika, čas gre naprej, ti pa ostajaš za Luno.*

Pri iskanju razlogov za dvojnično normo (iz)lastnoimenske frazeološke sestavine pomislimo na dvoje, na anomalije, ki so posledica slabo definirane pravopisne norme in pomanjkljivih normativnih podatkov, in na drugi strani na bolj ali manj zavestno uporabo velike oziroma male začetnice frazeološke sestavine, npr. *črn kot cigan/Cigan* 'temnopolt, porjavel, umazan', *star kot zemlja/Zemlja* 'zelo star', *delati se Francoza/francoza* 'delati se brezbržnega, nevednega, neumnega', *pa mirna Bosna/bosna* 'in vse je v redu, stvar je zaključena, ne bom(o) več govoril(i) o tem', *jezdenci apokalipse/Apokalipse* 'velika nevarnost, katastrofa'.

Medtem ko aktualni slovenski pravopis [20] s svojimi določili (§ 115, 157–159, § 39, 131) posredno sicer normira začetnico pridevniške frazeološke sestavine (*ahilova/Ahilova peta* 'slabost, napaka', *ljubljska srajca* 'Ljubljčan') in nedvoumnega apelativa v frazeološki zgradbi (*mila jera* 'cmerna', *babji gregor* 'ženskar'), se do norme lastnoimenske sestavine doslej še ni opredelil.¹ Normiranje jezikovnih enot v slovenščini še vedno poteka le na besedni ravni, ne pa tudi na leksikalni in frazeološki, kar pomeni, da frazemi v leksikografiji niso obravnavani kot samostojne jezikovne enote.

Pri frazemih z (iz)lastnoimensko sestavino ostaja nejasno oz. nedorečeno zlasti normiranje frazeološke sestavine, ki je (a) lastno ime, npr. *Savel, Pavel: iz Savla postati Pavel*, ali morda tudi *iz savla postati pavel* v frazeološkem pomenu 'iz človeka s slabim, negativnim značajem postati človek z dobrim, pozitivnim značajem', oz. (b) občno poimenovanje bodisi nastalo iz lastnega imena, npr. *Feniks > feniks* 'mitološki ptič': *dvigniti se kot feniks iz pepela* 'preroditi se, pojaviti se, priti kot nov, v vsej svoji moči', ali morda zaradi izvora frazema tudi *dvigniti se kot Feniks iz pepela*, bodisi je občna beseda le homonimna lastnemu imenu, npr. *rus* 'žuželka' – *Rus* 'prebivalec Rusije': *biti koga/česa kot rusov* v razmerju z v sodobnem gradivu živo obliko *biti koga/česa kot Rusov*.

Ob tem bode v oči v 135. določilu navedeni frazem *delati se francoza*, ki ima frazeološki pomen 'delati se brezbržnega, nevednega, neumnega' in je motiviran iz lastnega imena (*Francoz* 'prebivalec Francije'), ne iz občnega poimenovanja (*francoz* 'orodje'). Ta zglede namreč spodbuja interpretacijo, da se v slovenščini pišejo z malo začetnico vse frazeološke sestavine, pri katerih obstaja z lastnimi imeni homonimno poimenovanje, npr. *biti mraz kot v sibiriji* 'biti zelo mrzlo', *držati se kot pust v pratiki*

¹ Tudi sicer je slovenski pravopis precej ignorantski do normativnih vprašanj v frazeologiji. Poleg vprašanja začetnice pušča odprta vprašanja pri podomačevanju prevzetih sestavin (*iti v Canosso/Kanoso, kot Pilat v credo/kredo*), pisanju skupaj oz. narazen (*kot don Kihot/donkihote*), ki lahko na izrazni ravni celo razmejuje frazeme in lekseme (*bog daj/bogdaj*), ter tudi glede dvojnične norme katere od sestavin frazema, npr. *nejeverni/neverni Tomaž, to niso mačje/mačkine solze, krokodilje/krokodilove/krokodilske solze*. Na te pomanjkljivosti aktualnega slovenskega pravopisa z vidika norme in kodifikacije je opozorila že Kržišnik [11, s. 232–236].

'držati se kisló, čemerno', *odkriti ameriko* 'odkriti kaj novega', česar ne potrjujeta ne tradicija pisanja teh frazeoloških sestavin ne aktualna jezikovna raba.

Kot kaže, se je ob smernicah glede normiranja (iz)lastnoimenske frazeološke sestavine treba vrniti k osnovni dilemi, ali je pri lastnih imenih, ki nastopajo v funkciji frazeoloških sestavin, (še) mogoče govoriti o pravih lastnih imenih ali pa so ta (vedno) do neke mere apelativizirana, in jo dopolniti z novim vprašanjem, ali bi se apelativizirano ime v frazeološki zgradbi moralo nujno razkrivati tudi na izrazni ravni s prehodom velike začetnice v malo.¹

3. Funkcija (iz)lastnoimenske sestavine v frazeološki zgradbi

Prehajanje lastnih imen med občne besede je v jeziku običajen in znan pojav [22, s. 78]. Proces apelativizacije pa je pogost tudi v frazeologiji [prim. 1], kjer je ponekod lastnoimenski izvor (že) precej zakrit, npr. iz imena svetopisemskega besedila *Leviticus* motivirani frazem *brati komu levite* 'oštevati koga' [9, s. 467–468], drugod pa je povezava z lastnim imenom nedvoumno izražena, npr. ime največje puščave na svetu v frazemu *potrebovati kaj kot Sahara vodo* 'kaj zelo potrebovati'. V frazeologiji je apelativizacijo mogoče razumeti kot del vsakdanje jezikovne igre, o čemer nas prepričujejo slikovite priložnostne zveze, s katerimi se vsakodnevno srečujemo zlasti v publicističnih besedilih, npr.

V zgodnjih jutranjih urah je na tokijskem ribjem trgu Tsukiji živahno kot na Wall Streetu.

Janković očitno ni samo novi Tito, ampak tudi novi Kristus.

Slikovite primere in zveze lahko že napovedujejo proces frazeologizacije, pri katerem se s pogosto rabo zveza ustali, leksikalizira in pridobi frazeološki pomen, npr. *živeti kot Robinzon (Crusoe)* 'živeti samotno, samotarsko, osamljeno', *bogat kot Bill Gates* 'zelo bogat'.

Čeprav so lastna imena po definiciji enote brez leksikalnega pomena [12, s. 219], [23, s. 573], jih v frazeološki zgradbi očitno ne moremo vrednotiti kot take. Lastnosti posameznega (poimenovanega) z jezikovno igro izgubljajo identifikacijsko funkcijo in pridobivajo novo pomensko vrednost, posledica pa je nastanek apelativiziranega imena. Do te jezikovne igre lahko pride le, če lastno ime v neki (jezikovni) družbi že samo po sebi vzbuja določene asociacije in konotacije, npr.

Še ena žrtev "Jacka Razparača"

V New Yorku našli še eno truplo prostitutke. Tudi ona naj bi bila žrtev serijskega morilca. (naslov časopisnega članka, 2011)

Največji Jack Razparač pa je televizor, ki nam, medtem ko se hehetamo poročilom iz parlamenta, zaradi bromiranih sestavin spreminja genetsko sestavo in nam mikasti hormone. (Dnevnik, 2004)

Ljubljanski Jack Razparač

Novembra 1984 je v Ljubljani strašil morilec, ki so mu nadelo ime ljubljanski razparač.

¹ Ta dilema je prisotna tudi v nekaterih drugih slovanskih jezikih, npr. za hrvaški jezik prim. Fink [5], [6], ki ob tem opozarja, da bi morali pravopisi različnih jezikov ponuditi rešitev za te dileme, saj v vseh jezikih obstajajo frazemi z lastnoimensko sestavino.

Jack Razparač v teh primerih seveda ni več ime skrivnostnega londonskega serijskega morilca prostitutk iz 2. polovice 19. stoletja, temveč označuje katerega koli serijskega morilca ali morilca, ubijalca, uničevalca ipd.

Kljub temu da lastno ime v procesu ustaljevanja zveze in kasneje frazeologizacije izgublja oz. izgubi osnovno funkcijo identifikacije posamezne osebe, kraja, stvari ipd. in začne pridobivati nove (konotativne) pomene,¹ se velika začetnica v večini frazemov ohrani, s čimer se pravzaprav ohrani model za nadaljnje tovrstne jezikovne igre, pri katerih motivirajo frazeološki pomen ravno lastnosti, ki jih govorci pripisujejo lastnemu imenu [prim. 16, s. 19, 22]. Kot primero je zato treba razlagati tudi pomenske podstave stalnih metafor tipa *Ahilova peta* < ranljiva/občutljiva točka/slabost/napaka (od) koga, kakor je bila *peta* ranljiva/občutljiva točka/slabost/napaka (od) Ahila [10, s. 16], zato se zdi ob tem nekoliko problematična kodifikacija [20, § 115, 157–159], ki v slovenščini določa začetnico le na osnovi jezikoslovne kategorizacije pomenskih skupin pridevnika (svojilni pridevnik v zvezi *Ahilov ščit* – vrstni pridevnik v zvezi *ahilova peta*) in pri tem ne upošteva temeljne lastnosti frazeologije, da leksemi, ki postanejo frazeološke sestavine, izgubijo svoje kategorialne lastnosti.²

Domnevamo, da je frazeološki pomen motiviran z lastnostmi, ki so se v izhodišču pripisovale neki resnični osebi, tudi v frazemih, ki imajo v svoji zgradbi že popolnoma apelativizirano sestavino. To domnevo naslanjamo na idejo, da je šlo v izhodišču za jezikovno igro, pri kateri je postala referenca s posamezno osebo sekundarna. Tak primer je *jera* v frazemu *držati se kot mila jera* 'imeti malodušen, neodločen, cmerav izraz', katerega izvor v slovenščini ni popolnoma jasen. Domnevo, da sta lastno ime *Jera*³ in nemško ljubkovalno ime *Gera* (od *Gertrud*) povezani [17, s. 200], potrjuje vzporednica s sestavino *Gera* v hrvaškem frazemu *držati se (ponašati se) kao mila Gera* [4, s. 180].⁴ V primerih tega tipa frazemov se apelativizacija v slovenščini kaže tudi na izrazni ravni z ortografskim prehodom velike v malo začetnico, ki je v sodobnem jezikovnem gradivu pri tem frazemu tudi bistveno frekventnejša (90 % v prid mali začetnici izlastnoimenske sestavine),⁵ medtem ko je bila v preteklosti tu še normirana in uveljavljena velika začetnica.⁵

Ob koncu se bomo ustavili še ob enem odprtem vprašanju, ali lahko v frazeologiji govorimo tudi o obratnem procesu, o preobrazbi apelativa v lastno ime [prim. 1], kot

¹ O tem, da lastna imena niso brez konotativne vrednosti govorita Raguž [16, s. 19–20], ki navaja konkretne primere, kako so negativne konotacije ob nekaterih osebnih imenih v lokalni skupnosti vplivale na (ne)izbor imena pri otroku, in Vidovič Muha [22, s. 77–78], ki pojasnjuje, da lastna imena »lahko veliko povedo o svoji vezanosti na določene jezikovne, kulturne, verske, politične idr. okoliščine, o svoji trenutni 'modernosti', starinskosti, tudi socialni pripadnosti nosilca, socialni strukturiranosti družbe /.../«.

² V slovenskem jezikovnem gradivu prevladuje raba velike začetnice pri vseh pridevnikih na *-ov*, *-ev*, *-in*, ki so izpeljani iz lastnega imena, kar le še potrjuje problematičnost tega predpisa.

³ Lastno ime *Jera* je v sodobni slovenščini osebno ime v (stalnih) besednih zvezah, kot na primer *cerkev sv. Jere*, *dr. Jera Vodušek Starič*, najpogosteje pa je beseda *jera/Jera* del frazeološke sestavine *mila jera/Jera*.

⁴ Drugače je pri Kebru [9, s. 300], ki zavrača povezavo s svetnico Gertrudo in domneva, da je na razvoj frazeološkega pomena vplival frazem *sirota Jerica* v pomenu 'sirota brez staršev', nastal po liku iz slovenske ljudske pesmi.

⁵ Prim. Breznik-Ramovšev Slovenski pravopis [18, s. 120]: *držati se kakor mila Jera*; Glonarjev Slovar slovenskega jezika [7, s. 140]: *mila Jera*.

nakazujejo frazemi tipa *biti koga/česa kot rusov/Rusov*. Strogo normativno gledano, bi rabo velike začetnice v tem frazemu ocenili kot napako, pri kateri jezikovni uporabnik ni imel uzaveščene motivacije frazema iz majhnih rjavkastordečih, ščurku podobnih žuželk (*rusov*). Vendar, kot smo videli, govorniki z jezikovno igro nenehno ustvarjajo nove primerjalne strukture, ki lahko spodbudijo novo frazeologizacijo. V tem frazemu je torej asociacija z lastnostjo lastnega imena (številčnost prebivalcev Rusije), kljub prvotno občni besedi v frazemu in nespremenjenemu frazeološkemu pomenu, prevladala nad frazeološko zgodbo, ki govori o nekoč številnih gomazečih ščurkih v marsikateri kuhinji.

Sklep

Frazemi z (iz)lastnoimensko sestavino predstavljajo številčno manjši, a pomemben delež v frazeologiji. Lastna imena v frazemih so lahko motivatorji frazeološkega pomena, a ob tem izgubijo referenco s posameznim, kar je osnovna funkcija lastnega imena. V frazeološki zgradbi se kljub apelativiziranemu imenu pri večini frazemov formalno ohrani v slovanskih jezikih tradicionalno uveljavljena velika začetnica (iz)lastnoimenske frazeološke sestavine, vsaj kot dvojnična norma [prim. 16, s. 21]. Da se apelativizirano ime piše z veliko začetnico, resda kaže na neko jezikovno anomalijo z normativnega vidika, vendar to razlagamo kot eno od posebnosti v tovrstni frazeologiji. Vsekakor pa se z ohranitvijo velike začetnice ohrani na eni strani motivacijska pot do izvora frazema in na drugi strani produktiven frazeološki model za nadaljnje tovrstne jezikovne igre.

Literatura

1. Barac-Grum V. Mogučnosti preobrazbe vlastitog imena / V. Barac-Grum // *Rasprave ZJ*, sv. 16, 1990. – S. 5–20.
2. Burger H., Dobrovol'skij D., Kühn P., Norrick N. R. *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* / H. Burger? D. Dobrovol'skij, P. Kühn, N. Norrick. – Band 28.1. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2007. – 640 s.
3. Dobrovoljc H., Jakop N. *Sodobni normativni priročnik med normo in predpisom* / H. Dobrovoljc, N. Jakop. – Ljubljana : Založba ZRC, ZRC SAZU, 2011. – 271 s.
4. Fink Arsovski Ž. *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema* / Ž. Fink Arsovski. – Zagreb : Knjigra, 2006. – 439 s.
5. Fink Ž. *Hvatamo li za bradu Boga ili boga? O jednom pravopisnom problemu u frazeologiji* / Ž. Fink // *Filologija : časopis Razreda za filološke znanosti Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti*. Knj. 36-37, 2001. – S. 139–148.
6. Fink Ž. *Hrvatski frazem djevojka (katica) za sve i njegovi ekvivalenti u ruskom jeziku* / Ž. Fink // *VI Slavističeskije čtenija pamjati professora P. A. Dmitrijeva i professora G. I. Safronova*. Sankt-Peterburg : Filologičeskij fakul'tet, 2005. – S. 131–137.
7. Glonar J. *Slovar slovenskega jezika* / J. Glonar. – Ljubljana : Umetniška propaganda, 1936. – 496 s.
8. Gigafida = besedilni korpus Gigafida. – <<http://demo.gigafida.net>>.
9. Keber J. *Slovar slovenskih frazemov* / J. Keber. – Ljubljana : Založba ZRC, ZRC SAZU, 2011. – 1158 s.
10. Kržišnik E. *Pravopis v slovenski državi in slovenskem jezikoslovju* / E. Kržišnik // *Debatni list Slava VI/1*, 1992. – S. 8–17.
11. Kržišnik E. *Frazeologija v Slovenskem pravopisu 2001* / E. Kržišnik // *Slavistična revija* 51/2, 2003. – S. 221–237.
12. Lyons J. *Semantics 1* / J. Lyons. – Cambridge : University Press, 1996. – 371 s.
13. Mokienko V. M. *O sobstvennom imeni v sostave frazeologii. / Perspektivy razvitija slavjanskoj onomastiki* / V. M. Mokienko. – Moskva, 1980. S. 57–67.
14. *Nova beseda = besedilni korpus Nova beseda*. – <http://bos.zrc-sazu.si/s_beseda.html>.

15. Pierini P. Opening a Pandora's Box: Proper Names in English Phraseology. / *Linguistik online* 36/4, 2008. – <http://www.linguistik-online.de/36_08/pierini.html>).
16. E. Kržišnik D. Vlastita imena u frazeologiji / D. E. Kržišnik // *Onomastica Jugoslavica* 8, 1979. – S. 17–23.
17. Snoj M. Slovenski etimološki slovar / M. Snoj. – Ljubljana : Mladinska knjiga, 1997. – 900 s.
18. SP 1938 = Slovenski pravopis. / A. Breznik, F. Ramovš. – Ljubljana : Državna založba Slovenije – Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1962. – 1054 s.
19. SP 1962 = Slovenski pravopis. Ljubljana : Državna založba Slovenije – Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1962. – 1054 s.
20. SP 2001 = Slovenski pravopis. / J. Toporišič et al. – Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU – Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Znanstveno raziskovalni center SAZU, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2001. – 1805 s.
21. SSKJ = Slovar slovenskega knjižnega jezika. I–V. Ljubljana, 1970–1991.
22. Vidovič Muha A. Slovensko leksikalno pomenoslovje : Govorica slovarja. Ljubljana : Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2000. – 328 s.
23. Znika M., Znika M. Vlastito ime i brojivost. *Folia onomastica* / M. Znika, M. Znika // *Croatica* 12–13, 2003/2004. – S. 573–578.
24. Žager Karer M. Geografski termini in frazeologija. / M. Žager Karer // *Jezikoslovni zapiski* 14/2, 2008. – S. 101–122.

Якоп Наташа. Нормативний аспект апелативізації у фразеології – аномалія чи мовна гра? / Наташа Якоп // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 50–56.

У статті визначено фраземи, які містять у своєму складі власні назви, поставлено проблему найменування зазначеної групи фразеологічних одиниць у словенській мові; запропоновано трактування апелативізації у фразеології як мовної гри на ґрунті аналізу функції власної назви у структурі фразеологічної одиниці

Ключові слова: фразеологічні норми, власна назва, апелативізація, мовна гра, орфографія.

Yakop Natasha. A Normative Aspect of Apellativization in Phraseology – an Anomaly or a Language Game? / Natasha Yakop // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 50–56.

This article defines phraseological units with proper names and problematizes their standardization in Slovene. The function of the proper name in the phraseological structure is observed, thus attempting to describe the appellativization in phraseology as a linguistic play.

Key words: phraseological norm, proper name, appellativization, language game, orthography.

Стаття надійшла до редакції 4 травня 2012 року

УДК 811.161.2'282(477.52/6)

FRAZELOGIE A JAZYKOVÁ HRA VE VÝUCE MATEŘSKÉHO JAZYKA

Šindelářová Jaromíra

Univerzita Jana Evangelisty Purkyně v Ústí nad Labem,

Ústí nad Labem, Česká Republika

Cílem příspěvku je ukázat místo frazeologie a jazykové hry ve výuce mateřského jazyka v rámci jazykového vzdělávání na všech stupních škol v České republice. V první části textu je podán stručný přehled vývoje české frazeologie, druhá část je zaměřena na význam jazykové hry jako aktivizační metody k oživení výuky mateřského jazyka při budování frazeologické (frazeosémantické) kompetenci u žáků na českých základních a středních školách.

Klíčová slova: frazeologie, mateřský jazyk, jazyková hra, výuka, učební cíl, aktivizační metoda, frazeologická (frazeosémantická) kompetence.

Zahrnutí frazeologie mezi soustavné výklady do výuky mateřského jazyka je v současné moderní době nezbytným předpokladem jazykového vzdělávání na všech stupních škol, tedy od základních škol až po vysokoškolskou přípravu bohemistů i v České republice.

Dynamickému procesu ve vývoji české frazeologie věnovala pozornost M. Čechová ve stati uveřejněné v Naší řeči s názvem *Dynamika frazeologie* [4, s. 178–186] a v návaznosti na něj pak J. Šindelářová v příspěvku *Фраzeология при обучении чешскому языку как родному и иностранному* z mezinárodní filologické konference konané v březnu 2011 v Sankt-Peterburgu [14, s. 173–185], a proto jen nastíníme stručný přehled o vývoji výuky češtiny jako jazyka mateřského z aspektu frazeologického.

Z obsahu Gebauerových školských mluvnic, které se začaly v českém školním prostředí používat od r. 1890, vyplývá, že frazeologické jednotky (dále jen FJ) se uplatňovaly zpočátku pouze jako nástroj pro určování a procvičování jazykových jevů v rámci gramatického učiva (např. při použití lokálu: *míti něco na srdci / na paměti / na mysli*), nesloužily tedy ke komunikačním účelům jako prostředek komunikace. Tento stav přetrvával do poválečných let (srov. např. Jelínkovy a Hallerovy učebnice), neboť až v prvorepublikových učebnicích určených pro měšťanské a gymnaziální školy (srov. např. Havránkovy učebnice) se objevily frazémy vztahující se k lidové slovesnosti a ke starším uměleckým dílům. V nadcházejícím období se pak začaly frazémy z exemplifikací i z jazykových cvičení pomalu vytrácet a postupně přecházet do slohového vyučování, přičemž se kladl stále větší důraz na jejich komunikační funkci. FJ se nejvíce uplatňovaly po tematické stránce, a to jako náměty pro žákovské slohové práce a slohová cvičení, a to zejména úvahových postupů (k nejčastěji užívaným patřily frazémy typu *Kdo se bojí, nesmí do lesa. Kdo nepracuje, ať není. Oko za oko, zub za zub* apod.).

Na přelomu šedesátých a sedmdesátých let minulého století převládá v českém vzdělávacím prostředí názor, že znalost a užívání frazeologie u mladší generace postupně

upadá a že schopnost porozumět FJ má až rozumově vyspělejší mládež ve věku od čtrnácti let výše, blíže viz [7, s. 319].

Tento názor však záhy vyvrátila M. Čechová, která se od r. 1974 začala podílet na tvorbě učebnic českého jazyka pro žáky na druhém stupni základních škol, do nichž byla zařazena nejen onomaziologická a sémaziologická cvičení s frazémy, ale také náměty, v nichž se využívaly FJ při aplikaci slohových postupů nejen úvahových a útvarů na nich založených, ale i dalších (např. popisných a vyprávěcích postupů, z útvarů např. charakteristika a vypravování). Průzkum mezi pedagogy-bohemisty, který realizovala v r. 1983, pak naznačil, že tato cvičení a témata patří v jazykových i slohových hodinách k nejoblíbenějším a že už i někteří mladší žáci než čtrnáctiletí jsou schopni řadě frazémů v kontextu porozumět a vhodně je při komunikaci využít. Zároveň však zjistila, že mnozí pedagogové v praxi neumějí s FJ pracovat, neorientují se v obsahu frazeologie a zařazují ji do výuky nahodile a jen sporadicky, blíže viz [3, s. 145]. Jsme přesvědčeni o tom, že především její zásluhou došlo na přelomu sedmdesátých a osmdesátých let minulého století k oživení frazeologie ve výuce mateřského jazyka na základních školách u nás.

Reforma českého školství na přelomu 20. a 21. století, která v souladu s novými principy kurikulární politiky zavedla do vzdělávací soustavy v České republice nový systém kurikulárních dokumentů pro vzdělávání žáků od tří do devatenácti let (a to na dvou úrovních: státní a školní), přinesla řadu pozitivních změn zdůrazňujících především komunikační zřetel ve výuce.

Proměna českého vzdělávacího systému vedla především v jazykových hodinách na všech typech škol také k posílení frazeologického aspektu, a proto nově vydávané učebnicové řady určené už pro nejmladší žáky na prvním stupni základních škol (srov. např. učebnice z nakladatelství Nová škola či Alter) obsahují již základní frazeologické obraty, přirovnání a některá přísloví. Obdobně jsou koncipovány i učebnice českého jazyka pro druhý stupeň základních škol (srov. dnes v českých školách nejrozšířenější řadu od V. Styblíka a kol. *Český jazyk pro 6.–9. ročník základních škol*, 2003–2005 [12]).

V současné době nejnovější řada středoškolských učebnic [5] obsahuje v učebnici pro 3. ročník v části s názvem *Komunikace a jazyk* samostatný tematický celek *Frazeologie a její užití*, ve kterém je zvláštní pozornost věnována vlastnostem frazémů, změnám v užívání frazémů, jejich členění, vztahům mezi frazémy a také kulturním (knižním) frazémům (blíže viz [6, s. 40–57]).

Pedagogové zpestřují hodiny českého jazyka také zajímavými náměty z prakticky zaměřené knihy *Jazykové hry a hříčky* E. Schneiderové [12], která obsahuje mnoho zábavných a inspirativních úkolů a jazykových her a hříček k procvičování slovní zásoby a zacházení s češtinou jako mateřštinou. Žáci mohou opravovat popletená rčení a přirovnání, doplňovat přísloví, zasmát se nad veselými přesmyčkami apod. Na některých středních (zejména pak vysokých školách) se využívá publikace L. Stěpanové s názvem *Historie a etymologie českých rčení*. [13].

Na základě naší dvacetileté pedagogické zkušenosti na střední škole a desetiletého působení na katedře bohemistiky a slavistiky na PF UJEP v Ústí nad Labem jsme navázali na výzkumy M. Čechové a v uplynulých letech jsme realizovali několik výzkumů zaměřených na výuku frazeologie na základních a středních školách v České republice, jež

nám naznačily velké individuální rozdíly u žáků téhož věku ve znalosti a chápání FJ. Na základě dotazníků a výsledků všech šetření, které nám poskytla na začátku roku 2007 M. Čechová [7, 327], jsme provedli v letech 2008–2010 vlastní výzkum u 450 žáků na základních a středních školách v různých krajích České republiky. Potřetí zopakovaný výzkum provedený na stejném materiálu a shodným způsobem u respondentů téhož věkového složení po pěti letech od posledního šetření M. Čechové nám přinesl do jisté míry obdobné výsledky jako její starší výzkum, ale naznačil i určité změny a posuny ve znalosti a chápání významu FJ u žáků a středoškolské mládeže, blíže viz [14, s. 173–185].

Na základě konfrontace závěrů našeho výzkumu na základních a středních školách a šetření M. Čechové lze ve stručnosti konstatovat, že ačkoliv na jedné straně některé frazémy ustupují, na druhé straně vznikají nové, zvláště obměnami stávajících frazémů, což svědčí o dynamickém procesu ve frazeologii [4]. Významným dynamizačním faktorem jsou aktualizace frazémů, které podněcují vývoj frazeologie mnoha různými směry, i když ne každý neologismus či každá aktualizace se v nové podobě v určitém jazykovém prostředí ujme a uchová (srov. závěry našeho šetření s výsledky průzkumu M. Čechové z r. 2007 (blíže viz [15, s. 173–185]).

Za nesmírný přínos pro středoškolské a vysokoškolské vzdělávání považujeme vydání našeho dosavadního největšího a nejdůkladnějšího frazeologického slovníku F. Čermáka a kol. *Slovník české frazeologie a idiomatiky* (čtyři díly ve čtyřech svazcích, zkratka SČFI, nejnovější vydání z roku 2009 [8]).

Do vysokoškolské přípravy budoucích bohemistů se snažíme společně se svými kolegy na PF UJEP v Ústí nad Labem začleňovat také frazeologii, a to nejen jako samostatnou jazykovou disciplínu, ale i do rámce výuky didaktiky mateřského jazyka, nebo prostřednictvím frazeologického semináře jako povinně volitelného nebo výběrového kurzu. Jsme přesvědčeni o tom, že bez frazeologie se pedagog ve své učitelské praxi neobejde na žádném stupni vzdělávání, což nám potvrdila i řada našich výzkumů, které jsme provedli v uplynulých letech.

Poslední šetření jsme realizovali v letech 2009–2012 u dvě stě pedagogů-češtinářů v praxi v rámci projektu pod reg. číslem CZ.1.07/1.2.00/08.0104 s názvem Sociokulturní kompetence pro pracovníky škol a školských zařízení (dotovaného z ESF fondu), jehož výstupem byl e-learningový kurz. Jednu kapitolu s názvem Frazeologie ve škole jsme v něm vyhradili frazeologii, ve které jsme soustředili pozornost na metodiku práce s FJ a nejvhodnější způsoby jejich prezentace FJ žákům na základních a středních školách. V diskusních příspěvcích na téma „Moje zkušenost se začleňováním frazeologie do výuky mateřského jazyka“ respondenti dospěli ke zjištění, že nejúčinnějším a nejčastějším prostředkem ve frazeologii, který umožňuje aktivizovat a oživit výuku v rámci výuky mateřského jazyka na základních a středních školách v České republice, je hra.

Už staří Římané věděli, že proces učení lze realizovat i zábavnou formou, tedy hrou, neboť jejím prostřednictvím se zvyšuje motivace, zábava a legrace zvyšují schopnost a chotu učit se, hravé činnosti znamenají změnu, uvolnění a relaxaci, probouzejí zvědavost a zájem.

Nelze nepodtrhnout význam L. Wittgensteina, který termín jazyková hra zavedl, a jeho *Filozofických zkoumání* z r. 1953 [18], v nichž ukazuje, že význam slov spočívá v jejich používání (než v hledání jejich denotátů), že užití slov v jazyce nemá jednoznačně

daná pravidla (oproti logickému pozitivismu), ale že každá hra si vytváří vlastní pravidla a člověk je musí respektovat, aby pochopil její smysl (srov. také s kritikou Wittgensteinových jazykových her, dostupnou na <http://scienceworld.cz/lingvistika/kritika-wittgensteinovych-jazykovych-her-1150>, nebo s článkem M. Drápela: Jazykové hry, dostupného na <http://philologica.net/studia/20040621121345.htm> [9]).

Zdůrazněme i přínos J. Sowy, jenž se snaží proniknout ke sloům jako stavebnicovým kostičkám Wittgensteinových jazykových her (srov. např. jeho popis lexikálních a konceptuálních struktur pomocí konceptuálních grafů, flexibilitu ve statické lexikální sémantice). Nemůže být pochyb o tom, že konceptuální přístup otevřel sémantice nové možnosti, ale také nové praktické problémy realizace (blíže viz [16]).

V jazykové hře ve školním prostředí se uplatňuje řada sociálních aktivit, při kterých se žáci více sbližují, přicházejí do užšího kontaktu (např. tělesného), tvoří skupiny, navzájem se poznávají, představují, prohlížejí a pozorují, překonávají zábrany, jsou spolužáky vnímání a hodnocení atd.

Zvyšují se jejich pohybové a hlasové aktivity, neboť nahlas mluví a vykřikují, smějí se, více se pohybují, např. chodí po třídě, vstávají a sedají si, přeseďají si, házejí nebo přesouvají různými předměty, přičemž aktivizují paměť, často gestikulují apod.

Je však zapotřebí si uvědomit, že hlasité projevy při FH mohou někdy působit jako rušivé faktory ve vyučovací hodině. Je přirozené, že žáci se často zaberou do nějaké aktivity a pak v zápalu hry projevují až příliš nahlas své pocity a emocionální nadšení. Úkolem učitele je, aby tyto jejich zvukové reakce a příliš hlasité projevy adekvátním způsobem mírnil.

V podstatně vyšší míře je kladen důraz na komunikačně zaměřené aktivity, a to mluvené nebo i psané. Žáci si navzájem vyměňují a porovnávají potřebné informace, komunikují mezi sebou, uspokojují svou zvědavost, vyprávějí, vymýšlejí si, mluví o sobě, přemýšlejí, ptají se a odpovídají, poslouchají, naslouchají, čtou, předčítají, vyjadřují pochybnosti, zapisují si, vedou diskuse, někdy se i hádají apod.

Ačkoliv se ještě v současné praxi můžeme setkat jak s názory samotných žáků, tak jejich rodičů, nebo i některých pedagogů, že ve vyučovací hodině hra nemá své místo, protože žáci se při ní nic nenaučí, neboť slouží jen pro zábavu, lze toto tvrzení vyvrátit nejen vědecky, ale i pozitivními zkušenostmi učitelů a jejich žáků. Řada učebních teorií a výzkumných závěrů (např. mozku a paměti) dokazují, že emoce, které jsou charakteristickou součástí her, mají v procesu učení velmi významnou roli. Neméně důležitou součástí tohoto působení na žáky je i sociální kontakt, neboť hra se většinou realizuje ve vzájemné interakci, po dvou či ve vyšším počtu, ve skupinách. Jsme přesvědčeni o tom, že sociálně zprostředkovaná pravidla jsou v rámci FH účinnější než pravidla zprostředkovaná pouze abstraktně, což platí i pro FJ.

Význam jazykové frazeologické hry tkví především v tom, že rozvíjí myšlení žáků, kteří jsou pedagogem vedeni k tomu, aby sami (event. jen s doprovodnou pomocí pedagoga) objevili pravidla této hry. Aktivní činnost v jazykové vyučovací hodině pak vede k rozvoji frazeologické slovní zásoby, k porozumění FJ, k rozvoji čtenářské gramotnosti. Role učitele spočívá v tom, že žáky vede k dosažení cíle, k objevování pravidel frazeologických her. Pedagog plní v rámci tohoto procesu řídicí funkci,

kontroluje žáky při jejich aktivitách, potvrzuje správnost jejich tvrzení, vyvrací nepravdivé výroky apod.

Koncepce frazeologické jazykové hry může být tedy chápána jednak jako způsob, kterým se žáci učí řeč (jazyk); přičemž učení nespočívá v pojmenovávání předmětů jednotlivými jazykovými výrazy, ale v praktickém osvojování si pravidel užívání FJ; jednak jako výsledek tohoto osvojení, kterým je FJ v rámci řeči (jazyka); a konečně jako prostředek vysvětlující funkci a podstatu jazyka v souvislosti se správným užíváním FJ.

Na FH mají vliv některé specifickými faktory, a proto ty, jež považujeme za podstatné, ve stručnosti uvedeme.

Důležitým počátečním faktorem, který se podílí na celkové úspěšnosti zamýšlené hravé činnosti, je *příprava frazeologické hry a evaluace*. Pokud nemá frazeologická hra sloužit pouze k zaplnění mezery a volného prostoru ve vyučovací hodině, ale je zamýšlena jako frazeologická jazyková výuková hra (dále jen FH), musí být předem dobře připravena. Jen tak se pedagog vyvaruje chyb, odhalí nedostatky, z kterých může předem vyvodit závěry, jež povedou k přehodnocení konkrétních kroků a úpravě herních aktivit. S úspěšnou realizací této činnosti souvisí i příprava frazeologického materiálu pro konkrétní hru (např. adekvátní počet herních exemplářů), časová přiměřenost a volba vhodného prostoru.

Velký význam přisuzujeme kritériu *klasifikace frazeologické hry podle cíle a funkce ve vyučovací hodině*. Ačkoliv existuje řada kritérií, podle kterých lze hry ve výuce jazyka klasifikovat, jeví se jako nejpraktičtější třídění podle jednotlivých kompetencí, které si žák při hře buduje. Přesné hranice však nelze určit, neboť v rámci jednotlivých aktivit se neprocvičuje ve většině případů pouze jedna dovednost (např. mluvení – vedení dialogu k určité FJ), ale i několik (např. čtení FJ, poslech FJ apod.). Záleží tedy na samotném pedagogovi, aby zvážil konkrétní cíl FH a přesně vymezil fázi vyučovací hodiny, ve které ji bude se svými žáky realizovat.

Důležitým aspektem, který ovlivňuje realizaci hravých frazeologických aktivit, je *věk žáků*. Praktické zkušenosti z výuky na základních a středních školách v České republice potvrzují, že nelze určit přesnou věkovou hranici, od které by hravé FH nebyly již vhodné, neboť praktické zkušenosti potvrzují, i starší žáci a dospělí si hrají s FJ s velkou oblibou. Je na pedagogovi, aby vždy zvážil vhodnost zvolené aktivity s ohledem na věk cílové skupiny a vytyčený cíl, s kterým FH do výuky zařazuje.

K dalším významným momentům patří v souvislosti s organizací FH *počet žáků ve třídě a ve skupinách*, které se aktivit účastní. Učitel musí být schopen vhodně zorganizovat FH s ohledem na celkový počet žáků, tzn. velmi často i aplikovat její obsah a postup, a to na základě různých sociálních forem, např. pracovat s žáky v jedné velké skupině, nebo naopak je rozdělit do malých skupin, event. je vést až k partnerské spolupráci, podle potřeby volit skupiny homogenní nebo heterogenní apod. Aby však byla zvolená organizace v kolektivu třídy co nejuspěšnější, je vhodné žáky s konkrétními formami práce předem seznámit, neboť jen tak je mohou správně pochopit.

FH je zapotřebí předem *časově vymezit*, aby na ni měli žáci potřebný čas v souladu s vytyčeným cílem. FH může sloužit např. po frazeologickém výkladu k procvičování probraného učiva zábavnou a hravou formou, avšak pedagog musí mít předem stanovený nejen konkrétní obsah a cíl, co se bude procvičovat a čemu se žáci naučí, ale měl by

alespoň přibližně ve vyučovací hodině vymezit i dobu, kterou budou žáci potřebovat ke splnění cíle, tedy jak dlouho se budou aktivitou zabývat. Jakmile však žáci dospějí k cílové frazeologické (fraiseosémantické) kompetenci (blíže viz [10]), je zapotřebí FH včas ukončit, neboť její prodlužování by mohlo vést k nežádoucím účinkům. Stejná aktivita totiž nevede ani k vyššímu cíli, jde tedy pak o ztracený čas, při kterém se žáci mohou začít nudit apod.

Ve FH musí být pevně stanoven její *konkrétní učební cíl vzhledem k obsahu probíraného učiva*. Vzhledem k tomu, že obsah konkrétních FH není většinou zaměřen pouze na jednu konkrétní dovednost (např. jen na poslech, mluvení, čtení, psaní FJ apod.) či na jednu jazykovou rovinu (fraiseologickou, ale např. i na fonetickou, morfologickou, syntaktickou, lexikální, stylistickou, grafickou apod.), je vhodné, aby učební cíle FH byly zaměřeny na komplexně budované kompetence, tedy nejen na frazeologickou (fraiseosémantickou), ale i na dalších kompetencích jako kompetenci k učení, k řešení problémů, na kompetenci občanské, sociální a personální, komunikativní tak, jak jsou formulovány v Rámcovém vzdělávacím programu pro základní a středoškolské vzdělávání v České republice (blíže viz [15]).

Zvláštní pozornost ve FH je zapotřebí věnovat také *motivaci a s ní související radosti ze hry*. Nemůže být pochyb o tom, že hraní by mělo žáky bavit a zaujmout. Pozitivní motivace povzbuzuje u žáků chuť se vzdělávat, emocionální účast pak zvyšuje jejich úspěch.

Nezastupitelná je *role pedagoga* v jednotlivých etapách FH. V přípravné fázi, tedy ještě před aplikací hry ve vyučovací hodině, učitel vytváří takový herní plán a herní aktivity, které budou odpovídat učebním cílům i zájmům žáků. Kontroluje a vyzkouší, zda jsou do FH zakomponovány všechny potřebné činnosti, ve spolupráci se žáky připraví herní pravidla apod.

Ve fázi realizace FH se učitel soustřeďuje na chyby, kterých se žáci při FH dopouštějí, přičemž je okamžitě opravuje. Chyby si zapisuje, herní aktivity ukončuje v předem vymezeném čase, vhodným způsobem využívá nadšení žáků a vede je k plnění hned několika učebních cílů.

Je vhodnější, aby se pedagog FH při menším počtu žáků (při práci v malých skupinkách) sám neúčastnil, ale vystupoval jen v roli organizátora a pozorovatele. Do hry se může zapojit při velkých skupinách nebo při hrách v kruhu, kdy svou přítomností nenaruší intimitu skupiny, ale přispívá k uvolnění atmosféry ve třídním kolektivu a k rychlejšímu průběhu herních aktivit (např. užitím vhodného výrazu, odpovídající FJ apod.).

Úlohou pedagoga v závěrečné fázi FH je, aby ji ukončil. Nashromážděný materiál může využít i v dalších třídách při probírání stejného tématu se shodnými učebními cíli.

Zpětnou vazbou od žáků získává podklady k analýze FH (zda všichni žáci zcela pochopili její pravidla, zda byla obtížná nebo jednoduchá, zajímavá, co jim přinesla nového, co navrhuje k jejímu vylepšení apod.).

Závěrem lze konstatovat, že frazeologie tvoří neodmyslitelnou součást jejího výraziva a její ovládnutí je mnohdy předpokladem pochopení sdělovaného obsahu i v běžných komunikačních situacích, a proto je zapotřebí s ní seznamovat žáky co nejvhodnějším způsobem už od jejich nástupu do školy.

Ve svém příspěvku jsme se pokusili dokázat, že FH mají v moderním vyučování mateřského jazyka nezastupitelnou metodicko-didaktickou hodnotu, neboť pozitivně působí na dynamiku skupiny, umožňují celostní učení, vytvářejí autentické komunikační situace, jsou činnostně orientované a umožňují kombinovat různé dovednosti a komplexně budovat potřebné kompetence ve vzdělávacím procesu všech věkových kategorií.

Literatura

1. Čechová M. Kniha o přirovnání / M. Čechová // Český jazyk a literatura, 1984/85, roč. 35, č. 5, s. 234–236.
2. Čechová, M. Frazeologie a mládež / M. Čechová // Český jazyk a literatura, 1985/86, ročník 36, č. 3, s. 101–110.
3. Čechová M. Frazeologie ve škole / M. Čechová // Český jazyk a literatura, 1985/86, ročník 36, č. 4, s. 145–150.
4. Čechová M. Dynamika frazeologie / M. Čechová // Naše řeč, 1986, roč. 69, č. 4, s. 178–186.
5. Čechová M. a kol.: Český jazyk pro 1 / M. Čechová // 4. ročník středních odborných škol. Praha : SPN 2000–2003.
6. Čechová M. Frazeologie a její užití / M. Čechová // Český jazyk pro 3. ročník středních odborných škol. Praha : SPN 2002, s. 40–56.
7. Čechová, Marie. Znalost a chápání frazémů u české mládeže a u cizinců / M. Čechová // Frazeologické štúdie V. Ružomberok : FF KU 2007, s. 319–328.
8. Čermák Slovník české frazeologie a idiomatiky / Čermák. (4 díly). Praha : Leda 2009.
9. Drápel M. Jazykové hry.
10. Dostupné na <http://philologica.net/studia/20040621121345.htm>, cit. dne 1. 6. 2012.
11. Mlacek J., Baláková D., Kováčová V. Vývin súčasnej frazeológie: východiská, podoby, uplatňovanie, akceptácia. Rožomberok : FF KU 2009. 221 s.
12. Schneiderová E. Jazykové hry a hříčky. Praha : Portál 2010.
13. Styblík a kol. Český jazyk pro 6.–9. ročník základních škol. Praha : 2003–2005.
14. Štěpanova L. Historie a etymologie českých rčení. Praha : UK 1998. 132 s.
15. Šindelářová J. Фразеологія при обученні чеському мові як рідному і іноземному. Ін: Фразеологія і мовна динаміка. (Матеріали XXXIX Міжнародної філологічної конференції с 5–19 марта 2010 года). Greifswald – Sankt-Peterburg 2011, s. 173–185.
16. www.rvp.cz
17. Vondříčka P. Jazykové hry s lexikálními a konceptuálními strukturami, dostupné na http://wanthalf.saga.cz/library/jazykove_hry.pdf, cit. dne 2. 6. 2012.
18. Sowa J.: Lexical Structures and Conceptual Structures. / J. Sowa // Pustejovsky, J. (ed.): Semantics and the Lexicon. Kluwer Academic Publishers, Netherlands 1993. s. 223–262.
19. Wittgenstein L. Filozofická zkoumání. Přel. Jiří Pechar, Praha: Filosofický ústav AV ČR 1993.

Шинделарова Яроміра. Фразеологія і мовна гра у вивченні рідної мови / Яроміра Шинделарова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т 25 (64), №2 (1). – С. 57–64.

Мета статті – висвітлення ролі фразеології і мовної гри у вивченні рідної мови на всіх рівнях системи шкільної освіти Чеської Республіки. Перша частина тексту містить короткий огляд розвитку чеської фразеології, друга – присвячена важливості мовної гри, мотиваційних методів оживлення викладання рідної мови у формуванні фразеологічної (фразеосемантичної) компетенції учнів у чеських початкових і середніх школах.

Ключові слова: фразеологія, мова, мовна гра, освіта, мета навчання, метод активації, фразеологічна (фразеосемантична) компетентність.

Shindelarova Yaromira. Phraseology and language game in education of mother tongue / Yaromira Shindelarova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 57–64.

The aim of this article is to present the role of phraseology and language game in education of mother tongue at all levels of school system in the Czech Republic. The first part of the text contains short overview of development of Czech phraseology, the second part focuses on the importance of language games as motivational methods to revive the teaching of mother tongue in building phraseological (phraseosemantic) competence of the students at Czech elementary and secondary schools.

Key words: phraseology, language, language game, education, learning target, activation method, phraseological (phraseosemantic) competence.

Стаття надійшла до редакції 10 червня 2012 року

УДК 811. 161. 2'282. 2 (477. 52/6)

FRAZEMI SA ZNAČENJEM „OBMANJIVATI KOGA”

U HRVATSKOM JEZIKU

Weinberger Helmut

Sveučilište u Innsbrucku,

Innsbruck, Austrija

U članku se izlaže frazeosemantičko polje „obmanjivati koga“ u hrvatskom jeziku. Poslije predstavljanja korišćenih izvora i metode istraživanja obrađuju se devet hrvatskih frazema koji pripadaju ovom polju. Svaki frazem je opskrbljen primjerom uporabe i podacima o frekventnosti.

Ključne riječi: frazeologija; obmanjivati / obmanuti; varati / prevariti; frazeosemantičko polje; hrvatski jezik

Uvod: Od postojećih mogućih načina istraživanja i u tim okvirima raspoređivanja frazeološkog fonda jednog jezika, želio bih da na početku ovog članka napomenem dva koji su, po mom mišljenju, veoma popularni u frazeološkim istraživanjima.

• Prvi način istraživanja ima u vidu komponente frazema – lekseme – koje oni sadrže. Te komponente mogu biti (a) eksplicitno navedene, v. npr. [4], [9], ili (b) perifrazirane u smislu da se navodi semantičko polje kojemu one pripadaju, v. npr. [1], [7], [8]. Dakle, u ovom slučaju polazište je *struktura (forma)* frazema.

• Drugi način istraživanja odnosi se na činjenicu da frazemi mogu biti raspodijeljeni po svom značenju, pri čemu frazeološka sinonimija u ovom slučaju, čini se, igra najveću ulogu. Ovim načinom dobijamo grupe frazemâ sa istim ili bliskim značenjem. On se primjenjuje npr. u [2], [3], [5], [6]. Polazište u ovom slučaju je *značenje (sadržaj)* frazema.

Relevantna pitanja: U ovom radu koristćemo se drugim načinom istraživanja. Poći ćemo, naime, od značenja određene grupe frazemâ, konkretno, od frazeosemantičkog polja sa značenjem „obmanjivati koga“. Pri tome će nas interesirati slijedeća pitanja: Koji su frazemi sa značenjem „obmanjivati koga“ u hrvatskom jeziku? Kako se oni mogu podijeliti po frekventnosti uporabe? Kako se oni upotrijebljavaju u kontekstu?

Izvori i metoda istraživanja: Pošto još ne postoji frazeološki rječnik hrvatskog jezika u kome su frazemi poredani po semantičkom principu, kao izvor za frazeme služio nam je [12]. Sve frazeme iz ovog izvora (pod brojem 1808) unijeli smo u datoteku (u formatu Access) te svaki frazem uvrstili u dotičnu semantičku grupu. Valja razumeti da rečeni način u primjeni nije bio posve jednostavan, budući da pripadnost jednog frazema određenoj semantičkoj grupi nije uvijek jasna. (Donoseći odluku o tome da li jedan frazem pripada ovoj sematičkoj grupi ili ne, mi smo postupali relativno slobodno, naime, nismo uzimali u obzir samo frazeme čija perifraza glasi „obmanjivati koga“, nego i takve frazeme koje se po svojem značenju nalaze u blizini „obmanjivati koga“ [npr. „varati koga“ ili „podvaljivati komu“]). Poneki frazem može, naime, po svojem značenju da pripada mnoštvu semantičkih grupa. U tako navedenim okvirima bili smo u prilici da jednostavnim pretraživanjem datoteke kao rezultat dobijemo samo one frazeme koji

pripadaju frazeosemantičkom polju „obmanjivati koga“. Ovom metodom dobivene frazeme proverili smo pomoću najnovijeg frazeološkog rječnika hrvatskoga jezika [11], te na ovom mjestu predstavljamo samo frazeme iz [12], a koje smo našli i u [11].¹ Cijelokupan broj frazema koje u ovom radu navodimo iznosi devet.

Prezentacija materijala: Frazemi frazeosemantičkog polja „obmanjivati koga“ biće prezentirani na slijedeći način: *A.* Na prvom mjestu navodi se *sâm frazem* (zamijenljivi elementi navode se u okruglim zagradama, fakultativni elementi u uglastim zagradama dok se rekcija bilježi kurzivom pomoću odgovarajućeg padeža zamjenice *tko* ili *što*). Kada među oblicima koje smo našli u [12] i onima koje smo našli u [11] postoje veće razlike, mi ćemo te razlike posebice zabilježiti. (Razlike koje se tiču samo reda riječi ili dodatnih varijanti nisu posebno naznačene.) *B.* Na drugom mjestu navodimo *značenje frazema*, t. j. nefrazeološku perifrazu; nju smo uzeli iz [11]. (Iako svi frazemi mogu grubo da se podvedu pod široku semantičku grupu „obmanjivati koga“, ipak se među njima tanje značenjske razlike daju primijetiti. Za osvješćivanje tih razlika služi perifraza.) *C.* Na trećem mjestu slijedi primjer uporabe frazema. Primjeri su po našem mišljenju osobito važni, jer pokazuju kako se frazem ponaša u konkretnom kontekstu. Primjere smo uzeli iz online-korpusa *Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje* (kratko nazvan „riznica“) koji je dostupan javnosti na adresi <http://riznica.ihj.hr/>. *D.* Poslije primjera navode se podatci o frekventnosti frazema na temelju google-pretrage. Pri pretrazi ograničavamo se na vršnu domenu *.hr*, navodimo google-upit (skup riječi koji smo uveli u google-pretraživaču) te broj pronađenih rezultata. Razumije se, da taj broj valja uzeti sa izvesnom oprežnošću, budući da google ne može da razlikuje frazeološko od doslovnog značenja (na primjer, kada neka kolokacija ima oba značenja).

I. prodati (prodavati; podvaliti, podvaljivati) komu rog za svijeću ▪ Perifraza: prevariti / varati *koga*, podvaliti / podvaljivati *komu* ▪ Primjer: „Ona opet, ovlaštena od muža da bude kući glava, vjerovala je da znade mnogo više nego treba, da *njoj* nitko ne može *prodavati rog za svijeću*, da ona svakoga otrpve prozre. Njena samouvjerenost bila je od onih kojima je oslonac u dobroti.“ (Ivan Aralica: *Graditelj svratišta*, 1998) ▪ Frekventnost: Google-upit „prodati rog za svijeću“ je pronađen 84 puta. Google-upit „podvaliti rog za svijeću“ je pronađen 5 puta.

II. prevesti koga žedna (žednog) preko vode ▪ Perifraza: prevariti *koga*, namagarčiti *koga*, napraviti *od koga* budalu ▪ Primjer: „Jasno nam je da sit gladnome ne vjeruje, ali se čudim da ste dopustili da i *Vas* ovako *prevedu žedna preko vode*. Njima je u Saboru, Vladi i mnogim drugima upala sjekira u međ, a sve na račun poreznih obveznika.“ (*Vjesnik online*, 2000) ▪ Frekventnost: Google-upit „prevesti žedna preko vode“ je pronađen 54 puta. Google-upit „prevesti žednog preko vode“ je pronađen 77 puta.

III. navesti (navoditi; navlačiti, navući) koga na tanak led ▪ Perifraza: prevariti / varati (nasamariti i sl.) *koga*, prijevarom nagovoriti / nagovarati *koga na što* ▪ Primjer: „Nijedan se bijes s jednim “nećeš” ne potisnu, te gnjevan na njih a još više na se – što se kao kakav žutokljunac dao *navući na tanak led* i upasti u tako jadnu i prozirnu seljačku

¹ Slijedeći frazemi su zabilježeni samo u [12], a ne i u [11]: „dati *komu* pet za devet“; „uhvatiti *koga* na lijepak“ (U [11] nalazimo „uhvatiti se (pasti) na lijepak“ u značenju „dati se prevariti“ [podcrtavanja su moja]); „oderati (derati, guliti) *komu* kožu [s leđa]“ i „zaći *kome* iza leđa“. O njima neće više biti govora.

klopku – stade prijetiti zatvorom, oduzimanjem pokućarske dozvole, [...]“ (Ivan Raos: *Prosjaci i sinovi*, 1984) ▪ Frekventnost: Google-upit „navesti na tanak led“ je pronađen 53 puta. Google-upit „navući na tanak led“ je pronađen 156 puta.

IV. vući (povući, povlačiti) koga za nos ▪ Perifraza: prevariti / varati *koga*, obmanuti / obmanjivati *koga* ▪ Primjer: „Za koji ću dan sve reći i razotkriti. Neki *su me* članovi IO-a ozbiljno *povukli za nos* svojim lažnim obećanjima.“ (*Vjesnik online*, 2000) ▪ Frekventnost: Google-upit „vući za nos“ je pronađen 293 puta. Google-upit „povući za nos“ je pronađen 60 puta.

V. postaviti (postavljati) komu klopku (stupicu, zamku)¹ ▪ Perifraza: podmuklo pokušati nasamariti *koga*, tajno nastojati dovesti *koga* u nepriliku ▪ Primjer: „Trenor Zagreba Lino Červar rekao je nakon utakmice da je bio siguran u to da su Metkovići vrlo dobro analizirali igru svojih nedjeljnih suparnika, pa *im je postavio zamku*: – Metkovići su došli dobro pripremljeni na igru sa dva pivota kod 3-2-1.“ (*Vjesnik online*, 2000) ▪ Frekventnost: Google-upit „postaviti klopku“ je pronađen 76 puta. Google-upit „postaviti stupicu“ je pronađen 78 puta. Google-upit „postaviti zamku“ je pronađen 375 puta.

VI. baciti (bacati; sipati) komu pijesak (prašinu) u oči ▪ Perifraza: obmanuti / obmanjivati *koga*, dovesti / dovoditi *koga* u zabludu ▪ Primjer: „[...] očeva propast *im je svima* dobro došla da se oni ojačaju, da svrate pozornost sa sebe i sa svojih djela na oca i da tako *bace ljudima prašinu u oči*. (Ivo Kozarčanin: *Sam čovjek*, 1937) ▪ Frekventnost: Google-upit „baciti pijesak u oči“ je pronađen 24 puta. Google-upit „baciti prašinu u oči“ je pronađen 54 puta. Google-upit „sipati pijesak u oči“ je pronađen 5 puta. Google-upit „sipati prašinu u oči“ je pronađen 10 puta.

VII. zamazati (mazati) komu oči <čime> ▪ Perifraza: prevariti / varati *koga*, zavarivati / zavaravati *koga*, obmanuti / obmanjivati *koga* ▪ Primjer: „Trebalo je još samo *narodu zamazati oči*, izvršiti prijevaru nad hrvatskim narodom, izvesti stvar tako, da narod za ove zakulisne akcije mađarskih i drugih bečkih reacionara ne sazna, [...]“ (Vaso Bogdanov: *Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848/49*, 1949) ▪ Frekventnost: Google-upit „zamazati oči“ je pronađen 480 puta.

VIII. podmetnuti (podmetati) komu [u gnijezdo] kukavičje jaje² ▪ Perifraza: podvaliti / podvaljivati *komu*, nasamariti *koga*, neugodno iznenaditi *koga* ▪ Primjer: „Neodgovorno je i nepristojno iza epiteta lagodno, lepršavo i zabavno, što implicira takva komedija, *podmetati publici kukavičje jaje* – pod zajedničkim nazivnikom prazno, formalno, deklarativno.“ (*Vjesnik online*, 2003) ▪ Frekventnost: Google-upit „podmetnuti kukavičje jaje“ je pronađen 39 puta.

IX. zabiti (zabijati) komu nož u leđa ▪ Perifraza: izdati / izdavati *koga*, podmuklo napasti / napadati *koga* ▪ Primjer: „Preko volje, u nevolji, Luka je ostavio profesionalce iz starih vremena, znajući da među njima ima i onih koji će *mu zabiti nož u leđa*, ali *im je* dodavao nove ljude i stvarao čudne parove.“ ▪ Frekventnost: Google-upit „zabiti nož u leđa“ je pronađen 260 puta. – O pripadnosti ovog frazema frazeosematičkoj grupi

¹U [12]: plesti (praviti, namjestiti) *kome* zamku.

²U [11] bez glagola *podmetnuti*: kukavičje jaje ‘nešto podmetnuto (podvaljeno) *komu*, neugodno iznenadenje’.

„obmanjivati koga“ može da se bude u nedoumici, no vjerujem da značenje „izdati / izdavati koga“ tu pripadnost ipak opravdava.

§ 5. O motivaciji frazema frazeosemantičke grupe „obmanjivati koga“: Kod najvećeg dijela frazemâ očigledna je metaforizacija. Na primjer: tko nekome prodaje bezvrijedan rog umjesto svijeće, taj ga vara, obmanjuje. Samo frazem *podmetnuti (podmetati) komu [u gnijezdo] kukavičje jaje* motiviran je na način koji na prvi pogled može da ne bude posve jasan, naime čudnim ponašanjem ptice kukavice, koja „čeka u ranu zoru kad crvendačeva ženka leže jaja. Pa kad crvendačev par (ženka i mužjak) načas napuste gnijezdo, kukavica na brzinu snese u travu svoje jaje, te ga u kljunu odnese i položi među crvendačeva jaja, koja su njezinu jajetu bojom i veličinom i slična. Položivši svoje jaje, ona uzima jedno crvendačevo jaje u kljun, te ga bezobzirno negdje ispusti. Naravno, takvu podvalu crvendačica i crvendač ne primjećuju“ [10, s. 270]. Međutim, paralela koja govori o ponašanju ptice kukavice i čovjeka koji nekom drugome „podmeta kukavičje jaje“ ograničena je, budući da „птице то чине по нагону за одржање, а људи свесно – да би прикрили своје праве намере и остварили их насамаривши другога. Стога израз *подметати кукавичја јая* има јако пејоративно (погрдно) значење“ [13, s. 219].

Zaključak: U izvoru [12] (koji je provjeren izvorom [11]) nalazimo ukupno devet frazema koje možemo svrstati u frazeosemantičko polje „obmanjivati koga“. Svi ti frazemi su manje ili više frekventni, tj. u uporabi su sve do danas. U tom smislu možemo da zaključimo da ovdje dati i opisani izvori na jedan posve valjan način odražavaju suvremenu jezičnu stvarnost.

Literatura

1. Fink Željka. Frazeologizmi s numeričkom komponentom (na materijalu hrvatskih ili srpskih i ruskih frazeologizama) / Željka Fink // Radovi Zavoda za slavensku filologiju, 24, Filozofski fakultet Zagreb. – Zagreb, 1989. – S. 81–96.
2. Fink Željka. Frazemi sa značenjem ‘vrlo daleko’ u ruskom i hrvatskom jeziku / Željka Fink // Filologija, 24–25, HAZU, Razred za filološke znanosti. – Zagreb, 1995. – S. 121–127.
3. Fink Željka. Hrvatski i ruski frazemi sa značenjem ‘vrlo blizu’ / Željka Fink // Suvremena lingvistika, 41–42, Hrvatsko filološko društvo, Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta u Zagrebu. – Zagreb, 1996. – S. 139–144.
4. Fink Željka. Ruski i hrvatski frazemi s komponentama *бог, черт (дьявол)* i *bog, vrag (đavo)* / Željka Fink // Filologija, 27, HAZU, Razred za filološke znanosti. – Zagreb, 1996. – S. 17–24.
5. Fink Željka. Pridjevski i glagolski frazemi sa značenjem ‘jako pijan’ i ‘jako se napiti’ (na materijalu ruskoga i hrvatskoga jezika) / Željka Fink // Prvi hrvatski slavistički kongres: zbornik radova, sv. I. (urednik Stjepan Damjanović). – Zagreb, 1997. – S. 231–241.
6. Fink Željka = Финк Желька. Русские и хорватские фразеологизмы со значением ‘умереть’ / Željka Fink // Studia Russica, XVII (ответственный редактор А. Золтан), Будапештский университет им. Л. Этвеша, Факультет гуманитарных наук, Кафедра восточнославянской и балтийской филологии. – Будапешт, 1999. – S. 268–274.
7. Fink Željka = Финк Желька. Музыкальные инструменты как компоненты хорватских и русских фразеологизмов / Željka Fink // Вестник Международного славянского университета, серия «Филология», том IV, 1, Харьков, 2001. – S. 35–39.
8. Fink Željka. Entomonimi u frazeologiji hrvatskoga i ruskog jezika / Željka Fink // Riječki filološki dani 5 (glavni urednik Irvin Lukežić), Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci, Rijeka, 2004. – S. 139–148.

9. Fink Željka. Hrvatski priložni frazemi s komponentama *dan* i *noć* i njihovi ekvivalenti u drugim jezicima / Željka Fink // *Frazeologické štúdie V, Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii* (editori D. Baláková i P. Ďurčo), Katolícka univerzita v Ružomberku, Filozofická fakulta, Ružomberok, 2007. – S. 239–250.
10. Ladan T. *Etymologicon. Tumač raznovrsnih pojmova* / T. Ladan. – Zagreb : Masemedia, 2006. – 943 S.
11. Menac Antica; Fink-Arskovski Željka; Venturin, Radomir. *Hrvatski frazeološki rječnik*. – Zagreb : Ljevak, 2003. – 414 S.
12. Petermann, Jürgen; Rittgasser, Stefan. *Kleines Wörterbuch der kroatisch-serbischen idiomatischen Redewendungen mit deutschen Entsprechungen. Phraseologisches Minimum*. – München : Max Hueber, 1980. – 129 S.
13. Šipka Milan = Шипка Милан. *Зашто се каже?* / М. Šipka. – Нови Сад : Прометеј, 2007. – 294 S.

Вайнбергер Гельмут. Фразеологізми зі значенням «обманювати кого» у хорватській мові / Гельмут Вайнбергер // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), № 2 (1). – С. 65–69.

У статті представлено семантичне поле «обманювати кого» у хорватській мові. Використані джерела й методи дослідження дали можливість опрацювати 9 хорватських фразеологізмів, що належать до цього поля. Кожний фразеологізм наведено з відомостями щодо його вживання в контексті й частоти використання.

Ключові слова: фразеологія, обманювати / брехати, фразеосемантичне поле, хорватська мова.

Weinberger Helmut. Phrasemes Meaning “to Deceive Someone” in Croatian. / Helmut Weinberger // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 65–69.

In this essay, the Croatian phraseosemantic field “to deceive someone” is being dealt with. First, the sources used are indicated and second the research methods described briefly. Then nine phrasemes of the respective field are discussed in detail. Each phraseme is presented both with its meaning in context and its frequency in language usage.

Key words: phraseology, to deceive, phraseosemantic field, Croatian language.

Стаття надійшла до редакції 5 травня 2012 року

УДК 811.161.1

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ¹**

Алефиренко Николай

Белгородский государственный университет,

Белгород, Россия

Предметом исследования служат когнитивно-дискурсивные механизмы фразеомобразования и фразеопотребления. Различаются фразеологические игры: а) по форме, б) по содержанию, в) по форме и содержанию. В качестве основных средств фразеологической игры слов рассматриваются: а) когнитивно-дискурсивная метафора, б) конфигурационная игра слов, в) расширение когнитивной базы и г) дискурсивная аллюзия.

Ключевые слова: фразеология, языковая игра, когнитивно-дискурсивные механизмы.

Языковая игра (ЯИ) как разновидность лингвокреативной деятельности – природное свойство человеческого сознания, использующего для этого различные когнитивно-дискурсивные механизмы, которые обеспечивают порождение и функционирование в речи знаков косвенно-производной номинации. Среди них наиболее ёмкими с точки зрения когниции и эффективным с точки зрения дискурсии являются фраземы, поскольку в их ассоциативных сетях пересекаются лингвокреативное мышление и жизнесмыслы, завуалированные парадоксальными сплетениями словесных коннотаций. Это, собственно, те моменты, которые, прежде всего, учитывал Л. Витгенштейн, назвавший «языковой игрой» соединение речи и действия.

Фраземы – пожалуй, древнейший продукт языковой игры, поскольку само восприятие жизни как игры присуще человеческому сознанию издревле. Сам процесс фраземодеривации является процессом вечным, который и ныне, играя комбинаторными свойствами языка, продолжает обогащать его экспрессивно-образную систему всё новыми единицами.

Для теории ЯИ в сфере фразеологии важно различать ФЕ в системе языка и речи. В системе языка – это фразема, эмическая (идеальная) единица, которая хранится в этноязыковом сознании независимо от формы его актуализации в речи. В речи фраземы могут подвергаться ЯИ в узуальной или окказиональной форме. Фразема является внедискурсивным образованием, хранящимся в долговременной памяти народа в качестве воспроизводимого знака, который извлекается для

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.

реализации речевых интенций, порождаемых той или иной дискурсивной ситуацией. Будучи изначально игровым продуктом, фразема представляет собой когезивное целое, обеспечивающее существование, развитие и устойчивость ФЕ в дискурсе, представляя, таким образом, архетипический концепт.

Надо полагать, источник активного долголетия фразем, основанных на ЯИ, – в ассоциативной гибкости лежащего в их основе дискурсивного парадокса. Именно благодаря парадоксу [4] человеческому мышлению удаётся оторваться от стереотипов прямо номинативного дискурса и в новой логике лингвокреативных рассуждений оказаться в стихии косвенно-производного знакообразования. Наличие значительных расхождений в понимании парадокса побуждает вести поиск его базового признака. Таковым является «противоречие». Отсюда наше определение фразеологического парадокса как *речевого противоречия, выражающегося, с одной стороны, в формально-языковом сочетании логически несовместимых концептов, а с другой – в ассоциативно-смысловом их объединении в едином фрейме*. Парадоксальная сочетаемость фраземообразующих компонентов направлена на первичную референцию, а ассоциативно-смысловая целостность фреймового фраземосеміозиса – на вторичную денотацию, основанную, главным образом, на лингвокреативных механизмах языковой игры. ЯИ как форма речевого мышления эксплуатирует механизмы *ассоциативного переключения узувального стереотипа восприятия, создания и употребления* языковых единиц, характеризуется условностью и интенциональностью [2, с. 12]. Последние признаки являются категориальными свойствами игровой фраземодеривации. Дело в том, что фраземотворческая деятельность языкового сознания основывается на использовании слов в косвенно номинативной функции, на приёмах трансформационного и интерпретационного словоупотребления, на включении знака в новый ассоциативно-дискурсивный контекст [5, с. 12]. Функция ассоциативно-дискурсивного контекста состоит в обеспечении направленного прогноза восприятия фраземы в речи. Ассоциативно-дискурсивный контекст, будучи условием реализации в нем игрового эффекта, обеспечивает панорамное видение узлов и слотов фразеологического фрейма, скрипта или сценария, т. е. тех моделей обыденного знания, которые служат формами смыслового содержания фраземообразующего концепта.

Фразеологическая игра слов строится на двух конструктивных принципах: *принципе ассоциативной координации* и *принципе ассоциативного контраста*. Оба принципа делают игровой парадокс оправданным, поскольку служат осмысленному восприятию фраземы. Приёмами, создающими интенциональный эффект ассоциативной координации и контраста в восприятии фраземы, являются: 1) ассоциативная интеграция совмещенного восприятия её формы и содержания; 2) ассоциативное наложение нескольких планов восприятия фраземы (сближения, сопоставления, противопоставления) на фоне актуализации её лексических компонентов; 3) ассоциативно-игровая идентификация и деривационно-мотивационная связь ассоциантов; 4) ассоциативная провокация (намеренное столкновение первичных денотатов фраземообразующих лексем) [5, с. 16]. Фразеологическая игра слов дает возможность выделить ещё один тип –

ассоциативные парадоксы [3]. В принципе, они типологически совпадают с авторскими, хотя и принадлежат, как правило, к результатам словесной игры, принадлежащей общенародному языковому сознанию. Ассоциативные парадоксы служат когнитивно-дискурсивным стимулом порождения многих стилистических фигур и приемов, включая метафору, оксюморон и некоторые виды каламбуров. В этом случае эффект парадокса возникает за счет взаимодействия фраземы с дискурсивным контекстом. Важнейшую роль в таком взаимодействии играет открытый А. А. Ухтомским принцип доминанты, который ученый увязывал с фундаментальной стратегией человеческого бытия и познания, с важнейшими психическими процессами [6]. Доминанта означает преобладание одного очага возбуждения в коре головного мозга над другим. Принцип доминанты обуславливает процесс возникновения целостного образа из составляющих его частей, что является основополагающим для объяснения когнитивного механизма формирования целостного фразеологического образа. Оказывается, благодаря принципу доминанты в процессах фразеомообразовательной игры слов объекты косвенной номинации, не вызывая обычных реакций, усиливают деятельность доминирующего центра. Вообще «человек подходит к миру и к людям, – пишет А. А. Ухтомский, – всегда через посредство своих доминант, которые «стоят между нами и миром, между нашими мыслями и действительностью» [6]. Каковы доминанты, полагал А. А. Ухтомский, таков и интегральный образ мира, проецирующий в соответствующей этнокультуре основные жизнесмыслы фразеосемантических полей.

В поле зрения когнитивной фразеологии [1] прежде всего оказываются те когнитивные структуры, которые создают парадоксальность лексико-фразеологической сочетаемости. Причем само фразеомообразование и фразеомоупотребление в рамках этой парадигмы представляет собой лингвокогнитивный процесс, состоящий в нестандартной переработке информации, заключённой во фразеомообразующих компонентах узуальных и окказиональных фразем.

I. Когда узуальная ФЕ оказывается в одном контекстуальном поле с семантически не совместимыми единицами возникает когнитивно-семантический парадокс. Ср.: *Татьянин день – это такой день, в который разрешается напиваться до положения риз даже невинным младенцам и классным дамам* (А. Чехов). Фразеологизм *до положения риз* означает ‘до крайней степени, до неменяемости’. Здесь семантический парадокс возникает при оксюморонном объединении в одном контексте ФЕ *напиваться до положения риз* и оборотов *невинным младенцам и классным дамам*. Оксюморон – приём, связанный с нарушением стереотипов – логических и языковых. С нарушением логических стереотипов связан эффект «обманутого ожидания» или эффект неожиданности. Во-первых, парадоксальным является логическая несовместимость концептов. В данном примере несовместимость концепта «риза» – ‘верхнее облачение священника, надеваемое во время богослужения’ и концептов «невинные младенцы» и «классная дама». Вторым парадоксом здесь выступает языковая несовместимость выражений *невинные младенцы и классные дамы* с фраземой

(*напиваться*) до положения *риз*, употребляющейся в значении ‘опьянеть до состояния снятия с себя (положения на землю) одежды (риз)’. Абсурдность представленного дискурса создаётся нарочитым сочетанием исключаящих друг друга фразем. При когнитивно-семантической трансформации в ЯИ компонентный состав фраземы не участвует. ЯИ осуществляется за счет введения в когнитивную структуру фраземы новых смысловых элементов, которые, собственно, и приводят к совмещению прямых и переносных значений её лексических компонентов. При таких когнитивно-семантических преобразованиях за счет двуплановости фраземы или её буквализации трансформируется образный слой фразеологического концепта. В первом случае происходит актуализация внутренней формы концепта. При этом языковое сознание ассоциативно удерживает оба представления (фраземы и её свободносинтаксического пототипа). Во втором – фразеологический концепт вытесняет образ свободного словосочетания.

II. Использование окказиональных ФЕ приводит к стилистическому парадоксу, который возникает в результате сопряжения в одном дискурсе концептов, репрезентируемых единицами, принадлежащими к разным стилям речемышления. Нередки случаи, когда стилистический парадокс дополняется когнитивно-семантическим: *Из угла в угол шагает швейцар, алчущий и жаждущий. На сытом рыле его написано корыстолюбие, в карманах позванивают плоды лихоимства* (А. Чехов). Здесь сталкиваются концепты «голод» и «сытость», репрезентируемые библейской фраземой *алчущий и жаждущий* и просторечным словосочетанием *сытое рыло*. Когнитивно-семантический парадокс в этом случае создается столкновением в одном дискурсе разностилевых ФЕ. Ср. ФЕ разных стилевых регистров: высокого (*алчущий и жаждущий*), сниженного (*шагать из угла в угол, в карманах позванивает*) и грубо-просторечного (*написано на сытом рыле*). Кроме прочего, здесь срабатывает двусмысленность: с одной стороны, дискурсивный смысл фраземы *алчущий и жаждущий* – ‘алчно жаждущий чаевых’, с другой – узуальное значение ‘испытывающий голод и жажду’; фраземы *в кармане звенит* – дискурсивный смысл ‘плоды лихоимства’ и узуальное значение ‘мелкие деньги’. Ср. народный афоризм: *Хорошо, когда в кармане звенит. Еще лучше, когда в кармане шелестит*. В нем противопоставляется скудность (разменные монеты звенят) – достатку (бумажные купюры шелестят). Ещё более наглядно стилистический парадокс создаётся фразеологической контаминацией разговорной фраземы *развесить уши* и библейского выражения *имеющий уши да услышит*. Смысловая контаминация фразем продуцирует их ассоциативную координацию по семе ‘слушать’ и ассоциативное противопоставление по семам ‘слишком доверчиво воспринимать истину’ и ‘слышать истину, слово божье’ [2, 1996, с. 18].

ЯИ, опирающаяся на окказиональную речевую реализацию фраземы, осуществляется по хранящейся в языковой памяти модели [7]. Поэтому мы не считаем окказиональное фразеопотребление ненормативной ЯИ. Такая ЯИ использует адаптированную для актуальной дискурсивной ситуации форму с целью придания фраземе интенционально обусловленную когнитивно-дискурсивную значимость. ЯИ, продуцирующие окказиональные формы фразем, используют:

а) когнитивно-дискурсивную метафору, б) конфигурационную игру слов, в) расширение когнитивной базы, г) дискурсивную аллюзию.

1. Механизм когнитивно-дискурсивной метафоры определяется когнитивными и дискурсивными факторами. Когнитивный механизм метафорической игры направлен на развёртывание образа, лежащего в основе фразеологического концепта. Это происходит за счет актуализации одного или нескольких его образных элементов. При этом важно заметить, что актуализируются они игрой дискурсивных средств, которые, как правило, выходят за рамки конкретного предложения. Когнитивно-дискурсивная метафора является одной из самых частотных моделей окказионального преобразования фразем. Её отличительной чертой является создание дискурсивно-ассоциативного образа фраземы, выходящего за пределы собственно фраземного знака.

2. Игра слов, входящих во фразеологическую конфигурацию, строится на когнитивно-метафорических ассоциациях между фразеологическим концептом и его прототипическим образом. Чаще всего такая ЯИ оказывается связанной с буквализацией или двойной актуализацией фраземы. Фразеологическая игра слов возникает благодаря когнитивной антитезе: удерживанию в языковом сознании фразеологического и протофразеологического концепта. Такого рода когнитивный механизм носит название бинарной экспозиции. Фразеологическая игра слов создаёт неожиданный семантический сдвиг в сторону первичной дискурсивной ситуации. При этом обнажается внутренняя форма самого фразеомообразующего концепта. Благодаря двойной актуализации происходит деметафоризация фраземы, создающая эффект когнитивного диссонанса.

3. Проявлениями ЯИ, основанная на расширении когнитивной базы, служат два приёма: а) контекстуальный разрыв компонентного состава фраземы и б) вклинивание.

А. Хотя узуальная фразема остаётся в рамках устоявшейся структуры, конкретная дискурсивная ситуация может создавать такую когнитивную конфигурацию, которая требует дистанционного расположения фразеологических компонентов, не разрушающего, однако, идентифицирующей целостности фраземы. Первая часть фраземы, воспринимаемая вместо целого, выполняет метонимическую функцию, «привязывая» в языковом сознании узуальный фразеологический образ к новой дискурсивной ситуации. При этом ЯИ создаётся ретардацией – замедлением процесса восприятия ФЕ в данной дискурсивной ситуации.

Б. При вклинивании происходит уточнение смыслового содержания фразеологического концепта, а сама вставляемая лексема становится окказиональным компонентом фраземы.

4. Приём дискурсивной аллюзии (франц. *allusion* < лат. *alludere* – ‘подшучивать, намекать’) во фразеологической игре слов состоит в использовании в конкретном дискурсе знаков, прямо или косвенно эксплицирующих образную составляющую фразеологического концепта. Дискурсивная аллюзия метонимически актуализирует когезивный потенциал, имплицитно присущий любой фраземе: по одному или нескольким компонентам фраземы в языковом сознании всплывает целостный концепт. При дискурсивной аллюзии от фраземы остаётся только её фрагмент,

который, однако, явно указывает на известный концептуальный образ. «Мне делается неловко за публику, которая ухаживает за литературными болонками только потому, что не умеет **замечать слонов**» (А. П. Чехов). Одной из основных функций аллюзии во фразеологической игре слов является обострение ассоциативности фразеологического образа. Аллюзивный код фразеологической игры слов основан на ассоциативной «переключке» дискурсивных контекстов, образующих фразеологическую игрему. Таков, например, прием контаминации ФЕ, создающий эффект ассоциативного наложения их образно-символических смыслов. Например: Это – *синицей в руке выпавшая звезда* (Ю. Левитанский). Аллюзивная игра формирует здесь микротему «краткого мига счастья», актуализируя коннотации, обусловленные исходными символическими смыслами устойчивых выражений (Т. А. Гридина). Ср. *лучше синица в руке, чем журавль в небе* (символ обладания чем-то реальным в противовес мечте о недостижимом) и *падающая звезда* (символ исполнения мечты, возможности поймать миг удачи – загадать желание в момент падения звезды). Ассоциативная идентификация (*синицей в руке выпавшая звезда*) как конструктивный принцип фразеологической игры слов снимает исходную семантическую оппозицию фразем и задает новый символический контекст их интерпретации в созданном «гибридном» образовании («свершение невозможного как дара свыше»). Аллюзия во фразеологической игре слов – дискурсивно обусловленный косвенный намек, ассоциация, мысленное соотнесение фразеомобразующего концепта с какими-либо значимыми для данной этнокультуры событиями из прошлой жизни, хорошо знакомыми явлениями.

Итак, поскольку ЯИ в сфере фразеологии опирается на когнитивно-дискурсивные трансформации фраземного знака в целом или на видоизменение одной из его билатеральных частей (плана выражения или плана содержания), перспективным для развития фразеологии представляется когнитивно-семиологическое направление.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Введение в когнитивную фразеологию / Н. Ф. Алефиренко. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 152 с.
2. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 1996. – 215 с.
3. Декатова К. И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка: Когнитивно-семиологический аспект исследования / К. И. Декатова. – Волгоград : Перемена, 2009. – 287 с.
4. Ешкенази А. За парадоксите в логиката / А. Ешкенази. – София: Изд-во на Бълг. акад. на науките, 1977. – 154 с.
5. Тармаева В. Д. Когнитивная природа фразеологического парадокса в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Д. Тармаева. – Иркутск, 1997. – 21 с.
6. Ухтомский А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
7. Naciscione A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione. – Amsterdam/ Philadelphia, 2010. – 236 p.

Алефіренко Микола. Когнітивно-дискурсивні механізми мовної гри у сфері фразеології // Микола Алефіренко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 70–76.

Предметом дослідження є когнітивно-дискурсивні механізми фразеотворення і фраземовживання. Розрізняють фразеологічні ігри: а) за формою, б) за змістом, в) за формою і змістом. Як основні засоби фразеологічної гри слів розглядаються: а) когнітивно-дискурсивна метафора, б) конфігураційна гра слів, в) розширення когнітивної бази і г) дискурсивна алюзія.

Ключові слова: фразеологія, мовна гра, когнітивно-дискурсивні механізми.

Alefirenko Nickolay. Cognitive Mechanisms of Language Game in the Field of Phraseology / Nickolay Alefirenko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 70–76.

The subject of the research are the cognitive discursive mechanisms of the formation and use of idioms. One should distinguish between phraseological game-units according to their: a) form, b) content, c) form and content. As a main means of phraseological casuistry we consider: a) cognitive discursive metaphor, b) configuration casuistry, c) amplification of cognitive basis and d) discursive allusion.

Key words: phraseology, casuistry, cognitive discursive mechanisms.

Стаття надійшла до редакції 10 травня 2012 року

УДК811.161.1'373

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ЭТНОКОГНИТИВНОЕ СРЕДСТВО И РЕЗУЛЬТАТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Буянова Людмила

Кубанский государственный университет,

Краснодар, Россия

В статье на материале русских фразеологизмов рассматривается проблема соотношения и репрезентации этнокогнитивного и игрового компонентов в семантико-ментальной структуре фраземы; анализируется языковая концептуализация этнической картины мира в рамках процессуальности фразеологической игры.

Ключевые слова: этнокогнитивный оператор, фразеологическая игра, фразеологизм, ментальность.

В современной лингвистике одним из актуальнейших и сложных остаётся вопрос о сущности фраземы как этнокогнитивного оператора и средства языковой игры. Это обусловлено тем, что фразеологизмы представляют собой особые концептуальные структуры обыденного знания, в которых в образно-символьной форме кодируются и передаются от поколения к поколению в неизменном виде национально и культурно маркированные оценки и главные для этноса нравственно-этические, моральные нормы и стереотипы. Фразеологическая картина мира – это особый ментально-когнитивный пласт, вербальный «слепок» народной жизни и народного духа, национального мироосмысления, отражённый и зафиксированный в содержании языковых форм различных устойчивых единиц. В процессе фразеологической концептуализации русской этнической картины мира эксплицируется феномен вторичной антропологизации языка, связанный с влиянием архетипической, наивно-бытовой, философской, религиозно-мифологической, научной, художественно-поэтической картин мира.

Интерпретация русской фразеологии как ментально-оценочной отражательной системы обусловлена её онтологическими и фенотипическими свойствами, которые также влияют на формирование семантической структуры фраземы и закрепление речевого смысла ФЕ. В этой динамической, постоянно развивающейся системе направление, механизмы, основные способы и средства фразеологической концептуализации мира определяются в том числе этнокультурной, ментальной, религиозной, духовно-нравственной, конфессионально-вероисповедальной, социально-исторической спецификой каждого из этапов общего цивилизационного процесса, а также национальными социокультурными установками и ценностями.

Проблема соотношения и репрезентации этнокогнитивного, ментального и игрового компонентов в семантико-ментальной структуре фразеологизма является в настоящее время весьма актуальной и востребованной, так как многие её аспекты до конца ещё не исследованы с позиции междисциплинарного подхода. Й. Хейзинга

ещё в 1992 году писал о том, что «этнология и родственные ей науки отводят слишком мало места понятию игры» [3, с. 11], хотя именно *игра* как специфический феномен выступает важнейшим системообразующим явлением Культуры. «Важнейшие виды первоначальной деятельности человеческого общества все уже переплетаются с игрой. Возьмём язык, самый первый и самый высший инструмент, созданный человеком для того, чтобы сообщать, учить, повелевать. ... За каждым выражением абстрактного понятия прячется образ, метафора, а в каждой метафоре скрыта игра слов. Так человечество всё снова и снова творит своё выражение бытия, рядом с миром природы – свой второй, измышлённый мир» [3, с. 18–19]. В то же время одной из важнейших задач современной лингвистики следует признать выявление и описание тех языковых механизмов и мыслительно-вербальных операций, которые детерминируют потенциал фразеологизма как специфического этнокогнитивного *игрового* знака, выступающего одновременно и средством, и результатом особой разновидности языковой игры – **игры фразеологической**.

Фразеологические единицы современного русского языка, интерпретируемые как ментально-когнитивные знаки, формируют фразеологическую картину мира посредством специфических мыслительных процедур – категоризации, метафоризации, объективации, структуризации, языковой концептуализации. Фразеологическая картина мира представляет собой сегмент языковой картины мира, которая, по концепции Е. С. Кубряковой, есть «особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. Это – своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, совокупность обозначений, влияющая на членение опыта и виденье ситуаций, событий и т. п. через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка и включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но в известной мере правила их образования и функционирования» [1, с. 64–65].

По нашим наблюдениям, **людическая** функция фразеологизма обусловлена системной актуализацией реализующихся в языке и речи следующих свойственных ему функций: номинативной; коммуникативной; прагматической; экспрессивной; эмотивной; эстетической; стилистической (С. А. Гаврин); эмоциогенной (Л. Ю. Буянова); метаязыковой (Л. Ю. Буянова); функции «характеризующей предикации» (В. Н. Телия) и других, редко фиксируемых в дефинициях фразеологических единиц. В связи с этим целесообразно выделить как функциональный сегмент общенациональной языковой картины мира также и **фразеоигровую картину мира**, семиотико-ментальную основу которой составляют фраземы, репрезентирующие процессуальность фразеологической игры. При этом в основе денотативного аспекта значения ФЕ происходит смена денотата исходного сочетания и перенос его свойств на новый денотат, вызванные полным или частичным семантическим переосмыслением этого сочетания. Полное игровое переосмысление, сопровождающее образование ФЕ, основывается на каком-либо из видов тропа, на алогизме или широко известном в данной этнокультуре речении. Фразеологизмы, выполняющие роль этнокогнитивного оператора и воспринимаемые носителями языка как культурно значимые тропеические образцы

свойств, явлений, событий, фактов, при актуализации **людической** функции могут мотивироваться метафорой (*тянуть одеяло на себя, вставлять палки в колеса, держать камень за пазухой*), метонимией (*распустить нюни, повернуться спиной*), сравнением (*нужен как собаке пятая нога, как рыбе зонтик*), могут строиться на гиперболе, литоте, перифразе, оксюмороне и т. п. Следует особо подчеркнуть, что в русской фраземике понятие **игры** зачастую соотносится с понятием **обмана, хитрости** (ср.: *водить за нос* – «обманывать кого-либо», *играть в кошки-мышки* – «хитрить, стараясь обмануть кого-либо» и др.). Игровое переосмысление одного из компонентов ФЕ приводит к образованию аналитического сочетания с расчлененной номинативной функцией и таким же характером значения (*завоевать авторитет, раб страстей, корень зла*).

Как известно, в лингвистике до сих пор идут споры о сущности и соотношении понятий «языковая игра» и «речевая игра»; предпочтение часто отдаётся термину «языковая игра», причём словесной формой комического и специфическим видом языковой игры считается языковая шутка [2, с. 15]. Фразеологизмы как результат народного языкотворчества представляют собой также результат языковой игры, которая способствует обогащению национального языка, развитию в интеллектуальном плане мышления и понятийно-категориального аппарата системы языка в целом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русские фразеологизмы выступают людическими этноконстантами культуры: их когнитивная, семиотическая, образно-ассоциативная и денотативно-ситуативная мотивированность определяются менталитетом и мировосприятием самого народа. Формируясь на основе оценочного, игрового и образно-экспрессивного представления действительности, фраземы отражают и выражают обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, обусловленный традициями и спецификой его культуры в целом. Так, фраземы *вешать нос, вешать голову* эксплицируют ситуацию уныния и отчаяния как денотативный образ, отражая устойчивый стереотип восприятия и оценки любого несчастья, горя, беды, неудачи и т.п. через пространственную категорию места – «вниз», «внизу» (ср. *идти ко дну, идти на дно, идти под гору (под уклон)* и др.). Фраземы с эксплицитным или имплицитным глагольным компонентом обычно обладают категориальным значением оценочной признаковости – «хорошо» или «плохо», что интуитивно осознаётся и признаётся носителями языка: *вкладывать душу, с душой* – «хорошо»; *влезать в душу, кривить душой* – «плохо»; *есть поедом, ездить верхом, чужими руками жар загребать* – «плохо» и т. п. Такого рода ФЕ образуют в пространстве фразеологической картины мира системно организованную **этнокогнитивную суперструктуру**, в которой закодированы выработанные в течение веков и закреплённые в вербально-ментальных образованиях кванты обыденного знания о человеческих взаимоотношениях и стереотипы поведения человека по отношению друг к другу; к родным; к чужому (-им); к порученному делу; к воспитанию и т. д. Спецификой подобных ФЕ является то, что в них заложена поведенческая «инструкция» преимущественно о том, как **нельзя, плохо, некрасиво** поступать, а не о том, как поступать или вести себя

нужно и должно. По наблюдениям многих исследователей, в понятийном пространстве феномена игры важнейшим признаком выступает признак **движения**, изменения, динамики, развития, поэтому именно фразеологизмы, с их как бы «сдвинутой», «передвинутой» от этимологического образа семантикой, наиболее чётко репрезентируют движение народной мысли в сторону обобщения и закрепления на семантико-понятийном уровне образных зарисовок, картинок народной жизни, отражая и фиксируя в вербальной форме ментально-культурный код этноса.

Дальнейшее исследование проблемы статуса фразеологизма как средства и результата языковой игры позволит увидеть в перспективе специфику когнитивной и семиотико-вербальной репрезентации национального опыта, позволит систематизировать и классифицировать важнейшие признаки, качества и функции фраземы как этнокогнитивного оператора и уникальной языковой единицы ментального кода.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : «Языки русской культуры», 2004. – 578 с.
2. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
3. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; пер. с Нидерланд. В. Ошиса. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2004. – 539 с.

Буянова Людмила. Фразеологізм як етнокогнітивний засіб і результат мовної гри / Людмила Буянова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 77–80.

У статті на матеріалі російських фразеологізмів розглядається проблема співвідношення й репрезентації етнокогнітивного та ігрового компонентів в семантико-ментальній структурі фраземи; аналізується мовна концептуалізація етнічної картини світу в межах процесуальності фразеологічної гри.

Ключові слова: етнокогнітивний оператор, фразеологічна гра, фразеологізм, ментальність.

Buyanova Liudmila. Phraseologism as an Ethnocognitive Means and the Result of a Language Game / Liudmila Buyanova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 77–80.

On the material of Russian phraseologisms the problem of correlation and representation of ethnocognitive and gaming components in the semantic and mental structure of a phrasema is considered in the article. The article also analyzes language conceptualization of an ethnic picture of the world within the bounds of processuality of a phraseological game.

Key words: ethnocognitive operator, phraseological game, phraseologism, mentality.

Стаття надійшла до редакції 31 червня 2012 року

УДК 811.162.1'373.613:159.923

МОВНА ГРА ЯК ЗАСІБ ВІДОБРАЖЕННЯ ЕТНОКАРТИНИ СВІТУ В ПОЛЬСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Дем'яненко Наталія

Київський національний університет імені Тараса Шевченка,

Київ, Україна

У статті на матеріалі польської мови досліджено фразеологізми в руслі проблематики картини світу, зокрема з погляду ментальної характеристики особистості. Здійснено спробу показати мовну гру як засіб відображення фразеологічної картини світу.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, картина світу, ментальність, мовна гра, внутрішня форма.

Мовна гра не підпадає під більшість тлумачень гри як явища. На стикові двох наукових дисциплін – фразеології та етнолінгвістики – склалися передумови для виникнення нового напрямку – етнофразеології, у центрі якої перебувають вислови, пов'язані з традиційною народною культурою [5]. Мовна гра – це мистецтво: її продукти часто мають таку саму естетичну цінність, як і будь-який мистецький витвір, адже думка, для якої віднайдене мовою лаконічне і дотепне вираження, стає набуттям народу і народного мислення. В. З. Санніков виділяє важливу функцію мовної гри – мовотворчу [4].

Мовна гра – це той унікальний, чи не єдиний випадок, коли гра переходить у царину науки, інтелектуальна розвага перетворюється на надзвичайно вдалих і тому вподобаний митцями слова стилістичний прийом, який отримує лінгвістичну інтерпретацію в дослідженнях вчених-мовознавців. Тому саме мовна, яка ґрунтується на вивчені зображувальних властивостей мови як матеріалу, а, відповідно, – на знанні системних одиниць мови, норм використання і способів творчої інтерпретації цих одиниць, покликана розвивати мислення і мову. Повністю освоєно мисленням те, що освоєно мовою. Думка, для якої мова знайшла коротке і чітке вираження, стає надбанням народу і народного мислення, і це мислення може підніматися на наступну, вищу сходинку. Мова закріплює досягнення мислення. Є ряд слів вторинної номінації, що вирізняються національним забарвленням. Так само вони забарвлюють і фразеологізми. Процес утворення фразеологізмів також можемо вважати своєрідною мовною грою, оскільки фразеологічна одиниця формується в результаті лінгвістичного процесу – фразеологізації. Це переосмислення вільного словосполучення (або речення). У результаті словосполучення та його складові частини (слова) втрачають свою первісну семантику. Водночас із цим відбувається процес смислової єдності, який забезпечує внутрішню семантичну цілісність фразеологізму [2, с. 28]. У результаті вказаних процесів сполучення слів набуває семантичної цілісності і перетворюється на зовсім іншу одиницю мови, яка відтворюється учасниками мовленнєвого акту як стійкий

готовий вираз. При цьому ті чи інші лексеми, що входять до структури фразеологічної одиниці у певних граматичних формах, наповнюються новими значеннями, близькими до тієї чи іншого фразеологізму загалом. Слова у структурі фразеологізму перестають бути словами в повному сенсі слова, вони лише «зберігають зовнішню форму слів, але втрачають притаманне їм наповнення, внутрішній зміст» [1, с. 171]. Значення фразеологізмів створюється семантичною взаємодією всіх компонентів і формується на основі уявлення про певну ситуацію. Якщо мовна одиниця складається з компонентів, якими є слова, що мають у мові певну предметну чи понятійну співвіднесеність за межами даного словосполучення чи речення, то навіть за втрати цими словами зв'язку з предметами чи явищами, які вони позначають, образ, покладений в основу даної одиниці, є мотивованим. Мотивований тим, що кожне зі слів, що входить до складу такого словосполучення чи речення, є мотивованим щодо поняття чи явища, яке воно позначає. Саме тому мовні одиниці такого плану є образно-мотивованими.

Фразеологічна одиниця є одним із основних складників мовної картини світу. Метою нашої розвідки було проаналізувати корпус польських фразеологізмів і виявити, з яких внутрішніх рис складається характеристика ментальності поляка, що її дають польські фразеологізми. Для досягнення мети перед нами стояло завдання вироблення на основі розробок психологів та філософів, а також із застосуванням наявних у лінгвістичних джерелах ідеографічних схем основних параметрів для аналізу та опису особливостей моделювання відповідного фрагмента дійсності (тобто рис та властивостей людської ментальності) аналізованим фрагментом польської мовно-національної картини світу. Зазначимо, що ми широко витлумачуємо поняття ментальності людини, включаючи до цього поняття не лише властивості та явища, пов'язані з розумовою діяльністю, але також і емотивно-афективну та вольову сферу людської психіки, морально-етичні якості людської особистості, інші внутрішні особливості індивіда, пов'язані з його освіченістю, характером, темпераментом і т. д. Фразеологізми розглядалися не як виразник національної ментальності і національної картини світу, а як засіб характеристики людини у плані її ментальності. Тут можна виділити ніби два значення, два аспекти ментальності відносно фразеологізму: 1) фразеологізм як виразник національної ментальності з властивою їй мовно-національною картиною світу і 2) фразеологізм як одиниця на позначення ментальної риси людини.

Внутрішні характеристики людини можна поділити на моральні, вольові, емоційні та інтелектуальні [3], ми ж вважаємо таку класифікацію доцільною і при розгляді ментальної характеристики людини, відображеній у мовній картині світу, зокрема, в її фразеології польської мови. У фразеології польської мови маємо чотири великі групи внутрішніх рис ментальної характеристики людини. Основне навантаження на вираження їх змісту розподіляється нерівномірно, тому що їх поява обумовлюється різними потребами, які визначають ті чи інші вчинки.

Так, у ситуаціях, які ставлять перед особистістю вимогу діяти згідно із суспільними ідеалами, нормами, правилами поведінки, на перший план виходять моральні якості поведінки. Морально-етичні риси поєднують у собі все багатство емоційних ставлень людини до соціального оточення. У зв'язку із цим їх можна

назвати вищими рисами особистості, однак слід підкреслити умовність поняття «вищі почуття», оскільки до них відносять не тільки позитивні, а й негативні моральні риси (скупість, заздрісність і т. п.). Серед фразеологічних одиниць на позначення морально-етичних рис характеру людини відзначаються 1) такі, що мають позитивне забарвлення: *łagodny choć do rany przyłożyć, gołębia dusza, święty człowiek, mieć czyste ręce, kryształowy charakter* 2) такі, що мають негативне забарвлення: *być / okazać się/zostać świnią, mieć nieczyste ręce, mieć długie uszy* і т. ін.

В умовах, які спонукають особистість головним чином до застосування вольових зусиль, здійснення вольових дій, найяскравіше проявляються вольові риси характеру. Вольові якості – це «відносно постійні, незалежні від конкретної ситуації, стійкі психічні утворення, що вказують на досягнутий особистістю рівень свідомої регуляції поведінки, її влади над собою» [3, с. 294]. Сукупність позитивних вольових якостей утворюють вольову особистість – людину із сильною волею, яка представлена в таких фразеологічних одиницях: *być na swoim miejscu, mieć grunt pod nogami, trzymać rękę na pulsie, niezależny charakter, gruntowny człowiek* і под. Негативні якості характеризують вольову слабкість людини. Крайній ступінь слабкості людини визначаємо як «нікчемність». Серед фразеологізмів окреслюємо такі одиниці на позначення цього явища: *skończony człowiek, być niczym, piąte koło u wozu* і под.

Якщо ж особистості потрібно емоційно оцінити себе чи інших людей, явища природи, мистецтво, навколишню дійсність, то найбільш яскраво виявляються емоційні риси характеру. Звичайно ж, почуття та емоції людини не завжди є сталими рисами характеру, проте, оскільки ми говоримо про ментальність, ми намагалися виділити такі почуття та емоції, які притаманні певній етнічній спільноті (у нашому випадку – це носії польської мови), входячи до сукупності тих рис, які характеризують ментальність цієї спільноти. Таким чином, фразеологізми з відповідною семантикою містять у собі те, що можна назвати узагальненим образом польського національного характеру у його афективно-емотивному вимірі. Причому слід підкреслити, що тут не йдеться про те, що можна назвати етнічним стереотипом поляка (типу *Polacy są Włochami różno* "про польську гарячковість, нерозсудливість"), ні, тут йдеться про те, що можна було б назвати таксономією й типологією різних афективно-емоціональних характеристик (властивостей, евентуально також і станів), які містяться в тому компоненті польської мовно-етнічної картини світу, що представлений польськими фразеологізмами. У житті людини значення позитивних та негативних емоцій однаково важливе. Серед емоцій узагалі у фразеології представлені лише чутливість і незворушливість. Чутливість об'єднують фразеологічні одиниці пол. *iść ślepo za sercem, słuchać głosu czego, drewniany człowiek, człowiek ze skały, człowiek bez serca, serce kamienne, lalka bezduszna, mieć lód w duszy* і под.

Почуття формуються в процесі суспільного розвитку людини і змінюються залежно від конкретних соціальних умов. У почуттях людини виражаються установки, спрямованість, тобто важливі характеристики особистості. Спроектуючи ці особливості на фразеологічний матеріал, ми розробили таку класифікацію почуттів. При чому слід зазначити, що лише деякі почуття утворюють

пари умовно позитивного чи негативного забарвлення. Усі почуття умовно розподілені на 2 підгрупи: 1) ті, що позначають почуття особистості: пол. *odważny, silny jak lew, zapalny jak proch, zające serce, spuścić, zwiesić głowę na kwintę* і под. та 2) ті, що позначають міжособистісні почуття: пол. *usta komu nie zamykają, mieć serce na dłoni, tajemniczy jak sfinks, zamknąć się jak ślimak w skorupie, tajemnicza osoba, przyjacielska dusza, siostra miłosierdzia* і под.

Обставини, які вимагають від особистості насамперед чіткого й усвідомленого сприйняття навколишньої дійсності, обдуманого, глибокого і оригінального розв'язання різних життєвих, виробничих і навчальних завдань, чітко висвітлюють інтелектуальні риси характеру. Найбільша кількість позначає людину, яка повністю позбавлена будь-яких було розумових здатностей, тобто дурня: пол. *kapuściany leb, barania głowa, zamknięta głowa, głupi jak sadło, mądry jak solomonowe portki* і под. Серед фразеологізмів класу інтелектуальних властивостей людини є такі, які вказують на якусь одну негативну рису людини, а не на особистість у цілому. Так, у фразеологізмах *świnie powinien pasać, człowiek o ograniczonym horyzoncie* маємо вказівку на відсутність у людини видатного інтелекту. Тут йдеться про рівень її інтелектуальних властивостей, точніше про їх невисокий рівень, а саме про обмежену людину.

Фразеологізмів, що мають позитивно забарвлення в значенні інтелектуальної характеристики людини, є набагато менше. Найбільша кількість зворотів позначає людину розумово нормальну, тобто не геніальну, а «просто» розумну – це і є тут норма – здатну мислити, робити висновки. Це фразеологізми *mieć głowę, mieć głowę na karku, mieć swój rozum* та ін.

Велике значення при інтелектуальній характеристиці людини набувають її освіченість, знання, а також те, що передує цьому – вивчення, інтелектуальний пошук, уява. Це можна простежити в таких зворотах як пол. *chodząca biblioteka / encyklopedia*, які позначають ерудовану людину, яка щось вивчає, досліджує, і яка наділена великою кількістю енциклопедичних знань.

Серед зворотів, що входять до того чи іншого класу, можуть бути випадки неоднозначної відповідності певним рубрикам: наприклад, фразеологізми *skromny jak fiołek, żywy jak skra, uparty jak kozioł* відносяться лише до однієї, певної рубрики: *skromny jak fiołek* відноситься до групи «скромність», що входить до класу морально-етичних рис людської особистості; *żywy jak skra* належить до групи «енергійність», *uparty jak kozioł* – до групи «впертість», які входять до складу вольових якостей особистості. Натомість інші фразеологічні звороти можуть підпадати і під значну кількість груп, як у межах свого класу, так і виходячи за його рамки: наприклад, фразеологізм *dureń skończony, ostatni dureń, potężny głupiec, bezdenny głupiec, patentowany głupiec, patentowany niezdara* належать до рубрики «дурень», проте їх можна водночас віднести і до таких груп, як «відсутність інтелекту», «відсутність думки», «не цікавість», «невігластво», оскільки всі ці вказані поняття є складовими частинами явища «дурень». Крім того, двозначність у плані віднесення до класифікаційних рубрик може мати й інший характер. Так, фразеологізми *(ktoś) jak pies* має три несумісні значення, кожне з яких відноситься до різної групи: 1) *wierny jak pies* – позначає позитивну морально-етичну рису

характеру – вірність; 2) *zły jak pies* – належить до негативних морально-етичних рис характеру; 3) *bezwstydy jak pies* – теж указує на негативну, але іншу морально-етичну якість людини. Як бачимо, перед нами фразеологічна одиниця (*ktoś*) *jak pies*, що є багатозначною в плані приналежності класифікаційним рубрикам.

Про певні фразеологізми на позначення ментальної характеристики можемо говорити як про такі, що характеризуються безвідносною оцінною конотацією (*chorować na wielką panią, tępy jak pień* – негативно забарвлені звороти, *logiczna głowa, złote ręce* – звороти, що мають позитивне забарвлення), а є і ряд таких, де така конотація є відносною, тобто може бути і позитивною, і негативною (*mieć sztywny kark, mieć ambicję, zadzierać nos do góry*).

Усі внутрішні характеристики є доступними у своєму прояві; внаслідок цього зовнішня характеристика може служити засобом вираження характеристики внутрішньої, ментальної. Відповідне позначення таких характеристик може витлумачуватися двояким чином: 1) як таке, що вказує на певну зовнішню характеристику; 2) як свідчення людської ментальності, тобто як позначення внутрішньої характеристики; 3) одночасно як перше, так і друге. Наприклад, *siedzieć jak tabaka w rogu* чи *mówić jak ślepy o kolorach* можуть позначати залежно від контексту як сталі риси характеру людини, так і її окремо взяті дії. Словник не подає нам таких контекстуальних прикладів, але є очевидним те, що про людину можна сказати «сидить як *tabaka w rogu*», бо вона взагалі є невігласом і нічого не розуміє. Проте, можлива й інша ситуація, коли людина не орієнтується в певному питанні, хоча при цьому є достатньо освіченою і розумною. Те ж саме можна сказати й про фразеологізм *mówić jak ślepy o kolorach*. Якщо така риса, як невігластво є для людини сталою і не залежить від ситуації, то її можна віднести до внутрішньої характеристики людини.

Саме таким є національно-культурний образ ментальних характеристик людини, зафіксований у фразеології польської мови. Фразеологічні одиниці становлять найконденсованіше вираження в мові її національно-культурного компонента, а, отже, їх аналіз під кутом вираження ними мовної картини світу дає можливість простежити взаємозв'язок мови, світобачення й ментальності нації. Культурно-національна семантика фразеологізмів представлена в елементах їх внутрішньої форми, в тематично-семантичних групах на позначення ментальної характеристики людини, які, поєднуючись асоціативним зв'язком, створюють національно орієнтовану картину світу.

Список літератури

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / Ольга Сергеевна Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – 295 с.
2. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. / Влас Платонович Жуков. – М. : Просвещение, 1978. – 160 с.
3. Загальна психологія: Курс лекцій. – К. : Правда Ярославичів, 1997. – 436 с.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. / Владимир Зиновьевич Санников. - М. : Языки русской культуры, 1999. — 544 с.

5. Сорокин Ю. А. Марковина И. Ю., Крюков А. Н. Этнопсихоллингвистика / Юрий Александрович Сорокин, Ирина Юрьевна Марковина, Алексей Николаевич Крюков. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

Демьяненко Наталия. Языковая игра как средство отражения этнокартины мира в польской фразеологии / Наталия Демьяненко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 81–86.

В статье на материале польского языка исследуются фразеологизмы в русле проблематики картины мира, в частности с точки зрения ментальной характеристики личности. Предпринята попытка показать языковую игру как средство отражения языковой фразеологической картины мира.

Ключевые слова: фразеологическая единица, картина мира, ментальность, языковая игра, внутренняя форма.

Demianenko Natalia. Language Game as a Means of Displaying Ethnic Picture of the World in the Polish Phraseology / Natalia Demianenko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 81–86.

The article is based on Polish investigated phraseological units in line with the problems of world view, particularly in terms of mental characteristics of the individual. Made an attempt to show the language game as a way of displaying ethnic pictures of the world in phraseology.

Key words: phraseological unit, world view, mentality, language game, the inner form.

Стаття надійшла до редакції 20 травня 2012 року

УДК 8.811.162.1'373

ДВА АСПЕКТА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕМЫ

Кржишник Эрика

Философский факультет Люблянского университета,

Любляна, Словения

В статье идёт речь о двух приемах фразеологической инновации, основанных на двух различных типах реализации семантического потенциала фраземы: т. н. «внутренней форме», базирующейся на ремотивации, и «двойном прочтении», базирующемся на буквализации фразеологического словосочетания.

Ключевые слова: фразеологическая инновация, ремотивация, буквализация, двойное прочтение, внутренняя форма фраземы.

Возможность творческого и инновационного использования фразем в текстах обусловлена наличием у них семантического потенциала. Семантический потенциал возникает потому, что фраземы как вторичные языковые знаки состоят из других смыслодержущих языковых знаков, т. е. однословных лексем.¹ Большинство фраземных «форм» поэтому существует на двух уровнях: как свободные синтагмы (СС) и пропозиции в т. н. «буквальном»² значении и как фразеологические синтагмы (ФС) или пропозиции во фразеологическом значении. При творческих инновационных операциях над фраземами развивается еще и третий уровень – это соотношение двух смыслов (буквального и фразеологического). Соотношение может быть реализовано в различной степени, главным образом, в зависимости от того, является ли фразема хотя бы частично семантически мотивированной, возможно даже – в т. н. народной этимологии – повторно мотивированной (ср. ассоциирование слова *mavra* в вариантной фраземе *pijan kot mavra* (вдрызг пьяный, букв., пьян как радуга) со значением *mavra*₁ 'черная или черно-бурая корова' во фраземе *pijan kot krava* (букв., пьян как корова), вместо этимологически соответствующего – *mavra*₂ 'радуга' [9]), или же немотивированной, не зависимо от того, была ли мотивация утрачена в ходе языкового и т. п. развития: так, напр., в современном языке не является мотивированной фразема *iti rakom*

¹ И хотя фразеологические компоненты – только формы слова, их имплицитная семантика всегда присутствует. Как известно, коренной носитель языка (*native speaker*) даже в монокококабильных компонентах ищет и находит лексическое значение, напр., компонент *kriplje* во фраземе *na vse kriplje* 'изо всех сил' связывается со словом *kripelj* 'инвалид, увечный' (по ассоциации, что инвалиду приходится сильно помучаться, чтобы что-либо сделать).

² Я осознаю нетерминологичность выражения «буквальное» значение – речь идет о словарном значении слов, которые посредством реализации композиционной функции связываются в синтагму. В отличие от фразем, в которых композиционная функция в той или иной мере отсутствует или ограничена.

žvižgat (букв., *идти ракам свистеть*) 'умереть', хотя и возможно построить омонимичную свободную синтагму, или же ее в рамках данного языка вообще не было (напр., фразеологические кальки). Только все три уровня составляют целостный семантический потенциал фразем, который как раз благодаря этому очень динамичен. В теории фразеологии в связи с этим существуют два не полностью перекрывающиеся понятия: в германистике – т. н. «двойное прочтение», в русистике – «внутренняя форма»

«**Двойное прочтение**» – один из «способов прочтения» (нем. Lesart, по Бургеру [2, s. 59–66]) фраземы, т. е. представляет два способа понимания синтагмы: как простой и как фразеологической, с точки зрения «активности пользователя языка» при создании и восприятии текстов. Пользователь/адресат при восприятии реализует один или другой семантический уровень, или же оба одновременно. В зависимости от своего состава и структуры фраземы допускают однозначное, двойное и комбинированное «прочтение». Однозначное, и при том только фразеологическое «прочтение» имеют фраземы с моноколокабельным компонентом или неграмматичной структурой,¹ а комбинированное – фраземы, которые по своему значению являются фразеологическими сочетаниями. Все остальные допускают двойное прочтение² двух типов: дизъюнктивное и синхронное. При дизъюнктивном двойном прочтении соотношение между СС и фраземой может быть омонимичным, как в сращениях с совместимыми компонентами и в сочетаниях с элементами сращения (напр., слов. *dati košarico komu* (букв., *дать корзину кому*) 'отказать кому', *rijan kot aksa* ('очень пьян'), или же связанным с семантическим переносом, метафоричным и метонимичным, как в единствах и сочетаниях с элементами единства (напр., *potesti pod preprogo kaj* (*замести под ковёр что*) 'утаить/скрыть какую-то неприятность, проблему'; *vrteti jezik* (букв. *вертеть языком*, ср. *молоть языком*) '(слишком) много говорить, говорить вздор, пустословить'; *govoriti, kot bi rožice sadil* (букв., *говорить, как будто цветочки сажать*) 'красиво, приятно говорить, витийствовать, витиевато, цветисто говорить').³ Синхронное двойное прочтение свойственно синтагмам, которые представляют собой устойчивые описания жестов и возникших на их базе фразем, в

¹ Разумеется, однозначное «прочтение» имеют также и семантически полностью мотивированные (в англоязычной литературе для их обозначения используется термин *transparent*) устойчивые синтагмы (напр., *dati soglasje* (букв., *дать согласие*) 'согласиться') при широком понимании объема фразеологии.

В настоящей статье рассматривается фразеология в узком понимании.

² С компонентом/компонентами, который/которые не мотивирован/ы, на самом деле к этой группе относятся также и фразеологические сочетания.

³ Бургер приводит также и третий тип дизъюнктивного прочтения, реализующегося в синтагмах, буквальное понимание которых крайне ограничено высокой степенью невероятности или нелогичностью обозначаемого, напр., *odpreti srce komu* (*открыть сердце кому*) 'рассказать о своих чувствах' или *biti na psu* (букв., *быть на псе*) 'находиться в крайне плачевном положении'. Эта группа является переходной как в направлении однозначного (только фразеологического) прочтения, так и в направлении других типов двойного прочтения: фразема (*kdo biti za luno* (букв., *кто быть/находиться за луной*) 'быть несведущ, наивен' с помощью технических достижений 20-го века из группы нелогичного соотношения перешла в группу омонимичного соотношения.

тексте одновременно реализуются оба значения, напр., *zmajevati z glavo* (*качать головой*) – жест 'движением головы выражать неодобрение', фразема 'выражать неодобрение, сомнение'.

«**Внутренняя форма**» фразем в русской фразеологии – устоявшийся термин. Внутренняя форма представляет собой мотивирующее значение (иногда называемое также «этимологическим значением») и «картину» синтагмы, которая является своего рода основой или, по Вотьяк, деривационной базой фраземы [10]. Несмотря на общепринятость термина, его содержание несколько варьируется в зависимости от того, как авторы понимают семантику, в общем можно выделить две основные точки зрения, которые учитывает также и «Словарь русской фразеологической терминологии» [1, статья «*Внутренняя форма*»]:

Мотивирующая образность языковой единицы, основанная на деривационных связях ее значения со значением прототипа. Внутренняя форма может быть простой или осложненной. Простую внутреннюю форму имеют ФЕ, образованные на базе переменных сочетаний (см. *плыть против течения*, *сидеть на шее* у кого); осложненную – ФЕ, образованные на базе пословиц (*стреляный воробей* ← *стреляного воробья на мякине не проведешь*) или в результате конденсаций в своей семантике содержания различных легенд, поверий, исторических фактов, художественных произведений и т. п. (*вольный казак*, *последний из могикан*).

Внутренняя форма, таким образом, в том числе включает также и целостную культурную коннотацию фраземы.

Не смотря на частичное расхождение в понимании внутренней формы, сопоставление германистского «двойного прочтения» и русистской «внутренней формы» раскрывает определенные связи. В обоих случаях подчеркивается семантический потенциал фразем, заключающийся в том, что помимо фразеологического в фраземах присутствует также и некое другое значение, которое так или иначе может активироваться в тексте. Различие двух типов понимания семантического потенциала заключается во временном разрезе и представлении о способе его присутствия: при двойном прочтении мы имеем дело с синхронным пониманием и присутствием этой двойственности в ментальном словаре автора высказывания и адресата, а при внутренней форме – с (автором и адресатом) узнаваемым или неузнаваемым соотношением, существующем синхронно и диахронно. С синхронной точки зрения внутренняя форма может присутствовать или нет, в то время как возможность двойного прочтения зависит только от совместимости компонентов фраземы: если компоненты совместимы, возможен один из видов двойного прочтения синтагмы. Говоря об использовании семантического потенциала фразем в текстах, имеется в виду исключительно синхронный аспект, поэтому имеет смысл различать свободную синтагму (СС), которая является внутренней формой фраземы, именуемой **производящая СС**, и СС, которая (по крайней мере, синхронно) таковой не является, именуемая **исходная СС**.

Два различных аспекта семантического потенциала фраземы указывают на то, что для креативной фразеологической инновации используют два различных

приема. Во-первых, это прием **ремотивации**, вызывающий актуализацию внутренней формы фраземы, т. е. значения мотивирующей производящей СС, и прием **буквализации**, означающий актуализацию омонимичных исходных СС.¹ Поиск различий между двумя приемами может быть направлен на наблюдение за изменениями в самих фразеологических единицах или на выявление различий при актуализации в конкретных текстах. Для первого потребовалось бы провести очень точные статистические анализы, которые для словенского языка не делались,² но есть данные о креативном авторском использовании фразем в словенских текстах, особенно художественных, начиная со второй половины 19-го века [6], [7], [8].³ Результаты исследований показывают, что до второй половины 20-го века использовался преимущественно прием ремотивации, особенно это характерно для художественных текстов, в то время как с конца 20-го века все чаще употребляется прием буквализации, особенно в публицистике.

О различных возможностях использования обоих видов инновационных приемов до сих пор не задумывались, хотя кажется, употребление в текстах демонстрирует некое фундаментальное различие.

Прием буквализации остается на уровне игры слов, простого взаимодействия двух между собой независимых значений, замечаемой и имеющей эффект как раз благодаря этому разрыву (как следствие неожиданности). Поэтому буквализация – это прием, чаще используемый в нехудожественных текстах, особенно в публицистике. Ср. заголовок газетного текста «*Čudež pred cekajem*» («Чудо перед зданием ЦК») (ежедневник «Delo» 23.3.1990), где прием буквализации актуализирует фразему *streljati kozle* (букв., *стрелять козлов*) 'делать большие ошибки, глупости' и сопоставляется со значением СС: *streljati* (*стрелять*) 'убивать огнестрельным оружием' + *kozel* (*козел*) 'самец козы':

«*Verjetno nihče ne ve, kako sta se koza in njen mladič znašla v parku pred stavbo cnetralnega komiteja ZK Jugoslavije*», *je začudeno napisal Tanjugov fotoreporter v podpisu k sliki, ki jo je poslal v svet.*

Že res, ampak ob gornjem se zastavlja še pomembnejše vprašanje: kako neki sta oba splotih preživela čisto blizu stavbe – kjer tako množično streljajo kozle?

¹ Их различает Вотьяк [10, с. 123], до нее на различие указывает Бургер [3, с. 27/28].

² В моем распоряжении есть лишь результаты исследований ремотивационных фразеологических инноваций в художественных текстах, на основе которых можно заключить: что этому приему чаще всего подвергаются фраземы с глагольным категориальным значением (61%), в которых изменен (формально и/или только контекстуально актуализирован) именной компонент. Формально именной компонент изменен в 63%, глагольный в 27%, прилагательное в немногим более 9%, изменение компонентов – других частей речи появляется лишь эпизодически. В русской фразеологии существуют словари авторского использования ФЕ (Мелерович, Мокиенко 1987 и 1997 – цитируется по Айсманну [5]), на основе которых преобладающие тенденции могли бы быть отражены более релевантно.

³ Учитывая современное состояние словенских фразеологических исследований, можно с уверенностью утверждать, что креативные трансформации фразеологических единиц можно найти в текстах начиная с эпохи барокко. И хотя с того времени такие трансформации появлялись во всех временных периодах, однако следует заметить, что в качестве инновационного стилистического приема реализуется в художественных текстах словенского модерна на рубеже 19-го и 20-го вв. (сецессия, импрессионизм, символизм).

«Вероятно, никто не знает, каким образом **коза и козленок** оказались в парке перед зданием центрального комитета Союза коммунистов Югославии», – с удивлением записал фоторепортер Телеграфного агентства новой Югославии в подписи к объявленной фотографии.

Это так, но при этом возникает еще более важный вопрос: как им вообще удалось выжить в непосредственной близости от здания, где массово **стреляют козлов** ('совершают большое количество ошибок')?

Еще более наглядным примером фразеологической актуализации, типичной для современных текстов, служит газетный заголовок «*Čas rani vse cele*» («*Время ранит всех здоровых*»), в котором фразеологическое единство *čas celi vse rane* (букв., *время лечит все раны* 'со временем страдания утихают, забываются') просто буквализируется, хотя возможна была бы и ремотивация. При этом эффект буквализации заключается в фонетической и звуковой игре, не имеющей в тексте основы для ремотивации.

При ремотивации используется прием деметафоризации, открывающей возможности (которые могут быть использованы или нет) для новой метафоризации – это происходит преимущественно в художественных текстах. Возьмем для примера текст Ивана Цанкара «Побратимы» [4, s. 97–99], написанный в начале 20-го века (первая публикация в 1917 году):

Mnogokdaj se primer, da se v enem trenotku odpro vsa srca (открываются все сердца) in skozi široka vrata prikipi duša v lica, v oči in na jezik, tako da so si ljudje mahoma podobni kakor brat bratu; ker bratje so si v najglobljih globočinah. (...) Časih odpahne narahlo prislonjene duri src (двери сердец) le bežen dih; prikaže se le ozka, svetla špranja, komaj za hip, toda prikaže se. (...) Pozdravili so se in koj so si tujci, ne poznajo se, ne mislijo več drug na drugega; svetla špranja je ugasnila, tiho so se zaprle duri (закрылись двери). (...)

Kadar pa buti v vrata (двери) vihar, jih odpre (открывает) siloma in sunkoma nastežaj (настежь), da zaječe in se stresejo v tečajih, takrat ni več nobenih skrivnosti; kar bi drugače molčalo navekomaj, privre kvišku brez strahu. Srca, prej zaklenjene izbe (Сердца ранее запертой на ключ комнаты), so prostrane, svetle veže, kamor stopi s ceste, kogar je volja. (...) Čegava je bila roka, ki je samolastno odpahnila vrata zaklenjenih človeških src (распахнула двери запертых человеческих сердец)? (...) Srce (сердце) hrepeni in čaka željno, da bi se smelo razodeti srcu (открыться сердцу), tako da bi se zrušili vsi jezovi in bi se do kaplje prelilo drugo v drugo (...). Kmalu so si bili podobni v lica in celo po govorici in hoji; ker srca so bila odprta (сердца была открыта) in so bila eno ter so ustvarila le eno podobo. Tudi kadar so se sporekli med seboj do hudega, so se sporekli bratje; ni je bilo moči, tudi v njih samih ne, ki bi bila mogla zaloputniti duri, odprte nastežaj (захлопнуть двери, открытые настезь). (...) Ali ura pride nekoč, ko bo odprl srca (откроет сердца) topel spomladanski veter, ko si bodo obrazi enaki v veselju, ne v bridkosti, ko se bodo ljudje pozdravljali s cvetjem ovenčani in z glorio ljubezni.

Фразема *odpreti srce komu* (открыть сердце кому) 'рассказать о своих чувствах, мыслях кому':

– вначале подверглась демегафоризации, когда в результате синтаксического преобразования компонент *srce* (сердце) занимает место субъекта *odpreti srce* (открыть сердце) → *srce se odpre* (сердце открывается), а морфологическая замена единственного числа множественным *srce* (сердце) > *srca* (сердца) становится причиной изменения значения *srce* (сердце) абстр. (неисчисляемое; символическое значение) > конкр. (исчисляемое; человеческий орган, предмет) – так устанавливается соотношение со значением производящей СС: сердце как человеческий орган является местом нахождения чувств;

– СС – отправная точка для развития текста: то, что (может быть) открыто, является помещением (*srce* (сердца) = *izba* 'комната'); в помещение ведут двери (*duri* 'двери' *srca* (сердца)), которые могут закрываться и, развивая тему далее, быть запертыми на ключ или отпертыми;

– новая метафоризация: сердце как помещение со всеми его атрибутами является местом нахождения душевных отношений между людьми, двери, ведущие в него, открывает либо «*vihar*» (вихрь), либо «*topel spomladanski veter*» (теплый весенний ветер).

На основе всего вышесказанного можно заключить: два различных взгляда на семантический потенциал фразем – это не просто два теоретических конструкта, их различие дает возможность разделять два вида креативных фразеологических инноваций, ремотивацию и буквализацию. Различие этих двух видов проявляется также и в текстах: ремотивация процессуально более сложная, по времени более старая, стилистически теснее связана с художественными текстами; буквализация – более простой прием, в текстах появляется позднее, используется преимущественно в публицистике и других видах нехудожественных текстов.

Список литературы

1. Бирих А. К., Волков С. С., Никитина Т. Г. Словарь русской фразеологической терминологии / А. К. Бирих и др. / Под ред. В. М. Мокиенко. München: Verlag Otto Sagner, 1993.
2. Burger H. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen / H. Burger. – 2., überarbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag. – 224 s.
3. Burger H. «Bildhaft, übertragen, metaphorisch ...». Zur Konfusion um die semantischen Merkmale von Phraseologismen / H. Burger. – Europhras 88. Strasbourg, 1989. – S. 17–29.
4. Cankar I. Pobratimi. / I. Cankar / Zbrano delo XXIII. Ljubljana, 1975. S. 97–99.
5. Eismann W. Zum mehrdimensionalen Spiel mit Phrasemen in den Stüchen von E. Švarc / W. Eismann. – Грани слова. Москва: Изд-во «Эллис», 2005. – с. 195–203.
6. Kržišnik E. Frazеologija v moderni. Magistrska naloga / E. Kržišnik. – Ljubljana. 195 s.
7. Kržišnik E. Prenovitve stalnih besednih zvez v Kosmačevi prozi 30. let / E. Kržišnik. // Obdobje socialnega realizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 7. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1987. S. 517–532.
8. Kržišnik E. Frazеologija v kratki pripovedni prozi druge polovice 19. stoletja / E. Kržišnik // XXX. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj. Ljubljana: Filozofska fakulteta, 1994. S. 53–67.
9. Slovar slovenskega knjižnega jezika. I–V. Ljubljana, 1970–1991.

10. Wotjak B. Verbale Phraseologeme in System und Text / B. Wotjak. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992.

Кржишник Еріка. Два аспекти семантичного потенціалу фраземи // Еріка Кржишник // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 87–93.

У статті йдеться про два прийоми фразеологічної інновації, що ґрунтуються на двох різних типах реалізації семантичного потенціалу фраземи: т. зв. «внутрішній формі», яка базується на ремотивації, і «подвійному прочитанні», яке базується на буквалізації фразеологічного словосполучення.

Ключові слова: фразеологічна інновація, ремотивація, буквалізація, подвійне прочитання, внутрішня форма фраземи.

Krzhisnick Erica. Two Aspects of Idiom's Semantic Potency / Erica Krzhishnick // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 87–93.

The article deals with two starting points of a phraseological innovation. They are based on two different types of the realization of the semantic potency of an idiom: the "inner form" on remotivation and "double reading" on literalization of a phraseological unit.

Key words: phraseological innovation/renewal, remotivation, literalization, double reading, inner form of an idiom.

Стаття надійшла до редакції 30 березня 2012 року

УДК 811.161.1:81'373

ИГРОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ И ПОЛЕ НОРМАТИВНОСТИ

Лебедева Людмила

Кубанский государственный университет,

Краснодар, Россия

В статье рассматриваются трансформации и модификации устойчивых сравнений русского языка как приемы игровой вариативности их структуры и семантики.

Ключевые слова: устойчивые сравнения (УС), предел вариативности УС, трансформации и модификации УС.

Подход к языку как динамической системе предполагает включение в поле зрения исследователя различных речевых вариаций языковой единицы, так как варьирование – важнейшее объективное свойство языковых единиц, обусловленное решением коммуникативно-прагматических задач в процессе их функционирования. Не случайно современные трактовки фразеологических единиц (ФЕ) базируются на признании диалектического единства двух их противоположных характеристик – устойчивости и вариантности, обеспечивающих и функционирование, и постоянное развитие фразеологизмов (В. Т. Бондаренко, В. П. Жуков, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, А. М. Эмирова и др.). Как отмечает В. Т. Бондаренко, механизмы варьирования фразеологизма в речи регулируются системными связями в языке, так что бесконечное множество реальных и возможных видоизменений, образующих общее вариативное пространство ФЕ, имеет упорядоченную организацию в виде моделей варьирования [4, с. 39]. А. М. Бабкин также утверждал, что активная мобильность ФЕ не просто художественное новаторство, а закономерное проявление «известной гибкости и диалектичности» их живого употребления [1, с. 9]. В то же время в теории фразеологии остается открытым вопрос о том, «почему в одном случае та или иная модификация структуры идиомы возможна и воспринимается как узуальная или близкая к узуальной, а в другом – если и допустима вообще, то только как нестандартная, игровая реализация данной идиомы» [5, с. 18].

Очевидно, что проблема структурно-семантической вариативности актуальна и для теории компаративной фразеологии, поскольку структурно-семантическая расчлененность устойчивых сравнений (УС) изначально предполагает возможность варьирования их компонентов, однако традиция употребления (речевой стандарт) ограничивает эту возможность. Определение предела вариативности УС становится особенно важным при их словарном описании, поскольку в словаре должны быть зафиксированы лишь традиционные, наиболее частотные варианты компонентного

состава сравнения. Отметим, что варианты объектной части УС, возглавляемой сравнительным союзом, могут быть узуальными (и, как правило, являются элементами факультативными): *метаться как <затравленный/загнанный> зверь, тащиться как <обозная/водовозная> кляча, морищиться как от <зубной/головной> боли, мрачный как <черная/темная> ночь, обращаться с кем-л. как с <маленькой/глупенькой> девочкой, бросаться на кого-л. как <цепная/бешеная> собака* и т. д.

Не только объектная часть, но и основание сравнения подвергается узуальному варьированию в рамках, не разрушающих тождества УС: в пределах синонимического ряда, при определенном субъекте сравнения и при постоянной объектной части. Например, при объектной части *как <осиновый> лист* могут быть варианты основания *дрожать, трястись*, а также потенциально возможный *трепетать*.

Речевые модификации УС, которые можно квалифицировать как «выпадения» из поля нормативности, могут быть непреднамеренными (ошибки в употреблении УС) и преднамеренными, т. е. игровыми, преследующими коммуникативно-прагматические цели, главная из которых – усиление экспрессивности речевого произведения, художественного или публицистического текста за счет нарушения языкового стандарта.

Авторские преобразования УС условно могут быть объединены в две группы: трансформации УС и модификации УС. Под трансформацией УС следует понимать его формально-грамматическое изменение при сохранении образной основы сравнения. Трансформации УС могут быть связаны с грамматической деривацией (изменением залоговой формы глагола, лежащего в основании сравнения, с транспозицией глагола в имя действия, образованием причастных форм и т. д.), в результате чего меняется синтаксическая семантика конструкции с УС. Такие трансформации могут носить узуальный характер, что отмечается в современных словарях УС [7; 8]: *одевать* кого-л. *как куклу/куколку* – *быть одетым как кукла/куколка*; *дорог* кому-л. *как святыня* – *дорожить* кем-л. *как святыней*; *нужен* кому-л. *как воздух* – *без* кого-л. *нельзя быть как без воздуха*; *драть* *как сидорову козу* – *быть драному как сидоровой козе* и т. д.

При авторских трансформациях может быть полностью изменена структура УС, что ведет к его разрушению, но порождает метафорическое сочетание слов или словесную метафору. Например: *Смотрю: между публикой мелькает белое, как гипсовая маска, лицо студента, обрамленное черной, как вороново крыло, бородкой...; Пестрые гаммы отскакивали от его лицевой бледной маски...; Видел я маску лица, устремленную мимо меня, мимо стен, мимо мира... (А. Белый «Начало века»).*

К числу авторских трансформаций относятся и своеобразные образные «перевертыши» узуальных УС типа *девушка, стройная как березка* → **березка, стройная как девушка*; *шляпа, шапка как воронье гнездо* → **воронье гнездо как шапка* и т. п. Например: *По реке ходили барки. А теперь все ровно и гладко, и на том берегу стоит одна только березка, молоденькая и стройная, как барышня... (А.Чехов «Скрипка Ротшильда»).* *В саду росли одни только дубы; они стали*

распускаться только недавно, так что теперь сквозь молодую листву ... видны были все вороньи гнезда, похожие на большие шапки (А. Чехов «Учитель словесности»).

Модификации связаны с намеренными экспликациями или импликациями, в разной степени изменяющими структурно-семантическую модель УС и разрушающими представление о его традиционной форме, что позволяет квалифицировать авторскую модификацию УС как языковую игру. Назовем наиболее типичные игровые модификации УС.

1) Чаще всего в сравнительный оборот вводится лексический элемент (как правило, определитель к существительному, называющему объект сравнения). Например: ... *Летели как **доверчивые** мотыльки на лампу* (М. Арбатова «Мне 40 лет»). *И тут, как **мордастый** тать в ночи, подкрался девяносто второй год* (Ю. Поляков «Козленок в молоке»). *Черные шелковые волосы пересекали лицо, азиатская линия века, а глаза зеленые, как крыжовник **на солнце*** (В. Токарева «Птица счастья»).

2) Реже лексический состав сравнительного оборота сокращается (как правило, за счет слов, не являющихся семантически опорными): *Он дышит, как лошадь* (А. Вознесенский «Антимиры») (традиционно: *как **загнанная** лошадь*).

3) Происходит замена лексического компонента сравнительного оборота его синонимом или несинонимичным словом. Причины подобных замен могут быть разными, например, «осовременивание» традиционного образа: *Но проклятия отскакивали, как **теннисный мяч** от стены* (В. Токарева «Паша и Павлуша») (традиционно: *как **горох** от стены*); замена грубо-просторечного слова в составе сравнительного оборота: *Болтался в Штатах, как **цветок** в проруби* (М. Арбатова «Мне 40 лет») (ср. традиционное употребление: *Проболтается всю жизнь, как **кусочек дерьма** в проруби, – мелкие пакости, мелкие благости* (С. Лукьяненко, В. Васильев «Дневной Дозор»).

4) Изменяется основание сравнения, как правило, семантически немотивированное: *Сам он оказался **бездарен** как пень* (М. Арбатова «Мне 40 лет») (традиционно: ***сидеть** как пень, **глупый** как пень или **глухой** как пень*); *Я уже **замотивирована** на ответственность, как мотылек на лампу* (М. Арбатова «Визит нестарой дамы») (традиционно: ***лететь** как мотылек на лампу*).

5) Изменяется денотативное соотношение субъекта и объекта сравнения (от традиционной модели 'человек → животное / насекомое' к нетрадиционной 'животное → животное / насекомое'), что усиливает экспрессию сравнения, однако не меняет характер семантического взаимодействия основания сравнения и объектной части: сравнительный оборот выступает как интенсификатор признака или действия. Ср.: *А **кошка** злая, как оса* (А. Вознесенский «Тень звука») (традиционно: ***женщина** злая как оса*); *Климов зашел в столовую и разыскал официантку Лиду. – У вас нет обiedков? – спросил он, обаятельно улыбаясь. – Кому? – не поняла Лидка. – Там **кошка**, голодная как собака...* (В. Токарева «Кошка на дороге») (традиционно: ***человек** голодный как собака*).

Изменение и основания, и субъекта даже при неизменности традиционного вида сравнительного оборота полностью изменяет образную основу (внутреннюю

форму) сравнения, однако сохранение ассоциаций с исходным УС и являются основным условием языковой игры: *Прибежал сегодня в десять утра к Аверченке, а он спит, как из ведра* (Н. Тэффи. «Воспоминания») (традиционно: *дождь льет как из ведра*). Алогичность авторского сравнения повышает экспрессивность фразы, приковывает к ней внимание читателя и, кроме того, служит средством характеристики эмотивного состояния персонажа – антрепренера Гуськина, который приходит в ужас от беспечности Аверченко (*Ведь он же на поезд опоздает!*), а потому его речь не столько правильна и содержательна, сколько эмоциональна.

б) Варьируется лексическое наполнение структурно-семантической модели УС. Так, одна из наиболее варьируемых в живой речи моделей УС – модель с асимметричным планом содержания и планом выражения: «*нужен кому-л. + как + живому существу + (ненужный) предмет*» ‘Совершенно *не нужен*’. В «Словаре фразеологических синонимов русского языка» зафиксированы следующие сравнения, отвечающие названной модели: *нужен как собаке пятая нога (палка), нужен как корове седло, нужно как попу гармонь, нужно как рыбе (рыбке, щуке, щучке) зонтик, нужен как плешивому гребень, нужен как свинье колодка, нужен как козе баян (гармонь), нужен как петуху тросточка, нужен как тигру хомут, нужен как зайцу барабан* [3, с. 153]. Этот список можно дополнить сравнениями, которые отмечены в словаре «Живая речь» [2, с. 113]: *нужен как зайцу стоп-сигнал, нужен как кенгуру авоська, нужен как собаке боковой карман, нужен как Папе Римскому значок ГТО*. Ср. также: *У меня был кадр, татарин, сын дворничихи, ему учеба была нужна, как коту пижамы* (М. Арбатова «Визит нестарой дамы»). Можно предположить, что круг сравнений, образуемых по этой модели, постоянно расширяется.

7) Общеязыковая модель УС сама по себе может быть эвфемизмом для просторечного (т. е. с коннотацией грубости) УС. Например, у М. Булгакова в «Театральном романе»: – *Правда, есть люди, – зычно сообщил Романус, – которые смыслят в музыке не больше, чем некоторые животные... «Чтоб тебя черт взял!» – думал я. – ... в некоторых фруктах!* Очевидно, что участники диалога вполне однозначно произвели корректировку и мысленное лексическое заполнение модели известной им УС: *человек смыслит (разбирается) в чем-л. как свинья в апельсинах* ‘О человеке, который совершенно не смыслит (не разбирается) в чем-л.’ Ср. такой же намек на общеязыковую модель УС, легко понимаемый читателем: *Может, и вправду всем будет лучше и легче, если мы с Максом разойдемся, как те корабли?* (Е. Щербакова «Вам и не снилось. Пятнадцать лет спустя») (*те корабли – это корабли из УС разошлись как в море корабли*).

Приведенные выше примеры подтверждают давнее наблюдение Б. А. Ларина: «Привычное, давно известное, всем памятное понимается с полуслова, с полунамёка» [6, с. 145].

8) Происходит контаминация двух и более УС, когда компоненты разных УС как бы перекрещиваются, образуя новое, уже сугубо авторское сравнение: *Я тоже трясусь весь как жид на сковородке, сам не знаю, по какой такой причине...*

(А. Чехов «Убийство») (контаминация плюс замена лексического компонента: *трястись как осиновый лист* и *вертеться как уж* (→ *жид*) на сковородке). Ср. также семантическое взаимодействие идиомы *как сыр в масле кататься* 'жить благополучно, обеспеченно' и УС *жить как у Христа за пазухой* или *жить как за каменной стеной: Ты как сыр в масле будешь жить!* (Т. Толстая. «Чистый лист»). Аналогичные примеры: **молчать, как рыба об лед* 'упорно молчать' (от *молчать, как рыба* 'молчать, ничего не говорить' и *биться как рыба об лед* 'мучительно искать выход из трудного положения'); **глуп как тульский пряник* 'о глупом человеке' (от *туп как сибирский валенок* 'о глупом человеке' и *тульский пряник* 'пряник, испеченный в Туле' – отмечены в [2]).

Авторские модификации УС возможны лишь до известного предела, до тех пор, пока они осуществляются в рамках узальной структурно-семантической модели и при частичном сохранении ее обязательных лексических «наполнителей», в первую очередь объекта сравнения. Поэтому сравнение **темно-красный, как очень спелый томат* (ср.: *В Гамбринус однажды влетел помощник пристава, толстый, маленький, задышающийся, с выпученными глазами, темно-красный, как очень спелый томат* (А. Куприн «Гамбринус») нельзя считать модификацией УС *красный как помидор*, даже принимая во внимание семантическую эквивалентность слов, называющих объект сравнения.

Трансформации и модификации УС принадлежат уровню речи, так что в нормативном словаре они вряд ли уместны, хотя могут быть объектом словарного описания в специальном словаре индивидуально-авторских образных сравнений и компаративных фразеологических единиц.

Список литературы

1. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – [2-е изд., стереотипное] – М. : Едиториал УРСС, 2009. – 264 с.
2. Белянин В. П. Живая речь. Словарь разговорных выражений / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – М. : ПАИМС, 1994. – 194 с.
3. Бирих А. К. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Моктенко, Л. И. Степанова. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1996. – 352 с.
4. Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.01 – русский язык / В. Т. Бондаренко. – М., 1995. – 42 с.
5. Добровольский Д. О. Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы / О. Д. Добровольский // Русский язык в научном освещении. № 2 (14). 2007. – С. 18–47.
6. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б. А. Ларин. // История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. – М. : Просвещение, 1977. – С. 125–149.
7. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь / Л. А. Лебедева. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. – 300 с.
8. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). – М. : ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 800 с.

Лебедева Людмила. Ігрова варіативність стійких порівнянь і поле нормативності / Людмила Лебедева // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 94–99.

У статті розглянуто трансформації та модифікації стійких порівнянь російської мови як прийоми ігрової варіативності їхньої структури і семантики.

Ключові слова: стійкі порівняння (СП), межа варіативності СП, трансформації і модифікації СП.

Lebedeva Liudmila. Wordplay Variation of Set Comparison Expressions and the Field of Linguistic Normalization / Liudmila Lebedeva // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 94–99.

The article examines the transformations and modifications of set comparison expressions in the Russian language. These expressions are viewed as the method of wordplay variation of their structure and semantics.

Key words: set comparison expressions; limit of variation; transformations and modifications of set comparison expressions.

Стаття надійшла до редакції 7 червня 2012 року

УДК 811.161.1'374.3

**ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА:
ДИНАМИКА ФОРМЫ И СМЫСЛА**

Мокиенко Валерий

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются основные проблемы языковой игры средствами фразеологии. Фразеология в силу своей структурно-семантической парадоксальности и экспрессивности является естественным материалом для языковой игры, а различные способы трансформации фразеологических единиц повышают потенциал языкового обыгрывания. Автор анализирует различные аспекты проблемы и предлагает общую классификацию обыгрывания ФЕ на основе оппозиций, характерных для фразеологической системы.

Ключевые слова: языковая игра, каламбур, фразеологическая единица, вариантность фразеологизмов, способы обыгрывания фразеологии.

Тема «Фразеология и языковая игра», предложенная Фразеологической комиссией при Международном комитете славистов и поддержанная организаторами нашей Крымской конференции, давно уже влечёт к себе фразеологов. Употребление фразеологических единиц (ФЕ) современными писателями, журналистами, пользователями Интернета и политиками не только «поставляет» обильный материал для исследования этой проблемы, но и заставляет задумываться над причиной этого динамичного социального и языкового феномена. Во фразеологию «играют» сейчас все – от школьника до пенсионера, она перерастает из обычного речевого «стёба» в мощное оружие критики нашей действительности, подающей немало поводов для сарказма и иронии.

Обычно под *языковой игрой* понимают *языковую шутку*, «т. е. словесную форму комического» [21, с. 16] или «цельный текст ограниченного объёма (или автономный элемент текста с комическим содержанием» [там же, с. 23]. При всей оправданности такого понимания для конкретного анализа лексико-фразеологических проявлений языковой игры как лингвистического явления, оно кажется несколько зауженным. Ведь при всём многообразии этого феномена его можно рассматривать в русле двух основных аспектов языковой иронии вообще – и как **средство**, т. е. вид тропа, создаваемый контрастом между буквальным (эксплицированным) и переносным (имплицированным) значением и как **результат, целостный эффект** единого высказывания, включающего комплекс взаимодействия содержания языковой единицы, ситуации, условий и участников коммуникации [9, с. 153].

С более широкой перспективы на языковую игру можно смотреть и как на системный механизм преобразования нормативных языковых единиц с целью вызвать комический эффект. В отношении к фразеологии это означает, что практически любое варьирование, типовые или индивидуально-авторские трансформации ФЕ можно считать *языковой игрой* – во всяком случае, закономерным ресурсом создания средств комического воздействия. Такой подход к понятию *языковой игры* у нас с А. М. Мелерович сформировался в процессе работы над словарём «Русские фразеологизмы в речи» [10; 11]. Он начинался как попытка систематизировать случаи индивидуально-авторского обыгрывания ФЕ писателями и журналистами, однако в процессе сбора и осмысления обильного конкретного материала мы начали понимать, что граница между «индивидуально-авторским» (т. е. собственно «игровым») и общеречевым, узуально системным весьма неопределённа. Массированный анализ таких трансформаций показывает, что они имеют общую природу и, главное, – подчиняются общим языковым закономерностям. Закономерностям фразеологического варьирования и структурно-семантического моделирования. Не случайно даже такие эфемерные случаи фразеологической игры, как окказионализмы, в принципе соответствуют выявленным нами общим закономерностям и подчиняются императиву моделирования [23].

Понятно, почему взгляд на *языковую игру* как на *языковую шутку* кажется лингвистически и оправданным, и привлекательным. Ведь именно языковая шутка, комический текст оказывается осязаемым и действенным результатом языковой игры во втором, более широком смысле этого термина. А именно результаты языкового обыгрывания в текстах разного типа постоянно попадают в зону внимания лексикологов и фразеологов. Многие исследователи потому в основном сосредоточены на описании и классификации способов создания комического эффекта лексико-фразеологическими средствами [1; 3; 24; 14; 17; 21; 9], что само по себе подтверждает оправданность такого подхода. Обобщая такого рода наблюдения об обыгрывании ФЕ, В. З. Санников [21, с. 298–300] выделяет 5 типов создания языковой шутки:

1. Превращение устойчивого словосочетания в свободное (*О, ты не дура, далеко не дура, губа моя!* – В. Вишневский).
2. Замена компонентов ФЕ другими словами (*Россия – гордиев санузел/ Острейших нынешних проблем* – И. Губерман).
3. Изменение синтаксической функции ФЕ (*Зиуршали в камышах.../ Вириш – в вянуших ушах* – В. Соловьев).
4. Усечение ФЕ (*Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. – Жмём вашу клешню* А. Аверченко).
5. Разложение «чужого» фразеологизма (*Всё мы обсудим толком/ Вместе с собакой и волком* – Саша Соколов).

Легко заметить некоторую неоднородность этой классификации – так, напр., такой приём, как усечение ФЕ (4-й тип) является и «изменением синтаксической функции» (3-й тип), а последний тип обыгрывания выделен по принципиально

иному – «генетическому», а не структурно-семантическому признаку. Тем не менее, эта типология языковой игры ФЕ практически полезна и в целом соответствует основным способам их комического обыгрывания.

Подобные классификации способов создания игрового (resp. иронического) эффекта средствами фразеологии могут быть весьма детализированными. Так, недавно Даниела Константинова [9, с. 154–161] на болгарском материале выделила 12 таких способов:

1. Нарушение логической, временной и пространственной последовательности.
2. Преувеличение и как его разновидность – гиперболизация.
3. Умаление путём литоты.
4. Повторение синонимичных или близких по значению слов и синтаксических конструкций.
5. Оживление исходного образа ФЕ.
6. Обыгрывание звукового и смыслового состава слов, входящих в ФЕ.
7. Неуместный или абсурдный риторический вопрос.
8. Транспозиция категории лица в глагольных ФЕ.
9. Употребление прошедшего неопределённого времени глагольных форм компонентов ФЕ.
10. Употребление необычных метафор.
11. Обыгрывание сравнений и их образности.
12. Различные тропы: аллегория, метонимия и т. д.

При всей разнородности этой и других подобных классификаций, они полезны именно своей детализированностью, сосредоточением на языковых особенностях создания языковой игры фразеологическими средствами.

Закономерен, тем не менее, и более широкий – системно-лингвистический взгляд на фразеологическую игру. Он вытекает из сущностных признаков и языковой игры, и фразеологии как одного из уровней языковой системы. Ведь языковая игра – это словесный парадокс, некоторая «антитеза» всему привычному, нормативному, устойчивому в языке. Именно благодаря такой парадоксальности языковая игра порождает основной целевой эффект – прагматизирует высказывание, выворачивает его на формальную или семантическую «изнанку», делая его экспрессивным. А поскольку одним из категориальных свойств ФЕ является именно *экспрессивность*, то эта единица как нельзя лучше соответствует парадоксальности языковой игры. Собственно, фразеология по своей функциональной природе также является языковым парадоксом. Парадоксом иного рода, чем языковая игра, но во многом обеспечивающим эффект, создаваемой последней.

Уже в силу того, что категориальным свойством ФЕ является экспрессивность, многие идеографические (resp. тематические) группы фразеологии построены на языковой игре. Таковы, например, семантические поля «Безделье», «Пьянство», «Глупость», «Ненужность», «Безденежье» и т. д. [18; 19]. Лимит времени, к сожалению, не позволяет проиллюстрировать игровой потенциал всех таких групп. Ограничусь лишь актуальным для фразеологов Украины и России, а

также всей кризисной Европы полем – полем «Безденежье». Казалось бы (хотя бедность и не порок), семантика этого поля должна порождать скорбную, трагическую коннотативность. Но фразеология опровергает реалистический трагизм безденежья. Опровергает его ... смехом. Вот лишь несколько шуточных русских ФЕ, отразивших такое опровержение, извлеченных из нашего словаря фразеологических синонимов [7, с. 28–29]:

ветер свистит (гуляет) в карманах (в кармане) чьих (чьем) у кого; в одном кармане блоха (клоп, вошь) на аркане, [а] в другом вошь (блоха) на цепи; в одном кармане смеркается, [а] в другом [чуть] заря занимается у кого; карманная чахотка у кого; Купило притупило (притупилось) у кого.

Если же поискать выражения на эту тему, известные нашей народной речи [16], то этот «игровой» синонимический ряд разрастётся до внушительных размеров:

денег девать некуда – кошелёк купить не на что; денег много: валялась в кармане копейка, да и ту пришлось разделить; нажитое нами: по дыре в кармане; дырка в кармане у кого; свистит в карманах; в кармане Иван Тощой да Марья Леготишина у кого; в кармане пустота бродит у кого; в кармане чахотка, в сундуке сухотка у кого; в кармане чихает у кого; в одном кармане дыра, а другой чинить пора; в правом кармане сочельник, в левом – понедельник у кого; прозвездцло в кармане у кого; осталась одна копейка, да и та щербата у кого; чахотка в кармане у кого; иши в кармане да блоха на аркане у кого...

Вот так русская народная фразеология реагирует на вечную трагедию человечества – хроническое отсутствие денег. И конечно же – не только русская: в новогреческом языке таких выражений наверняка не меньше – ведь кризисная ситуация заставляет компенсировать пустоту карманов богатством соответствующей фразеологии.

Как видим, фразеологию в языковой игре уже по своей природе можно считать «ударной силой» особой коннотативной мощности. Не случайно В. З. Санников подчёркивает, что «обыгрыванию чаще всего подвергается природа фразеологизма, его вторичный, производный характер» [21, с. 297].

Какова же «природа фразеологизма», делающая его функционирование в языковой игре столь эффективным?

Частично на этот вопрос я пытался ответить более 30 лет назад в своей книге «Славянская фразеология» [15; 4], анализируя основные оппозиции, порождающие особый языковой динамизм фразеологической системы. Динамика фразеологической системы создаётся взаимодействием таких оппозиций, как «Устойчивость – неустойчивость», «Моделируемость – немоделируемость», «Имплицитность – эксплицитность», «Образность – безобразность», «Экспрессивность – нейтральность». Разумеется, можно число таких оппозиций увеличить – напр., в русле популярных ныне поисков языковой картины мира за счёт противоположения «Национальное – интернациональное». Посмотрим, насколько эти оппозиции сущностно «работают» на механизм языковой игры.

1. Устойчивость – неустойчивость. Эта оппозиция отражает диахроническую преемственность ФЕ от свободных словосочетаний, бывших их прототипом. Но при языковом обыгрывании реальность «ревитализируемого» прототипа уже несущественна и потому разрушение устойчивости осуществляется более «раскованно», порождая открытый ряд мнимых прототипов. Так, народно-поэтическое выражение *за тридевять земель* может трансформироваться не только в логичные «пространственные» варианты типа *за тридевять морей* (Т. Бек), но и во внутренне неоправданные – временные, такие, как *из-за тридевять буйных веков* ‘из очень давних времён’, да ещё с «нанизыванием» таких лексических вариантов, как *из-за тьмы, из-за мглы, из-под спуда*:

*Из-за тридевять буйных веков,
Из-за тьмы, из-за мглы непроглядной,
Из-под спуда седых валунов
Вылезает корягой неладной...
И наверх, осерчавший и злой,
Продирается Вий, вылезает.
(С. Городецкий, Вий).*

Устойчивость разрушена, но зато поэтическая игра с фразеологизмом повышает его экспрессивность, переключает пространственную семантику во временную плоскость. В результате традиционная словесная формула обретает новую семантическую жизнь.

2. Моделируемость – немоделируемость. Немоделируемость фразеологии, признаваемая многими исследователями как определённое следствие её устойчивости, является также определённым ограничителем и «нормализатором» фразеопотребления. Механика языковой игры, однако, превращает его в мишень творческих преобразований. И тогда рождается целая серия оборотов, образованных по тождественной или типологически близкой модели. Этот процесс активен как двигатель фразеобразования, в результате которого та или иная ФЕ отрывается от модели и закрепляется в языковой системе лишь в одном из вариантов – как, например, рус. *бить баклуши*, укр. *бити байдики*, бел. *біць бібікі*, пол. *zbijać baki* [13]. Но в преломлении к языковой игре он играет особую креативную роль, вовлекая в свою орбиту даже заведомо немоделируемые единицы. Так, известный старый фразеологический каламбур, основанный на созвучии слов *Рига* и *рыгать* «извергать рвоту», некогда объяснялся М. И. Михельсоном как петербургская морская реалия. Он связывал его с тошнотой, якобы испытываемой пассажирами в весьма конкретной ситуации – во время морского путешествия в Ригу [12, II, с. 351]. Один из современных интерпретаторов даже добавляет к такому толкованию конкретные реальные факты, превращающие этот каламбур в единичный лингвокультурологический слепок: в XIX в. путешествие из Петербурга в Ригу по морю было гораздо дешевле, чем по железной дороге, но на ветхих каботажных суденышках укачивало, и пассажиров тошнило [22, с. 34, 178]. Легко увидеть, что столь «романтическое» морское объяснение разбивается о законы языковой игры, в которой упоминаемое чисто языковое созвучие гораздо важнее, чем история каботажного плавания из Петербурга в Ригу. Тем более, что этот фразеологический

каламбур известен не только петербуржцам, но и полякам. Ср. пол. *pojechać do Rygi, pojechać do Rygi po figi, pojechać przez Zabki (Zabkowie) do Rygi, pojechać na Bałtyk*, известным с 1874 г. [5, III, с. 116]. Главное же, – что эта популярная каламбурная модель, несмотря на её явную оригинальность, «работает» и в русской живой речи, и в других языках. Так, в нашем синонимическом словаре [7, с. 199] зафиксированы такие шуточные обороты на данную физиологическую тему, как прост. *поехать (съездить) в Прибалтику*; устар. прост. *сделать Франц-хераус (Фридрих-хераус)*; разг. *исполнить арию Рыгалетто*; жарг. *говорить / поговорить с Ватсоном*; жарг. *вызвать [доктора] Ватсона*; жарг. *обниматься / обняться (дружить) с белым другом*; *пугать белого друга*; жарг. *кричать на белого друга* и др.

Проекции этой каламбурной модели можно обнаружить и в других языках. Так, шуточное нем. *den heiligen Ulrich anrufen (rufen)* имеет то же значение, что и рус. *поехать в Ригу*, а буквально значит «звать святого Ульриха» или «звонить святому Ульриху». Восходит оно к студенческой речи XV в., а имя *Ульрих* используется в выражении оноματοпоэтически, как подражание звуку, производимому при рвоте [6, с. 152; 2, с. 11, 152]. Ср. чеш. *honit Davida*, образованное шуточной парафразеологизацией глагола *dávit* ‘тошнить, рвать’. Прямое влияние немецкого языка ощущается и в словен. *klicati Urha [na pomoč]*, которое, по мнению известного словенского фразеолога Я. Кебера, образовано от нем. *den heiligen Ulrich anrufen* и *sankt Ulrich rufen*. При этом Я. Кебер приводит и другой шуточный синонимичный оборот, образованный по той же типологической модели, – *praviti (peti) rigoleto* (букв.: говорить (петь) [арию] риголетто). Ср. также случаи, когда, казалось немоделируемая консервативная структура художником слова творчески воспроизводится как модель с семантическими мутациями – напр., вместо *мал мала больше* создаются варианты *стар стара старше* (В. Герасин, «Лунная память») или *бол бола больше* (И. Ильф, Е. Петров, «Россия-Го»)

Как видим, фразеологическая модель в каламбурных ФЕ работает более последовательно и динамично, чем в нормированных литературным языком оборотах.

3. Имплицитность – эксплицитность. Эта оппозиция также энергетически подпитывает языковую игру. Так, движение от ФЕ к лексеме в принципе «подрывает» один из категориальных признаков этой единицы – раздельнооформленность. Но, превращаясь в слово, словосочетание передаёт ему особую игровую стилистику и несколько меняет семантику. Конденсация выражения *изобретать велосипед*, например, приводит к образованию двух слов – *велосипедоизобретательство* и *велосипед* ‘нечто давно всем известное’:

Обидно, что десятки ленинградских училищ, где ложно толкуют понятие «творчество» и неверно, на мой взгляд, организуют соревнование в сфере рационализации и изобретательства, за все годы своего существования ни разу не

сумели представить на выставку какое-либо настоящее изобретение. «Велосипедоизобретательство», как видите, и тут сыграло роковую роль. (А. Иванов, Не изобретать «велосипед»!)

– Смотрите, чем дальше палка от берега, тем дальше её не выбрасывает. – Да. Простите, это *велосипед*. – Почему? – Это давно известно. (В. Шукшин, «Митька Ермаков»).

Пример обратного процесса – эксплицирования в обыгрывании фразеологизма *Скатертью дорожка!* находим в рассказе М. М. Зощенко «О чем пел соловей»:

Скатертью дорожка. Камнем в воду. Не задерживаем! [неодобрительные слова хозяйки съезжающему от нее жильцу].

4. Экспрессивность – нейтральность. Эта оппозиция в языковой игре может иметь двойную направленность. С одной стороны, экспрессивность ФЕ может при обыгрывании затушевываться, переключаться в другую плоскость и тем самым несколько сглаживаться. С другой – мало экспрессивный, почти нейтральный оборот может в употреблении писателя насыщаться дополнительной экспрессией. В первом случае некоторая потеря экспрессивности достигается различными способами: например, буквализацией исходного образа путём замены его близкой по смыслу лексемой:

Наш оппонент на редкость скверно ведет свою игру. На шахматных полях возможно бесчисленное количество вариантов, но вести партию *без короля на доске* или *без царя в голове* – такое чаще всего случается в дурной политике «нормальных» и старомодных советологов. (А. Кривицкий, Страницы из «Общей тетради»).

Как видим, здесь предельно конкретное шахматное словосочетание *без короля на доске* переключает экспрессивный оборот *без царя в голове* в иную плоскость, снимая определённую долю экспрессии.

Ко второму случаю следует отнести употребление невыразительного в принципе клише *в своём роде* в «Идиоте» Ф. М. Достоевского, весьма тонко проинтерпретированное в докторской диссертации М. Р. Проскурякова [20, с. 133–134]. В романе этот оборот насыщается экспликацией концепта *род*, что значительно повышает его экспрессию:

«Да вот не знаю, каким образом и генеральша Епанчина тоже очутилась из княжон Мышкиных, тоже *последняя в своём роде*... – Хе-хе-хе! *Последняя в своём роде!* Хе-хе! Как это вы оборотили, – захихикал чиновник ... Белокурый несколько удивился, что ему удалось сказать, довольно, впрочем, плохой каламбур. – А представьте, я совсем не думая сказал, – пояснил он, наконец, в удивлении. – Да уж понятно-с, понятно-с, – весело поддакнул чиновник» (Достоевский, т. I, 10). «То есть если хотите и есть одно дело, так только совета спросить, но я, главное, чтоб отрекомендоваться, потому я князь Мышкин, а генеральша Епанчина тоже *последняя из княжон Мышкиных*, и, кроме меня с нею, Мышкиных больше и нет ... Только не могут, кажется, не принять: генеральша уж конечно захочет видеть *старшего и единственного представителя своего рода*, а она *породу* свою очень ценит» (там же, 23). «Вот-с, рекомендую, *последний в роде* князь Мышкин, однофамилец и, может быть, даже родственник, примите, обласкайте» (там же, 61).

«Ай да *последний в роде* князь Мышкин! — завопил Фердыщенко» (там же, 191).
«Но *последний в роде* барский отпрыск был идиот» (там же, 297).

5. Образность – безобразность. Образная ипостась ФЕ играет самодовлеющую роль в создании языковой игры и потому неизменно комментируется лингвистами. В «Антипословицах русского народа» [8] мы приводим немало примеров, где привычная для говорящих образность ФЕ разрушается, переключаясь в совершенно иную плоскость. Так, шутливо-утешительное выражение *до свадьбы заживёт* превращается в оптимистический призыв бонвивана – *До свадьбы поживём!* (*boot*, 15.5.2002), а поговорка *нас голыми руками не возьмёшь* становится девизом убеждённого холостяка: *Нас голыми ногами не возьмёшь*. Переключение регистра образности здесь не разрушает полностью исходной формы и смысла, но зато увеличивает «осцилляцию смысла» (Я. Мукарежовский), напряжение между исходным и «игровым» оборотами.

Нередки и случаи, когда художник слова создаёт целый каскад образных преобразований ФЕ, градуируя креативное удаление от исходного образа. Так, в стихотворении Б. Слуцкого «Без меня» оборот *капля в море* сначала обогащается одним компонентом, превращаясь в сочетание *капля в океане моря* ‘нечто малое, но важное, ценное, в огромном’, а затем образно разворачивается каскадом оригинальных, созданных самим поэтом словосочетаний-перифраз:

Можно обойтись и без меня.

Но зачем? *Секундой в толще дня,*

каплей в океане моря

и слезинкою в рыданье горя

пригодиться я ещё могу.

И ещё – *снежинкою в снегу.*

Как видим, типология языковой игры во фразеологии органически перекликается с основными оппозициями, которые её динамизируют. На этом общем системном поле, как кажется, можно исследовать многие конкретные и весьма разнообразные проблемы, связанные с темой «Языковая игра и фразеология». Вот лишь некоторые из них, которые представляются наиболее актуальными.

1. Избирательность фразеологического материала, который поддается языковому обыгрыванию. Опыт показывает, что далеко не все ФЕ «провоцируют» языковую игру. Необходимо выявить тот корпус фразеологии в разных языках, который регулярно подвергается игровым трансформам.

2. Выявление собственно лингвистических механизмов такого трансформирования.

3. Типология ФЕ (в широком смысле термина), подвергающихся языковому обыгрыванию и выявление специфики каждого из типов.

4. Уровневая классификация способов обыгрывания фразеологизмов.

5. Взаимодействие обыгрываемой фразеологии с текстами различных жанров.

6. Языковая игра с фразеологией в живой речи и Интернете: общее и различное.

7. Культурологическая и когнитивная специфика обыгрываемой фразеологии.
8. Проблемы перевода обыгрываемой фразеологии на другие языки.
9. Лексикографическое описание различных типов фразеологии (в широком смысле), ставших объектами языковой игры.

Разумеется, перечисленные проблемы – лишь часть той актуальной проблематики, которая укладывается в русло темы «Фразеология и языковая игра». Программа Симферопольской конференции убедительно свидетельствует о том, что у избранной нами проблематики есть ещё большой запас пороха в пороховницах. А раз так, то можно быть уверенными, что коллегиальная дискуссионная «игровая перестрелка», открытая на конференции, эффективно продолжится и в будущем.

Список литературы

1. Buttler D. Polski dowcip językowy / D. Buttler // PWN, Warszawa 1974. – 422 s.
2. Duden Bd. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Bd. Duden // Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. – Mannheim, Leipzig u.a: Dudenverlag, 1992. – 864 s.
3. Jilek F. Vtipná čeština / F. Jilek. – Praha: Mladá fronta, 1967. – 314 s.
4. Mokienko V. Fraseoloxía eslava. Manual universitadio para a especialidade de lingua e literatura rusas / V. Mokienko // Santiago de Compostela: Xunta de Galicia, 2000. – 504 p.
5. Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1 – 4. Warszawa, 1969 – 1978.
6. Olschanski H. Täuschende Wörter. Kleines Lexikon der Volksetymologien / H. Olschanski. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1999; 2005. – 253 s.
7. Бирих А. К., Степанова Л. И., Мокиенко В. М. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М. : «АСТ», 2009. – 448 с.
8. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // СПб. : Издательский Дом „Нева“, 2005. – 578 с.
9. Константинова Д. Иронията във фразеологията. Начини за създаване на ироничен ефект във фразеологията / Д. Константинова // Езиковедски изследвания в чест на проф. Сийка Спасова-Михайлова. – София: академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2011. - С. 151–162.
10. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.
11. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Словарь. – М. : «Русские словари», 1997. – 864 с.; изд. 2-е. – М. : «Русские словари, Астрель», 2001. – 855 с.; изд. 3-е. – М. : «Русские словари, Астрель», 2005. – 855 с.
12. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии / М. И. Михельсон // Сборник образных слов и иносказаний. СПб. – Т. 1, 1903. – 779 с. Т. 2, 1905. – 580+250 с.
13. Мокиенко В. М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? / В. М. Мокиенко // Вопросы языкознания, 1973. – №2. – С. 21–34.
14. Мокиенко В. М. Каламбуры у Горького / В. М. Мокиенко // Русская речь. – 1968. – № 2. – С. 27–34.
15. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко // М. : Высшая школа, 1980. – 207 с. 2-е изд. М. , 1989. – 287 с.
16. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
17. Норманн Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норманн. – М.: изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2006. – 242 с.
18. Прадід Ю. Ф. Російсько-український і українсько-російський фразеологічний тематичний словник. Емоції людини / Ю. Ф. Прадід. – К. , 1994.

19. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / Ю. Ф. Прадід. – К. – Сімферополь, 1997. – 252 с.
20. Проскуряков М. Р. Концептуальна структура тексту / М. Р. Проскуряков. – СПб. : изд-во СПбГУ, 2000. – 240 с.
21. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
22. Синдаловский Н. А. Словарь петербуржца. Более 3700 слов и выражений / Н. А. Синдаловский. – Санкт-Петербург: «Норинт», 2002. – 320 с.
23. Третьякова И. Ю. Оказиональная фразеология: монография [Текст] / И. Ю. Третьякова. – Кострома: КГУ им. Некрасова, 2011. – 290 с.
24. Щербина А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура) / А. А. Щербина. – Киев : АН УССР, 1958. – 165 с.

Мокиєнко Валерій. Фразеологія і мовна гра: динаміка форми і смислу // Валерій Мокиєнко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 100–109.

У статті розглядаються основні проблеми мовної гри засобами фразеології. Фразеологія з огляду на власну структурно-семантичну парадоксальність і експресивність є природним матеріалом для мовної гри, а різноманітні шляхи трансформації фразеологічних одиниць підвищують потенціал мовного обігравання. Автор аналізує різні аспекти проблеми й пропонує загальну класифікацію обігравання ФО на основі опозицій, характерних для фразеологічної системи.

Ключові слова: мовна гра, каламбур, фразеологічна одиниця, варіантність фразеологізмів, шляхи обігравання у фразеології.

Mokienko Valery. Phraseology and Language Game: Dynamics Form and Meaning / Valery Mokienko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 100–109.

The article deals with the main problems of the language playing by means of the phraseology. The phraseology because of its structural-semantic paradoxality and the expressivity is the natural material for the word playing and the different ways of the transformations of the phraseological units make the potential of the language playing much higher. The author analyses the different aspects of the problem and offers the general classification of the playing with the phraseological units on the ground of the oppositions, which are characteristic for the phraseological system.

Key words: language playing, pun, phraseological unit, variability of the phraseologisms, the ways of the playing with the phraseology.

Стаття надійшла до редакції 9 липня 2012 року

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОНФРОНТАТИВНОМ АСПЕКТЕ

УДК 811.161.2'282.2(477. 52/6)

ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Жунусова Жаныл

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Астана, Казахстан*

В статье рассматриваются фразеологические единицы с национально-культурной семантикой, отображающие современную ментальность и выражающие ее в процессах реального функционирования в различных дискурсах, в том числе и лексикографическом.

Ключевые слова: культурно-национальное самосознание народа, фразеологические знаки, «диалог культур», межкультурная коммуникация.

Слово определенным образом интерпретирует информацию о мире, это и способ оценки, и акт воздействия на получателя информации. Фиксация или кодирование в форме языкового знака воспринятого и по-своему осмысленного человеческого опыта делает возможной передачу информации от одного носителя к другому, и сохранение ее во времени и пространстве, т. к. «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [2, с. 304].

В современной лингвистической науке признается, что представления и образы окружающей действительности передаются через такие феномены, как устойчивые словосочетания, фразеологизмы, стереотипы, которые могут интерпретироваться в пространстве культурного знания [4, с. 80].

С помощью культуры как системы коллективного знания люди моделируют окружающий мир «в связи с обострением интереса к феномену культуры как системе национальных ценностей и языку как отражению системы ценностей народа, а также в связи с возросшим национальным самосознанием этносов, пытавшихся осмыслить свое место в истории человечества и свою роль в межкультурной и межъязыковой коммуникации мировом сообществе, началось формирование в конце XX в. в гуманитарных науках новой антропоцентрической парадигмы <...>, она предполагает первоочередную ориентацию научных исследований не на объект познания, как в классической методологии, а на субъект познания – человека в совокупности всех его признаков: личностных, национальных, социальных» [5, с. 5–6].

Интерес к соотношению языка и культуры в лингвистике объясняется изменениями в социально-политической ситуации – глобализация, интеграция,

полиэтничность, расширение международных контактов, интернационализация знания, взаимный обмен ценностями на разных уровнях.

Язык впитывает в себя обозначения культурных, национальных, исторических, социальных условий жизни человека, поэтому весь словарный состав представляет реальную картину лингвокультурного сообщества. Опыт человека, его специфическое национальное «окультуренное» мировидение и мироощущение [В. Н. Телия] фиксируется в языке, имеет семиотическую природу и проявляется в дискурсе.

Язык является составной частью культуры и ее орудием, это «действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности», позволяет представить своеобразие национального духа во всей его полноте [3, с. 11]. На процесс восприятия и воспроизведения действительности оказывает влияние выбор конкретных языковых средств. Многообразие языков открывает богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем, окружающий мир расширяет свои границы, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия.

Считается, что основными распространителями коллективного знания являются средства массовой информации, всевозможные лексикографические источники.

Словари являются не только источником информации для людей, которые к ним обращаются в поисках ответов на определенные вопросы, но несут и коммуникативную функцию, т. е. помогают межъязыковому общению, способствуют обучению языку. Они играют важную роль в процессе распознавания духа и состояния языка, его исторических корней, общих параллелей с другими мировыми языками.

Билингвальная лексикографическая деятельность рассматривается как особая область межкультурной и межъязыковой коммуникации носителей разных культур. В когнитивно-дискурсивной парадигме деятельность лексикографа имеет целью создание дискурса, обладающего двойной прагматической ориентацией. С одной стороны, он воспроизводит прагматику оригинала, с другой – отражает особенности той лингвокультурной общности, к которой обращен переводной текст. Лексикографический дискурс есть текст, обусловленный дистантной коммуникативной ситуацией, которая требует от отправителя-адресата знания культурных стереотипов и традиций, свойственных данному лингвокультурному сообществу.

Большую роль в передаче культурно-национального самосознания народа и его идентификации как такового играет фразеологический состав национального языка. В образном содержании языковых единиц, сквозь призму национального языка как выразителя определенной национальной ментальности воплощено мировидение и менталитет этноса. Фразеологические знаки способны отображать современное культурное самосознание народа, входящее в понятие ментальность и выражающее его в процессах реального функционирования в различных дискурсах, в том числе и лексикографическом. Они выступают как культурные знаки, стереотипы культурно-

национального мировосприятия, воспроизводят межпоколенную трансляцию культурных кодов нации вместе с языком данного этноса, предполагают трансляцию и вербализацию образов сознания этносов.

Национально-культурная семантика языка, безусловно, является продуктом исторического развития, включающего также и прошлое культуры. Чем ярче и насыщеннее история народа, тем богаче, содержательнее языковые единицы.

Фразеологический фонд – показатель богатства нации, который позволяет лучше узнать историю и характер народа, обогатить речь образцами народного и индивидуально-авторского речетворчества, сделать речь меткой и выразительной, это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [6, с. 9]. Именно они как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации, через них соотносимся с миром реальной действительности.

Современные направления в исследовании фразеологизмов выдвигают необходимость комплексного анализа этнокультурной специфики и универсальных, межъязыковых отношений на основании культурологических релевантных признаков. Исследование направлено не на механическое выявление параллельных конструкции в сопоставляемых языках, а должно вестись в аспекте «диалога культур» и способствовать повышению эффективности межкультурной коммуникации и формированию коммуникативной компетенции языковой личности в условиях глобализации. При сопоставлении языков и культур «все тонкости и вся глубина межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными», считает С. Г. Тер-Минасова [7, с. 24].

При переводе фразеологических единиц имеет место не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур, передача идиоэтнической, национально-культурной информации. Именно через лексико-фразеологическую систему языка складывается языковая национальная картина мира.

Для лексикографической практики, для теории двуязычных словарей важен вопрос об устойчивости и идиоматичности фразеологических единиц, важен не столько денотативный аспект, сколько различного рода коннотации, наслоения, образы

При сопоставительном изучении фразеологических систем двух и более языков следует уделять внимание семантическому и функциональному аспектам фразеологических единиц, так как структурное совпадение фразеологизмов неродственных языков наблюдается крайне редко [1, с. 125]. На необходимость обращения внимания к их смысловой (эквивалентностной) характеристике в словарях отмечают в своих работах известные ученые В. М. Мокиенко, Х. Вальтер.

В двуязычных словарях в зарембовой зоне приводятся составные наименования, грамматикализованные сочетания, собственно фразеологические единицы, пословицы и поговорки. Они представляют собой некое собрание различных фразеологических единиц, идиоматических выражений, пословиц, поговорок, составных терминов, специфических оборотов речи и выражений языка оригинала, крылатых выражений и т. д.

Известно, что передача фразеологизмов национальным языком сопряжена с большими трудностями, это объясняется многими причинами: различиями в быту, культуре, традициях, условиях жизни; разносистемностью языков; а также из-за особой природы фразеологического значения, вызванной семантической диффузностью и изобразительной силой его внутренней формы (А. М. Бабкин, В. Н. Телия и др.).

По мнению А. С. Чикобава, значения слов, как составных элементов, в различных лексических системах редко бывают эквивалентными [8, с. 59]. Это относится, в первую очередь, к переводу фразеологизмов в сопоставляемых языках ввиду их яркой, эмоциональной насыщенности, экспрессивности, национального колорита, принадлежности к определенному стилю. Сохранение упомянутых черт и составляет существенную задачу перевода. Самобытные фразеологизмы одного языка необходимо передать адекватными фразеологизмами другого языка.

Казахстанская лингвистика переживает бурный рост лингвокультурологических исследований, характерна «связь с теорией коммуникации, теорией референции, семиотикой, культурологией, социологией, поэтикой, когнитологией, герменевтикой и другими науками», что позволяет анализировать современный язык с помощью нового метаязыка и рассматривать ее в парадигме мировой лингвистики. Приоритетными стали исследования в таких направлениях, где язык определяется не только как инструмент познания и коммуникации, но и как культурный код нации.

Список литературы

1. Авакова Р. А. Принципы сопоставительной фразеологии с точки зрения номинации: [матер.межд. конф. «Frazeografia slowianska. Teoria i praktyka, tradycje, terazniejszosc, przyszlosc»] / Р. А. Авакова. – Ополе, 2000. – С. 125.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М., 1985. – 614 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М., 1985. – 614 с.
4. Захаренко М. В. Лингвокультурологические энциклопедические словари: принципы словарного описания языка лингвокультуры: [мат. междун. конф. «Русское слово в современном межкультурном контексте»] / М. В. Захаренко. – М., 2012.
5. Темиргазина З. К. Некоторые теоретико-прикладные аспекты межэтнической коммуникации / З. К. Темиргазина // [Проблемы межэтнической коммуникации]. – Павлодар: Эко. – 2003. – С. 3–10.
6. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2000.
8. Чикобава А. С. О принципах составления Толкового словаря грузинского языка: [Лексикографический сборник] / А. С. Чикобава. – М., 1957. – Вып. 1. – С. 59.

Жунусова Жаныл. Фразеографічний матеріал у аспекті міжкультурної комунікації / Жаныл Жунусова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 110–114.

У статті представлено фразеологічні одиниці з національно-культурною семантикою, які відбивають сучасну ментальність і виражають її в процесах реального функціонування в різних дискурсах, зокрема й у лексикографічному.

Ключові слова: культурно-національна самосвідомість народу, фразеологічні знаки, «діалог культур», міжкультурна комунікація.

Zhunusova Zhanyl. Phraseological Material in Aspect of Intercultural Communication / Zhanyl Zhunusova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 110–114.

In article phraseological units with the national and cultural semantics, displaying modern mentality and expressing it in processes of real functioning in various discourses, including the lexicographic are considered.

Key words: cultural and national consciousness of the people, phraseological signs, «dialogue of cultures», intercultural communication.

Стаття надійшла до редакції 20 травня 2012 року

УДК 811.163.41'373.4

СЕРБСКИЕ И ЧЕРНОГОРСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С АНТОНИМИЧНЫМИ ПЛАНАМИ СОДЕРЖАНИЯ И ВЫРАЖЕНИЯ

Кузнецова Ирина

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,

Чебоксары, Россия

В статье на материале сербского и черногорского языков рассматриваются устойчивые сравнения с антонимичными планами содержания и выражения. В некоторых случаях предлагается их этимология.
Ключевые слова: фразеология, устойчивые сравнения, антонимия, этимология.

Интерес к феномену языковой игры (ЯИ) не случаен. Он связан с ее разными проявлениями в художественной литературе, разговорной речи, текстах рекламы, языке СМИ. Изучается ЯИ и в мини-текстах (паремиях, фразеологизмах). Различные способы реализации ЯИ с помощью средств, соотносимых с определенным уровнем системы языка, встречаются и в устойчивых сравнениях (УС). На фонетическом уровне приемы ЯИ часто основаны на звуковом повторе: серб. ирон. *фин као да си из Финске*, *фин као Финац* (*фин* 'вежливый', *Финац* 'финн'). На лексическом уровне это каламбуры, связанные с парадигматическими отношениями (полисемией, паронимией, омонимией, антонимией). Так, серб. УС *ријетко као бијела врана* содержит оксюморон – прием, основанный на абсурде, соединении слов, выражающих несовместимые понятия. В рамках УС приемы ЯИ могут сочетаться: в серб. *леп је као леп на плуту* омоформы *леп* 'красивый, изящный' и 'замазка, штукатурка' – одинаково звучащие разнокорневые слова. В этом примере, в отличие от двух первых, где компаративная часть (КЧС) усиливает значение признака, положенного в основание сравнения (ОС), ЯИ создается и за счет антонимии планов содержания и выражения.

ЯИ проявляется в невозможности существования описываемой в УС ситуации: серб. *срећан као пас у Хришћанској цркви*; ч.-г. *дочекаше га ка пса у цркву* мотивированы тем, что собаку нельзя пускать в церковь, ибо в христианской перспективе псы ассоциируются с язычниками и вообще иноверцами; компоненты КЧС противопоставлены (нечистое животное и церковь как чистое пространство) [3, с. 104–105]. Столкновение в микро-контексте УС «нечистого» животного и «чистого, христианского» понятия, не просто исключающего скромную пищу, но и связанного со сферой духовного, усиливает экспрессию серб. *зна стид као куја /сучка/ за пост* (ср. с рус. *Постись духом, а не брюхом!*). Подобное противопоставление известно другим языкам, но встречается в УС иного смыслового плана: укр. *(подобришав) як вовк у піст*; чеш. *dbá jako pes postu* 'совсем

не заботится»; *zná púst jako pes sobotu* ‘не постится’; *drži slovo jako pes púst* ‘о необязательном человеке’. В два этапа формируется и семантика серб. *je име стоји (од воље му) као Шокиу пост; пријуи (годи) као Шокиу пост*, где «нечистым» предстает иноверец: *шокац* – представитель малой славянской этнической группы динарского происхождения, говорящий на штокавско-икавском диалекте, католик; название, которое дают православные всем католикам. Помимо религиозно-мифологического подтекста (в условиях христианско-языческого двоеверия народная демонология приравнивала иноверцев и инородцев к нечистой силе) эти УС имеют реальную основу: в отличие от православной традиции, исключающей из рациона на время постов и рыбу [6, с. 303], в католичестве ограничений на ее употребление нет. Ср. с болг. *бегам като протестанин от пост*, которое мотивировано тем, что протестанство (кроме англиканства) отрицает посты и не признает связанных с ними ограничений в пище [4, с. 170]. Серб. *то ти се зна као Лацману божић* несколько отличается образностью: в КЧС антонимичны чужак, иноверец, выходец из Западной Европы и православное Рождество. Внутренняя форма антонимична значению УС.

Многие приемы ЯИ в сфере фразеологии связаны с антонимией (оксюмором, антитезой). Часть фразеологизмов (ФЕ) базируется на алогизме, часть – на абсурде; «разграничение алогизма как нарушения законов логики и абсурда как гиперболизированного алогизма позволяет различать и их языковое выражение, закрепленное внутренней формой ФЕ: алогизм передается сочетанием семантически не связанных слов, абсурд – сочетанием семантически соотносимых слов» [1, с. 138]; ФЕ абсурдного характера (оксюмороны) можно считать каламбурными, ФЕ-алогизмы выразительны не благодаря языковым средствам, а в результате отражения логической несовместимости называемых явлений [1, с. 141].

Во фразеологии антонимия понимается как явление семантическое, а не формальное, поэтому антонимичными компонентами в УС считаются не только узуальные, но и контекстуальные антонимы. В УС алогического и абсурдного типа преобладают контекстуальные антонимы. Главная роль в определении коннотативного содержания УС с противопоставленными компонентами принадлежит КЧС: ср. серб. *миран као овца и љут као овца*. Можно выделить два типа УС с компонентами-антонимами: в первом нет противоречия внутренней формы ФЕ и ее значения, а в другом – есть. В УС второго типа КЧС нейтрализует значение ОС, превращая его в свой собственный антоним: серб. *добар као лети крупа* /летом град/; *гладак као ’растова кора* /дубовая кора/; ч.-г. *бијел ка да је ковачу из мијеха искочио* /бел как будто у кузнеца из меха выскочил/; *присан својту ка Енглеz* /близкая родня как англичанин/. В итоге в семантической структуре УС «создается модальность отрицания без каких-либо формальных средств “негации” (отрицательные частицы и т. д.)» [5, с. 114]. Учитывая логические особенности соединения ОС и КЧС, в УС выделяют пять типов выражения отрицания формально не маркированными средствами [5, с. 114–117]. Опираясь на них, можно выделить семантические модели сербских и черногорских УС с антонимическими планами содержания и выражения (формулировка и примеры наши):

1. КЧС содержит «формулу невозможности»: серб. *стоји као у решету вода*

(ка вода у решету); држи ријеч /держит слово/ *kâ* (ка', ка) и решето воду; прионуо [на посао] ко чичак за јаје /прилип как репей к яйцу/ 'плохо, медленно работать'; велики је као буре од краставца /бочка из огурца/; пун памети као пијавица костију /полон ума как пиявка костей/; има (бити пун) памети као самар свиле /вьютное седло шелка/; бити пун поштења као самар свиле /быть полным почтения/; има као у кукавице гнијездо; користи (фајде) као од јарца млека; има пара (пун новаца) као жаба длака /жаба волос, шерсти/ 'о полном отсутствии денег'; ч.-г. његова је енергија ка плам од сламе. Семантика УС формируется двухступенчато: во-первых, КЧС основана на реальной невозможности существования описываемой ситуации, во-вторых, ОС семантически несовместимо с КЧС [3, с. 104].

Сюда относятся и УС с алогизмом в КЧС: серб. *потребан је као глухом добројутро*; *потребан је као колима пети точак* (*пети котач у колима*); *потребно као крави седло*; *потребан је као лањски снег*; *треба му као гуски сено*. «Эти обороты сближает семантика 'абсолютно не нужен' или 'о чем-н. бессмысленном, невозможном'» [1, с. 38].

2. КЧС и ОС антонимичны: серб. *напредовати* /двигаться вперед/ *као рак* 'пятиться'; *брз (фришак)* /быстрый/ *као рак*; *фришак као кремен*; *медено као жуч* /медово как желчь/; *весели као на даћи* /на похоронах/. Сюда относятся УС, основанные на ироническом сближении слов: серб. *дркће (стрепи) као фуруна* /дрожит как печь/; *плива као камен (сјекира, цртало)* /камень (топор, лемех)/; *зна пливати као брус* /точильный камень/; *плива ко сикира по земљи*; ч.-г. *плива ка сјекира без држала*.

3. Антонимичные компоненты содержатся в КЧС. Это случаи «скрытой» антонимии: серб. *наудиће* /навредил/ *му као врабац гуски*; *радују му се ко кокоши лису*; *мио му је као кози нож*; *добро му је као овци међу вуцима* /между волками/; *слагати се (љубе се) као лук и очи*; *воле се ко око и со*; *пазе се као со и око* (лук и очи); *слажу се као гуска и прасе* 'о несогласованном пении'; *односити се као пас и мачка/пес* и кошка/; *слагати се (сладити се) као мачка и пас* (*пас и мачка*); *пазе се као пас и мачка*; *пазе се као мачка и миш* (*пас, псето*); *пази га ка мачка мишу*; *милостив као [зла] маћеха на пасторче*; ч.-г. *воли га ка маћеха пасторче*; *пазе се ка барут и огањ* /порох и огонь/; *воли људе ка курјак* /волк/ *овце*; *[присни су] пријатељи ка вук и коза* (*пас и мачка*); *жали га ка православни џамију* /мечеть/ 'совсем не жаль'. Компоненты в КЧС представляют собой различного рода оппозиции. Формирование значения УС двухступенчато: антонимичны не только компоненты КЧС, но и КЧС и ОС.

4. КЧС в свободном употреблении не содержит семантического или логического противоречия, но «при столкновении с препозитивной частью постпозитивная часть получает экспрессивно-негативную коннотацию, которая и переводит утвердительный план препозитивного сообщения в отрицательный план» [5, с. 115]; отрицательная модальность возникает как следствие логической несовместимости КЧС и ОС: серб. *поуздање као у пушку без крема* /надежда как на ружье без смазки/; *гледају се као козји рози* /рога/; *исправно као јарчев рог*; *окретан (фришак) као доњи жрвањ* /поворотлив (быстр) как исподний жернов/; *чисто као пачја нога* /утиная нога/; *срећан као уже у врећи* /веревка в мешке/; *готов као бос у*

трње; провео се /развлекся, хорошо провел время/ као бос по трњу; мио му је ко трн у нози; ч.-г. дебело ка коначу у науковој мрежи /толсто как нить в паутине/; хвалѐн ка онај који је мајку пребио /благодарный как тот, который мать поколотил/; раствара ка камен у 'ладной води /камень в холодной воде/; ужива /наслаждается/ ка бос у трње; ужива ка пас на ланцу /пес на цепи/.

В данных моделях отрицательная модальность создается без каких-либо формальных средств негации. В сербском и черногорском языках не выявлены УС типа рус. *не любит как кот сало*; укр. *не хоче як коза сіна*, где отрицательный план выражения ОС трансформируется семантикой КЧС в позитивную модальность [2, с. 111].

Разнообразие типов соединения компонентов в УС с логической бессмысленностью, семантической аномалией свидетельствует о сложности их семантической структуры. Приведем небольшой список УС, иллюстрирующий это: серб. *бијели се као тава на снијегу (тава (тур.) – посуда для жаренья с длинной рукоятью); добио (ужаснио) као чела на брису; изгубити се као шило у врећи; лијеп као тру у (по) ноћи; миран као јаре; млад као роза у подње; пазарио као пас на вашару; поблиједио као шљепачка тиква уз бербу; помагао се као чела на брису; поуздано као кратак штап у дубокој води; пуца му срце као кобили за сувачом; сија се као тигањ на мјесечини; слажу се (сложни) као рогови у врећи (у џаку); сретан је као кокот кад се намјери на бобово зрно; ћути као прасе у плот; увајдио се као пчела на брису; царује као гуја на леду; ч.-г. блијешти ка кокош на снијег; миран ка коњски реп у лето; музикалан је ка да га је магаре на ухо начепило; његово пријатељство ка вучје другарство.*

Большинство УС, в которых значение противоречит внутренней форме, имеет тождества в других славянских языках: серб. *разумети се као слепац у боје* – есть в западно- и восточнославянских языках; *разумети се као коза у першин (першун) /в петрушке/* – в чешском, словацком, польском, кашубском; *прав као уже у врећи /прям как верёвка в мешке/* известно украинцам, болгарам; *разумети се (вјешит) као магарац (магаре, крава) у кантару (кантар) /осел (осленок, корова) в весах/* – южным славянам и т. д. УС многих семантических рядов имеют параллели в других языках. Они образованы по структурно-семантическим моделям (ССМ), известным какому-либо ареалу; субъект (и объект) варьируются: серб. *знати као крава латински*, болг. *разбирам като свиня от гръцки*, лемк. *знати як свиня по-латынськы*; серб. *паметан као попино прасе*, болг. *умен като попово прасе*, рус. *умна как попова свинья*, бел. *razutna jak swinia ў Branski*, польск. *mądry jak swinia w tagierce*. Анализ ССМ выявляет тождество семантики УС при структурном или лексическом варьировании: серб. *помоћи ће му ко мртвом облоге /компресс/*, рус. *поможет как мертвому припарка (припарки)*, укр. *поможе/ допоможе як як мертвому припарка*; ч.-г. *помаже му ка маниту /сумасшедшему/ молитва пјаного попа*, укр. *поможе як попова молитва*, бел. *дапаможа як папова молитва*; ч.-г. *ћарио ка Омер од јаје /получил выгоду как Омер от яйца/ 'ничего не заработал'* образовано по ССМ «заработал + как + человек на продуктах питания», известной белорусам, украинцам, полякам; *личи ка магарац коњу (зец на курјака) /осел на коня (заяц на волка)/*, рус. *похож как свинья на коня (воробей на сокола)*, укр.

схожий (подібний) як свиня на коня (кота), схожий (похожий, подібний) як сова на ястреба (яструба), бел. падобны як свіння да лебедзя. Своеобразие ССМ присуще жаргонным и национально маркированным УС: серб. *бити сличан ко јаје говну; бити сличан ко Краљевић Марко и пинг-понг* (королевич Марко – историческая личность и популярный герой сербского эпоса).

В сфере УС активен закон «притяжения синонимов» [7, с. 266], в соответствии с которым субъективно значимые явления обозначаются большим числом синонимов и вариативных модификаций, что вызвано стремлением носителей языка обновить, освежить экспрессивные средства. Широко представлена лексическая вариантность УС; это относится к ОС: серб. *сигуран (поуздан) као врбов клин 'ненадежный'*, но в большей мере к компонентам КЧС: серб. *марити (хаје, брига) као за лањски снег, марити као пас за пету ногу, марити (хајати) као врана за возара (скелецију), марити као за фратарску чорбу /монастырская похлебка/; добро ми је као змији на леду (раку на угљену, црву у хрену), добро му је ко риби на ватри, добро му је ко голом на међави/метель/, ч.-г. добро му је ка босу у трњу.*

УС с противопоставленными планами содержания и выражения объединяются в вариантно-синонимические ряды: серб. *весео као да му кућа гори /дом горит/; весели се ка (ка') и мати мртву сину; иде напријед ка и комад у шаци; ч.-г. напредује ка комад 'љеба у гладне руке; иде му напредак ка православној цркви; доликује му као крмачи клепетуша /свиноматке колокольчик/; приличи му ко крмачи бисер о врату /жемчуг на шее/; пристоји му као (ка и) магарцу [златно] седло; пристаје (личи) као крави (магарцу, магарету) седло; пристоји му као свињи (крмачи) седло; стајати (личи) ко пилету мидер (цокула) /цыпленку корсет (солдатский башмак)/; стајати ко слону мидер; стајати ко пилету сиса (сисе) /женская грудь, сосок/; пристаје као гуски слама; личи као песница на око; пристаје као пест на (у) око /кулак глазу/; личи као ждребету кашика /жеребенку ложка/; ч.-г. пристаје ка ждребету шупља /пустая/кашика; серб.*

Часть УС выражает одно понятие – прямо и в форме иронической негации: серб. *разумије се ко магарац у кантар – не разумије се ко магарац (кенјас) у кантар, тврдо је као бабини зуби – слабо је као бабини зуби.* УС с противоположными планами содержания и выражения с позитивной модальностью редки: серб. *боји се ко наковањ чекића /наковальня молота/; боји се као врана скелеције /ворона перевозчика/; боји се као девојка од удаје /девушка замужества/; боји се ко свећа помрчине /свеча мрака/.*

УС с антонимичными планами выражения и содержания носят иронический или каламбурный характер, служат для субъективного, эмоционально-экспрессивного обозначения понятий. Налицо перевес рядов ФЕ с пейоративной оценочностью, отражающей укоренившуюся реакцию на соответствующие явления. Отрицательная модальность этих УС объясняется тенденцией к использованию готовых речевых формул в качестве шутки в дружеской обстановке или при резко негативных, конфликтных эмоциональных состояниях. Своеобразие их системных отношений проявляется в довольно небольшом количестве антонимичных рядов, основанных на противопоставлении их денотативных значений: серб. *гладан је ко млинарева кокош – сит као даска; прав као параграф – криво као гудало /смычок/;*

мекано као кост – тврдо као научина; мрзи га као слијепца пара – воле се кó пси и просјаци /нищие/, милује као враг тамјан /черт ладан/, воleti као очи хрена, воли ташту као квочка узицу /любит тещу как курица веревку/.

Список литературы

1. Кашина И. В. Коннотативный потенциал русских каламбурных фразеологизмов / И. В. Кашина // Фразеология и языковая динамика: [сб. науч. трудов / науч. ред. Мокиенко В. М. и др.]. – Greifswald – Санкт-Петербург, 2011. – С. 137–142.
2. Кузнецова И. В. Мифологические корни устойчивых сравнений / И. В. Кузнецова // Славяноведение, 2005. – № 2. – С. 99–109.
3. Кузнецова И. В. Типы устойчивых сравнений с антонимичными компонентами (на материале русского, украинского и сербохорватского языков) / И. В. Кузнецова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбУ, 1994. – С. 109–112. – (Серия 2. “История. Языкознание. Литературоведение”; Вып. 3).
4. Листова Н. М. Пища в обрядах и обычаях / Н. М. Листова // Календарные обычаи и обрядность в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М.: Наука, 1983. – С. 161–173.
5. Ройзензон Л. И. К особенностям формирования отрицательной модальности при помощи фразеологизмов (без формальных языковых средств) / Л. И. Ройзензон // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: [тез. докл. науч. конф.]. – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1971. – Ч. 2. – С. 112–117.
6. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – 584 с.
7. Ульман С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1970. – Вып. V. – С. 250–299.

Кузнецова Ирина. Сербські та чорногорські стійкі порівняння з антонімічними планами змісту і вираження / Ирина Кузнецова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 115–120.

У статті на матеріалі сербської і чорногорської мов розглядаються стійкі порівняння з антонімічними планами змісту й вираження. У деяких випадках подано їхню етимологію.

Ключові слова: фразеологія, стійкі порівняння, антонімія, етимологія.

Kuznetcova Irina. Serbian and Motenegrin Stable Comparisons With Antonymic Components / Irina Kuznetcova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 115–120.

On the material of Serbian and Motenegrin languages the author considers the types of stable comparisons with antonymic components. Some of the examples are presented with etymological commentary.

Key words: phraseology, fixed comparisons, antonym, etymology.

Стаття надійшла до редакції 30 червня 2012 року

УДК 811.161.2'282.2(477. 52/6)

ИГРА И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)¹

Степанова Людмила

Оломоуцкий университет имени Франтишека Палацкого,

Оломоуц, Чехия

В статье на материале русского и чешского языков описываются приемы языковой игры, а также предпринимается попытка выявления фразеологизмов, отражающих языковую игру, в русской и чешской языковой картине мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковая игра, русский язык, чешский язык.

Современный этап развития русского языка часто называют эпохой карнавала. Термин *карнавализация*, введенный М. М. Бахтиным применительно к литературе, как нельзя более точно характеризует стиль современной русской речи. В центре теории карнавала стоит идея об «инверсии двоичных противопоставлений», т. е. переворачивании смысла бинарных оппозиций. Под карнавализацией понималась «транспонировка карнавала на язык литературы». Применительно к современному русскому языку – это реакция общества на глубочайший слом привычной жизни, смешение высокого и низкого, трагического и смешного, смысла и бессмыслицы, языкотворческая игра, стеб, желание развлечь себя и собеседника, проявить свое остроумие, «языковой вкус», стремление выявить скрытые смыслы слова и показать их в необычном ракурсе. Ярким проявлением карнавализации стала игра со словом и фразеологизмом, поговоркой (антипоговоркой), возникновение «языка падонков» и др.

В лингвистике этот термин был применен В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой, охарактеризовавшими современную языковую ситуацию с ее стремлением к использованию игры и игровых приемов практически во всех сферах словесности следующим образом: «от карнавализации жизни к карнавализации языка» [3, с. 72].

Словосочетание *языковая игра* (ЯИ) стало одним из наиболее употребляемых терминов в российском языкознании последних двух десятилетий. Об языковой игре в русском языке писали многие лингвисты, напр.: Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова; В. Г. Костомаров; Т. А. Гридина; Н. А. Николина, Е. А. Агеева; Н. Д. Бурвикова; В. З. Санников; С. В. Ильясова;

¹ Tento článek vznikl v rámci projektu ESF Inovace filologických studijních oborů v souladu s potřebami trhu práce - CZ.1.07/2.2.00/15.0291.

Л. П. Амири; Л. В. и О. В. Лисоченко и многие другие. Недаром ей посвящена и наша конференция.

После перестройки усилилось стремление журналистов использовать ЯИ в языке газет, языковая игра также стала ярким признаком рекламных текстов. Исследователи отмечают, что языковая игра в силу особенностей русского менталитета всегда присутствовала в русской речи, но чаще встречалась в художественном стиле. В эпоху демократизации языка и либерализации нормы рефлексивные игры «стали реализоваться повсеместно, и в особенности – в языке средств массовой информации» [3, с. 6].

В языковой игре сочетаются лингвистические и экстралингвистические аспекты, поэтому дать ее однозначное определение довольно сложно. В нашей статье мы принимаем следующую краткую дефиницию языковой игры: языковая игра – это осознанное, нарочитое употребление слова или выражения в целях создания эффекта неожиданности, который ведет к возникновению экспрессии. Языковая игра выполняет в тексте массмедиа определенные функции. В. З. Санников относит к функциям языковой игры следующие: игра на снижение, языкотворческая функция, стремление развлечь себя и собеседника, а также стремление самоутверждения [6, с. 26–27]. К приведенным выше функциям следует также добавить оценочность, которая является важнейшей чертой публицистических текстов.

Одним из частых приемов языковой игры является каламбур, под которым понимают «любую словесную игру, создающую одновременное параллельное двойственное восприятие ассоциативно связанных значений в сознании отправителя и получателя, а также как несоответствие плана содержания и плана выражения с целью получения комического эффекта» [1, с. 25].

К излюбленным приемам относится обыгрывание омонимов, синонимов, антонимов, разных значений полисемичного слова и т. д., напр.:

– омонимы: «Образование за границей. Сколько это стоит и стоит ли платить?». Веч. Москва. 2004. 27 нояб.; «Не мука, а мука». Веч. Москва. 2004. 5 февр.; «Плачу за всех и плачу». АиФ. 2005. № 10 и др.;

– антонимы: «Хорошая копия с плохого оригинала». Спорт-экспресс. 2007. 24 мая; «Замах на рубль, удар на копейку». Веч. Москва. 2007. 10 июля; «Грязные деньги в чистом кошельке». Труд. 2005. 2. апр.; «О материнском – по-отечески». АиФ 50, 2006 и др.;

– оксюморон: «Горечь победы». Веч. Москва. 2004. 22 июня; «Окно в новое прошлое». АиФ. 2005. № 13; «Самые заклятые друзья». АиФ. 2002. №5 и др.; – полисемия: «Слабый пол слаб, а соблазнов так много» Веч. Москва. 2004. 29 июня [см.: 4, с. 68–72].

В последнем случае в заголовке используется фразеологический оборот *слабый пол* – «женщины», который сталкивается с прилагательным *слабый* в значении «не обладающий душевной твёрдостью, стойкостью, твердым характером». Или: *Бабушка и бабки*. Моск. комсомолец, 04.01.2001. Основой игры являются значения слова *бабки* – «пожилые женщины», «деньги». В чешском языке этот прием также

активно используется, ср. рекламу обувной фирмы: *BOTAS. Obujte se do toho* [цит. по: 7, с. 124].

Языковая игра построена на столкновении двух значений глагола *obout se*: «обуться, надеть обувь» и «приняться за что-л. (за какую-л. работу и т. д.)».

Фразеологизмы, пословицы, крылатые слова, цитаты разного типа, используемые в целях создания экспрессии, цитируются дословно или трансформируются, иногда так, что от исходного крылатого выражения остается лишь намек. Из многочисленных способов трансформации покажем лишь несколько примеров:

А вот наши соседки из Финляндии отнеслись к задаче (пробежать 10 км) серьезно. <...> В Питере «горячие финские женичины» шагали, вооружившись специальными палками. АиФ-Петербург № 37, 2007.

Выражение *горячие финские парни* – цитата из х/ф «Особенности национальной охоты» – иронически «флегматичные, спокойные, невозмутимые люди». Аллюзию на это выражение мы видим и в следующем контексте о Джордже Буше:

"Подарком" к юбилею стал крайне низкий рейтинг доверия граждан, а также спор о том, кто придет на смену «горячему техасцу» в 2008 г. АиФ № 27, 2006.

Один из видов трансформации – помещение фразеологизма в контекст, актуализирующий его прямое значение, ср.:

Власть обеспечивает равный и доступный доступ к информации <...>. В свою очередь, СМИ в отношении власти исповедуют известный принцип: ниже пояса не бить и не целовать. АиФ-Петербург № 37, 2007.

Исходный фразеологизм – *не бить ниже пояса* со значением «не применять нечестных приемов». Ср. также чешскую рекламу: *NIZORAL... je dobré mít pod čepicí, ale ne luru* (цит. по: 7, с. 124).

Языковая игра, присутствующая в тексте, обычно оценивается положительно, она носит характер остроты, шутки и т. д., ее рассматривают как реализацию поэтической функции языка, прежде всего в виде установки на комический эффект [2, с. 172–174]. Ср. дефиницию Б. Нормана: «Языковая игра (в максимально широком понимании термина) – это нетрадиционное, неканоническое использование языка, это творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [5, с. 168].

Мне представилось интересным посмотреть, каково отношение к данному виду игры в русской и чешской картине мира. Языковая игра – лингвистический термин, который, как принято считать, ввел Л. Витгенштейн, который связывал с данным понятием применение языка в различных сферах общения и возможность реализации языком коммуникативной, экспрессивной, аппелятивной функций.

Наряду с лингвистическим термином *языковая игра* и в русском, и в чешском языке существуют близкие по составу выражения *игра слов*, *игра в слова*, *игра словами* (*со словами*), чешск. *hra se slovíčky*, напр.:

Игра слов – это остроумное выражение, каламбур, ср.: – *Ваша игра слов очень зла, очень умна, но несправедлива... – сказала Анна Павловна* [Л. Н. Толстой «Война и мир»].

В чешском языке ему соответствует оборот *slovní hříčka*:

Vítám Vás v diskuzi na dvojsmysly, slova či věty, které se dají číst i pozpátku, novotvary a jiné slovní hříčky a hrátky se slovy. Diskuzní společenství Slovní hříčky a hrátky se slovy | signály.cz. <https://www.signaly.cz>

Другой оборот, а именно *игра словами* может обозначать стремление автора сделать свою речь остроумной, забавной, ср. в Корпусе русского языка: «Обилие острот и игра словами», – «концепты» и «перлки», то есть, выдумки и забавки, – это характерно не только для его литературной манеры, но и для его манеры или навыка мысли. [Георгий Флоровский. Пути русского богословия (1936) //, 2003].

Ему доставляет явное удовольствие эта соблазнительная игра словами: вместо «Помазанника» называть Царя «Христом». [Георгий Флоровский. Пути русского богословия (1936) //, 2003].

С другой стороны, проявляется и значение «несерьезные, ничего не значащие фразы, излишнее стремление сделать свою речь замысловатой, интересной», ср:

Но вообще-то это все мистика и игра словами. [Маргарита Спиричева. ЖКХ, Чубайс и все, все, все (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.06.26]

Он уже уверен, что у него в литературе все «серьезно», а там, наоборот, «несерьезно» – какая-то безответственная игра словами и буквами, раздражающая на фоне отключения электроэнергии и невыплаты зарплат. [Ольга Славникова. Уроки географии // «Октябрь», 2001].

Этот фразеологизм был употреблен Мариной Цветаевой в известном стихотворении:

*Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.*

Русский национальный корпус дает и несколько модифицированный вариант этого выражения – *жонглировать словами* – «ловко, но произвольно обращаться со словами»:

– Уберем, – быстренько согласилась Лизавета, умевшая лучше других жонглировать словами. [Марианна Баконина. Школа двойников (2000)].

Интересно, что в России существует музыкальная группа с названием «Игра слов» (стала известной после выпуска хит-сингла «Алина Кабаева» в 2005 году), цитирую шуточное описание процесса возникновения этой группы:

Ребята играли: сначала – в игрушки, потом – в компьютерные игры, на музыкальных инструментах, на нервах, наконец, подросли и стали играть словами.

Выражение *игра в слова* имеет другое значение, а именно «стремление завуалировать истинную суть дела, скрыть тайну за нейтральными, ничего не значащими фразами», ср.: *Горданов... окинув глазами все окружающее, имел обширный выбор тем для возражений хозяину, но почувствовал мгновенное отвращение от игры в слова с этим сыном продавца янтарей и сказал: – А вы правы, я зашёл к вам не для пустого времяпровождения, а по делу.* [Лесков «На ножах»].

Новейшие контексты Корпуса свидетельствуют о появлении в последнее десятилетие еще одного очень близкого к приведенным выше выражению – *игра со словами* со значением «неточное употребление слов, словоблудие, вызывающее раздражение», ср.: *Но в России, долгое время существовавшей как империя и другого будущего кроме имперского не имеющей, подобная игра со словами вряд ли приемлема.* [Егор Холмогоров «Итоги» (2003) // «Спецназ России», 2003.04.15].

Он вспомнил, что когда-то они называли Сухой лиман Генисаретским озером». Опять предполагается постмодернистская игра со словами. Три названия: Сухой лиман – Ильичевск – Генисаретское озеро. [Наум Лейдерман. «Уходящая натура» или самый поздний Катаев» // «Октябрь», 2001].

В чешском языке в данном значении выступает фразеологизм *hra se slovíčky*, ср.:

Neférová hra se slovíčky

Jazyk je důležitou ideologickou zbraní, prohlašuje Petr Uhl (Jaké jsou česko-německé vztahy?, Právo 5. 4. 2012). Prý je rozdíl, když se mluví o výstavbě dalších reaktorů v Temelíně nebo o dostavbě Jaderné elektrárny Temelín. Právě to druhé je podle něj příkladem ideologického slovního zbrojení. <...> Škoda, že Petr Uhl, když už se pustil do hry se slovíčky, nezminil i praxi německých a rakouských médií, která důsledně rozlišují pojmy atomový a jaderný. www.csvts.cz/cns/news

Как видим, выражения, связанные с языковой игрой, очень активны в современных русском и чешском языках. Языковая игра как средство экспрессивизации текста имеет положительную коннотацию и современная публицистика широко использует ее возможности. Остальные же обороты: *игра словами, игра со словами, игра в слова, hra se slovíčky* и др. имеют отрицательную коннотацию. В русской и чешской языковых картинах мира они символизируют изощренную ложь, которой изобилуют высказывания многих современных политиков.

Список литературы

1. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. – 215 с.
2. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русская разговорная речь / Е. А. Земская, и др. – М.: Наука, 1983. – 238 с.
3. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Старые мехи и молодое вино: из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб, 2001. – 186 с.
4. Михейкина С. Г. Когда газетный заголовок – каламбур / С. Г. Михейкина // Русская речь, 2008, № 4. С. 68–72.
5. Норманн Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец / Б. Ю. Норманн. – М.: Вышэйшая школа, 1987. – 179 с.
6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – 544 с.
7. Čmejrková Sv. Reklama v češtině / Sv. Čmejrková. – Praha: Leda, 2000. – 258 s.

Степанова Людмила. Гра і фразеологічна картина світу (на матеріалі російської і чеської мов) / Людмила Степанова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 121–126.

У статті на матеріалі російської і чеської мов описано прийоми мовної гри, а також здійснено спробу виявлення фразеологізмів, що віддзеркалюють мовну гру, в російській і чеській мовній картині світу.

Ключові слова: мовна картина світу, мовна гра, російська мова, чеська мова.

Stepanova Liudmila. Game and Phraseological Picture of the World (in Russian and Czech) / Liudmila Stepanova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 121–126.

The author takes an attempt to describe ways of language plays and language humor in Russian and Czech and examines those strategies connected with polysemous words, synonyms, antonyms etc. The paper also analyses the idiom language play and its meaning in contemporary Russian and Czech.

Key words: phraseology, Russian and Czech, language play, contemporary language.

Стаття надійшла до редакції 4 березня 2012 року

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТОРАНСТВЕ

УДК 811.112.2'373.7

HOMO LUDENS: FRAZEMI I JEZIČNA IGRA NA TRANSPARENTIMA POVORKE PONOSA U HRVATSKOJ

Barčot Branka

Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu,

Zagreb, Hrvatska

U radu se analiziraju frazemi na transparentima Povorke ponosa 2010. i 2011.g. u Hrvatskoj, a potom se promatraju kroz prizmu frazeoloških transformacija. Navode se njemački i ruski ekvivalenti analiziranih frazema ukoliko oni postoje.

Ključne riječi: jezična igra, frazemi, slogani Povorke ponosa

Igra je aktivnost koja se odvija po određenim pravilima, u određenom vremenu i prostoru. Ona se time suprotstavlja svakodnevnom životu; nije direktno vezana uz biološke procese i bez nje se može živjeti [J. Huizinga, *cit. prema* 18, s. 6]. B. J. Norman napominje kako jezična igra ne donosi neposrednu korist i kako se samim time može smatrati suvišnom, tj. dopunom prirodnim procesima, ali naglašava kako ona čovjeku pričinjava zadovoljstvo. Čovjek se igra riječima već od ranog djetinjstva i u tome uživa. Dok u djetinjstvu ta igra riječima nema intenciju, u odrasloj dobi razvijanjem apstraktnog mišljenja, čovjekova jezična igra može postati intencionalnom budući da čovjek njome svjesno može djelovati na stvarnost [usp. 3, s. 331]. Prilikom jezične igre dolazi do posebne upotrebe riječi u odnosu na ustaljenu upotrebu riječi u svakodnevnom govoru. Time dolazi do rušenja uobičajene veze između plana izraza i plana sadržaja. Jezične igre nisu prisutne samo na leksičkoj razini jezika, već i frazemi podliježu ovakvoj vrsti ludičke čovjekove aktivnosti.

Cilj je ovoga rada analizirati frazeme, poslovice i druge oblike tekstova na transparentima zagrebačke Povorke ponosa 2010. i 2011. godine te ukazati na jezičnu igru vezanu za njih.

Govoreći o frazeološkim igrama u reklamama, Ž. Fink donosi sljedeće tipove frazeoloških transformacija: semantičku, strukturno-semantičku i formalno-gramatičku [usp. 8, s. 325]. Semantička transformacija znači promjenu sadržaja bez izmjene leksičkog sastava i strukture samog frazema. Strukturno-semantička transformacija donosi preinaku u vidu zamjene komponenata, izostavljanja komponente (komponentata) ili unošenje novih riječi u frazem. Treći tip transformacije znači promjenu oblika pojedinih komponenata, strukture frazema ili pak redosljeda komponenata. Upravo će se kroz prizmu tih triju tipova frazeoloških transformacija promatrati i ovdje prikupljeni korpus.

Povijest zagrebačke Povorke ponosa počinje 2002., a upravo je 2011. godine obilježena jubilarna 10. obljetnica aktivizma, tj. borbe za prava lezbijki, gejeva, biseksualnih, transrodnih, interseksualnih i *queer* osoba (tj. LGBTIQ zajednice). Aktivistički impuls jest kompleksan skup raznorodnih motiva i osjećaja, u kojem se miješaju građanska odgovornost, ideali o svjetlijoj budućnosti, spremnost na akciju, ali i frustracije i bijes zbog trenutnog stanja stvari [7, s. 20].

U ovom me radu prvenstveno zanimaju transparenti ovoga aktivističkog pokreta, odnosno slogani. Slogani se obično vezuju uz reklame s ciljem da se njihovim ponavljanjem postigne pamćenje određenog proizvoda, no oni su istovremeno sastavni dio različitih prosvjeda, demonstracija ili pobuna, a u takvim okolnostima ponovno dolazi do izražaja njihova sposobnost evociranja određenih stavova, ideologija, sustava vrijednosti za koje se prosvjednici, aktivisti ili borci za nečija prava zalažu¹. Dok se M. Bertoša i S. Antulov sloganima zagrebačke Povorke ponosa bave iz šire diskurzivne i socijalno-semiotičke perspektive, ovdje je u središtu zanimanja samo njihova formalna i sadržajna razina. Prikupljeni korpus na hrvatskom jeziku u ovome radu obuhvaća sljedeće natpise na transparentima² podijeljene u pet skupina:

a) transformirani frazemi: *Ormar je štetan za zdravlje* (2010.); *Ovo nije sve, ormari su puni!* (2011.); *Moja 4 zida su Hrvatska* (2010.); *Moja 4 zida su Sunce, Mjesec, zvijezde, Zemlja* (2011.);

b) transformirane poslovice: *Psi laju, prajdovi prolaze* (2011.); *Peder ante portas* (2010.);

c) transformirani latinski naziv katoličke organizacije: *Opus gej* (2011.);

d) transformirane precedentne³ pjesme (i povici): *Oj, Hrvatska mati, pedere prihvati!* (2010.); *Zagrlimo se pred svima, neka vide da nas ima* (2011.); *Tatice su štrukli pekli* (2011.); *Ljubi, ljubi pедера* (2011.);

e) transformirane precedentne reklame: *Bilo kuda gej svuda* (2011.); *Bok, ljudi, ja sam Gaygor, roza ovca* (2011.).

Detalnije će se ovdje promotriti skupine transformiranih frazema i poslovice dok će se za ostale skupine slogana ukazati na izvornik, na tip transformacije i istaknuti poruka preinačenoga teksta. Važno je naglasiti da su svi frazemi i poslovice u prikupljenom korpusu podvrgnuti strukturno-semantičkoj transformaciji, no unatoč tome modeli koji su poslužili kao izvor, ostaju prepoznatljivi. Valja još podcrtati kako su u analiziranom korpusu ispunjeni glavni ciljevi jezične igre, a to su prvenstveno društvena funkcija (u ovom slučaju to je društveni aktivizam), estetska funkcija i humoristični efekt.

U ovoj se skupini govori o transformaciji dvaju frazema: *izaći iz ormara* i *između (među, u, unutar) četiri zida*.

¹ Opširnije o toj temi: M. Bertoša, S. Antulov „*Prisvajanje javnoga prostora: slogani zagrebačke povorke ponosa i simboličko preimenovanje ulica*“ (rukopis).

² Zahvaljujem Marku Jurčiću iz udruge Zagreb Pride na ustupljenim fotografijama transparenta.

³ Termin *precedentni* ovdje je preuzet iz lingvokulturologije, a označava dobro poznati tekst svakom socijaliziranom predstavniku određene nacionalno-lingvo-kulturalne zajednice. To mogu biti tekstovi iz književnosti, popularne pjesme, reklame, politički tekstovi itd. (Opširnije o toj temi: Маглова В. А. 2001: 47–53).

Engleski imenički frazem *a skeleton in the closet*¹ označava tajnu dugo skrivanu od javnosti čije bi otkrivanje značilo skandal i sramotu za osobu koja ju je skrivala. Fiksiran je početkom 19.st., a njegov se derivat, odnosno glagolski frazem *come out of the closet* prvi put pojavljuje 1966. g. na konferenciji američke homofilne organizacije pod nazivom Društvo *Mattachine* [usp. 2, s. 102–103] i to u značenju: 'u javnosti iznijeti činjenicu o vlastitoj homoseksualnosti; javno reći da si homoseksualac, tj. da te privlače osobe istoga spola'². Ukoliko se taj glagolski frazem upotrebljava u značenju izlaska iz metaforičnog ormara skrivene homoseksualnosti, obično se pojavljuje u eliptičnom obliku *come out*, a sam se performativni govorni čin naziva *iskorak*, odnosno *coming out*.

Hrvatski ekvivalenti frazema *a skeleton in the closet*, imenički frazemi *kostur u ormaru* i *kostur iz ormara*, nisu još pronašli mjesto u hrvatskim rječnicima [usp. 9, s. 54–55], a isto tako ni glagolski frazem *izaći iz ormara* niti imenički frazem *izlazak iz ormara*.

Pod utjecajem engleskog jezika u njemačkom je tvoren glagol (*sich*) *outen*, a zabilježen je u Dudenovu jednojezičnom općem rječniku njemačkog jezika (*Deutsches Universalwörterbuch*) sa značenjima: 1) obznaniti čiju homoseksualnu orijentaciju bez njegova (njezina) pristanka; 2) obznaniti vlastitu homoseksualnu orijentaciju'. Za performativni govorni čin, tj. iskorak, u njemačkom se rabi engleski izraz *coming out*. I u ruskom je taj izraz prisutan i to s nekoliko grafičkih inačica: *каминг-аут*, *камин-аут*, *камин аут*, *каминаут*, a koliko mi je poznato, on još nije našao mjesto u ruskim rječnicima. Što se tiče ruskog ekvivalenta hrvatskom frazemu *izaći iz ormara*, mrežni pretraživač donosi samo oblik *выйти из чулана*, no ne i njegovu aktivnu upotrebu što se može povezati s društvenim statusom kojeg homoseksualne osobe u ruskom društvu imaju i zbog čega su javna obznanjivanja njihove seksualne opredijeljenosti, tj. iskoraci, prava rijetkost.

U već spomenutom radu M. Bertoše i S. Antulov nalazim podatak da se na povorkama ponosa u Hrvatskoj metafora ormara prvi put pojavljuje 2005. g. i to u sloganu *Van iz ormara*. On poziva na javno priznavanje homoseksualne orijentacije pojedinca i njegovo suočavanje s problemima u društvu koji se pri tome mogu pojaviti, a sve to s ciljem bolje budućnosti cjelokupne homoseksualne manjine u Hrvatskoj. Slogan *Ormar je za odjeću* pojavljuje se u Povorci ponosa 2008. g. Njime se osvješčuje slika iz dubinske strukture frazema *izaći iz ormara* i namjerno se podsjeća na stvarnu funkciju ormara, tj. da je to 'dio pokućstva s vratima u kojem se drži rublje, odjeća i sl.' s nakanom da se pojedinca ohrabri, potakne da istupi u javnost i deklarira svoju homoseksualnost. Treba spomenuti i slogane: *Ormar je štetan za zdravlje* i *Ovo nije sve, ormari su puni!* Prvi je iz 2010., uključuje komponentu *ormar*, a nastao je kontaminacijom glagolskog frazema *izaći iz ormara* i natpisa na kutijama cigareta *Pušenje je štetno za zdravlje*. Dok se kod cigareta tim natpisom upozorava na njihov neposredan nezdravi učinak na organizam pušača (ali i pušačeve okoline), sloganom *Ormar je štetan za zdravlje* sudionici Povorke ponosa aludiraju na indirektno štetne posljedice koje stres izazvan skrivanjem, potiskivanjem vlastitih osjećaja i/ili laganjem o svojoj seksualnoj orijentaciji, može imati

¹ Podrobnije o podrijetlu navedenog frazema te o njegovim hrvatskim i ruskim ekvivalentima i njihovoj upotrebi vidi: Ž. Fink 2010.

² <http://idioms.thefreedictionary.com/come+out+of+the+closet> (06.05.2012.).

na zdravlje homoseksualnog pojedinca. Slogan *Ovo nije sve, ormari su puni!* iz 2011. g. ukazuje na činjenicu da su sudionici Povorke samo mali dio homoseksualne zajednice koji se usudio deklarirati i boriti za prava te manjine, a da se velika većina i dalje skriva. Samim je time i veća važnost bavljenja pitanjem njihovih prava i statusa u hrvatskom društvu. Iz analize navedenih natpisa na transparentima proizlazi da je imenička komponenta *ormar* u potpunosti preuzela na sebe ideju zatvorenosti i tajnovitosti. Glagolskom je imenicom *iskorak* nazvan Centar za prava seksualnih i rodnih manjina osnovan 2002. godine. Za označavanje performativnog čina otkrivanja homoseksualne orijentacije u hrvatskom se danas rabi frazem *izlazak iz ormara* (ili u okrnjenom obliku samo *izlazak*) koji je gotovo u potpunosti istisnuo *iskorak*, uspješni kalk iz engleskog jezika.

Glagolski je frazem *biti <zatvoren> među četiri zida* fiksiran u Anićeve *Velikom rječniku hrvatskoga jezika* i znači 'ne izlaziti iz kuće, među svijet'. U *Hrvatskom frazeološkom rječniku* iz 2003.g. fiksiran je frazem *između (među, u, unutar) četiri zida* sa značenjem 'u sobi (kući, stanu), u svome domu, u zatvorenom prostoru (prostoriji)', a potvrđeni su i njemački i ruski ekvivalenti: *die <eigenen> vier Wände; в четырёх стенах; между четырёх стен*. Röhrichov *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten* donosi podatak o podrijetlu frazema *die <eigenen> vier Wände* sa značenjem 'kuća, stan'. Radi se, naime, o srednjovjekovnom pravnom jeziku, a sam se frazem rasprostranjuje u 18. st.

U korpusu slogana napisanih na transparentima zagrebačkih povorki ponosa komponenta *četiri zida* prvi se put susreće 2008. g. u obliku *Ovo su naša četiri zida*. Tim se sloganom kao i onima iz 2010. i 2011. g., odnosno sloganima *Moja 4 zida su Hrvatska* i *Moja 4 zida su Sunce, Mjesec, zvijezde, Zemlja*, želi proširiti prostor privatne sfere i to postupno: najprije na prostor održavanja manifestacije, potom na cijelu Hrvatsku, a zatim i na cjelokupni univerzum. Pripadnici homoseksualne manjine gradualno žele prisvojiti javni prostor kako bi se izborili za ravnopravnost i izvan svoja četiri zida.

U ovoj se skupini razmatraju preinake dviju poslovice: *Psi laju, karavane prolaze i Hannibal ante portas*.

Slogan *Psi laju, prajdovi prolaze* predstavlja strukturno-semantičku transformaciju arapske poslovice *Psi laju, karavane prolaze* sa značenjem 'ustrajati u vlastitoj aktivnosti i/ili naumu ostvarenja nekog cilja unatoč kritici i otporu okoline'. Riječ je o internacionalno rasprostranjenoj poslovice. Komponenta *karavana* u doslovnom značenju 'povorka životinja, zaprežnih kola i sl. koja pod teretom prelazi velike udaljenosti' ovdje se zamjenjuje komponentom *prajdovi* pri čemu se kod obje komponente radi o povorkama. Primijenjeno na situaciju Povorke ponosa, negodovanje, kritike, uvrede ili ismijavanje homofoba od strane njihovih protivnika i kritičara izjednačeni su s lavežom pasa, dok su sudionici prajdova uspoređeni s karavanom koja prolazi, ne obazirući se na lavež. Zanimljivo je kako je navedena arapska poslovice bila motivom i u nekim hrvatskim književnim djelima. Riječ je o alegorijskom povijesnom romanu Ivana Aralice čiji je naslov *Psi u trgovištu* motiviran tom arapskom poslovice, dok se u pjesmi Miroslava Krležu *Noć u provinciji* ona pojavljuje u transformiranom obliku u stihu:

O, pasji sabore, ti laješ, a karavane idu.

Ova poslovice na njemačkom glasi: *Die Hunde bellen, aber die Karawane zieht weiter*, a u političkom ju je jeziku u Njemačkoj popularizirao nekadašnji premijer Helmut Kohl i otada se često tematizira u političkim karikaturama [usp. 14]. Na ruskom uz ekvivalentni oblik *Собака лает, а караван проходит мимо* postoji i inačica: *Плюнь на неё - собака лает, ветер носит*. Značenje će se navedene poslovice ilustrirati primjerom iz hrvatskog:

Sanader je na pitanje vraća li se u politiku kratko odgovorio: "Ne". Na pitanje da komentira istragu oko Hypo banke i spominjanje njegovog imena u toj aferi Sanader je kazao: "Psi laju, a karavane prolaze".¹

Slogan *Peder ante portas* nastao je preinakom latinske krilatice *Hannibal ante portas* koja ima značenje 'bliska i ozbiljna opasnosti koja prijeti'. Ona se u izvornom obliku *Hannibal ad portas* može pronaći kod političara i najvećeg rimskog govornika Marka Tulija Cicerona. U kontekstu Povorke ponosa ovim se sloganom želi najaviti 'opasnost koja prijeti' u obliku borbe pripadnika LGBTIQ zajednice za njihova jednaka prava u hrvatskom društvu.

Slogan *Opus gej* vezuje se uz latinski naziv osobne prelature Katoličke crkve *Opus Dei*. Dok *Opus Dei* pomaže običnim ljudima živjeti svoj kršćanski poziv u svakodnevici nudeći im duhovnu potporu i izobrazbu koje su im za to potrebne, *Opus gej* u kontekstu Povorke ponosa želi pomoći i pružiti potporu pripadnicima LGBTIQ zajednice u Hrvatskoj.

Početni stih hrvatske domoljubne pjesme *Oj, Hrvatska mati* posebno popularne tijekom 90-ih godina prošloga stoljeća: *Oj, Hrvatska mati, nemoj tugovati*, transformiran je u: *Oj, Hrvatska mati, pedere prihvati!*

Osim te domoljubne pjesme, odabran je stih još jedne domoljubne pjesme pjevača Marka Perkovića Thompsona *Lijepa li si*, no on nije preinačen već je zadržan u izvornom obliku, a glasi: *Zagrlimo se pred svima, neka vide da nas ima*. Kod Thompsona se izvorno misli na povezivanje svih Hrvata u zajedničkoj borbi tijekom Domovinskog rata (od 1991. do 1995. godine), a u kontekstu Povorke ponosa poruka je također povezivanje svih pripadnika LGBTIQ zajednice u njihovoj borbi. Važno je ukazati na činjenicu kako je ciljano odabran upravo Thompsonov stih budući da Thompson slovi kao ikona nacionalizma u Hrvatskoj. Veliki je broj homofoba i onih koji diskriminacijom, šikaniranjem, vrijeđanjem i drugim oblicima nasilja uskraćuju jednaka prava i slobode pripadnicima LGBTIQ zajednice, upravo iz redova Thompsonovih poklonika.

Nisu samo domoljubne pjesme zastupljene na transparentima Povorke ponosa. Našao se tu i naslov međimurske narodne pjesme *Mamica su štrukle² pekli* preinačen u: *Tatice su štrukle pekli*.

U ovoj je skupini na zadnjem mjestu transformirani povik *Ljubi, ljubi pedera* koji se obično čuje od primitivnih, nasilničkih skupina u nekom od sljedećih oblika: *Ubij, ubij Srbina*; *Ubij, ubij tovara³*; *Ubij, ubij purgera⁴*; *Ubij, ubij pedera*.

¹ <http://metro-portal.hr/ivo-sanader-psi-laju-a-karavane-prolaze/47057> (07.05.2012.)

² *Štrukle* su tradicionalno jelo Hrvatskog zagorja.

³ *Tovar* je regionalni naziv za magarca ali i pogrđni za osobu iz Dalmacije. Ovdje se misli na Dalmatinca.

⁴ *Purger* je naziv za Zagrepčanina.

Posljednju skupinu slogana čine transformirane reklame. Prva se od njih (*Bilo kuda* *gej svuda*) veže uz slogan *Bilo kuda, KIKI svuda* kojim najpoznatija hrvatska konditorska tvornica Kraš od 1935. g. reklamira svoj proizvod, tj. bombone Kiki.

Reklama *Bok, ljudi, ja sam Gregor, crna ovca* novijeg je datuma i pojavljuje se u seriji televizijskih spotova i reklamnih plakata za teleoperatera TELE2. Igra je postignuta preimenovanjem ovce Gregor u *Gaygor*, a 'frazološka' *crna ovca* postaje *roza* kao simbol pretjerane ženskosti. Unatoč promjeni boje njezino se frazeološko značenje ipak očuvalo: 'osoba koja se svojim ponašanjem (stavovima) razlikuje od ostalih (sredine, okruženja), iznimka / u lošem smislu /' [usp. 13, s. 209], u ovom slučaju od heteroseksualne većine.

Ovaj rad ne analizira sve slogane Povorke ponosa iz 2010. i 2011 g. već samo one kod kojih je zamijećena jezična igra. Opsežnija jezična analiza ukupnog korpusa slogana svih deset održanih zagrebačkih povorki mogla bi predstavljati značajan doprinos u proučavanju jezika seksualnih i rodni manjina u Hrvatskoj o čemu se malo zna, a o čemu bi nam novi mediji i izvori poput specijaliziranih internetskih stranica, foruma i chatova mogli otkriti potpuno novi jezični varijetet.

Literatura

1. Anić Vladimir. Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Novi Liber. 2006.
2. Anspach W., Coe K., Thurlow C. The Other Closet?: Atheists, homosexuals and the lateral appropriation of the discursive capital // *Critical Discourse Studies* Vol. 4., No.1, March 2007, S. 95–119.
3. Bertoša M. Igra riječima // *Tekst i diskurs* / Andrijašević, M., Zergollern-Miletić, L.(ur.). – Zagreb : Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 1997, S. 331–334.
4. Bertoša, M. Antulov, S. Prisvajanje javnoga prostora: slogani zagrebačke povorke ponosa i simboličko preimenovanje ulica (rukopis).
5. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Bibliographisches Institut GmbH, Mannheim, 2011.
6. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik, Band 11, hrsg. von der Dudenredaktion, Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2002.
7. Duhaček G. Naš cilj je pobjeda // *Zarez*, XIII/311, 9. lipnja 2011. S. 19-21.
8. Fink Željka. Frazološke igre u reklamama ili misli li četkica za zube svojom glavom // *Tekst i diskurs* / Andrijašević, M., Zergollern-Miletić, L.(ur.). Zagreb : Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 1997, S. 325–330.
9. Fink Željka. Što se skriva u ormaru? (O novom frazemu u hrvatskom i ruskom jeziku) // *Slowo. Tekst. Czas X* / Aleksiejenko M., Walter H., Hordy M., Szutkowski T. (ur.). Szczecin, Greifswald : Uniwersytet Szczeciński, 2010. S. 48–56.
10. <http://hjp.novi-liber.hr/index.php?show=search>
11. <http://www.phrases.org.uk/meanings/skeleton-in-the-closet.html>
12. Menac A., Fink Arsovski Ž., Mironova Blažina I., Venturin R. Hrvatsko-ruski frazeološki rječnik. Zagreb : Knjigra, 2011.
13. Menac A., Fink-Arsovski Ž., Venturin R. Hrvatski frazeološki rječnik. Zagreb : Naklada Ljevak, 2003.
14. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Digitale Bibliothek, Band 42. – Berlin : Directmedia, 2004.
15. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001.
16. Михельсон М. И. Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок / М. И. Михельсон. – Москва : Транзиткнига, 2006.
17. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007.
18. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норманн. – Москва : Флинта: Наука, 2006.

Барчот Бранка. НОМО ЛУДЕНС: Фразеологізми і мовна гра на плакатах Парадy гордості в Хорватії / Бранка Барчот // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 127–133.

Стаття присвячена трансформаціям фразеологізмів на плакатах Парадy гордості, що відбувся в 2010 і 2011 роках в Загребі (Хорватія). Автор описує початкову форму фразеологізмів, а далі пояснює контекст, який дозволяє проведення мовної гри; наводить німецькі й російські еквівалентні фразеологізми.

Ключові слова: мовна гра, фразеологізми, плакати Парадy гордості.

Barchot Branka. HOMO LUDENS: Idioms and Puns on the Banners of the Gay Pride Parade in Croatia / Branka Barchot // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 127–133.

In this paper the author tries to analyze idioms on the banners of the Gay Pride Parade 2010 and 2011 in Croatia. These idioms are seen through the prism of the idiomatic transformations. If there are German and Russian equivalents of those idiomatic expressions, they are being analyzed as well.

Key words: puns, idioms, banners of the Gay Pride Parade.

Стаття надійшла до редакції 12 червня 2012 року

УДК 811.161.2'282.2

ŠTO NAM KAŽE SRCE?
(OD REKLAMNOG SLOGANA DO FRAZEOSHEMA)

Fink Željka

Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu,

Zagreb, Hrvatska

U članku se analiziraju različiti oblici transformacije reklamnog slogana *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska* koji se počinje upotrebljavati kao frazeoshema.

Ključne riječi: hrvatski jezik, reklamni slogan *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska*, transformacija, frazeoshema

U reklamnim se sloganima često upotrebljavaju ustaljene, cjelovite jedinice koje sadržavaju više od jedne autosemantičke riječi. To mogu biti frazemi, uzrečice, poslovice, krilatice, sentence koje su zbog svoje metaforičnosti, slikovitosti i ekspresivnosti veoma pogodne za uključivanje u takve kratke tekstove¹. Kako bi reklama postigla željeni efekt, njihovi autori ponekad pribjegavaju različitim oblicima jezičnih igara u koje su uključene spomenute jedinice. Takve bi se igre mogle podijeliti na dvije osnovne skupine ovisno o tome provodi li se u njima samo semantička preinaka ili je ona i strukturna i semantička.

Kod semantičke se preinake dovodi u vezu aktualizirana dubinska struktura (tj. semantički se aktualiziraju desemantizirane komponente) s cjelovitim značenjem ustaljenih jedinica. Tako se, primjerice, reklama za sprej za higijenu nosa Nasine koja glasi *Kad vam je pun nos svega oslanja na frazem pun je nos* koga, čega komu ('dosta je koga, čega komu').

Kod strukturno-semantičke preinake frazemi, uzrečice, poslovice, krilatice, sentence ne upotrebljavaju se u svome kanonskom obliku. To znači da se u reklamnom sloganu događaju transformacije, pri čemu su one moguće na različitim razinama: mijenja se, primjerice, njihov leksički sastav, struktura, gramatički oblik pojedinih sastavnica, dodaje se poneka riječ ili se pak skraćuje osnovni oblik. Takav postupak dovodi do razbijanja relativno čvrste strukture ustaljenih cjelovitih jedinica. Međutim, bitno je naglasiti da se zadržava jasna veza s izvornim oblikom, te da one ostaju prepoznatljive. Tako se, recimo, slogan *Piši kući: jeftino je!* (reklama za mobilnog operatera TELE2) bez problema dovodi u vezu s uzrečicom *piši kući, propalo je* ('beznadno je, ne treba se nadati'), a poseban se efekt reklame postiže potpunom promjenom konotacije i smisla. Frazem *ne drži vodu* što ('argumenti su neuvjerljivi') u transformiranom je obliku uključen u reklamu za prirodnu izvorsku vodu Kala i za gaziranu mineralnu vodu Kalnička: *Voda koja drži priču*, pri čemu je u njoj potpuno izmijenjen odnos subjekta i objekta. Slogan *Swift dlaku mijenja, čud ne* (reklama za novi model automobila) budi u našoj svijesti poslovicu *Vuk dlaku*

¹ Nemaju, dakako, sve navedene ustaljene jedinice obilježje slikovitosti.

mijenja, ali čud nikada. Sentenca *Svi putevi u Rim* u promijenjenom se obliku pojavljuje u reklamama za Inine benzinske postaje: *Svi putevi vode do Ine!*, dok se struktura krilatice francuskoga filozofa Renéa Descartesa *Mislim, dakle jesam* prepoznaje u sloganu za Croatia Airlines American Express kreditnu karticu *Kupujem, dakle putujem.*

Ne uključuju, međutim, svi reklamni slogani već gotove i ustaljene jezične jedinice. Neki su od njih sastavljeni i strukturirani tako da se lako pamte, da su efektni, a onda se ponekad, što je posebno bitno za ovaj rad, pojavljuju u različitim drugim tekstovima u transformiranom obliku.

U radu se posebna pažnja posvećuje jednom takvom sloganu kojim se reklamiraju turističke usluge u Hrvatskoj.

Reklamni slogan *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska i njegove transformacije.*

Financijska kriza započinje u rano ljeto 2007. godine u Sjedinjenim Američkim Državama, a odražava se najviše na tržište nekretnina. S vremenom zahvaća i Europu u kojoj se smanjuje razina potrošnje, kupovna moć opada, sve je manje potencijalnih korisnika različitih oblika usluga. Hrvatska ubrzo shvaća da treba intenzivirati reklamiranje svojih turističkih usluga, učiniti ga atraktivnijim, a dolazak na Jadransko more poželjnim.

Hrvatsku obalu desetljećima posjećuju turisti iz mnogih europskih zemalja, međutim, stavimo li putovanje na godišnji odmor u kontekst Europe zahvaćene krizom i recesijom, što sa sobom donosi i slabiju mobilnost uslijed smanjenog financijskog potencijala, jasno je da je kampanja bila u prvom redu usmjerena na turiste iz zemalja u neposrednom okruženju, odnosno iz zemalja koje nisu jako udaljene od Jadranskoga mora. Stoga se slogan *Tako lijepa, a tako blizu* provlači kao lajtmotiv u različitim oblicima reklamiranja jadranskih destinacija.

Naravno, niti Hrvatsku nisu mimoišle ni kriza, ni recesija. Hrvatska turistička zajednica (HTZ) se počinje boriti ne samo za strane turiste nego i za domaće. Hrvate, po mišljenju HTZ-a, treba uvjeriti da je godišnji odmor najbolje provesti na Jadranu i da ne treba putovati u inozemstvo. Stoga je u suradnji s agencijom McCann Erickson HTZ osmislila marketinšku kampanju koja obuhvaća jumbo plakate i oglase u pisanim medijima, dok se na radiju i na televiziji emitiraju reklame i spotovi sa svrhom poticanja građana da ljetuju Hrvatskoj¹. Kampanja je započela u svibnju 2009. godine, a popraćena je dvama sloganima: *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska* i *Tako lijepa, a tako naša*. Drugi je slogan varijantni oblik onoga namijenjenog zemljama u bližem ili nešto daljem okruženju (*Tako lijepa, a tako blizu*). U obama se kratkim tekstovima naglašava ljepota mjesta gdje bismo trebali provesti godišnji odmor, dok se u drugom dijelu – ovisno o ciljanoj publici – šalju dvije različite poruke. Slogan za inozemstvo apostrofira blizinu destinacije što uključuje poruku tipa 'nećete potrošiti mnogo novca za prijevoz i brzo ćete stići na cilj', dok drugi, onaj za Hrvate, igra na emotivan učinak s porukom o pripadnosti određenom prostoru koji se ne bi smio napustiti u lošem, teškom ili kriznom trenutku.

¹ Autorica ideje takvog načina oglašavanja je Slavica Vukša, kreativna direktorica u agenciji McCann Erickson. Produkcija spota povjerena je tvrtki Planet B d.o.o., redatelj je Hrvoje Hribar, direktor fotografije Radoslav Jovanov Gonzo, a muziku je skladala i izvodi je etno-jazz glazbenica Tamara Obrovac.

S druge strane, slogan *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska* odašilje također poruku prožetu emocijama, ali ona svoj cilj postiže na drugi način. Ključna je riječ u njoj somatizam *srce* koje je ovdje shvaćeno kao simbol ljubavi i radosti. Jednako pozitivnu konotaciju izaziva godišnje doba *ljeto*, njega u sloganu povezujemo s vremenom oslobođenim od radnih obaveza, s vremenom odmora, druženja s dragim ljudima, s odlaskom na plažu, kupanje, sunčanje. I napokon, ljeto se poistovjećuje s Hrvatskom. Znači, srce bira Hrvatsku. Možemo zaključiti da je slogan izrazito emotivno nabijen, pun pozitivne energije i jednake takve konotacije. Sve je ovo popraćeno prekrasnom fotografijom mora ili TV-spotom u kojem se potiču pozitivna emotivna iskustva.

Osnovni je tekst slogana vrlo brzo doživio neke sitnije preinake.

U nekim se promijenjenim oblicima naziv države zamjenjuje konkretnijim nazivom njezinoga dijela koji se podrazumijeva kad je riječ o provođenju godišnjega odmora:

Kad srce kaže ljeto, kaže Jadran

www.posao.hr/...kad-srce-kaze...kaze.../896/

Susreću se i varijante u kojima se konkretizira pojedino mjesto za odmor na Jadranu.

Kad srce kaže ljeto, kaže Pelješac

www.facebook.com/.../Kad-srce-kaže-ljetokaže.../248815315135004

Kad srce kaže ljeto... kaže Vis!

goranmuric.wordpress.com/2009/06/22/kad-srce-kaze-ljeto-kaze-vis/

Kad srce kaže ljeto – kaže Hvar :)

forum.ffzg.unizg.hr/viewtopic.php?t=175625&sid...

Dakle, prvotni se tekst reklamnoga slogana pretvara u prepoznatljiviji model *Kad srce kaže ljeto, kaže x*, koji ostaje u okviru pozitivno konotirane turističke propagande, pri čemu se daje mogućnost lokalnoj zajednici da uputi poziv za ljetovanje na njihovom području. U tu se svrhu mijenja komponenta kojom se imenuje odredište: prvotni tekst slogana kreće od naziva države, zatim se sužava na prostor najpoželjniji za ljetovanje, a onda se unutar njega biraju pojedine destinacije.

U pisanim se medijima susreću i tekstovi u kojima se propagira i mogućnost različitih oblika aktivnosti tijekom godišnjega odmora, pa se komponenta sa značenjem mjesta ponekad zamjenjuje takvim prijedlozima, npr. *Kad srce kaže ljeto, kaže ronjenje na dah*¹.

Vrlo brzo nakon početka prikazivanja osnovnog oblika reklamnog slogana (18. 6. 2009.) u dnevnim novinama *Slobodna Dalmacija* objavljen je članak koji se bavi godišnjim odmorima poznatih osoba u Hrvatskoj, a posebna se pažnja posvećuje mjestu njegovoga provođenja. U tekstu se provjerava svrsishodnost reklamnog slogana i uopće reklame kojom se poziva na ljetovanje u Hrvatskoj. Nama je ovdje zanimljiv, u prvom redu, podnaslov koji parafrazira tekst slogana, ali osim njega valja istaknuti činjenicu da se modelom samoga slogana novinar poigrava što, dakako, znači da je slogan već ušao u svijest prosječnoga čitatelja: *Što poznatima kaže srce kad kaže ljeto ...*².

¹ drugacije.hr/sport/59-ostali-sportovi/412-goran-olak (članak od 26. 7. 2011).

² www.slobodnadalmacija.hr/Mozaik/tabid/80/.../Default.aspx

Osnovni se model ipak može potvrditi i u negativnom kontekstu, tj. u svojevrsnoj antireklami koja se odnosi na pojedinačne slučajeve loše organiziranog mjesta za ljetovanje. U jednom se tekstu navodi da hrvatski dio Jadrana „spada u sam vrh po čistoći mora u Europi“, no daje se primjer jedne plaže u Kaštelanskom zaljevu koja odudara od onih u ostatku Dalmacije. U naslovu članka novinar mijenja osnovni model slogana dodavanjem niječne čestice *ne* što dovodi do promjene konotacije i općeg smisla reklame: *Kad srce kaže ljeto – ne kaže Kaštela!*¹.

Nedavno se pak pojavio i članak koji se prisjeća reklamne kampanje i slogana s pozivom provođenja godišnjeg odmora na Jadranu, ali mu mijenja osnovnu poruku zamjenom komponenata. Naslov glasi *Kad srce kaže more – novčanik kaže nemore.*² U njemu se umjesto konkretne destinacije upotrebljava komponenta *more* kojom se jasno aludira na ljetovanje na Jadranu, dok se drugi dio naslova s dozom crnoga humora referira na trenutno slabo financijsko stanje prosječnoga građanina Hrvatske. Imenica *novčanik* se personificira, dakle, on nam poručuje da su raspoloživa sredstva nedostatna za odmor na Jadranu. Posebno je zanimljiv regionalni glagolski oblik *nemore* kojim se postiže, u prvom redu, rima, ali i ironični efekt.

Zanimljiv je i slučaj u kojem zapamćeni reklamni slogan *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska*, vezan isključivo za područje turizma, mijenja svoju prvotno zamišljenu namjenu, transformira se u većoj ili manjoj mjeri i dobiva značenje novog slogana. U jednom se slučaju zamjenjuju dvije komponente, tj. u model *Kad srce kaže x, kaže y* uključuju se imenice vezane za industriju automobila pa dobivamo oblik: *Kad srce kaže auto, kaže Golf*³. U drugom se slučaju mijenja i somatska komponenta pa se model pretvara u niz s dvije nepoznanice i mogućnošću upotrebe drugoga somatizma: *Kad somatizam kaže x, kaže y*. Tako dobivamo slogan *Kad grlo kaže žeđ, kaže Karlovačko*⁴ (reklama za pivo). Ovo je, dakle, situacija u kojoj se posuđuje model jednog izrazito pozitivno konotiranog slogana s namjerom da novonastala reklama preuzme pozitivne emocije na koje računa model.

Slogan se često upotrebljava i izvan konteksta reklamiranja, pa ga nalazimo u novinskim naslovima pri čemu valja naglasiti da se u tom slučaju događa neutralizacija konotativnog i emotivnog elementa. Takvi naslovi, dakako, pretpostavljaju poznavanje modela, ali se u potpunosti mijenja njihova namjera i krajnji cilj. Navodim dva primjera.

Prvi tekst govori o potencijalnim opasnostima tijekom ljetovanja: prekomjerno izlaganje suncu, dehidracija, ubodi insekata, krpelji, trovanje hranom itd. Stoga naslov uključuje upozorenje *Kad srce kaže ljeto – razum kaže oprez!*⁵. Prvi je dio slogana nepromijenjen, dok se u drugom događa neutralizacija eventualno izazvanih pozitivnih emocija uključivanjem dviju novih komponenata: *razum* i *oprez*.

¹ www.dalmacijanews.com/.../Kad-srce-kaze-ljeto--ne-kaze-Kastela-FO... (članak od 27. 6. 2011.)

² <http://www.ptp.hr/article/kad-srce-kaze-more-novanik-kaze-nemore/91736> (članak od 29. 5. 2012.)

³ Revija HAK, srpanj / kolovoz 2009.

⁴ www.youtube.com/watch?v=kit3PFq6ifk17 ožu 2011 - 10 sek (2009. godina)

⁵ www.prakticanzivot.com/kad-srce-kaze-ljeto-razum-kaze-oprez-566 (19. 6. 2011.)

Drugi pak sadrži savjet: *Kad sunce kaže mrlja, kaže celer*¹, a u tekstu je riječ o prirodnom načinu tretiranja hiperpigmentacijskih mrlja.

Spomenut ću i slučaj potpune promjene konotacije koju je doživio model *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska* – promjene od izrazito pozitivne na izrazito negativnu. Naime, u Hrvatskom je saboru 17. srpnja 2009. godine prihvaćen Zakon o medicinskoj oplodnji. Dio oporbenih stranaka i neke udruge bile su njime nezadovoljne jer je, prema njihovim riječima, vrlo restriktivan. Svoj su negativan stav prema Zakonu izrazili sloganima tipa *Kad srce kaže dijete, Vlada kaže ne*²; *Kad srce kaže dijete, ne kaže Hrvatska*; *Kad srce kaže dijete, kaže Maribor*³. Nakon parlamentarnih izbora održanih 4. prosinca 2011. godine, kada su na vlast došle bivše oporbene stranke, pristupilo se promjeni Zakona o medicinskoj oplodnji, pa je i slogan promijenjen dobivši ponovo pozitivnu konotaciju *Kad srce kaže dijete, Vlada odlučno kaže da*⁴.

Izvorni reklamni slogan kao i spomenute⁵ transformacije imaju dvodijelnu strukturu. Pojednostavljeno bismo mogli reći da se u prvom dijelu govori o različitim oblicima želja, dok drugi dio pretpostavlja način njihovoga ispunjavanja, ostvarivanja. Valja, međutim, konstatirati da je ponekad osim zamjene komponenata i/ili dodavanja novih zabilježeno i skraćivanje prvotnoga oblika slogana. Elipsa se događa u drugom dijelu teksta, a struktura postaje jednodijelna. Spomenut ću dva takva primjera.

Prvi se odnosi na dodjelu priznanja za najbolju turističku ponudu koje su pokrenuli Dubrovački vjesnik i Ministarstvo turizma Republike Hrvatske. Priznanje nosi naziv *Kad Dubrovnik kaže ljeto*, a uručeno je 14. listopada 2011. godine. U njemu se sažima zamišljen slogan s dvodijelnom strukturom: **Kad srce kaže ljeto, kaže Dubrovnik*.

Drugi se eliptični oblik odnosi na naslov članka u kojem se govori o tome da je Angelina Jolie odbila scenarij za film *Salt 2: Kad Angie kaže „ne“*⁶. Iako su ovdje upotrijebljene samo dvije komponente iz izvornoga oblika slogana, jasno je da se naslon na njega referira.

Zaključak. U radu se polazi od reklamnoga slogana *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska* (iz 2009. godine) koji je tijekom vremena dobio različite transformirane oblike⁷. Ponekad se na osnovi teksta slogana sastavljaju nove reklame, ponekad slogan služi kao model za antireklame ili pak za novinske naslove. Transformacija izvornog oblika teksta uključuje tri postupka.

¹ <http://www.naturala.hr/kad-sunce-kaze-mrlja-kaze--celer/115/> (2. 9. 2011.)

² Tekst je bio ispisan na majicama, a u Saboru su ga nosili protivnici Zakona.

³ O toj je temi pisano u mnogim novinama, časopisima, govoreno u mnogim radio i televizijskim emisijama. Ovdje navodim samo dva izvora: marijalugaric.bloger.hr/.../kad-srce-kaze.../1570572.aspx – www.mi3dot.org/.../viewtopic.php. Protivnici Zakona smatrali su da je on toliko restriktivan da je parovima zainteresiranim za medicinsku oplodnju bolje pomoć potražiti izvan Hrvatske (najčešće se spominjao Maribor u Sloveniji).

⁴ Večernji list, 9. 5. 2012.

⁵ U radu se navodi samo dio zabilježenih transformiranih oblika slogana. Spomenimo još neke: *Kad srce kaže faks, kaže Zadar*; *Kad srce kaže šoping, kaže ajmeeeeeee*; *Kad srce kaže zdrava pamet, kaže radni staž*.

⁶ www.hrt.hr/index.php?id=94&tx_ttnews%5Btt_news%5D...

⁷ Ovdje se uzima u obzir formalna strana transformacije, a ne redosljed pojavljivanja takvih promjena u medijima.

U procesu transformiranja registriran je postupak **zamjene (supstitucije) komponenata**. U prvom se redu obično mijenja komponenta s nazivom turističke destinacije, pa dobivamo model *Kad srce kaže ljeto, kaže x* (npr. *Kad srce kaže ljeto, kaže Pelješac*). Daljnje promjene uključuju i promjenu komponente *ljeto* u prvom dijelu slogana što se shematski može prikazati kao *Kad srce kaže x, kaže y* (npr. *Kad srce kaže auto, kaže Golf*). U sljedećoj se fazi umjesto somatizma *srce* uključuje neki drugi somatizam i to rezultira modelom *Kad somatizam kaže x, kaže y* (npr. *Kad grlo kaže žeđ, kaže Karlovačko*). I konačno, dolazi do zamjene somatske komponente nekom drugom: *Kad x kaže y, kaže z* (npr. *Kad sunce kaže mrlja, kaže celer*).

Osim zamjene komponenata u nekim se novim oblicima teksta događa i **dodavanje komponenata** pri čemu je ono češće u drugom dijelu: *Kad srce kaže ljeto – razum kaže oprez, Kad srce kaže dijete, Vlada kaže ne*. Prva se dva postupka najčešće kombiniraju u istom tekstu.

Treći se postupak odnosi na **skraćivanje (elipsu)**. On pretpostavlja izostavljanje drugoga strukturnog dijela i najčešće se kombinira sa supstitucijom komponenata: *Kad x kaže y* (npr. *Kad Dubrovnik kaže ljeto*).

Treba još naglasiti da se ovisno o značenju supstituiranih ili dodanih komponenata i ovisno o kontekstu upotrebe transformiranog oblika slogana može promijeniti i konotacija. Kao što je naglašeno, izvorni oblik reklamnog slogana izrazito je pozitivno konotiran, ali u radu su nabrojani i slučajevi kako tekstova s neutralnom konotacijom, tako i onih negativno konotiranih.

Pogledamo li shematske prikaze transformiranih tekstova, vidjet ćemo da se dio komponenata pojavljuje u svim strukturnim tipovima, pa ih stoga možemo smatrati stalnim komponentama. U ovom bi to slučaju bila veznička sastavnica *kad* i glagol *kazati* koji se ponavlja u oba strukturna dijela (uvijek se upotrebljava u obliku 3. lica jednine prezenta *kaže*). Stoga bi najopćenitija shema glasila *Kad x kaže y, kaže z*. Pođemo li, dakle, od činjenice da navedena shema pretpostavlja ustaljenu strukturu izričaja, zadan redosljed stalnih komponenata i mogućnost promjene ostalih, odnosno mogućnost uključivanja različitih komponenata ovisno o kontekstu upotrebe, možemo zaključiti da je aktivnom upotrebom u medijima početni oblik slogana *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska* postao frazeoshema sa strukturom zavisnosložene rečenice.

Literatura

1. Fink Ž. Frazeološke igre u reklamama ili misli li četkica za zube svojom glavom / Ž. Fink // Tekst i diskurs / M. Andrijašević, L. Zergollern-Miletić (ur.) – Zagreb : Hrvatsko društvo za primijenjenu lingvistiku, 1997. – C. 325–329.
2. Menac A. Tautološke frazeosheme / A. Menac // Hrvatska frazeologija / V. Zorić (ur.) – Zagreb: Knjigra, 2007. – C. 42–66.
3. Parizoska J. Pragmatički aspekti modifikacija frazema u novinskim naslovima / J. Parizoska // Slavenska frazeologija i pragmatika / Ž. Fink Arsovski, A. Hrnjak (ur.) – Zagreb : Knjigra, 2007. – C. 173–177.
4. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург : Издательский дом «Нева», 2005. – 574 с.
5. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фраzeологизмы в русской речи: Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Москва : Русские словари, Астрель, АСТ, 2005. – 854 с.

Фінк Желька. Про що каже наше серце? (від рекламного слогана до фразеосхеми) / Желька Фінк // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 134–140.

У статті проаналізовано різні форми трансформації рекламного слогана *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska* у фразеосхему.

Ключові слова: хорватська мова, рекламний слоган *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska*, трансформація, фразеосхема.

Fink Zhelka. What is Out Heart Talking About? (Croatian Advertising Slogan Used as the Idiomatic Schema) / Zhelka Fink // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 134–140.

The paper deals with the several types of transformation of the Croatian advertising slogan *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska*, used also as the idiomatic schema.

Key words: Croatian, advertising slogan *Kad srce kaže ljeto, kaže Hrvatska*, transformation, idiomatic schema.

Стаття надійшла до редакції 3 травня 2012 року

УДК 811.162.5'82

FRAZEOLŠKE MODIFIKACIJE U NOVINSKIM NASLOVIMA

Kovačević Barbara

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje,

Zagreb, Hrvatska

U radu se analiziraju frazemi i frazeološke modifikacije u naslovima jednih od najčitanijih dnevnih novina u Hrvatskoj *Jutarnjemu listu*. Pokušava se utvrditi jesu li određene frazemske strukture podložnije modifikacijama.

Ključne riječi: frazemi, frazeološke modifikacije, naslovi, hrvatski jezik.

Tijekom 2003. godine provela sam s kolegicom M. Mihaljević opsežnije istraživanje o frazemima u govorenim i pisanim medijima te o pojavljivanju frazema u raznim stilovima suvremenoga hrvatskoga jezika s posebnim osvrtom na frazeme u publicističkome stilu [5, str. 393–404; 8, str. 141–164; 9, str. 1–15]. U jezičnoj analizi izabranih frazema nerijetko su bili primjeri preuzeti iz novinskih naslova. Stoga sam ovdje odlučila istražiti frazeme koji se javljaju u novinskim naslovima jednih od najčitanijih dnevnih novina u hrvatskoj *Jutarnjemu listu*. Korpus sam ograničila na travanjske brojeve tih dnevnih novina koji su objavljeni u 2012. godini. U obzir su ušli samo tradicionalno rečeno *frazemi u užem smislu*, tj. oni u kojima je prisutna desemantizacija većine frazemskih sastavnica ili frazema u cjelini.

Sve postojeće definicije frazema u okviru hrvatske frazeologije od njezinih začetaka do posljednjih istraživanja ističu postojanost ili ustaljenost leksičko-gramatičkoga sastava i semantičko jedinstvo frazeoloških sastavnica [4, str. 1–15; 6, str. 1–4; 7, str. 6]. U jezičnoj je praksi taj pojam ustaljenosti relativan što posebno dolazi do izražaja u publicističkome funkcionalnom stilu jer je taj stil najbliži razgovornomu stilu i u njemu se zrcale inovacije na svim jezičnim razinama pa tako i u frazeologiji.

S obzirom na postojanost frazema koji se pojavljuju u publicističkome stilu, pa tako i u korpusu prikupljenih frazema u novinskim naslovima *Jutarnjega lista* iz travnja ove godine, izdvajaju se tri skupine. U prvoj skupini ne dolazi ni do kakve modifikacije frazema, tj. nije narušeno osnovno određenje frazema kao jedinice koja ima stalan sastav i raspored sastavnica. Takvih je frazema najviše: *Sanader u prvom planu, pokraj njega Maček. Leđa im čuva Barišić, a sa strane su Jurak i Pavošević – HDZ će skupo platiti ovu aferu; Predbračni ugovor: Ljubav u Hollywoodu nije slijepa i ima svoju cijenu; Rumunjsko ružno pače uz renault postao labud; Najnovija zlatna koka General Motorsa; Najjeftiniji auto nije pokorio svijet; Ni ministar nije shvatio da su riječi vrlo opasno oružje, da se mogu vratiti kao bumerang; Pamet nam soli onaj dizač 'tegova'; Građani zbog skupih stadiona ostaju bez krova nad glavom; Suradujući s USKOK-om Maleš je dirnuo u osinjak.; Osveta za izdaju ide preko leđa splitskog kluba; Nervozni ste, vrti vam se u glavi, rastu vam zazubice, krulji vam u trbuhu, imate gladne oči...*

Zbog čestotnosti uporabe u publicističkome funkcionalnom stilu neki se frazemi mogu smatrati i žurnalizmima, tj. riječima ili svezama koje su posebno svojstvene funkcionalnome stilu, npr.: *Transseksualka Jenni dobila zeleno svjetlo izbora za Miss; Pirova pobjeda: Mijanmarska junakinja; Kamen smutnje: Godišnjica rata Argentine i V. Britanije; Probni balon za mračne igrače; Oduzimanje licence je drakonska kazna; SDP dao zeleno svjetlo; Pokusni kunić; Ahilova peta obrazovne strukture; David i Golijat: Zagrebova utakmica desetljeća.*

U drugu skupinu, skupinu koja je zanimljivija za jezičnu analizu, ušli su frazemi kod kojih je došlo do neke kreativne modifikacije ili do kontaminacije. Frazemi pritom bivaju dotaknuti nekim stranim elementom koji ne pripada izvornome frazemu koji je u tome izvornom obliku poznat govornicima cijele zajednice. Dakle, pojedine sastavnice frazema bivaju zamijenjene kojima drugima. Tom zamjenom upućuje se čitatelja na frazem koji mu je iz jezične stvarnosti poznat, ali frazem nije naveden u cijelosti ili nije naveden u nepromijenjenu obliku. Iako je na taj način prekršena jedna od osnovnih značajka frazema, on je dobio novu aktualizaciju s obzirom na vijest koju treba prenijeti čitatelju. Ova druga skupina može se podijeliti na nekoliko podskupina:

Prvu podskupinu čine kontaminacije koje su karakterističan način nastajanja izraza spajanjem dvaju semantički ili strukturno sličnih frazema. Kao rezultat toga procesa pojavljuje se nova frazeološka struktura s kombiniranim gramatičko-leksičkim elementima dvaju frazema. Iako neki frazeolozi smatraju da takvim procesom nastaju novi frazemi [12, str. 104], smatram da novonastale kombinacije ne obogaćuju frazeološki fond jer su okazionalnoga karaktera. To pokazuje i naslov *Ja sam zadnji republikanac na nogama* u kojemu je došlo do stapanja frazema *posljednji Mohikanac* i *biti na nogama*.

Drugu podskupinu čine transformacije standardne forme frazema mijenjanjem ustaljenoga gramatičkoga sastava ili rasporeda sastavnica. Pritom ne dolazi do stvaranja novih frazema nego su promjene učinjene namjerno iz stilističkih razloga. Izrazito veliku brojnost u promatranome korpusu pokazuju frazemi u kojima je glagol zamijenjen glagolskom, odglagolskom ili običnom imenicom: *Pogled u pod* (< gledati u pod); *Kupovanje vremena* (< kupiti vrijeme); *Bacanje novca* (< baciti novac); *Rad na crno ćemo spriječiti OIB-om i RS obrascem* (< raditi na crno); *Neki su izabrali krivu stranu, neki su se umorili, a nekima je baš politički izlazak iz sjene presudio* (< izaći iz sjene); *Fileri postali idealna zamjena za odlazak pod nož i face lifting* (< otići pod nož)...

Izostavljanje glagola još je jedan način transformacije standardne forme koji je posebno čest u novinskim naslovima. Iz glagolsko-imeničke strukture obično se ispušta glagol, a ostaje jezgra koja je čitatelju dovoljno informativna. Glagol je ispušten jer je redundantan te bi smanjio funkcionalnost i djelotvornost naslova. Ispuštanje glagola štedi se prostor što je veoma bitno pri oblikovanju naslova. Promjenom strukture dolazi i do promjene kategorijskoga značenja frazema: *Vladi sindikalni žuti karton zbog teške situacije* (dati žuti karton; dobiti žuti karton); *Ponovno na dnu: Hrvatsko gospodarstvo u prvom kvartalu 2012* (biti na dnu); *Na sigurnom* (biti na sigurnom); *Na zlu glasu* (biti na zlu glasu); *Osamina desna ruka* (biti čija desna ruka); *Zeleno svjetlo* (dati zeleno svjetlo); *Linija manjega otpora* (ići linijom manjega otpora); *Prepušteni sami sebi* (biti prepušten sam sebi); *Omča oko vrata* (staviti omču oko vrata komu); *Na stupu srama 132 tisuće*

građana i tvrtki (biti na stupu srama); *Gotove crne liste* (biti na crnoj listi); *Glava u pijesku* (držati glavu u pijesku).

Katkad je reducirani frazem prisutan samo u naslovu i ne spominje se u tekstu članka, katkad je u tekstu cijeli frazem, a u naslovu reducirani oblik: *Pijani milijarderi* („Intelektualna elita, koja bi trebala biti moralni autoritet društva i primjer drugima, ponašala se poput pijanih milijardera“); *Novo svjetlo* („Svjedočenja članova Inine Uprave... bacaju novo svjetlo na način upravljanja Inom“); *Pucanj u noge* („Kovačević je sam sebe u više navrata upucao u nogu nesmotrenim istupima...“). Također, postoji mogućnost da se u tekstu članka reducira glagolska sastavnica kao i u naslovu: *Jak vjetar* („Ovo je njegova prva pobjeda, ali svakako i *jak vjetar u leđa* uoči drugog kruga izbora predviđenog za 6. svibnja“); *Tamni oblaci* („Iako je prepoznao znakove oporavka u eurozoni, MMF je ovih dana ukazao i na »tamne oblake na horizontu«“).

Promatrajući ovu podskupinu nameće se pitanje je li riječ o frazeološkoj produktivnosti i nastanku novih frazema ili o načinima ostvarivanja već poznatih frazema.

Treću skupinu čine frazemi kod kojih je došlo do zamjene jedne ili više frazemskih sastavnica u poznatom leksičkom spoju frazema. Takav način zamjene nazivamo frazeološkom igrom, a prisutna je u sljedećim frazemima: *Ime ne čini čovjeka* (odijelo ne čini čovjeka); *Šake i slatkiši: Najbogatiji ruski uznik* (mrkva i batina); *Pomak unaprijed* – Liverpoolov zaokret (korak naprijed); *Iskaz koji je otvorio lavinu* (pokrenuti lavinu čega); *Izgubljeni u etičkim vrijednostima* (izgubljen u vremenu <i prostoru>; izgubljen u svemiru); *Tuđman je prema Bosanskoj Posavini vodio politiku s figom u džepu* (držati figu u džepu); *Ružni patuljak* (ružno pače). Međutim, poigravanja su vidljiva i u frazeoshemama u kojima poznati modeli na kojima su utemeljeni neki frazemi dobivaju nove sastavnice: *Priča o uspjehu – od vrta do Gardena* (od glave do pete); *Ni vjetra ni plime* – *Premijer je diler pesimizma* (ni mesa ni ribe)

Frazeološke igre veoma su česte i u novinskim reklamama, a autori teksta moraju voditi računa o tome da osiguraju prepoznatljivost frazema koji je poslužio kao model [11, str. 174]: *Gdje ima mora, ima i bure!* (gdje ima dima, ima i vatre; reklama za plovila); *Voda i minerali život znače* (daske koje život znače; reklama za mineralnu vodu); *Pogledajte kvaliteti u oči* (pogledati istini u oči; reklama za marku automobila); *Palčić gore za palčice! Palčić gore za život!* (palac gore; reklama za humanitarnu akciju za nedonošćad).

Poigravanje sastavnicama pridonosi zanimljivosti jer cilj je privući čitatelja da pročita članak. Osim poigravanja s frazemima u novinskim su naslovima česta i poigravanja s poznatim naslovima filmova i knjiga: *Desant na Split – 'Pučiška republika' ili kako su brački kamenari uveli direktnu demokraciju* (Desant na Drvar); *Bezobraznik našeg doba* (Junak našeg doba). U prikupljenom korpusu prisutno je i poigravanje frazemima srpskoga jezika, npr. *Sitna boranija* u članku u kojemu je riječ o srpskim mafijašima kao stupovima društva, a u nekim se frazemima autori duhovito poigravaju s prijevodima frazema, npr. *Berlusconi ostaje vjeran sebi i svojim metodama u skladu s poslovicom da novac vrti ondje gdje ni svrdlo ne može* (para vrti gdje burgija neće).

Već je uočeno da je publicistički stil veoma plodno tlo za nastanak novih frazema. U njega lako probijaju frazemi iz razgovornoga stila. U korpusu prikupljenih novinskih naslova zabilježeni su sljedeći frazemi koji još nisu zabilježeni u frazeološkim rječnicima,

a prisutni su u svakodnevnome govoru: *Kraljevi su milijunaši i baš ih briga što 80. Igrač svijeta igra za 'kikiriki' – teniska pobuna* (za kikiriki [raditi, igrati itd.] 'za malo novca, jeftino [raditi, igrati itd.]'); *Zaljubljeni vampiri i čarobnjaci su out, nove su zvijezde djeca gladijatori* (biti out 'ne biti popularan'); *Upaljen nam je alarm, moramo naći motiv* (upalio se alarm komu 'pojavilo se upozorenje'); *Dio tekstilnih poduzeća morao bi zatvoriti vrata* ('prestati s radom'); *To bi značilo povratak stranke ne u baraku, nego u pećinu* (vratiti se u pećinu 'vratiti se na najniži civilizacijski nivo', vratiti se u baraku 'vratiti se na početak'); *Milanović ide blaže, a Janša radikalno. Zato su mu radnici i izašli na cestu* (izaći na cestu 'prosvjedovati, štrajkati'); *Premijer Milanović ukinuo zlatni padobran za šefove javnih tvrtki* ('visoke otpremnine'); *Zašto je Josipović pikado meta* (biti pikado meta 'biti kriv za sve'); *Skretanje udesno* (skrenuti udesno 'približiti se desnoj političkoj opciji'); *Mora se dogoditi klik* (dogodio se klik između koga 'razumjeli su se').

Analiza frazema u novinskim naslovima prikupljenoga korpusa na hrvatskome jeziku pokazala je najčešće tipove modifikacija frazema. Modifikacije su uglavnom leksičke bez obzira je li riječ o izostavljanju frazemskih sastavnica ili njihovoj zamjeni drugim sastavnicama unutar iste gramatičke kategorije vrste riječi. Izmjene leksičkoga sastava u službi su sadržaja teksta i informacije koja se želi podastrijeti čitatelju. Složene su modifikacije rjeđe zastupljene čemu je cilj protočnost teksta i obavještajna funkcija naslova. Frazološke igre u naslovima služe izazivanju pozornosti i znatiželje čitatelja jer su svojevrsan pomak u odnosu na izvorni oblik i značenje frazema.

Literatura

1. Fink Ž. Frazološke igre u reklamama ili misli li četkica za zube svojom glavom / Ž. Fink // Tekst i diskurs : zbornik HDPL-a / ur. M. Andrijašević, Lovorka Zerngollern-Miletić. – Zagreb, 1997. – Str. 325–330.
2. Fink Ž. Sport u frazeologiji / Ž. Fink // Primijenjena lingvistika u Hrvatskoj : izazovi na početku XXI. stoljeća : zbornik HDPL-a / ur. D. Stolac, N. Ivanetić, B. Prichard. – Zagreb, Rijeka, 2002. Str. 123–128.
3. Fink Ž. Politika mrkve i batine ili biča i medenjaka / Ž. Fink // Jezik i mediji – jedan jezik : više svjetova : zbornik HDPL-a / ur. J. Granić. – Zagreb, Split, 2006. Str. 241–249.
4. Fink-Arsovski Ž. Poredbena frazeologija : pogled izvana i iznutra / Ž. Fink-Arsovski. – Zagreb : FF press, 2002. – 128 str.
5. Kovačević B. Mihaljević M. Frazemi u publicističkome funkcionalnom stilu (modifikacija, kontaminacija i transformacija frazeološke strukture / B. Kovačević, M. Mihaljević // Semantika prirodnog jezika i metajezik semantike : zbornik HDPL-a / ur. J. Granić. – Zagreb, Split, 2005. Str. 393–404.
6. Menac A. O strukturi frazeologizma / A. Menac // Jezik, časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika, 18/1 / ur. Lj. Jonke. – Zagreb, 1970/1971. Str. 1–4.
7. Menac A. Fink-Arsovski Ž. Venturin R. Hrvatski frazeološki rječnik / A. Menac, Ž. Fink-Arsovski, R. Venturin // Zagreb : Naklada Ljevak, 2003. – 414 str.
8. Mihaljević M., Kovačević B. Frazemi u govornim i pisanim medijima // Riječki filološki dani 6 / ur. I. Srdoč-Konestra, S. Vranić. – Rijeka, 2006. Str. 141–164.
9. Mihaljević M. Kovačević B. Frazemi kroz funkcionalne stilove // Jezik, časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika, 53/1 / ur. S. Ham. – Zagreb, 2006. Str. 1–15.
10. Parizoska J. Semantičke modifikacije frazema u novinskim naslovima / J. Parizoska // Jezik i mediji – jedan jezik : više svjetova : zbornik HDPL-a / ur. J. Granić. – Zagreb, Split, 2006. Str. 533–540.

11. Parizoska J. Pragmatički aspekti modifikacija frazema u novinskim naslovima J. Parizoska // Slavenska frazeologija i pragmatika / Славянская фразеология и прагматика / ur. Ž. Fink-Arsovski, A. Hrnjak. – Zagreb : Knjižna, 2007. Str. 173–177.
12. Petrović V. Neki tipovi transformacija frazeoloških izraza u jeziku novina / V. Petrović // Zbornik za filologiju i lingvistiku, 25/2. – Novi Sad : Matica srpska, 1982. Str. 103–111.

Ковачевич Барбара. Фразеологічні модифікації в газетних заголовках // Барбара Ковачевич // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 141–145.

У статті розглянуто модифікації фразеологічних одиниць у хорватських газетах, зокрема типи модифікацій, що відображені в газетних заголовках. Здійснено спробу виявити частотність фразеологічних модифікацій.

Ключові слова: фразеологія, фразеологічна одиниця, модифікація, газетні заголовки, хорватська мова.

Kovachevich Barbara. Idiom Modifications in Newspaper Headlines / Barbara Kovachevich // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 141–145.

The paper discusses the creative use of idioms in the Croatian press. The focus is on the types of modification which occur in newspaper headlines. The paper also attempts to examine whether certain type of idiom modifications are more frequent than others.

Key words: phraseology, idioms, modifications, newspaper headlines, the Croatian language.

Стаття надійшла до редакції 23 травня 2012 року

УДК 811.162.5

VIZUÁLNÍ PREZENTACE NĚKTERÝCH FRAZÉMŮ A IDIOMŮ

Ribarova Slavomira

Filozofická fakulta Univerzity v Záhřebu,

Záhřeb, Hrvatska

V příspěvku se pojednává o vizuální prezentaci frazémů a idiomů, při které dochází k jazykové hře pomocí posouvání celkového přeneseného významu na jejich primární význam komponentů. Způsoby a možnosti jsou prezentovány na příkladu knížky J. Lada: *Ilustrovaná frazeologie*.

Klíčová slova: frazém a idiom, jazyková hra, ilustrace, sémantický posun, humor.

V příspěvku se vychází z českého pojetí frazému a idiomu jako jedinečné, ustálené a minimálně dvouslovné kombinace libovolného slovního druhu, jejíž (aspoň) jeden člen je omezený pouze na tuto kombinaci. Mezi jejich rysy se řadí jeho neobvyklý sémantický posun založený jak po stránce formální na anomální kolokabilitě (kombinatorice) slov tak i na sémantické a funkční nesoučtovosti členů, i. e. sémantika celku není prostou a jasnou sumou významů všech komponentů dohromady. [4, s. 10] Ovšem, význam celku je nepřímo ovlivněn povahou významu komponentu z hlediska rozdílu monosémie a polysémie. Jak uvádí Čermák při sémantické kombinatorice v kontrastu k významu celku se setkáváme s výskytem buď stejného typu sémantiky komponentů (monosémií nebo polysémií), který vytváří sémanticky plně anomální výrazy, nebo smíšené kombinace (monosémií s polysémií), ve kterých se sémantika komponentů zčásti podílí na významu celku. Plná ztráta sémantických rysů jednotlivých komponentů při přechodu k významu celku se ještě liší kompatibilitou a inkompatibilitou komponentů, při čemž první umožňují paralelně i doslovnou interpretaci, zatímco druhé nemají tuto možnost a kvůli celkové désémantizaci komponentů jsou sémanticky nápadnější [3, s. 27].

Cílem příspěvku je poukázat na možnosti jazykové hry, které frazémy a idiomy otevírají při jejich vizuální prezentaci, a to na příkladu knížky známého českého malíře Josefa Lady¹: *Ilustrovaná frazeologie*, Praha 1970.

¹ Josef Lada (1887 –1957) byl český malíř, ilustrátor, karikaturista a spisovatel. V kresbě byl samoukem, postupně si vyvinul osobitý styl s typickou silnou linkou a zaoblenými tvary postav. V komiksech představil velké množství zvířecích hrdinů pro nejmenší děti. Často se zdůrazňuje vazba jeho tvorby na lidové umění. Kromě mnoha pohádek a knih pro děti, které sám napsal, ilustroval především *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války* (pro Švejka nakreslil 1339 kreseb). Už od roku 1916 přispíval do různých českých časopisů a novin, čímž založil tradici "komiksových" listů, vytvářených při významných příležitostech (Vánoce, Velikonoc atd.). Pro jeho výjevy je příznačná "absurdní nadsázka a brueghelovské hemžení" [6, s. 29].

Kořeny českého (a i obecně) komiksu, spočívá v karikatuře v humoristických časopisech vznikajících v 19. století a v ilustracích z této doby. Právě v žánru ilustrace za její případné nadvlády nad textem, vznikají nové kategorie textově-obrazové narace - kreslený seriál a komiks [6, s. 15].

Vizuální prezentace frazémů a idiomů umožňuje verbálně-neverbální komunikaci, při níž se kombinují různé prostředky. Základem sdělení jsou obrázky provázené stručným, často jen chudým slovním doprovodem umístěným dole nebo v „obláčcích“¹ [2, s. 355].

Zájem o vizuální slovní hříčky jeví hlavně kognitivní lingvisté (např. Forceville, Naciscione, Kuiper atd.) a v tomto rámci mluví o tzv. multi-modálních textech, t. j. o způsobu interakce vizuálního a verbálního v textu [9, s. 69]. Příspěvek bere v úvahu výsledky dosažené v pracích, založených na teorii konceptuální metafory. Kognitivisté mají za to, že se metafory objevují jak v myšlenkách a jazyce tak i v obrazech. Proces porozumění a interpretace významu vyžaduje „kognitivní snahu, která se odehrává v reálném čase a začíná okamžikem, kdy se člověk podívá na stránku“ [8:15] Lakoff a Turner považují, že „to co ti umožňuje vidět metaforicky je to co ti umožňuje pochopit“, jelikož při vizuální prezentaci, metafory se stávají součástí konceptuální metafory „POROZUMÍVÁNÍ JE VIDĚNÍ“ [12: 94].

Knížka *Ilustrovaná frazeologie*², jedinečná svého druhu v Česku, a co je nám známo i širě³, se skládá ze 117 ilustrací a stejně tolik stránek. Na základě zastoupeného obsahu ji můžeme rozdělit do tří částí, které nejsou oddělené a místy se prolínají.

První a největší část zahrnuje celkem 65 ilustrací, kterým se budeme blíže věnovat v tomto příspěvku. Všechny frazémy a idiomy, které Lada ilustruje jsou sémanticky plně anomální výrazy, tj. „neprůhledné“ a mají více či méně výraznou inkompatibilitu svých komponentů. Výběr těchto frazémů a idiomů nechává prostor k ilustraci a také vnímaná protismyslnost dané kombinace komponentu snadněji upoutá posluchače právě díky tomu, že se komponenty v kontextu nejdříve vnímají analogií, která tu neexistuje, s okolním pravidelným jazykem a doslovným významem a následně si výraz vyžaduje reinterpetaci jako idiom.

Druhá část zahrnuje 17 přísloví. V jednom případě je ilustrace textově doplněna pomocí „obláčku“⁴, zatímco v ostatních případech se pod ilustrací vyskytují buď věty

¹ Používáme výraz, které se používá v české lingvistické literatuře, zatímco v teorii komiksu se vyskytuje termín *bublina* pro označení základního prvku komiksově sémantiky.

² Vydaná *Mladou Frontou* jako náhrada za původně uvažovaný prémiový svazek 9. ročníku knihovny československé mládeže **Máj*

³ Nejznámější vizuální prezentace přísloví v malířství je dílo Pieter Breughel (1525-1569), který na obraze *Nizozemská přísloví* 1559 zobrazil přes 100 dobových přísloví. Ovšem u něj, na rozdíl od Lady nešlo o intenci jazykové hry.

⁴ V českém prostředí byl tento prvek dlouho vnímán jako cizí a J.Lada byl jedním z mála českých výtvarníků, kteří je používali již v první dekádě 20. st. [6, s.29].

vyřčené jedním z účastníků nebo jde o komentář autora, který se může chápat jako hlas většiny.

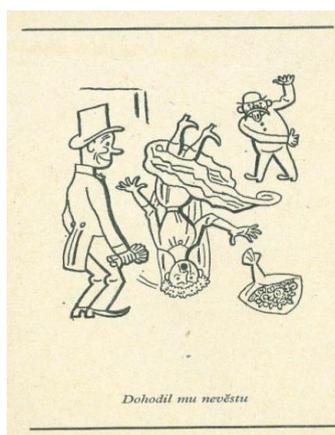
Posledních 35 případů jsou vtipy, představené na způsob komiksu, formou typickou pro svou dobu, založenou na jazykové hře a občas dvojznačnosti slova, které se stalo podkladem pro ilustraci.

Po vizuální stránce v celé knížce je viditelná výrazná horizontála (buď nakreslená nebo dosažená prázdným prostorem) oddělující textovou část (frazém, přísloví nebo vtip) od obrazu, což je rys příznačný pro Ladovy nebarevné kreslené seriály a epizody [6, s. 49]. V textové části ilustrované frazémy a idiomy a zastoupená přísloví nejsou uvedeny ve své slovníkové kanonické podobě a jako takové je uvádíme i v příspěvku.

První skupinu frazémů, která je předmětem našeho zájmu, jsme rozdělili do podskupin, v rámci kterých ukážeme způsoby vizualizace a dosažení jazykové hry.

V celé knížce si autor pohrává se sémantickou nerozložitelností frazémů a s faktem, že pokud bychom je rozložili, se ztrácí původní význam výrazu. Tímto posouváním do popředí významu jednotlivých komponentů Lada přesahuje hranice základní, tradiční ilustrace a vytváří vizuální jazykovou hru.

Valná většina frazémů (celkem 48) se zakládá na polysémií jednoho frazeologického komponentu (buď slovesa nebo podstatného jména). Lada nejčastěji ilustruje slovesné frazémy na základě přímého významu slovesa, npř.

Sloveso *dohodit* znamená "hodit do určité vzdálenosti nebo cíle", ale ve frazému *dohodil mu nevěstu* je užito v přeneseném smyslu "zprostředkovat"; z kognitivního hlediska jde o metaforičnost. Jelikož se ilustruje jen přímý význam komponentu, čtenář si je ihned vědom jak přeneseného tak i primárního významu a jazykové hry. Čím větší je idiomaticnost frazému, tím větší je možnost dosáhnout výraznější jazykovou hru, což můžeme vidět i z dalšího příkladu: *maluje straku na vrbě* s významem "nalhávat někomu něco, klamat někoho".

Další možnost dosažení jazykové hry dává využití dvou komponentů, např. *vypustil duši* s významem "zemřít",

kde si ilustrace pohrává s možnou existencí dvou paralelních výrazu, z nichž jeden (ten ilustrovaný) patří do oblasti pravidelného ale hovorového jazyka: sloveso *vypustit* "způsobit, umožnit odtok, únik a tímto způsobit vyprázdnění něčeho" a hovorovým použitím podstatného jména *duše* "pneumatika" místo spisovného "vnitřní vědomí a schopnost člověka myslet, cítit a chtít" použitého ve frazému, čímž se posouvají komponenty (*vypustit, duši*) do formálně pravidelné kombinace pomocí využití jejich polysémií. Slovní hra se zakládá na frazeologické homonymii, na přeneseném významu a tím i nejednoznačnosti sdělení.

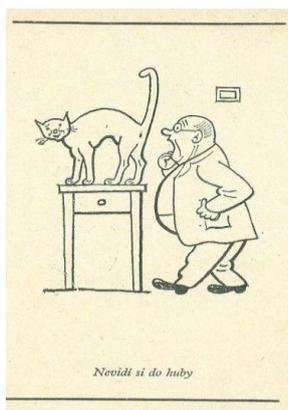
V knížce se objevuje sedm ilustrací s nadpisem, jehož účelem je osvětlení kontextu: např. nápis HOSTINEC u frazému *miří do hospody*. Jazyková hra je, stejně jako i u předchozích, založená na kontrastu mezi přímým významem slovesa *miřit* "uvádět (zbraň) do polohy pro střelbu na cíl" a jeho významem přeneseným "směřovat někam, tj. pohybovat se k nějakému cíli".

Vizuální, a také grafická složka (změna malého písmena na velké a tím antropomorfizace apelativa) spolu s verbální složkou se účastní tvoření slovní hříčky založené na posunu přeneseného významu: *tahá z ní Rozu M* "zneužívat získané informace" na přímý "vytahuje odněkud paní jménem Rora M".

Poslední způsob, který Lada využívá, je dodávání dalšího neverbálního kontextu do komunikace na př. *nevidí si do huby* "být prostořeký, mluvit neopatrně, nerozvážně, nedávat si pozor na to, co říká".

Čtenář může, ale i nemusí, vyčíst i rozšířenou a jen vizuálně prezentovanou vulgární návaznost komunikace vyjádřenou frazémem *vidí prd (nic nevidí)*, což této ilustraci dodává dodatečný význam, dosažený pouze pomocí interakce vizuálního a textového. V souladu s tím, co tvrdí Naciscione [13, s. 81], ilustrace ukazuje, že při vnímání dochází ke vzniku frazeologické metafory. Rozšířená frazeologická metafora odráží rozšířený přenesený význam, který může být zcela individuální.

Je třeba také připomenout, že humor vychází z poměrů společenských, takže ho nelze zkoumat mimo společnost, což vyžaduje nutnost pochopení společnosti, která ho vytváří. Jak se mění jazyk a společnost, mění se i výběr ustálených obrazných vyjádření. Tyto změny lze pozorovat i v současné době, zřejmé jsou např. v tisku, kde se jazykové hry často týkají aktuální politické situace, nebo v reklamách. Proto je pochopitelné, že se v knížce z 70. let minulého století objevují dnes už zastaralé frazémy, jejichž jazyková hra je pro současníka neproniknutelná, poněvadž se týká aktuální historické situace v minulosti (např. *plete si to s Radeckým*¹ "velmi se mýlit").

Závěry. Při vizuální prezentaci kognitivní vztah mezi myšlenkou, jazykem a zrakem způsobuje posun od přeneseného významu k přímému, což vytváří jazykovou hru. „Interpretace zahrnuje jak vědomé tak i nevědomé mentální procesy“ [8, s. 331].

Jelikož je ilustrace zaměřená na třetí etapu komunikace, t.j. příjem, zahrnující percepci a dekódování, tedy nejen vnímání, ale i porozumění, které se může stát východiskem pro interpretaci, je zřejmé, že pochopení humoristické stránky těchto frazémů a ilustrací vyžaduje hlubší znalost jazyka. (viz 2.3.)

Z výše uvedeného vyplývá, že dosažení humoru při vizuální prezentaci frazémů je založeno na inkongruenci² (neshodě), na základě Critchleyho rozdělení, t.j. humor se rodí z nesouladu toho, co známe a očekáváme (přenesený význam frazému) s tím, co uvidíme (ilustraci), tedy rozporem mezi myšleným a názorným.

Ilustrace frazému, jako kreativního aspektu textové a vizuální prezentace přeneseného myšlení, nám poskytuje informace o humoru dané společnosti a zároveň i o jedinci (autorovi ilustrace), o jazykovém vývoji a též reflektuje aktuální realie.

Způsoby vizualizace a ilustrace frazému a dosažení jazykové hry, které používá J. Lada ve své knížce *Ilustrovaná frazeologie*, jsou aplikovatelné i na jiné materiály. Dá se očekávat, že výzkum současnějšího materiálu ukáže zapojení většího množství semiotických elementů do tohoto typu komunikace, což by stálo za další studii.

¹ Radecký byl rakouský polní maršálek a vojevůdce.

² Kořeny teorie inkongruence sahají až do r. 1750, kdy vyšlo dílo F. Hutchesona, *Reflections Upon Laughter* a pak ji dál rozpracovali Kant, Schopenhauer a Kierkegaard.

³ Chtěli bychom podotknout, že tento typ ilustrace je velice užitečná a zábavná metodologická pomůcka při výuce jakéhokoli jazyka, což potvrzují i publikace (slovníky a učebnice) tohoto typu, srov. např. M.Dobrowin, W.Schenk *Russische idiomatische Redewendung* 1976.

Literatura

1. Critchley S. O Humoru / S. Critchley. – Zagreb : Algoritam, 2007.
2. Čechová a kol. Čeština, řeč a jazyk – Praha : Karolinum, 2000.
3. Čermák F. , Hronek J., Machač J. Slovník české frazeologie a idiomatiky / F. Čermák, J. Hronek, J. Machač. – Praha : Academia, 1983., 1998., 1994.
4. Čermák F. Frazeologie a idiomatika česká a obecná / F. Čermák – Praha : Karolinum, 2007.
5. Čermák F. Idiomatika a frazeologie češtiny / F. Čermák – Praha : UK, 1982.
6. Diesing H. Český komiks 01. poloviny 20. století – Praha : Verzone, 2011.
7. Gibbs R. W. Jr. The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language and Understanding / R. W. Jr. Gibbs. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
8. Gibbs R. W. Jr. The process of Understanding Literary Metaphor / R. W. Jr. Gibbs // Journal of Literary Semantics, XIX : 1990. – S. 65–79.
9. Goodman Sh. „Visual English”, in S. Goodman and D. Graddol (eds.), Redesigning English new texts, new identities, London and New York: Routledge, 1996. – S. 39–72.
10. Hlavsa Zd. K obraznému vyjadřování v našich novinách - Naše řeč, ročník 47 (1964), číslo 4 – S. 248.
11. Lada J. Ilustrovaná frazeologie / J. Lada. – Praha : Mladá Fronta, 1970.
12. Lakoff G. Turner M. More than cool reason: A field guise to poetic metaphors. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
13. Naciscione A. Visual representation of Phraseological Metaphor in Discourse / A. Naciscione // A Cognitive Approach The Writer Craft, the Culture s Technology 2005. – S. 71–83.
14. Nebeská I. A kol. Co na srdci, to na jazyku / I. Nebeská – Praha : Karolinum, 2005.
15. Slovník spisovného jazyka českého I – IV. Praha 1960–1971. 2. vyd. (beze změn) I – VIII. Praha : Československá akademie věd, 1989.
16. Zaorálek J. Lidová rčení / J. Zaorálek – Praha : ČSAV, 1963.

Internetové zdroje

<http://hrusice.pragmatic.cz/lada.html>

Рібарова Славоміра. Візуальна репрезентація деяких фраз та ідіом / Славоміра Рібарова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 146–152.

У статті йдеться про візуальну репрезентацію деяких фраз та ідіом через посередництво ілюстрацій, у яких на першому плані виступає буквальне значення компонентів, завдяки чому створюється візуальний каламбур. Потенціал варіантів представлено на прикладі ілюстрованої книги Дж. Лада «Ilustrovaná frazeologie».

Ключові слова: фрази та ідіом, мова, гра слів, ілюстрації, семантичний зсув, гумор.

Ribarova Slavomira. Visual Representation of Some Phrases and Idioms / Slavomira Ribarova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 146–152.

The paper deals with the visual representation of some phrases and idioms during which the literal meaning of the components is brought to the fore, thus creating a visual pun. The ways and possibilities are presented on the illustrated book of J. Lada: *Ilustrovaná frazeologie*.

Key words: phrases and idioms, language pun, illustration, semantic shift, humor.

Стаття надійшла до редакції 19 березня 2012 року

УДК 811.161.5=163.2'82

**FRAZEMI S VARIJABILNOM NUMERIČKOM SASTAVNICOM
U BUGARSKOM I HRVATSKOM JEZIKU**

Vasung Ana

Filozofická fakulta Univerzity v Záhřebu,

Záhřeb, Hrvatska

U radu se analiziraju primjeri frazeoloških igara u naslovima bugarskih i hrvatskih televizijskih i radio emisija, vrste transformacija i modifikacija frazeoloških struktura te razlozi takvih jezičnih strategija.

Ključne riječi: bugarski jezik, hrvatski jezik, frazeološka igra, televizija, radio.

Frazemi i frazeološke igre jedna su od važnih značajka publicističkog funkcionalnog stila te se često pojavljuju u novinskim naslovima, gdje dolazi do modifikacije, kontaminacije i transformacije frazeološke strukture [5, s. 401]. Takvu pojavu bilježimo i u druga dva medija, na radiju i televiziji, u naslovima emisija, filmova i serija, te osobito u reklamama. Razlog tomu je što frazeološka jedinica ima obilježje ekspresivnosti i metaforičnosti, a time i moć privlačenja pažnje recipijenta.

Radovi o frazeološkim igrama najčešće su posvećeni takvim pojavama u reklamama [usp. 8; 9; 3]. V. Bondžolova razlikuje dvije vrste jezičnih igara: okazionalizme, što su nove riječi koje nastaju za potrebe nekog teksta, i citiranje, koje definira kao korištenje poznatih i postojećih leksičkih jedinica poput frazema [8, s. 414]. Citiranje je igra koja testira jezično znanje recipijenta jer se očekuje da on može prepoznati originalan tekst, najčešće frazem ili poslovicu. U toj skupini razlikuje netransformirane citate, tj. one doslovno upotrijebljene i modificirane, pri čemu se oni mogu modificirati zamjenom jedne ili nekoliko sastavnica, proširivanjem frazeološke strukture, reduciranjem frazeološke strukture ili stvaranjem novih frazeoshema.

Ž. Fink u reklamama bilježi semantičku ili strukturno-semantičku preinaku frazeoloških jedinica. Semantička preinaka ne mijenja leksički sastav samih frazema, već aktualizira značenje frazeoloških sastavnica u slobodnom skupu riječi dovodeći ga u odnos s frazeološkim značenjem. U drugoj skupini frazema, transformiranih strukturno-semantičkom preinakom, jedna se sastavnica zamjenjuje nekom drugom, značenjski vezanom s potrebama teksta ili se ubacivanjem nove sastavnice mijenja struktura [3, s. 328]. Ovaj se način transformacije temelji na kontrastu poznato – nepoznato, jer primatelja poruke asocira na njemu poznati kanonski oblik frazeološke jedinice, a netipična, neuobičajena i nova sastavnica budi njegovu znatiželju. Svrha takvih jezičnih strategija u reklamama je predstaviti proizvod, probuditi interes za njega i na kraju ga prodati, a isti je cilj televizijskih i radijskih emisija, te je razumljivo da na takve strategije nailazimo i u naslovima tih televizijskih „proizvoda“.

U ovaj su rad uključeni primjeri frazema s numeričkom sastavnicom u nazivima televizijskih i radijskih emisija kod kojih je došlo do transformacije, motivirane sadržajem, temom ili formatom emisije. Takvim se izmijenjenim oblikom frazema postiže originalnost, jedinstvenost i neponovljivost, a time i njegova pamtljivost, jer lakše pamtimo ono što nam je otprije poznato, ali istovremeno neobično i iznenađujuće.

I u bugarskom i u hrvatskom bilježimo velik broj frazema s numeričkom sastavnicom. Brojevi općenito pripadaju najstarijim jezičnim slojevima [7, s. 75] i u svakoj kulturi predstavljaju simboličke znakove, tako da je njihova velika zastupljenost u frazemima očekivana i razumljiva. U oba analizirana jezika nalazimo numeričke frazeme jednake ili slične strukture i jednakoga značenja, primjerice *като две и две четири, као два и два четири* u značenju 'sigurno, pouzdano'; *между (на) четири очи, и четири ока* 'nasamo, bez svjedoka'; *на седмото (деветото) небе съм, бити на седмот (деветом) небу* 'biti vrlo sretan'; *девета рипа на свирали, деветата дунка на кавала* značenja 'sasvim nevažna (nezanimljiva) stvar (osoba)¹. U dijelu frazema sadržane su i neke kulturološke razlike, primjerice, u hrvatskom se jeziku za nešto izvrsno kaže *за пет*, a u bugarskom *всичко е на шест*, jer je u Hrvatskoj pet najviša školska ocjena, a u Bugarskoj – šest. Općenito su zastupljeniji frazemi s jednoznamenkastim brojevima, ali u oba jezika bilježimo i brojeve s više znamenki. U bugarskom su jeziku, primjerice, zastupljeni frazemi sa sastavnicom *деведесет и девет*, navodimo ovdje samo jedan: *докарвам/докарам (донасям/донеса) вода от деветдесет и девет реки* značenja 'skupljati/skupiti dokaze kako bi se *кога* uvjerilo *и што*', dok u hrvatskom bilježimo, na primjer, sastavnicu *двдесет и пет: опалити кому двдесет и пет <по голој>*, koji znači 'izudarati *кога*'. U oba je jezika često naglašavanje, pojačavanje ili pretjerivanje uporabom višeznamenkastih brojeva [usp. 2, s. 93 i 6, s. 615], u hrvatskom su to, primjerice, *бити (наћи се) на сто мукa* značenja 'biti (naći se) u velikoj neprilici, nevolji; *једном у сто година* 'vrlo rijetko', a u bugarskom jeziku *правя от едно сто* 'pretjerivati, pridavati veliko značenje *чему*', *с триста зора* u značenju 'vrlo teško, s velikom mukom'.

Brojevi u nazivima televizijskih i radijskih emisija. U potrazi za televizijskim i radijskim emisijama s numeričkom sastavnicom u nazivu naišli smo na velik broj primjera. Spomenut ćemo samo neke: „8. kat“, „Nedjeljom u 2“, „Studio 45“, „4 zida“, „Večera za 5“, „Peta brzina“, „10 do 8“, „RTL 5 do 5“, „Nad lipom 35“, „Treća dob“, „Drugi format“, „1 protiv 100“ na hrvatskim televizijskim kanalima, te radijske emisije „Deveti krug“, „Cener“, a u Bugarskoj televizijske emisije „В десетката“, „7 въпроса“, „60 секунди“, „Последно десет“, „Третото око“, „На четири очи“, „5 за 4“, „Да ти паднат 100 хиляди“, „10-та степен по Рихтер“ i radijske emisije „Тройка за разсъмване“, „12+3“, „По първи петли“ itd.

U daljnjem ćemo se tekstu podrobnije osvrnuti na dva naziva bugarskih emisija („Трето полувреме“, „Великолепната шесторка“) te tri naziva hrvatskih emisija („Sve u 7“, „Sve u 16 i pol“, „Treće poluvrijeme“), koji sadrže transformaciju numeričkih frazema.

¹ Ovaj frazem bilježimo i s pridjevskom sastavnicom *задња* u hrvatskom, odnosno *последна* u bugarskom, a kako nije riječ o numeričkoj sastavnici izostavljen je iz ovoga rada.

Transformacija frazema *sve u šesnaest*.

Frazem sa sastavnicom *šesnaest* jedini je s tim brojem u prikupljenome korpusu bugarskih i hrvatskim frazema. Zabilježen je u oba hrvatska frazeološka rječnika sa značenjem 'jako, iz sve snage, svom snagom, punim intenzitetom, što je najviše moguće' i riječ je o priložnom frazemu, u kojem se kategorijalno značenje ne poklapa sa strukturnim zamjeničkim. Na internetskim forumima nailazimo na tumačenje da ovaj frazem potječe iz nogometa i odnosi se na šesnaesterac, odnosno kazneni prostor na nogometnom igralištu, koji je najvažniji za odvijanje igre. U hrvatskom se jeziku ustalio i izraz *gužva u šesnaesteru* za nogometnu situaciju kada se veći broj igrača nađe u tom prostoru, a javlja se i u političkom kontekstu. Ipak, frazem *sve u šesnaest* nije motiviran šesnaesterom i nogometom. Prema podacima iz Hrvatskog jezičnog korpusa Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje javlja se u romanima s početka 20. stoljeća (*Uzroci zločina* Josipa Šilovića iz 1913., *Iz kobnih dana: historijski roman* Milana Šenoa iz 1914. te u *Feljtonima i esejima* A. G. Matoša iz 1917). U isto to vrijeme nogomet se pojavio u Hrvatskoj i to zahvaljujući Englezima koji su došli kao stručnjaci za eksploataciju hrastovih šuma i naučili lokalne dječake novoj igri. Prvo izdanje Pravila igre tiskano je 1896. godine, a prvi sportski nogometni klub osnovan je 1903. godine. Prve su utakmice odigrane 1913. godine, sljedeće godine dolaze prvi profesionalni treneri, 1911. je osnovan prvi nogometni klub Hajduk, a Jugoslavenski nogometni savez počinje s radom u Zagrebu 1919. Kako je frazeologizacija prilično dug proces, teško je povjerovati da je frazem, koji je istih tih godina registriran u književnim djelima, potekao iz tada sasvim novog sporta, nogometa. Motivaciju bi trebalo tražiti u simbolici broja šesnaest, za koji Inoslav Bešker [1, s. 191] tvrdi da se kao primjer velikog broja koristio u deseteračkim pjesmama i pričama, i to kao figurativan broj te kaže: „čini mi se da se šesnaest prije nekoliko stoljeća doimao kao veliki broj“.

Za ovaj frazem nalazimo dva primjera transformacije. U programu Radija Sljeme petkom u 16.30 emitira se emisija naziva „Sve u 16 i pol“, u kojoj psihologinja Mirjana Krizmanić govori o životnim temama i problemima te odgovara na pitanja slušatelja. Naziv je motiviran vremenom emitiranja (16 i 30), a emisija je najavljena rečenicom: „O onom o čemu se nigdje ne govori, sve je u šesnaest i pol“. U ovom je slučaju frazem transformiran proširivanjem strukture novim sastavnicama.

Primjer zamjene numeričke sastavnice bilježimo u nazivu popularnog kviza „Sve u 7“, koji se od jeseni 2011. emitira na 1. programu Hrvatske televizije. Ova je frazeološka igra motivirana formatom kviza, koji se sastoji od sedam tema, svaka tema krije jedno pitanje, a sedam točnih odgovora natjecatelju donosi milijun kuna.

Kratko je vrijeme na Hrvatskoj televiziji prikazivana i zabavna emisija „Sve u 16“, s kanonskim oblikom frazema u naslovu, ali u kojem je numerička sastavnica napisana brojkom. Taj je način bilježenja brojeva zastupljen u sva tri primjera, čime se postiže dodatna vizualna ekspresivnost naslova emisija.

Transformacija bugarskih frazema *първо полувреме*, *второ полувреме*, odnosno hrvatskih *prvo poluvrijeme*, *drugo poluvrijeme*. U oba je jezika velik broj frazema koji su iz sportskoga žargona prešli u opći frazeološki fond, a osobito su brojni frazemi koji potječu iz nogometa. Taj je sport Bugarskoj i Hrvatskoj vrlo popularan te se na televiziji i radiju emitiraju emisije posvećene nogometu, osobito u vrijeme prvenstava.

Bugarski frazemi *първо полувреме*, *второ полувреме* i hrvatski *prvo poluvrijeme*, *drugo poluvrijeme* motivirani su podjelom utakmice na dva ravnopravna dijela, a u oba se jezika često koriste i u političkom kontekstu te se odnose na prvi i drugi mandat ili dva kruga (primjerice, predsjedničkih) izbora.

Prvo poluvrijeme izborne rekonstrukcije HDZ-a završeno je u ranim jutarnjim satima ovoga ponedjeljka pobjedom Tomislava Karamarka. Postao je novi predsjednik HDZ-a. *Drugo poluvrijeme* ove izborne utrke očekuje se sredinom sljedeće godine nakon lokalnih izbora.

(nacional.hr, 22.05.2012.)

Ние не правим разлика между кампания за европейски избори и национален парламент, ние провеждаме единна кампания и вървим заедно като екип. Европейските избори са първото полувреме на един важен мач", заяви Любен Корнезов.

(www.bspfs.com, 04.06.2009.)

Иван Тотев: С Райна Петрова и след изборите ще играем **второто полувреме**.

(www.marica.bg, 16.09.2011.)

U zabilježenim su primjerima emisija ostali u okviru sporta: u Bugarskoj su motivirali frazeološku transformaciju u naslovu sportske emisije „Трето полувреме“ na nacionalnoj televiziji. Riječ je o emisiji posvećenoj nogometu, što se samim naslovom aludira, a treće poluvrijeme gledatelji percipiraju kao svojevrsni nastavak utakmice u obliku komentara i analize igre.

Na emisiju istoga naslova – „Трето полувреме“ – nailazimo i u programu hrvatskoga, točnije zadarskoga Novog radija. Naravno, i ova je emisija iste tematike.

Transformacija frazema великоленната седморка. U oba jezika bilježimo frazem koji vodi podrijetlo iz filma; frazemi *sedam (sedmorica) veličanstvenih* u hrvatskom i *великоленната седморка* u bugarskom jeziku u dubinskoj strukturi imaju poznati američki vestern Johna Sturgesa iz 1960. godine „The Magnificent Seven“. Pretraživanjem interneta uočavamo da se može odnositi na skupinu od sedam političara, nogometaša ili pobjednika u kakvom natjecanju, ali i na gradove, restorane ili bilo koji drugi pojam koji se svrstava u sedam najboljih u svojoj kategoriji.

Za ulazak u društvo sedam veličanstvenih, između ostalog, borit će se Istanbul, Pariz, Addis Abeba, Prag i Salzburg, Dublin, Vancouver, Barcelona...

(slobodnadalmacija.hr, 06.01.2012.)

Slovaci su u Kanadi uvjerljivo najslabiji od vječitih sedam veličanstvenih svjetskog hokeja, tako da pobjeda Nijemaca uopće nije iznenađenje.

(Hrvatska jezična riznica)

"Великоленната седморка" тепърва започва своя път към върха, но бившите тенис величия вече са впечатлени от младоците.

(newsmaker.bg, 23.02.2012.)

Великоленната седморка: 7 Плодове и зеленчуци, които пречистват организма.

(belladonna-bg.com, 06.2011)

Do zamjene numeričke sastavnice došlo je u nazivu emisije „Великоленната шесторка“ na bugarskoj televiziji bTV, u kojoj šest bugarskih pjevača i šest poznatih

osoba iz drugih sfera (politike, sporta, medija) u duetu izvodi po jednu pjesmu, dok gledatelji glasaju za najbolju izvedbu. Emisija je humanitarnoga karaktera jer se novac prikupljen pozivima gledatelja donira UNICEF-u za pomoć napuštenoj djeci. Sudjelovanje šest parova (pjevač i poznata osoba) motiviralo je zamjenu numeričke sastavnice, a pridjev *великолепни* odnosi se na njihovu dobrotvornu misiju, čime se aludira na sedmoricu revolveraša iz gore spomenutog vesterna, koji su unajmljeni kako bi od grupe bandita zaštitili malo selo u Meksiku.

Zaključak. U radu su analizirani naslovi televizijskih i radijskih emisija u kojima je kanonski oblik frazeološke jedinice preinačen zamjenom numeričke sastavnice („Sve u 7“, „Великолепната шесторка“, „Трето полувреме“, „Трече poluvrijeme“) ili dodavanjem nove („Sve u 16 i pol“). Transformacija frazema nije slučajna ili nemotivirana, već sasvim suprotno – motivirana i dobro osmišljena od medijskih stručnjaka. Autori naziva televizijskih i radijskih emisija koriste jezične strategije, poput ovdje analiziranih frazeoloških igara, kako bi privukli pažnju recipijenta, što pokazuje njihovu svjesnost o prepoznatljivosti kanonskog oblika frazema i pozitivnoj reakciji primatelja na takvu strategiju.

Literatura

1. Bešker I. Filološke dvoumice / I. Bešker. – Zagreb : Naklada Jesenski i Turk, 2007.
2. Fink Ž. Frazeologizmi s numeričkom komponentom / Ž. Fink // Radovi Zavoda za slavensku filologiju – Zagreb, 1989. – br. 24 – S. 81–95.
3. Fink Ž. Frazeološke igre u reklamama ili misli li četkica za zube svojom glavom / Ž. Fink // Tekst i diskurs / ur M. Andrijašević, L. Zergollern-Miletić – Zagreb, 1997. – S. 325–331.
4. <http://riznica.ihj.hr/>
5. Kovačević B., Mihaljević M. Frazemi u publicističkome funkcionalnom stilu (modifikacija, kontaminacija i transformacija frazeološke strukture / B. Kovačević, M. Mihaljević // Semantika prirodnog jezika i metajezik semantike : zbornik Hrvatskoga društva za primijenjenu lingvistiku / ur. J. Granić – Zagreb, Rijeka, 2005. – S. 393–404.
6. Pintarić N. Brojke kao pragmemi / N. Pintarić // Psiholingvistika i kognitivna znanost u hrvatskoj primijenjenoj lingvistici: zbornik Hrvatskoga društva za primijenjenu lingvistiku / ur. D. Stolac, N. Ivanetić, B. Prichard – Zagreb, Rijeka, 2003. – S. 607–615.
7. Venturin R. Neka zapažanja o frazeologiji s numeričkim članom / R. Venturin // Iz frazeološke problematike / ur A. Menac – Zagreb : Zavod za lingvistiku FF-a, 1980 – S. 72–81.
8. Бонджолова В. Езиковата игра в рекламните текстове / В. Бонджолова // Теме 2/2007 часопис за друштвене науке. – Ниш, април-јун 2007. – бр. 2 Г. XXXI. – С. 401–419.
9. Бонджолова В. Фраzeологията в рекламния текст / В. Бонджолова // Изследвания по фразеология, лексикология и лексикография (В памет на проф. Дфн. Кети Анкова-Ничева). – София : Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2008. С. 142–148.
10. Пенева К. Стилистична функция на фразеологизмите в речта на български журналисти / К. Пенева, С. Ставрева-Доростолска // Научни трудове на Русенския университет. – Русе, 2009. – том 48, серия 6.3. – С. 38–41.

Васунг Ана. Фразеологізми з варіативним числовим компонентом у болгарській і хорватській мовах / Ана Васунг // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 153–158.

У статті проаналізовано приклади фразеологічної гри в назвах болгарських і хорватських радіо- й телепередач, види трансформацій і модифікацій фразеологічних структур та причини подібних мовних стратегій.

Ключові слова: болгарська мова, хорватська мова, фразеологічна гра, телебачення, радіо.

Vasung Ana. Idioms With a Variable Numeric Component in Croatian and Bulgarian language / Ana Vasung // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 153–158.

The works analyses the examples of idioms games from Bulgarian and Croatian tv and radio show headlines, the types of transformation and modification of the phraseological structures, and the motives for such language strategies.

Key words: Bulgarian language, Croatian language, idioms games, television, radio.

Стаття надійшла до редакції 8 березня 2012 року

УДК 8.811.161.1:82/811

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ: СМЕХ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА

Акимова Екатерина

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,

Тула, Россия

Статья посвящена вопросу репрезентации «смешного» посредством фразеологических единиц в романах Александра Проханова как одному из способов раскрытия характерных особенностей идиостиля писателя.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразема, комическое, смех, юмор, ирония, сатира, язык, идиостиль.

Иностранцев приводит в изумление насмешливый характер русского человека, способность русских к самоиронии и веселая бесшабашность в отчаянных положениях. Смех – не только суть человеческого мировоззрения, но и характерная черта русской ментальности. Склонность русских к шутке в самом серьезном деле отмечалась многократно, но только русские писатели, по наблюдению В. В. Колесова, отмечают, что «юмор есть признак таланта» (Михаил Пришвин), что «без юмора нет ума» (Дмитрий Лихачев), что «смех есть наименьшая единица освобождения» (Татьяна Горичева), да и вообще «без смешного не бывает и жизни» (Федор Достоевский), потому что без шутки ни говорить, ни писать нельзя (Алексей Хомяков). Благоговение перед высоким и насмешка над пошлым и низким идут рядом, заметил Николай Гоголь, и эта особенность русского характера весьма заметна. Бытие и быт сплетаются в общую нить жизни именно в момент, когда делают выбор между ними там, где и возникает ирония: «где ум живет не в ладу с сердцем» (Георгий Федотов). На смех надо осмелиться, нужно посметь осмеять. Историки культуры утверждают, что смех коррелирует страха [5].

По замечанию В. Т. Бондаренко, «смеховая культура русской фразеологии исследована незаслуженно мало» [2, с. 75]. Особого внимания следует уделить вопросу репрезентации смеха языковыми средствами в идиостиле отдельного писателя. Объектом нашего рассмотрения стали фразеологизмы, имеющие коммуникативно-прагматическую целеустановку на создание комического эффекта, в романах Александра Проханова.

По В. Т. Бондаренко, одним из структурных видов шутливых фразеологизмов, построенных на смысловом контрасте двух частей по аналогичному типу, являются субстантивные фраземы [2, с. 76]. В романе Проханова «Последний солдат империи» в речи Истукана, обращенной к Меченому, содержится пример трансформации субстантивной фраземы *профессор кислых щей*: «Ты уйдешь со всех

постов!.. Добровольно!.. У тебя больше нет власти!.. Силловые министерства я замкнул на себя!.. С Америкой я договорился сам, и они тебя больше не примут!.. Через два дня я запрещу Компартию!.. Через три месяца распушу Союз!.. Ты будешь президент кислых щей!..» [13, с. 491]. Замена лексемы профессор на президент приближает шутовское содержание фраземы к сатирическому: речь идет о наблевшем вопросе – переходе государственной власти от одного человека к другому.

Кроме фразем, к шутовым фразеологизмам относятся крылатые выражения, пословицы и поговорки. Яркий пример находим в романе «Крейсерова соната», в котором представлено подобие столкновения агентов спецподразделения и людей «со свалки», одним из которых является некто Иван Иванович: *«Сотни помидоров красными комочками полетели навстречу незваным пришельцам, попадали им в голову, расплющивались на шляпах, залепляли пистолетные стволы и ресницы глаза... Вдогонку им (агентам – Е. А.) полетел старый футбольный мяч, начиненный взрывчаткой, который лопнул над убегающими пыльным, трескучим взрывом. – Псы-рыцари!.. – презрительно произнес Иван Иванович. – **Кто с мячом к нам придет, от мяча и погибнет!**..» [12, с. 445]. Легко угадывается крылатая фраза *Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет.**

В устах героя «Крейсеровой сонаты» крылатая фраза претерпевает трансформацию – замену компонента *меч* на *мяч*, которые в формах творительного и родительного падежей, фонетически перестают дифференцироваться (содержат гласную фонему в слабой позиции). Игра слов в данном случае представляет собой пример лексического варьирования, основанного на омонимии отдельных грамматических форм.

Ярким примером создания каламбура в романе «Крейсерова соната», «любимой прохановской работе из „галлюцинаторных“, „сделанных в босхианской эстетике“» [4, с. 617] служит «смешение» существительного *грех* и сходной с ним по звучанию фамилии известного политика. *«На кафедре находился Министр экономики со странной фамилией Грех, которую он при знакомствах произносил с самоиронией, тут же прибавляя: «Грех первородный», – чем вызывал неизменные улыбки знакомцев» [12, с. 203].*

В «галлюцинаторных» романах Проханова одним из главных становится мотив всеобщего помешательства, коллективного «схождения с ума». Именно такая картина представлена в эпизоде, когда Роткопф лишает электричества один за другим регионы России, в том числе, и Москву. *«Погасла карта вокруг столицы, а вместе с картой погасли кремлевские звезды, (<...> потухли телеэкраны, и на них как духи растворились одесские юмористы, что вызвало шок у москвичей. Тысячами люди повалили на улицу, на горбатый мостик, с гневными политическими лозунгами: «Жванецкого в Президенты!», «Патриарх, заступись за Карцева!», «Задорнов, будь задорней!», «И смех, и Грех!». Здесь имелся в виду Министр экономики, обещавший гражданам смех по льготным тарифам» [12, с. 220]. Если в первых трех лозунгах (так же представляющих собой примеры языковой игры) звучат фамилии подлинных юмористов, то в последнем, представляющем собой русскую поговорку, – явное обращение к политическому деятелю. Такой «набор»*

лозунгов свидетельствует об ироничном отношении писателя к определенным «народным избранникам».

Обращаясь к диахроническому аспекту комического в языке, В. В. Колесов пишет, что «в древности смех рождается в словесной игре: скоморох балагурит, «говорит-сказывает», юродивый прорицает в слове, мудрый советник изрекает неожиданное. Неожиданность слова, непредсказуемость дела вызывают смех. Основной источник смеха не действие, а слово. Слово, которое вызывает энергию действия» [5]. Иллюстрацией к такому «балагурству» может служить другой пример из того же «Теплохода»: «– Да это только начало! – с энтузиазмом воскликнули усы Михалкова, которые, едва отошел капитан Яким, заняли свое место рядом с Есаулом. – Сбывается замечательный „Национальный проект“, задуманный Никитой Сергеевичем. Сам он сейчас на съемке автобиографического фильма „Севильный цирюльник“, он бы лучше вам рассказал. Но я кое-что знаю. Желаете, расскажу? – Усы Михалкова смотрели на Есаула выпуклыми глазами беспардонного плута и весельчака» [14, с. 376]. В речи героя наблюдаем смешение названий оперы Россини «Севильский цирюльник» и кинофильма Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник» способствует созданию ситуации «смех ради смеха». Важно заметить, что речь идет именно о «прохановском» юморе, своеобразии которого подтверждается уже тем, что смешное рассматривается в контексте такого гротескного жанра, как памфлет, где художественные образы людей подобны уродливым отражениям в кривых зеркалах, а значит, юмор как добродушный смех связан в идиостиле Проханова с иронией и сатирой.

В уже упомянутой выше «увертюре, посвященной собственно катастрофе „Курска“» [4, с. 599] – романе-трагифарсе «Крейсерова соната», во время концерта на сцену «...выскочили страшные полуголые мужики... Самый громадный из них с португеей на голом торсе, с бобриком, то и дело хватаясь за маузер, пугающе громко запел: **Комбат-маманя, маманя-комбат!**...» [12, с. 475]. В примере лексического варьирования фразы легко узнаются слова известной популярной песни группы «Любэ». Если целью такой трансформации можно считать создание просто смешной ситуации, то подобные изменения в словах русской народной песни в «Теплоходе „Иосиф Бродский“» уже далеки от добродушного юмора: «*Во поле ракетушка стояла, / Во поле бесхозная стояла. / Люли, люли, стояла, / Люли, люли, стояла...* <...> *Некому ракету снаряжать, / Некому родную запускать, / Люли, люли, снаряжать, / Люли, люли, запускать...* <...> *Уж как мы ракету задолбаем, / Уж как мы родную заламаем, / Люли, люли, задолбаем, / Люли, люли, заламаем...*» [14, с. 241–242]. Песенные строки сменяют картины разработки и внедрения «широкой программы ликвидации ракетно-ядерного потенциала России» [там же]. Замена целых групп лексических компонентов в тексте русской народной песни «Во поле береза стояла...» способствует реализации яркого приема иронии по отношению к лжеправителям, превращающим «ядерной державу» «в „страну березового ситца“, как писал великий русский поэт Есенин» [там же].

Средством создания комического является часто отступление от языковой нормы, приводящее к намеренному нарушению словообразовательного стандарта. Так, в романе «Господин Гексоген» наблюдаем иллюстрацию нарушения принятого

словообразования имени царицы Семирамиды, супруги ассирийского царя Шамши-Адада V, правившей в Вавилоне после смерти мужа в 810 – 782 гг. до н. э.: «...*Мэр соорудил через Москву-реку магистральный бетонный мост, а старый, облицованный камнем, из утомленной от времени узорной стали, передвинул на новое место, к Нескучному саду... Подарил его москвичам как стеклянную, переброшенную через реку галерею, из которой открывался великолепный вид на воду.* <...> *Стеклянная галерея напоминала ботанический сад из-за обилия экзотических пальм, араукарий, лавров, магнолий... Проходящая мимо Белосельцева знаменитая актриса громко, желая привлечь внимание, произнесла: – **Висячие сады Се-МЭР-амиды!** – и в ответ ей, дымя сигаретой, засмеялся известный парламентарий»* [10, с. 507]. Комический эффект усиливается с помощью «буквенной» языковой игры: графическое внутрисловное выделение слова-морфемы *мэр* нарушает общепринятое правило написания имени царицы, поскольку языковая игра строится по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений.

Рассмотренный пример может служить иллюстрацией к позиции В. И. Шаховского, исследовавшего социолингвистическую проблему связи языка и общества, о том, что «языковая игра является социальным инструментом, поскольку посредством её возможно сознательное моделирование определённых эмоций в извечной оппозиции «мы» (народ) и «они» (управленческие правительственные структуры). Языковая игра всегда заметна в коммуникативных ситуациях, так как она всегда экспрессивна и прагматична. Языковая игра – всегда изобретение новых или замена старых знаков языка, иное употребление, отклонение от формальных» [17, с. 4]. Примечательно, что оппозиция народа и правительственных структур принципиально важна для Проханова, который, по замечанию Владимира Личутина, «может быть, <...> излишне сильно ударился в политику, но ему это, видимо, необходимо. Писательство и политика у Проханова крепко взаимосвязаны. Был бы он домоседом, далёким от жизни государственной, то не был бы он таким ярким и сочным писателем» [7, с. 2]. Своеобразной кульминации игра слов как «социальный инструмент» достигает при создании Прохановым целой галереи портретов политических деятелей: «*Доклад «слабовиков» внезапным и не совсем обычным образом прервала дама, **Министр социальной беззащитности, нежности и любви...** **Министр неполного образования** не мог отмолчаться и произнес: «Многие знания умножают скорбь», – при этом достал из коробка заранее припасенного клопика и незаметно посадил за ворот **Министру путей разобщения. Министр бескультурья и материцины** заметил проделку соседа, но не выдал его... **Министр финансов и романсов** попытался рассказать, как ему, переодетому в стриптиз-жокея, удалось отсрочить выплату долгов «Парижскому ночному клубу»... **Министр разоружений** самозабвенно танцевал дефиле, крутясь на загипсованной ноге. **Министр катастроф и паводков** рассек целлофановый мешок и выпустил дым сгоревшей тайги в нос **Министра путей разобщения**, от чего тот разом обмяк. **Министр бескультурья и материцины** старательно писал на стене слово из трех букв. **Министр болезней и эпидемий** вел непрерывные споры, в том числе и споры сибирской язвы* [12, с. 358–359]. Комический эффект в

приведенном контексте достигается посредством языковой игры, создаваемой различными способами. Так, *Министр социальной защиты* превращается в *Министра социальной незащитности* на основе антонимичных отношений *защита – незащитность* (как отсутствие возможности обеспечить защиту кому-либо), что способствует созданию картины состояния абсурда или «помешательства», о котором говорилось выше. Ту же функцию выполняет замена компонента *сообщение* на *разобщение* в должности *Министра путей сообщений* и трансформация *вооружения* в *разоружение* в словосочетании *Министр вооружения*. Заметим, что во всех приведенных примерах наибольшей семантической нагрузкой обладают приставки с семантикой «отсутствие чего-либо». Поэтому и *Министр культуры* превращается в *Министра бескультурия*, что девуалирует позицию писателя по отношению к культурному уровню современного общества. В образе *Министра неполного образования* не только угадывается намек писателя на настоящего Министра образования (прилагательное *неполное* несет уточняющее значение), но и легко понять прохановскую оценку его некомпетентным действиям в образовательной сфере.

Интересен процесс образования словосочетания *Министр финансов и романсов*: хорошо известно выражение *Финансы поют романсы* в значении – «о безденежье: с деньгами худо или их нет или их не хватает» [9, с. 853]. Фраза имеет отношение к «тому, у кого сложилась подобная ситуация, как говорится, самому и не до песен, и не до стихов» [6]. Известно и выражение с другим компонентным составом: *Авансы поют романсы* – о полном отсутствии денег и невозможности их одолжить где-либо [8, с. 12]. Художественно созданная писателем должность становится «намеком» на соответствующий уровень финансовой стабильности.

Как справедливо заметил В. З. Санников, «в „каламбурной упаковке“ грубая непристойность становится допустимой шалостью, старомодная назидательность – мудростью, тривиальность – любопытным соображением и, наконец, откровенная чушь – загадочным глубокомыслием» [15, с. 59]. Так, существительное *смех* на месте прежних компонентов – *свет* (в названии телепередачи «Вокруг света») и *слово* (в библейской крылатой фразе) раскрывает мотив всеобщего помешательства, коллективного «схождения с ума», так часто встречающийся в «галлюцинаторных» романах Проханова: «*В машине с цистерной на табло загорелась надпись: „Вокруг смеха“... Газ из цистерны под мощным давлением хлынул в вентиляционный люк. <...> Модельер и Счастливчик наблюдали по телевизору воздействие на людей веселящего газа. И если Счастливчик от ужаса закрывал глаза руками и горестно вскрикивал, то Модельер победно вскакивал, подносил к алым разгоряченным губам стакан с чинзано, приговаривая: – В начале всего был смех, и смех был у бога, и смехом был бог» [12, с. 546]. Трансформация компонентного состава в широко известной строке из Нового Завета «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», а именно – превращение существительного «Слово» в «смех» – приводит к явлению, которое сам Проханов именуется «метафизической работой, в которой исчезает обнаженная, голая политика, она закрыта этими разноцветными оболочками, кабелями, она вся сверкает, и весь роман похож на такую елку новогоднюю...» [4, с. 617]. Эффект языковой игры, далеко не комический,*

переходящий к сарказму, отражает обесценивание духовного начала в обществе и усиливается при упоминанию крылатой фразы библейского происхождения. Подобное обесценивание духовного вообще характерно для «галлюцинаторных» романов Проханова [там же]. На основе игры слов происходит трансформация часто повторяемой фразы «такова воля Господа» в разговоре политиков о кандидате в президенты: *«Но уж видно, **такова воля Госдепа**, если он поддерживают кандидатуру Аркадия Трофимовича»* [14, с. 156].

В художественном мире Проханова мэр *Юрий Долгоухий* становится не просто комическим образом, но жалким, горьким подобием великого князя (*«Мэр Юрий Долгоухий стянул замшевое кепи, и его смуглые кудри рассыпались за спиной, придавая сходство с благородным рыцарем»* [14, с. 91]), а фраза героя Достоевского о красоте, которая «спасет мир», представляется в самых немислимых вариантах, неизбежно вызывающих у читателя горький смех (*«– Не правда ли, председатель Совбеза Крышайло похож на крысу? – шутил один юморист. – **Крысота спасет мир**, – со смехом отвечал другой»* [12, с. 83], *«Глава Министерства Внутренних Делишек носил прозвище Крыша, ибо постоянно повторял на коллегии министерства: „**Крышата спасет мир**”»* [12, с. 356], *«Мэр был лыс, и это давало повод любившим его повторять: „**Лысота спасет мир**”* [12, с. 318]).

Наконец, ещё один из видов смеха в идиостиле Проханова связан с фраземой *волчья улыбка*. Известно, что улыбка – «мимическое движение лица, губ, глаз, показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие или насмешку и другие чувства» [9, с. 832]. В связи с обозначенным выше фразеологизмом вспомним поэтические строки В. С. Высоцкого из стихотворения «Конец „Охоты на волков” или Охота с вертолетов»: *«Улыбнемся же **волчьей улыбкой** врагу – / Псам еще не намылены холки! / Но – на татуированном кровью снегу / Наша роспись: мы больше не волки!»* [3, с. 74] или из прозы В. П. Астафьева «Улыбка волчицы»: *«Зубы ее (волчицы – Е. А.) снова оголились... и снова волной жалости омыло сердце человека. Но меж оголившись, острых, еще молодых зубов волчицы багровела поедь. На серых волосьях вокруг хваткого рта, хищно заваливающегося в углах, смешанная с дикой пеной, желтела застывшая мокрота. <...> И на каждом заостренном кончике волоса ягодкой алела капля крови, отчего серая морда выглядела алчно, и притворно притухшие глаза не могли ее загасить. Лукавое собачье притворство плохо давалось беспощадному зверю. Карпо Верстюк и в самом деле был человеком чувствительным, слезливым от прожитых лет и потерь, от расслабляющего действия киноискусства. Но перед ним юлил хвостом, лицемерил враг, и он приставил карабин к плечу...»* [1, с. 9]. В данном эпизоде дается своеобразная исчерпывающая характеристика *волчьей улыбки*. В. В. Колесов, говоря о смешном в языке, вспоминает о таком выражении, как «кричать (во всю пасть)», что сохранилось только в древнейших текстах; похритати – «насмехаться с презрением»; охрита, похрита – «насмешка, позор»... как в образе у Константина Бальмонта: *«Зубы-то оскалил, будто сме-ех одоле-ел!»*, *«И волк зубоскалит, да не смеется»*, и потому Георгий Федотов заметил, что глумление смех, который убивает прежде всего самого смеющегося. Это смех отрицательный, злобный. Его избегали» [5]. Этими словами и раскрывается суть *волчьей улыбки* героев

Проханова, у которого рассматриваемая фразема связана именно с образом человека, а не животного, приобретая тем самым метафорическое значение: «У светофора рядом с ним остановилась вишневая "мицубиси", шофер опустил стекло, ссытал пепел сигареты, посмотрел на него, раскрывая в медленной **волчьей улыбке** золотозубый оскал» [10, с. 311] или «Есаул улыбнулся длинной **волчьей улыбкой**, обнажив крепко посаженные белые зубы. Скосил глаза на пурпурное пятно, неотвратимо...» [14, с. 312].

Таким образом, смех, репрезентируемый средствами фразеологии, в романах Александра Проханова способствует раскрытию писательского замысла и индивидуально-авторской картины мира. Такие фразеологические единицы, наделенные преимущественно ироническим и сатирическим содержанием, участвуют в создании системы художественных образов прохановских героев и антигероев, представляющих в своем взаимоотношении противопоставление должного, по мысли писателя, и существующего человеческого мира.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Улыбка волчицы / В. П. Астафьев. – М., 1975.
2. Бондаренко В. Т. О смеховой функции русской фразеологии / В. Т. Бондаренко // Русский язык в школе. 2001. – № 3. – С. 74–76.
3. Высоцкий В. С. Избранное / В. С. Высоцкий. – М., 1989.
4. Данилкин Л. Человек с яйцом: Жизнь и мнения Александра Проханова. – М., 2007.
5. Колесов В. В. Смех и горе. Русская ментальность в языке и в тексте / В. В. Колесов // Режим доступа: http://allstude.ru/Literatura_i_russkiiy_yazyk
6. Кузмич В. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии. – Зеленый век, 2000.
7. Литературная газета, №8, 22.02.2008.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М., 2007.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова – С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 2005.
10. Проханов А. А. Господин Гексоген. Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 6. – М., 2010.
11. Проханов А. А. Идущие в ночи. Роман. / А. А. Проханов. – М., 2008.
12. Проханов А. А. Крейсера соната. Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 8. – М., 2010.
13. Проханов А. А. Последний солдат империи. Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 4. – М., 2010.
14. Проханов А. А. Теплоход «Иосиф Бродский». Роман / А. А. Проханов // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 9. – М., 2010.
15. Санников В. З. Каламбур как семантический феномен / В. З. Санников // Вопросы языкознания. – № 3. – 1995. – С. 59.
16. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru>
17. СимUTOва О. П. Языковая игра в словообразовании (на материале немецкого и русского языков): Автореф. дисс. ... на соискание ученой степени канд. фил. наук / О. П. СимUTOва. – Уфа, 2008.

Акимова Катерина. До питання про мовну гру: сміх у фразеології Олександра Проханова / Катерина Акимова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 159–166.

Стаття присвячена питанню репрезентації «смішного» через посередництво фразеологічних одиниць у романах Олександра Проханова. Описано характерні засоби розкриття особливостей ідіостилю письменника.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, фразема, комічне, сміх, гумор, іронія, сатира, мова, ідіостиль.

Ekaterina Akimova. To the Question of the Language Game: Laughter in Alexander Prokhanov's Phraseology / Akimova Ekaterina // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 159–166.

Article is devoted to a question of presentation of «ridiculous» by means of phraseological units in Alexander Prokhanov's novels as to one of ways of disclosing of prominent features of the writer's individual style.

Key words: phraseological unit, idiom, comic, laughter, humour, irony, satire, language, ideal style.

Стаття надійшла до редакції 29 квітня 2012 року

УДК 811.161.1'76:82

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ В ДИСКУРСЕ Л. ТОЛСТОГО

Архангельская Юлия

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,

Тула, Россия

В статье анализируются разные типы трансформаций фразеологических единиц, которые способствуют выражению иронии в дискурсе Л. Н. Толстого. Индивидуально-авторские варианты фразеологических единиц взяты из текстов писателя различной жанровой и стилистической принадлежности.

Ключевые слова: окказиональные преобразования фразеологизмов, семантическое варьирование, формально-семантические трансформации, структурное варьирование, фразеологическое новаторство Толстого.

Проблеме варьирования фразеологических единиц (далее ФЕ) посвящено в последние годы большое количество исследований, что является свидетельством многочисленных нерешенных вопросов в этой области фразеологии. Трансформация фразеологизмов может затрагивать как план содержания (семантическое варьирование), так и план выражения (формально-семантическое, структурное варьирование) [1, с. 17–35].

Цель данной работы – проанализировать окказиональные варианты фразеологических единиц обоих типов, которые выражают иронию в текстах Л. Н. Толстого различной жанровой и стилистической принадлежности.

Под семантическим варьированием во фразеологии традиционно понимают либо полисемию ФЕ, либо эврисемию (широкозначность), либо оттенки значения вариантов. Не претендуя на выявление границ между данными явлениями, остановимся на некоторых разновидностях толстовского окказионального преобразования семантики ФЕ, не связанных с изменениями плана выражения. С. О. Карцевский справедливо отмечал: «...Мы постоянно транспонируем, употребляем переносно семантическую ценность знака. Но мы начинаем замечать это только тогда, когда разрыв между «адекватной» (обычной) и случайной ценностью знака достаточно велик, чтобы произвести на нас впечатление» [2, с. 88].

Среди окказиональных вариантов ФЕ, в которых трансформации подвергается только план содержания, наиболее часто встречается индивидуально-авторская конкретизация значения не всей ФЕ, а отдельных ее компонентов, происходящая под влиянием контекста и достигающаяся в текстах Толстого различными способами. Одним из приемов является распространение компонентного состава фразеологической единицы словами, уточняющими семантику ФЕ. Этот прием основан «на использовании механизма относительной проницаемости

фразеологизма, а именно на возможности реализации в тексте синтаксической валентности одной из лексем в его составе» [3, с. 139]. Например, желая подчеркнуть, что работа над статьей “Тулон” идет медленно и непродуктивно, Толстой пишет: “Я все *толку воду в Тулонской ступе*” (Письмо Е. И. Попову, т. 67, с. 31). Ср.: *толочь воду в ступе* (‘заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время’ – ФСРЯ). В приведенном контексте слово «*Тулонской*» конкретизирует семантику отдельного компонента, при этом как бы внедряясь внутрь ФЕ, разрывая ее компонентное единство. Такая трансформация ФЕ помогает Толстому выразить самоиронию.

В других случаях в текстах Л. Н. Толстого компонентное единство ФЕ формально не нарушается, в контексте используется инвариант фразеологизма, но семантические изменения затрагивают внутреннюю форму ФЕ (образно-мотивационный компонент значения). Это случаи так называемой двойной актуализации ФЕ. Например, ФЕ *собак гонять* имеет узуальное значение ‘болтаться без дела, бездельничать’ (ФСРЯ), однако в следующем контексте из романа «Война и мир» наряду с фразеологическим значением актуализируется прямой план данной ФЕ: «Ты что, старый греховодник, – обратилась она к графу, целовавшему ее руку, – чай, скучаешь в Москве? *Собак гонять* негде?» («Война и мир»; т. I, ч. I, гл. XV). Граф Ростов был страстным охотником (охота с гончими и борзыми подробно описана в романе), и реплика Марьи Дмитриевны воспринимается как ироничный намек на это его увлечение.

Анализ окказиональных семантических вариантов ФЕ в текстах Л. Н. Толстого обнаруживает, что каждая единица выполняет, как правило, несколько связанных между собой функций, обусловленных как типом самого изменения (какой компонент значения варьирует), так и причиной (причинами) трансформации значения, а также особенностями включения ФЕ в контекст (например, содержится ли единица в речи персонажа или характеризует слова автора). В качестве иллюстрации приведем полифункциональную ФЕ *хлеб-соль* из рассказа «Севастополь в августе 1855 года». Толстой, рассказывая о начале штурма бастиона французами, описывает, как французы приближались, а в блиндаже «*солдаты довольно спокойно застегивали шинели и вылезали один за другим; один даже – кажется, Мельников – шутливо сказал: – Выходи с хлебом-солью, ребята!*» (т. 4, с. 79). В приведенном контексте ФЕ *хлеб-соль* претерпевает окказиональную семантическую трансформацию: обозначает не «пожелание приятного, хорошего аппетита тому, кого застали за едой» (ФСРЯ), а отпор врагу с помощью картечи и т. п. Авторский семантический вариант ФЕ *хлеб-соль* выполняет в тексте несколько функций: во-первых, выражает иронию, которая и дает основания для обнаружения у ФЕ противоположного смысла, что лежит в основе данного средства выразительности речи; во-вторых, выступает как средство создания экспрессии и образности (употребление в указанном выше контексте создает возможность возникновения в сознании читателя ассоциативной связи с древним образом битвы как пира; такая метафора в развернутом виде встречается еще в «Слове о полку Игореве»); в-третьих, вложенная автором в уста персонажа реплика, содержащая ФЕ, служит для характеристики душевного состояния солдат перед сражением: их

спокойствия, уверенности в себе, стремления не терять бодрости духа, их любви к шутке.

Типология варьирования плана выражения ФЕ разрабатывалась многими исследователями. Обычно выделяются следующие типы варьирования формы: фонетическое, словообразовательное, морфологическое, лексическое, структурное. Окаzionaliальные модификации подобного типа у Л. Н. Толстого часто выражают иронию, что указывает на желание автора усилить отрицательную оценку за счет введения компонента, аксиологически более категоричного, чем узуальный. Например, подобную интенсификацию отрицательной оценки получает окаzionaliальный вариант *бабьи бредни* по сравнению с узуальным *бабьи сказки* при сохранении понятийного тождества ФЕ ('вымысел, выдумки, небылицы' – ФСРЯ): «*Пьер доказывал, что придет время, когда не будет больше войны. Старый князь, подтрунивая, но не сердясь, оспаривал его.*

– *Кровь из жил выпусти, воды налей, тогда войны не будет. Бабьи бредни, бабьи бредни, – проговорил он...*» («Война и мир»; т. 10, с. 123).

Иногда русский компонент в составе ФЕ Толстой меняет на нетранслитерированный французский. При условии, что инвариант является исконно русским, такая мена приводит к комическому эффекту в результате обманутого ожидания. Такой трансформации подвергается, например, ФЕ *показать кузькину мать* в письме Л. Толстого брату С. Н. Толстому (письмо относится ко времени участия писателя в обороне Севастополя): «*В январе опять была тасовка офицеров, и меня перевели в батарею, которая стояла на горах в 10 в. от Севастополя на Бельбеке. Там j'ai fait á la connaissance de la mere de Кузьма [дословно: я познакомился с матерью Кузьмы (фр.)], самый гадкий кружок полячишек в батарее, командир, хотя и доброе, но сальное, грубое создание, никаких удобств, холод в землянках. Ни одной книги, ни одного человека, с которым бы можно поговорить*» (от 3 июля 1855 г.). Необходимо отметить, что в данном контексте помимо лексической мены компонентов ФЕ, происходит конверсия ситуации (*показать кузькину мать* – *познакомиться с кузькиной матерью*), что также способствует выражению самоиронии. Таким образом, индивидуально-авторские варианты данного типа при сохранении общего семантического тождества могут различаться коннотативными компонентами в своем значении.

Известная пословица *Бог даст день, бог даст и пищу* также выступает как объект авторского варьирования: «*Не скучай ты, голубушка, об Иване и не тревожь себя мыслями. Дал Бог ребеночка, даст ему и пищу*» (Письмо С. А. Толстой; т. 84, с. 42). Эти слова являются ответом на следующую фразу из письма С. А. Толстой: «*Иван худ и плохо поправляется, и меня это тревожит*» (там же). Речь здесь идет о маленьком сыне Толстых, и необходимость прямого обозначения актанта ситуации приводит к лексической мене компонента ФЕ, основанной на отношении денотации [3], что дает возможность «привязать» содержание пословицы к конкретной ситуации. При этом происходит актуализация значения ФЕ, возможность ее буквального прочтения, чему способствует также введение во вторую часть местоимения *ему*.

Субституции на основе денотации в текстах Толстого чаще всего выполняют функцию уточнения и конкретизации содержания выражения, а также помогают писателю выразить иронию, а вместе с ней дать отрицательную оценку изображаемому: «**Поэтам этим имя легион**» («Что такое искусство?»; т. 30, с. 93) (ср.: *Имя им легион*); «**Добродетели никто не любит; она всем глаза колет**» («Война и мир»; т. 10, с. 93) (Ср.: *Правда глаза колет*); «**Эти новые метлы не чище, а дольше метут**» («Воскресение»; т. 32, с. 70) (Ср.: *Новая метла чисто метет*). *На обухе хлеба молотить* вместо *на обухе рожь молотить* ('прибегать к самым крайним мерам, делать все, чтобы обогатиться' – ФСРЯ): «– **Немец на обухе молотит хлеба...**, – перекладывая янтарь на другую сторону рта, сказал Шиншин и подмигнул графу» («Война и мир»; т. 9, с. 71). Однако, анализируя подобные трансформации, которые можно охарактеризовать как формально-семантические, поскольку они затрагивают как форму, так и значение ФЕ, следует иметь в виду, что «при конкретизации и видоизменении в речи денотативного содержания сохраняется сигнификативное ядро фразеологического значения, обеспечивающее его тождество в различных употреблениях» [4, с. 57].

Под структурным варьированием во фразеологии понимают трансформации ФЕ, связанные с их синтаксическим устройством, которые обычно заключаются в «морфолого-словообразовательном преобразовании компонентов, добавлении или опущении отдельных структурных элементов, перераспределении синтагматических связей внутри фразы, изменении порядка следования компонентов» [3, с. 107–108]. К структурным преобразованиям, в частности, относят преобразование устойчивых фраз (фразеологических единиц, построенных по модели предложения) по линии утверждения – отрицания, что нередко сопровождается у Толстого лексической субституцией на основе денотации: «**Вашу бочку меда мне не испортит ложка Голохвостовых, а их я легче перенесу**» (Письмо Н. Н. Страхову от 6.12.1876, т. 62, с. 294) – П. Д. и О. А. Голохвостовы пробыли у Толстых с 28.12. по 8.01.1876 (ср.: *Ложка дегтя портит бочку меда*). Подобные мены в текстах Л. Н. Толстого чаще всего выполняют функцию уточнения и конкретизации содержания единицы, кроме того, позволяют сделать высказывание более лаконичным, а также нередко (как в данном контексте) служат средством выражения авторской иронии и оценки.

К структурному варьированию во фразеологии относят также трансформации двусоставных устойчивых фраз в субстантивные конструкции: *На воре шапка горит* → *горящая на воре шапка*. Например: «**И меня всегда радует вид горящих шапок как на консерваторах православных, так и на вольнодумных либералах**» (Письмо В. В. Стасову, т. 67, с. 216). В данном случае структурное варьирование осложняется лексической меной компонентов (*на воре* – *на консерваторах православных, на вольнодумных либералах*). *Ложка дегтя губит бочку меду* → *ложка дегтя, губящая бочку меда*: «**Суеверия – это те же ложки дегтя, губящие бочки меду, и их нельзя не ненавидеть или, по крайней мере, не смеяться над ними**» (Письмо Н. П. Вагнеру от 25.03.1890, т. 65, с. 59). В последнем примере наряду со структурным варьированием наблюдается окказиональное грамматическое преобразование (единственное число меняется на множественное).

Выражению иронии у Толстого нередко способствует такая синтаксическая трансформация фразеологизма, при которой происходит вычленение лексического фрагмента из состава устойчивой фразы. При этом «вариант, выделяемый из состава фразы, не воплощает в себе целостную семантику всей ФЕ, а передает лишь одно из понятий (смыслов), входящее в пропозитивное содержание ФЕ или тесно связанное с ним» [3, с. 136]. Например, *Встречают по платью, провожают по уму* («по внешности, по первому впечатлению судят только вначале; чтобы правильно оценить человека, необходимо узнать, понять его») → *встречать по платью* («судить о человеке по первому впечатлению»): «Еще новость, что Толстые все приехали, и в гостинице Рим (на Тверской) их, благодаря их полушубкам, **встречают по платьям**» (Письмо М. Л. Толстой от 9.02.1889, т. 64, с. 220).

Наиболее ярко фразеологическое новаторство Толстого при использовании пословиц и поговорок проявляется в тех случаях, когда писатель, беря за основу какую-либо единицу, образует по ее модели собственное, часто афористичное выражение, заменяя все компоненты исходной единицы, что «резко сказывается на семантической характеристике новообразования» [3, с. 79].

Подобные видоизменения пословиц, стоящие на грани фразообразования, нередко сопровождаются и другими модификациями, например, лексической меной компонента на основе антонимии, а также варьированием по линии утверждения – отрицания, как в следующем отрывке из письма А. А. Толстой: «Я ему сказал: *“Женитесь. Не в обиду вам будь сказано, я опытом убедился, что человек неженатый до конца дней мальчишка. Новый свет открывается женатому”*. Вот он и женился. Теперь я готов бежать за ним и кричать: я не то, совсем не то говорил. Для счастья и для нравственности жизни нужна плоть и кровь. **Ум хорошо, а два лучше**, говорит пословица; а я говорю: **одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине, а другая в панталонах, еще хуже**» (Письмо А. А. Толстой от 27.11.1865; т. 61, с. 121). Эти слова представляют собой реакцию на известие о том, что А. Ф. Тютчева вышла замуж за И. С. Аксакова, и выражают уже не иронию, а сарказм, являясь завершением следующего контекста: «...Брак А. Тютчевой с Аксаковым поразил меня, как одно из самых странных психологических явлений. Я думаю, что ежели от них родится плод мужеского рода, то это будет тропарь или кондак, а ежели женского рода, то российская мысль, а может быть, родится существо среднего рода – воззвание или т. п. Как их будут венчать? и где? В скиту? в Грановитой палате или в Софийском соборе в Царьграде? Прежде венчания они должны будут трижды надеть мурмолку и, протянув руки на сочинения Хомякова, при всех депутатах от славянских земель произнести клятву на славянском языке» (там же). Толстой высмеивает истовое православие славянофила Аксакова, иронизирует по поводу его пристрастия к допетровской боярской Руси. Образ «души в кринолине» возникает еще два раза в том же письме, причем оба раза с лексической меной компонентов: **разум в кринолине** и **душа в саже** (*sage* в переводе с французского – кринолин). Во-первых, таким образом Толстой еще раз дает отрицательную ироническую оценку А. Тютчевой, о которой он пишет так: «Ежели бы в самом деле могла быть **душа** или, скорее, **разум в кринолине**, тогда бы все было прекрасно; но, к несчастью, в

душе этой было настолько земного лимона (*limon*), что она пошла за Аксакова» (там же). Во-вторых, обращаясь к своему адресату, Александре Андреевне Толстой, Лев Николаевич говорит ей о том, что она выгодно отличается от А. Тютчевой, на место которой (воспитательницы великой княжны Марии Александровны) она поступает: «*Что вы умная, образованная и добрая женщина, это знают другие; я знаю то, что, кроме всего этого, вы, противно вашей предшественнице, не одна душа в cage, а в вас плоть и кровь – в вас были, есть и будут людские страсти*» (там же).

Таким образом, анализируя индивидуально-авторские варианты ФЕ в дискурсе Л. Н. Толстого, можно прийти к выводу, что хотя типы их весьма разнообразны, но все подобные преобразования выполняют определенные функции, которые сводятся к следующему. Автор, трансформируя ФЕ, получает возможность уточнить, конкретизировать содержание единицы, актуализировать отдельные компоненты значения, усилить воздействие на читателя, добиваясь интенсификации оценки или экспрессии; по-своему расставить смысловые акценты, иногда постулируя как жизненный принцип значение, противоположное тому, которое заложено в инварианте; усилить аргументацию и облегчить проведение аналогий; кроме того, окказиональное изменение ФЕ в дискурсе Л. Н. Толстого нередко приводит к созданию комического эффекта, позволяет выразить иронию, а иногда – самоиронию.

Список литературы

1. Бондаренко В. Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу / В. Т. Бондаренко // Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 1995.
2. Карцевский С. О. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М. : Просвещение, 1965. – С. 85–90.
3. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Словарь. – М. : Русские словари, 1997.
4. Мелерович А. М. О некоторых закономерностях реализации в тексте семантической структуры фразеологических единиц // Фразеологическая номинация. Особенности семантики фразеологизмов / А. М. Мелерович // Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д : РГПИ, 1989. – С. 56–64.

Архангельська Юлія. Трансформація фразеологічних одиниць як засіб вираження іронії в дискурсі Л. Толстого / Юлія Архангельська // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 167–173.

У статті проаналізовано різноманітні типи трансформацій фразеологічних одиниць, що сприяють вираженню іронії в дискурсі Л. М. Толстого. Індивідуально-авторські варіанти фразеологічних одиниць узяті з текстів письменника різної жанрової та стилістичної приналежності.

Ключові слова: окказиональні перетворення фразеологізмів, семантичне варіювання, формально-семантичні трансформації, структурне варіювання, фразеологічне новаторство Толстого.

Arkhangelska Julia. Transformation of Phraseological Units as a Means of Expression Irony in the L. Tolstoy's Discourse / Julia Arkhangelska // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 167–173.

In the article several types of transformation of phraseological units are under analysis, that contribute expression of irony to the discourse of L. N. Tolstoy. Individual author's variants of phraseological units are taken from the writer's texts of different genres and styles.

Key words: occasional transformation of phraseological units, semantic variation, formal semantic transformations, structural variation, phraseological innovation of Tolstoy.

Стаття надійшла до редакції 17 травня 2012 року

УДК 811.161.1:398

РУССКАЯ ПАРЕМИКА В ЗЕРКАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИГРЫ

Бочина Татьяна

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Россия

Статья посвящена загадкам-перевёртышам, созданным на основе прецедентных единиц путем замены слов. В результате сопоставления интернет-игр «Антифразы» и «Бред профессора» выявлены их общие и различные характеристики. Сделан вывод о значимости корпуса данных загадок для формирования паремиологического минимума современного носителя русского языка.

Ключевые слова: языковая игра, интернет, загадка, антифраза, бред профессора, прецедентная единица, контраст.

Актуальность исследования русских пословиц и поговорок через призму популярных интернет-игр мотивируется как возросшим интересом лингвистов к феномену языковой игры [3, с. 3], так и высокой активностью процессов трансформирования прецедентных текстов в интернет-пространстве. Популярность в интернет-дискурсе «пословичного стёба» отражает широкомасштабную распространенность оспаривания прецедентных текстов не только в России, но и во многих странах Европы и в США [9; 10]. На многих развлекательных сайтах «человек играющий» реализует свои потребности в речетворческой семиотической деятельности путем аллюзивной переработки образцов народной мудрости, эпонимов, других прецедентных феноменов.

Целью статьи является выявление общих и специфических характеристик интернет-загадок, созданных путем трансформации пословиц и поговорок, других прецедентных единиц. Достижению данной цели способствует решение следующих задач: сопоставить правила и условия реализации изучаемых игр; классифицировать исходные для аллюзий прототипы; показать преемственность традиций смеховой культуры в современных трансформах.

Объектом наблюдений в данной статье послужили две интернет-игры, основанные на «зашифровывании» – «расшифровывании» известных изречений, которые получили названия «Антифразы» и «Бред профессора». Суть первой заключается в том, что одни пользователи заменяют все слова в прецедентном тексте на противоположные (контрастные) для того, чтобы другие участники игры отгадали исходную фразу: *Медленнее идёшь – ближе подойдёшь (Тише едешь – дальше будешь); Обжорство не дядька (Голод не тётка); В шумных горах умерли ангелы (В тихом омуте черти водятся); Безделье бесконечно, грусть мгновенна (Делу время, потехе час); Познав глубины, кидайся в пламя (Не зная броду, не суйся в воду)*. Правила второй головоломки предусматривают замену всех слов в пословице или поговорке на научнообразные определения, в результате чего

получается псевдонаучный «бред профессора», который нужно разгадать, т. е. восстановить изначальный вид высказывания: *Неполное соответствие окружающей среды празднику Солнца у языческих народов Древней Руси для самца млекопитающего семейства кошачьих (Не все коту масленица); Способность живого организма переносить болевые ощущения и прочие раздражители в совокупности с процессом производства товаров и услуг позволяют привести окружающее пространство в порошкообразное состояние (Терпенье и труд все перетрут); Некоторые последствия остеохондроза успешно компенсируются в процессе ритуального погребения пациента (Горбатого могила исправит).*

Данные игры, по признанию портала Грамота.ру, относятся к числу наиболее популярных застольных языковых игр и, как другие игры со словами, выполняют ряд важных функций: «повышают словарный запас игроков, расширяют их эрудицию и кругозор, повышают грамотность, тренируют память и сообразительность, развивают логику и ассоциативность мышления, учат правильно выбирать стратегию и тактику общения» [11].

Как известно, любые игры характеризует набор таких признаков, как наличие участников игры, игрового материала, правил игры, известных всем участникам, а также поведение игроков, соответствующее условиям игры. Сопоставим перечисленные компоненты у изучаемых игр. Во-первых, благодаря всемирной сети и игра в антифразы, и «бред профессора» имеют массовый характер и огромное число участников. Об их масштабах красноречиво свидетельствуют результаты поиска на ключевые слова в Yandex, Rambler, Google и других системах, измеряемые десятками тысяч.

Во-вторых, в качестве игрового материала, т. е. языковых средств, используемых адресантом и воспринимаемых адресатом речи, в обеих играх выступают прецедентные единицы, на которые распространяется закон карнализации ценностей (по М. М. Бахтину), «состоящий в том, что сакральное переворачивается в профанное через осмеяние» [5, с. 310]. Признано, что «профанизация сакрального есть подтверждение его значимости. Иначе говоря, если некоторая идея не переживается, то она становится малозначимой, не актуальной для общества. <...> осмеяние является наиболее естественной формой проверки жизненности той или иной официальной идеи или ценности» [Там же]. Таким образом, трансформирование общеизвестных речений с целью образования загадок актуализирует в языковом сознании новых поколений старую мудрость; антифразы-перевертыши и научнообразные шифровки не просто искажают известные фразы, а играют с их формой и пытаются по-новому осмыслить традиционное авторитетное знание. Тем самым прецедентная единица развивается, обогащается новой семантикой, иначе говоря, продолжает жить и выполнять социальную функцию, сохраняя единый фонд знаний лингвокультурного сообщества.

В то же время, репертуар прецедентных единиц, используемых для перифразирования в «Антифразах» и «Бреде профессора», имеет существенные отличия. Научнообразные переделки создаются преимущественно на основе законченных высказываний, имеющих форму предложения: *Освобождение*

субъектом транспортного средства является фактором, снижающим нагрузку на тягловое животное (*Баба с возу – кобыле легче*); Утверждение о неизмеримости временного континуума с точки зрения субъектов, находящихся на высшей фазе эмоционального подъема (*Счастливые часов не наблюдают*); Особь женского пола с популярным греческим именем является направленным потоком фотонов в государстве с монопольным управлением, передающимся в порядке наследования с пониженной среднегодовой освещенностью (*Катерина – луч света в темном царстве*). Значительно реже прототипами для «брета» выступают прецедентные единицы, имеющие форму словосочетания: *Некоторые аспекты поведения человека, напоминающие таковые у определенных домашних животных в условиях нахождения последних на стеблях злаковых растений, высушенных естественным образом (Собака на сене)*; *Склеенные между собой листы луценого шпона, вторгающиеся в воздушное пространство одного из крупнейших мегаполисов мира (Как фанера над Парижем)*.

Антифразы весьма разнообразны по объему и структуре исходного прототипа – от однословных перевертышей до сложно-синтаксических целых и текстов. С одной стороны, однословные имена собственные *Гулливер (Дюймовочка)*, марки автомобилей *Запорожец (Мерседес)*, названия музыкальных коллективов *Ростки (Корни)* и т. п., обилие переделанных словосочетаний (в основном, названий песен, литературных произведений, фильмов, торговых марок и т. п.): *Материк удачи (Остров невезения)*, *Ржавый замочек (Золотой ключик)*, *Развод около Рябиновки (Свадьба в Малиновке)*. С другой стороны, переделке подвергаются куплеты, и целые поэтические тексты. К примеру, есть сайты, посетители которых специализируются на анти-трансформации произведений русской поэзии XX века, эстрадных, авторских либо рок-песен.

Однако основным материалом для языковой игры и в антифразах, и в «бреде профессора» являются пословицы и поговорки – ядро общенародного фонда мудрости.

Наличие фонда общих знаний производителя и получателя речи – пресуппозиции – является важнейшим условием языковой игры, определяющим поведение игроков. Другие условия изучаемых игр определяются особенностями форума как специфического формата интернет-общения: пошаговым режимом и асинхронностью сообщений; он-лайн-коммуникацией большого количества пользователей, географически удаленных друг от друга; возможностью как длительного обдумывания сообщений (в том числе более суток), так и быстрого реагирования на реплики собеседников; сохранением заданных пользователями тем в течение продолжительного времени и при этом вероятностью постоянного подключения к игре новых участников со своими темами и загадками. Все это обеспечивает накал соревновательного духа интернет-игр, которые могут продолжаться с перерывами длительное время, их высокий креативный потенциал. При этом пользователи свободно меняют игровые амплуа, поочередно выступая в роли авторов загадок и отгадчиков.

Современная форма игр «Антифразы» и «Бред профессора», использующая новые информационные технологии, сочетается с древнейшими традициями,

приемами и механизмами комической эстетики. Уже в древнерусском юморе – балагурстве – значительную долю составлял смех «лингвистический» [6, с. 21], языковая игра, разрушающая значение слов. Другой линией неканонического употребления языковых единиц являлось так называемое женское говорение клюками (загадками, обиняками) [4, с. 100]. В русском смеховом антимире, мире «наничном», вывернутом наизнанку [6], основным принципом народной комики являлась перверсия (от латинского *perversio* «извращение») [термин в: 8, с. 88–89]: *Готово: кони на козлах и хомуты на кучерах*. Перверсивный принцип фольклора, когда все перевернуто, поставлено с ног на голову, был развит в иронических паремиях, в которых положительное выдается за отрицательное: *Не найдет свинья грязь! Вот горе, что горевать не по чем*, а отрицательное – за положительное: *Верь волчьим слезам! Овсянке на радость кукушка яичко снесла*.

В иронической паремии экспрессивно-ироническое слово выражает смысл, антонимичный (контрастный) общепринятому значению: *Житьё хорошее: семерых в один кафтан согнали* ('плохое'); *Деревня большая: четыре двора, восемь улиц* ('маленькая'); *Разговорчив, как устрица* ('молчалив'); *Прям, как дуга* ('крив') и т. п. [о лингвокогнитивных особенностях иронической паремии см.: 2, с. 22–77]. Таким образом, для иронического высказывания характерна высокая степень контраста планов выражения и содержания ключевой лексемы. При этом говорящий сначала зашифровывает действительное содержание, используя с этой целью экспрессивно-ироническую единицу (своего рода тайнопись), а затем раскрывает в тексте истинное содержание иронизма. Вместе с тем очевидно, что «комический подтекст эффективен только при наличии соответствующих фоновых знаний у реципиента» [7, с. 47]. Так, для адекватного понимания иронического высказывания *Курыне – те же дворяне, лишь капуста в бороде* требуются знания о том, что борода – характерный атрибут, а капуста – типичная пища крестьян, а не дворян.

Загадка-антифраза также создается путем кодирования – мены всех слов высказывания на контрастные по значению, при этом в полном соответствии с жанром загадки в перевертыше (в отличие от иронической паремии) нет прямых указаний на истинное содержание – отгадку-прототип. Коммуникативную состоятельность антифраз, под которой понимается их принципиальная разгадываемость членами своего социума, обеспечивает известность загаданной фразы всем участникам игры и развитость их ассоциативного мышления.

Безусловно, что «срабатыванию» ассоциативных связей способствует универсальность лингвокогнитивного принципа контраста, на котором базируются и антифразы, и традиционные паремии. Игроки в антифразы, создавая свои загадки, пользуются тем же языковым инвентарем, который был отшлифован в пословицах и поговорках. В интернет-перевертышах, как и в традиционных паремиях, используются не только антонимы: *Глазами старца молчит ложь (Устами младенца глаголет истина)*, но и семантически неоднородные оппозиции: *Бишкек одним махом разгромили (Москва не сразу строилась)*, грамматически неоднородные оппозиции: *Усердно трудясь, загубишь всю рыбу в океане (Без труда не вынешь и рыбку из пруда)*, стилистически неоднородные оппозиции: *Мужик на шаттл - двигателю шаттла тяжелее (Баба с возу – кобыле легче)*,

оппозиции положительного и отрицательного глаголов: *Питер доверяет хохоту (Москва слезам не верит)*, согипонимы: *Муж как перчатка, на ногу не оденешь (Жена не рукавица, с руки не сбросишь)* и другие окказиональные антонимы. Кроме того нередко в антифразах употребляются традиционные для русской лингвокультуры оппозиции типа *мед – деготь, лес – поле, вода – огонь, колыбель – могила, заяц – волк, кошка – собака, лисица – ворона* и др.: *Где из поля, где на углях (Кто в лес – кто по дрова)*; *Отдохнет заяц да из равнины прибежит (Работа – не волк, в лес не убежит)*; *У собаки сплошной пост (Не все коту масленица)*.

Лингвокогнитивный принцип контраста является основным и для языковой игры «Бред профессора», правда, в ней контраст загадки-трансформа и отгадки-прототипа уже не смысловой, как в антифразах, а стилистический. Авторы псевдонаучных загадок, с одной стороны, разрушают общепринятую форму прецедентных единиц, «переводя» ее в научный регистр, а с другой, воспроизводят лингвистические каноны научного стиля речи: обилие терминов, отглагольных существительных, невербальных знаков, цепочек родительных падежей, уточняющих конструкций и т. п.: *Идеальное высшее существо теистских религий осуществляет маркировку дефектной особи (Бог шельму метит)*; *С отсутствием целесообразной деятельности человека или работы, требующей напряжения, считается невозможным заниматься поимкой водного позвоночного животного, дышащего жабрами, в искусственном водоеме с обычной площадью не боле 5 кв. км. (Без труда не вытащишь рыбку из пруда)*.

Итак, сопоставительный анализ интернет-игр «Антифразы» и «Бред профессора» выявил общее и различное в этих языковых играх. К алломорфным чертам относятся следующие: загадки создаются путем трансформации прецедентных единиц; наиболее активно в качестве игрового материала используются пословицы и поговорки; шифрование исходного текста основывается на принципе контраста; обе игры носят массовый характер, в связи с чем ее результаты представляют репрезентативную базу для научных исследований. Изоморфные характеристики: прототипами для антифраз выступают разножанровые и разноструктурные прецедентные единицы – однословные номинации, словосочетания, высказывания, стихотворные строфы и песенные куплеты, поэтические тексты, в то время как бред профессора составляют переделки прецедентных феноменов, имеющих, как правило, форму предложения, реже – сочетания слов; текстообразующим принципом антифразовых загадок является лексико-семантический контраст, а бреда профессора – контраст стилистический.

Интернет-игры «Антифразы» и «Бред профессора» предоставляют лингвистам богатый материал для изучения новой жизни известных образцов русской лингвокультуры, для подтверждения актуальности для сознания современных носителей языка тех или иных концептов и культурных констант. Наиболее перспективным видится сопоставление корпуса интернет-загадок с их прототипами: показателен сам выбор исходной единицы для перифразирования, который свидетельствует о жизненности того или иного прецедентного высказывания. Особенно доказательна актуальность тех выражений, на основе которых были созданы многочисленные синонимические ряды загадок [1]. Статистический анализ

коллекции Интернет-загадок позволит сформировать паремиологический минимум современного носителя русского языка.

Список литературы

1. Бочина Т. Г. Семантическое пространство интернет-игры в антифразы / Т. Г. Бочина // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153, кн. 6. – С. 140–149.
2. Бочина Т. Г., Залялова Р. Р. Серьёзное в смешном / Т. Г. Бочина, Р. Р. Залялова. – Казань : ТГГПУ, 2008. – 208 с.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : УрГПУ, 1996. – 215 с.
4. Демин А. С. О художественности древнерусской литературы / А. С. Демин. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 848 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. – Л. : Наука, 1984. – 295 с.
7. Чернобров А. А. Теория имени: язык – философия – культура. Философские и логико-методические основы теории номинации / А. А. Чернобров. – Новосибирск : НГПУ, 1999. – 210 с.
8. Чуковский К. Маленькие дети. Детский язык. Экикики. Лепые нелепицы / К. Чуковский. – Л. : Изд-во «Красная газета», 1928. – 96 с.
9. Mieder W. Verdrehte Weisheiten: Antisredensarten aus Literatur und Medien / W. Mieder. – Weisbaden : Quelle & Meyer, 1998. – 396 s.
10. Walter H., Mokienko V. Wörterbuch russischerr Anti-Sprichwörter: Lehrmaterial für Studenten der Slawistik / H. Walter, V. Mokienko. – Greifswald, 2002. – 153 s.
11. <http://tools.litopt.ru/igra/table/>.

Бочина Татьяна. Російська пареміка в дзеркалі інтернет-гри / Татьяна Бочина // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 174–179.

Стаття присвячена загадкам-перевертням, створеним на основі прецедентних одиниць шляхом заміни слів. У результаті зіставлення інтернет-ігор «Антифразы» та «Бред профессора» виявлені їхні спільні й відмінні характеристики. Зроблено висновок про значимість корпусу аналізованих загадок для формування паремиологічного мінімуму сучасного носія російської мови.

Ключові слова: мовна гра, інтернет, загадка, антифраза, «бред профессора», прецедентна одиниця, контраст.

Bochina Tatiana. Russian Paremiology in the Mirror of the Internet Game / Tatiana Bochina // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 174–179.

The paper is devoted to the inversion-riddles, based on precedent units, by replacing the constituent words. As a result of comparison of Internet games "Anti-phrases" and «Professor's Nonsense» their universal and differential characteristics are revealed. The conclusion is drawn on the importance of these riddles for the formation of the paremiological minimum of the current native speaker of Russian.

Key words: the language game, the Internet, riddle, anti-phrases, professor's nonsense, precedent phenomenon, contrast.

Стаття надійшла до редакції 5 липня 2012 року

УДК 811.161.2'373

**ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК «УЧАСТНИК» ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ТЕКСТАХ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Дидковская Виктория

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,

Великий Новгород, Россия

В статье анализируются основные приемы игрового использования фразеологизмов в текстах современной массовой литературы как отражение основных процессов, характеризующих функционирование русского языка нового времени.

Ключевые слова: массовая литература, языковая игра, фразеологизм, трансформация.

В лингвистической литературе термин *языковая игра* наполняется разным содержанием. В наиболее общем виде языковую игру определяют как «творческое (нестандартное) использование языковых средств, отступление от нормы, четко осознаваемое говорящим (пишущим) и намеренно допускаемое» [5, с. 207]. В основе языковой игры лежит стремление достичь определенного стилистического эффекта, поиск новых средств выражения, новой образности. Кроме того, игровая природа языкотворчества проявляется в стремлении говорящего (пишущего) развлечь себя и собеседника (читателя), получить «удовольствие от текста» [1, с. 470]. Сегодня процесс получения удовольствия от текста в большей степени связан именно с текстами массовой литературы, не требующей от читателя навыков медленного чтения, активной мыслительной работы, обширных культурных знаний [12, с. 133]. Из многочисленных определений массовой литературы выбираем следующее: это высокотехнологичный синтез искусства и бизнеса, возникающий вследствие все более глубокой интеграции культуры и искусства в рыночные отношения. Ее специфическими чертами, в числе прочих, являются ориентированность на массового читателя, что имеет следствием занимательный характер массовой литературы; переосмысление традиционной поэтики, результатом чего явились «вторичные» условные правила, по которым ведется «игра» с читателем и др. [4, с. 50–51].

Одно из первых мест в корпусе массовой литературы принадлежит детективу. Приоритетность детективного жанра по-разному оценивается исследователями современной беллетристики: тон этих оценок варьируется от «горько-иронического» («детективизация» всей страны, форма психотеррора, инструмент давления на общество; см.: [4, с. 181]) до сдержанно-аналитического. Так, анализируя векторы развития женского детектива, М. А. Черняк отмечает, что популярность детектива обусловлена объективными причинами, а именно тем, что он стал жанром, «наиболее оперативно ответившим на вызов времени – попытку

осмысления современной эпохи», с помощью которого «русская литература начала 1990-х нашла свой путь «к народу» [12, с. 179]. Разноречивость оценок современного детектива связана с разнокачественностью самих детективных романов. Если часть из них безусловно относится к разряду «детективного чтения», то произведения Б. Акунина, Д. Донцовой, Д. Корецкого, А. Марининой, Т. Устиновой и др. уже стали классикой отечественного детектива. Их авторы хотя и являются деятелями «транзитивного типа», то есть Пишущими, по определению Р. Барта, но в их деятельности по производству детективных текстов ремесло одушевляется интеллектом, а «чем выше интеллект Пишущего, <...> тем меньше расстояние, отделяющее его от Писателя» [4, с. 19]. Интересно отметить, что создатели современных детективов стремятся соотнести свои тексты с произведениями детективной классики, включая имена их авторов и героев в свои тексты. Дело оказалось сложнее, чем Сергей предполагал поначалу. Кажется, именно так и бывает с классическими сыщиками из детектива. Сначала они уверены, что дело не стоит выеденного яйца: *«Это дело на одну трубку, Ватсон»*. Потом они «заходят в тупик»: *«Никогда в жизни у меня не было такого сложного дела, Ватсон»*. Потом они начинают «приближаться к разгадке»: *«В темноте забрезжил свет, Ватсон»* (Т. Устинова, «Развод и девичья фамилия»). Для таких авторов слово служит не только средством достижения цели (производство очередного текста), но и объектом творческой деятельности; ее основу составляет «традиционный и естественный интерес говорящего к собственному языку как к инструменту общения и самовыражения» [11, с. 237].

Следует отметить, что хотя современный отечественный детектив как жанр массовой литературы внутренне неоднороден, однако все его «варианты» (исторический, политический, иронический, шпионский детектив, детектив-мелодрама и др.) в равной мере рассчитаны на удовлетворение потребительских ожиданий массового читателя, мотивированы привычными для него способами общения с текстом. Читатель современного детектива стремится получить удовольствие, разгадывая сюжетные хитросплетения романа, или, как пишет У. Эко, «погружаясь в игру, фрагменты и правила которой ему хорошо знакомы». Поэтому интерес говорящего (в нашем случае Пишущего) к слову ограничен возможностями массового читателя, который стремится получить информацию, «считать код» без особых психоэмоциональных затрат со своей стороны.

Языковая игра как осознанное, намеренное нарушение нормы в специальных коммуникативных или художественных целях позволяет создателям детективных текстов реализовать свою авторскую индивидуальность, ощутить себя «мастерами слова», оставаясь в границах языковой компетенции массовой читательской аудитории. В этом отношении фразеология предоставляет обширный материал для языкотворчества, что вполне объяснимо как образной природой фразеологизмов, так и их принадлежностью к общенациональному языковому фонду, единицы которого усваиваются носителями русского языка естественным путем и используются ими в разных формах коммуникации. Поэтому преобразования фразеологизмов, связанные с формой, значением, коннотативными и культурными компонентами их содержания, опознаются и осознаются читателями и, как

правило, достигают того коммуникативного и стилистического эффекта, на который были рассчитаны. Заметим, что у некоторых авторов языковая игра осуществляется преимущественно как «игра с фразеологизмами» и выступает главным средством дискурсивизации текста [2, с. 15].

Фразеологическая игра во всем разнообразии ее приемов используется в детективных романах Т. Устиновой, где она становится «рабочим приемом» приближения письменного модуса дискурса к устному, создает «эффект устности», живой беседы между автором и адресатом текста. Такое использование фразеологизмов соответствует ориентации современной беллетристики на «разговорность» и активизации в литературном нарративе нетрадиционных способов повествования [6, с. 110]. Эти новые качества прозы в свою очередь обусловлены основными факторами, определившими функционирование русского языка нашего времени, в числе которых усиление личностного начала в речи; расширение сферы спонтанного общения; изменение важных параметров протекания устных форм массовой коммуникации; стремление выработать новые средства выражения, новые формы образности [9, с. 12–14].

Поиск новых языковых форм, создающих эффект спонтанной, не скованной правилами, экспрессивной современной речи приводит к «окказионализации» фразеологизмов [10, с. 20], основанной на различных трансформациях. Так, в текстах романов Т. Устиновой представлены почти все приемы их окказионального преобразования, первое место среди которых, безусловно, занимают трансформации общезыковой формы (изменения в компонентном составе фразеологизмов, объединение нескольких единиц, сокращение компонентного состава и др.): *как Мамай проскакал* (как Мамай прошел, воевал), *к гадалке не ходи* (к бабке не ходи), *как бычок на веревочке* (ср. пословицу Быть бычку на веревочке), *втюхаться в историю* (попасть, влипнуть в историю), *не понимать антимоний* (разводить антимоний), *обходить острые углы и подводные камни* и др. Такой прием, как образование окказионального фразеологизма по общезыковой модели, обновляет и «оживляет» в тексте малоэкспрессивные обороты *под носом* (у кого) и *на глазах* (у кого): Аркадий Воздвиженский подхватил Машу под локоток и поволок ее к французскому окну, за которым скучал милиционер <...> в фуражке с высокой тульей, но перед самым выходом на лужайку писатель затормозил. Говорить *под самыми ушами* милиционера было дико («Саквояж со светлым будущим»); Он пошел в гостиную, чтобы не звонить из кухни на глазах у Валентины. *Нет, не на глазах. На ухах*, точнее будет («Развод и девичья фамилия»). Другие внешние трансформации фразеологизмов, например, изменение нормативной сочетаемости, обновляют и усиливают коннотативный компонент их семантики: У меня все болит, – пожаловался он, – все кости ноют! ... Я не хочу вставать! Я устал, как сапожник! Я вымотался! Может человек устать, в конце концов?! («Закон обратного волшебства»). Присутствующая в языковой памяти читателя модель лексической сочетаемости этого оборота (*пьян, напился как сапожник*) окрашивает речь персонажа в комические тона и в то же время программирует иронически-пренебрежительную оценку его читателем.

В некоторых случаях преобразования фразеологизмов, связанные с актуализацией синтаксической формы, приводят к буквализации их прочтения в тексте. Это создает экспрессию живого говорения в ситуации, когда собеседники следуют каждый своей коммуникативной тактике: Тебе нужно заниматься своим здоровьем, – сообщила Мика, – серьезно! Ну что это такое, ты же молодой, не пьешь, а *на тебе лица нет!* – А что на мне есть? – И щека! Что у тебя со щекой? – Шел, упал, очнулся – закрытый перелом, – сказал Илья Решетников и потрогал щеку («Закон обратного волшебства»); У меня есть свежий чай, только что заварила. Выпейте чашечку. <...> Когда усталость *берет свое*... – *Мое* усталость не берет, – пробормотала Кира, – я железная («Развод и девичья фамилия»). Такая трансформация фразеологизмов является не просто их окказиональной перестройкой, но особым приемом языковой игры, направленной на то, «чтобы не быть скучным, усилить непринужденность общения, развлечь себя и собеседника, а для этого выразиться необычно» [8, с. 174].

Игровой, шуточный характер использования фразеологизмов постоянно подчеркивает и сама Устинова, сопровождая необычные контексты их использования, особенно в диалогах, авторскими указаниями на «несерьезность» речевых интенций персонажей: Здесь все участки старые, но не такие огромные. Почему он такой огромный? – Потому что дед был академик. Академикам нужно много гулять. Они *работают головой*, а голову нужно иногда *проветривать*. – Это что, – спросила Лиза подозрительно. – *Шутка?* – Это чистая правда, – сказал он совершенно серьезно... («Олигарх с Большой Медведицы»); Он сказал, – выпалила Маша, и Родионов остановился, не донеся до рта кружку, – что вы не должны ехать в Киев. Что вы должны остаться в Москве, иначе будут вам *полные вилы*. – Как же вилы? – удивился Родионов. – Раньше ты говорила – вроде *грабли!* – Вот вы *шутите*, Дмитрий Андреевич, а на самом деле... («Саквояж со светлым будущим»). Шуточное переосмысление фразеологизмов, должно, по замыслу автора, создать эффект современной речи, с ее раскованностью, ироничностью, смешением стилей: Родионов пожал плечами. *Чем дальше в лес*, подумалось ему, *тем больше дров*. Нет, не так. *Чем дальше в лес, тем яснее пень*, так будет *по-современному* («Саквояж со светлым будущим»).

Такого рода острословие как «одна из двух стихий языковой игры», которую отличают необычность, образность, экспрессивность передачи содержания, широко используется в анализируемых текстах, можно сказать, является характерной чертой индивидуального стиля Устиновой. Так, например, в ее романах встречается такая редкая в детективах форма языковой игры с участием фразеологизмов (рассчитанная совсем не на среднего читателя), как каламбур, возникающий на основе омонимического столкновения реального (прямого или образного) и фразеологического значения одного и того же сочетания слов: Максим подумал и быстро перезвонил своим, чтобы *«пробили» номер*, и через полчаса ему сообщили, что *номера*, определившегося в Катином телефоне, не существует. <...> Максим поблагодарил и повесил трубку. *Вот так номер*, – сказал он сам себе задумчиво («Отель последней надежды»); Присутствующие от рома и виски отказались, ибо голова должна быть трезвой, сердце спокойным, а руки ... впрочем, руки значения

не имеют. Феликс Эдмундович Дзержинский, придумавший эти самые сердца, руки и головы, может *спать спокойно* («Саквояж со светлым будущим»).

Разновидностью фразеологического каламбура является включение в текст слов, тематически сближенных с компонентами фразеологизма, а затем столкновение прототипического словосочетания с собственно фразеологическим оборотом, как, например, в такой цепочке: «Искра» – *игра с огнем* – *пожар* – *играть с огнем*: Почему Бауман? – Ну, не знаю. Он вроде все эту «Искру» перевозил! Ну вот. В подполе был печатный станок, а через подземный ход они уходили, когда наезжал урядник. – Во всем этом нет ничего смешного, – отчеканила Марфа Васильевна <...> Потом прищурилась и посмотрела на дым. – Решительно ничего, моя дорогая. Все это очень и очень печально. *Игры с огнем никогда не кончатся ничем, кроме пожара*. Они очень увлеклись, *играя с огнем* («Закон обратного волшебства»).

Для стиля Т. Устиновой характерен и такой прием игрового использования фразеологизмов, как конструирование текста из его компонентов. Фразеологизм деформируется, разделяется на части, которые начинают «жить отдельной жизнью», однако фоновые знания, хранящиеся в культурной памяти адресатов текста, помогают им восстановить фразеологический подтекст и, включившись в языковую игру, предложенную автором, получить удовольствие от ее разгадывания. Так, в следующем фрагменте легко «прочитывается» оборот *желтая пресса*: Газета была как *газета*, и даже первый лист ее источал непередаваемый, насыщенный *лимонно-желтый цвет*. На фотографии, которая производила впечатление черно-белой, но раскрашенной красками, как флаг в фильме Сергея Эйзенштейна «Броненосец Потемкин», изображались две полуобнаженные красотки («Саквояж со светлым будущим»). Сложнее расшифровать фразеологизм *как угорелая кошка (бегать, метаться)* во фрагменте «Привычка осталась с давних времен, когда отец однажды запер в машине кошку Машу. Дело было летом. Машина стояла на солнышке, и до самого вечера все время от времени рассеянно говорили друг другу, что надо бы посмотреть, где это *кошка* так орет. Потом догадались, Машу извлекли почти *угоревшую* и долго откачивали, отчего она стала похожа на мокрого крысеныша, и утешали, и извинялись» («Олигарх с Большой Медведицы»). Вероятно, это можно объяснить тем, что в данном случае использование фразеологизма ни стилистически, ни семантически не нагружено, а отражает желание автора пошутить, поиграть словами [8, с. 206].

Таким образом, использование фразеологизмов в текстах романов Т. Устиновой отражает общие особенности языка современной беллетристики, обусловленные следованием языковому вкусу эпохи, который выражается в стремлении к свободе выражения, к обновлению культурно-речевых образцов, к карнавализации языка. «В качестве общей тенденции карнавалыных перемен выступает смешение или даже снятие границы между отдельными сферами общения. <...> Важнейшим следствием смешения стилистических пластов языка становится прозрачность границы между книжно-письменным и разговорно-устным общением...» [3, с. 24]. Именно эта тенденция к дискурсивизации книжных текстов, которая в частности отражена в стремлении авторов произведений массовой

літератури писати «и о серьезном несерьезно», определяет разные формы «игры с фразеологизмами».

Список литературы

1. Барт Р. Удовольствие от текста // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Сост. и общ. ред. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Белова В. М. Дискурсивные слова в мемуарах монтажного типа: семантика, функции, прагматика: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 “Русский язык ” / Валентина Михайловна Белова. – Вологда, 2011. – 23 с.
3. Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г. Особенности понимания современного русского текста / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. статей в честь проф. С. Г. Ильенко. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. – С. 23–28.
4. Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России: [сб. науч. статей / Сост. И. Л. Савкина, М. А. Черняк] – СПб.: СПГУТД, 2009. – 336 с.
5. Ляпидовская М. Е. Языковая игра в антропонимике Н. С. Лескова / М. Е. Ляпидовская // Слово. Словарь. Словесность: социокультурные координаты (к 100-летию со дня рождения Н. П. Гринковой). – СПб. : Изд-во «САГА», 2006. – С. 207–211.
6. Нецименко Г. И. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 110–178.
7. Плеханова Л. П. Языковая игра и проблемы коммуникативной грамотности / Л. П. Плеханова // Слово. Словарь. Словесность: Экология языка (к 250-летию со дня рождения А. С. Шишкова). – СПб. : Изд-во «САГА», 2005. – С. 110–112.
8. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. / Отв. ред. Е. А. Земская. – М. : «Наука», 1983. – 238 с.
9. Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995): [сб. науч. трудов / Институт русского языка РАН]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 487 с.
10. Третьякова И. Ю. Оказиональная фразеология / И. Ю. Третьякова. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 290 с.
11. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. – 272 с.
12. Черняк М. А. Феномен массовой литературы / М. А. Черняк. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 308 с.

Дідковська Вікторія. Фразеологізм як «учасник» мовної гри в текстах сучасної літератури / Вікторія Дідковська // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 180–186.

У статті здійснено аналіз явища мовної гри, репрезентованої різними трансформаціями фразеологічних одиниць у літературному тексті. Представлено відбиття активних процесів у сучасній російській мові.

Ключові слова: масова література, мовна гра, фразеологізм, трансформація.

Didkovskaya Victoria. Phraseological Unit as “A Member” of Linguistic Game in the Texts of Modern Literature / Victoria Didkovskaya // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 180–186.

The present article is devoted to the analysis of the phenomenon of linguistic game presented by the difference transformations of phraseological units in modern literature.

Key words: mass literature, linguistic game, phraseological unit, transformation.

Стаття надійшла до редакції 4 травня 2012 року

УДК 81'373.7:81'42

**ДИСКУРСИВНО-РАНГОВІ ОСОБЛИВОСТІ ФРАЗЕМ
У ДИСКУРСИВНИХ ПРАКТИКАХ: ТИПОЛОГІЙНІ ВИЯВИ
ФРАЗЕМНИХ ІГРОВИХ НАЧАЛ**

Краснобаєва-Чорна Жанна

Донецький національний університет,

Донецьк, Україна

У статті встановлено вияв моделювальної діяльності дискурсивної рефлексії у фразеології. Окреслено інвентар прийомів мовної гри, репрезентованої фразеологізмами, в дискурсі. Розглянуто специфіку смислового розгортання деяких типів фразеологічних одиниць через дискурсивні структури.

Ключові слова: дискурс, дискурсивна структура, мовна гра, рефлексія, фразеологічна одиниця, фразеологія.

Сучасні дослідження мовної гри, що позиціонується як маркер виразності та нетривіальності, здійснюються в межах синтаксису, стилістики та комунікативної лінгвістики. Актуальність обраної роботи зумовлена необхідністю простеження явищ мовної гри, репрезентованих фразеологічними одиницями, в дискурсі.

Мета статті: встановити вияв моделювальної діяльності дискурсивної рефлексії у фразеології.

Об'єктом статті є мовна гра, репрезентована фразеологічними одиницями. Предметом в роботі є типи фразеологізмів як вияв моделювальної діяльності дискурсивної рефлексії.

Однією з кваліфікаційних ознак мовної гри є поліфункційність. У дискурсі мовна гра виконує такі функції: текстотвірну функцію на формально-структурному рівні, стилетвірну функцію на жанрово-стилістичному рівні, функції вираження емоційного стану людичної (ігрової) мовної особистості, передачі оцінки, здійснення емоційного впливу на адресата на комунікативно-прагматичному рівні, а також бере участь у вираженні концептуального змісту на когнітивному рівні [7]. Усі зазначені функції підпорядковані основній меті – актуалізації сприйняття.

Мовна гра, репрезентована фразеологізмами, може реалізуватися на внутрішньотекстовому рівні фразеологічною трансформацією (подвійна актуалізація фразеологізму, фразеологічна контамінація, фразеологічна редуція), фразеологічною тропизацією (фразеологічна гіперболізація, фразеологічна персоніфікація, фразеологізоване порівняння тощо), фразеологічною евфемізацією та ін. (див. [1; 2; 8; 15]), де здебільшого функціонує в мікротексті; на зовнішньотекстовому рівні мовна гра представлена фразеологічною метафоризацією та апеляцією до концептів у межах усього тексту і дискурсу.

Мовна гра, репрезентована фразеологізмами, функціонує й на рівні дискурсу, виявляючи безпосередній зв'язок з моделювальною діяльністю дискурсивної рефлексії, тобто з дискурсивними структурами. Останні розглядаються як своєрідні «образи світу», моделі, в яких відбиваються різноманітні семантичні плани, що належать до різних рівнів і реєстрів представлення світу, що здійснюється рефлексією [6]. Сьогодні в науковій літературі розрізняють такі моделі: модель нульового порядку – диктальну модель, модель першого порядку – модель реальності, модель другого порядку – квазіреальну модель, модель третього порядку – модель-метаморфозу, або ірреальну модель, модель четвертого порядку – модель-інакомовлення, або алегоричну модель. Найбільш генералізованою за змістом є категорійна модель, що будується з матеріалу всіх попередніх моделей і оперує винятково абстрактними величинами.

Одним із домінуючих аспектів у теорії дискурсивних структур є співвідношення / неспіввідношення з реальністю. Реальність присутня в усіх моделях, хоча на кожному новому рівні стає все більш невпізнаваною. Квазіреальність бере участь у моделях від другого до четвертого порядку, готуючи перехід до ірреальності та напрацьовуючи можливі засоби вираження неіснуючого в реальності. Метаморфоза стає базою для алегорії, надаючи конкретність абсурдним поняттям. Алегорія заперечує будь-яку конкретність, виражаючи інакомовно свій абстрактний реляційний смисл. У такий спосіб, при переході до моделі кожного нового рівня відбувається «інакомовлення».

Моделювальна діяльність дискурсивної рефлексії реалізується й у фразеології, зокрема під час опрацювання класифікаційних параметрів фразеологічних одиниць [8]. Так, із дискурсивними моделями безпосередньо пов'язана когнітивно-генетична класифікація фразеологічних одиниць М. Жуйкової, згідно з якою в мові функціонують ідіоми, утворені на основі вільних словосполучень, та ідіоми, утворені незалежно від вільних словосполучень [4; 5]. Одиниці першого типу можуть утворюватися шляхом фразеологічної метафоризації (*дати гарбуза*) або шляхом фразеологічної метонімізації (*вивертати кишені*). Одиниці другого типу членуються на дві групи: квазіреальні ідіоми (*поцілувати клямку (замок)*) та фантомні ідіоми (*полізити чортів в зуби*). У фразеологічній системі також виділено ідіоми проміжного типу (*з рибалки носити копчену рибу*), які не можна однозначно віднести ані до квазіреальних, ані до фантомних.

Різновидом ірреальної моделі, поряд із паралогічною (*аж голому поза пазухою повно – уживається для повного заперечення змісту зазначеного речення; нічого [10, с. 526]; як у решеті води – зовсім немає [10, с. 121]*), фантазмагорійною (*за царя Гороха (Панька, Тимка, Хмеля) – дуже давно, у дуже давні часи [10, с. 756]; спіймати жар-птицю (золоту рибку) – стати везучим, досягти чогось значного [10, с. 682]*) моделями, виступає абсурдна модель, що являє собою алогізм (*твоя хата моїй хаті троюрідний погріб – дуже далека рідня або зовсім не родич [10, с. 741]*). Модель цього типу будується наперекір логіці реальних відношень і спрямована на перегортання, підміну й руйнування відношень між відомими реаліями. Абсурдна модель – це певною мірою лінгвістичний експеримент з руйнування логічних і семантичних відношень, що й породжує безглуздість,

нісенітницю, тому абсурдні моделі і сприймаються як свідомо неправдиві. Саме ця ідея була покладена в основу виділення логічних та алогічних фразеологізмів Л. Авксентьевим і В. Ужченком у ХХ столітті [13] (пор., *розмахувати кулаками [після бійки] – доводити, говорити, відстоювати і т. ін. що-небудь, коли вже пізно* [10, с. 612]; *вкритися іржею – довго не використовувати, забутись, застаріти* [10, с. 116] і *сипати заціям солі на хвіст – марно погрожувати, обіцяти заподіяти кому-небудь щось неприємне (1); мріяти про щось нереальне (2)* [10, с. 647]; *на комариному салі – пісний, немащений* [10, с. 628]; *хребет чухати через живіт – бути дуже худим* [10, с. 773]).

Репрезентантами алегоричної моделі постають байки, притчі тощо. Значну частину цих моделей утворюють фразеологічні одиниці біблійного походження (*блудний син – той, хто повертається з каяттям, визнанням своїх провин* [10, с. 646], *вовк в овечій шкурі – лицемірна людина, яка під маскою доброзичливості приховує злі наміри* [10, с. 119]) та переповідні фразеологізми (*прометеїв вогонь – незгасне прагнення до досягнення високої та благородної мети* [10, с. 120]).

Варто зазначити, що фразеологізм може народитися в дискурсі і, разом із тим, може стати смисловою основою інших творів. Дискурс породжує нові фразеологізми, що отримують розширене тлумачення і регулярне вживання. З цією тезою пов'язана класифікація фразеологізмів за дериваційною базою [3; 13] (пор.: фразеологізм, утворений на базі казок, анекдотів, небилиць, нісенітниць (*не до солі, носитися як дурень зі ступою*), фразеологізм, утворений на базі прислів'їв, приказок, загадок (*лякана ворона, ділити шкуру невбитого ведмедя*) та систематизація фразеологічних одиниць за джерелами походження [8] (пор.: 1) вислови найрізноманітнішого походження, що являють собою спільний культурний фонд європейської цивілізації (одиниці античного походження (*сізіфова праця, перейти Рубікон*); одиниці релігійного (церковно-книжного) джерела (біблійні: *камінь спотикання, обітована земля*; євангельські: *блудний син, нести хрест*); переклади з художніх, філософських та інших творів багатьох мов, засвоєні в різні часи (німецького походження: *договір із дияволом* (Й.-В. Гете); англійського походження: *бути чи не бути* (В. Шекспір); одиниці, засвоєні з інших неслов'янських мов: італійські (*Дантове пекло*), бельгійські (*синій птах*)); одиниці із фразеологічного фонду східних народів: *випустити духа з пляшки, Сади Семіраміди*; одиниці з російської класики: *золота рибка* (О. Пушкін), *живий труп* (Л. Толстой)); 2) вислови давньоруського джерела, засвоєні в основному східнослов'янськими мовами: *криваве вино, розтікатися мислю по дереву (по дереву)* («Слово о полку Ігоревім»); 3) вислови, що виникли на власне-українському національному ґрунті: *конопська відьма* (Г. Квітка-Основ'яненко), *баба Палажка і баба Параска* (І. Нечуй-Левицький) [12, с. 396–398]).

Зв'язок із дискурсивними структурами простежуємо і в концепції М. Демського, в основу якої покладено поняття дериваційної бази [3]. Дослідник виділяє різноманітні процеси утворення фразеологізмів на основі 6 типів дериваційних баз у бойківських говірках (пор., окремі слова; вільні синтаксичні конструкції; прислів'я, приказки, загадки; казки, анекдоти, небилиці, нісенітниці; існуючі фразеологізми; іншомовні фразеологізми): нарощування окремого слова,

фраземна інтеграція, фраземна диференціація, фраземізація, або фраземна транспозиція, модифікація, контамінація, калькування. У межах проблематики статті нас найбільше цікавлять фраземна інтеграція та фраземна диференціація.

Під фраземною інтеграцією розуміємо один із процесів утворення фразеологізмів на базі окремого слова, під час якого всі елементи, що інтегруються, беруть активну участь у творенні значення фраземи, чи, точніше, у створенні образу, який це значення мотивує: *кисла Оришка; Михайло незгадайло; лелека, що літа далеко; попарити сухим віником; тягти сірка за хвіст; чорний як гуси; худенька як різницький стовпчик; добре як голому в кропиві* [3, с. 30]. Специфіка цих фразеологічних одиниць полягає в тому, що вони утворені внаслідок поєднання слів, які в звичайному мовленні не поєднуються, оскільки вони є назвами понять, що мають дуже мало спільного між собою. Серед фразем, утворених шляхом фраземної інтеграції, виділяють: 1) одиниці з парною будовою, що творяться переважно поєднанням за допомогою повторюваної заперечно-підсилювальної частки *ні* будь-яких слів однієї або різних частин мови: *ні сват ні брат, ні сіль ні гречка*; 2) тавтологічні фразеологізми: *рада й порада, марнота марнот*.

Фраземна диференціація розглядається як один із процесів утворення фразеологізмів на базі окремого слова, суть якого полягає в тому, що значення, яке хочуть назвати фраземою, вже позначене словом. Причому повторне називання якогось факту навколишньої дійсності фраземою спирається переважно на інші, ніж у слові, часто другорядні, ознаки. У такий спосіб у фразеологічній одиниці компоненти поєднуються всупереч здоровому глузду. Усі фраземи, утворені таким способом належать до парафрастичних виразів. Серед них виділяються: фраземи-власне парафрази (*чужа кістка – зять, невістка; чужа мати – свекруха, теця*); фраземи-табу (*цариця небесна – Богородиця*); фраземи-евфемізми (*останнє пристановище – могила; хмільна вода – горілка*); фраземи-дисфемізми (*чортове зілля – тютюн*); фраземи-парафрази (*хапати дрижаки – дрижати; їсти облизні – облизуватися*).

Категорійна модель має на меті виявити абстрактні системні властивості (*немає диму без вогню*). Різновидом категорійної моделі є парадоксальна модель. Наявність парадоксів – це не лише результат логічного глухого кута в роздумі, але й свідчення діяльності рефлексії, спрямованої на вияв протиріч в універсумі людської свідомості. За умови зовнішньої простоти парадоксальний дискурс вимагає значної мисленнєвої напруги.

Отже, починаючи з рівня квазіреальності до рівня категорійності, яскраво реалізується явище мовної гри фразеологічними одиницями (пор.: у квазіреальній моделі сконструйованим може бути не лише те, чому є відповідність у дійсності, але й інше, оскільки квазіреальна побудова задана моделювальним оператором, незалежним від ситуації – «оператором вигадки»; вона дає простір для правдоподібного вимислу (*шукати кістки в молоці – вередувати, вимагати чогось неможливого, прискіпуватись до чогось* [10, с. 780]); ірреальна модель містить і «реалії», і «квазіреалії», але в деформованому вигляді, оперує й такими величинами, які абсолютно абсурдні, виключені з погляду реальності (*як (мов, ніби) сови ночували в голові – хто-небудь відчуває сильний головний біль* [10, с. 675]);

специфікою алегоричної моделі є те, що її зміст задалегідь не відповідає тому, що в ній виражене буквально, вона виражає абстрактне через конкретне (*око за око [зуб за зуб] – уживається для вираження прагнення помститися за вчинене зло, несправедливість, образу і т. ін.* [10, с. 464])).

Надалі актуальним видається опрацювання класифікації фразеологічних одиниць на основі дискурсивних структур.

Список літератури

1. Важеніна О. Г. До проблеми розмежування фразеологічних трансформацій, модифікацій та варіацій [Текст] / О. Важеніна // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. – Донецьк: ДонДУ, 2000. – Вип. 6. – С. 310–314.
2. Гнатюк І. С. Явище подвійної актуалізації фразеологізму [Текст] / І. С. Гнатюк // Мовознавство. – 1981. – №1. – С. 75–78.
3. Демський М. Т. Українські фраземи й особливості їх творення [Текст] / М. Т. Демський. – Львів: Просвіта, 1994. – 62 с.
4. Жуйкова М. В. Типологія ідіом у когнітивно-генетичному ключі [Текст] / М. В. Жуйкова // Мовознавство. – 2004. – №4. – С. 72–80.
5. Жуйкова М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов [Текст]: монографія / М. В. Жуйкова. – Луцьк: РВВ «Вежа» Волинського державного університету ім. Лесі Українки, 2007. – 416 с. – Бібліогр.: С. 369–403.
6. Загнітко А. Основи дискурсології [Текст]: науково-навчальне видання / А. Загнітко. – Донецьк: ДонНУ, 2008. – 194 с.
7. Краснобаєва-Чорна Ж. В. Дискурсивна практика [Текст]: навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів / Ж. В. Краснобаєва-Чорна. – Донецьк: ДонНУ, 2008. – 141 с.
8. Краснобаєва-Чорна Ж. В. Сучасна фразеологія: класифікаційні параметри фразеологічних одиниць. Словник фразеологічних термінів [Текст] / Ж. В. Краснобаєва-Чорна. – Донецьк: ДонНУ, 2012. – 168 с.
9. Сидоров Е. В. Онтологія дискурса [Текст] / Е. В. Сидоров. – М.: URSS, 2008. – 228 с. – Бібліогр.: с. 222–228.
10. Словник фразеологізмів української мови [Текст] / Уклад. В. М. Білонеженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук. – К.: Наукова думка, 2003. – 1104 с.
11. Степанов Ю. С. Альтернативний мир. Дискурс. Факт и Принцип причинности [Текст] / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 35–71.
12. Сучасна українська літературна мова. Лексика і фразеологія / І. К. Білодід (ред.). – К.: Наук. думка, 1973. – С. 151–158; С. 173–178.
13. Ужченко В. Д., Авксентьев Л. Г. Українська фразеологія: Навч. посіб. для філол. фак.-ів ун-ів / В. Д. Ужченко, Л. Г. Авксентьев. – Харків: Основа, 1990. – 167 с.
14. Ужченко В. Д., Ужченко Д. В. Фразеологія сучасної української мови: навч. посіб. [Текст] / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – Луганськ: Альма-матер, 2007. – С. 238–262.
15. Щербань Н. П. Редукція і контамінація фразеологізмів як стилістичні засоби [Текст] / Н. П. Щербань // Мовознавство. – 1980. – №1. – С. 60–63.

Краснобаева-Чёрная Жанна. Дискурсивно-ранговые особенности фразем в дискурсивных практиках: типологические выявления фраземных игровых начал / Жанна Краснобаева-Чёрная // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 187–192.

В статье определено выявление моделирующей деятельности дискурсивной рефлексии во фразеологии. Описан инвентарь приёмов языковой игры, представленной фразеологизмами, в дискурсе. Рассмотрено специфику смыслового развёртывания некоторых типов фразеологических единиц через дискурсивные структуры.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная структура, языковая игра, рефлексия, фразеологическая единица, фразеология.

Krasnobayeva-Chorna Zhanna. Discursively-rank Features of Phrases in the Discursive Practices: the Typological of Identification of Phrases Dame Started / Zhanna Krasnobayeva-Chorna // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 187–192.

The identification of the modeling activity of discursive reflection in phraseology is defined in the article. The inventory of the techniques of the language game which is presented by phraseological units is described in the discourse. The specific of semantic deployment of some types of phraseological units is considered through discourse structure.

Key words: discourse, discourse structure, language game, reflection, phraseological units, phraseology.

Стаття надійшла до редакції 30 березня 2012 року

УДК 81'367

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ И РИТОРИЧЕСКАЯ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Макаров Владлен

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия*

В статье осуществлена попытка разграничить различные функции языковой игры в разных типах текстов с точки зрения коммуникативных намерений автора и восприятия текста читателем на материале фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, языковая игра, эстетическая функция, риторическая функция, игровая функция, текст.

В настоящей статье речь пойдет о языковой игре и ее функциях в тексте на примере употребления фразеологизмов. Актуальность темы основана на недостаточности и неоднозначности решения вопроса о языковой игре в тексте, главным образом в функциональном плане. Проблема, описанная в статье, заключается в различной функциональной нагрузке использования языковой игры в различных текстах.

Цель исследования: определить основные функции языковой игры в тексте и критерии их различения.

Решаемые задачи: выявление функций языковой игры в тексте, обозначение границ между ними, определение признаков реализации в тексте той или иной функции языковой игры.

Эстетическая функция возникает тогда, когда форма выражения не менее (если не более) важна, чем смысловое содержание используемой единицы и текста, где это все происходит в целом. Единица концентрирует внимание на себе самой, выделяясь на фоне текста, в котором присутствует. [17, с. 98] Как нам кажется, в таком понимании эстетической функции отражается только одна сторона вопроса, а именно информация о текстовых сигналах, признаках наличия эстетической функции.

К подобным событиям относятся любые «аномалии»: словотворчество, нарушение требования ясности за счет актуализации двух и более значений языковой единицы разом, помещение единицы в несвойственный ей по смысловым или стилистическим параметрам контекст, паронимическая аттракция и так далее.

Другая, на наш взгляд, куда более важная сторона, состоит в понимании роли такого использования единицы в тексте. Если мы говорим о функции, то прежде всего надо четко обозначить конкретные задачи, которые предусматривает эта функция.

Мы в целом согласны с мнением В. И. Заики, который разделяет практическую и эстетическую реализацию языка. Главной задачей он видит коммуникацию, обмен информацией с целью координации деятельности людей. Эстетическая реализация языка некоммуникативна, от практической речи является то, что наряду с реалиями изображаются также повествующий субъект и этнический язык. [2, с. 11–13]. Он же проводит водораздел между коммуникативной речью с установкой на выразительность, видя здесь риторическую функцию языка, и собственно эстетической реализацией языка, лишенной, как было уже сказано, коммуникативной установки.

Однако когда речь идет о таком сложном и многомерном явлении, как эстетическая реализация языка, невозможно, признавая доминирующую роль одной функции, пренебрегать другими как менее существенными. Языковая игра, которая в последние годы стала объектом пристального внимания лингвистов, проявляет себя, если судить по имеющимся исследованиям, в тех языковых формах, которые свойственны эстетическому употреблению языка. Речь идет о сознательном отступлении от языковых норм, стандартов. [1, с. 5; 3; 6; 13, с. 86]

Выделяются различные функции языковой игры. Применительно к художественному тексту чаще всего говорят об эстетической функции, как правило, не расшифровывая, в чем конкретно она состоит. Видимо, подразумевается, что функцию определяет сама сфера употребления языка. Примечательно, что для публицистических текстов основной называют функцию воздействия или специфической аргументации [11, с. 171], что также может объясняться схожими соображениями. Среди других функций языковой игры называют экспрессивную [6], собственно игровую [16, с. 8], развлекательную [12, с. 9].

Разумеется, что ведущая функция художественного слова – **эстетическая**. Но это не означает, что внутри художественного текста каждая его лингвистическая деталь выполняет эстетическую функцию. Вернее, только эстетическую. Что касается текстов иных сфер, то и текстам публицистического, например, стиля эстетическая функция не чужда. Н. Б. Мечковская, которая поддерживает эту точку зрения, употребляет очень точную метафору – «внушающая сила искусного слова». [7, с. 23]. Вспомним и мысль Яна Мукаржовского о том, что любой процесс (природный или связанный с человеческой деятельностью), может стать носителем эстетической функции, при этом не обязательно, что она будет занимать в этом процессе доминирующее положение [9, с. 246].

Нам представляется, что, помимо типа текста, в котором представлен факт языковой игры, его функциональную характеристику должен определять ряд признаков, проявляющийся именно в этом конкретном моменте. Характерно, что роль языковой игры в текстах СМИ исследователи видят по-разному: средства воздействия [10] специфической аргументации [11, с. 171], оценки [5, с. 286], [4, с. 84], привлечения внимания [5, с. 286], развлечения, «ошарашивания» читателя, развлекательную [12, с. 9].

Очевидно, что в разных случаях та или иная задача выходит на первый план, является приоритетной. Предполагаем, что те же соображения релевантны и для художественных текстов. Для языковой игры как потенциального явления

характерна функциональная диффузность. Можем ли мы в этом случае говорить о некоем наборе признаков, критериев, которые бы указывали на то или иное функциональное обособление в каждом конкретном случае?

Для эстетической функции, полагаем, главным критерием была бы некая «эстетическая значимость» языковой игры, создание образа ситуации, работа на общий модальный и смысловой план текста; «игровая» единица встраивается в него в виде смыслового кирпичика. Понятно, что определение этого представляет собой нелегкую и часто не совсем лингвистическую процедуру. Кроме того, не следует забывать, что эстетическая функция – это в том числе и функция украшения. Реализация потенциальной семантики, параномазия, парадокс, двойная актуализация в многозначной единице, активизация внутренней формы и прочие явления получают эстетическую значимость в том случае, если демонстрируют своеобразную «глубину» значимости единиц языка, их афористический заряд, то есть примеры уже упомянутого «искусного слова».

Эстетическая значимость в публицистических текстах во многом имеет «отрицательную выделимость». Если отсутствуют или не очевидны другие функции языковой игры, то остается только эстетическая.

Риторическая функция. Данная функция связана с выполнением ключевых задач риторики – убеждения и отстаивания своей точки зрения. Выше уже отмечалось, что в публицистическом тексте различные авторы находят такие функции языковой игры, как специфическая аргументация (очевидно, речь идет о «нравах» и «страстях») и оценка. Очевидно, что когда мы сталкиваемся с такими задачами языковой игры, то речь идет как раз о выполнении риторической функции, а не об абстрактном «воздействии», как полагают некоторые авторы [10].

Публицистическая аргументация – особого рода, она обращена больше к чувствам и воображению, нежели к разуму. Она носит более тактический, нежели стратегический, долгоиграющий характер, ее задача – убедить здесь и сейчас. В качестве основы аргументов используются схемы выдвижения (конвергенция, сцепление, градация, обманутое ожидание). Нетрудно заметить, что все эти схемы могут встраиваться за счет языковой игры.

Игровая функция. Й. Хейзинга в числе прочих приемлемых толкований сути игры называет «потребность что-то мочь, чему-то служить причиной, стремление к главенству или к соперничеству <...> поддержание ощущения собственной индивидуальности» [16, с. 22] современные исследователи видят языковую игру в качестве «аттрактивного приема, выгодно иллюстрирующего лингвокреативный потенциал автора». [1, с. 5] Проще говоря, игровая функция состоит в проявлении человеком говорящим себя как оригинальной языковой личности. И, если при анализе факта языковой игры мы обнаруживаем, что никаких других рациональных оснований для употребления игровых форм речи нет, мы можем быть уверены, что ведущей функцией языковой игры в данном случае является собственно игровая. Естественно, мы исходим из соображения, что в конкретном тексте реализуется сразу несколько функций языковой игры. Однако вполне можно выделить ведущую функцию. Нам кажется полезным построить ряд противопоставлений, который будет помогать такому определению.

Эстетическая функция vs риторическая. Точнее, речь идет не о противопоставлении эстетического и риторического в публицистике. Как нам кажется, такое противопоставление неправомерно. Скорее, речь о сопоставлении и взаимодополнении. Роль эстетического начала – в создании образа, глубины семантики. Риторическое же начало придает этому образу направленность, вектор.

Г. Зюганов на пресс-конференции 5 марта, после выборов президента, сказал, что «Чуров обеспечит Путину чуррову победу». В данном случае отсылка к обороту «пиррова победа» с его значением «победа, равная поражению» носит вторичный характер. Главное для говорящего – подчеркнуть неправильный, ненастоящий характер этой победы и убедить в этом собравшихся, образ, который несет оборот, используется в сугубо прагматических целях. Только при отвлечении от конкретного момента речи мы можем оценить его силу и возможные смыслы.

А вот в заголовках публицистических текстов часто ситуация иная. Обратим внимание, что обычно, когда приводятся примеры языковой игры в заголовках, исследователи в скобках дают разъяснения, о чем эта статья. Это нам кажется знаменательным. Это означает, что заголовок сам по себе не дает представления о том, что происходит в тексте. Наоборот, он становится понятен только тому, кто с текстом ознакомился. Значит, он не выполняет роли информатора. Его роль – поразить, заинтриговать необычностью. Он выступает в роли необычного артефакта, экспоната музея. Представляется, что эстетическая функция здесь явно превалирует.

Эстетическая функция vs игровая. Правомерно ли ставить знак равенства между двумя событиями: включением игрового начала, сигналом от автора читателю: «давай поиграем», и реализацией эстетических задач? Нам кажется, что такое уравнивание неправомерно, и главный тезис состоит в том, что эстетическая функция языкового знака, при всей концентрированности на нем самом, означает, что знак работает на текст в целом, дает ему особую «подсветку», включение этой функции оправдано задачами текста в общем.

Игровое начало лишено этой нагрузки. Пример – жанр пародии. Лишите читателя осознания соотношения пародийного текста с текстом-исходником или творческой манерой пародируемого автора, и он скажет: «Что за банальность, плоскость? К чему все это написано? Что за школьные экзерсисы?». Момент различия между ними – в понятии эстетической ценности, значимости знака. Стершиеся метафоры, массовые каламбуры сохраняют игровую функцию, но утрачивают эстетическую.

Газета «Коммерсант» опубликовала статью под заголовком «Пятого – колонной. Мэрия Москвы вчера отказалась согласовывать оппозиции 5 марта митинг “За честные выборы” на Лубянской площади». Заголовок апеллирует к известному фразеологизму «пятая колонна» – «о предателях внутри противника». Однако в статье нет и намека на то, что демонстранты, о которых идет речь, – какие-то изменники или провокаторы. Налицо факт, что сама языковая игра важнее образа исходного фразеологизма. Образ фактически не используется, его эстетический потенциал многомерности снят, не используется.

Игровая функция vs риторическая. В отличие от предыдущего случая, в данном противопоставлении важно, задает ли игровой факт перспективу оценки, аргументации. Используемый выше пример подойдет и для иллюстрации данного противопоставления, но не в плане использования образа, потенциала многосмысленности, а в плане решения риторических задач. Мы можем констатировать, что игровой факт в данном случае никак не используется не для оценки, ни для аргументации.

Различие между игровой и риторической функцией можно проиллюстрировать и следующим примером. В спортивном блоге один из материалов озаглавлен «Ход конем Слуцкого». Материал посвящен перспективам команды ЦСКА (в кругу болельщиков имеющей прозвище «кони») в одном из матчей чемпионата России. При этом употреблен фразеологизм «ход конем», который, помимо того, что содержит компонент, отсылающий к жаргонному названию команды, имеет значение «Использовать хитрый и эффективный приём для достижения цели» [8, с. 715]. Справедливо поэтому коммуникативное ожидание того, что в статье речь пойдет о возможных тактических сюрпризах и неожиданных решениях тренера. Однако в тексте эти ожидания не оправдываются, что вызывает недоумение у читателей, комментирующих текст. Вот некоторые реплики: «Ну и в чем тут «ход конем Слуцкого?»», «Потому как он в конюшне, и других ходов у него быть не может». Здесь мы видим языковую игру ради самой игры, стремление проявить себя как языковую личность.

В том же блоге размещена статья с заголовком «Конь в Мешке», посвященная предматчевым раскладам той же команды ЦСКА с командой «Зенит», которая в кругах болельщиков имеет жаргонное прозвище «мешки». Этот заголовок отсылает сразу к двум фразеологизмам: «кот в мешке» со значением «О чём-л. неизвестном, непроверенном» [8, с. 322]. и «конь в пальто», который, как известно, представляет собой ответную реплику на вопрос «кто?» [8, с. 310]. Вот несколько выдержек из статьи: «И вместо определенности одни вопросы. Вопросов много, ответов нет. Кто будет у ЦСКА на фланге? Муса или Секу? Или может Цауня вместо Тошича?». Как видим, смысловое содержание обоих контаминированных фразеологизмов обыгрывается в тексте. Это чувствуют и читатели, одобрительно отмечая выбор заголовка. Заголовок, таким образом, скрепляет материал статьи, задает перспективу восприятия информации читателем, при этом обладает краткостью и многомерностью.

При отсутствии внятно обозначенных функций языковой игры констатируется коммуникативная неудача. На одном спортивном сайте опубликована статья «Имя им – легион. Первые легионеры "Зенита"». Заголовок вызывает справедливую отповедь комментирующего читателя: «Хоть бы авторы таких заголовков книги иногда читали. Само дальнейшее чтение текста бессмысленно: если автор не понимает смысла скрытой цитаты, выносимой в заголовок, то чего ждать от “исследования”?»

В данном случае можно констатировать, что ни одна из возможных функций языковой игры в тексте не реализована.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

- языковая игра может выполнять в различных текстах эстетическую, риторическую или собственно игровую функцию;
- в конкретном контексте различные функции языковой игры могут совмещаться;
- читатель распознает функцию языковой игры в конкретном тексте и оценивает ее с точки зрения эффективности выполнения данной функции.

Список литературы

1. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. – 215 с.
2. Заика В. И. Очерки по теории художественной речи / В. И. Заика. Великий Новгород: Изд-во Новг. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2006. – 407 с.
3. Ильясова С. В. Языковая игра в газетном тексте / С. В. Ильясова // Научно-культурологический журнал №23 (77). 12.12.2001. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=395&level1=main&level2=articles>
4. Качалова И. Н. Феномен языковой игры как средства выражения оценочной семантики в текстах СМИ / И. Н. Качалова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – №2. — 2010. – М. : Изд-во МГОУ. – С. 83–87.
5. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 269–289.
6. Лисоченко Л. В., Лисоченко О. В. Языковая игра на газетной полосе (в свете металингвистики и теории коммуникации) / Л. В. Лисоченко, О. В. Лисоченко.
7. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 207 с.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : «ЗАО ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
9. Мукаржовский Ян. Эстетическая функция, норма и ценность / Ян Мукаржовский // Труды по знаковым системам 7. Уч. зап. ТГУ. Вып. 365. – Тарту, 1975. – С. 243–295.
10. Негрышев А. А. Языковая игра в новостном медиатексте: референциально-прагматический аспект / А. А. Негрышев // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистика МГУ имени М. В. Ломоносова. 2010. №4. Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/669>
11. Панченко Н. Н. Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе: Дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук : спец 10.02.04 «Германские языки» / Н. Н. Панченко. – Иркутск, 2005. – 206 с.
12. Режим доступа: http://www.teneta.ru/rus/le/lisochenko_jaee.htm
13. Санников В. З. Об истории о современном состоянии русской языковой игры / В. З. Санников // Вопросы языкознания. – 2005. – № 4. – С. 3–20.
14. Сковородников А. П. О понятии и термине «языковая игра» / А. П. Сковородников // Филологические науки. – 2004 г. – №2. С. 79–87.
15. Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.
16. Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича / Й. Хёйзинга. – М. : Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
17. Шаховский В. И. Словообразовательная игра как вербальная упаковка социальных интеракций человека и общества / В. И. Шаховский // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2006. – Т. 1. – № 4. – С. 8–12.
18. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – 544 с.

Макаров Владлен. Естетична і риторична функції фразеологізмів в аспекті мовної гри / Владлен Макаров // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 193–199.

У статті на матеріалі фразеологічних одиниць зроблено спробу розмежувати різні функції мовної гри в текстах з погляду комунікативних намірів автора і сприйняття тексту читачем.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, мовна гра, естетична функція, риторична функція, ігрова функція, текст.

Makarov Vladlen. Aesthetic and Rhetoric Functions of Idioms in Terms of a Language Game / Vladlen Makarov // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 193–199.

The paper deals with different language game functions of phraseological units in various types of texts from the perspective of the author's communicative intentions and reader's text perception.

Key words: phraseological unit, language game, aesthetic function, rhetorical function, language game function, text.

Стаття надійшла до редакції 16 березня 2012 року

УДК 81'373.7:811.112.2

**ВПЛИВ МОВНОЇ ГРИ НА РЕАЛІЗАЦІЮ ПРАГМАТИЧНИХ ФУНКЦІЙ
ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ СУЧАСНОЇ НІМЕЦЬКОЇ МОВИ
(НА МАТЕРІАЛІ ПУБЛІЦИСТИЧНИХ ТЕКСТІВ)**

Орел Ірина

Рівненський державний гуманітарний університет,

Рівне, Україна

У статті на матеріалі публіцистичних текстів сучасної німецької мови простежено прийоми мовної гри та їх вплив на прагматичні функції німецьких фразеологізмів.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, публіцистичні тексти, мовна гра, функція, інтенція.

Основними функціями публіцистичного стилю вважають інформативність і вплив на громадськість, який проводиться з метою: інформування, звернення, заклику [7, с. 107; 8, с. 270]; формування суспільної свідомості; впливу (часто ідеологічного) на маси [1, с. 149]; переконання у правильності положень, які висуваються у публікації, або викликати бажану реакцію [9, с. 305]. Тому одним із завдань публіцистики вважаємо реалізацію інтенції (певного впливу на реципієнта).

З метою зацікавити і привернути увагу читача використовують різні мовні засоби, застосовуються різні семантико-стилістичні прийоми. Одним з таких є мовна гра / гра слів [5]. Саме користування мовою Л. Вітгенштейн відносить до різновиду гри. Мовну гру, на думку вченого, варто розглядати як компонент діяльності, форму життя [3]. Гра слів – це спеціальне використання тотожних / подібних з формального боку мовних одиниць для створення фонетико- та семантико-стилістичних явищ [5].

Варто зауважити, що у вітчизняному мовознавстві існують дослідження мовної гри на фонетичному та лексичному рівнях (праці Г. Грицик, І. Качуровського, А. Критенка, О. Тимчук та ін.). Розвідки щодо вивчення мовної гри на рівні фразеології тривають. Явище гри слів найповніше описане на матеріалах текстів художнього стилю, особливо поезії та гумористичних жанрів. Менше гра слів вивчена у мові публіцистики [5]. Саме цим зумовлена актуальність нашої розвідки. Мета полягає у виявленні гри слів у німецькій мові на рівні фразеології, у дослідженні прагматичних функцій фразем (далі ФО), які реалізуються під впливом мовної гри. З поставленої мети випливає завдання: простежити прийоми гри слів на матеріалі ФО, встановити функції фразем у публіцистиці, виявити роль ФО у формуванні інтенції тексту.

Серед прийомів мовної гри виокремлюють співставлення омонімів, співзвучність слів у вузькому контексті, паронімію, полісемію, використання метафори тощо [3, с. 801]. Крім того, у фразеологічній площині мовна гра

розглядається також як трансформації ФО [3, с. 801]; “етимологізація” стійкого звороту (його жартівливе / іронічне осмислення за зразком вільної конструкції); розкриття у контексті розуміння автором змісту звороту, що наводиться як зв’язане словосполучення; поєднання в одному контексті ФО з різними значеннями, але із спільним компонентом; контамінація (ефект гри слів виникає при цьому тоді, коли спільним компонентом у складі зіставлених зворотів є полісемічна, омонімічна або паронімічна одиниця); граматичне переоформлення ФО; використання ФО з його обігриванням (наприклад, жартівливе вживання імен персонажів казок у вигляді офіційних формул подання імені) [5].

У ході аналізу публіцистичних текстів нами встановлено, що мовна гра на матеріалі німецьких ФО широко застосовується у публіцистиці. Це явище сприяє реалізації прагматичних функцій ФО, які, у свою чергу, забезпечують інтенцію тексту.

Фраземи, як одиниці мови, багатофункціональні. На думку В. Флейшера прагматичні функції ФО полягають у специфічній реалізації їх семантики з метою підсилення впливу на читача. У тексті ФО можуть виконувати роль індикатора соціального становища, виражати ставлення до інформації, виконувати функцію комічного, лаконічно передавати інформацію [10, с. 218]. Дослідниками виокремлено комунікативну, когнітивну, акумулятивну, номінативну, денотативну, конотативну, естетичну та інші функції. До функцій інтенції відносять емоційно-експресивну, ідеологічну, аксіологічну [6, с. 564].

У процесі нашої розвідки засвідчено низку функцій ФО у публіцистичних текстах, реалізації яких сприяє мовна гра.

Мовна гра на основі ФО відбувається за допомогою **співставлення омонімів** (слів, які однаково звучать та пишуться, але мають різне значення). Наприклад: “*Seit Jahren wird gern festgestellt, dass der amerikanische Horrorfilm die finstere Seite des amerikanischen Traums verkörpert, den amerikanischen Alptraum sozusagen.*” (SZ, 02.03.2004) / *Багато років тому було встановлено, що американський фільм жахів втілює темний бік американської мрії, так би мовити американський кошмарний сон*). ФО “*Einen Alptraum haben / sehen*” – приснилися жахи – пов’язана з міфом про домовиків, які душили людей під час сну. Фразеологічна семантика реалізується за допомогою співставлення “*Traum*”, що має два значення: “*мрія*”, “*сон*”. Завдяки контексту двозначність знімається і ФО розуміють буквально: “*die finstere Seite des ... Traums ..., den ... Alptraum*” / *(темний бік ... мрії, ... кошмарний сон)*. Буквалізації значення ФО (один із типів семантичних трансформацій) сприяє лексема “*Alptraum*”. Асоціація з образом небезпечної істоти створює негативну оцінку і певну емотивність. Активізація образу міфічного домовика виконує естетичну функцію, повідомляючи інформацію. Естетична функція полягає у спрямованості на саме повідомлення, а не на його зміст. Головним для цієї функції є форма повідомлення. Мовні знаки при цьому виконують естетичну функцію.

Співзвучність слів у вузькому контексті може реалізувати ідеологічну функцію, яка виражає політичні уподобання. Наприклад: “... “*Links überholen – links wählen*” *steht hinten auf dem roten Polo-Hemd, das der lange als “Vordenker” bezeichnete frühere PDS- Wahlkampfleiter trägt. “Links liegen gelassen” wäre vielleicht*

die passendere Parole....“ (SZ, 22.09.2009) / (“Ліворуч обганяти – ліворуч обирати” написано на спині червоної футболки-поло, яку носить керівник виборчої кампанії партії демократичних соціалістів, якого тривалий час визнавали „генератором ідей”. “Ігнорувати” (досл.: відкласти щось ліворуч) було б можливо більш підходящим гаслом ...). “Etwas links liegen lassen” – (розм.) віднесися зневажливо до ч.-н. ФО має міфологічну вмотивованість, що ґрунтується на моделі світу германців: ліворуч від Мідгарду жили ворожі людям велетні. Тому “links” має негативну конотацію. Присутність слова “links” у тексті семантично пов’язується із ФО. Використовується синтез фразеологічного значення і компоненту ФО у вільному значенні. Активізується конотативна складова семантики, яка утворює імпліцитну пейоративну оцінку, що й виражає ідеологічні уподобання автора.

Використання метафори за допомогою образу, покладеного в основу ФО, сприяє реалізації **образно-зображувальної** функції, яка відтворює події, факти, що виступають основою асоціативного сприйняття інформації [4, с. 13]. Наприклад: *“Schon bei den Planungen für diese “multinationale Division” hatten Nato-Militärs voriges Jahr Warschau **kräftig unter die Arme gegriffen.**” (SZ, 22.04.2004) / (Вже під час планування „транснаціональної дивізії” військовий блок НАТО у минулому році **дуже підтримав** (досл.: **міцно підхопив під руки**) Варшаву). ФО “unter die Arme greifen” – (розм.) підтримати к.-н. у скрутному становищі. ФО зазнала трансформації (препозитивного поширення) (**kräftig unter die Arme gegriffen**). Образне зображення подій (*Warschau **kräftig unter die Arme gegriffen***) віддзеркалює ставлення НАТО до Польщі, демонструючи ідеологію в межах Євросоюзу. Образ, лицаря що падає на поєдинку і, якого необхідно підтримати, сприяє метафоричному переосмисленню політичної ситуації завдяки реалізації фразеологічного значення.*

Метафоричні образи, покладені в основу внутрішньої форми ФО, реалізують функцію **ідентифікації**, яка визначає соціальний статус, фізичний, психологічний стан, вік, стать тощо [10, с. 218]. Наприклад: *“Die bekamen unterwegs im Sturm **Angst und wollten anhalten, weshalb Barr die Hasenfüße unter Deck einsperren musste.**” (FAZ, 23.09.2009) / (По дорозі під час бурі вони злякались і хотіли зупинитись, через що Барр мусив закрити **боягузів** (досл.: **заячі лапи**) під імперіал (закрита частина у автобусі). Подвійне явище мовної гри в контексті відображає ФО “Hasenfuß sein” – *бути боягузом*. Відбувається граматичне переоформлення ФО (зміна числа “Hasenfuß – die Hasenfüße”) і редуції (усічення дієслівного компонента). За допомогою лексеми “Angst” розгортається метафоричний образ боягуза, що й підсилює характеристику. Бінарні прийоми гри слів на основі зазначеної ФО ідентифікують психологічний стан об’єктів інформації, виражають негативну оцінку та ставлення автора до повідомлення. Сукупність указаних чинників формують інтенцію тексту.*

Втіленню функції **комічного**, пов’язаної з іронією, гумором, сатирою, сарказмом, сприяє **контамінація**. Зазначена функція виражає жартівливе, глузливе, критичне ставлення автора до об’єкту зображення. Наприклад: *“Mit **Trara und Brimborium** waren die Kölner Sicherheitsbehörden vorgefahren.” (SZ, 27.05.2004) / (З шумом і гамом під’їхали кельнські органи державної безпеки). ФО “(viel) **Trara** ut etwas machen” – (розм.) безпідставно здійснювати галас навколо ч.-н. ФО*

“*Brimborium machen*” – (розм.) *галасувати*. У результаті схрещування (*Trara und Brimborium*) – одного з підвидів фразеологічної контамінації [5] – активізуються конотативні компоненти значення ФО, які виконують семантичне навантаження у контексті. Увиразнюється пейоративність обох фразем (*безпідставність зайвого галасу – Trara, незрозумілий галас – Brimborium*). Так створюється жартівливо-глузлива характеристика дій органів державної безпеки, що сприяє запланованій автором інтенції.

Поєднання в одному контексті ФО з різними значеннями, але із спільним компонентом втілює **характеризуючу** функцію, яка виокремлює одну ознаку, що підкреслює певні якості осіб, подій тощо [4, с. 13]. Наприклад: “*Seinen Ruf als giftiger Spatzvogel und Hanswurst in allen Gassen hat Henscheid, 58, über die Jahre planvoll alles ruiniert.*” (Spiegel, 13/2000, S. 172) / (*Його клич, підступного цапливчика і шибайголови Геншайда, 58 років, руйнував все продумане роками*). Результат поєднання двох ФО з різною семантикою (“*Spatzvogel sein*” – *бути цапливчиком*; “*Hanswurst in allen Gassen sein*” – *бути шибайголовою*) жартівливого відтінку характеризує об’єкт інформації, зображує ставлення автора до нього, сприяє формуванню інтенції тексту.

Функція комічного взаємодіє із **стилістичною** функцією, яка полягає у створенні стилістичних ефектів. Стилiстичний ефект – інтелектуальна, емоційна реакція реципієнта на використання у тексті певного мовного знака. Вважаємо, що стосовно ФО – це реакція на внутрішню форму в умовах контексту, який втілює певні стилістичні прийоми. Наприклад, використання ФО з **полісемічним** стержневим компонентом у контексті втілює анафору (повтор лексем на початку речення / абзацу): “*Ganz unverblünte Kritik am amerikanischen Feldzug kam später aus einem Zentrum der amerikanischen Armee selbst. Ganz unverblümt publiziert das... ein neues Magazin im Internet.*” (SZ, 04.05.2004) / (*Неприхована критика військової кампанії надійшла пізніше із центру американських військ. Відверто публікує це ... новий журнал в Інтернеті*). ФО “*j-m unverblümt etw. sagen*” – *неприховано / відкрито / відверто сказати щось* – редукується, зберігаючи стержневий компонент ФО (*unverblümt*), який повторюється на початку речень (...*unverblünte Kritik... unverblümt publiziert das...*). Застосування мовної гри засобами ФО створюють стилістичні ефекти, які виконують інтелектуальний і емоційний вплив на читача, сприяючи інтенції тексту.

“Етимологізація” ФО, тобто іронічне осмислення її значення за зразком вільної конструкції актуалізує комунікативну функцію, яка використовується для передачі інформації та є однією з головних. Ми називатимемо її **інформативною**. Наприклад: “*Sie wollten kein Wasser auf die Mühlen der Terroristen leiten.*” (SZ, 07.05.2004) / (*Вони не хотіли (досл.: скеровувати воду на млин) діяти на користь терористів*). ФО “*Wasser auf seine Mühle*” – *це на його користь*, (досл.) *вода на його млин* – зазнає розширення за рахунок постпозиції “*der Terroristen*” як вільна конструкція, що сприяє іронічному осмисленню значення, яке інформує про події. Іронічний характер повідомлення забезпечує інтенцію тексту.

Розкриття у контексті розуміння автором змісту ФО сприяє реалізації **номінативної** функції, яка полягає у називанні дій, явищ, осіб тощо. Наприклад:

“Die Blondine mit den Model-Maßen produzierte keine Skandale, trat in keine Fettnäpfchen – nicht mal zu Nacktfotos ließ sie sich verleiten. 500 000 Mark bot ihr der “Playboy”, sie lehnte ab.” (Spiegel, №18, 2000, S. 151) / (Блондинка із модельною зовнішністю не створювала скандалів, не робила проблем – не спокусилась на фото-ню. “Playboy” пропонував 500 000 марок, вона відмовилася). ФО “ins Fettnäpfchen treten” – створювати проблеми. ФО зазнає **граматичного переоформлення** за зразком вільних синтаксичних конструкцій (від стверджувальних до заперечних конструкцій): “ins Fettnäpfchen treten” → “trat in keine Fettnäpfchen”. Крім того, автор синтезує вільне значення словосполучення (produzierte keine Skandale) і значення ФО, які номінують події. Вільне значення словосполучення ніби коментує фразеологічне значення. Розкриття у контексті авторського розуміння змісту ФО сприяє **аксіологічній** функції, що, у межах наведеного прикладу, виявляється у позитивному ставленні до інформації. Вказана функція володіє етноцентризмом, активізуючи для висловлення оцінки національно-специфічні образи, покладені в основу внутрішньої форми ФО. У ході застосування мовної гри ці образи видозмінюються (у нашому прикладі: негативний → позитивний), що й створює бажану інтенцію.

Використання ФО з його обіграванням, жартівливе вживання імен персонажів казок у вигляді офіційних формул подання імені активізують низку функцій ФО, як то: **денотативну** (представляє факти, події тощо), аксіологічну, етнокультурну. Наприклад: “Frau Holle-Merkel schüttelte höchstpersönlich die Daunendecken des Kündigungsschutzes und der Mitbestimmung auf, damit die Deutschen nicht gleich zu Beginn ihrer zweiten Amtszeit ins Frieren geraten.” (FAZ, 17.10.2009) / (Пані Голле-Меркель **перетрусила** високопосадові **пухові ковдри** необґрунтованого звільнення робітників та посадовців і права вирішального голосу, для того щоб німці не одразу почали замерзати на початку її другого терміну на посаді). Ангела Меркель порівнюється із казковим образом Пані Заметіль (*Frau Holle*), імпліцитне зіставлення якого з відомою особою надає певні характеристики казкового персонажа політичному діячу. Прийом мовної гри реалізує образ казкового персонажу Пані Заметіль (*Frau Holle schüttelt ihre Decken*). Автор, використовуючи образ Пані Заметіль, пояснює можливі наслідки дій канцлера Німеччини (*damit die Deutschen nicht gleich... ins Frieren geraten*). Застосовування гри слів засобами ФО створюють стилістичні ефекти, які виконують інтелектуальний і емоційний вплив на читача, забезпечуючи інтенцію тексту.

Таким чином встановлено, що мовна гра на матеріалі ФО у публіцистичних текстах сприяє виконанню низки прагматичних функцій: інформативної, ідеологічної, номінативної, денотативної, аксіологічної, естетичної, образно-зображувальної, характеризуючої, ідентифікуючої, функції комічного, стилістичної. Реалізація прагматичних функцій ФО спирається на мовну гру, що сприяє запланованій автором інтенції тексту. Інтенція досягається актуалізацією денотативних, конотативних компонентів фразеологічної семантики, які увиразнюються завдяки застосуванням різних прийомів мовної гри. У ході розвідки визначено, що прийоми мовної гри базуються на трансформаціях ФО. Тому, ми вважаємо, що модифікації ФО не варто розглядати як самостійний прийом гри слів.

Засвідчено бінарне використання прийомів мовної гри, що сприяє реалізації прагматичних функцій ФО та формуванню інтенції. Перспективи подальших досліджень – вивчення впливу гри слів на матеріалі ФО з прагматичними функціями фразем у текстах інших функціональних стилів.

Список літератури

1. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка (для институтов и факультетов иностранных языков) [учебник] / Маргарита Павловна Брандес. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1990. – 320 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – Часть I. – М., 1994. – С.90. – Режим доступа : <http://www.philosophy.ru/library/witt/phil.html>
3. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под. ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.
4. Мосейчук О. М. Системні та функціональні особливості англомовних однослівних ідіом (на матеріалі сучасного публіцистичного дискурсу): автореф. дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук; спец. 10.02.04 “германські мови” / О. М. Мосейчук. – Харків, 2009. – 20 с.
5. Тимчук О. Т. Семантико-стилістичне явище гри слів в українській мові: Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / О. Т. Тимчук; НАН України. Ін-т мовознав. ім. О. О. Потебні. — К., 2003. — 14 с.
6. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь: [ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / Klaus Brinker. – Berlin, 2001. – 168 S.
8. Ernst P. Germanistische Sprachwissenschaft / Peter Ernst. – Wien : Facultas Verlags- und Buchhandels AG, 2005. – 300 S.
9. Harweg R. Pronomina und Textkonstitution. [Електронний ресурс] / Roland Harweg. – München : Wilhelm Fink Verlag, 1968. – 394 S. – Режим доступа: <http://www.suehnekreuz.de/bayern/texte/pfundner2008.html>
10. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache / Wolfgang Fleischer. – 2., durchges., ergänzte Auflage. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1997. – 300 S.
11. Frankfurter allgemeine Zeitung. [Електронний ресурс] / FAZ. – Режим доступа: www.faz.net
12. Der Spiegel. [Електронний ресурс] / Der Spiegel. – Режим доступа: www.spiegel.de
13. Süddeutsche Zeitung. [Електронний ресурс] / SZ. – Режим доступа: www.sueddeutsche.de

Орел Ирина. Функции фразеологических единиц современного немецкого языка в публицистических текстах / Ирина Орел // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 200–205.

В статье на материале публицистических текстов современного немецкого языка рассмотрены приемы языковой игры и их влияние на реализацию прагматических функций немецких фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологическая единица, публицистические тексты, функция, языковая игра, интенция.

Orel Irina. Function of phraseological units of modern German in the publicistic texts / Irina Orel // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 200–205.

In the article some functions of phraseological units are described on the material of some publicistic texts of modern German. And connection of phraseological units with play words has been followed.

Key words: phraseological unit, publicistic texts, function, play words, intension.

Стаття надійшла до редакції 5 липня 2012 року

УДК 811.161.1'33:801.81

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА**

Осадчая Мирослава

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

Фразеологические аллюзии в авторском дискурсе О. Мандельштама – явление достаточно редкое, но весьма показательное для осмысления особенностей языковой репрезентации авторской концептосферы. Рассмотрение фразеологических аллюзий в художественном контексте позволяет уточнить нюансы работы механизма фразеологизации и дефразеологизации значения.

Ключевые слова: фразеологическая аллюзия, дискурс, фразеологические трансформы, прецедентная ссылка.

Фразеологические аллюзии – достаточно частотный стилистический приём, разнообразящий художественную речь, вместе с тем, стилистическая маркированность фразеологических единиц делает их материалом, использование которого языковой личностью являются вариативно и концептуально обусловленной. Для творчества О. Мандельштама в целом использование фразеологических аллюзий нетипично. Тем интереснее отдельные примеры, поскольку авторский подход к использованию фразеологически связанного значения в качестве исходной базы для порождения сложных дискурсивных смыслов во-многом характеризует его творческий «почерк».

Фразеологические аллюзии у Мандельштама чаще встречаются в 1920 – 1930 гг., что особенно заметно при сравнении фактора фразеологической образности с определённым минимализмом в использовании фразеологии в ранний период. Попытки Мандельштама в 1920 – 1922 годы принять новую советскую власть сменились раздражением. Как писала вдова поэта: «в 23 году произошло нечто, резко изменившее положение Мандельштама, <...> он вдруг был снят со счетов. Имя его исчезло из списков сотрудников всех журналов» [4, с. 13]. Неблагополучной обстановкой вокруг Мандельштама объясняются его обвинения в адрес литературы: «Скандалом называется бес, открытый русской прозой, <...>. Скандал живет по засаленному паспорту, выданному *литературой*. Он – *исчадие* ее, любимое детище» [6, с. 683]. Так, в толковании В. И. Даля негативная оценочность отделяется от фразеологически связанного значения лексического компонента, используемого для прецедентной ссылки: «изъятое» из фразеологизма *исчадие ада* слово *исчадие* трактуется ‘в укоризненном смысле: чадо из ряду вон’ [2, II, с. 65]. В современном словаре *исчадие* не толкуется вне фразеологизма *исчадие ада* [9, с. 256], а этимология связывает его со словом *чадо* ‘детище,

порождение' [13, с. 361]. Этот смысл и поддержан вторым предикатом – *детище*. Обусловленная же фразеологизмом неодобрительная коннотация соответствует общему саркастическому тону этого текста.

Отмечаются и отдельные примеры использования приёма дефразеологизации, когда компоненты фразеологизма обретают синтаксическую самостоятельность в контексте. Так известное выражение *на злобу дня* использовано в следующем предложении из критической статьи Мандельштама, где речь идет о поэте О. Барбье, обвинённом в «плагиате» *газетного* очерка (взятого французом за основу своего произведения): «*умение использовать злобу газетного дня для своего вдохновения ничуть не умаляет, а увеличивает заслугу поэта*» [6, с. 304]. В данном контексте никак не проецируется исходная библейская образность, где слово *злота* означало 'забота' [2, с. 187]. А реализация фразеологически связанного значения 'актуальность, волнующая всех тема' наблюдается и в свободной синтаксической позиции.

Лежащее в основе значения фразеологизма «типичное представление присваивается конкретным носителем языка, употребляющим фразеологизм в речи, и, преломляясь через систему его ценностей, через его мировоззрение, приобретает тот или иной личностный смысл» [3, с. 81]. Соответственно, окказионально измененные фразеологизмы интересны тем, что трансформированная форма отражает субъективное осмысление исходной единицы.

Так, в раннем стихотворении Мандельштама «Царское село» аллюзия на фразеологизм прочитывается, поскольку контекст исключает прямое номинативное значение употребленного слова:

*И возвращается домой –
Конечно, в царство этикета,
Внушая тайный страх, карета
С **мощами** фрейлины седой,
Что возвращается домой...* [5, с.76].

Словарное определение однозначного слова *мощи* – 'высохшие останки людей, почитаемые церковью святыми и чудотворцами' [11, с. 368]. Фразеологически связанное значение данного лексического компонента 'очень исхудалый человек'. Однако в данном контексте кроме исхудалого вида имеется одновременно и «почитание» (возраста и придворного статуса), и ироничная насмешка над иссушенной «древней» старушкой, поскольку именование *фрейлина* имплицитно подразумевает «привлекательность». Таким образом, наличие ключевого компонента фразеологизма позволяет восстановить потенциальные смыслы фразеологической единицы.

Предметная основа многих фразеологизмов восходит к прототипическим, базовым символам культуры. Представление о том, что с помощью жребия можно узнать волю богов, распространено у многих народов. Фразеологизм *бросить жребий* связан с полярными оценками судьбы: о *жребии* говорят, если жизненный путь складывается либо тяжело, либо счастливо:

*Ты **перенес** свой **жребий** **дивный**
То негодую, то шутя!* [5, с. 109].

Переменным компонентом во фразеологизмах со словом *жребий* указаны в словарях глаголы *бросать*, *кидать*, *метать* [7, с. 238]. Вместо *жребия* как одномоментного действия, определяющего будущее, *жребий* предстаёт как ‘чередование разных по удачливости периодов, которые как испытание надо *перенести*’ (этот глагол устойчиво сочетается со словом *невзгоды*). Общим в семантике с исходным фразеологически связанным значением предстает компонент смысла ‘непредсказуемость’.

Вообще, тема судьбы, выбора, рока актуальна для юного Мандельштама. В другом его раннем стихотворении «Медленно урна пустая...» встречаем ту же фразеологическую аллюзию:

...*Непонят, невынут, нетронут* –

Жребий, – и небо обманет,

И взоры в возможном потонут [5, с. 61].

Образная основа фразеологизма *тянуть жребий* в данном фрагменте раскрывается поэтапно, но порядок при этом «инверсивный»: надо бы *кинуть жребий*, затем *понять*. Такой контекст выявляет авторское недоверие к провиденциализму. Интересно, что стихотворение написано за месяц до принятия автором христианства, которое произошло, не взирая на иудаистское вероисповедание родителей и наперекор традиционному для России православию, – поэт перекрестился в Финляндии в протестантском храме по методистскому обряду.

В некоторых произведениях О. Мандельштама мы отмечаем использование фразеологических трансформов. Вообще, для фразеологических аллюзий, встречающихся в художественном дискурсе, характерно использование различного рода трансформаций. А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, характеризуя способы трансформации фразеологизмов, отмечают «возможности их интуитивного семантического анализа в речи», когда встречается «отдельное употребление их субстантивных компонентов, сосредоточивающих вещественное содержание, “ядро” фразеологического значения» [7, с. 219], так отфразеологическая лексика обретает самостоятельный статус. Устаревшие формы лексем, закрепившихся в составе устойчивых фразеологических выражений, при авторском преобразовании формы фраземы служат ее опознавательным знаком. Тем самым видоизменённый фразеологизм может варьироваться или получать индивидуальную интерпретацию, оставаясь опознаваемым.

Например, в стихотворении «Где ночь бросает якоря...» Мандельштам свою неодобрительную оценку октябрьскому перевороту даёт в гневном обращении: «*Сухие листья октября, Глухие вскормленники мрака, Куда летите вы?*» [5, с. 143]. Предположительная датировка 1917 годом объясняет обличительные интонации произведения:

Для вас потомства нет – увы! –

Бесполая владеет вами злоба,

Бездетными сойдете вы

В свои повапленные гробы... [5, с. 144].

В приведённом фрагменте наблюдается контаминация двух фразеологизмов. Контекст актуализирует смысл ‘умрете вы’, поскольку сохранена прецедентная

связь с фразеологизмом *сойти в могилу* [11, с. 186], окказионально видоизмененным – *сойти в гроб*. А вот ко второму фразеологизму отсылает слово *повапленные*. Значение глагола *повапить* в словаре В. И. Даля толкуется ‘выбелить или окрасить’, иллюстративным материалом приводится фраза из Евангелия от Матфея (XXIII, 27), даже без указания источника, как общеизвестная: «подобитесь гробам повапленным, раскрашенным снаружи» [2, III: с. 141]. В современном словаре уже приведена только причастная форма *повапленный*, причем в составе фразеологизма *гроб повапленный*. Используется для неодобрительной оценки кого-то, ‘скрывающего за привлекательным видом самые отрицательные, дурные качества’ [11, с. 155]. Таким образом, хотя здесь в контексте за словосочетанием *повапленные гробы* не мыслится одушевленный субъект оценки, (слово *гробы* выступает в прямом значении), сам устаревший глагол связан с фразеологизмом, вне которого уже не употребляется. Сохраняющаяся неодобрительная оценочность таким образом обусловлена именно его фразеологически связанным значением.

Думается, можно видеть фразеологические аллюзии и в следующем контексте, хотя опознаваемый «ключевой» компонент здесь видоизменен. «*А все-таки в Тенишевском были хорошие мальчики. Из того же мяса, из той же кости, что дети на картинах Серова*» [6, с. 370]. Сравнение с бестелесными изображениями на холсте изначально задает иронический оттенок: слова *мясо, кость* здесь употребляются в переносном смысле. А вот по форме это аллюзия со ссылкой на фразеологизм *испечен (сделан) из того же теста* – ‘быть похожим с другим (по образу жизни, характеру, взглядам)’ [8, с. 457]. В тексте Мандельштама метонимически сформированный семантический компонент этого фразеологического выражения сохраняется – одинаковый ‘материал’ обуславливает одинаковое содержание ‘изделия’, но меняется предметно-образная основа. Не согласующиеся по смыслу сопоставляемые объекты сравнения подчеркивают ирреальность того, что осталось лишь воспоминанием. Для автора это воспоминания детства: «образ, лежащий в основе переосмысления, вызвал психологическое напряжение» [4, с. 180]. Фразеологизм *из того же теста* имеет потенциальное указание на ‘создателей’ (учителя Тенишевского училища), которые формируют, «лепят» своих воспитанников по единому образцу, – этот смысл и присутствует в макроконтексте.

В ходе анализа механизма создания авторских речевых образов на основе образных единиц языка важным показался тот момент, что «правильнее говорить не об абсолютной устойчивости фраземы, а об относительной ее устойчивости» [1, с. 26]. Действительно, в художественном дискурсе сохраняются ассоциативные связи между компонентами фразеологических единств и их генетическими прототипами – словами. При этом фразеологизм опознается, даже если эти слова функционируют в их прямом номинативном значении. Как видно на приведенных примерах, фразеологизм библейского происхождения, даже видоизмененный, сохраняет высокую стилистическую окраску, что позволяет проявить авторскую иронию. Иронический контекст способствует проявлению амбивалентной оценочности. Таким образом, можно говорить о «постоянном пересоздании объема

и содержания культурной коннотации фразеологизма в речи говорящим» [3, с. 159], поскольку в авторском тексте коннотации могут изменяться на противоположные.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т / В. И. Даль. – СПб. : ООО «Диамант», 2002.
3. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
4. Мандельштам Н. Я. Из «Второй книги» // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. Стихотворения. Проза. / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. – С. 6–32.
5. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. Стихотворения. Проза. / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. – 368 с.
6. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. Стихотворения. Проза. / Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. – 704 с.
7. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Изоморфизм между семантикой и формой фразеологической единицы и принципы построения словарных дефиниций / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Слово – сознание – культура / Сост. Л. Г. Золотых. – М. : Флинта: Наука, 2006. – С. 211–228.
8. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 1997. – 864 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1987.
11. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1 / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 2006. – 621 с.

Osadcha Miroslava. Фразеологічні алюзії в художньому дискурсі О. Мандельштама / Мiroslava Osadchaya // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 206–210.

Фразеологічні алюзії в авторському дискурсі О. Мандельштама – явище досить рідкісне, однак показове для осмислення особливостей мовної репрезентації авторської концептосфери. Розгляд фразеологічних алюзій у художньому контексті дозволяє уточнити нюанси роботи механізму фразеологізації і дефразеологізації значення.

Ключові слова: фразеологічна алюзія, дискурс, фразеологічні трансформи, прецедентне посилання.

Osadchaya Miroslava. Phraseological Allusions in Literary Discourse of Osip Mandelstam / Miroslava Osadchaya // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 206–210.

Phraseological allusions in the author's discourse, Osip Mandelstam - a rare phenomenon, but rather a demonstration for understanding features of language representation of the author conceptsphere. Consideration of phraseological allusion in an artistic context allows us to refine the nuances of the mechanism and frazeologizatsiidefrazeologizatsii value.

Key words: phraseological allusion, discourse, phraseological transforms, case law references.

Стаття надійшла до редакції 28 березня 2012 рок

УДК 811.161.1:81'42

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РОМАНЕ В. П. АСТАФЬЕВА
«ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»
(К ОСОБЕННОСТЯМ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЙНА»)**

Осипова Александра

ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»,

Магнитогорск, Россия

В статье на материале романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» анализируются устойчивые и индивидуально-авторские сравнительные конструкции как прием создания языковой игры. Определяются функции и роль сравнений в вербализации одного из ключевых концептов писателя – концепта «Война».

Ключевые слова: сравнительная конструкция, концепт «Война», В. П. Астафьев, языковая игра.

Изначально внимание к феномену языковой игры (ЯИ) было связано с изучением художественной литературы. В настоящее время ЯИ называют широкий круг явлений, имеющих место не только в художественной литературе [12], но и в разговорной речи [11], в языке СМИ [5]. «ЯИ является важной составляющей, неизменным компонентом русской языковой действительности» [6, с. 28–29]. В силу многогранности содержание термина «ЯИ» у исследователей неоднозначно. Тематика и материал настоящего исследования отвечают широкому пониманию термина «ЯИ». Это «реализации поэтической функции языка», где главную роль играют разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. п.) [11, с. 172–174], «творчество в языке, ориентация на скрытые эстетические возможности языкового знака» [8, с. 168].

Выбор в качестве источника исследования творчества В. П. Астафьева не случаен. В. П. Астафьев, по общепринятому мнению, стал виднейшим представителем той прозы, которую долгое время условно именовали «деревенской». В его «высокохудожественных произведениях, органично сочетающих философичность, социальный пафос, углубленный психологизм, рассматриваются наиболее важные слагаемые современного народно-национального бытия» [4, с. 10]. Критики отмечали народность как одну из основных черт и писателя, и его творчества: «Народность Виктора Астафьева – в нем самом, его судьбе, в его родословной, в его речах – и только после этого – в его книгах <...> Виктор Астафьев самобытен и в своих суждениях, в своих привычках, без какого-л. стереотипа, столь излюбленного в наши времена» [13, с. 12]. Изучение творчества В. П. Астафьева с лингвистической точки зрения, несомненно, является актуальным. Это автор, писавший на протяжении полувека и отразивший в своих

произведениях размышления о жизни, о назначении человека на земле, его нравственных устоях, о русском народном характере.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что язык произведений В. П. Астафьева представляет собой богатейший источник для лингвистических изысканий. Однако подобных научных работ немного. Мы исследуем ключевые концепты творчества В. П. Астафьева как элементы художественной картины мира писателя. Таким элементом является концепт «Война», который лингвисты причисляют к одному из самых значимых в русской языковой картине мира [7, с. 207]. Анализируемый концепт относится к числу ведущих в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты». По существу, этим произведением автор попытался скорректировать традиционный взгляд на саму Великую Отечественную войну и на победу в ней. И главным здесь стал вопрос о цене победы: «не было победы, а тем более Победы, потому что мы просто завалили врага своими трупами, залили его своей кровью» [2, с. 14]. В романе автор нарисовал впечатляющую картину нового апокалипсиса, где человек убивает человека, теряя при этом свое человеческое обличье. Изображая войну как всеобщую массовую смерть, В. П. Астафьев преследует определенную цель – низвергнуть те лживые представления о Великой Отечественной войне, которые были навязаны советской пропагандой. Не случайно в комментариях к роману автор пишет: «... об этой войне столько наврали, так запутали все, с нею связанное, что в конце концов война сочиненная затмила войну истинную. Заторами нагромоздилась ложь не только в книгах и трудах по истории прошедшей войны, но и в памяти многих сместилось многое в ту сторону, где была война красивше на самом деле происходившей...» [2, с. 9].

В. П. Астафьев признавался, что ему хотелось запечатлеть весь ужас войны, внушив к ней отвращение. Отсюда обилие натуралистических деталей, передающих звуки, запахи, цвета войны, пристрастие автора к изображению страданий человеческого тела, которое грызут вши, которое терпит голод, холод, боль. Отсюда же постоянно воспроизводимое художником зрелище обезображенных, разложившихся в воде и изъеденных крысами, исклеванных воронами мертвых тел. «Эта высочайшая, никак не дозированная степень “физиологизма”, не встречавшаяся ранее в военной прозе, помогает автору явить безобразный лик войны» [10, с. 90].

В данном ключе прием сравнения стал одним из излюбленных у В. П. Астафьева индивидуально-творческих инструментов описания действительности. Ткань романа писателя «Прокляты и убиты» пронизана как устойчивыми, так и свободными сравнительными конструкциями (СК). Как элементы ЯИ все они призваны максимально экспрессивно и разносторонне отобразить те или иные признаки описываемого субъекта сравнения, в общеизвестную характеристику кого-, чего-либо внести свои неповторимые, но существенно обогащающие представление дополнения.

Для данного исследования мы ограничились выявлением СК, в состав которых входят сравнительные союзы *как, будто, словно, точно, что*. Все они могут быть разделены на несколько групп, например, 1) СК, описывающие человека в условиях

войны; 2) СК, рисующие быт солдат; 3) СК, изображающие военную технику, оружие и т. д.; 4) СК, характеризующие само явление войны; 5) СК, передающие представление о смерти на войне. Объем статьи не позволяет рассмотреть все единицы, поэтому целью данной работы является анализ наиболее обширной по числу вербализаторов концепта «Война» группы – группы СК, описывающих человека в условиях войны.

В описываемую группу входят как устойчивые СК, так и свободные. Имеющийся материал позволил выделить несколько подгрупп единиц отличающихся по характеру субъекта, который подвергается сравнению.

1. Подгруппа, где субъектом сравнения является простой русский солдат. Самой частотной здесь является устойчивая СК как *(что) дитя/дети*: *Радуюсь обновке, что дитя малое, Коля Рындин примерял ботинки...* (с. 36)¹; *Ребята-казахи радовались, как дети, и такой одежке, да они и были еще детьми...* (с. 65); *Бойцы что дети сбились вокруг, ждут, нетерпеливо приплясывая, радуются, получив подарочек...* (с. 292). В романе речь идет о новобранцах – в основном молодых парнишках, только вступающих во взрослую жизнь, поэтому наивных и неопытных. Так их воспринимает и повествователь. Но в запасном полку солдатам сразу дают понять, что они – лишь безлика серая масса: *Деловитый гул, прерываемый выкриками и руганью ходил над обширной площадкой <...> «Взвод, на построение!», «Быстренько! Быстренько! Освободить столы!», «Жуете, как коровы! Пора закругляться!»* (с. 21); *Щусь терпеть не мог, тем более смотреть, как истязает ротный подчиненных, орет на них, будто на безрогое стадо...* (с. 81). Два последних примера характеризуют не солдата, а принцип отношения к нему со стороны начальства. В последнем примере обыгран устойчивый оборот как *(словно, точно) стадо*: не сами солдаты ведут себя подобным образом (действуют «неорганизованно, вразброд, беспорядочно или панически» [9, с. 643]), а так их изначально воспринимает ротный – как тупых и лишенных человеческого облика существ. Иногда действительно человеческий облик стирается, особенно когда речь идет о непрекращающемся чувстве голода: *На виду у алчущих добавки масс, толпящихся у раздаточного окна, как у царских врат иль «жадную толпою у трона», выскребут остатки картох из баков, вычерпают самые жоркие одонки похлебки и хлесь это добро в отходы для свиней* (с. 122). В представленном примере сравнительную функцию оригинально выполняет в том числе интертекстема – строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта». В запасном полку «обретаются» так называемые доходяги, которые раздражают не только начальство, но и своих же товарищей. Это опустившиеся люди, живущие только первобытными инстинктами. Таким предстает Петька Мусиков: *Но унять и удалить Петьку Мусикова с нар не так-то просто. Он обхватывает столб руками и ногами, будто паук лапами, и вопит...* (с. 133). Но в полку есть и русские богатыри в лице старообрядца Коли Рындина, о котором лейтенант Щусь сокрушается, что *его бы*

¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Астафьев В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. – Т. 10. Прокляты и убиты : роман. – С. 5–744. Следующие примеры даются с указанием страницы в круглых скобках.

дома оставить на развод, **как племенного жеребца**, чтоб род крепить, народ плодить... (с. 163). В трех последних контекстах ЯИ в виде представленных СК имеет установку на комический эффект. В. П. Астафьев в своем творчестве никогда не забывает поиронизировать над советской действительностью, над идеологией партии. Например, пожилой солдат Финифатьев, который пользуется авторской симпатией, по словам автора, очень боялся *этаким откровенной надуваловки, хотя мошенничать, надуть, воровать и жульничать по-мелкому, как и все советские колхозники, давно навек, иначе не выжить в социалистической системе* (с. 365).

Наряду с иронической функцией сравнение как прием ЯИ используется и для придания повествованию трагичности. В романе В. П. Астафьев резко критикует, в первую очередь, руководителей России разных времен, необдуманно, безрассудно распоряжающихся жизнями простых солдат; военачальников, бросающих огромные массы народа на бессмысленную смерть. Употребление ряда устойчивых и свободных СК подтверждает эту мысль: *Как же так? Они ж орлы, герои, а их косят, как траву, какие-то зачуханные японцы в очках?* (с. 88); *Бьем врага отчаянно! Трудимся героически! Живем патриотически! <...> Едины мы и непобедимы!.. И вот на тебе – враг на Волге, под Москвой, под Ленинградом, половину страны и армии как корова языком слизнула...* (с. 24). В последнем примере на передний план выступает противоречие, возникающее между установками коммунистической партии и реальным положением вещей на фронте в Великой Отечественной войне. Квантитативным значением, в котором, помимо основной семы, содержится сема ‘массовость’, обладает и СК *как один*. Данное сверхсловное образование дополняет в романе В. П. Астафьева картину масштабности гибели русских солдат: *Порой отчаяние охватывало старого вояку, познавшего не только самое войну, но и все прелести, сопутствующие ей, не раз, не два хватался он за голову: «Погибнут! Все как один погибнут, сгорят в том неразборчивом, всепожирающем огне войны...»* (с. 280). Но наибольшую образность имеют все же авторские СК: *Но одно-единственное, редкое <...> слово «окружение» правило несметными табунами людей <...> Лавина, будто речка среднерусских земель в половодье, увеличивалась, полнела, ширилась, хотя ее и бомбили с воздуха непрерывно...* (с. 117); *Товарищи комиссары из военкоматов <...> как-то сразу запомнили, что это есть дети «смертельной контры», гребли всех подряд, бросали в огонь войны, будто солону навильниками, отодвигаясь на такое расстояние, чтоб их самих не пекло* (с. 263). Одна из самых ужасных сцен первой книги романа «Прокляты и убиты» – сцена расстрела братьев Снегиревых, самовольно ушедших на несколько дней к матери в деревню. Парни даже не поняли, что совершили преступление и искренне удивлялись, что их ищут. На расстрел отправили четыреста человек: такое количество считалось достаточным для «высокоидейного воспитательного мероприятия». Рассуждая о судьбе Снегиревых, помкомвзвода Яшкин сокрушается: *и что значат какие-то парнишки Снегиревы? Таких Снегиревых унесет военной бурей в бездну целые тучи, как пыль и прах во время смерча уносит в небеса* (с. 198–199).

2. Подгруппа СК, где субъектом сравнения является тот или иной военачальник. Для образной характеристики командующего состава армии чаще

всего В. П. Астафьев использует СК с отрицательной коннотацией. Это могут быть устойчивые единицы: *Подполковник пропустил мимо ушей опасную реплику своего начальника и, словно заведенный, ровным, утомленным голосом продолжал вводить в курс дела генерала, уныло, будто по книжке читал о том, что русская артиллерия <...> крушит все и вся* (с. 638–639); авторские образования иронического плана: *после здорового сна он [командир ротного артиллерийского полка – А. О.] выпячивал бочкой круглящуюся грудь, на которой оттопыренно, точно у бабы, болталась пара медалей* (с. 625); *Командиру полка предстояло выступить, но что говорить – он придумать не мог, вот и тужился, будто на горшке* (с. 739). Тыловикив, откровенно обворовывавших солдат, называют пособниками Гитлера: *Почти год прошел, но пособников Гитлера выбирают и выбирают, как вшей из мотни солдатских штанов. Пособники Гитлера держались кучно, ругались, спорили...* (с. 406). В последнем примере также сквозит явная ирония: ясно, что «вшей» этих много и выбраны они будут не скоро.

Но среди начальства были и те отцы-командиры, которые жалели и уважали своих солдат: *...Шпатор есть Шпатор. Не напрасно он две войны и тюрьму обломал, набрался ума-разума, сквозь землю зрит, бойца своего, как родное дитя, бережет и любит* (с. 277). Здесь СК является вариантом устойчивых единиц как *родной, как родного*, в целом реализует их значения (ср. соответственно «Быть кому-л., для кого-л. близким, желанным, любимым человеком»; «**Встретить, принять** кого-л. – радушно, сердечно, окружив заботой и вниманием» [9, с. 554]). Солдаты, в свою очередь, также понимают, что *без командира на войне, как в глухой тайге без проводника* (с. 417). Интересны авторские СК, живописующие командный состав с точки зрения солдат: *И спрятать картофель негде – старшина сделает шмон, а видит он, змей подкольный, будто щука в пруду, любую малявку под любой корягой узрит...* (с. 58); *Так вот, словно бы неся гроб на спине, обитый серебристой серой материей, пронзил живую плоть столовой генерал и исчез в противоположных дверях...* (с. 73–74).

Ряд устойчивых СК в повествовании В. П. Астафьева подвергается трансформации. Так, например, СК *как гусь* зафиксирована в словаре в значении «**Шипеть**. Говорить злым шепотом или сквозь зубы» [9, с. 142] и несет пейоративную оценку. В анализируемом романе она призвана изобразить особую походку командира – образец военной выправки, и оценка меняется на прямо противоположную: *Щусь ходил как гусь <...> грязь не взобьет, сучка не переломит, ни травинки, ни хвоинки не сомнет, одно слово – балет!* (с. 78). Частично трансформировано значение СК *будто помидор*: *–... не позавидуешь тому, кто под разрыв попадает, – вещал веселый офицер с мордой светящейся, будто минусинский помидор* (с. 444). Здесь упускается основное слово-сопроводитель *красный*, обозначающее главный признак [см. 9, с. 490], но заменяющая его лексема *светящийся* тем не менее не искажает узуального значения СК, ср.: «Преим. о полнокровном, упитанном человеке» [Там же].

3. Подгруппа, где субъектом сравнения является представитель противоборствующей стороны. Парадоксально, но кроме того, что русскими немец закономерно воспринимается как нечто сугубо враждебное, сами немцы зачастую

воспринимают своих товарищей точно так же. Отсюда и употребление СК, реализующих экспрессивно-пейоративную функцию: [Макс Куземпель о Гольбахе – А. О.] *Гольбах – хьер моржьбовый – совсем осатанел от войны, орет что попало, трясется как припадочный, кровь проливает...* (с. 477); *Мезингер совсем не так представлял себе отход боевой части, тем более своей роты. Она должна сражаться до последнего <...> А они бегут! И как бегут! Зады трясутся, что у баб, ранцы клапанами хлопают, будто рыжие крылья на спинах взлетают...* (с. 680); *Мезингер этот глуп как пуп, в войне ничего не смыслит <...> А он, Гольбах, как-никак повидал и жизнь, и войну всякую* (с. 683). Интересно использование устойчивой СК как пионер («**Готов, всегда готов** исполнить, выполнить что-л.» [9, с. 471]). В узуальном значении она употребляется автором при описании работы русских связистов: *Убегать связисту всегда приходится последнему, поэтому он всечасно начеку, к боевому маневру, как юный пионер к торжественному сбору, всегда готов...* (с. 494). В следующем примере приводится кощунственное по советской идеологии сопоставление русских и немцев: *Дитя гитлерюгенда Зигфрид Вольф, как и советский пионер, ничего божеского не знал...* (с. 630). В данном случае СК теряет статус устойчивой из-за буквализации своего значения.

Таким образом, проанализированный материал позволил сделать вывод о том, что сравнение можно рассматривать как один из приемов ЯИ. В романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» сравнение придает повествованию особую выразительность и изобразительность, позволяя художнику наполнить описываемый субъект сравнения своеобразным содержанием. Конечно, наибольший интерес представляют индивидуально-авторские, астафьевские СК, в которых образность достигает максимальной концентрации. СК, будучи вербализаторами концепта «Война», значительно обогащают его содержание, хотя и входят в периферийную часть. В настоящей статье начато подробное исследование СК в творчестве В. П. Астафьева. В перспективе намечается рассмотрение СК обозначенных нами выше других групп, а также СК не только в форме сравнительных оборотов, но и в форме отдельных предложений, введения сравнения в текст с помощью лексем *похож, подобен, напоминает* и др., «творительных сравнений» (сущ. в *Т. п.*). Индивидуализированная речь более подвижна и в силу этого более отзывчива к изменениям и в языковой, и в социально-культурной среде. «Изучение авторизованных текстов позволяет увидеть материал в ином ракурсе, предоставляя базу для сравнительного анализа общенациональной и индивидуальной составляющих концепта» [3, с. 3].

Список литературы

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. – Т. 10. Прокляты и убиты : роман. – С. 5–744.
2. Астафьев В. П. Сюжеты и судьбы. (Монолог о времени и о себе) // В. Астафьев. Всеми своим час / В. П. Астафьев. – М. : Молодая гвардия, 1993. – С. 7–25.
3. Богатова С. М. Концепт «дом» как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф : дис. ... канд. филол. Наук / С. М. Богатова. – Омск, 2004. – 312 с.

4. Большев А. О. Проблема народного характера в творчестве В. Белова, В. Астафьева, В. Распутина : дис. ... канд. филол. наук / А. О. Большев. – Л., 1986. – 172 с.
5. Ильясова С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ / С. В. Ильясова. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 2002. – 360 с.
6. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 296 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
8. Норманн Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец / Б. Ю. Норманн. – Минск : Вышэйш. шк., 1987. – 220 с.
9. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : ООО «Рус. словари» : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 800 с.
10. Разуvalова А. И. Метафорика семьи в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» / А. И. Разуvalова // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха» / отв. ред. А. М. Ковалева. – Красноярск : Изд-во КГПУ им. В. П. Астафьева, 2009. – С. 89–92.
11. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Н. Н. Розанова, Е. А. Земская, М. Я. Гловинская [и др.] ; отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1983. – 240 с.
12. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры : моногр. / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 533 с.
13. Смолин А. П. В потоке времени (писатель Виктор Астафьев в литературной Вологде 1970-х гг.) / А. П. Смолин // Вологодские затеси Виктора Астафьева : материалы к творч. биографии писателя / гл. ред. С. А. Тихомиров. – Вологда : Книжное наследие, 2007. – С. 6–76.

Осипова Александра. Порівняльні конструкції як засіб створення мовної гри в романі В. П. Астаф'єва «Прокляті й убиті» (до особливостей вербалізації концепту «Війна») / Александра Осипова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 211–217.

У статті на матеріалі роману В. П. Астаф'єва «Прокляті й убиті» проаналізовано стійкі й індивідуально-авторські порівняльні конструкції як прийом створення мовної гри. Визначено функції і роль порівнянь у вербалізації одного з ключових концептів письменника – концепту «Війна».

Ключові слова: порівняльна конструкція, концепт «Війна», В. П. Астаф'єв, мовна гра.

Osipova Alexandra. Comparative Constructions as a Means of Language Game Creating in the Novel “The Cursed and The Slain” (Proklyaty i ubity) by V. Astafiev (distinctive features of the concept “War” verbalization) / Alexandra Osipova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 211–217.

The paper analyzes fixed and individual author's comparative constructions as a means of language game creating. It determines the functions and the role of the comparatives in the verbalization of one of the author's most important concept “War”.

Key words: comparative construction, the concept “War”, V. Astafiev, language game.

Стаття надійшла до редакції 2 травня 2012 року

УДК 811.14'06'373.7(045)

ОНІМНА ГРА ЯК ЗАСІБ НЕОЛОГІЗАЦІЇ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ У ГРЕЦЬКІЙ МОВІ

Сагірова Ольга

Донецький національний університет,

Донецьк, Україна

У статті простежено засоби неологізації грецьких фразеологізмів з онімним компонентом. Встановлено причини формування народних і авторських фразеологічних оказіоналізмів та особливості їх функціонування у грецькій мові.

Ключові слова: неологізм, фразеологічна одиниця, онімний компонент, оказіоналізм, власне ім'я.

У грецькій мові, як і в більшості інших, існує ряд фразеологічних одиниць (ФО) із національно маркованим компонентом «власне ім'я» (ВІ). Такі одиниці являють собою дуже колоритний шар фразеологічної системи, який привертає увагу все більшої кількості дослідників.

Спроби дослідити фразеологізми з онімним компонентом (ФОК) були ще в ХІХ – на поч. ХХ ст. у роботах О. О. Потебні, Ф. І. Бусласва, Ф. І. Сумцова, В. І. Даля та інших. У їхніх роботах відзначалася важлива роль власного імені, як яскравого засобу експресії, відзеркалення історичних подій, тощо.

Матеріали останніх ономастичних конференцій та конгресів свідчать про певний відхід ономастів-фразеологів від традиційних розвідок, зв'язаних з генезисом, структурою та семантикою ФОК, акцент досліджень поступово зміщується до вивчення таких чинників як характер мотивованості фразеологізмів з компонентами ВІ в східнослов'янських мовах (Бабич, 1990), функціонування ФОК у поетичному тексті (Маркітанов, 1990), пошук конвергентних ФОК на матеріалі російської та української мов (Алефіренко, 1990) [2, с. 413].

Однак, якщо використання власних назв у складі ФО було досліджено в російській мові (Т. М. Кондратьєва, В. Д. Бояркін, К. М. Бетехтіна), польській (А. М. Кравчук), українській (О. А. Мороз, А. М. Кравчук), французькій (Н. Р. Філіппакі), німецькій, російській, англійській (К. Назаров), у новогрецькій мові це питання вивчено не достатньо, оскільки більшість робіт на матеріалі новогрецької мови висвітлюють лише загальні питання грецької фразеології, або перекладу фразеологізмів (А. О. Савченко), тоді як прошарок ФОК залишається поза увагою лінгвістів. Саме тому вивчення ФО з власними назвами у новогрецькій мові та спроба простежити засоби їх неологізації внаслідок зміни онімного компоненту є особливо *актуальними* сьогодні. Подібне дослідження дозволить більш глибоко зрозуміти процеси, що відбуваються у комунікативному процесі між адресантом – текстом – адресатом та дасть змогу вивчати людину в мові.

Наукова новизна роботи полягає у виявленні національної своєрідності онімів –

компонентів грецьких ФО, а також встановленні причин формування народних фразеологічних okazіоналізмів з ВІ.

Мета роботи – дослідити особливості використання грецьких фразеологічних неологізмів та okazіоналізмів, у яких неологізація відбувається за рахунок онімної гри.

Досягнення поставленої мети визначило необхідність вирішення таких *завдань*, як:

- 1) виявити в грецькій мові контексти, що містять приклади онімної гри в межах ФО;
- 2) дослідити закономірність використання онімної гри у фразеології на різних рівнях комунікації;
- 3) встановити семантичні видозміни власного імені у фразеології;
- 4) розглянути конотації компонента «власне ім'я» в межах фразеологічних неологізмів і взаємовплив значення ВІ та ФО.

Головним *об'єктом* дослідження є ФОК новогрецької мови, а *предметом* – особливості їх неологізації за рахунок онімної гри.

Аналіз утворення та функціонування в мові грецьких фразеологічних неологізмів та okazіоналізмів, які виникли внаслідок онімної гри, досі не був об'єктом дослідження в Україні. Проте саме такі фразеологізми є однією зі складових, за рахунок яких постійно поповнюється скарбниця національної грецької фразеології. Також слід зазначити, що серед учених немає єдиної думки в питанні, чи вважати неологізм і okazіоналізм синонімами або розглядати їх як різні поняття. У пропонуваній роботі ми будемо розглядати ці поняття як синонімічні, спираючись на думку Ж. В. Колоїз, яка вважає, що «оказіональність розглядається як початковий етап «життя» кожного неологізму: нові явища створюються не всіма носіями мови одночасно, а окремим індивідом. Новоутворення, що не виходять за межу конкретної ситуації спілкування, функціонує як okazіональний неологізм. Новоутворення, що долає межу конкретної ситуації спілкування й не виходить за межу пасивності, кваліфікується як узуальний неологізм» [1].

Враховуючи той факт, що відсутність змін у формі організації мови супроводжується низькою інформативністю, для досягнення високої інформативності в текстах потрібно порушити цю форму організації. Саме тому в грецькій мові прислів'я, що зазвичай є усталеними виразами як на фонологічному, так і на синтаксичному та лексичному рівнях, використовуються з порушеннями цієї усталеності. Згідно з нашим дослідженням, зміни в межах ФОК відбуваються в таких випадках:

Фонологічна зміна

Звукова спорідненість між складовим компонентом і зовнішнім компонентом¹ збільшує інформативність. Згідно з Grésillon & Maingueneau [6, с. 116], прислівникове відхилення відповідає більшою мірою своїм цілям, коли прислів'я

¹ Зовнішніми називаються компоненти, які замінюють складові компоненти прислів'я.

зазнає мінімальних змін, тобто коли змінюється тільки одна фонема:

Στου [Κασσίμη] το κεφάλι - Στου κασσίδη το κεφάλι (όλοι κάνουν τον κουρέα).

Цей вислів неможливо зрозуміти поза контекстуальним оточенням. Якщо передати буквально значення вихідного фразеологізму *στου κασσίδη το κεφάλι* (όλοι κάνουν τον κουρέα) – воно означає, що кожен може робити вигляд, що він гарний перукар, працюючи з лисою головою. Однак використовується цей вислів, коли хтось намагається щось зробити, не маючи впевненості в результаті. Аналог в укр.: не моє – не шкода. Також греки використовують цей вислів у скороченій формі: *στου κασσίδη το κεφάλι*, що має те ж саме значення.

Зміна слова *κασσίδης* (лисий) на онім *Κασσίμης*¹ надала ФО ще більшого пейоративного відтінку.

Наступне висловлювання було опубліковано в газетній статті під час передвиборчої кампанії, коли баскетболіст П. Фасулас висувався кандидатом у депутати. Замінивши слово *φασούλι* (квасоля) на прізвище *Φασούλα*, автор домігся гри слів. Політична партія, яка підтримувала певного кандидата, поступово поповнювала список кандидатів у депутати. Серед імен було й ім'я баскетболіста.

Φασούλα τον Φασούλα γεμίζει η σακούλα

Φασούλι το φασούλι γεμίζει το σακούλι – букв.: квасоля до квасолі, наповнюється кошик. Аналог в укр.: з миру по нитці - голому сорочка.

При подальшому аналізі ми повинні взяти до уваги той факт, що прислів'я із ОК використовують як стилістичні засоби, оскільки вони зазвичай є особливими за своєю формою. Збереження цієї форми у свою чергу може вплинути на функціональність нового речення.

Так, у проаналізованих грецьких ФОК, ми спостерігаємо забезпечення ритму завдяки збереженню кількості складів компонента, який заміщується:

Ένας [Βούγιας] δε φέρνει την άνοιξη²

Ένας κούκος δε φέρνει την άνοιξη – букв.: одна зозуля не приносить весни. Аналог в укр.: одна ластівка весни не робить; одна ластівка - то це не весна; з одного квіту вінка не зів'єш (не сплетеш).

Зміна слова *κούκος* на онім *Βούγιας*³, який має таку ж кількість складів привертає увагу читача. Автор статті, використовуючи ім'я відомого політика, намагається донести свою головну думку, що одна людина не може змінити політичний стан у країні на краще.

У деяких ФОК відбувається зміна одного оніма на інший, при цьому зберігається однакове закінчення, що надає вислову поетичності:

Έχω μπάρμπα στην [Βοστώνη]

Έχω μπάρμπα στην Κορώνη

Як бачимо з прикладу, загальне значення фразеологізму (мати (десь) свою руку,

¹ *Κασίμης* – бунтівник, якого було вбито поліцією у 1977 р.

² Спочатку наводимо приклад фразеологічного okazionalizmu. У квадратних дужках [] вказуємо складові компоненти, які були замінені на інші або ті, що додатково використовуються у межах фразеологізму. Нижче наводиться прислів'я у відомій (словниковій) формі.

³ політичний діяч Греції.

мати тил, зв'язки) залишається однаковим. Зміна оніма Короні (лиман на півдні Пелопоннесу) на Бостон (місто США) пов'язано лише із темою статті, у якій мова йде про Америку.

У деяких випадках збереження ритму, кількості складових та однакових закінчень у ФОК навмисно не відбувається. Такі вислови ще більше привертають увагу читача:

Ο κόσμος τό 'χει τούμπανο[και το Μαξίμου] κρυφό καμάρι

Ο κόσμος τό 'χει τούμπανο κι εμείς κρυφό καμάρι

Буквально: у світі про це всі барабанять, а ми гордо це приховуємо. Аналог в укр.: таємниця Полішинеля, тобто така «таємниця», яка й так усім відома.

У грецькому публіцистичному тексті до цього вислову було додано інший онім – то Μαξίμου, який означає Кабінет Міністрів. За рахунок цього додавання підкреслюється байдужість влади до проблем народу.

Лексична зміна

Згідно із З. Гавріїліду [5], можна вважати, що оказіональні прислів'я належать до естетичних неологізмів, які характерні для мови літераторів, що зацікавлені в тому, щоб привернути увагу читача, донести до нього необхідну інформацію, а не задля збагачення фразеології грецької мови. Вони мають такі спільні риси: 1) мають тенденцію до римування; 2) виражають оригінальним засобом поняття, які не є новими; 3) є ефемерними, однак їх кодифікація не виключається, тобто можливе прийняття цих ОФН мовною спільнотою; 4) пов'язані особисто з автором; 5) мають часто незвичну форму та побудовані на прийомі руйнування очікуваного.

Таким чином, ми можемо констатувати, що фразеологічні неологізми підвищують інформативність, оскільки досягають:

- відхилення від очікуваного;
- виокремлення основної ідеї контексту;
- передачі повідомлень, які мають на увазі.

Граматична зміна

Іноді, коли починаємо читати прислів'я, замість очікуваного слова на його місці з'являється інше слово тієї самої або іншої граматичної категорії. Найпростіша форма заміни – це коли замінюється тільки один із складових компонентів прислів'я. Слово, яке замінюється, може належати до будь-якої граматичної категорії:

загальна назва, яка замінюється:

– **загальною назвою:**

Στη [δράση] κολλάει το σίδερο (δράση – діяльність),

Στη βράση κολλάει το σίδερο (βράση – розпал) – куй залізо, поки гаряче;

– **власною назвою:**

Ένας [Βούγιας] δε φέρνει την άνοιξη (Βούγιας – політичний діяч Греції),

Ένα [«Νύμα»] δε φέρνει την άνοιξη (Нігма – назва електронного журналу),

Ένας ... [Γκατσιούδης] δε φέρνει την άνοιξη (Γκαцсудіс – олімпійський чемпіон, металник спису),

Ένα χελιδόνι δε φέρνει την άνοιξη (букв.: одна ластівка не приносить весни),

Ένας κούκος δε φέρνει την άνοιξη (букв.: одна зозуля не приносить весни);

власна назва, яка замiнюється:

– загальною назвою:

Όλοι οι δρόμοι οδηγούν [στο πάρκο] (букв.: усi дороги ведуть до парку),

Όλοι οι δρόμοι οδηγούν στη Ρώμη (усi дороги ведуть до Риму) ;

– власною назвою

Όλοι οι δρόμοι οδηγούν στη [Θεσσαλονίκη] (букв.: усi дороги ведуть до Салонiк.

Замiна може бути омонiмiчною, тобто стосуватися двох слiв-омонiмiв:

Ένας [Κούκος] θα φέρει την άνοιξη στο Ελληνικό Φεστιβάλ; (букв.: один Дурень може принести весну на Грецький Фестиваль.

Ένας κούκος δε φέρνει την άνοιξη. (букв.: одна зозуля не приносить весни.

Замiна вiдбувається iз зовнiшнiми компонентами однiєї категорiї, але iнколи вони належать до рiзного роду, числа чи особи:

Έχω μπάρμπα στο [Σικάγο] (το Σικάγο - середнiй рiд,)

Έχω μπάρμπα στην Κορώνη (η Κορώνη - жiночий рiд).

Обидва вислови використовуються в значеннi мати (десь) свою руку, мати тил, мати зв'язки.

Окрiм замiни такого роду, спостерiгаємо додавання у ФО бiльше нiж одного онiмного компонента:

Μπροσ Μαρία και πίσω Γιάννης (букв.: *попереду Марiя, а позаду Янiс*)

Μπροσ Μαρία και πίσω Ρήνη κι από πίσω Καταρίνη (букв.: *попереду Марiя, позаду Рiнi, позад неї Катерiнi*)

Аналог в укр.: *Стояти над душею. Лiзти в очi. Чiплятися як п'явка, як вош до кожуха, як реп'ях, як слiпий до тiста.*

Як ми могли побачити, зовнiшнi компоненти часто належать до тiєї ж граматичної категорiї, що й компоненти прислiв'я. Але можливою є також i **замiна** компонентiв прислiв'я **iншою категорiєю**:

Μπροσ [ΤΕΙ] και πίσω ...[ΑΕΙ] (букв.: *попереду технiчнi навчальнi заклади, а позаду вищi навчальнi заклади*)

Μπροσ υκρεμός και πίσω ρέμα (букв.: *попереду прiрва, а позаду рiчка*)

Аналог в укр.: *мiж Сцiлою та Харибдою.*

Бiльшiсть прислiв'iв є стверджувальними й можуть бути змiненi на питальнi й заперечнi речення, але iснують випадки, коли заперечення i питання змiнюються на ствердження:

ствердження → питання

Γiάννης κερνά ...[άλλοι να πίνουν;] (букв.: *Янiс пригощає... iншi п'ють?*),

Γiάννης κερνά, Γιάννης πίνει (букв.: *Янiс пригощає, Янiс п'є*).

У ходi аналізу ФОК знайдено приклади, де вiдбувається змiна розташування складових ОК вихiдного фразеологiзму. Така перестановка слiв, на наш погляд, сприяє збiльшенню емотивностi ФО.

Όχι [Γαννάκης, Γιάννης] (букв.: *нi Янакiс, а Янiс*),

Όχι Γιάννης, Γιαννάκης (букв.: *нi Янiс, а Янакiс*).

Аналог в укр.: *нi так нi с'як, i так i перетак.*

Слiд зазначити, що в грецькiй мовi iснує дуже велика кiлькiсть варiацiй одного й того ж iменi. Так, iм'я ΓΙΑΝΝΗΣ є найбiльш поширеним у межах фразеологiзмiв.

Воно може бути представлене і у інших варіаціях, таких як: Τζαννής, Τζανής, Γιαννιός, Γιάννος, Γιάνναρος, Γιανναράς, Γιάνγκος, Γιανγκούλας, Γιαννάκης, Γιάγκος.

Окрім зміни чи додавання онімного компонента до ФО, ми спостерігаємо і зміни відмінювання дієслів, а саме змінюється час, спосіб дієслова чи його особа:

Ο ΠΑΣ [γέλασε] τελευταίος – (букв.: Всеєпірська спортивна асоціація сміялася останньою),

Γελάει καλύτερα όποιος γελάει τελευταίος – добре сміється той, хто сміється останній.

Згідно зі стандартним значенням паремії, будь-яке прислів'я використовується у визначений момент для досягнення якоїсь конкретної мети. Складові елементи фразеологічного неологізму, який утворюється за допомогою нового оніма, не мають потрібного семантичного зв'язку з іншими елементами паремії та його використання залежить від контексту. Таке спостереження може бути продемонстроване в такому тексті:

Μια [Ρούλα] την ημέρα την κοιλτούρα κάνει πέρα – (букв.: Одна Рула¹ у день і культура нам не потрібна),

Ένα μήλο την ημέρα το γιατρό τον κάνει πέρα – хто яблуко у день з'їдає – той у лікаря не буває.

Ми побачили, що тут збереглися і синтаксична форма, і ритм, а також основні змістовні складові прислів'я: την ημέρα (у день) κάνει πέρα (покласти край).

Підсумовуючи, ми можемо констатувати, що інтерес до використання фразеологічних оказіоналізмів у мові грецької преси зумовлений багатьма факторами, серед яких головним є намагання привернути увагу читача, оскільки зміна оніма в межах ФО надає йому неординарності. Використання ФОК зі змінним компонентом у мовленні руйнують стереотипи сприйняття, оскільки вони є не лише незвичними за структурою, але й за семантикою.

Аналіз ФОК розмовно-побутового мовлення та тих, які ми знайшли в публіцистичних текстах мережі internet, дозволив нам встановити, що онімна гра виконує стильотворчу функцію, а також бере участь у творенні тексту та вираженні його концептуального змісту. Розуміння більшості новостворених фразеологізмів потребує не лише знання мови, але й знання лінгвокраїнознавства, історії, культури, звичаїв грецького народу тощо. Також розуміння цих мовних одиниць ускладнює той факт, що вони не є зафіксованими в жодних словниках, тому перспективою дослідження може стати складання новогрецько-українського словника з фразеологічними оказіоналізмами з онімним компонентом.

¹ ΡΟΥΛΑ ΚΟΡΟΜΗΛΑ (Рула Короміла) – ведуча грецького телебачення.

Список літератури

1. Колоїз Ж. В., До питання про диференціацію основних понять неології [електронний ресурс] / Ж. В. Колоїз // Вісник Запорізького державного університету – 2002. – № 3. – Режим доступу: <http://web.znu.edu.ua/herald/issues/archive/articles/2776.pdf>
2. Луговий В. С. Національно-культурні особливості ономастикону творів П.Загребельного / В. С. Луговий // Наукові записки. Серія: Філологія. Випуск 13. Міжкультурна комунікація: мова – культура – особистість. – Острог, 2010. – С. 412–416
3. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 272 с.
4. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова – Ростов-на-Дону, 1986. – 198 с.
5. Gavriilidou. Z. Etude comparative des suites binominales NN métaphoriques en français et en grec./ Z. Gavriilidou. Μεταπτυχιακή εργασία για την απόκτηση μεταπτυχιακού διπλώματος ειδίκευσης (D.E.A) στις Επιστήμες της Γλώσσας του Πανεπιστημίου, Laboratoire de Linguistique Informatique, Πανεπιστήμιο Paris, 1995. – 68 σ.
6. Gresillon A. Polyphonie, proverbe et détournement, ou: unproverbe peut en cacher un autre. / A. Gresillon, D. Maingueneau. Langages, 73, 1984. – p. 112–125.

Сагирова Ольга. Онимная игра как способ неологизации фразеологизмов в греческом языке / Ольга Сагирова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 218–224.

В статье изучены способы неологизации греческих фразеологизмов с онимным компонентом. Установлены причины появления народных и авторских фразеологических окказионализмов и особенности их функционирования в греческом языке.

Ключевые слова: неологизм, фразеологическая единица, онимный компонент, окказионализм, имя собственное.

Sagirova Olga. Onym play as a Means of Nelogisation of Phraseological Units in the Greek Language / Olga Sagirova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 218–224.

The article attempts to keep track of means of neologisation of Greek phraseological units with onym component. The reasons of formation of folk and author's phraseological occasionalisms and the peculiarities of their functioning in the Greek language are determined.

Key words: neologism, phraseological unit, onym component, occasionalism, proper name.

Стаття надійшла до редакції 2 червня 2012 року

УДК 81'373.7

ПРИНЦИП СЕМАНТИЧНОЇ МАРКОВАНOSTІ В ІГРОВИХ МОДИФІКАЦІЯХ УКРАЇНСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ

Свердан Тетяна

Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича,

Чернівці, Україна

У статті на прикладі українських усічених фразеологізмів описано механізми та стилістико-прагматичні функції мовної гри в газетних текстах. З'ясовано основні та факультативні передумови усічення структури фразеологічних одиниць як способу ігрових модифікацій. Встановлено, що такі модифікації можливі за умови збереження семантичної тотожності фразеологічних варіантів.

Ключові слова: ігрові модифікації фразеологізмів, усічений варіант фразеологізму, адресант, адресат, текст.

Мовознавчі студії останніх десятиліть вказують на інтенсивну активізацію уваги дослідників до проблеми мовних ігор, які є важливим складником періодики, художньої літератури (Н. Арутюнова, В. Маслова, Т. Грідіна, С. Ізюмська, В. Санніков). Такий інтерес цілком закономірний у контексті **актуальної** антропоцентричності сучасного мовознавства, яке наголошує на вагомості мовної особистості, мовленнєвої поведінки автора того чи іншого тексту. Поняття тексту є ключовим у цій парадигмі як одна з найбільш досконалих форм комунікації за напрямом *адресант – текст – адресат*, що дає змогу повноцінно вивчати людину в мові та функціонування мовних одиниць різних рівнів. Таким дослідженням присвячені праці Т. Брайніної, Г. Рахімкулової, Т. Суботіної, В. Чалого та ін. При цьому поняття «мовної гри» здебільшого ототожнюють з поняттям «гра зі словами» і розглядають його на прикладі okazіоналізмів, вульгаризмів, сленгу, прецедентних текстів, авторських неологізмів.

Постановка проблеми. Нашу увагу привернув один з досить цікавих видів мовної гри – гра з фразеологізмами (**ігрові модифікації фразеологізмів** [10, с. 7]). У пропонованій статті розглянемо лише один зі способів такої гри, заснований на усіченні компонентного складу фразеологізму, зумовленому прагненням мовця до певного стилістико-прагматичного ефекту. Теоретичні та прикладні проблеми текстових особливостей фразеологізмів стали об'єктом багатьох студій (М. Алефіренко, Н. Бабич, О. Бойко, В. Мокієнко, О. Радутна, Л. Юдіна), утім не зауважуємо окремого дослідження про прийоми створення мовної гри на основі зазначеного вище способу модифікації фразеологічних одиниць (ФО), які, однак, є досить продуктивними, зокрема в українській періодиці. Найбільш поширений різновид періодичної преси – газета, мова якої є «яскравим відображенням тенденцій розвою «живої» мови на конкретному етапі <...>, а ілюстративний матеріал, вибраний з неї, – добрий помічник у дослідженні мовних еволюційних

процесів» [6, с. 266]. Таким чином, **метою** нашої студії є з'ясування механізмів та функцій мовної гри в газетних текстах на прикладі українських усічених фразеологізмів, а основними **завданнями** – встановлення рушіїв усічення структури ФО як способу ігрової модифікації та опис стилістико-прагматичних ресурсів усічених фразеологізмів в аналізованих текстах. Принагідно зауважимо: хоча мовну гру часто кваліфікують як стилістичний прийом [див.: 8, с. 657; 10, с. 1], на нашу думку, для опису мовних ігор будь-який *текст* як «комунікат («суперзнак»)» [15, с. 87] найефективніше досліджувати, поєднуючи стилістико-прагматичний аналіз, що цілком природно, оскільки «обидва аспекти містять детермінацію тексту прагматичними чинниками. Про стиль йдеться як про функціонально спричинений мовний варіант, вибраний творцем тексту <...> для вирішення певного комунікаційного завдання в певній комунікаційній ситуації...» [15, с. 89], тобто вибір конкретного варіанта (завдання стилістики) зумовлений чинниками прагматичними, а текст є одиницею і стилістики, і прагматики.

Попри часткову розбіжність дослідників щодо поняттєвого апарату на позначення дефініції та сутності мовної гри, сам її феномен «трактують як навмисне відхилення від мовних норм та правил, руйнування стереотипів з метою маніпуляції, здійснення впливу на реципієнта» [4], тобто, одноставно визнають дві основні риси мовних ігор: *аномальність* та *адресність*. Оскільки кожен компонент ФО виконує в їх складі певну семантичну функцію, а основною, нормативною ознакою фразеологізмів є їхня семантична цілісність, то мовна гра з ними спрямована на часткове або повне усунення саме цієї ознаки. Порушення семантичної цілісності відбувається або внаслідок трансформації структури ФО, або ж унаслідок актуалізації первісного значення одного чи кількох її компонентів. «Класифікаційний принцип співвідношення структури і семантики, який дає змогу найбільш повно простежити вияви ігрових аномалій на рівні плану вираження і плану змісту <...>, називають **принципом семантичної маркованості**» [10, с. 8–9]. За цим принципом, усічення структури ФО вважаємо *структурно-семантичним* типом модифікацій фразеологізмів, оскільки вказана зміна спричинює не лише зміну кількості компонентів, а й появу додаткових відтінків та зміну значень, можливість двозначного прочитання і под., що, власне, і є метою мовних ігор із фразеологізмами.

Для того, щоб адресат адекватно сприймав інформацію, закладену в „аномальній” мовній одиниці, адресантові треба знати міру порушення стереотипу, за якою вдасться мовна гра або ж виникне комунікативне непорозуміння. Такою мірою є використання здатності ФО до варіювання – зміни, що не руйнує її *тотожності*. Під час опису варіантності фразеологізмів відкидання структурних особливостей їх неможливе, проте, незважаючи на складність семантичного критерію при розмежуванні різноманітних модифікацій ФО, врахування його обов'язкове, оскільки „само виникнення фразеологічних одиниць різної структури і живі процеси їх розвитку та перетворення визначаються передусім їх семантичною природою і в ній кореняться” [9, с. 41]. Тому ми в процесі варіювання фразеологізму основною визнаємо *семантичну тотожність*, але «не як абсолютний збіг усіх ознак..., а як перевагу подібностей над відмінностями» [12,

с. 62–63]. Звідси, *усіченими* називаємо варіанти, які, зберігаючи відносну тотожність фразеологічного значення й етимологічного образу з повними інваріантами, відрізняються меншою кількістю компонентів, що надає їм певних експресивних стилістико-прагматичних відтінків. Оскільки «норма відповідає не тому, що можна сказати, а тому, що традиційно говориться в зазначеному суспільстві» [7, с. 301], то усічені варіанти ФО можемо трактувати як відхилення від норми, яке відповідає тому, що «можна сказати» виразніше, точніше, коротше.

Отже, будь-яка семантична інформація, сфокусована в структурі значення фразеологізму, може бути актуалізована як комунікативно важлива і використана для вирішення певних завдань. При цьому в газетних текстах реалізуються не лише узуальні, а й okazіональні (потенційні) можливості ФО. Послідовність актуалізації семантики в процесі функціонування фразеологізмів така: спочатку актуалізується фразеологічне значення (образ) узуальної ФО, що необхідно для забезпечення тотожності одиниць мови і мовлення, згодом можлива додаткова актуалізація семантики ФО, у т. ч. способом усічення структури. Тобто, обігрування ФО у мові газетних текстів зумовлене двома основними чинниками: мовними властивостями самої одиниці та запрограмованою журналістом ситуацією. З одного боку, будь-яка ФО в газетних публікаціях уже створює їх експресивність, служить їх цільовим настановам і є яскравим вираженням авторського «я» в кореляції *адресант* – *адресат* та соціально-психологічних характеристик останніх. Адже фразеологізми можуть містити інформацію «не лише про позначувані ними елементи дійсності, а й про пристосованість семантичного типу їх значень до виконання тієї чи іншої комунікативної ролі, <...> а завдяки прагматичному пласту семантики вони <...> свідчать про <...> ставлення до позначуваної дійсності того, хто їх використовує» [13, с. 20–21]. З іншого боку, створення okazіональних варіантів посилює емоційну насиченість тексту завдяки усвідомленій невідповідності між цим варіантом та його узуальною формою, порушенням асоціативних зв'язків. Існують думки про те, що емоційність тексту в цьому випадку виникає саме внаслідок мовної аномалії: інтелектуальну інформацію передають за допомогою категорій мовної норми, а емоційну – «ненорми» (варіантності) [2, с. 116]. Художні можливості ненормативного, очевидно, найбільш ефективно реалізуються в поєднанні з нормативним, оскільки нормативно організований текст і є тим «контрастним тлом, на якому виразно вимальовуються стилістично мотивовані порушення норм і простежуються переміщення різноманітних інновацій з узуально-традиційної галузі в <...> емоційно-оцінну» [14, с. 29–30].

Так, okazіонально використаний журналістом варіант ФО *не хлібом єдиним буде жити людина* в контексті: «*тут тобі літня енергетична криза, війна олігархів, а вони каплицю освячують. Але не хлібом єдиним... Тим паче, невідь-скільки атомних станцій довелося б спорудити, щоби освітити душі тільки українських християн, дати їм життєву енергію...*» підкреслює його переконання в тому, що людина не може обмежитися задоволенням лише матеріальних потреб: духовні запити не менш важливі для неї. Ефективність такого прийому, його ілюкутивна сила безсумнівні: читач миттєво погоджується з автором і усвідомлює необхідність духовного поступу, тобто, одночасно з офіційною інформацією отримує певний

емоційний заряд. Кардинально змінює семантику ця ж ФО, використана іншим автором у такому висловленні: *«Та й жити, судячи зі статистичних даних, ми почали «не хлібом єдиним», а ще й м'ясом, овочами, фруктами...»*, де журналістка не лише сухо передає статистичні дані, а й прозора натякає на низький рівень життя пересічного українця, якого політики годують «духовною» їжею – закликами до єдності, виявів громадянської свідомості, патріотизму тощо. Загалом біблійним *не хлібом єдиним*, наповнений індивідуально-авторськими конотемами, журналісти досить часто використовують і безпосередньо в текстах, і в ролі заголовків, наприклад: *Не клубом єдиним* – назва рубрики про футбол (усічення та заміна компонента (*хлібом* – *клубом*) – фразеологічна конвергенція).

Об'єктивно-інформативну мовну основу поєднують з експресивно-оцінними елементами і в таких жанрах, як статті-коментарі та статті-репліки. При цьому мовленнєва експресія може бути як узуальною, так і okazіональною з досить широким діапазоном варіацій. Наприклад: *«...виходить вкотре держава стимулює нечесність і злочинство: бідний, бо дурний. А багаті – вони розумні, тому-то й не платять»* – повний варіант чого *бідний, бо дурний, чого дурний, бо бідний* – яскрава експресія цього okazіонального варіанта (втім, як і інших okazіоналізмів) полягає, з одного боку, у збереженні його семантикою інформації про змістовний аспект експресивності інваріанта і, з іншого, у нашаруванні на мовну експресію ще й мовленнєвої; *«Можна також помітити, що поверховою мотивацією руху людських масивів є так званий «риб'ячий інстинкт» – ...людина шукає, де краще»* – сполучення «риб'ячий інстинкт» створює виразну негативну оцінку русифікації, підкреслену усіченим варіантом виразу *риба шукає (шука, глядить, іскає), де глибше, а людина (чоловік) – де краще (лучче)*. Як бачимо, інформативна директивність коментарів і реплік виражена не у формі закликів, як у передових статтях, а є системою аналітичних висновків та оцінно-модальних категорій.

У газетах поруч з інформативною функцією тяжіє (приховано чи відкрито) і функція пропагандистська, яка зумовлює органічне поєднання в такому жанрі, як фейлетон, публіцистичності, художності та сатиричності [3]. Тон комунікативної ситуації, у якій відбувається актуалізація одиниць фейлетону, створюють такі позамовні чинники, як: 1) комунікативно-психологічна настанова на оцінно-інтерпретаційний виклад фактів, подій; 2) полеміко-критичний спосіб викладу [11]; 3) настанова на формування суспільної думки. Саме тому автори фейлетонів часто прагнуть за основу ситуативної побудови тексту використати якомога експресивнішу ФО й обіграти її в діапазоні власних компонентів та семантичної структури тексту. Покажемо у цьому плані є фейлетон Л. Чередарик *«Казав пан: тепло дам...»* про проблеми опалення. Уже заголовок, який є усіченою формою інваріанта *казав пан: кожух дам, та й слово його тепле* із субституційною заміною компонента *кожух* на лексему *тепло*, призначений для того, щоб різко оцінити погану роботу комунальних служб і тепломереж та невідповідно високу платню за «тепло». Така експресивна характеристика – вихідний пункт загострення уваги читача: автор стимулює емоційне сприйняття тексту для досягнення бажаної мети, якою є не стільки інформація, скільки формування суспільної думки. Далі впродовж усього тексту зауважуємо варіювання зазначеної ФО, засноване на її усіченні та

контекстуальній семантизації окремих компонентів: *пан* – керівники служб, *кожух* – тепло, обіцянки. Таке варіювання відбувається на тлі узуального варіанта, який теж є в тексті, що сприяє створенню стилістичного контрасту й актуалізації фонових знань читача. Заключним акордом є останнє речення-висновок «*Але ж казав пан...*», у якому на виразну мовну експресію нашаровується ще виразніша мовленнєва.

Оскільки газета – це набір різноманітних за жанрами й тематикою матеріалів, які можуть «читатися» / «не читатися», журналіст покликаний ефектно подавати їх для стимуляції прочитання. Вагоме значення тут має оформлення заголовку, який у прагматичному аспекті найбільш цікавий, адже саме він привертає увагу читача і на загальному тлі оцінює подану інформацію. Тут необхідне точне мовне «влучення», адже науковці експериментально встановили, що автор може втратити від 30 до 50% аудиторії, «якщо заголовком є стандартна мовленнєва формула, яка втратила як інформативність, так і привабливість, оскільки вже давно перетворилась на штамп у свідомості» [5, с. 185]. У теорії мовленнєвих актів неточне використання мовних засобів позначають «ілокутивним самогубством», оскільки «комунікація не здійснюється через розривання на другій ланці ланцюжка «автор – текст – читач» [1, с. 110]. Усічені фразеологізми як одиниці сильної експресії здатні „іrrадіювати” свою оцінність сусіднім елементам і разом з ними або ж окремішно формувати стилістико-прагматичний контекст. Тому їх досить часто використовують як «рекламно-вербувальні» (за термінологією В. Костомарова) заголовки окремих статей або рубрик. Свідченням системності цього явища є в такій ролі варіанти ФО з *миру по нитці* – *голому сорочка* в усіченій формі або ж із симетричною / несиметричною заміною компонентів: *Зі світу по нотиці* – рубрика про музичні новини; *З миру по нитці* – *Гаррі Поттер у свитці* – стаття-репліка про книжки Дж. К. Ролінг та поганий стан українського книговидавництва для дітей; *З миру по нитці* – *голодному на обід* – стаття про організацію будинків-притулків для літніх і хворих; *З миру по нитці* – *інвалідам на харчі* – стаття про погане забезпечення реабілітаційних центрів. У ролі заголовків знаходимо й усічені ФО, органічно вплетені в речення: *Опинився їздець «під конем»*; *Глухі спортсмени у «глухому куті»*; *Обіцянка* – *коби не цяцянка*; *Не родися красна... а стань такою*.

Висновки. Отже, збереження внутрішньої форми сприяє тому, що усічені ФО, як і повні, в акті комунікації є різними за прагматичними інтенціями й виконують роль переконливих аргументів, смислових центрів, що по-різному вплетені в загальну канву повідомлення. У газетних текстах – це максимально інформативні ігрові засоби, що розширюють межі висловлювання і виконують такі функції: 1) номінативну, 2) привертання уваги, 3) активізації фонових знань, 4) текстотвірну, 5) оцінну, 6) підсумку. Усічення ФО завдяки семантичній тотожності дає можливість журналістам використовувати одну й ту ж одиницю кілька разів, зберігаючи при цьому загальну фразеологічну ідею та експресивно-емоційне забарвлення, і повертати ФО «іншим боком», поновлюючи її художній спектр. У цьому випадку вони покладаються на мовну компетенцію читача і прагнуть, щоб той зрозумів психологічний, морально-етичний чи естетичний підтекст незвично сформульованої думки. Таке розуміння уможливило *контекст* і дотримання

виправданих відхилень від норми, які є показниками суперечностей між інформативною та експресивною функціями мови, між мовою, що прагне уніфікації, і мовленням з тенденцією до творчості, зрештою – між розчленованою структурою та цілісним змістом ФО.

Ми не претендуємо на вичерпність аналізу, натомість **перспективність** обраного напряму вбачаємо у висвітленні в аспекті досліджуваної теми таких проблем сучасного мовознавства, як відношення мови і мовлення, семантики і структури, у поглибленні відомостей про тенденції функціонування сучасної української мови (у т. ч. фразеології).

Список літератури

1. Болгова Л. А. Фразеологизмы как средство решения коммуникативно-прагматических задач газетного сообщения / Л. А. Болгова // Лексико-фразеологическая система немецкого языка и коммуникация: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. – М.: Изд-во МГПИИЯ им. М.Тореза, 1988. – С. 103–111.
2. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. Основы эмотивной стилистики текста / В. И. Болотов. – Ташкент: ФАН, 1981. – 116 с.
3. Вакуров Н. В., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров / Н. В. Вакуров, Н. Н. Кохтев, Г. Я. Солганик. – М., 1978. – 183 с.
4. Васіна О. В. Теорія мовних ігор Л. Вітгенштейна у контексті текстуальності новітніх ЗМК / О. В. Васіна // http://bdpu.org/scientific_published/conf_zhurn_2009/vasina
5. Дородных А. И. Варьирование глагольных фразеологизмов в английском языке / А. И. Дородных – Харків: Вища шк., 1988. – 176 с.
6. Жовтобрюх М. А. Мова української періодичної преси. Кінець XIX – початок XX ст. / М. А. Жовтобрюх– К.: Наук. думка, 1970. – 304 с.
7. Каспранский Р. Р. К понятиям системы, нормы и стиля / Р. Р. Каспранский // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Тезисы докл. к II (III) Респ. науч. конф. (июнь 1968). – Горький, 1968. – С. 299–303.
8. Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Н. Кожина. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 696 с.
9. Павловська Г. В. Трансформація і варіація фразеологічних одиниць / Г. В. Павловська // Питання фразеології східнослов'янських мов. – К.: Наук. думка, 1972. – С. 40–42.
10. Полевщикова А. С. Языковая игра в романе А. Мушга „Der Rote Ritter” (1993): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 „Германские языки” / Анна Сергеевна Полевщикова. – М., 2011. – 21 с.
11. Супрун А. Е. Антропонимы в политическом фейлетоне / А. Е. Супрун // Лексические категории. – Калинин, 1984. – С. 117–122.
12. Телия В. Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов / В. Н. Телия // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвуз. симпозиума (1968). – Тула, 1972. – С. 303–69.
13. Телия В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
14. Чабаненко В. А. Речевая экспрессия и актуальные вопросы украинской лингвистилистики: автореф. дис. на соискание науч. степени д-ра филол. наук: спец. 10.02.01 «Украинский язык» / Виктор Антонович Чабаненко. – К., 1984. – 40 с.
15. Machová S., Shvehlová M. Semantika @ Pragmatika jako lingvistické disciplíny / S. Machová, M. Shvehlová. – Praha, 1996. – 179 s.

Свердан Татьяна. Принцип семантической маркированности в игровых модификациях украинских фразеологизмов / Татьяна Свердан // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 225–231.

В статье на примере украинских усеченных фразеологизмов указаны механизмы и стилистико-прагматические функции языковой игры в газетных текстах. Установлено, что игровые модификации фразеологизмов возможны при условии сохранения семантического тождества фразеологических вариантов.

Ключевые слова: игровые модификации фразеологизмов, усеченный вариант фразеологизма, адресант, адресат, текст.

Sverdan Tatiana. The Principle of Semantic Marking of Playful Modifications of Ukrainian Idioms / Tatiana Sverdan // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 225–231.

In this article describes the mechanisms, stylistic and pragmatic functions of language games in newspaper texts. It is established that the playful modifications of idioms are possible while maintaining of semantic identity of phraseological variants.

Key words: playful modifications, truncated variant of idioms, sender, recipient, text.

Стаття надійшла до редакції 27 березня 2012 року

УДК 811.161.2'373.7:27-23

БІБЛІЙНІ ФРАЗЕОЛОГІЗМИ ЯК ОБ'ЄКТ МОВНОЇ ГРИ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ

Скаб Марія, Скаб Мар'ян

Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича,

Чернівці, Україна

У статті автори доходять висновку, що в сучасній українській літературі з'являються нові способи мовної гри з біблійними фразеологізмами як у творах письменників-модерністів, так і у творах постмодерністської літератури.

Ключові слова: біблійні фразеологізми, мовна гра, модернізм, постмодернізм.

Трансформація фразеологізмів – проблема, якою лінгвісти займаються вже багато років, значно менше уваги приділено трансформації біблійних фразеологізмів, а от трансформація біблійних фразеологізмів у сучасній українській літературі, наскільки нам відомо, ще не привертала увагу дослідників. Саме такі вияви мовної гри в сучасній українській літературі і є метою наших студій.

Українська література початку ХХІ століття дуже різноманітна, у ній співіснують різні літературні течії, наприклад, модернізм та постмодернізм. Для класичного модерністського дискурсу характерні гуманізація, системність, культурна традиція, змістовність, непорушність архетипів, можливість універсальної мовної практики й універсального мистецького коду. Виникнення та поширення постмодернізму пов'язано, як зауважують літературознавці, з глобальною світоглядною переорієнтацією людства, загальноцивілізаційною кризою в другій половині ХХ – на початку ХХІ ст. Після модернізму з його наскрізною ідеологізацією, унаслідок світового хаосу та глобальної агресії відбувається втрата ідеологічних ілюзій, знецінення ідей і доктрин, що претендували на монополізм, розвиваються глобальний поліцентризм і всебічна деструкція. Визначальними особливостями форми і змісту художніх постмодерністських творів вважають постмодерністську чуттєвість, розуміння світу як тексту, знищення протиріч і кордонів між різними мовними рівнями та художніми стилями. Основним є не творення первинного й оригінального, а компіляція, колаж із вторинних елементів, цитатність і алюзійність, подвійне кодування, дискретність, фрагментарність, асоціативність мовомислення, текстотворення як гра, „змагання” з мовою, „карнавалізація” та експресивність, іронічність і самокритичність автора й героїв. М. Павлишин вказує такі основні ознаки постмодернізму: скептичність щодо будь-яких систем та ідеологій; іронія, гра, цитування; змішування жанрів, рівнів мовлення, високої й популярної культури; розвінчування ідеологій та ієрархій цінностей [10, с. 46], Р. Семків серед

ознак постмодернізму називає відсутність ієрархій, компрометацію авторитетів, іронію; „гру без правил” або „гру усіх правил” [11, с. 10].

Матеріалом нашого дослідження стали твори Ліни Костенко та Сергія Жадана, найвиразніших, на наш погляд, представників модернізму та постмодернізму в сучасній українській літературі. Зауважимо, що обидва письменники творять і поезію, і прозу, обидва мають досить багато віршів на біблійну тематику, обидва активно використовують біблійні вислови, всіляко обігруючи їх.

Звичайно, у творах і Ліни Костенко, і Сергія Жадана (хоча значно рідше) знаходимо біблійні вислови в традиційному загальномовному значенні: *...потрібна концептуалізація підвалин, на яких має стояти держава. Наріжним каменем таких підвалин у цивілізованих народів завжди була Книга, культура* [5, с. 26]; *І кого з наших теперішніх політиків майбутні історики назвуть по імені, а кого і в лупу не розгледять? І на кому поставлять **Кайнову печать**? [6, с. 257]; *Усе воюєм, боремось... / А доки? / Не те щоб я **невірний був Хома**. / Але ж втерев уже чотири роки. / А що із того? Просвітку нема* [8, с. 56]; *ЗРЯ контролюють весь той мінімальний виробничий процес, котрий аж на цілих 67 років забезпечує життєдіяльність суспільства. Все інше – **від лукавого**, – переможно говорить Чапай...* [2, с. 108]; *Хто наважиться **кинути в нього камінь** і осуджувати його скороспілу мудрість, терпку й зелену, як молоде вино? [2, с. 229]; *І ось вони копіюють для себе всі основні знаки сурдоперекладу, надаючи кожному з них свого, цілком нового значення. І починають користуватись цією новою системою передачі інформації. **Наливають у старі міхи нове вино!** – знову хтось викрикнув із залу, і аудиторія радісно заплескала* [2, с. 520].**

Найчастіше ж письменники обігрують біблійні вислови. Звичайно біблійне слово чи вислів стає маркером певної ситуації, певної думки, певного поняття („Інформація, закладена в тексті чи його частині, зберігається в семантиці крилатого слова (вислову) у формі певного образу-уявлення, ментальної „картинки”. Їх використання свідчить про входження цієї інформації в загальну когнітивну базу лінгвокультурного соціуму” [1, с. 11]), наприклад, *терновий вінок* – це „страждання, стражденне життя”: *Переступи межу оторопіння / Чи є у тебе час на манівці? / На обрії вселюдського терпіння / вже сходить сонце / у **терновому віночі*** [4, с. 261]; *Світає світ в **терновому галуззі*** [4, с. 108]. І навіть коли йдеться, здається, про якісь зовсім інші речі, сема 'страждання' при використанні слова *терновий* все одно присутня: *Я скучила за дивним зойком слова. / Мого народу **гілочка тернова**. / Гарячий лоб до шибки притулю* [4, с. 17]; *Сухі гілки – це вже **вінок терновий**. / Останній клен світ за очі забіг* [4, с. 76]; *Врешиті-решит відступила сльота осіння. / Після всіх поминальних судом / Над його чолом птахи **воскресіння** / Сплели **тернове** гніздо* [2, с. 546].

Часто біблійні персонажі чи артефакти виступають об'єктом порівняння: *Любов **підкралась тихо, як Даліла**, / а розум спав, **довірливий Самсон*** [4, с. 278]; *Скелі голі, як **Голіафи*** [4, с. 304]; *А на подвір'ї проливень, **птопа**. / Пливе фортеця, як **старий ковчег*** [3, с. 65]; *Ні рецепта, ні панацеї ніхто не дасть. **Драбину Бог з неба не спустить, як біблійному Якову*** [6, с. 325]; *Провільгли стіни. В кам'яному чреві / сиджу як **Йона в череві кита*** [3, с. 47] – у Ліни Костенко; *Почувався він*

упевнено і спокійно, збирав навколо себе скінгедів і толкієністів, бомжів і провокаторів і **проповідував їм, як Йона рибам** [2, с. 335]; циганські родини останні згустки шанхаю / приносять додому харчі і збіжжя готове – / строкаті густі килими які вони розпинають / цвяхами на голих стінах ніби тіло христове [2, с. 612]; грілося молоко на єврейському ринку / тихе і покірне мов гнані апостоли [2, с. 615] – у С. Жадана.

Обидва автори використовують біблійні вислови у метафоричному вживанні, для відображення оригінального погляду на світ: *Брела голота... І жінками Лота / білів, болів березовий стовбняк* [2, с. 44]; *І смерть – косою чи серпом / врізає віку нам обом, / і мста – густа, мов тінь хреста, / між нами вперто вироста, / і давить соляним стовпом / небесна висота* [2, с. 580].

Нестандартність вислову досягається й переведенням його в іншу стилістичну площину. Так, у романі Ліни Костенко „Записки самашедшого” вони звучать ніби крізь призму „хлопського розуму”, з погляду пересічної людини: *Я не побожний, ходжу до церкви не часто, поклонів ревно не б'ю. Я навіть не певний, що Бог створив людей за своєю подобою. Зліпив із глини, як дід свистульку, і вдихнув душу. Не з нашим розумом осягнути, як виглядає Бог. Я тільки знаю, що Той, хто запустив моє серце, Той запустив і Всесвіт* [6, с. 160]. Часто авторка ніби крізь оцю призму виводить на філософські узагальнення про смисл і плінність людського життя, як у вірші „Свят-вечір”: *Мороз малює у віконці. / Узваром дихає кутя. / І Мати Божа на іконці / у хустку кутає дитя. / Побудь дитиною, синочку. / Твоє дитинство золоте. / Ще вітер віє у терночку / і дерево на хрест росте. / Ще час не сплинув за водою. / Ще Юда спить у сповитку. / Он гурт з різдвяною звіздуо / уже на ближньому кутку. / Поколядують і засіють. / Ще, може, буде і життя. / Ти на Голгофі вже Месія, / а на руках іще дитя* [9, с. 93].

Схоже використання знаходимо й у С. Жадана, тільки тут сприйняття ситуації описано з погляду тибетських дітей: *Я колись написав собі таку історію про дітей. Дітям вперше прочитали Новий Заповіт і попросили намалювати окремі сцени. Коли вони малювали сцену розп'яття, там не виявилось Ісуса, розумієш? себто саме розп'яття, ну, сам хрест, був, а Ісуса на ньому не було. Річ у тім, що це були тибетські діти, вони навіть уявити собі не могли, що Ісуса прибили (!) цвяхами (!!) до цієї хрїновини, вони думали, що мова йде про якесь моральне покарання, як у них на Тибеті, щось на зразок того, що спорудили хрест, поставили під ним Ісуса, посварили його чи, може, навіть не сварили, очевидно, що не сварили, очевидно, що він сам мусив усе зрозуміти, і все – він пішов, а хрест лишився стояти. <...> Одним словом, у них на розп'ятті Ісуса не було. Уяви собі цілий Заповіт, намальований цими дітьми, мені здається що це мало бути щось значно добріше за оригінал, там було б менше приреченості, більше радості, більше фарб, більше позитивних героїв, вірніше – менше негативних* [2, с. 740–741].

У творах аналізованих письменників часто спостерігаємо різні вияви трансформації біблійних висловів:

а) заміну компонентів: *Словом, час розкидати снаряди, час їх збирати* [6, с. 343]; *Боюся, що я таки перекрою плащ на мантію і таки підпишуся:*

Фердинанд VIII [6, с. 170]; *Але вже цього не побачиш, / Сходячи по шпалах на свою Голготу* [2, с. 575];

б) додавання компонентів (це може бути поява оригінальних означень біля іменників, утворення нових складних слів із відомими коренями чи продовження відомого вислову): *Мікро-Содом, зашторена Гоморра, / просніться, люди, чуєте, біда!* [4, с. 246]; *Кожній нації є за що посипати собі голову попелом. Тільки не треба тим попелом запорошувати очі наступних поколінь* [5, с. 19]; *Господь замучиться подавати нам орієнтири й рятувати за допомогою манни небесної та іншої гуманітарки* [2, с. 375–376]; *... люби ближнього свого, люби свого Будду і не заважай іншим любити їхнього...* [2, с. 387]; *...вони намагались переконати всіх навколо, а головним чином все ж таки самих себе, що їхній хрест, їхню потворність, їхній рок-н-рол можна нести легко й весело і що найбільшою проблемою подібного хресного ходу може бути лише проблема з купівлею алкоголю* [2, с. 391–392]; *... як казав господь наш, любіть одне одного, а про все інше він подбає сам* [2, с. 463].

Особливістю творів Ліни Костенко останніх років (наприклад, у романі „Записки самашедшого”) є те, що біблійні топоніми, антропоніми та інші біблійні маркерні вислови авторка використовує в прямому реальному значенні – не біблійному, дещо міфологізованому:

Гортаю енциклопедію. „Весь Ірак – це музей під відкритим небом”. „Ця земля – колиска кількох цивілізацій”. Долини Месопотамії. Ніневія. Ріки Тигр і Євфрат. Але ж дозвольте – Месопотамія, Межиріччя – та ж там жили перші люди після Потопу! Ріки Тигр і Євфрат – це ж ті ріки, які протікали в раю! Отже, це десь там росло Древо пізнання, з якого з’їла те яблуко Єва. Отже, це там Каїн убив Авеля. Отже, з тамтешньої глини Бог створив Адама! Отже, звідти родом все людство? <...>

Це ж там був і Вавилон – столиця царів, „золота чаша в руках Господа, з якої упивалися всі народи”, як сказано у пророка Єремії. Де був і плач Вавилонський, і полон Вавилонський, і Александр Македонський, що увійшов у Вавилон тріумфально, та вже й не вийшов. <...> Чи ж збереглася його могила? Чи там уже кози пасуться...

Але як же я раніш не подумав? Отже, й Вавилонську вежу будували там, у долині Сенаарській, нащадки Ноеві сукупно з іншими племенами. Будували поспіхом, косо-киво, нетривкий розчин вживали, гнали вгору без тями, не заклавши як слід підмурок. То воно й звалилося, і Господь змішав їхні мови, і вони перестали розуміти одне одного.

Вавилон – це ж і означає у перекладі „змішання”. Тільки тоді це було змішання мов, племен і народів, а тепер це зветься коаліція.

Може, не випадково Історія знову завертає на Вавилон? Може, сам Бог диктує нам цю метафору, а ми ще не чуємо? [6, с. 277–278].

Схожу манеру спостерігаємо й у С. Жадана у вертепі „Мері Крістмас, Джізус Крайст!”, написаного, як зауважує автор, на основі традиційних українських вертепів та фольклорних переказів народів Центральної Африки (тут біблійні події переносяться в інші умови, не просто реальні сучасні, як у Ліни Костенко, а в більш

екстремальні): *Події відбуваються в прикордонних районах Ізраїля та Палестини. Гурт пакистанських наркобаронів (gipsi kings, „тріє царі”), дізнавшись про швидке народження Ісуса, намагаються нелегально перетнути ізраїльський кордон, щоби принести Ісусові дари і в такий сакральний спосіб забезпечити подальше процвітання свого злочинного бізнесу на нових територіях <...>. В цей час в прикордонних районах відбувається перепис біженців, які живуть у фільтраційних таборах в буферній зоні. Поміж інших біженців на перепис ідуть Йосип з Марією. Марія чекає на дитину, і згодом народжує її на фермі, поблизу придорожного кемпінга, в якому родина зупинилась на ніч. Саме тут їх знаходять наркобарони, а також натовп ямайських емігрантів, котрі почули в себе на батьківщині від сектантів-будистів про Ісусове народження і поспішили перетнути Атлантичний океан в порожніх трюмах з-під нафтовозів, оскільки вважають Ісуса новим ефіопським королем, чий прихід був напроочений в давніх растаманських переказах і перших письмових пам'ятках, вивезених до Ямайки легендарними ефіопськими вождями. На думку ямайців, Ісус має відновити міць і суверенітет ідеального африканського королівства* [2, с. 682–683];

Постмодернізм С. Жадана виявляється в ширшому діапазоні більш різноманітних способів обігрування біблійних елементів. Так, наприклад, у його творах дуже часто спостерігаємо спеціальне використання малої букви замість великої в написанні імен, прізвищ, релігійних назв: *...він – цей неймовірний і нереальний степан галябарда – лише торкався своїми пухкими волохатими пальчиками пластмасових клавіш йоніки – і бац – тебе перемикало і ти перетворювався на знаряддя господнього промислу і вже не відповзав від радіоприймача, аж поки не передадуть прогноз погоди на завтра...* [2, с. 155]. Проте найхарактернішою ознакою постмодерністського дискурсу є одночасне вживання елементів високого та низького стилів, де біблійні вислови звичайно маркують високий стиль, а обценна лексика – низький: *... як того вчив товариш Троцький Лев Давидович, і як до того закликав нас святий Дейв й непорочна діва – стара партизанська курва!* [2, с. 166]; *...і соває нам якусь брошуру, що це за гівно? питається Вася, візьміть, каже Какао, і хай откровення господнє буде з вами* [2, с. 182]; *...я просто не дозволю вам відійти вбік і залишити мене самого, на цьому розпеченому вугіллі, на яке ви мене завели своїми й...ими апостольськими посланнями...* [2, с. 393].

Отже, у сучасній українській літературі з'являються все нові і нові способи мовної гри з біблійними фразеологізмами як у творах письменників-модерністів, так і у творах постмодерністської літератури.

Список літератури

1. Дядечко Л. П. Крылатые слова в русском языке: системно-функциональный и лексикографический аспекты : дис. на соиск. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.02 – русский язык / Киевский нац. ун-т им. Тараса Шевченко; Людмила Петровна Дядечко. – К., 2003. – 515 с.
2. Жадан С. В. Капітал / С. В. Жадан. – Харків : Фоліо, 2009. – 797 с.
3. Костенко Л. Берестечко: Історичний роман / Л. Костенко. – К. : Український письменник, 1999. – 158 с.
4. Костенко Л. Вибране / Л. Костенко. – К. : Дніпро, 1989. – 560 с.
5. Костенко Л. Гуманітарна аура нації, або дефект головного дзеркала: лекція, прочитана в Національному університеті „Кієво-Могилянська академія” 1 вересня 1999 року / Л. Костенко. – К. : Видавничий дім „КМ Akademia”, 1999. – 32 с.
6. Костенко Л. Записки українського самашедшого / Л. Костенко. – К. : А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2011. – 416 с. – (Перлини сучасної літератури).
7. Костенко Л. Мадонна Перехресть / Ліна Костенко. – К. : Либідь, 2011. – 112 с.
8. Костенко Л. Маруся Чурай : Історичний роман у віршах / Ліна Костенко. – К. : Дніпро, 1982. – 136 с. (Серія „Романи й повісті”, № 2).
9. Костенко Л. Річка Геракліта / Ліна Костенко; упоряд. та передм. О. Пахльовської; післямова Д. Дроздовського; худож. С. Якутович. – К. : Либідь, 2011. – 336 с.
10. Павлишин М. Г. Українська культура з погляду постмодернізму / М. Г. Павлишин // Сучасність. – 1992. – № 5. – С. 46–50.
11. Семків Р. А. Постмодернізм та іронія (типологізація нетипового) / Р. А. Семків // Слово і час. – 2000. – № 6. – С. 6–12.

Скаб Марія, Скаб Мар'ян. Біблейские фразеологизмы как объект языковой игры в современной украинской литературе / Марія Скаб, Мар'ян Скаб // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 232–237.

В статті автори приходять к виводу, що в сучасній українській літературі з'являються нові способи мовної гри з біблійними фразеологізмами як в творах письменників-модерністів, так і в творах постмодерністської літератури.

Ключевые слова: біблійські фразеологізми, мовна гра, модернізм, постмодернізм.

Skab Maria, Skab Marian. Biblical Phraseological Units as an Object of a Language Game in Modern Ukrainian Literature / Maria Skab, Marian Skab // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 232–237.

In the article the authors draw a conclusion that there are new methods of language game with biblical phraseological units in the works by modernistic writers, as well as in post-modernistic works.

Key words: biblical phraseological units, language game, modernism, postmodernism.

Стаття надійшла до редакції 11 травня 2012 року

УДК 482 – 3:415.61

ФРАЗЕОТВОРЧЕСТВО М. ЦВЕТАЕВОЙ

Шевченко Наталья

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина

Бишкек, Кыргызстан

В статье описывается языковое мастерство М. Цветаевой на фразеологическом уровне. Отмечены различные механизмы декодирования индивидуально-авторской фразеологии, которая рассматривается с точки зрения ее существования в языковой картине мира и человеческой культуры определенного временного пространства.

Ключевые слова: паремический массив, лексическая трансформация, семантическая трансформация, контаминация.

М. Цветаева – великий мастер слова. Особенно ярко это проявляется в ее отношении к фразеологическим единицам, которые являются не простым украшением ее прозаических текстов. Фразеологические единицы в текстах Цветаевой создают яркую образность и экспрессию благодаря творческому подходу художника слова к этим уникальным единицам языка. В её текстах более 4000 фразеологизмов, 60% из которых употребляются в авторской трансформации, а 25% являются авторскими. Чтобы убедиться в этом, обратимся к творчеству М. Цветаевой, которая включает фразеологизмы в речь, придавая ей своеобразный колорит: *«Оттолкнуть друзей, соратников, современников Брюсов – смог. Час не был их. <...> Но без этих, именующих себя «новой поэзией», он обойтись не смог: их был – час!»*

Иногда фразеологизм нужен ей в качестве фольклорного маркера, чтобы подчеркнуть нереальность (сказочность) происходящего: *«Нерусская и нерусские: воля, непривычная на Руси, сверхъестественная, чудесная в тридевятом царстве, где, как во сне, всё возможно»*. Фразеологизмы делают цветаевский текст не только более живым и образным, но и информационно насыщенным, благодаря своей специфической особенности кодировать информацию о мире и об отношении автора к нему. Она старается понять значение и назначение каждого выражения, проникнуться живительной силой простого русского смысла: *«Человек приказал долго жить. Удивительное чутье народа. Значит, умирая, человек понял, что жить, несмотря на все – прекрасно – и властью – как умирающий – именно приказал оставшимся – долго жить»*; *«По-русски трудно мыслить»*. – *По-русски (по-всячески) ЧУДНО мыслить. Были бы косточки, а мясо вырастет»*.

В прозаических текстах Цветаевой большая роль отведена народным выражениям, она гордится своей «свободной речью»: *«Словом, мой очередной деловой провал. Выбатывать (NB! будь я не я или, по крайней мере, хоть лошадь не моя!) могла бы ежегазетно франков полтора, т. е. 300 франков в*

месяц» [VII, 134]; *«А теперь... (дверь без стука, но с треском открывается, впуская сначала поднос, потом женский клетчатый живот) – чем богаты, тем и рады!»*.

У Цветаевой большой опыт общения с народом (вещевые базары, вокзалы, общие вагоны), ее умиляет простой говорок, пересыпанный народными перлами, который Цветаева с большой любовью и точностью вводит в свой текст: *«Да разве у всех рассудок есть? Вот, хотя бы отец мой, к примеру, – как началось это гонение, он сразу рассудил: с больной головы да на здоровую валят. Поп, крысий хвост, нашкодил – Бога вешать ведут. Не ответственен Бог за поповский зуб! И сами, говорит, премного виноваты: попа не читили, вот он и сам себя чтить перестал. А как его чтить-то?»*.

Мастерская – можно назвать творческий подход Цветаевой к «кладезю русской мудрости» – *фразеологии*. Главное место в текстах Цветаевой занимает классическая книжная фразеология, которая свидетельствует о своеобразии творческого самовыражения концептуальной информации в тексте: *аидовы тени, ахиллесова пята, троянский конь, висячие сады Семирамиды, а ларчик просто открывался* и мн. др. Уникальное самовыражение индивидуальности М. Цветаевой проявляется в рождении авторского метафорического образа с использованием классической антропонимии: *Дионисиево ухо, разбиваться на куски Озириса, фавьерский день, Вавилонская башня писем, Содом дружб и любовий*.

Мастерское соотношение, умение приблизить народные образы к мифологическим для конкретизации их семантики, расширяет временное и культурное пространство в текстах Цветаевой.

Особое место в прозаических текстах Цветаевой занимают библейские фразеологизмы, что обусловлено христианской этической и эстетической ценностью: *вкусих мало мёду; тайное, ставшее явным; камня на камне не оставил; тридцать серебряников* и т. д.

Все, что связано с художественным творчеством, утверждает Цветаева, прикосновенно с божественным, поэтому в ее текстах представлен такой большой процент фразеологизмов, восходящих к библейским сюжетам: *«Каждая книга стихов – книга расставаний и разрываний, с перстом Фомы в рану между одним стихом и другим»*; *«Все стихи и вся музыка – обещание обетованной земли, которой нет»*; *«Витание поэта в облаках» – правда, но правда только об одной породе поэтов: только высоких, чисто-духовных. И даже не витанье, а обитанье»*; *«Стих – по заказу! Стих – по мановению Брюсова! И второй камень преткновения, острейший, – я совсем не знала, кто Эдмонда, мужчина или женщина, друг или подруга»*.

Использование фразеологизмов библейского происхождения показывает, насколько глубоко Цветаева знала тексты Священного Писания, которые являются самыми популярными источниками историко-культурной информации во всем мире. Надо отметить, что всякое употребление фразеологизмов в текстах дано через творческий подход автора к осмыслению библейских сюжетов.

Цветаева способна расширить образное представление фразеологизма за счет вторичной номинации библейского сюжета: *«Он лопнул совсем не потому, что*

Христос воскрес, а потому, что я на него легла... Я его просто заспала, как на суде Соломона».

Основная функция библейских фразеологизмов в текстах М. Цветаевой – передать внутреннее состояние души: *«Осень, уходя, точно задумалась, оглянулась назад на лето и никак не может повернуться к зиме. Меня такие дни растрavляют, как всякая незаслуженная доброта. (Благо тому, кто умеет слушать)».*

Квантитативные данные дают основания сделать вывод, что наиболее частотным компонентом в структуре фразеологизмов в творчестве Цветаевой является существительное *душа* (*запустить руку в душу, из души рвется, бессмертная душа, болезнь души, в душе воет, в отвод души, вернуть душу, душой и телом, голая душа, дать выход душе, до дна души, душа закипела, душевный отход, душу вызвать, душу отдать, душу положить, живая душа в мертвой петле, задета душа, запустить руку в душу, из души рвется, на миру души не спасешь, над душой стоять, некогда о душе подумать, оторваться мясом души, по образу души своей, продать душу, прожечь душу, рыться в душе, из души рвется, пустые руки души, сотни лет души, тело ее души, час души, чем больше душа пуста, тем больше она наполняется).*

В своем сознании она свято сохранила библейское представление о магии числа: *«Из тех, о которых Бог – к счастью - не заботится (сами о себе заботятся!) и которые растут прямо в небо, в семьдесятое (у нас, русских, их – семь). (Быть на седьмом небе от радости. Видеть седьмой сон. Семеро одного не ждут). 7 – русское число! О, ещё много: Семь бед – один ответ, много: Семь пятниц на неделе. Не велик городок, да семь воевод. У семи нянек дитя без глазу. Семи пядей во лбу. Семеро ворот, а все в огород. За семь вёрст киселя хлебать. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Семь вёрст до небес и все лесом».*

Ни один художник слова не имеет такого количества авторских фразеологизмов: *атрофия совести, бумага не терпит сожительства, вершинный брат, время отшумело, земные приметы, затыкать дыры ран, измерять Москву верстами, воскресить мир, засыпать золой зим и песком лет, паралич роскоши, честь – выше художеств, хождение по слуху, ценности первого порядка, утомление сложенных рук, убить прошлое, шкурнодушевное сочувствие, уют нищеты и мн. др.*

Индивидуальность авторских образов особенно ярко прослеживается на одном из слоёв фразеологического массива – паремии: *лето берет количеством; лето зимы мудренее; на миру души не спасешь, сорок сороков чужих загубишь; на храбреца трусости не наврешь; начав корнями, кончают червями; не мне – воскрешать, но не и мне оплакивать; не связывайся с бабой – всегда на бобах; одни душу продают – за розовые щеки, другие душу отдают – за небесные звуки; перед хлебом все равны; правая рука всегда выше головы; пустота – прорва и никогда не наполняется без соли делается цинга, без сахару – тоска; в лоск обирать – себя разорять; быть скупым, чтобы мочь раздаривать; где прочно – там и рвется; дала правая, а помнят обе; дала судьба раз – не надо просить второго; за бывшим не угнаться; жизнь не повторяет своих даров; жизнь, оттачивая ум – душу*

сушит; и собака смела, которую люди из сеней выталкивают в стаю волков; каждый грех – первый; когда людям нечего сказать друг другу, они играют в карты; когда в голове ясно – то и на столе ясно; кривая вывозит, прямая – топит; кровь озорная – в монастырь; слова постные, а языком с губ скоромную мысль облизывают; старых друзей – не судят; там, где ни слова не убавишь – словами не прибавишь; Ты предал – предадут тебя. Кому предал – тот и предаст; у Руси глаза велики; уступить – легче, чем настоять; чем больше душа пуста, тем лучше она наполняется; чтобы ясно было в голове – нужно, чтобы ясно было на столе; что крестьянин, что князь – шкура одинаковая; что нога взяла, то след дал, нога унесла – след привнес. В авторской паремии проявляется яркое творческое самовыражение Цветаевой, не смотря на то, что создана она по существующим фразеологемам.

Обращает на себя внимание и контекст, позволяющий автору самому раскрывать значение выражения: *«Но – бумажный голод младенчества! – по сей день не решаюсь писать в красивых, кожаных и цветочных, даримых знакомыми для «черновиков». (Свои-то – знают!) <...> Первое чувство: недостойна! Второе: в такой тетради ничего не напишу, – страх дурного глаза, паралича роскоши; третье, уже вполне мысленное: писать в сафьяне то же самое, что пахать в атласе – не дело, игра в дело, дилетантизм, безвкусице»; «...отрешение: листвы от дерева, дерева от листвы, естественное, законное распадение того, что уже не вместе, отпадение того, что уже не нужно, что уже перестало быть насущностью, т. е. уже стало лишностью: шелестение истлевших риз» [V, 260].*

Употребление фразеологизма в свободном, нефразеологизированном значении, приводит к игре смыслов, основанной на одновременном восприятии выражения как свободного так и фразеологически связанного. Этот прием создает эмоционально-экспрессивное отношение к ситуации, описанной в тексте: *«Борис, во всяком людском отношении слова только на выручку, на худой конец, и конец – всегда худой. Ведь говорят – на прощанье»; «Гроб: точка стечения всех человеческих одиночеств, одиночество последнее и крайнее. Из всех часов – час, когда надо любить вблизи. Именно над душой стоять».*

Большой интерес представляют известные фразеологизмы, используемые Цветаевой в трансформированном виде. Несколько трансформируя фразеологизм, Марина Цветаева создает целый ряд художественно-стилистических эффектов: *«Весь этот месяц доправляла свои неизбывные корректуры – и с собой везу («остатки сладки» – горьки!). Стремление Цветаевой оживить образ побуждает ее к различным видам лексических преобразований, но семантика фразеологизма при этом не изменяется: «Милая Саломея, быка за рога, посылаю Вам 10 билетов на мой вечер 17-го июня с докладом обо мне (достаточно странно?) – угадайте кого? – похитителя Фернандэза: Слонима»; «Бисер перед свиньями... – шепчет милая человечная поэтесса Ада Чумаченко, тамошняя служащая, – я и то расстраиваюсь, когда он передо мной начинает... Стыдно... Точно – разбрасывает, а я подбираю....»; «Самое, для меня, тяжелое: нельзя ходить. Муру нельзя ходить, – значит и мне нельзя. А – какие горы! И горный горюнок <...> Дразнит – пуще чем лисицу – виноград. Ногой подать!».*

Лексический тип трансформации является самым распространенным и излюбленным приемом в творчестве М. Цветаевой, который направлен на конкретизацию внутренней формы ФЕ (прием вклинивания дополнительных компонентов в структуру ФЕ; лексическая замена компонента; усечение компонента из общей структуры фразеологизма). Используя эти приемы, М. Цветаева пытается уточнить заложенный во фразеологизм образ, придать ему яркость той среды, которую она описывает: «*Это мой давнишний вопль, **воплъ вопиющего, не в пустыне, а на базаре***»; «*Бессмысленно **ждать** «у моря погоды» – не у моря, а у станции метро*».

Эффективным, отработанным приёмом трансформации в творчестве Цветаевой является лексико-семантический, когда по определенной модели создается совершенно новая ФЕ.: «*Эренбург не ответил и дружба кончилась: **кончилась и с Геликоном, который после моего отъезда вел себя со мной, как хам <...> Так, не гонясь ни за одним, потеряла обоих***».

Часто в текстах Цветаевой наблюдается семантическая трансформация, когда сохраняется лексический состав, но ФЕ за счет контекста употребляется в новом значении или с дополнительным оттеночным значением: «*Знаю, что будет час Вашей жизни (когда Вам нечем будет дышать, как зверю, задыхающемуся в собственной шкуре), – когда, презрев все мужские дружбы, женские любви, семейные святыни, – Вы придете ко мне – за своей **бессмертной душой***»;

«*Раздует себе ночью самоварчик, оденет очки роговые, книжицу свою разворотит – и ну листами **бури-ветры подымать!***».

Любое семантическое преобразование становится началом рождения нового значения и образа ФЕ в творчестве М. Цветаевой: «*Поэт ли Брюсов после всего сказанного? Да, но не Божьей милостью. Стихотворец, творец стихов, и, что гораздо важнее, творец творца в себе. Не евангельский человек, **не зарывший своего таланта в землю**, – человек волей своей, **из земли его вынувший. Нечто создавший из ничего***».

В данном случае расширяются рамки фразеологической единицы, и создается новый образ, в основе которого лежит антитеза. В этом тексте реализуется и вопросительная конструкция, которая выполняет оценочную функцию в тексте.

Для того чтобы образность стала более выразительной, яркой и насыщенной, Цветаева использует контаминацию, совмещая две ФЕ синонимического значения в новую форму фразеологизма: «*Никогда, когда долго нет вестей, не думайте, что я не пишу: пишу – всегда, и всегда сама отправляю. Ну, еще раз – с Новым годом! **Дай Бог – всего хорошего, чего нету, и сохрани Бог – то хорошее, что есть***»; «*Ужасающее и постоянное **висение в воздухе на честном слове вероломного вдохновения***»; «*Но какой это холод, какая условность, какое **висение на ниточке и цепляние за соломинку***»; «*Китаянка уже бежит, быстрит, быстро-быстро, мелко-мелко, **мелким бесом и бисером перекатываясь на неправдоподобно-крохотных своих болванчиковых китайских ногах***»; «*И много, много должно **воды утечь, обиды набежать**, прежде чем поэт, переборов ложный стыд, решится сказать в лицо адвокату – политику – банкиру: «Ты мне не судья»*».

Художественный текст, будучи эстетически организованной системой, обладает способностью растворять в себе фразеологизмы. При этом всякое изменение формы и семантическое варьирование художественно целенаправленно, подчинено решению определенных идейно-эстетических задач. Поэтому конкретные наблюдения над системой употребления фразеологизмов ведут к познанию особенностей стиля и языка писателя. Восприятие фразеологизмов в тексте содействует развитию чувства языка, а также формы и ритма текста. А. М. Бабкин считает, что изучение авторского употребления ФЕ «представляет бесспорный теоретический интерес как для исследования процесса развития фразеологического запаса национального языка, изучения жизни отдельных фразеологизмов, так и для выявления стилистических возможностей литературного языка, а также роли мастеров языка и стиля в обогащении национального языка средствами выразительности» [1, 15].

Наиболее полно все отмеченные виды трансформации представлены в словаре фразеологизмов М. Цветаевой [2].

Список литературы

1. Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.– Л. : Наука, 1964.
2. Шевченко Н. М. Фразеологический словарь М. Цветаевой. – Бишкек: Эстет, 2011. – 350 с.

Шевченко Наталя. Фразеотворчість М. Цветасвої / Наталя Шевченко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 238–243.

У статті йдеться про мовну майстерність М. Цветасвої на фразеологічному рівні. Відзначено різноманітні механізми декодування індивідуально-авторської фразеології, яка розглядається з моменту існування її уявлення в мовній картині світу і культурі людства певного часового простору.

Ключові слова: паремійний масив, лексична трансформація, семантична трансформація, контамінація.

Shevchenko Natalya. Phraseoworks of M. Tsvetaeva / Natalya Shevchenko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 238–243.

The article analyses the creation of words of M. Tsvetaeva at the phraseological level. The illustrations are presented by all revealed kinds of transformation in the prose and epistolary texts of the poet(ess).

Key words: paremical unit, lexical transformation, semantic transformation, contamination.

Стаття надійшла до редакції 7 березня 2012 року

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА

УДК 811.162.5'82.2

BESEDNA IGRA V SLOVENSKIH PREVODIH OTROŠKE IN MLADINSKE LITERATURE

Valenčič Arh Urška

Filozofska fakulteta Univerze v Ljubljani,

Ljubljana, Slovenija

Glavni namen prispevka je prikazati besedno igro z vidika frazeološke inovativne rabe v izhodiščnem jeziku in ugotoviti njihove prevodne ustreznice ter z vidika prevajalske metode v ciljnem jeziku na podlagi otroških in mladinskih literarnih del, ki so namenjena mladim bralcem v starosti od 7. in 12. leta.

Ključne besede: frazeološka besedna igra, prenovitev/inovacija/modifikacija, prevodni postopki.

1. Besedna igra

Igranje z besedami, z njihovo obliko in njihovimi pomeni, je v govorni ali pisni obliki prisotno na vseh ravneh sporazumevanja in ni vezano na določeno besedilno vrsto. Kot sistem izraznih sredstev nam jezik omogoča ne le sporazumevanje, ampak se lahko ob tem tudi poigravamo, ker lahko z njimi, v nasprotju z drugimi komunika-cijskimi sistemi, uporabljamo kreativnost, abstraktnost ali metajezikovne refleksije. Definicije pojma »besedna igra« najdemo v jezikoslovni in literarni teoriji, prav tako v prevodoslovju in frazeologiji. V starejši prevodoslovni teoriji so z izrazom »besedna igra« razlikovali med metaforično in nemetaforično rabo jezikovnih izrazov [5]. V frazeološki teoriji je »besedna igra« izraz za modificirano (po Burger [1, s. 159]) oziroma kreativno inovativno (po Kržišnik [11, s. 264]) rabo frazemov na podlagi semantične potence, ker so frazemi zaradi svojih definicijskih lastnosti še posebej primerni za besedno igro na več plasteh. To ugotovitev je zapisala Greciano[3, s. 196]:

Die Polylexikalität ist ein Appell an die Fragmentierung, die Fixiertheit an die Variabilität, die Figuriertheit an die Litteralisierung.

Glavni namen prispevka je prikazati besedno igro v slovenskih prevodih literarnih del, ki so namenjena mladim bralcem v starosti od 7. in 12. leta. V analizi obravnavamo besedno igro z dveh vidikov. Prvi vidik temelji na gradivu **frazeoloških besednih iger** v izhodiščnem jeziku nemščini in njihovih prevodnih rešitvah v ciljni jezik slovenščino.¹ Pri drugem vidiku pojmujeemo **besedno igro kot metodo prevajanja** v ciljnim jeziku slovenščini na podlagi tujejezičnega besedila.

2. Besedna igra v frazeologiji in v prevodu

¹ Prevajanje frazemov iz nemščine v slovenščino je v slovenskem prostoru raziskovala Nedelko [12] v prevodu Pločevinstega bobna Günterja Grassa.

2.1. Frazološko besedno igro imenujemo modificirano rabo frazemov.

Modificirano rabo frazemov povzemamo po Kržišnik [11, s. 269], ki loči med neprenovitvenimi modifikacijami, ki v besedilu realizirajo samo svoj pomen, in med prenovitvenimi modifikacijami, pri katerih vedno nastopa interakcija med frazeološko besedno zvezo in prosto besedno zvezo, razmerje med njima pa je odvisno od vsakokratne konkretne besedilne uresničitve. Frazološke besedne igre postanejo nestalne jezikovne anomalije in niso zapisane v frazeološki zavesti posameznega govorca jezikovne skupnosti, so pa (skoraj) vedno del nekega širšega sobesedila, ki opozarja na formalno in vsebinsko akrobatiko v frazeološki besedni igri ter s tem namiguje na razumevanje njihove sporočilnosti in izrabo semantične potence.¹

2.2. V vsakem posameznem jeziku sta oblika in pomen povezana na arbitraren način, zato včasih frazema ali frazeološke besedne igre iz nemščine (L1) ne moremo nadomestiti s frazomom ali podobno frazeološko besedno igro v slovenščini (L2), ker v L2 ne obstaja ustrezen frazem ali pa v L2 ne moremo uporabiti adekvatne besedne igre.² V takšnih primerih prevajalci uporabijo prevodni postopek kompenzacije, ko "izgubljeni" frazem zaradi razlik med jezikovnimi sistemi nadomestijo na drugih mestih v ciljnem besedilu. Kadar pa prevajalec frazem v L2 dodaja po lastni presoji, lahko takšen poseg v besedilo primerjamo s priredbo. **Besedna igra kot metoda prevajanja je način** adaptacije, ko prevajalec v ciljnem jeziku uporabi frazem na tistih mestih v besedilu, kjer v izhodiščnem jeziku ni stalne besedne zveze in s tem inovativno ter kreativno spreminja izhodiščno predlogo. V ciljnem jeziku pride do sprememb tudi v slikovnosti in perspektivi.

3. Prevajanje frazemov

Prevajanje frazemov je poseben izziv za prevajalca. Zybatow [26, s. 149] je označil frazeme kot nadležne in nepremostljive ovire, ob katere se prevajalec spotika pri svojem poslu.³ Definijske lastnosti frazemov (večbesednost, idiomatičnost in stabilnost) opredeljujejo frazeme do te mere, da postane njihovo prevajanje trd oreh na vseh jezikovnih ravneh (strukturni, semantični, pragmatični). Poleg definijskih lastnosti je pri prevajanju frazemov, ki odražajo kolektivno zavest določenega jezikovnega okolja, nujno potrebno upoštevati in ozavestiti družbeno, kulturno, zgodovinsko, itd. ozadje izhodiščne in ciljne jezikovne skupnosti. Ker je prevajalec prvi bralec izhodiščnega jezika, je pri prvem branju poleg jezikovne kompetence odločilnega pomena tudi prevajalčeva frazeološka kompetenca v obeh jezikih, da bo lahko prepoznal ne le frazem, ampak tudi besedno igro pri modificiranih frazemih v izhodiščnem jeziku in jo znal adekvatno izraziti v prevodu. Že pri Güttingerju [5, s. 73] najdemo nasvet, da bralec ne bo opozorjen, preden bo naletel na besedno igro, ampak jo mora sam opaziti.

¹ Po Heibertu [6, s. 19] besedna igra ne pomeni le kreativno metajezikovno poigravanje s posameznimi besedami, na primer s homonimi ali večpomenskimi izrazi kot variantami enake semantične situacije, ampak je lahko neke vrste besedna igra tudi dobesečno razumevanje pregovora. Frazologinja Piirainen [23, s. 263] pojasnjujejo »besedno igro« kot dvoumno izražanje z zavestnim namenom odstopanja od jezikovne norme, bodisi v formalni strukturi bodisi v določenih semantičnih in kognitivnih strukturah, pri čemer gre za enkratno uporabljeno besedno igro v določenem sobesedilu z določenim namenom.

² Izhodiščni jezik je označen kot L1, ciljni jeziki kot L2, L3, L4.

³ Po besedah Greciano [4, s. 107] so prevodi frazemov merilo za kvaliteto prevoda.

4. Predstavitev gradiva

Frazeološko gradivo v delih pisateljice Christine Nöstlinger so sestavljali modificirani frazemi v izbranih delih, ki so nastala v obdobju med 1972 in 2004. Pisateljica Christine Nöstlinger v svojih delih spregovori o sodobnih ideoloških, družbenokritičnih in socialnih temah, ki so del vsakdanje realnosti mlade generacije. Njena posebnost je predvsem v tem, da v svojih delih na preprost in hudomušen način razkriva probleme, ki pestijo mlade bralce in jim pri tem ne ponuja enostranskih rešitev, ampak jih napeljuje na to, da naj sami postanejo kritični do okolja in naj sami poiščejo rešitve. Ker opisuje realne teme, je tudi jezik v njenih delih odsev sodobne družbe. Kritičnost do družbe pa je mogoče razbrati v tipičnih odstopanjih od jezikovne norme, kot so tvorjenke, neologizmi ter poigravanje s konvencionalnostjo v frazemih.

Pri analizi besedne igre kot posledico prevajalske metode je gradivo predstavljal roman za otroke nizozemske pisateljice Hanne Kraan z naslovom *Verhalen van de boze heks*, ki je nastal v izvornem izhodiščnem jeziku nizozemščini in prevod *Zgodbe o čavknjeni čarovnici* v slovenščino, pri čemer je po navedbah založbe za predlogo služil prevod v angleščino *Tales of the Wicked Witch*. Za primerjavo je služil tudi prevod v nemščino [9]. V pravljici zgodbi o čavknjeni čarovnici pisateljica Hanna Kraan na otrokom prijazen način opisuje prigode, ki jih doživljajo gozdni prebivalci, kadar v njem gospodari čarovnica. Najhujše potegavščine čarovnice, ki je včasih prijazna, včasih hudobna, gozdni prijatelji na koncu vendarle premagajo, še posebej, kadar ji s skupnimi močmi prekrižajo račune.

5. Analiza

5.1. Na podlagi korpusne analize v frazeološkem gradivu pisateljice Nöstlinger sem modificiranim frazemom v L1 poiskala prevodne rešitve v L2. Ob prizadevanju ohraniti značilnosti modificiranega izhodiščnega frazema sem v ciljnem jeziku ugotovila naslednje prevodne rešitve: modificirana raba frazema (1), modificirana raba frazema in dodana interpretacija (2), nemodificirana raba frazema -> frazem v slovarski obliki (3), nemodificirana raba frazema -> dobesedni prevod (4), (5).

Pri ohranitvi modifikacije v L1 in L2 prevajalec uporabi ciljni frazem s prevodnim postopkom substitucije in pravilno dekodira sporočilnost besedne igre. V ciljnem jeziku poišče ustrezno strukturno in semantično prenovitev in ohrani koherentnost v prevodu.

(1) nem. »So, so«, hat der Opa gesagt, »dumm sind sie! Und warum sind sie denn dumm?«

Der Kumi-Ori hat mit den Gurkensschultern gezuckt.

slo. »Tako, tako,« je rekel dedek, »neumni so! In zakaj so neumni?«

Kumi Ori je skomignil s kumaričnimi rameni.

V primeru (1) je kinegram *mit Schultern zucken* v pomenu 'izražati nevednost' modificiran v svoji strukturi s tem, da je avtorica spremenila morfemsko zgradbo samostalniške sestavine *Schultern* («ramena») in dodala *Gurken-* («kumarice»), saj je Kumi-ori v besedilu kumarični kralj. V prevodu je ohranjena struktura v okviru jezikovnih danosti *kumarični* in s tem tudi pomen modificirane rabe.

V nekaterih primerih je modificirani rabi frazema v L1 ob ohranitvi modificirane rabe v L2 dodana interpretacija.

(2) nem. Der Direktor schüttelte dem Hund die Pfote und teilte ihm mit, dass

morgen um zehn Uhr die Generalprobe sei, und bat, der Hund möge pünktlich erscheinen.
slo. Direktor je **segel psu v šapo, jo močno stresel in mu povedal, da je naslednjega dne ob desetih dopoldan generalka, in prosil psa, naj bo čimbolj točen.**

V primeru (2) sta tako frazem v L1 *jmdm. die Hand schütteln* kot tudi frazem v L2 *seči komu v roko* modificirana s postopkom leksikalne substitucije (L1: *Hand*->*Pfote*; L2: *roka*->*šapa*) z namenom na igriv način približati bralcu fiktiven pripovedni svet. V L2 je dodatna razlaga *jo močno stresel* vključena v besedilno okolje. Postopek dodatnega interpretiranja v L2 ni nujen, je pa pogosta prevodna rešitev v L2 morda zato, ker je prevajalec menil, da mladi bralec potrebuje dodatno razlago. Izpustitev modifikacije v L2 je posledica neprepoznavnosti besedne igre. V prevodu je uporabljen prevajalski postopek nevtralizacije ali pa je frazem dobesedno preveden.

(3) *nem. Seine Haut fühlte sich wie der Tirolerputz auf dem Haus von der Tante Trude an.*

Und das Ärgste war: Vom Scheitel bis zu den kleinen Zehen juckte der verflixte Tirolerputz zum Irwerden!

slo. Koža je bila taka kot omet na hiši njegove tete Trude. Najhujše pa je bilo: Tale zoprni omet ga je srbel **od glave do pete**, da je mislil, da bo znorel!

V primeru (3) je v L1 frazem *vom Scheitel bis zur Sohle* v pomenu 'povsem' substituiran in razširjen *vom Scheitel bis zu den kleinen Zehen* ("od temena vse do malih prstov na nogi"), medtem ko je v L2 uporabljen frazem *od glave do pete*, ki ne izraža adekvatnosti v L1. V slovarski obliki najdemo naslednje variante: *od nog do glave, od glave do peta /od temena do podplatov*. V prevodu se izgubi besedna igra, s katero je avtorica poudarila obseg težave, ki je pestila glavnega junaka.

Besedno igro predstavljajo tudi eliptične rabe frazemov v L1.

(4) *nem. »Schiss?«, fragte sie. »Großen Schiss!«, antwortete der Franz.*

Ziemlich stumm gingen die Gabi und der Franz zur Schule. Aber sie hielten einander an der Hand. Ein bisschen Trost war das für den Franz schon.

(4) slo. »**Sranje?**« je vprašala. »**Veliko sranje!**« je odgovoril Franc. Precej redkobesedna sta Gabi in Franc stopala proti šoli. Toda držala sta se za roke. Rahla tolažba je za Franca to že bila.

Frazemi v eliptični obliki ne izgubijo svojega pomena. V primeru (4) pa prevajalec ni prepoznal besedne igre, kajti *Schiss* je sestavina frazema *Schiss haben* v pomenu 'bati se česa'. Prevod v L2 'sranje' semantično ne ustreza izvirnemu frazemu, ker v L2 leksem *sranje* izraža 1) iztrebke, 2) kar je malo vredno, nepomembno ali 3) nejevoljo. Tudi besedilno okolje (*držala sta se za roke, tolažba*) namiguje na frazeološki pomen.

S pogosto uporabo krilatic, ki izhajajo iz pravljic, legend ali drugih besedil, Nöstlinger namiguje na bralčevo kompetentnost in predpostavlja njihovo razumevanje.

(5) *nem. »Sei nicht so wehleidig«, rief die Gabi. »Du bist echt ein Prinz auf der Erbse!«* slo. »Ne bodi tako občutljiv,« je zaklicala Gabi. »Si pa res **princ na grahu!**«

Naslov Andersenove pravljice *Die Prinzessin auf der Erbse* je v L1 substituiran (*Prinzessin* -> *Prinz*) in kataforično vpeljan s parafrazo (*Sei nicht so wehleidig*). V L2 ima pravljica naslov *Princeska na zrnju graha* in v L2 je substitucija sicer ohranjena, medtem ko je sestavina *zrno* izpuščena. Dobesedni prevod zveni nekoherentno in pri bralcu ne izzove besedne igre.

5.2. Pri korpusni analizi romana *Zgodbe o čavknjeni čarovnici* pisateljice Hanne Kraan je prevajalec uporabil frazeme v slovenščini kot metodo prevajanja. V analizi smo ugotavljali prevod frazemov v slovenščini (L3) in jih primerjali z besedilom v nizozemščini (L1), angleščini (L2) in nemščini (L4). Ker so frazemi v literarnih besedilih v primerjavi z drugimi besedilnimi vrstami jezikovni znaki, pri katerih so konotativne možnosti najbolj izkoriščene [2, s. 214], je prevajalec s svojim kreativnim posegom v ciljno besedilo na določenih mestih dosegel drugačen učinek kot je bila dana v izhodiščni literarni predlogi. Ugotovili smo, da prevajalec v slovenščini ni uporabil frazema le kot nadomestilo za prosto besedno zvezo ali leksem v izhodiščnem jeziku (6, 7, 8) ali ampak tudi kot konotativni dodatek k opisu situacije (9).

(6) niz. 'Of ze jaagt je het hele bos door. of ze verzint de gekste toverkunsten' bromde de vos.

angl. „Either she chases us through the entire wood or she casts the maddest magic spells,” muttered the fox.

slo. „Podi nas **čez drn in strn**, ali pa bruha nemogoče čarovniške zarotitve,“ je zamrmrala lisica.

nem. »Entweder sie jagt einen durch den Wald, oder sie denkt sich die verücktesten Zaberukunststücke aus«, brummte der Fuchs.

(7) niz. 'We worden allemaal te dik ook, nu we niet meer voor haar op de loop hoeven,' zei de egel.

angl. "We are all getting too fat now that we don't have to run away from her anymore," said the hedgehog.

slo. „Odkar nas **preganja naokrog**,“ je ugotovil jež, „smo se **zredili kot pujsi!**“

nem. »Wir werden auch alle zu dick, weil wir nicht mehr vor ihr wegrennen müssen,« sagte der Igel.

Pri primeru (6) je prosto besedno zvezo v L1 *hele bos door* in v L2 *through the entire wood* v pomenu 'po celem gozdu' v ciljnem jeziku slovenščini nadomestila stalna besedna zveza *čez drn in strn*, ki ima v Slovarju slovenskega knjižnega jezika razlago 'ne po poti, naravnost čez kakršenkoli svet'. V (7) je ugotovitev, da so živali postale predebele (*te dik/zu dick/too fat*) v slovenščini prevajalec nadgradil s primero *zrediti se kot pujs*.

(8) niz. 'Wat kan het je schelen,' gaapte de hass. 'Ze is weg, en wij heben rust.'

'Rust, ja,' zei de egel.

angl. „Why should you care?“ said the hare with a yawn. "She's gone, and we have peace and quiet." "Peace and quiet, yes," said the hedgehog.

slo. „Kaj te briga?“ je prhnil zajec in zehnil. „Šla je in **mirna Bosna**.“

„**Mirna Bosna**, ja“ mu je odbrusil jež.

nem. »Das kann dir doch egal sein«, sagte der Hase und gähnte. »Sie ist weg, und wir

haben unsere Ruhe.« »Ruhe, ja«, sagte der Igel.

Pri primeru (8) dobesedni pomen zveze *heben rust* izraža 'zdaj imamo mir' in ni frazeološko obarvan. V angleškem prevodu se pojavi frazeološka igra v frazemu *peace and quiet*, ki konotativno ne spremeni izhodiščnega izraza. V slovenščini pa uporaba

frazema (*pa*) *mirna Bosna* 'saj je vseeno' že močno meji na adaptacijo, ker je uporabljena podkrepitev tudi kulturološko zaznamovana in ima semantično potenco tudi v ponovitvi.

(9) niz. *De vleermuis keek ze tevreden na. Hij gaapte, rekte zich uit en zei:*

'Zo, nu kan ik tenminste weer rustig slapen!'

angl. *Contentedly, the bat watched them go. He yawned, stretched, and said, "There we are, now at least I can go back to sleep!"*

slo. *Netopir jih je zadovoljno opazoval. Zehnil je, se pretegnil in dahnil:*

„Mnogo hrupa za nič. Končno se bom lahko naspal.“

nem. *Die Fledermaus schaute ihnen zufrieden nach. Sie gähnte, streckte sich und sagte: »So, jetzt kann ich wenigstens wieder ruhig schlafen.«*

Z uporaba krilatice iz naslova Shakespearove veseloigre *Mnogo hrupa za nič*, ki je del frazeološkega zakladnice tudi v slovenskem jeziku v pomenu 'mnogo nepotrebnega razburjanja' je prevajalec interpretiral izhodiščno besedilo do te mere, da je zgolj na podlagi besedilnega okolja portretiral figuro netopirja in nadgradil denotativno dimenzijo.

6. Ugotovitve

Prevajanje frazemov ni vprašanje norme, temveč vprašanje kulture in semiotike v določeni jezikovni skupnosti ter ubeseditve slikovne govorice v določenem jeziku. Frazemi niso samo poimenovanja predmetnosti in pojavnosti v smislu denotacije, ampak izražajo tudi razmerje do predmetnosti in pojavnosti v smislu konotacije. Njihovo prepoznavanje in razumevanje v izhodiščnem besedilu ne zadostuje, nujna je tudi interpretacija ubeseditve, ki v izhodiščnem besedilu ni vedno eksplicitno izražena z jezikovnimi sredstvi. Pri analizi modificiranih frazemov in njihovih prevodov sem ugotovila, da največji problem pri prevajanju predstavljata nedoslednost in relativno slabo poznavanje frazeološkega gradiva v izhodiščnem jeziku, kar je predpogoj za uspešno dekodiranje smiselne povezave med frazeološkim pomenom in prenovitveno rabo. Vzrok za napake pri prevodih besedne igre je tudi to, da se prevajalec prehitro zadovolji s svojim razumevanjem sinhrona motivacije. Analiza besedne igre kot prevajalske metode je pokazala, da so besedne igre lahko način priredbe literarne predloge in relativirajo trditev, da so prevodi ponovno ubesedovanje nečesa, kar je z jezikovnimi znaki že izraženo. V obeh primerih mora prevajalec razumeti sporočilnost danega besedila in se zavedati, da sporočilnost posreduje mlademu bralcu, ki svojo frazeološko kompetenco šele razvija. Za nadaljno raziskavo bi bila zanimiva primerjava v prevodih drugih del otroške in mladinske literature ali primerjava z drugimi jeziki.

Literatura

1. Burger H. *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen* / H. Burger. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2010. – 239 s.
2. Fleischer W. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache* / W. Fleischer – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1997. – 299 s.
3. Gréciano G. *Idiom und sprachspielerische Textkonstitution* / G. Gréciano // *Beiträge zur allgemeinen und germanistischen Phraseologieforschung* / J. Korhonen (ur.) – Oulu, 1987. – S. 193–206.
4. Gréciano G. *Deutsch-Französische Konvergenzen* / G. Gréciano // *Phraseme in Kontext und Kontrast* / Gréciano G./Rothkegel A. (ur.). – Bochum : Brockmeyer, 1997. – S. 99–115.

5. Güttinger F. Zielsprache. Theorie und Technik des Übersetzens. / F. Güttinger. – Zürich : Manesse Verlag, 1963. – 233 s.
6. Heibert F. Das Wortspiel als Stilmittel und seine Übersetzung / F. Heibert – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1993. – 319 s.
7. Kraan H. Verhalen van de boze heks / H. Krran. – Rotterdam : Lemniscaat, 1990. – 110 s.
8. Kraan H. Böse Hex, liebe Hex / H. Krran. – Würzburg : Benziger Edition, 1992. – 112 s.
9. Kraan H. Tales of the Wicked Witch / H. Krran. – Arden North Carolina : Front Street & Lemniscaat, 1995. – 107 s.
10. Kraan H. Zgodbe o čavknjeni čarovnici / H. Krran. – Ljubljana : Epta, 1998. – 101 s.
11. Kržišnik E. Izraba semantične potence frazemov. Slavistična revija. Posebna številka. / E. Kržišnik. – Ljubljana : Slavistično društvo Slovenije 2006. – S. 259–279.
12. Nedelko V. Frazeologija pri prevajanju umetnostnih besedil: izdelava teorije prevajanja frazemov in frazeoloških ponovitev s pomočjo opisa in klasifikacije nemških frazemov in njihovih prevodov ob primeru romana Pločevinasti boben avtorja Günterja Grassa. Magistrsko delo. / V. Nedelko. – Ljubljana : Filozofska fakulteta, 2006.
13. Nöstlinger C. Krankengeschichten vom Franz / C. Nöstlinger. – Hamburg : Oetinger, 1990. – 63 s.
14. Nöstlinger C. Franceve bolezenske zgodbe / C. Nöstlinger. – Celovec-Ljubljana-Dunaj : Mohorjeva založba, 2000. – 64 s.
15. Nöstlinger C. Schulgeschichten vom Franz / C. Nöstlinger. – Hamburg : Oetinger, 1987. – 61 s.
16. Nöstlinger C. Franceve šolske zgodbe / C. Nöstlinger. – Celovec-Ljubljana-Dunaj : Mohorjeva založba, 1999. – 61 s.
17. Nöstlinger C. Der Hund kommt! / C. Nöstlinger. – Weinheim Basel : Beltz & Gelberg, 1987. – 202 s.
18. Nöstlinger C. Pes gre v širni svet / C. Nöstlinger. – Ljubljana : MK, 1995. – 152 s.
19. Nöstlinger C. Fußballgeschichten vom Franz / C. Nöstlinger. – Hamburg : Oetinger, 2002. – 64 s.
20. Nöstlinger C. Franceve nogometne zgodbe / C. Nöstlinger. – Celovec-Ljubljana-Dunaj : Mohorjeva založba, 2004. – 66 s.
21. Nöstlinger C. Wir pfeifen auf den Gurkenkönig / C. Nöstlinger. – Weinheim Basel : Beltz & Gelberg, 1972. – 165 s.
22. Nöstlinger C. Požvižgamo se na kumaričnega kralja / C. Nöstlinger. – Ljubljana : MK, 1994. – 129 s.
23. Piirainen E. Das geht durch Mark und Pfennig. Usualisiertes Wortspiel in der deutschen Phraseologie. / E. Piirainen // Wörter in Bildern – Bilder in Wörtern. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis / R. S. Baur, C. Chlosta, E. Piirainen (ur.) – Hohengehren : Schneider Verlag, 1999. – S. 263–283.
24. Slovar slovenskega knjižnega jezika. I–V. Ljubljana, 1970–1991.
25. Srebnik A. Nizozemsko slovenski slovar = Nederlands Sloveens woordenboek / A. Srebnik – Ljubljana : DZS, 2007. – 578 s.
26. Zybatow L. Übersetzen von Phraseologismen oder was bringt die kognitive Linguistik dem Übersetzer? / L. Zybatow // Phraseologismen in Text und Kontext. Phrasemata I. Bielefelder Schriften zu Linguistik und Literaturwissenschaft / J. Wirth (ur.) – Bielefeld : Aisthesis Verlag, 1998. – S. 149–167.

Валенчик Арх Уршка. Гра слів у словенських перекладах дитячої та юнацької літератури / Арх Уршка Валенчик // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 244–251.

У статті на матеріалі дитячих і юнацьких художніх текстів для читачів від 7 до 12 років розглядається гра слів з точки зору інноваційного використання фразеологізмів у мові оригіналу, а також робиться спроба знайти їхні відповідники в мові перекладу.

Ключові слова: фразеологічна гра слів, оновлення / інновація / модифікація, процедури (прийоми) перекладу.

Valenchich Arh Urshka. Word Play in Slovene Translations of Children's and Youth Literary Works / Arh Urshka Valenchich // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 244–251.

The main purpose of this contribution is to present a word play from two perspectives: in terms of the phraseological modification in the source language and its translation equivalents and in terms of the translation method in the target language. The analysis is based on children's and youth literary works that are intended for young readers aged between 7 and 12.

Key words: phraseological word play, modification, translation procedures.

Стаття надійшла до редакції 17 березня 2012 року

УДК 811.161.2'282.2(477.52/6)

КАЛАМБУРЫ И ПРОБЛЕМАТИКА ИХ ПЕРЕВОДА

Выходилова Зденька

Оломоуцкий университет имени Франтишека Палацкого,

Оломоуц, Чехия

Автор уделяет внимание одной узкоспециальной области переводческих вопросов, а именно переводу избранных видов каламбуров. Внимание обращается на лингвистические закономерности образования каламбуров в языках разных типов и на технику их воспроизведения при переводе.

Ключевые слова: игра слов, языковая шутка, каламбур, перевод.

Предметом настоящей статьи является репрезентация возможности способа межъязыковых трансформаций каламбуров на материале разноязычных каламбуров, в частности роль типологической и генетической характеристики языка в возможности перевода каламбуров на другой язык.

Мы придерживаемся понимания каламбура как основанной на разных типах омонимии, полисемии, паронимии и видоизменении устойчивых лексических оборотов языковой шутки, т. е. как особенного вида языковой игры. Каламбур часто представляет собой двучленное образование, первый, опорный компонент которого принято называть стимулятором или основанием, второй компонент, представляющий собой как бы вершину каламбура, называется результирующим компонентом или результирующей, причем они необязательно должны находиться в непосредственной близости друг с другом.

1) Самый распространенный вид каламбура – каламбур, основанный, на многозначности слов, на полисемии, т. е. одна и та же словесная форма имеет двоякое смысловое содержание. Решающую роль при раскрытии двоякого значения данной словесной формы играет контекст.

В качестве примера нам послужит «замок» Сонета 20 Шекспира:

By adding one thing to my purpose nothing.

But since she prick'd thee out for women's pleasure,

Mine be thy love, and thy love's use their treasure

Обыгрывается слово *prick*, которое, кроме словарного глагольного значения, имеет еще сленговое значение пенис, половой член. Адекватный перевод представляет собой умение передать определенное напряжение между содержанием и формой при соблюдении нормативной лексики. Русский переводчик В. Козаровецкий, по своим собственным словам, пользовался близостью глаголов *стал* и *встал*, срав.:

Так пусть для женщин ... станет плоть наградой,

А мне – любовь твоей души отрадой.

Интересно следить за развитием подхода к данному каламбуру в истории его переводов на чешский язык:

Самым эксплицитным, верным подлиннику, и, на наш взгляд, самым оптимальным является перевод самого признательного современного чешского переводчика Шекспира М. Гильского:

K tvým božským údům další přidělala.

Tvá láska patří mně, ač vybaven

Přírodou byl jsi k potěšení žen. (M. Hilský 1997)

Перевод Э. А. Саудека, считавшийся долгое время репрезентативной классикой, избирает лексику на много нейтральнее:

tím přídavkem, jenž pro mne není na nic.

Však stvořen jednou, abys těšil krásky,

mně lásku přej, jim užitek své lásky. (E. A. Saudek, 1936)

Также другие современные переводчики довольно трезвы в выборе обозначения данного выражения, причем З. Грон и М. Мацек допустили некоторые семантические сдвиги, срав.:

Díl navíc, pro mne bezcenný, ti dala.

Když mají tě mít tedy ženy rády,

Má buď tvá přízeň, tvoje jejich vnady. (M. Macek 1986)

A tak mi tě tím darem rovnou vzala.

Když jsi však stvořen ženám k milování,

mně lásku dej a jim plod po laskání. (Z. Hron 2001)

ti přidala, co mně k ničemu není.

Vyzdvihla-li tě k potěšení žen,

mne miluj a je těš svým pokladem. (M. Uličný 2005)

2) Довольно частый по употребительности вид каламбура – обыгрывание сходства в звучании слов или словосочетаний. Пример взят из перевода на чешский язык комедии Н. Коляды «Тутанхамон», выполненного молодой переводчицей М. Палушовой:

Тамара: *Родные мои, у нас два ящичка водки, двигаемся, наливай, а то свет погаснет. «Живем в комарином лесу! На ужин зажарим лису!»*

Tamara: *Drahouškové, máme tady dvě bedny vodky, hněte sebou, nalejvejte, nebo zhasne světlo. „Žijem v lese, kde kůrovci je moře, k večeri upečem si smradlavýho tchoře.“*

Переводчице путем компенсации удалось передать не только функционально-смысловое содержание игры слов, включая «звериный» элемент результирующего компонента, но также и форму каламбура, т. е. созвучие опорного и результирующего компонентов.

3) На примере каламбура, основанного на одном виде омонимии, попробуем обратить внимание на необходимость учитывания переводчиком языковой типологии при выборе оптимального переводческого решения.

Флективные языки, т. е. языки синтетического типа, в отличие от аналитических языков, способны образовать омонимические пары также с помощью падежных окончаний. Сказанное можно продемонстрировать на переводах одного из многочисленных каламбуров в романе Ф. Рабле *Гаргантюа и Пантагрюэль*:

... *je rime tant et plus, et en rimant, souvent m'enrhume*

Данный каламбур основан на французских омофонах *s'enrimer* – рифмовать и *s'enrhumer* – схватить насморк.

Чешский язык, используя возможности грамматических омографов, предлагает, например, следующие возможности перевода:

... *když začnu smolit rýmu, nemohu se zbavit rýmu.*

или:

... *když se ponořím do rýmů, uženu si z toho rýmu.*

(Rým = рифма, rýma = насморк.)

Переводчик на русский язык Н. Любимов предпочел другую переводческую стратегию, а именно перевод при помощи субституции схожей корневой морфемы - *plět* - и - *плет* -:

... *ponemnožku kropaю, но только от стихоплётства у меня язык иной раз заплетается.*

Напротив, немецкий переводчик сделал ставку на элементы звукописной паронимии:

Ich dichte, was das Zeug hält, und manchmal so arg, dass mich ganz verdichte, vergichte und vernichte!

4) Типичным примером каламбура, который стал осью романа Генриха Манна «Профессор Унрат», является само название романа. Сигнал дан сразу в первом предложении романа:

Da er Raat hiess, nannte die ganze Schule ihn Unrat.

Чешский переводчик использовал возможность калькирования немецкого слова *Unrat* – *Neřád*, срав.: *Ježto se jmenoval Řád, řkala mu celá škola Neřád.*

Словацкая переводчица решила на довольно нейтральный вариант контрадикторных антонимов *Čin* – *Nečin*, между тем как русский переводчик предлагает не очень компактную пару фамилий *Учитель Гнус* – *Нусс*. Лишь переводчик на итальянский язык, насколько нам известно, оставил фамилию в оригинале и ее значение объяснил в подстрочном примечании.

5) В последнюю группу каламбуров, на перевод которых мы хотим обратить внимание, входят каламбуры, основанные на использовании элементов на иностранных языках. Использование иноязычных элементов в целях создания комического эффекта изобилует роман Ярослава Гашека *Похождения бравого солдата Швейка*. Приводим хоть один пример каламбура с использованием немецкого языка и его перевод на русский язык:

... *a tam byl nějaký obrst Fliedler von Bumerang nebo tak nějak.* “ (Н 387).

Русский перевод П. Богатырева является демонстрацией удачной компенсации игры слов, основанной на созвучии:

Был тогда у нас полковник то ли Флидлер фон Бумеранг, то ли другой какой «ранг» (Г2 125).

Следующие примеры должны демонстрировать проблематику перевода игры слов, основанной на использовании иноязычного элемента, на язык которого данное произведение переводится. Они взяты из текста киноповести Зденека Сверака *Коля*. Одноименный фильм режиссера Яна Сверака, завоевавший премию Оскар, принадлежит сегодня уже к культовым произведениям чешской современной кинематографии. На русский язык киноповесть еще в 1997 году перевели Инна Безрукова и Сергей Скорвид.

Основным средством коммуникации главных героев киноповести, Ф. Лоуки и русского мальчика Коли, является, естественно, русский язык. Автор сумел мастерски использовать так наз. русско-чешскую омонимию как источник языкового комизма или источник непонимания друг друга, ср., напр.:

"To je naše stolice. Víš, kolik má věží? Sto!" (S 109).

Реплика Лоуки в чешском подлиннике носит полисемантический характер: русское существительное *столица* использовано в чехизированном морфологическом виде и таким образом становится двусмысленным (или многозначным), превращаясь в источник комического эффекта. (Русская лексема *столица* = *главный город* x чешская лексема *stolice* = *стул, скамья*, но также *испращение*). Каламбурный эффект усилен еще и созвучием числительного *сто* с начальным слогом слова *stolice*. Хотя переводчики выделяют данное слово из окружающего текста, но используют его в литературной форме, в результате чего данное слово в переводе теряет свою двусмысленность и содержание высказывания становится совершенно нейтральным:

– *Это наша столица. Знаешь, сколько в ней башен? Сто!*

По аналогии З. Сверак использует формальное сходство русской и чешской лексемы *красный* – *krásný*. Диалог Лоуки с Колей основан на семантическом несоответствии между русско-чешскими омонимами *красный* и *krásný* (в просторечном произношении Лоуки *krásnej*), первоначально близкие значения которых в течение исторического развития чешского и русского языков разошлись :

Chlapec ukáže na rudý praporek a řekne, máje na mysli jeho barvu:

"Naš krasnyj."

"Váš že je krásnej? Co je na tom krásnýho, prosím tě? Červený je to jak trenýrky. Náš je krásnej."

"Naš krásnyj," trvá na svém Rus. (S 72)

Переводчики хотят обыграть оппозицию лексем *красный* и *прекрасный* и обращаются к интересному решению использовать двойные конструкции и конструкции повтора типа *желтый-прежелтый* (со значением усиления интенсивности):

Мальчик тычет пальцем в красный флажок и говорит:

– *Наш красный-прекрасный.*

– *Это ваш-то прекрасный? Скажи пожалуйста! Что же в нем такого прекрасного? Красный, как спортивные трусы. А вот наш – прекрасный.*

– *Нет, наш, - настаивает русский мальчик. (С. 91–92)*

Можно было бы остановиться еще и на проблемах перевода других видов каламбуров, как, например, на каламбурах основанных на народной этимологии или псевдоэтимологии, на намеренных деформациях лексических или синтаксических единиц, на каламбурном изменении собственных существительных, изменении звучания лексических единиц с целью их переосмысления, на каламбурах, построенных на синтаксической основе и т. п., но ограниченный размер статьи не позволяет этого.

В заключение можно констатировать, что перевод каламбуров представляет собой вершину переводческого мастерства. Времена, когда в переводной художественной литературе встречались сноски типа «непереводимая игра слов» уже, в принципе, остались в прошлом. В настоящее время переводчики, как правило, стремятся справиться с трудной задачей, с более или менее удачными результатами. Согласно теории относительной переводимости, мышление людей принципиально сходится, несмотря на национальную и этническую принадлежности. Кроме того, существует также закономерность, что чем ближе звуковой, графический и морфолого-синтаксический планы языков, тем легче переводчику выполнить задачу адекватной передачи каламбура на иностранный язык. Но чтобы добиться у иностранного читателя / слушателя такого же восприятия переведенного каламбура, как и у читателя / слушателя оригинала, необходима еще и близкая друг другу культурно-когнитивная база обоих языков.

Список литературы

1. Выходилова З. Иноязычные вкрапления в романе Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» с переводческой точки зрения / З. Выходилова // Язык и культура. Материалы Международной научной конференции. Белгородский государственный университет. Белгород, 2010, с. 95–99.
2. Козаровецкий В. О переводе игры слов в сонетах Шекспира / В. Козаровецкий. – Режим доступа: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=45949>
3. Санников В. Русская языковая шутка. От Пушкина до наших дней / В. Санников. – М.: Аграф, 2003, – 560 с.
4. Hečko V. Dobrodružství překladu. Přeložil E. Charous / В. Hečko. – Praha: Ivo Železný, 2000, – 275 s.
5. Vychodilová Z. Dvojazyčnost ve Svěrákově Koljovi z translátologického pohledu. / Z. Vychodilová // Dialog kultur V. Sborník referátů z mezinárodní vědecké konference konané v roce 50. výročí vysokoškolského učitelského vzdělávání v Hradci Králové Ořtis, Ústí nad Orlicí 2009, s. 653–659.

Виходилова Зденька. Каламбури та проблематика їхнього перекладу / Зденька Виходилова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т 25 (64), №2 (1). – С. 252–257.

Автор приділяє увагу певній вузькоспеціальній галузі питань із перекладу, а саме перекладу обраних видів каламбурів. Звернено увагу на лінгвістичні закономірності створення каламбурів у мовах різних типів і на техніку їхнього відтворення при перекладі.

Ключові слова: гра слів, мовний жарт, каламбур, переклад.

Vychodiliva Zdenka. Puns and problems of translating / Zdenka Vychodilova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 252–257.

The author focuses on one of closely specialized areas of translation issues, namely on translating of selected types of puns. Attention is drawn to linguistic regularities of creating puns in languages of different types, as well as on techniques of their conversion in language-to-language translation.

Key words: equivocate, play on words, language joke, pun, translation.

Стаття надійшла до редакції 13 березня 2012 року

УДК 811.111/811.161.1'371

ДИСКУРСИВНИЙ ПОТЕНЦІАЛ ТРАНСФОРМОВАНИХ ІДИОМ

Лагоденко Джульєтта

*Белгородський державний національний дослідницький університет,
Белгород, Росія*

В статті розглядається феномен мовної гри на прикладі трансформованих ідіом англійської мови, аналізуються особливості передачі даних ідіом на мову перекладу і оцінюється їх прагматичний ефект

Ключові слова: трансформація ідіом, порушення норми, адекватне сприйняття, прагматичний ефект.

В наше час в зв'язі з антропоцентричним підходом до вивчення мови особливий інтерес набуває дослідження лінгвокультурних механізмів мовних трансформацій як відображення психологічної реальності значення і форми мовного знаку в свідомості мовлячих. Дане положення, утверджене в науці про мову, стало аксіоматичним на сучасному рівні лінгвістических досліджень. Сам процес перетворення людиною своєї мови не носить характер планомірної діяльності, а відбувається спонтанно в ході повсякденної комунікації.

Динаміка цього процесу стосується насамперед розвитку індивідуальної компетенції, особистого тезаурусу і служить цілям успішної комунікації в конкретному мовному акті. При цьому більшість мовних змін є результатом спонтанних дій людини з метою адаптації мови до завдань пізнання і спілкування. З одного боку, даний процес є вільним, оскільки людина вільно вибирає будь-які форми вираження, а з іншого боку, він мотивований факторами комунікативної ситуації і обмежений рамками існуючої комунікативної компетенції, тобто може бути проінтерпретований за рахунок попереднього досвіду адресатів і їх асоціацій, що входить до лінгвістическої компетенції як основи лінгвістическої інтуїції.

Зв'язок творчого і аномального початку знаходить своє вираження в грі, яку розуміють як «непередбачуваність життя». В мові така непередбачуваність виражається в формі «сквозного дійства відхилень від норми, яке бере початок в області сприйняття світу, поставленого даними для комунікації, проходить через сферу спілкування, відкладається в лексическій, словообразовательній і синтаксическій семантиці і завершується в словесному творчестві» [1, с. 80]. В даній концепції підкреслюється, що гра є аномалією, допустима мовою. Функція аномалії, за Н. Д. Арутюновою, полягає в тому, що вона змушує думати (створити думку) і діяти (створити життя).

Такого же мнения придерживается и В. З. Санников, который считает, что языковая игра – это «некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая [4, с. 89].

В лингвистических исследованиях активно разрабатывается и иной подход к изучению языковой игры. Так, В. А. Пищальникова считает, что то, что называется «языковой игрой, – отнюдь не отступление от закономерностей существования языка. Напротив, это один из древнейших механизмов существования языковой способности как неосознаваемого владения единицами и структурами языка. Языковые механизмы заставляют носителя языка обнаружить модельную аналогию неконвенционального характера. И в этом, кстати, одно из проявлений регулирующей суггестивной функции языка» [3, с. 111].

В нашей работе под языковой игрой понимается варьирование плана выражения и плана содержания языковых знаков вплоть до нарушения норм на разных уровнях языка с целью самовыражения, эмоционального воздействия на адресата. Сама природа фразеологизмов, их вторичный, производный характер, способствует активному использованию фразеологии в создании языковой игры. Под фразеологической игрой нами понимается особый тип языковой игры, связанный с намеренной трансформацией и пересмотром готового, воспроизводимого выражения или с порождением ФЕ с установкой на достижение определенного прагматического эффекта. Фразеологическая игра, вписываясь в более широкое поле языковой игры, направлена на «обновление» стереотипов образования и употребления ФЕ, чаще всего получающее комическую тональность.

Действенным способом создания трансформационных моделей является экспериментирование над специфическими особенностями фразеологизмов как языковых единиц (воспроизводимость, устойчивость, семантическая целостность значения и др.). Например, такое свойство фразеологизма, как постоянство состава, делает сложным или невозможным замену какого-либо компонента (в том числе синонимом), что возможно в свободном словосочетании. Сознательное нарушение этого признака приводит к языковой игре.

Одним из самых распространенных способов создания языковой игры являются различного рода структурно-семантические трансформации фразеологизма. Другим – создание языковой игры средствами фразеологии является разложение (буквализация) ФЕ или ее части, т. е. употребление фразеологизма как свободного сочетания слов, что отражает определенную прагматическую интенцию говорящего. Но при переводе эффект такой «дефразеологизации» нередко препятствует адекватному пониманию ФЕ в языке-реципиенте.

Так, английский фразеологический оборот 'when pigs fly' имеет параллели во многих языках. Он трактуется как 'недействительный абсурдный факт, репрезентирующий невозможность каким-то животным выполнения определенного действия', другими словами, лексический эквивалент этого фразеологизма представлен лексемой 'никогда'. Анализ следующего отрывка с элементом языковой игры показывает, что при трансляции таких межъязыковых фразеологизмов с использованием калькирования, коннотативный смысл

сохраняется лишь частично. Коннотация, содержащая в себе семантику 'свершившегося чуда' (в нашем примере это Ричард, который прежде никогда не шутил), осталась за рамками перевода:

Her fork finally made contact with the pork and she sent it flying off her plate and through the air, where it landed on the kitchen counter at the far side of the room.

'And they say pigs don't fly,' Richard remarked as Holly crossed the room to retrieve the piece of meat.

'Richard, you joked!' Holly giggled [C. Ahern, P. S. I Love You, p. 317].

– Ну, об этом я не стала бы беспокоиться, – заметила Холли, пытаясь подцепить вилкой кусок свинины... Вилка наконец попала в цель, и мясо вылетело из тарелки, приземлившись на журнальный столик в другом конце комнаты.

– А говорят, что свиньи не летают, – рассмеялся Ричард.

Холли захихикала:

– Ричард, ты пошутил! [пер. В. Лавроненко, с. 343]

Анализ вышеизложенного примера показывает, что денотативная информация была передана полностью, в то время как коннотативная информация исходного текста объективирует большую степень аффектации говорящего, чем это передано в русскоязычном варианте.

Калькирование при переводе ФЕ вызывает сложный мыслительный акт в сознании читателя: с одной стороны, происходит как бы дефразеологизация переведенного фразеологизма, с другой стороны, читатель переходит от внутренней формы ФЕ, представленной буквальным переводом прототипического словесного комплекса, к обобщенно-переносному значению самого фразеологизма, устанавливая между ними логическую связь [5, с. 130]. Особенно очевидными подобными барьерами становятся при обращении к художественным контекстам, осложненными игрой слов. Так, английский фразеологизм 'let your hair down', будучи каламбурно обыгранным, оказался практически непереводаемым:

'Dress robes will be worn,' Professor McGonagall continued, 'and the ball will start at eight o'clock on Christmas Day, finishing at midnight, in the Great Hall. Now then –'

Professor McGonagall stared deliberately around the class.

'The Yule Ball is of course a chance for us all to – er – let our hair down,' she said, in a disapproving voice.

Lavender giggled harder than ever, with her hand pressed hard against her mouth to stifle the sound. Harry could see what was funny this time: Professor McGonagall, with her hair in a tight bun, looked as though she had never let her hair down in any sense [J. K. Rowling, Harry Potter and the Goblet of Fire, p. 337].

– Форма одежды – парадная, – продолжила МакГонагалл. – Бал начнется в восемь часов вечера в первый день Рождества в Большом зале. Окончание бала в полночь. И еще несколько слов... – Профессор МакГонагалл окинула класс выразительным взглядом. – На Святочные балы, конечно, приходят с распущенными волосами, – проговорила она с явным неодобрением.

Лаванда еще громче хихикнула. На этот раз Гарри понял, что ее рассмешило: профессор трансфигурации всегда носила тугий пучок на затылке, не позволяла себе ходить распутехой в прямом и переносном смысле [с. 351].

История фразеологизма 'let your hair down' уходит в далекое прошлое: раньше женщины могли появиться на публике только с собранными волосами и только в неформальной, частной обстановке могли их распустить, т. е. наконец у человека появляется возможность расслабиться и отдохнуть. На наш взгляд, перевод 'let your hair down' лексемой 'распутеха' не соответствует контексту оригинального текста по двум причинам: во-первых, 'распутеха' – это небрежно одетая, неопрятная женщина. Данное определение никак не вяжется с образом профессора МакГонагалл и звучит, по крайней мере, некорректно. Во-вторых, эта лексема не имеет переносного значения в русском языке. Поэтому, при переводе данного фразеологизма лучше было бы использовать калькирование с введением объяснительного перевода, что позволило бы читателю не только познакомиться с новой английской фраземой, но и сохранить ее дискурсивный потенциал. В. Г. Гак писал: «Язык должен быть организован так, чтобы на нем можно было все сказать, выразить даже то, для чего нет специального обозначения в языке» [2, с. 29].

Поскольку при языковой игре происходит трансформация и денотата, и сигнификата, и коннотата, а также когнитивных структур, то те же самые тела знаков получают в ней новую синергетику от данного процесса, которую реципиент должен адекватно для себя означить и тем самым оживить. Только в этом случае происходит двусторонняя реализация функции языковой игры. Но, как мы видим из приведенных выше примеров, различие в объеме и качестве коннотативной информации оригинала и перевода приводит к тому, что эмоциональные реакции получателей этих предложений будут несколько различаться. Это связано, в первую очередь, с тем, что коннотативная информация наиболее активно по сравнению с другими семантическими компонентами «сопротивляется» (термин В. И. Шаховского) передаче на иностранный язык из-за идеотнических различий языков.

Таким образом, трансформация ФЕ в художественном тексте преследует несколько целей, а именно: привлечение внимания читателей, передача смысла в предельно сжатой форме, оживление контекста, сокрытие прямолинейного, резкого, неэтичного высказывания, выражение оценки автора к происходящему. Языковая игра – не только вид развлечения. Это прежде всего форма проявления креативной способности языковой личности, ее эмоционального интеллекта, выражение индивидуальной оценки. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности постоянно нарушает баланс устойчивости и изменчивости знака, обнаруживая в стандартных смыслах и формах новый интерпретационный ракурс, соответствующий потребностям говорящих.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Изд-во «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Изд-во «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

3. Пищальникова В. А. Языковая игра как лингвосинергетическое явление / В. А. Пищальникова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 2. – Барнаул: Изд-во «БГУ», 2000. – С. 110–121.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
5. Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. П., Кузнецов А. Ю. Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб, Ф. П. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. – Москва: Изд-во: «Академия», 2005. – 296 с.
6. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. / В. И. Шаховский. – Москва: Изд-во «Гнозис», 2008. – 416 с.

Лагоденко Джульетта. Дискурсивний потенціал трансформованих ідіом / Джульетта Лагоденко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 258–262.

У статті розглядається феномен мовної гри на прикладі трансформованих ідіом англійської мови, аналізуються особливості передачі наведених ідіом мовою перекладу, оцінюється їхній прагматичний ефект.

Ключові слова: трансформація ідіом, порушення норми, адекватне сприйняття, прагматичний ефект.

Lagodenko Julietta. Discourse potential of transformed idioms / Julietta Lagodenko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 258–262.

The article examines idioms transformation in terms of discourse-pragmatic method, which helps to understand the peculiarities of their interpretation and assess their pragmatic effect.

Key words: idioms transformation, norm violation, adequate perceiving, pragmatic effect.

Стаття надійшла до редакції 22 травня 2012 року

УДК 811.161.2'82:821.111

**МОВНА ГРА З ІДІОМОЮ *EAT HUMBLE PIE* В РОМАНІ ДЖ. С. ФОЕРА
“EVERYTHING IS ILLUMINATED” ТА ЙОГО ПЕРЕКЛАДАХ**

Набережнєва Тетяна

Київський національний університет імені Тараса Шевченка,

Київ, Україна

У статті проаналізовано мовну гру з ідіомою *eat humble pie* в романі сучасного американського письменника Дж. С. Фоера та розглянуто стратегії, обрані перекладачами для її відтворення.

Ключові слова: мовна гра, перекладацькі стратегії, приблизний аналог, калькування.

Перекладацькі рішення при відтворенні мовної гри на фразеологічному рівні продовжують цікавити як теоретиків, так і практиків перекладу (І. В. Корунець, М. К. Гарбовський, Я. Й. Рецкер та інші).

Мета статті – показати чинники, які можуть сприяти чи заважати адекватному відтворенню мовної гри з англійською фразеологічною одиницею в перекладах українською та російською мовами.

Матеріалом дослідження обрано роман сучасного американського письменника Дж. С. Фоера «Everything Is Illuminated» (2002) та його український і російський переклади, виконані Ростиславом Семківим «Все ясно» (2005) та Василем Аркановим «Полная иллюминация» (2005). Цей роман – розповідь про американського хлопця, який їде в Україну, щоб розшукати маленьке єврейське місто, де жив його дід, та жінку, яка врятувала діда під час війни. Йому допомагає юнак-одесит Олександр Перцов. Олександр (Алекс) погано володіє англійською мовою і не може похвалитися багатим словниковим запасом, хоча намагається використовувати й ідіоматичні вирази. Одна з ідіом – *eat humble pie* – з'являється в його мовленні особливо часто. Іронічний за натурою, Алекс творчо підходить до її вживання, актуалізуючи подвійне (фразеологічне й буквальне) значення.

The Oxford Dictionary of Idioms тлумачить англійську ідіому *eat humble pie* так: ‘смирно просити вибачення та приймати приниження’. У XIV столітті слово *pumbles* ‘тельбухи’ позначало серце, печінку, нутрощі тварин, особливо оленя. У XV столітті в результаті перерозкладу слово отримало форму *umbles*, хоча певний час варіанти співіснували. Тельбухи використовували як начинку для пирогів – зсув меж слів найвірогідніше відбувся саме завдяки словосполученню *a pumble pie* – *an umble pie*. Прикметник *humble* зі значенням ‘низького походження’ або ‘з низькою самооцінкою’ зовсім іншого – латинського – походження, але співзвучність слів *umbles* та *humble*, а також той факт, що пиріг з тельбухами часто доводилося їсти тим, хто знаходився у скрутній ситуації, стали основою виникнення ідіоми *eat*

humble pie в XIX столітті. До XX століття лексема *umbles* повністю вийшла з ужитку [2, p. 151].

Eat humble pie є образно вмотивованою фразеологічною одиницею (далі – ФО) з високим фразеотворчим потенціалом, оскільки образ, який лежить в її основі, піддається багатовекторному розвитку, що й проілюстровано в романі.

Труднощі відтворення мовної гри та й загалом перекладу одиниці, яка не має абсолютного еквівалента в мовах перекладу, поєднані з необхідністю передати недосконалу англійську мову героя твору.

Олександр Перцов у першому листі до американця Джонатана тричі використовує модифіковану ідіому *eat humble pie*. Перше використання ідіоми героєм – швидше бажання похизуватись своїм “знанням” англійської. Алекс не винен у тому, що в Джонатана вкрали валізу: як пише герой, таке іноді трапляється в українських потягах. Щоправда, Алексу незручно, що такий прикрий випадок стався в Україні. Р. Семків не відтворює семантику цього помилкового використання, а, навпаки, передає саме ті почуття, які виникають в людини в подібній ситуації:

(1) *I must eat a slice of humble pie for what occurred to you on the train* (Foer, p. 22).

Я був справді сам не свій від хвилювань, через твої пригоди в поїзді. Для компенсації перекладач вдається до пунктуаційної помилки.

В другому випадку Р. Семків використовує прийом смислового розвитку «наслідок – причина», але знову уникає підбору аналога:

(2) *I must eat a slice of humble pie for not finding Augustine ...* (Foer, p. 22)

Я дуже винен у тому, що ми не знайшли Августина ...

Гра Алекса з образом, що лежить в основі фразеологізму: істи смиренний пиріг – істи шматок смиренного пирога, втрачена в перекладі на початку листа. Алекс розвиває образ і в кінці листа давиться ще одним шматком пирога – це ж вже третій за весь лист: (3) *I feel oblongated to again eat a slice of humble pie (my stomach is becoming chock-full) for the new section that I am bestowing you, but understand that I tried bestly, and did the best I could, which was the best that I could do* (Foer, p. 23). Герой просить вибачення за недосконалість нового розділу книги, який він надсилав Джонатану, а в українському перекладі читаємо: *Відчуваю потребу перетравити ще один свій новий розділ (шлунок у мене вже битком набитий) і надіслати його тобі. Зрозумій, я намагаюся краще всього, тобто найкращим способом, настільки краще, як можу. У читача цього перекладу складається враження, що Алекс написав розділ, який сам ще не зрозумів, і виникає питання, чому в Алекса «битком набитий шлунок», якщо він написав тільки другий розділ.*

В іншому листі має місце сегментація попередньо модифікованої ФО. У тексті функціонує дієслівний компонент ідіоми *eat* та лексема *slice*, яка увійшла до складу фразеологізму під час буквалізації: (4) *I perceived that you were not as appeased by the second division. I eat another slice for this* (Foer, p. 53). Компоненти ФО, що функціонують в наведеному контексті, детерміновані попередніми використаннями одиниці в романі, але читач українського перекладу виявляється непередготовленим до сприйняття такої гри з ідіомою. Р. Семків знову відходить від тексту оригіналу:

Я і не сподіваюся, що ти зможеш сприйняти її другу частину. Я поки писав її – те саме, що пуд солі з'їв. Це перекладацьке рішення можна виправдати тільки необхідністю відтворити мовленнєві помилки героя. Узуальне значення фразеологізму *з'їсти пуд солі* – ‘довго жити з ким-небудь’, ‘заспати чималих випробувань у спільних діях’. Алекс в українському перекладі помилково використовує цю ФО зі значенням ‘виконувати важку роботу, докладаючи значних зусиль’. Така помилка – актуалізація лише однієї з сем ідіоми – типова для героя. Він робить її в оригінальному тексті твору (див. приклад 1), коли надає ідіомі *eat humble pie* значення ‘почуватися незручно, ніяково’.

В тексті роману є й не модифікований варіант ФО: (5) “*Could you turn on some air conditioning?*” the hero commanded. *I was humiliated to the maximum. “This car does not have air conditioning,” I said. “I am eating humble pie.”* (Foer, p. 58). Перекладач підібрав вдалий приблизний аналог: «Ви би не могли увімкнути кондиціонер?» – запитав герой за якийсь час. Я моментально відчув сильне приниження. «У цій машині немає кондиціонера, – буркнув я, і продовжував **пекти сотнями раків на обличчі**». При цьому Р. Семків змінює українську ідіому, вдається до буквалізації, ніби намагаючись компенсувати усі попередні випадки невідтворення мовної гри.

Герой роману завершує гру з ідіомою, вводячи до її складу кілька компонентів-буквалізаторів. Таким чином перед читачем розгортається увесь сценарій. Так, Алекс їсть пиріг шматок за шматком, а потім злизує останні крихти з тарілки: (6) “*Can we please roll down the window?*” the hero said. “*I can’t live with that smell.*” *With this I licked the last crumb of humble pie from the plate* (Foer, p. 58). Аналогічно розвивається образ і в перекладі: «Чи можемо ми відчинити, вшити, вікно? – ніяк не заспокоювався герой, – я не можу більше витримувати цей сморід?!» Мені довелося **спекти ще одного, останнього, рака на мармизі**. Однак, якщо в оригінальному тексті розвиток образу йде поступово, то в перекладі маємо пришвидшений перебіг подій, і як наслідок, зменшення стилістичного ефекту.

По-різному вимальовується й мовна особистість Олександра Перцова. В оригінальному творі в Алекса є «улюблена» ідіома, яку він вживає часто не до ладу, хоча водночас він і грає з нею. Читачеві українського перекладу нелегко визначити такий улюблений вислів.

Востаннє в романі герой використовує вже немодифіковану ідіому:

(7) *Oh yes, I of course am eating humble pie for the section ...* (Foer, p. 142).

А, ну так, я звичайно, **печу раків** з приводу доданої мною частини ...

Отже, ідіома перекладена за допомогою приблизного аналога тільки тричі.

Російський перекладач В. Арканов обрав зовсім іншу стратегію – калькування. На думку М. К. Гарбовського, іноді калькування є необхідністю, зокрема, для відтворення мовної гри. Крім того, перекладознавець зауважує, що сучасна «мода» в художньому перекладі вимагає від перекладачів дотримуватися форм оригіналу. Читачам вже не так цікаво знати, про що пише автор оригіналу, їх цікавить, як це “звучить” мовою оригіналу [1, с. 411].

Отже, в російському перекладі маємо:

(1) *Я должен съестть кусок пирога позора за то, что случилось с тобой в поезде.*

(2) *Мне следует съестть кусок пирога позора за то, что мы не нашли Августину ...*

(3) *Я чувствую, что обязан необходимостью снова съестть кусок пирога позора (у меня в животе скоро не останется места) за новый раздел, которым тебя одаряю, но пойми, что я старался наилучшим и сделал лучшее из того, что мог, что было лучшим из того, что я мог бы сделать.*

(4) *Я ощутил, что ты был не так уж умиротворен вторым разделом. За это я ем очередной кусок позорного пирога.*

(5) *«Не могли бы вы включить немного кондиционирования?» — приказал герой. Я был унижен до максимума. «Этот автомобиль не располагает кондиционированием, — сказал я. — Я поедаю пирог позора».*

(6) *«Мы можем, пожалуйста, опустить стекла?» — сказал герой. — Нет больше сил жить с этим запахом». Я слизал с тарелки последние крошки пирога позора.*

(7) *И да, я, конечно, пожирю пирог позора за секцию.*

В. Арканов не просто скалькував англійську ідіому *eat humble pie* – *єсть пирог позора*, він наблизив її до форми існуючої російської одиниці *хлеб позора* ‘милостиня’. Скалькований вираз запам’ятовся читачам і невдовзі після появи перекладу поширився в російськомовному Інтернет-просторі:

Почти – потому что есть все-таки пара мест в виртуальном пространстве, где я периодически возникаю, но где бы мне очень не хотелось светиться. Свой пирог позора я уже ем (<http://rammiaka.blogspot.com/2010/03/1.html>);

... и я краснея доем пирог позора в гордом одиночестве! (<http://snt.ru/forum/showthread.php?t=6703&langid=2>);

я сегодня уже съела свой пирог позора, отчего страдаю самоедством; и, очевидно, доедала позорные крошки в связи с этим отчётом (<http://operawebclub.com/papageno>).

Те, що читацька аудиторія перейняла цей вираз, очевидно, свідчить про правильність обраної перекладацької стратегії. Більш того, з’являються нові образні картини: *Я ем пирог позора, испечённый для меня моей Совестью* (http://twitiq.com/liza_zqizzl).

Р. Семків та В. Арканов обрали різні стратегії для відтворення мовної гри з ідіомою *eat humble pie* – підбір приблизного аналога, тобто ФО з іншою образною основою і близьким значенням, та калькування. Підбір приблизного аналога видається успішним рішенням тільки за умови, що образна основа ФО в мові перекладу допускає структурно-семантичні перетворення, подібні до тих, що мають місце в мові оригіналу. В українському перекладі яскравий стилістичний ефект було втрачено через непослідовне вживання аналога та, відповідно, лише часткове відтворення мовної гри.

Калькування англійської ідіоми виявилось успішним, в першу чергу, завдяки специфіці тексту. Кальку використовує у своєму мовленні персонаж, який погано

володіє англійською, що змусило перекладачів постійно порушувати норми української та російської мови при перекладі листів та розповідей Алекса Перцова.

Список літератури

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. / Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
2. Фоер Дж. С. Все ясно: Роман. / Пер. з англ. Р. Семків. – режим доступу: <http://book-online.com.ua/read.php?book=4827>
3. Фоер Дж. С. Полная иллюминация: Роман. / Пер. с англ. В. Арканов. – режим доступу: <http://lib.rus.ec/b/144626>
4. Foer J. S. *Everything Is Illuminated*: a novel / Jonathan Safran Foer. – Boston, New York : Houghton Mifflin Company, 2002. – 277 p.
5. Oxford Dictionary of Idioms / [edited by J. Siefring]. – Oxford, New York : Oxford University Press, 2004. – 340 p.

Набережнева Татьяна. Языковая игра с идиомой *eat humble pie* в романе Дж. С. Фоера “*Everything Is Illuminated*” и его переводах / Татьяна Набережнева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 263–267.

В статье проанализирована языковая игра с идиомой *eat humble pie* в романе современного американского писателя Дж. С. Фоера и рассмотрены стратегии, избранные переводчиками для ее передачи.

Ключевые слова: языковая игра, переводческие стратегии, приблизительный аналог, калькирование.

Naberezhneva Tatiana. Language Game with the Idiom *Eat Humble Pie* in the Novel “*Everything Is Illuminated*” by J. S. Foer and Its Translations / Tatiana Naberezhneva // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 263–267.

The article focuses on the language game with the idiom *eat humble pie* in the novel by the modern American writer J. S. Foer and analyses strategies the translators have chosen for its rendering.

Key words: language game, translator’s strategy, approximate analogy, loan translation.

Стаття надійшла до редакції 27 березня 2012 року

ПАРЕМИИ, ЭПТОНИМЫ, ЗАГАДКИ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

УДК 81'42'373

ПОСЛОВИЦА И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Абакумова Ольга

Орловский государственный университет,

Орел, Россия

Статья посвящена вопросам языковой игры, связанной с функционированием пословиц в бытовом диалоге, оживлением их внутренней формы, повышением экспрессивности и, как следствие, эмоционального воздействия пословичного высказывания на адресата. Описываются выделенные на материале текстовых употреблений четыре типа способов «возрождения» перцептивного модуса в пословицах. Исследование проводится с применением предлагаемой автором модели актуализации смысла пословицы в дискурсе.

Ключевые слова: языковая игра, пословицы, бытовой диалог/ дискурс, внутренняя форма пословицы, модель актуализации.

Термин «языковая игра» (*Sprachspiel*) был предложен Людвигом Витгенштейном в «Философских исследованиях» 1953 года [8] для описания языка как системы конвенциональных правил, в которых участвует говорящий. В 1930 г. Л. Витгенштейн отказывается от своих семантических взглядов на философию языка и делает поворот в сторону прагматики, утверждая, что язык – это не просто констатация фактов, а высказываемые суждения не всегда бывают только истинными или ложными. Для него языковая игра – не развлечение, а компонент деятельности, форма жизни языка. Концепция Витгенштейна оказала влияние на теорию речевых актов, концепции «возможных миров» и семантических примитивов. Прагматическое понимание истины является одним из ключевых моментов теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса [1], которая составляет основу нашей модели [4; 3]. Понятие языковой игры подразумевает множественность смыслов. В отечественном языкознании термин вошел в широкий научный обиход после публикации одноименной работы Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [9], где языковая игра понимается как «игра с формой речи», шутка, острота, каламбур, разные виды тропов, все это определяется как реализация поэтической функции языка. Однако сами лингвистические явления, обозначаемые данным термином, изучаются исследователями еще с античности в рамках риторики (см., например, работы Аристотеля). Вопросам риторики, стилистики, экспрессивного синтаксиса в плане отражения в них языковой игры посвящены работы Э. М. Береговской [5], проблемы языковой игры, понимаемой чрезвычайно широко, на пересечении с общими лингвистическими и философскими проблемами, рассматриваются во многих статьях, а также в книге Б. Ю. Нормана (Норман 2006). Пословицы

привлекаются этими авторами в качестве иллюстративного материала их концепций. Пословицы как главный объект исследования языковой игры используются выдающимися паремииологами В. М. Мокиенко и Х. Вальтером в их словаре «Антипословицы русского народа» [6].

Существует мнение, что пословица представляет собой клише и ее образность в речи носители языка уже никто не чувствуют. Но перцептивный модус [см. 11] «оживляется», когда восстанавливается, «пробуждается» внутренняя форма пословицы, ее образная мотивация. Собранный нами материал дает возможность выявить разные способы «оживления» метафор, заложенных во внутренней форме пословицы.

Наш материал показал, что наиболее распространенным способом «оживления» перцептивного модуса при восприятии пословиц в дискурсе является *развернутая метафора*.

Пример 1. Три подружки в кафе обсуждают новости, связанные с предстоящим замужеством каждой из них. Самая яркая из подруг, бизнес-леди вдруг говорит:

Алиса: Девчонки, а моя помолвка с олигархом накрылась медным тазом.

*Подруги: Ну ладно, не переживай, **будет и на твоей улице праздник!***

Алиса: Ага, вот бы знать еще, когда и как на эту улицу выйти.

Kommunikativa. Претензии на понимание. Подруги пытаются успокоить Алису. Употребляя пословицу, они указывают на народный опыт, который показывает, что в жизни человека неприятности перемежаются с радостями, и никогда не следует отчаиваться. Это собственно коммуникативная стратегия, нацеленная на взаимопонимание и взаимодействие.

Konstantiva. Претензии на истину. Пропозиция пословицы представлена глаголом *быть* (происходить, случаться).

Логическая структура: что? будет где?

Семантический тип предиката: событие, неизменный положительный результат которого предвещается.

Тематические роли: праздник – тема, улица – место.

Образный фрейм: на одной улице отмечается праздник, где люди веселятся и чувствуют себя счастливыми, на другой улице горе, и люди несчастны; счастливые люди заверяют несчастных в том, что их надежды тоже осуществятся;

Окказиональный фрейм: у женщины неприятности, расстроилась ее помолвка, подружки успокаивают, говоря, что и в ее жизни наступит счастливая полоса, надежды и желания сбудутся в свое время;

Обобщающий фрейм: моделируется будущее событие, о неизменном положительном результате которого сообщается.

Оператор времени: форма будущего времени совершенного вида, которое обычно используется для обозначения постоянного результата вне всяких временных ограничений. Вопрос *когда?* уже вызывает улыбку в подобной ситуации с гномическим предикатом, шуточный эффект усиливается, когда собеседник хочет уточнить еще и место профетического события.

Representativa. Претензии на искренность соблюдаются, поскольку подруги искренне желают добра Алисе, а пословица с предикатом в форме будущего совершенного вида указывает на обязательный, хотя и отдаленный результат. Обыгрывается «хронотоп пользователя», время и место предсказываемого события, которые в пословицах по определению не указываются, так как они содержат гномический предикат. Модальность алетическая и деонтическая. Говорящие советуют оценить ситуацию как возможную измениться к лучшему. Иллокутивная сила – репрезентатив и косвенный директив.

Regulativa. Претензии на правильность. Согласно социальным нормам, заложенным в пословице, народная мудрость рекомендует надеяться на лучшее (этические нормы жизнеобеспечения).

Пример 2. Встречаются два пожилых врача, занимавших высокие посты в своей области, мужчина и женщина, которые давно знакомы и всегда симпатизировали друг другу.

Мужчина: Я долго думал, почему ты мне тогда отказала.

*Женщина: Ну, знаешь, я никогда не поощряла служебные романы. И потом, **два медведя в одной берлоге...** Все равно одному из нас пришлось бы уйти.*

Через какое-то время они опять встречаются на улице.

Мужчина: А я хочу, чтобы ты меня пожалела.

Женщина: О чем это ты?

*Мужчина: Ты же сказала, что **два медведя в одной берлоге не уживутся**. Я хочу, чтобы ты перестала видеть во мне чиновника из Москвы. Я ведь уже не **медведь**, а пожилой одинокий человек.*

*Женщина: Да ведь и я уже не **медведица**.*

Kommunikativa. Женщина, главный врач больницы, использует пословицу, желая объяснить мужчине, чиновнику из Москвы, что им было бы сложно работать вместе в одной больнице и жить одной семьей, поскольку оба они лидеры по натуре и привыкли к власти и подчинению со стороны других людей.

Konstativa. Претензии на истину. Она претендует на истину в своем понимании. Пропозиция выражена предикатом «уживаться».

Логическая структура: кто? не уживется с кем?

Семантический класс предиката: событие [10] / accomplishment [2], обычный отрицательный результат которого предвещается.

Образный фрейм: два медведя в одной берлоге не живут.

Окказиональный фрейм: двое сильных людей, профессионалов и руководителей не могут ни работать, ни жить вместе, потому, что каждый будет претендовать на первенство.

Обобщающий фрейм: соперники вместе не уживутся.

Оператор времени: форма будущего времени совершенного вида, которая используется для выражения обычного, постоянного результата вне временных ограничений [7].

Representativa. Претензии на искренность. Женщина искренна. Ее жизненный опыт подсказывает ей, что два сильных человека не смогут долго быть вместе. Модальность эпистемическая и аксиологическая. Она оценивает ситуацию

отрицательно и открыто говорит об этом. Языковая игра в стилистическом смысле проявляется в уподоблении людей животным и разворачивании зоонимической метафоры, лежащей в основе пословицы.

II. Юмористический эффект, связанный с возрождением образного восприятия пословицы, вызывает *замена компонента* ее структуры, особенно, если этот компонент имеет окказиональную природу, но также связан с метафорой во внутренней форме пословицы.

Пример 3. Пожилой представительный, но недалекий мужчина пытается сделать предложение привлекательной полной женщине. От смущения он затрудняется подобрать нужные слова и в результате говорит: *Большому кораблю – большая кораблица* (незаурядному человеку предстоит большая и плодотворная деятельность; говорится тому, кто заслуженно получает возможность проявить свои способности).

Kommunikativa. Претензии на понимание. Мужчина использует инструментальную коммуникативную стратегию, нацеленную на достижение успеха, поэтому он использует известную пословицу, но с некоторыми трансформациями, которые, по его мнению, должны привести к нужному результату.

Konstativa. Претензии на истину. Говорящий претендует на истину, так как считает себя большим человеком, который заслуживает внимания понравившейся ему женщины, но не обладающей фигурой модели.

Логическая структура: кому? (по праву полагается) что?

Образный фрейм: моделируется ситуация, в центре которой находится большой корабль, которому предстоит большое плавание.

Окказиональный фрейм: пожилой человек, видимо в прошлом занимавший высокий пост, хочет жениться на понравившейся ему женщине.

Обобщенный фрейм: незаурядный человек получает возможность проявить свои способности.

Representativa. Претензии на искренность. Говорящий пытается скрыть свои истинные намерения и в то же время хочет, чтобы их поняли. Нарушается постулат способа «говори понятно», что приводит к юмористическому эффекту. Модальность аксиологическая и деонтическая иллюкутивная сила – эксплицитный репрезентатив и косвенный директив.

Regulativa. Претензии на правильность. Говорящий, опираясь на социальные нормы своей культуры, пытается сказать, что женщине следует принять его ухаживания, так как он незаурядный человек.

III. Распространенным способом оживления перцептивного модуса является также *деметафоризация внутренней формы* образно мотивированной пословицы.

Пример 4. Старший по званию следователь уговаривает более молодого сотрудника поехать в тюрьму, чтобы убедиться, что известный криминальный авторитет действительно умер.

Коротков: Миша, ты Галла видел?

Доценко: На фотографии.

Кортков: Только на фотографии?? Это же легенда криминального мира. Детям своим потом будешь рассказывать про этого бандита.

Доценко: Не... Не поеду, у меня жена дома...

Кортков: Доценко, от сумы да от тюрьмы не зарекайся! Суму тебе жена соберет, а сейчас собирайся. В твоём возрасте от командировок не отказываются.

Kommunikativa. Высказывание говорящего имеет коммуникативную стратегию, нацеленную на успех, так как слушающего пытаются заставить совершить действие, которое он осуществлять не собирался. Это индивидуально-стратегическое действие, средством осуществления которого является пословица как народный афоризм, содержащий накопленный народом опыт и являющийся авторитетом для носителей бытовой культуры. Скрываясь за народным авторитетом, говорящий побуждает слушающего совершить нужное ему действие.

Konstativa. Говорящий претендует на истину, поскольку жизнь человека непредсказуема и зависит от множества разнообразных обстоятельств. Пропозиция содержит предикат «зарекается», актантами являются *сума* и *тюрьма*, позиция агенса свободна. Императивное по структуре высказывание относится к слушающему, который «встраивается» в ситуацию, на которую указывает пословица, занимая свободную позицию (референциальный ноль). Пословица моделирует динамическую ситуацию, в центре которой находится человек, уверенный в том, что его никогда не постигнет беда, нужда, несчастье, и которого предупреждают, что все может измениться в любую минуту (см. Жуков, 1966).

Логическая структура: зарекается от чего?

Семантический класс глагола: действие, связанное с некоторым состоянием, о временности которого предупреждают.

Образный фрейм: некто клянется и уверен, что никогда не попадет в тюрьму и не пойдет просить милостыню, не подозревая, что его ожидает.

Окказиональный фрейм: младший лейтенант надеется, что ему не придется ехать в командировку в тюрьму, но получает приказ.

Обобщающий фрейм: субъект, уверенный в своем благополучии, получает предупреждение о возможных переменах к худшему.

Оператор времени: повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающего собеседника совершить определенное действие, относит высказывание к эмоционально-волевому языку [7, с. 464].

Representativa. Говорящий претендует на искренность, но он лукавит, так как сам не хочет ехать в тюрьму, а заставляет делать это младшего по чину и возрасту. Обыгрываются актантами *сума* и *тюрьма*, которые, кроме всего прочего, совпадают ритмически. *Тюрьма* используется в прямом значении, *сума* переосмысливается как сумка командировочного, что становится возможным, благодаря словообразовательной и семантической близости слов *сума* и *сумка*. Модальность высказывания эпистемическая, на которую наслаивается аксиологическая и деонтическая модальности. Говорящий шутит, но он имеет на это право. Его социальный опыт и положение дают ему такую возможность. Его оценка ситуации

положительная, он знает, что в данном случае имеет право использовать свое служебное положение. Иллокутивная сила – директив.

Regulativa. Претензии на правильность выполняются. Рекомендация, совет, заложенные в поговорку, усугубляются в данном контексте социальным статусом офицера, который разговаривает со своим подчиненным, поэтому высказывание получает иллокуцию приказа, отданного в мягкой форме, но который все же не обсуждается и которому нужно починяться.

IV. Еще одним способом языковой игры с использованием поговорки, который оживляет ее внутреннюю форму, является расщепление синтаксической структуры.

Пример 5. Молодая женщина Людмила живет с маленьким сыном, который мечтает увидеть Деда Мороза и убедиться, что он действительно живой. Мальчик встречает актера в костюме Деда Мороза в сочельник и приглашает его домой. У актера и молодой женщины возникает взаимная симпатия. Неожиданно приходят гости, начальница с сыном, которого она прочит в женихи Людмиле.

*Увидев Деда Мороза, мать жениха возмущенно заявляет: Мне все ясно. Нас здесь не ждали. Правду говорят: **В тихом омуте...** . Дед Мороз: **Черти водятся, что ли?** Гости быстро уходят.*

Kommunikativa. Мать жениха использует инструментальную стратегию, пытаясь унизить молодую женщину в глазах ее поклонника, соперника сына.

Konstativa. Претензии на истину. Говорящий заведомо говорит неправду, пытаясь очернить молодую женщину. Пропозиция поговорки выражена предикатом «водятся», который не произносится первым говорящим, но подразумевается, и затем используется вторым участником диалога, который принимает вызов с иронией.

Логическая структура: кто? водится где?

Семантический тип предиката: гомогенный процесс, который трудно отличить от временного состояния [10] или локативное состояние [2].

Тематические отношения: черти – тема, тихий омут – место (Van Valin 1993).

Образный фрейм: в народной мифологии в тихом омуте (в пруду, в болоте) водятся черти, злые духи.

Окказиональный фрейм: внешне тихая и скромная женщина оказывается женщиной легкого поведения (по мнению обманутой в своих ожиданиях матери жениха).

Обобщенный фрейм: внешние характеристики субъекта могут не соответствовать его внутренним качествам.

Оператор времени: форма настоящего времени несовершенного вида указывает на обычное постоянное действие, осуществляющееся вне ограничений во времени при всяких условиях, обычно постепенно, и вследствие этого как бы присущего, свойственного субъекту [7].

Representativa. Претензии на искренность. Мать жениха искренна в своем возмущении и негодовании. Она оценивает ситуацию отрицательно. Модальность аксиологическая. Иллокутивная сила – эксплицитный репрезентатив (утверждается, что нельзя судить по внешности).

Regulativa. Претензии на правильность. Опираясь на социальные нормы, принятые в обществе, говорящий упрекает хозяйку квартиры в неправильном поведении и предупреждает ее нового знакомого, что девушка не так хороша как кажется. Модальность деонтическая (не следует доверять человеку, который внешне кажется тихим и спокойным). Иллокутивная сила – косвенный директив (упрек и предупреждение).

Подводя некоторые итоги нашего небольшого исследования языковой игры в бытовом диалоге с употреблением пословиц, можно сказать, что в основном все приемы связаны с оживлением внутренней формы пословицы. Наш материал показал следующие способы «возрождения» перцептивного модуса: развернутая метафора, замена компонента, расщепление синтаксической структуры и деметафоризация внутренней формы. По всей видимости, этот список может быть продолжен.

Список литературы

1. Habermas J. The Theory of Communicative Action / J Habermas. – Boston, Beacon Press, 1987. – 867 p.
2. Van Valin R. Jr. Advances in Role and Reference Grammar / R. Jr. Van Valin. – Amsterdam, Benjamins, 1993. – 1263 p.
3. Абакумова О. Б. Модель актуализации пословицы в дискурсе (на материале газетного текста) / О. Б. Абакумова // Фразеология и языковая динамика. Материалы XXXIX Международной филологической конференции. – Greifswald-Санкт-Петербург, 2011. – с. 253–257.
4. Абакумова О. Б. Правда как красота в пословице и поэтическом тексте: коммуникативная модель исследования / О. Б. Абакумова // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора В. Н. Телии. В 2 томах. Том 2. Дискурс. Текст. Культура. – Москва – Тула, Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010. – с. 29–34.
5. Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. – М., Рохос, 2004. – 208 с.
6. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб, Изд. Дом «Нева», 2005.
7. Виноградов В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – Изд-во «Высшая школа», М., 1972. – 614 с.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., Прогресс, 1985. – с. 79–128.
9. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Языковая игра / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь. – М., Наука, 1983. – 345 с.
10. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. – Изд. Пятое, исправленное. – М., URSS, 2008. – 296 с.
11. Фролова О. Е. Мир, стоящий за текстом. Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста / О. Е. Фролова. – М., URSS, 2007. – 320 с.

Абакумова Ольга. Прислів'я і мовна гра / Ольга Абакумова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 268–275.

Статтю присвячено питанням мовної гри, пов'язаної з функціонуванням прислів'їв у побутовому діалозі, оживленням їхньої внутрішньої форми, підвищенням експресивності та, як наслідок, емоційного впливу висловлювання на адресата. Описано виділені на матеріалі текстових уживань чотири типи способів «відродження» перцептивного модусу в прислів'ях. У дослідженні запропоновано модель актуалізації значення прислів'я в дискурсі.

Ключові слова: мовна гра, прислів'я, побутовий діалог / дискурс, внутрішня форма прислів'я, модель актуалізації.

Abakumova Olga. Proverb and the Language Game / Olga Abakumova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 268–275.

The paper focuses on the problems of the language game in the use of proverbs in everyday dialogues, of revival of the inner form of proverb, increase in expressiveness and as a result emotional impact of the utterance upon the listener. By means of the actualization model offered by the author four types of perceptive modus revival are revealed and described.

Key words: the language game, proverb, everyday dialogue, discourse, inner form of proverb, actualization model.

Стаття надійшла до редакції 12 травня 2012 року

УДК 811.161.1'38

ФРАЗЕОЛОГИЗМ В СТРУКТУРЕ КРОССВОРДНОЙ ЗАГАДКИ

Абрамец Ида

*Восточноукраинский национальный университет имени Владимира Даля,
Луганск, Украина*

В статье рассмотрен механизм создания языковой игры в кроссвордных толкованиях на фоне общего вопроса о способах представления искомого слова в кроссворде.

Ключевые слова: кроссворд, фразеологизм, юмор, лексическое значение, сема, дискурс.

Постановка проблемы. В последние годы в лингвистике и теории текста наметился интерес к мини-текстам. В поле исследовательского внимания попал и кроссвордный дискурс, который рассматривается как модифицированный тип загадки и малоисследованный феномен [3]. Исследований действительно немного (несколько статей и две кандидатские диссертации), и их «возраст» невелик: И. В. Захаренко, В. В. Красных – 1998 [4]; И. В. Абрамец – 2006 [1]; Е. А. Денисова – 2008 [3]; М. В. Волкова – 2011 [2].

Цель настоящей статьи – выявить функции фразеологизмов в создании комического эффекта в кроссвордных текстах. Основным источником материала послужили луганские выпуски газет «Теленеделя» и «Телескоп».

Главной структурной особенностью кроссвордного дискурса является его деление, расщепление на две части: вопрос, загадка, задание, описание, энигматор и – ответ, разгадка, искомое слово, энигмат. Это отмечают все исследователи. Эти две структурные части кроссвордного текста объединяет «общность предиката»: «... в основе сближения отдельных вещей лежит общность предиката <...> имени загаданного и того, которое подлежит отгадке. Общность предиката обладает энигмопорождающей силой» [3, с. 4].

Формы и средства этого расщепления и предикативного сближения различны. Здесь рассматриваются шуточные формы кроссвордных толкований посредством фразеологических единиц. В связи с возрастающим интересом к языковой игре и использованием кроссворда в целях нейтрализации стресса в современном мире более популярным является «несерьезный» кроссворд, в основе которого лежит игра слов» [3, с. 11].

Фразеологические единицы как способ представления искомого слова в кроссвордах высокочастотны – и в этом отношении соперничают лишь с прецедентными текстами. Вот пример фразеологической насыщенности одного небольшого сканворда:

Проводник до Киева (Язык).

Вешалка для лапши (Ухо).

Напарник серпа (Молот).

Битый отрезок времени (Час).

Мультиязычный зверек в тумане (Ежик).

Блюдо из топора (Каша).

Эталон талии (Оса).

Этот пример далеко не единичен. Механизм приращения комических и иных смыслов в кроссвордной загадке проследим на следующем кроссвордном тексте:

Черное творение Малевича. – Квадрат.

Исходный прецедентный феномен «Черный квадрат» можно и должно оценить как общеупотребительный фразеологизм в силу его частой воспроизводимости, устойчивости формы и значения и иногда – отстраненности от имени автора.

В основе механизма языковой игры простенькая операция по замене компонента *квадрат* словом *творение* как родовым понятием. Но в своих прямых значениях слова *творение*, *создание*, *произведение* не являются названиями родовых понятий для квадрата. Отдаленная, слабая ассоциативность и является источником комизма. Слово *творение* вбирает смыслы субстантива *произведение* и глагола *натворить*, а также их разную стилистическую окраску и оценочность; прилагательное *черное* в сочетании с существительным *творение* помимо цвета приобретает семы 'плохой', 'неблаговидный', 'непонятный', 'пугающий'. Вот такой неоднозначный конгломерат денотативных сем и коннотативных смыслов. Для сравнения приведем фрагмент романа «Кысь» – восприятие «Черного квадрата» Бенедиктом, главным персонажем:

«Потом еще полистал, а там картинка такая: ничего на картинке нет, один лист белый, посереде черная дыра квадратная. Больше ничего. Вроде как конец всему. Смотрел на дыру, смотрел – вдруг как что-то страшно стало, как во сне. Захлопнул быстро книгу и бросил» [7, с. 197].

Механизм приращения добавочных смыслов за счет замены компонента ФЕ в кроссвордах достаточно частотен: *Овен у новых ворот (Баран); Газетные птицы (Утки); Седина в бороде, а он – в ребро (Бес); Настриг с паршивой овцы (Клок).*

Но чаще всего кодирование искомого слова внутри ФЕ производится описательным способом: *Сивый символ вранья (Мерин); Птица, в свободное от поедания лягушек время работающая разносчиком детей (Аист); Сказка как неправда (Ложь); Обменный пункт денег на товары (Магазин); Мероприятие под патронажем Гименя (Свадьба); Фольклорный бабий держатель для мужа (Подол); Лучшее место для прятания иголок (Стог); Полевое убежище для иголки (Стог).*

Перифраз в кроссвордных толкованиях много, они интересны, остроумны, разнообразны и требуют дальнейшего более пристального изучения.

Вообще же приемов трансформации ФЕ для презентации искомого слова много, и чаще всего это делается с установкой на юмор, так как фразеологизмы легко входят в языковую игру. *Могильщик буржуазии, забывший, что нельзя рыть яму другому (Пролетариат); Палец на руководящей работе (Перст); Писатель на могильных плитах (Гравер); Вырожденец, которому кое-что человеческое уже*

чуждо (Дегенерат); Нога, которую свинье дозволено класть на стол (Окорок); Почему-то только до него доводит язык (Киев).

Составители кроссвордов так полюбили фразеологизмы, что **используют** их частенько **избыточно**, когда для отгадки вторая ФЕ не нужна, информации достаточно и без нее: *У черта на ... находится место, куда Макар телят не гонял; Каждой бочке ... говорят о человеке, сующемся не в свои дела.* Видимо, вторая ФЕ при таком способе подачи искомого слова призвана компенсировать примитивизм самого способа: вставить в ФЕ такие «отмеченные» компоненты, как *кулички* и *затычка*, ни для кого труда не составит. Приходится с сожалением констатировать, что этот прием использования ФЕ – самый распространенный.

Еще более примитивной разновидностью этого приема является просто **пропуск компонента**: *Ученье свет, а неученье ... (Тьма); На ... и суда нет (Нет); Или ..., или пропал (Пан); Пуще неволи ... (Охота)* и т. п. У данного приема есть разновидность в форме **вопроса**: *С кем сравнивают незваного гостя (Татарин).*

Более сложен и семантически интересен прием толкования искомого слова **посредством ФЕ**, которая для искомого слова-отгадки является перифразой: *Вечный город (Рим); Царство мертвых в мифах (Аид); Заплечных дел мастер (Палач).*

Итак, способы представления искомого слова в современных русских кроссвордах разнообразны, но так было не всегда.

«Прежде кроссворды ориентировались на энциклопедическое описание понятия, стоящего за словом. Достаточно было вспомнить слово. Теперь же, чтобы найти нужное слово, надо обладать знаниями <...> реалий, художественных произведений, лексического значения слова, фразеологизма, лексической и ассоциативной сочетаемости, стереотипных образов, стереотипных ситуаций, прецедентных текстов» [6, с. 37].

В. Костомаров считает, что за этим языковым озорством, стремлением к всеобщему «оживляжу», заигрыванием с читателем стоят новейшие языковые процессы возвышения устности и изменения ее соотношения с письменностью: «... в сфере масс-медиа любой текст становится парадоксально-причудливой смесью еще недавно казавшихся несовместимыми, особенно в печатной форме, «разностилевыми» элементов» [5, с. 232].

Список литературы

1. Абрамец И. В. Место и функции кроссворда на газетной полосе / И. В. Абрамец. // Курсив. – Луганськ: Збірник наукових праць. – Луганськ: Вид-во СНУ ім. Даля, 2006. – Вип. 1. – 196 с.
2. Волкова М. В. Загадка и кроссворд как типы текста: семантический и прагматический аспекты. Диссертация... канд. филолог. наук: 10.02.01. : [Электронный ресурс] / М. В. Волкова. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/zagadka-i-krossvord-kak-tipy-teksta-semanticheskii-i-pragmaticeskii-aspekty> [Проверено 1.07.12.]
3. Денисова Е. А. Структура и функции энigmatического текста: на материале русских загадок и кроссвордов: Диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Е. А. Денисова. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/275470.html> [Проверено 1.07.12.]

4. Захаренко И. В., Красных В. В. Русская когнитивная база и русское культурное пространство в зеркале кроссвордов / И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М. : «Филология», 1998. – Вып. 5. – 124 с.
5. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.
6. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Старые мехи и молодое вино: Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб : «Златоуст», 2001. – 72 с.
7. Толстая Т. Н. Кысь: [роман] / Т. Н. Толстая. – М. : Эксмо, 2008. – 368 с.

Абрамець Іда. Фразеологізм у структурі кросвордної загадки. / Іда Абрамець // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 276–279.

У статті розглянуто механізм створення мовної гри в кросвордних тлумаченнях на тлі загального питання про способи представлення шуканого слова в кросворді.

Ключові слова: кросворд, фразеологізм, гумор, лексичне значення, сема, дискурс.

Abramets Ida. Phraseological Units in Structure Crossword's Riddle / Ida Abramets // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 276–279.

In the following article the process of language-game creation in a crosswords interpretation at the general field of required-word presentation ways in crosswords, has been scrutinized.

Key words: crossword, phraseological unit, humour, lexical meaning, seme, discourse.

Стаття надійшла до редакції 6 травня 2012 року

УДК 811.161.2'373'7

**АЛОГІЧНІСТЬ ФРАЗЕОЛОГІЗМУ І МОВНА ГРА:
СПІВВІДНОШЕННЯ ПОНЯТЬ**

Артеменко Галина

*Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича,
Чернівці, Україна*

У статті проаналізовано поняття мовної гри й логічності / алогічності як риси фразеологізму, встановлено їх відмінності та сформульовано особливості фразеологічних одиниць у аспекті логіки.

Ключові слова: фразеологізм, алогічність, логічний закон, мовна гра.

У сучасній науці все частіше простежується тенденція до досліджень та відкриттів на перетині кількох дисциплін; такі комплексні пошуки покликані надати якомога точнішу інформацію про людину, світ та їх взаємодію. Одним з основних питань, які постійно перебувають у полі зору науковців, залишається проблема пізнавальних, мисленневих та мовно-мовленневих процесів у мозку людини. У цьому аспекті пошук логіко-стереотипних моделей утворення фразеологізмів є проблемою актуальною, оскільки вона може пояснити онтологічне підґрунтя та пізнавальні механізми, які є основою та причиною виникнення стійких одиниць.

Фразеологізми з погляду логіки аналізуються як такі, що відповідають або не відповідають основним правилам та закономірностям, відповідно до яких організована наша пізнавальна та мисленнево-мовна діяльність, тобто законам логіки, які „є знаряддям пізнання дійсності, необхідною умовою точного, адекватного відображення мисленням зовнішнього світу. Щоб мислення приводило нас до істини, воно має відповідати вимогам формально-логічних законів – закону тотожності, суперечності, виключеного третього та достатньої підстави” [3]. Таким чином, логічними є такі мовні одиниці, які не суперечать законам логіки; усі ж вторинні мовні знаки (в тому числі й фразеологізми), утворені художнім переосмисленням денотативного образу, є більшою чи меншою мірою алогічними.

Однак логічний закон – це не лише строго формалізована схема роботи мозку під час сприймання та обробки інформації, це система закріплених у свідомості та мові стереотипів, які роблять можливою структурування, зберігання та опрацювання нових знань відповідно до вже накопиченого досвіду. Такі логічні стереотипні схеми мислення та пізнання відображаються у мові, зокрема у фразеологізмах: „Формування стереотипів мислення відображає шляхи осмислення навколишнього світу людиною і самої себе як частини цього світу, і тому стереотипи (зокрема й закріплені в мові) виступають особливим способом структурування знань і уявлень про об’єктивну дійсність” [13, с. 30]. Такий погляд на мовно-мисленнєве підґрунтя стійких одиниць дає змогу простежити логічні шляхи утворення алогічних фразеологізмів, логізувати їх.

Дослідження логічності фразеологізмів у науковій літературі пов'язане перш за все із виокремленням алогічності як однієї із властивостей фразеологізмів (іноді навіть класифікаційної). Вдалою, зокрема, однак такою, що потребує, на нашу думку, уточнення, є класифікація О. Аксамітова, який, аналізуючи процеси утворення фразеологізмів, виділяє одиниці, утворені на логіко-семіологічній (*язик без кісток, язик не повертається*) та алогічній основах (*груші на вербі, з руками відірвати*), стверджуючи, що крім алогічних існують також вирази, які не порушують логіки, однак не мають еквівалентного вільновживаного словосполучення (*вовк у овечій шкурі, стріляний горобець, бабине літо*) [1, с. 17]. Загалом алогізмом узагальнено називають спосіб формування зовнішньої форми фразеологізму на основі поєднання несполучених лексем, контрасту тощо. Л. Буянова та О. Коваленко стверджують, що „повне переосмислення, що супроводжує утворення ідіом, ґрунтується на якому-небудь із видів тропу, на алогізмі або добре відомому в цій культурі висловлюванні”, однак не розшифровують поняття алогізму, а до тропів, які є мотиваційною базою фразеологізмів, зараховують метафору, метонімію, порівняння, гіперболу, літоту, перифраз, оксюморон [2, с. 12]. Таким чином, алогізм протиставлено тропам як таке явище в процесі утворення фразеологізмів, що не має мотиваційної бази або в якому її встановити неможливо.

Одним із аспектів вивчення логічних відношень та властивостей фразеологізму є дослідження співвідношення понять „алогізм” і „мовна гра” та взаємозв'язків між ними. О. Тимчук стверджує, що мовна гра в стійких сполученнях слів виявляється „як несерйозна “етимологізація” звороту, поєднання в контексті фразеологізованої і вільної конструкції, граматичне переоформлення фразеологізованих зворотів за зразком вільних синтаксичних конструкцій, контамінування двох конструкцій, розчленування стійких зворотів, розгортання слова у фразеологізм, стягнення стійких зворотів із обігранням певного зразка” [8], однак аналізує фразеологізми та їх перетворення лише в межах тексту, де засобом творення гри часто є сам контекст, а не фразеологізм (напр., *Вибори не за горами (тобто “скоро”), хоча й за кордоном*). У таких випадках йдеться про мовну гру як обігрування значення чи форми цілісного виразу; алогічність тут також є контекстуальною („неправильний” для фразеологізму контекст), а не власне фразеологічною („неправильний” фразеологізм).

Мовну гру тлумачать як „особливу форму лінгвокреативного мислення, яке є результатом запрограмованого порушення мовної схеми і свідомого відхилення від мовної норми з метою досягнення певного ефекту (найчастіше комічного)” [12, с. 9]. Таким чином, мовна гра свідомо і цілеспрямовано „руйнує мовні „шаблони” [14, с. 2], що призводить до алогічності мовних одиниць, тобто до порушення усталених уявлень про логічні зв'язки між предметами та явищами дійсності.

Поняття гри та алогізму найтісніше перетинаються тоді, коли каламбури розглядають як частину фразеології, оскільки навіть за визначенням це „алогічні витвори, а також різного роду дотепи, побудовані на грі слів” [10, с. 186]. Яскравим прикладом є каламбури-монологи, в яких алогізм проявляється через численні

повтори, вживання несумісних за лексичним значенням слів, несподіване закінчення, що суперечить усій розповіді: „Перше, що я горілки і в рот не беру, друге – що й день не такий, а третє – що я вже випив” [11, с. 502], „Хоч піду до їх, та не піду в двір, хоч піду в двір, та не піду в хату, хоч піду в хату, та не сяду за стіл, хоч сяду за стіл, та не буду їсти!” [11, с. 461], „Говорила-балакала до самої смерті, а перед смертю взяла мазницю та й пішла по мед” [11, с. 481], „Ой, жінко, нездужаю! Якби ти мені зварила вареників... Та не вари 40, бо не з'їм, а звари 39 та великих ... може б, я з'їв та чи не одужав” [11, с. 424].

У каламбурах алогізм створюється навмисно і передбачається вже самим змістом-задумом цієї мовної одиниці, проте тут можливий і логічний зв'язок між компонентами, такий, що відповідає дійсності та правилам сполучуваності слів (*від одного втік, а другого не здогнав* [11, с. 123], *хіба помилившись правду скаже* [11, с. 165], *добре в гостях погуляти, коли з дому їсти взяти* [11, с. 688], *чорт-зна хто кума б'є, та мені не доведеться* [11, с. 690], „Чому такий веселий?” – „Женюся!” – „Чому голову повісив?” – „Оженився” [11, с. 634]). „Каламбурна гра, – як слушно зауважує О. Селіванова, – не завжди є парадоксальною, а має несуперечливу логіку і зміст, відповідний семантиці складників” [6, с. 188]. Таким чином, алогізм як семантична суперечливість компонентів не може бути визначальною рисою каламбуру, з іншого боку, алогізм не варто зводити лише до гри слів.

С. Мойсєєва та А. Валюшкіна серед алогічних фразеологізмів виділяють: 1) оксюморон – стійкі сполучення слів, побудовані на внутрішньому контрасті деяких сем, які входять до складу лексичних значень компонентів словесного комплексу; 2) парадокси – сполучення слів, які суперечать життєвій практиці, однак позбавлені внутрішнього семантичного контрасту [4, с. 104–105]. Дослідниці вказують на відмінність між фразеологізмами із контрастним протиставленням компонентів та одиницями, компоненти яких просто логічно несумісні. Такий поділ змушує розрізняти алогізм навмисний, що базується на мовній грі і представлений оксюморонами, антиноміями, каламбурами, та алогізм як „неправильність” поєднання компонентів фразеологізму, їх невідповідність усталеним нормам сполучуваності слів.

Таким чином, алогізм фразеологізмів лише частково співпадає з поняттям мовної гри. Про мовну гру у фразеології можна говорити тоді, коли основою фразеологічної одиниці є зумисно „помилкове” використання з певною метою (для комічного, іронічного, гумористичного ефекту):

1. Співзвучних слів: *звідки ти?– Я не звідки, я з доброї горілки* [5, с. 777], *чудасія про Мусія* [5, с. 353]; *як Павло, так й весело* [5, с. 212]; *заплач, Матвійку, дам копійку* [5, с. 211]; *бери, Даниле, хоч тобі й не миле* [5, с. 207]; *без Гриця і вода не освятиться* [5, с. 206]; *казала Катруся — я до мами вернуся* [5, с. 219]; *нашій Гортині гарно і в хустині* [5, с. 218]; *я до Олени, а вона до мене* [5, с. 220]; *то не Фекла, а справжнє пекло* [5, с. 222]. У більшості таких виразів використання антропоніма залежить від його здатності до римування і є алогічним, оскільки мотивується не семантикою, а виключно формою слова. Така фразеологізована гумористично-сатирична характеристика людини-носія імені створює за цими

відповідними іменами в мові й свідомості людини сталий образ, який у дійсності не співвідноситься з рисами будь-якого іншого носія цього імені.

2. Синонімії: *тільки що помер, а вже й неживий* [11, с. 563], *давай закуримо ще твого, бо чужий надоїв, що воно за сіно, коли одна суха трава* [11, с. 777], *нема мочі – одна сила* [11, с. 776], *бодай не казати, а говорити можна* [11, с. 777]. Тут мовна гра, що з лінгвістичної точки зору базується на використанні синонімів у ролі антиномій, порушує закон несуперечності, за яким „два судження, в одному з яких щось стверджується, а в другому те саме в той же час і в тому ж відношенні заперечується, не можуть бути одночасно істинними... Об'єктивною основою закону несуперечності є те, що один і той самий предмет не може одночасно мати і не мати одну і ту ж властивість” [9].

3. Антонімії: *і пити вмерти, і не пити вмирати* [11, с. 510], *за вашим шепотом нашого крику не чути* [11, с. 478], *давали, та з рук не пускали* [11, с. 426], *щедрий: за копійкою аж труситься* [11, с. 425], *де гроші подіти – нема за що калитки купити* [11, с. 297], *такий добрий урожай, що молотив цілий день, а віяти нічого* [11, с. 255], *як хочеш їсти, то пий воду* [11, с. 62], *в чоботях ходить, а босі сліди робить* [11, с. 55], *ніхто не знає, лиш дід та баба та ціла громада* [11, с. 52]. Такі конструкції також порушують логічний закон несуперечності: в одному виразі як одночасно істинні поєднуються різного роду антиномії: *і я навчуся на сьомій дитині дівувати* [11, с. 620], *навіщо сліпцеві дзеркало – він і в воду подивиться* [11, с. 781], *за деревами й лісу не бачив* [11, с. 442], *юрба, коли нікого нема* [11, с. 779], *сам голій, а сорочка за пазухою* [11, с. 779], *недавно осліп, а нічого не бачить* [11, с. 778], *воно б дуже добре, та нікуди не годиться* [11, с. 771], *а де той хліб, що вчора з'їли* [11, с. 61].

4. Багатозначності слова та омонімії (*батько був середній хазяїн – торби по боках, а сам посередні* [11, с. 77], *ми зовсім безгрішні – ні гріхів, ні грошей нема* [11, с. 776], *пристойний, де поставиш – стоятиме* [11, с. 776], *млин меле – мука буде, язик меле – біда буде* [11, с. 477], *не я хліб їм, він мене їсть* [11, с. 62], *пішли наші вгору – по два на шибеницю* [11, с. 142], *рив, доки жив, а по смерті його зарили* [11, с. 564]). У таких фразеологізмах алогічність проявляється через порушення закону тотожності, за яким „кожна думка має бути чіткою за обсягом, ясною за змістом і залишатися незмінною в ході одного й того ж міркування” [9, с. 117], оскільки гра слів побудована на різному тлумаченні значень одного слова в одному контексті.

5. Гіперболізації: *перевернути [увесь] світ* [7, с. 490], *заступити світ* [6, с. 252], *море по коліна* [7, с. 405], *гори покотити* [7, с. 563], *прихилити неба* [7, с. 568], *дихнути ніколи* [7, с. 201], *самому чорту брат* [7, с. 37], *з вареної крашанки курча висидить* [7, с. 84], *з піску мотузки сучить* [7, с. 701]. Прагнення виразити надмірність явища, ознаки, відчуття призводить до конструювання неправдивого виразу, логічно невиправданого та неможливого.

Отже, гра слів у фразеологізмах представлена широким спектром виразів, у яких бажання мовців обіграти, висміяти ситуацію дійсності втілене у виразах алогічних, компоненти яких безпосередньо в дійсності поєднані бути не можуть.

Однак алогізм як ознака фразеологізму не обмежується лише мовною грою, а й

включає вирази, які О. Селіванова називає терміном „парадокс”, що не є навмисною грою слів, а когнітивною та психічною здатністю людини „створювати знакові засоби, смислові зв’язки між складниками яких не відповідають реальній картині світу і демонструють суперечливість буквального і фігурального способів позначення” [6, с. 187]. Такі фразеологізми, алогізм яких пов’язаний зі здатністю нашого мозку підсвідомо упорядковувати інформацію, створювати образи та виражати їх мовою, безперечно, потребує детального аналізу.

Отже, сукупність алогічних фразеологізмів має бути уточнена та класифікована на: 1) фразеологічні одиниці, у яких алогізм спричинений мовною грою, зумисним обігруванням форми та значень компонентів виразу; 2) фразеологізми, алогічний компонентний склад яких можна логізувати та пояснити через відбиті у них механізми переосмислення дійсності. Мовна гра є важливим складником творення фразеологізмів та виразником свідомого порушення норм мовних, але не мисленнєвих, оскільки людина знає і розуміє, наскільки алогічно предствлено дійсність у таких фразеологічних одиницях. Алогічність суміжна з поняттям мовної гри лише для частини фразеологічних одиниць, однак і в інших фразеологізмах алогізм чітко простежується, і підґрунтям його є підсвідоме творення експресивних стійких виразів із уже існуючого мовного матеріалу, яке в перспективі потрібно аналізувати із залученням логічних законів, логіко-лінгвістичних схем та моделей.

Список літератури

1. Аксамітаў А. С. Беларуская фразеалогія / А. С. Аксамітаў. – Мінск : „Вышэйшая школа”, 1978. – 224 с.
2. Буянова Л. Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности : монография / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко. – 2-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 184 с.
3. Жеребкін В. Є. Логіка : підручник / В. Є. Жеребкін – 2-е вид., стереотип. – Х. : Основа. К. : Знання, 1998. – 256 с.
4. Моисеева С. А. Семантический алогизм компонентов фразеологических единиц / С. А. Моисеева, И. А. Волошкина // Фразеология и когнитивистика : сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. : в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 2. – С. 102–107.
5. Прислів’я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру / Упор. М. М. Пазяк. – К. : Наук. думка, 1990. – 528 с.
6. Селіванова О. Нариси з української фразеології (психологічний та етнокультурний аспекти) : монографія / О. Селіванова. – К.–Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.
7. Словник фразеологізмів української мови. – К. : Наук. думка, 2003. – 1104 с.
8. Тимчук О. Т. Семантико-стилістичне явище гри слів в українській мові: автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / Тимчук Олена Тихонівна – К., 2003. – 1 с.
9. Тофтул М. Г. Логіка. / Тофтул М. Г. – К. : Академія, 2002. – 368 с. Режим доступу: <http://readbookz.com/books/184.html>
10. Ужченко В. Д. Фразеологія сучасної української мови : Посібник для студентів філологічних факультетів вищих навчальних закладів / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко – Луганськ : Альма-матер, 2005. – 400 с.
11. Українські народні прислів’я і приказки. / Упоряд. В. Бобков, Й. Багмут, А. Багмут. – К., 1963. – 800 с.
12. Усолкіна А. В. Языковая игра как текстообразующий фактор : автореф. дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук / А. В. Усолкіна – Екатеринбург, 2002. – 20 с.

13. Хайруллина Р. Х. Фразеология как система миропонимания народа: стереотипы мышления / Р. Х. Хайруллина // Фразеология и когнитивистика : сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. : в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 2. – С. 26–30.
14. Цикушева И. В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования / И. В. Цикушева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – СПб., 2009. – № 12(90) : Общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, культурология, искусствоведение, языкознание, литературоведение, экономика, право). – С. 169–171.

Артеменко Галина. Алогичность фразеологизма и языковая игра: соотношение понятий / Галина Артеменко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 280–285.

В статье проанализированы понятия языковой игры и логичности / алогичности как характеристики фразеологизма, установлены их отличия и сформулированы особенности фразеологических единиц в аспекте логики.

Ключевые слова: фразеологизм, алогичность, логический закон, языковая игра.

Artemenko Galina. Idiom's Illogicality and Wordplay: Concepts Correlation / Galina Artemenko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 280–285.

The article analyzes the concept of language game and logicality / illogicality as phraseological features, set their differences and specific features of idioms in terms of logic.

Key words: idiom, illogicality, logical law, wordplay.

Стаття надійшла до редакції 5 липня 2012 року

УДК 8.811.161.1

ОТВЕТНЫЕ РЕПЛИКИ КАК ИСТОЧНИК ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Бондаренко Виктор

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия*

В статье на материале устойчивых ответных реплик русского языка рассматривается использование языковой игры в структуре диалогического единства с целью получения комического эффекта.

Ключевые слова: языковая игра, языковая шутка, ответная реплика, диалогическое единство.

Термин «языковая игра» – один из наиболее популярных в отечественном языкознании конца XX – начала XXI вв. Многоплановость языковой игры, отражение в ней как лингвистических, так и экстралингвистических проблем поддерживают к ней постоянный интерес исследователей различных областей науки (лингвистика, литературоведение, психология, социология), одновременно создавая трудности в осмыслении самого феномена языковой игры.

Несмотря на разные представления лингвистов о языковой игре, общими характерными чертами в ее понимании как особого вида речевого поведения признаются установка на творчество, аномальное или необычное использование языковых единиц (средств), создание комического (стилистического) эффекта. См., например, работы С. В. Ильясовой, Л. П. Амири [3], В. З. Санникова [4], В. И. Шаховского [6].

Языковая игра, как известно, охватывает все стороны языка, все языковые уровни. В эмотивных речевых актах она широко представлена языковыми стандартами и штампами из числа фразеологических единиц и паремий [2]: *чурка с глазами, герой кверху дырой; не ковыряй в носу, лопату принесу* и т. п.

В роли языковых единиц игровой коммуникации очень популярны устойчивые ответные реплики, употребляющиеся в диалогической речи как реакции говорящего на речевое действие партнера [1]. При этом в смехотворческой технике ответных реплик задействованы средства всех языковых уровней: семантического, фонетического, лексического, синтаксического (метафора, рифма, ритм, созвучие, омонимы, паронимы, эллипсис).

Как показывают наши наблюдения, типичной формой осмеяния партнера по коммуникации и его речевого действия является передразнивание – «комический прием пародии, обычно осуществляемый через подражание, воспроизведение каких-либо элементов речевого действия другого лица в виде насмешливой имитации этих элементов в ответной реплике» [5, с. 673].

Наиболее простой и распространенный вид передразниваний – это ответные реплики, пародирующие ключевое слово (или словосочетание) в составе исходной реплики речевого партнера.

Например, вопросительные местоименные слова: *Где?* – *В Караганде*; *Как?* – *Кверху каком*; *Когда?* – *В старинные года*; *Кто?* – *Дед Пихто*; *Куда?* – *Тащить кобылу из пруда*; *Откуда?* – *От верблюда*; *А потом?* – *Потом суп с котом*; *Почему?* – *По кочану*. Общий смысл таких диалогических единств заключается в том, что один участник диалога запрашивает информацию (в вопросительной реплике), а другой коммуникант (в ответной реплике) дает отказ, расценивая вопрос как нежелательный, неуместный, глупый, вызывающий неодобрительную реакцию (недовольство, раздражение, возмущение) и пародируя его в виде мнимого ответа, бессмысленного и абсурдного.

См.: – *Где пропал?* – зевая, спросил Палыч. – *Где-где, в Караганде*, – огрызнулся Бодун, заваливаясь на место хозяина дачи (И. Гордеев); – *Рацию мне*, – потребовал я. – *Быстро!* – *Ну что?* – глаза Аркаши блестели лихорадочным огнем. – *Как?! – Каком кверху*, – ответил я. – *Рацию давай* (И. Крутов); – *Топай вперед, руки назад*. – *Слушаюсь, ваше благородие...* – *Стены испоганили как, а... когда же тут ремонт был?* – *В старинные года, когда лягушки, бля, были господа...* (В. Сорокин); – *«...» все-таки ты кто?* – *Дед Пихто*. Давно вы с Белым на побегушках у Бори? (М. Серова); – *Куда это ты в такую рань собрался?* – *Куда, куда... Тащить кобылу из пруда! Я руками за узду, а ты зубами... Догадайся за что?* (Д. Корецкий); – *Ты хочешь слупить с него два «лимона» баксов!* – *Откуда ты знаешь?* – *От верблюда!* – *Вася ухмыльнулся* (И. Волгин); – *А правда*, – спросил я, – *Есенин был запрещенный?* – *Почему?* – *По кочану*, – отшутилась она (В. Крупин); *«...» Уже милицию вызвали... С минуты на минуту придут оперативники. Что делать?* – *Снимать штаны и бегать! Это же надо!* (В. Горшков)

Насмешливому передразниванию в структуре диалогического единства часто подвергаются невопросительные слова из состава реплик-стимулов. Объектом пародирования становится «чужая» манера выражения («нуканья», «яканья» и др.), выбор и употребление в реплике словесной формы, вызывающей у партнера по речевому акту неприятие.

Ср., например: – *Вот я тебе сейчас уйду! Так уйду, что мало не покажется. Так подставил меня, гондон!* – *Кубатура полез за пазуху за пистолетом, но негнуциеся от холода пальцы плохо слушались его.* – *Вот... Вот...* – *Дали ему год*, – *Соболев достал ключи, открыл машину* (В. Цыганок). – *А ты, Конь, в натуре, так думаешь?* – взглянул на «пучка» Перхун, – *или просто ...* – *В натуре у собаки нос холодный*, – *огрызнулся тот* (Б. Бабкин); – *«...» Мы сами к Герману ездили, говорили, что менты что-то пронюхали, и другую всякую хрень несли. Сечешь?* – *Ну.* – *Теперь я стала красноречивой.* – *Баранки гну* (М. Серова); – *Это ошибка, ребята*, – как можно миролюбивее сказал Савушкин. – *Я подполковник милиции, замнач Центрального райотдела.* – *А я Папа Римский*, – *сострил сержант.* – *С каких пор полковники катаются на угнанных машинах? Руки на капот, живо!* (Д. Корецкий).

Шутливо-пародийно обыгрываются слова и формулы речевого этикета. Так, на неформальное приветствие «Здорово!» есть принятые в обиходном общении ответы-передразнивания: «Здорова моя корова!», «Здорово, я бык, а ты корова!».

«Здорово, шишка елова!». См.: – **Здорово, ребята**, – сказал он (Лобан – В. Б.) низким глуховатым голосом. – **Здорова моя корова**, – остроумно ответил Догоняйло, подступая вплотную (Д. Корецкий); В деревне он быстренько отыскал управляющего, мужика-лаптежника, и, подойдя к нему, пожал руку: – **Здорово! – Здорово!** – ответил тот, с прищуром оценивая новоявленного работничка. – **Я бык, а ты корова!** (А. Рахвалов)

Ср. еще: – **Привет** вам от Левы Зуева. – **Привет от старых штиблет**. Лучше бы Лева на мое письмо откликнулся (М. Черненко); **Пока – За пока бьют в бока**.

Провоцируют применение языковой игры в передразнивание не только формы, но и значения ключевых слов вследствие их коммуникативной значимости и актуальности. Неодобрительную реакцию (несогласие, возражение, осуждение) вызывает сказанное партнером по общению о себе или о другом лице, о своем или чужом поведении, действиях, желаниях, состоянии и др.: **Брат – Брат**, с каким спят; **Муж – Муж** объелся груш; **Крутой – Крутыми** бывают только яйца; **Случайно – За случайно бьют** отчаянно; **Жалко – Жалко** у пчелки; **Неудобно – Неудобно спать на потолке** и др. ответные реплики, намеренно используемые в диалогическом пространстве в целях эмоциональной разрядки, экспрессивизации общения и для развлечения.

См.: – **А кто ты ей?** – **Брат**, – соврал Степка. – **Брат, с каким спят?** (И. Акулов); – **Разберешься?** – **Немедленно**. – **Они крутые ребята**, – неопределенно улыбнулась Наташа. – **Крутыми бывают только яйца**. – У Кандаурова в этот вечер получились все ответы, он произносил слова, не задумываясь ни на секунду (В. Пронин); – **Фил, а я думал**, что ты меня ментам на растерзание оставил. – **Индюк тоже думал** (В. Цыганок); – **Сорок уколов**, – вслух подумал Мякишев. – **Почему сорок?** – сунул Жорик ладони под мышки. – **Так положено**. – **На положено давно наложено** (И. Христофоров); – **Я не в тусовке, гражданин начальник...** **Я случайно туда зашел...** – **За случайно бьют отчаянно!** (И. Христофоров); – **Машину вам изуродовали**, – сказала Катя. – **Поверьте, мне очень жалко**. – **Жалко у пчелки...** (В. Колычев); – **Нет у меня никакого свидания!** – даже возмутилась Клавдия. **Просто я думаю, удобно или неудобно...** – **Неудобно спать на потолке**, – сказала Танька, не страдавшая никакими комплексами (Т. Устинова)

Помимо ответных реплик, являющихся стандартными шутками как результатом языковой игры, в живой диалогической речи широко представлены индивидуально-авторские образования и игровые варианты-переделки известных ответных реплик, легко узнаваемых всеми русскими. С., например, варианты реплик-ответов на вопрос «Кто?»: **Ив Кусто**, **Ленин в пальто**, **Русские без пальто**, **Столб в пальто**.

Все это еще раз подтверждает: «языковая игра – это всегда изобретение новых или замена старых знаков языка» [6, с. 376], что находит благодатную почву на современном этапе развития русского языка, характеризующемся творческим началом, стремлением к карнавализации и импровизации.

Список литературы

1. Бондаренко В. Т. Ответные фразеореплики в русской диалогической речи / В. Т. Бондаренко // Русский язык в школе. – 2004. – №6. – С. 75–77.
2. Бондаренко В. Т. О смехе в русской фразеологии / В. Т. Бондаренко // Фразеология, познание, культура: сб. докл. 2-й Международной конф. Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – С. 16–21.
3. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М. : Флинта, 2009. – 296 с.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. 2-е изд. испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
5. Химик В. В. Русская разговорная речь: осмеяние объекта / В. В. Химик // Грани слова: Сб. научных статей к 65-летию В. М. Мокиенко. – М. : ООО «Издательство «ЭЛПИС», 2005. – С. 670–677.
6. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

Бондаренко Віктор. Репліки у відповідь як джерело мовної гри / Віктор Бондаренко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 286–289.

У статті на матеріалі стійких реплік у відповідь в російській мові розглядається використання мовної гри в структурі діалогічної єдності з метою отримання комічного ефекту.

Ключові слова: мовна гра, мовний жарт, репліка у відповідь, діалогічна єдність.

Bondarenko Victor. A Reply as a Source of a Linguistic Game / Victor Bondarenko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 286–289.

This article regards the usage of a linguistic game is examined in the structure of dialogic unities on the material of steady replies of the Russian language for the purpose of getting a comic effect.

Key words: linguistic game, linguistic joke, reply, dialogic unity.

Стаття надійшла до редакції 23 травня 2012 року

УДК 811.161.1:82

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В РУССКИХ АНТИПОСЛОВИЦАХ

Вальтер Харри

Грайфсвальдский университет имени Эрнста Морица Арндта,

Грайфсвальд, Германия

Антипословицы-мифологизмы, как и другие паремии этого рода, создаются намеренным обыгрыванием внешней и внутренней формы традиционных пословиц и афоризмов. Их цель – опровергнуть устоявшиеся стереотипы, создавая смеховой эффект. Низвергая привычные ментальные и культурные клише до самого низшего, бытового уровня, антипословицы вместе с тем возвышают их до иного культурного уровня – уровня «смеховой культуры».

Ключевые слова: антипословица, трансформация, мифология, смеховая культура

Может показаться, что зеркало антипословиц – это зеркало кривое, в котором русские реалии отражаются в антиномном искажении – на то они и *антипословицы*. Известно, что даже сам термин *антипословица*, введённый в научный обиход американским паремиологом немецкого происхождения Вольфгангом Мидером [5], до сих пор понимается неоднозначно и вызывает острые дискуссии у любителей фольклора малого жанра. Когда мы издали словарь «Антипословицы русского народа» [2], реакция русских читателей была для нас настоящим сюрпризом. Во-первых, словарь имел неожиданный для нас коммерческий успех: за пять лет его переиздали уже шесть раз. При тираже 4 000 экземпляров и известном кризисе книжного дела в России это было знаком особой востребованности самого жанра. Во-вторых, в рецензиях на наш словарь и в выступлениях на многих конференциях, симпозиумах и семинарах мы нашли и до сих пор находим крайне противоречивые оценки. Оценки не самого словаря – он востребован не только широким читателем, но и нашими собратями-филологами: не случайно на его материале написано уже 6 диссертаций. Оценки и споры ведутся в основном о самом термине *антипословица*. Предложенные нашими оппонентами эквиваленты термину *антипословица* при этом не кажутся нам удачными – напр., *трансформации* (или *трансформы*) *пословиц*, *индивидуально-авторские преобразования*, *переделки*, *кукеризмы* и т. д. За каждым таким предлагаемым нашими оппонентами термином тянутся шлейфы более широкого или более узкого языкового пространства, чем тот объект, который нас интересует. Но самое главное – ведь ни один современный термин не соответствует полностью его этимологическому значению, отсюда и традиционные споры о синонимии и вариантности, омонимии и полисемии, метафоре и метонимии и т. д. Термин обычно условен, «арбитражен» (Ф. Де Соссюр) и главное в его употреблении – чтобы те, кто его принимает в определённом толковании, использовали его в своих исследованиях и словарях в точном соответствии с принятой дефиницией. Важны и чисто практические соображения: при определённой размытости границ «чистых» пословиц и других паремий

лексикограф нередко вынужден «поступаться теоретическими принципами», принятыми ими теоретическими.

В Симферополь я привез доклад именно на «антипословичную» тему. И это не случайно: Ваш замечательный университет собирает под своё крыло знающих лингвистов – специалистов по исследованию всех уровней языковой системы. И мне весьма важна реакция на анализ каждого очередного аспекта антипословиц, который мы предлагаем. Сегодня хочу обратить внимание на 2 собственно лингвистических, – точнее – социолингвистических аспекта изучения антипословиц.

Первый аспект имеет лингводидактическую и культурологическую направленность. До сих пор в России, как известно, нет справочника о средней «культурной грамотности», в котором читателям бы предлагался хотя бы минимум тех знаний, которые отличают образованного человека от необразованного. А справочники такого рода в мире есть. Достаточно упомянуть американский словарь „Cultural Literacy. What every American needs to know“ [5], где можно найти именно усреднённые данные по разным отраслям знания, – в том числе и по гуманитарным. В Германии вышла книга под названием „Die deutsche Seele“ [4] – «Немецкая душа». Справочник составлялся группой специалистов, проводивших объективные социологические опросы населения и потому действительно является зеркалом средней образованности немцев. Что же такое средняя образованность современного русского человека, мы так и не знаем, что вполне вписывается в наши представления о «загадочной русской душе».

Можно ли хотя бы приблизительно очертить круг общеобразовательных знаний, которыми реально обладает современный русский школьник или студент? Ведь школьные и вузовские программы уже давно ушли от той унификации, к которой мы привыкли в советские времена, масса экспериментальных программ и учебников, специализированных школ, лицеев и доморощенных университетов размыли саму идею ОБЩЕГО обязательного образования.

Ответить на этот вопрос действительно нелегко. Определить среднестатистическую зону общеобразовательной информации, какой-либо её объективный обязательный минимум столь же сложно, как и создать единый для всех иностранцев учебник «Русский язык для всех». И тем не менее, стремиться к познанию этой новой ситуации на нашем общеобразовательном поле, как кажется, необходимо.

Специальный источниковедческий анализ антипословиц потребовал особой филологической работы по выявлению интертекстом из русской литературы и других источников, представляющих собою основу общеобразовательного минимума любого интеллигентного человека. Накопленная база данных давала нам достаточно надёжную основу для соизмерения максимума культурологической информации по русским интертекстам литературного происхождения с тем её минимумом, который попал «в сети» Интернета и современную русскую речь. И жанр антипословиц оказался именно той «живой языковой массой», тем «кипящим котлом», в котором популярные цитаты из обязательной школьной программы выплывают на поверхность, чтобы кристаллизироваться в шуточные

переделки. Уже сам выбор таких цитат и шутовское их обыгрывание является, по нашему мнению, достаточно надёжным свидетельством того, что такие лингвокультурогемы востребованы современной русской речью – особенно речью молодёжи.

Так, русская народная сказка «Репка», являющаяся в некотором роде символом русского коллективизма [1, I, с. 301] приобретает в зеркале антипословиц либо чисто эвфоническую шутовскость (*Посадил дед рыбку...*), либо – прямолинейно криминальный окрас:

Посадил дед репку. Дед отсидел, вышел и замочил деда. [2, с. 123].

Другая популярная сказка – о Лисе и Волке, в которой Лиса советует Волку опустить хвост в прорубь и ловить рыбу, повторяя фразу *Ловись, рыбка, большая и маленькая* точно повторяет эти два типичных способа обыгрывания известного сюжета [2, с. 421].

Эвфоническая антифраза *Давись, рыбка, большая и маленькая* – невинная попытка достаточно безобидного каламбура.

Фраза же *Ловись, скидка, большая и маленькая* уже содержит в себе достаточно значимую социальную иронию в адрес современных торговцев, привлекающих покупателей ложной рекламой.

Третья же переделка этого фольклоризма, широко тиражируемая русским интернетом вот уже 10 лет, – весьма точный слепок процесса вульгаризации, обрушившегося на современно общество:

Ложись, девка, [и] большая и маленькая!

В том же вульгаризаторском ключе обыгрываются и такие символы русского традиционного фольклора, как *Дед Мороз* и *Снегурочка*:

На безрыбье и Дед Мороз – Снегурочка. На халяву и Дед Мороз Снегурочка.

Любопытно, что один из наиболее популярных и однозначно негативных персонажей русских сказок – *баба-Яга* в призме антипословиц «осовременивается» не в вульгарном ключе, а – в компьютерно-техническом:

Жили-были баба-Яга, баба-VGA и баба-супер VGA...

В то же время почему-то «классическая» баба-Яга входит в антипословицы не непосредственно из сказок, а опосредованно – как персонаж известного мультфильма «А баба-Яга против!» о медвежонке Мише – символе Олимпиады-80, спешащим в Москву. По дороге его все приветствуют, и только баба Яга, создавая возможные препятствия, приговаривает: *А баба-Яга против!* [1, I, с. 38] – *Ельцин, как баба-Яга, всегда против.*

Нужно сказать, что процесс вульгаризации сказочных персонажей в призме антипословиц находит даже своё «идеологическое» обоснование в одном из антипословичных афоризмов:

В старых сказках всё кончается хорошо, в новых – былью. [2, с. 438].

Разумеется, в поле зрения авторов антипословиц попадает не только собственно русская, но и «классическая» европейская мифология. Так, известная латинская пословица *Quod licet Jovi, non licet bovi* – *Что позволено Юпитеру, то не позволено быку* обыгрывается как путём отрицания её исходного смысла, так и путём предельной ситуативной конкретизации:

Что не дозволено Юпитеру, то дозволено быку. Что не дозволено Юпитеру, то дозволено директору универсама Быкову. В прессе здесь сатирически обыгрывается один из компонентов латинской пословицы *Quod licet Jovi, non licet bovi* (ср. лат. *bos, bovis* – бык – Быков).

Не устояли перед процессом антипословишной вульгаризации и такие европейские мифологемы, как *ангел* и *Ангел-хранитель*:

Ангел – это пешеход, не успевший отскочить в сторону. Легко быть ангелом, если никто не взъерошивает твои перья. Чтобы сохранить ангельский характер, нужно ангельское терпение. Наши хранители не всегда ангелы. Если жена – ваш ангел-хранитель, значит, вы – вдовец.

Естественно, что и европейский «контрагент» ангела – *дьявол* тоже не ушёл из «зоны обстрела» антипословиц. При этом, правда, эта мифологема сохранила свою мифологическую семантику фактически в своей первоизданности:

Бог делает женщину прекрасной, а дьявол – хорошенькой.

Когда мы любим – мы ангелы. Когда нас любят – мы дьяволы.

Как видим, антипословицы достаточно точно отражают доминантные фрагменты языковой картины русского мифологического мира, становясь полезным подспорьем выявления средней «грамотности» в этом тематическом блоке нашей культуры. Такого рода информацию поэтому следует учитывать в процессе преподавания русского языка.

Второй аспект изучения и комментирования антипословиц также имеет и социолингвистическую, и лингводидактическую проекции. Известно, что паремиологи долго и упорно занимаются выявлением так называемого «паремиологического минимума». Поиски его были начаты московским ориенталистом-паремиологом Г. Л. Пермяковым. Заслуга ученого – в том, что он не только выдвинул заманчивую идею паремиологического минимума, но и предложил его конкретную разработку на русском материале в виде так называемого «паремиологического эксперимента», целью которого стало выявление «паремиологического фонда» (т. е. наиболее употребительных паремий) и «паремиологического минимума» (т. е. минимального состава паремий, известных говорящим). Группе информантов из Москвы и Московской области было предложено определить неизвестные им паремии из списка в 1494 единиц. После получения 300 ответов другая группа информантов (около 100 человек) оценивала известность тех 538 паремий, подобранных Г. Л. Пермяковым, которые на первом этапе эксперимента показали не менее 90% степени известности. По результатам эксперимента был выделен максимальный объём наиболее употребляемых паремий, не превышающий 500 единиц [3, с. 154–166]. Минимальное же их число определено московским паремиологом в объёме около 300 единиц и стало лексикографической основой для небольших практических словариков с эквивалентами из болгарского и немецкого языков.

Вслед за Г. Л. Пермяковым в Германии, США, Венгрии, Чехии и других странах делались и делаются попытки установить тот минимум пословиц и поговорок, который знает каждый носитель языка. Они показали, что эта простая на первый взгляд задача оказалась весьма сложной – прежде всего из-за

индивидуально обусловленной избирательности употребления пословиц как особых языковых единиц [7].

Продемонстрируем эту гипотезу конкретными примерами антипословиц, созданных на основе самой кардинальной мифологической оппозиции – «Бог» : «Чёрт». В современной паремиологии эта пара мифологем получила достаточно полное описание. Особенно тщательно разработана функциональная семантика этих двух мифологем. Так, для мифологемы *Бог* характерны такие функции, как одевающая, охраняющая, спасительная, креативная, благожелательная, карательная, провидческая и др. В антипословицах, стержнем которых является мифологема *Бог*, эти функции также остаются доминантными, хотя их экспрессивно-эмоциональная оценка становится иной – во многом вызывающе атеистической, доходящей до святотатства, blasphemии.

Таковы, например, антипословицы афористического типа:

Божья сила – это Божья масса умноженная на Божье ускорение. Даже веря в Бога, человек продолжает молиться на себя. Если хотите рассмеить Бога - расскажите ему о своих планах. Человек был создан в последний день творения, когда Бог уже утомился. Когда ты говоришь с Богом, это молитва. Когда Бог с тобой – шизофрения. Бог видит всё, соседи – ещё больше.

В некоторых пословицах идея Бога по логике атеистического «отрицания отрицания» приравнивается к марксистской идеологии:

Бога нет. Карл Маркс. – Карла Маркса уже нет. Бог.

Отдельные антипословицы с компонентом *Бог* лишь слегка меняют функциональное направление соответствующих исходных пословиц, преобразуя при этом лишь стилистическую тональность. Ср.: *Дал Бог день – даст и пищу.*

В наше собрание попали и такие антипословицы, где идея Бога не опровергается, но его функция несколько опрощается, багательзуется:

Бог создал сон и тишину, а чёрт – подъём и старшину. Бог дал нам родственников. Слава Богу, друзей мы выбираем сами. Бог тоже любит юмор. Особенно прогноз погоды...

Какова же статистическая картина употребления пословиц такого рода в зеркале антипословичного творчества?

Она весьма показательна и, как кажется, отражает реальную частотность употребления соответствующих пословиц в современной русской речи, т. е. соответствует паремиологическому минимуму.

Первое место в таком «минимумном» рейтинге (21 антипословица) занимают переделки пословицы ***На Бога надейся, а сам не плошай:***

На дебаггер надейся, а сам ошибку в системе ищи. На академию надейся, но и сам не плошай. На Европу надейся, а кризис сам разруливай. На презик надейся, а сам не плошай.

На втором месте – вариации на тему пословицы ***Кто рано встаёт, тому Бог даёт:***

Кто очень рано встаёт, тому Бог много даёт. Кто рано встаёт, тот в депрессию впадёт. Кто раньше встаёт, к тому счастье не придёт. Кто раньше

встаёт, тот больше сожрёт. Кто рано ложится, у того поздно встает. У кого встает, тот стероиды не принимает.

Далее следуют употребительные, но уже не столь активно тиражируемые в форме антипословиц параллели:

Заставь дурака Богу молиться – он и лоб разобьёт.

Заставь дурака Богу молиться – а сам не плошай. Заставь дурака Богу молиться – он и Богу готов лоб расшибить.

Бог-то Бог, да [и] сам не будь плох.

Бог-то Бог, но и сам лови блох.

Бог любит Троицу.

– Бог любит троицу! – Бог не дурак, любит пятак. Бог любит Троицу, а Бес – четвертинку.

Человек предполагает, а Бог располагает.

Прогноз предполагает, а Бог располагает.

Бог (Господь) не выдаст, свинья не съест.

Бог не выдаст, мужик не перекрестится.

Бережёного Бог бережёт.

Бережёного Бог бережёт, а небережёного конвой стережёт.

Полезный материал для выявления русского паремиологического минимума дают и антипословицы с мифологемой *чёрт*. Здесь абсолютным «рекордсменом» становится пословица *Не так страшен чёрт, как его малюют*, антипословичная продуктивность которой составляет 24 языковые единицы:

Не так страшен ЕГЭ, как его малюют. Не так страшен нудист, как его зануда. Не так страшен русский танк, как его пьяный экипаж. Не так страшна измена, как её последствия. Не так страшен труд, как его оплата. Не так страшен футбол, как его фанаты. Не так страшен чёрт, как чёрт в юбке.

Сквозь призму этих переделок одной единственной паремии просматриваются самые разные аспекты российской жизни как в ретроспективе, так и в её самой актуальной реальности. Разумеется, все эти фрагменты языковой картины мира отражаются в зеркале антипословиц с разной степенью адекватности или, наоборот, – деформированности. Чаще всего – это мир, «вывернутый наизнанку» по законам смеховой культуры, выведенным М. М. Бахтиным. Нередко же – это уже обозначенные нами выше эвфонические каламбуры, порождённые случайным созвучием – например, старый паремиологический каламбур *Не так страшен чёрт, как его малютка (малютки)*, анекдотическое авторство которого приписывается «лицам кавказской национальности». Типичны в ряду приведённых антипословиц и контаминации – напр., скрещения известной пословицы с устойчивыми сравнительными оборотами: *Не так страшен чёрт, как чёрт в юбке; Не так страшен чёрт, как корова на льду.*

Другие русские антипословицы с мифологемой *чёрт* не развивают такой активности

Подводя итоги, можно отметить, что и анализируемый в нашем докладе фрагмент пословиц из словаря «Антипословицы русского народа» отражает общие закономерности образования и функционирования этого малого жанра фольклора.

Антипословицы-мифологизмы, как и другие паремии этого рода, создаются намеренным обыгрыванием внешней и внутренней формы традиционных пословиц и афоризмов. Общая цель антипословичного творчества – опровергнуть устоявшиеся стереотипы, создавая смеховой эффект. Низвергая привычные ментальные и культурные клише до самого низшего, бытового уровня, антипословицы вместе с тем возвышают их до иного культурного уровня – уровня «смеховой культуры». Пройдя через горнило «очищения смехом», традиционные стереотипы обретают новую жизнь, ещё глубже запечатлеваясь в национальной языковой памяти.

Список литературы

1. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т. (Т. I. А–М. – 658 с.; – Т. II. Н–Я. – 656 с.) / под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.
2. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа /Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М.: Олма Медиа Групп, 2010. – 576 с.
3. Пермяков Г. Л. 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок (для говорящих на немецком языке) / Г. Л. Пермяков. – М.: Русский язык, 1985. – 160 с.
4. Dorn T., Wagner R. Die deutsche Seele / T. Dorn, R Wagner. – München : Albrecht Knaus Verlag, 2011. – 560 s.
5. Hirsch E. D. Cultural Literacy. What every American needs to know / E. D. Hirsch. – N.-Y.: Vintage Books ed., 1988. – 272 p.
6. Mieder W. Verdrehte Weisheiten: Antisprichwörter aus Literatur und Medien / W. Mieder. – Wiesbaden : Quelle & Meyer, 1998. – 396 s.
7. Mokienko V. Russisches parömiologisches Minimum: Theorie oder Praxis? (2012. в печати).

Вальтер Харрі. Міфологічні персонажі в російських антиприслів'ях / Харрі Вальтер // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 290–296.

Антиприслів'я-міфологізми, як і інші подібні паремії, створюються цілеспрямованим обігриванням зовнішньої та внутрішньої форм традиційних прислів'їв і афоризмів. Їх мета – спростувати усталені стереотипи, створюючи сміховий ефект. «Опускаючи» звичні ментальні й культурні кліше до найнижчого побутового рівня, антиприслів'я разом з тим підносять їх до іншого культурного рівня – рівня «сміхової культури».

Ключові слова: антиприслів'я, трансформація, міфологія, сміхова культура.

Walter Harry. Mythologic Individuals in Russian Antiproverbs / Harry Walter // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 290–296.

The paper offers a detailed analysis of modern Russian antiproverbs including mythologic figures – deliberated and innovative variations of traditional proverbs and sayings by changing their exterior shape and their interior form. The aim is to reject tightened sapiences of proverbs and sayings by developing humorous effects. Existing mental and cultural overused cliches become derided up to the very bottom of peoples behaviour and their all day life. That makes antiproverbs a part of “laugh culture”.

Key words: antiproverb, transformation, mythology, culture of laughter.

Стаття надійшла до редакції 2 березня 2012 року

УДК 811.161.1:81'282'373.7

СМЕХОВОЕ НАЧАЛО ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ РУССКИХ ГОВОРОВ СИБИРИ И ПРИАМУРЬЯ

Данилевская Анна

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,

Киев, Украина

В статье на фразеологическом материале русских говоров Сибири и Приамурья сделана попытка описать основные типы несоответствий, лежащих в основе создания комического эффекта.

Ключевые слова: комическое, смех, несоответствия, диалектные фразеологизмы, комический текст, комический эффект

Проблемам изучения комического посвящено немало работ. Со времен античности и до наших дней философы, лингвисты, психологи, литературоведы исследовали различные аспекты комического, вырабатывая различные подходы к рассматриваемому явлению, предлагая те или иные теоретические принципы анализа, изучая средства выражения смешного в языке и речи.

Уже Аристотель дал обобщающее определение, где под комическим понимал «некую ошибку и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное» [1, с. 29].

В средневековье смех уступил место аскезе. Однако вытесненное из области познания «смешное» ушло в народную карнавальную (скоморошечную) культуру, где, как отмечают Д. С. Лихачев, А. М. Панченко и М. М. Бахтин, оно обращается против идеалов, навязанных церковью: святости, благочестия, непорочности. Функция смеха – «обнажать, обнаружить правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложности знаковой системы данного общества» [5, с. 123]. Именно народная карнавальная культура привнесла живость в язык и в саму жизнь.

В эпоху Возрождения происходит переосмысление идеалов: человек стал в центре познания, что влечет за собой и изменения в отношении категории комического. Теперь комическое воспринимается как «...особая универсальная точка зрения на мир, видящая мир по-иному, но не менее (если не более) существенно, чем серьезность...» [2, с. 12]. Смех избавляет человека от безысходности, открывает все двери, врачует раны.

Немецкие философы эпохи Просвещения рассматривали комическое с позиции разума, относя его к сфере духа. Смех выступал средством воздействия на человеческие пороки: глупость, безнравственность, заблуждения и пр.

Среди отечественных ученых, занимающихся проблемами комического, смешного, В. Я. Пропп, Л. В. Карасев, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, М. М. Бахтин, Ю. Б. Борев и др. Для М. М. Бахтина смех – это общее карнавальное

веселье, где человек может открыто радоваться своему существованию на земле, преодолеть разные страхи, среди которых самым главным выступает страх смерти. Комический эффект является следствием карнавального переименования принятых в данной этнокультуре норм поведения – моральных, утилитарных и субутилитарных. Смех способен, преодолев страх, открыть мир по-иному. В сферу смеха, отмечает М. М. Бахтин, входит все осмысленное человеком через процесс игры. То, что смешно, должно быть человеку прежде всего понятно, иначе оно выходит из сферы смешного [2, с. 267].

Для В. Я. Проппа смешное заключается в трансформации низменного, природного несовершенства в недостатки духовного плана, то есть физические недостатки воспринимаются как сигнал внутренних [7, с. 53].

Таким образом, единого подхода к сущности комического нет: разные научные школы исследуют отдельные признаки данной категории, но общим остается одно – смешно то, что отклоняется от общепринятой нормы. Сформулированная на этом основании теория несоответствия, неожиданности является отправной точкой для всех других теорий, поскольку заложенное в комическом несоответствие, отклонение от нормы является неременным условием человеческого мыслительного процесса, направленного на осознание действительности в особой смешной форме. Таким образом, комическое как оценочная категория свидетельствует о мироощущении и мировосприятии человека.

Фразеологизмы как единицы вторичной номинации в большинстве своем обладают богатейшими возможностями в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к окружающему миру. Как пишет В. Н. Вакуров, «сама природа ФЕ предоставляет возможность использовать их как средство достижения комического эффекта <...> поскольку сам корпус фразеологического состава содержит единицы, которые либо формировались и закреплялись в языке как единицы с прагматической заданностью на комический эффект (словарные пометы *шутл.*, *иронич.*), либо сами были образованы в результате намеренного, мотивированного разрушения семантической сочетаемости слов, что является основой для достижения комического эффекта» [4, с. 35].

В. Т. Бондаренко в своей статье «О смехе в русской фразеологии» отмечает, что смеховая культура русской фразеологии изучена незаслуженно мало, а ведь именно через фразеологизмы со смешным содержанием можно лучше узнать национальный характер, менталитет народа [3, с. 54]. Комический текст, сжатый до формы фразеологизма, наглядно в языковой форме выражает мировоззрение, традиции и поведение этноса.

Диалектная фразеология входит в общеязыковую картину мира, дополняя ее, заполняя лакуны, тем самым помогая глубже понять язык и самого человека. Фразеологический корпус русских говоров Сибири и Приамурья включает значительный запас единиц смешного содержания, которые практически не изучены с данной точки зрения.

Таким образом, **объектом** данного исследования выступают фразеологизмы русских говоров Сибири и Приамурья, обладающие прагматической установкой на создание комического эффекта.

Цель работы – выделить и описать основные типы несоответствий, лежащих в основе создания комического эффекта фразеологизмов русских говоров Приамурья и Сибири.

Вслед за С. И. Ожеговым и др. придерживаемся широкого понимания фразеологии, включая в состав диалектных фразеологизмов и пословицы, и поговорки, и терминологические сочетания: *аршин с шапкой; баба-муха; Язык бить попусту; Брехло наружу выходит; Горе скачет, горе пляшет, горе песенки поёт;* и др.

Истинная область комического – это человек, человеческая жизнь, вне которой смеха как явления социального не существует [8, с. 25]. Всё, что поддается осмеянию, входит в зону человеческих интересов, ценностей и строится, как отмечалось, на основе противоречия: высоко духовного и низменного, прекрасного и безобразного и пр.

Среди главных, онтологических противоречий можно выделить противопоставление «реальное – нереальное», что подразумевает под собой несоответствие между фактическим в конкретно описываемой ситуации и тем, что о ней сообщается. В рамках данного несоответствия можно выделить еще два подвида – это противопоставление «истинное и ложное», а также «реальное и ирреальное». К первому подвиду можно отнести фразеологизмы такого плана: *Высока у хмеля голова, да ноги жидки* (о надменном, высокомерном человеке) *Приамур.*; *Голова-то с овин, да в овине-то клин!* (о глуповатом человеке, дураке) *Сиб.*; *Хоть колуном по голове бей – хоть кол на голове теши* (о неразумно упрямом человеке) *Сиб.*; *винная бочка* (пьяница) *Приамур.*; *свекрухин пуп* (заслонка); *Как пуговка напиться* (об очень сильной степени опьянения) *Сиб.*; *Пузо выше лба* (о беременной женщине) *Приамур.*; *Много горшков разбилось о его голову* (много испытаний пережил за свою жизнь) *Сиб.* и др. Несоответствие возникает в результате отождествления далеких взаимоисключающих друг друга ситуаций.

Очень часто смешной эффект в данном случае достигается через прием антитезы, например: *Не привязан, а визжи* (о невозможности покинуть кого-либо или что-либо) *Приамур.*; *Во хлеве живёт, а по-горничному кашляет* (о человеке, который старается бездумно подражать во всем богатым) *Сиб.*; сравнения с союзом «как»: *Как (будто) Ананий с ящиком затаскался, захопотался* (о человеке, который делает что-либо торопясь, суетливо, но без значительных результатов) *Сиб.*

Особенность порождения смешного данными фразеологизмами заключается в том, что буквальное значение (прочтение) признается не соответствующим знаниям, реальным фактам.

Ко второму виду можно отнести фразеологизмы: *Бог пристал* (о наступившем выздоровлении) *Приамур.*; *Бог – не мякишка – даст по лбу, будет шишка* (пословица) *Сиб.*; *Сам бог не в копейку* (все нипочем) *Сиб.*; *Чёрт ядрами кормит кого* (толстый) *Сиб.*; *Душу в пятки вбить* (испугать) *Приамур.*; *душа в носе* (о состоянии сильного испуга, страха) *Сиб.*; *задрать копылки* (умереть) *Приамур.*; *душа сылется* (о состоянии растерянности) *Приамур* и др. Столкновение двух противоположных начал происходит в тексте (фразеологизме) с целью вызвать смех у собеседника, намеренное снижение, перевод из области высокого, духовного,

идеального в материально-телесный план – самый яркий прием создание комического в диалектной фразеологии.

Для заострения комического эффекта очень часто используется прием гиперболоизации, изменение количественных характеристик предмета (преувеличение или уменьшение). Например: *Как губёрнска верста* (о человеке очень высокого роста, верзиле) *Приамур.*; *Бегать, как бес от грома* (старательно избегать встречи с кем-либо) *Сиб.* В первом случае у нас преувеличенная характеристика роста человека – физиологической особенности (несоответствие ложного – истинного), а во втором – преувеличение степени «старательности» через сопоставление с чертом (реальное – ирреальное).

Как известно, комический эффект достигается за счет внезапности, неожиданности. По словам В. Я. Проппа, «открытие недостатков окружающих нас людей и другие подобные открытия только тогда приводят к смеху, когда они неожиданны» [7, с. 57]. Комический образ возникает из-за разрушения смыслового поля фразеологизма, неожиданного появления в одном тексте не связанных друг с другом слов, соединенных, например, союзами «и», «да» в значении «и», что подчеркивает их синтаксическую однородность и одновременно семантический разрыв. У читающего или слушающего подобные фразеологизмы вызывают улыбку, поскольку срабатывает эффект обманутого ожидания. Ср.: *босиком да в шляпе* (безвкусно одетый) так говорят о человеке, у которого один вид одежды не соответствует другому *Сиб.*; *Ванька с Манькой да калупай с братом* (о никчемных людях) *Сиб.*; *Бросай всё на свете и козу на лисапёте* – (поговорка) *Сиб.*

Таким образом, в статье был выделен и описан только один важный вид противоречий, лежащий в основе создания комического эффекта – онтологическое противопоставление реального – нереального. Вероятно, что при дальнейшем анализе богатого фактического материала таких несоответствий будет значительно больше, поскольку природа двойственности лежит в природе человеческого бытия: в человеке всегда борется добро и зло, высокое и низменное, идеальное и безобразное, соединение их в одном тексте (фразеологизме) рождает улыбку, смех, – что и должно стать предметом дальнейших исследований.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика / Вступ. ст. и комментарии С. Ю. Трохачева, перевод с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. – СПб. : Изд-во «Азбука», 2000. – 347 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Изд-во «Художественная литература», 1965. – 525 с.
3. Бондаренко В. Т. Смех в зеркале русской фразеологии / В. Т. Бондаренко // Филология на рубеже тысячелетий: материалы межд. науч. конф. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2000. – Вып. 2. – С. 54–56.
4. Вакуров В. Н. Речевые средства юмора и сатиры / В. Н. Вакуров. – М., 1969. – 54 с.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. – М. : Изд-во «Наука», 1976. – 203 с.
6. Ожегов С. И. О структуре фразеологии / С. И. Ожегов // Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974. – С. 192–219.
7. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. – М. : Изд-во «Лабиринт», 2002. – 192 с.

8. Словарь русских говоров Приамурья, 2-е изд., исправл. и доп. / под ред. О. Ю. Галузо, Ф. П. Ивановой, Л. В. Кирпиковой, Л. Ф. Путятиной, Н. П. Шенкевец. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – 544 с.
9. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1983. – 232 с.
10. Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения в 3-х томах / Н. Г. Чернышевский. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950. – Т. 1. – 840 с.

Данилевська Анна. Сміхове начало у фразеологізмах російських говірок Сибіру та Приамур'я / Анна Данилевська // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 297–301.

У статті на фразеологічному матеріалі російських говірок Сибіру та Приамур'я зроблено спробу описати основні типи невідповідностей, що лежать в основі створення комічного ефекту.

Ключові слова: комічне, сміх, невідповідності, діалектні фразеологізми, комічний текст, комічний ефект.

Danilevskaia Anna. Humor in the Russian Amur and Siberian dialectal phraseologisms / Anna Danilevskaia // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 297–301.

The author takes an attempt to describe the main types of inconsistencies that underlie the creation of comic effect based on the Amur and Siberian dialectal phraseologisms.

Key words: comic, laughter, inconsistencies, dialect idiom, comic text, comic effect.

Стаття надійшла до редакції 1 червня 2012 року

УДК 8.81'27.162.3

МОВНА ГРА ЯК АТРИБУТ «МОВНОГО СМАКУ ЕПОХИ»

Даниленко Людмила

Київський національний університет імені Тараса Шевченка,

Київ, Україна

Статтю присвячено дослідженню й опису лінгвостилістичних та прагматичних засобів і прийомів реалізації комічного ефекту в сучасній чеській пареміології. Визначаються типи комунікативних інтенцій адресанта.

Ключові слова: чеська пареміологія, мовна гра, прагматика, комунікативна лінгвістика.

*Здатність до мовної гри –
важливий фактор у житті суспільства.*

Б. Ю. Норман

Метафора «мовний смак епохи» належить відомому російському лінгвісту В. Г. Костомарову: його книга під назвою «Языковой вкус эпохи» вийшла друком 1999 р. у видавництві «Златоуст». На думку автора, мовний смак є тим фактором, який впливає на мовну норму, передусім через сучасні мас-медійні засоби, та віддзеркалює напрям мовної еволюції. З іншого боку, можемо стверджувати, що бажання «пограти зі словом» є визначальною рисою не лише сучасної мовної комунікації. Як дотепно зауважив неперевершений Карел Чапек, таке бажання прийшло до людини на другий день після того, як вона навчилася говорити: «Člověk se prý stal člověkem, když začal mluvit. Ale jakmile začal mluvit, udělal druhého dne vtíp, našel s úžasem, že se slovy si možno pohrát» [10, с. 117]: (Кажуть, що людина стала людиною, коли почала говорити. Але як тільки-но вона навчилася говорити, наступного дня вигадала жарт, із задоволенням відкривши, що зі словами можна грати). Відтоді побачила світ велика кількість робіт, зокрема лінгвістичних, пов'язаних з проблемами семантики й прагматики мовної гри, серед яких на особливу увагу заслуговують праці Х. Вальтера, В. Мокієнка [1], Б. Нормана [5], В. Саннікова [6], О. Ніколаєвої [4], Н. Кабанової [2], колективні за ред. Н. Арутюнової [3] та ін.

Мета розвідки – виявити різновиди мовної гри на матеріалі чеської пареміології та визначити причини, що спонукають авторів до мовного гумору.

Пареміологія – це надзвичайно вдячний “полігон” для мовної гри, на якому колективна мудрість реалізується завдяки дотепності однієї людини. Прислів'я відтворює фрагмент мовної свідомості. Якщо автор свідомо руйнує старий сюжет прислів'я, то цим він хоче висловити іншу істину, яку він вважає актуальною в сучасному суспільстві. Виникає вираз з новим міні-сюжетом, зрозумілий за умови, коли адресат знає старий. Звернемося до прикладу: *Kdo jinému játu kopá, dál*

doskáče [syn 2000], який виник шляхом контамінації двох прислів'їв *Kdo jinému jámu kopá, sám do ní padá* (укр. *Не руй яму іншому, бо сам до неї впадеш*) та *Ranní ptáče dál doskáče* (укр. *Хто рано встає, тому Бог дає*). Перше прислів'я реалізує сему 'покарання' – “за нечесні вчинки людина буде покарана”, друге – сему 'успіх' – “працьовита людина багато досягне”. Новий вираз моделює нову філософію, яка, можливо, індивідом і не схвалюється, а є іронічною оцінкою: “шлях до досягнення власного успіху лежить через перешкоджання діям іншої особи”. Таким чином, свідомо модифікація тієї мовної форми, в якій прислів'я зберігається в пам'яті носія культури, виконує певні комунікативні завдання: сигналізує про те, наскільки “класична” семантика прислів'я відбиває соціокультурні стереотипи і норми, життєву ідеологію індивіда. Власне, в багатьох випадках голос індивіда можна витлумачувати як «голос суспільної думки». У цьому випадку в тексті з'являються “метаоператори” в ролі “експлікаторів актуальних (текстових) значень” [7, с. 427], сигналів сучасного трактування прислів'їв і їхньої прагматичної спрямованості. Лексичними й предикативними метаоператорами виступають дієслова *nevěřit* “не вірити”, *neplatit* “бути недійсним”, *nepomoc* “не допомогти”, *staré nesmysly* “стара нісенітниця”, *jejich platnost vyprchává nenávratně* “їхнє значення <прислів'їв> абсолютно відживає”, *vyvrácená pravda* “спростована правда”, *pravidlem se stává* “правилом стає” (на протипагу тому, яку оцінку передавало загальновідоме прислів'я). Скористаємося прикладами, які ми відібрали з Чеського національного корпусу (ЧНК), у квадратних дужках міститься інформація про розділ ЧНК.

(1) *Některá pořekadla či přísloví jsou dosti za vlasy přitažená. Ba zdá se, že s postupem času jejich platnost vyprchává stejně nenávratně jako bublinky... z sektu. Třeba že lež má krátké nohy... Co obstálo před sto lety, dnes už se nedá brát za bernou minci. Lidí lžou, jako když tiskne, a nic se neděje. Stačí si jen poslechnout některé z politiků* [syn 2006 pub].

(2) Podíváte se a je vám hned jasné: “Lže , až se hory zelenají !” *Že “slovo dělá muže”*, to je dávno a mnohokrát vyvrácená pravda z předminulého tisíciletí [syn 2005].

(3) *Zásada našich babiček “sedávej panenku v koutě, budeš-li hodná, najdou tě”* už dávno neplatí [syn 2006 pub].

(4) *Přísloví, kterému nevěřím. Bez práce nejsou koláče.* Už několik let nepracuji a koláče mám stále a dost (MFD, 16.10.1999).

(5) A už vůbec neříkejte dětem ty staré nesmysly, *že kdo lže, ten krade, do pekla se hrabe*. Mějte pořád na mysli, že lež je přirozená a do pekla se hrabe ten, kdo pravdu říká [syn 2006 pub].

(6) *Pravidlem se stává, že nikoliv s poctivostí, ale se lží nejdále dojdeš* [syn 2006 pub].

(7) *...pocit marnosti a pocit, že s poctivostí se dojde nejvýše do chudoby* [syn 2006 pub].

(8) *Což se u nás odjakživa neříkalo, že “kdo maže, ten jede”?* K čemuž za totality přibýlo ono pověstné *“kdo nekrade, okrádá rodinu”* [syn 2000].

Отже, зміна конотації прислів'я чи нормативної ситуації його вживання, як правило, відбиває зрушення щодо ціннісних орієнтирів суспільства, тенденцію до негативних проявів психології сучасної людини, виникнення у неї альтернативних

поглядів або пріоритетів. Сучасний коментар до прислів'їв у більшості випадків полягає в їхній іронічній оцінці як істин позаминулого століття.

Говорячи про потенційні каламбурні можливості паремійних одиниць, маємо на увазі їх здатність до актуалізації, під якою розуміємо порушення узвичаєних синтаксико-семантичних зв'язків, змістове виокремлення окремого слова завдяки його несподіваним асоціативним зв'язкам з іншими поняттями.

До одного з типів актуалізації паремій можна віднести синтаксичну експлікацію. Цікавим прикладом є доволі поширене прислів'я *Lež má krátké nohy* (букв.: У брехні короткі ноги). Його сучасний варіант в чеській мові – результат скорочення прислів'я двоскладної структури: *Lež má krátké nohy, daleko neujde*, зафіксоване ще у ХІХ ст. Ф. Л. Челаковським [9, s. 85]. У ХХ ст. зазначена імпліцитна форма відповідно до закону мовної економії пройшла апробацію в усному мовленні та набула статусу нормованої і загальнозживаної. Опущення мовних елементів, колись необхідних для визначення смислу всієї одиниці, не позначилося на її значенні. Сучасна мовна практика реанімувала питому двочленну структуру прислів'я *Lež má krátké nohy*, причому нові провербіальні трансформи свідчать про те, що мовці підсвідомо апелюють до вихідної форми, іронізуючи над її змістом. Основна ідея усталеної одиниці “розгортається” через протиставний зв'язок стрижневих слів двох синтагм, який стає основою негативної семантики усього неопровербіального вислову, напр.: *Všude se dočtete, že lež má krátké nohy. Ale už nikde se nedozvíte, že je má zatraceně rychlé a pravdě většinou uteče; Co je platné, že lež má krátké nohy, když pravda je má tak často chromé; Lež má krátké nohy, avšak dlouhonohá pravda doběhne leckdy sama sebe; Lež má krátké nohy, ale umí se na ně výborně postavit; Lež má krátké nohy, ale umí strašně rychle utíkat; Lež má krátké nohy, ale pravda ještě kratší; Lež má krátké nohy, ale dlouhé prsty; Lež má krátké nohy, ale velice rychlé auto; Lež má krátké nohy bylo přísloví platné v době našich prarodičů. V čase jejich vnuků platí spíše lež má dlouhé nohy* (syn 2006 pub).

Опорний образ провербіальної трансформи може бути реалізований через антонімічну опозицію. Так, в новій одиниці думка оживляється завдяки імпліцитному зіставленню антонімів ‘короткий – довгий’, в результаті новий контекст заперечує значення протоприслів'я, напр.:

*Lež má totiž nohy sakra dlouhý –
Nezná bolest ani divný touhy.
Jde přímo na věc, má neprůstřelnou vestu
A ty krvácíš když překříží ti cestu
Lež má nohy dlouhý.*

(Ivan Kott).

Актуалізація слова в паремійному тексті може бути пов'язаною з використанням прийому гри слів або каламбуру, зокрема, омонімічними засобами, коли в одному контексті стикаються формально однакові, але по суті різні слова. Чеське прислів'я *Lež má krátké nohy*, використовуючи омонімію форм *lež* “брехня” і *lež* – наказова форма дієслова *ležet* “лежи”, переконливо цю властивість доводить:

Studenti dostali za úkol napsat sloh na téma “Lež má krátké nohy”. Jeden ze studentů byl hotový za deset minut. Učitelka byla zvědavá, co za takovou chvíli napsal, a tak četl:

“V sobotu odpoledne jsem se vydal s kamarádem Karlem do lesa. Bylo krásně, slunce svítilo, lesní mýtinka lákala do mechového objetí. I zalehli jsme, lebedili si a jímala nás mírná dřímota. Vtom se v ohbí lesa objevila dívčí postava. Chtěl jsem se zvednout a podívat, ale Karel mě zadržel a pravil: “Lež, má krátké nohy!”

Причиною мовної гри в пареміях завжди є комунікативний намір адресанта. Так, актуалізація семи ‘особа жіночої статі’ дозволяє варіювати лише один компонент у прислів’ї *Lež má krátké nohy*, щоб досягти бажаної гендерної характеристики. Цей прийом використала авторка роману Ніколь Рибайрова в назві свого твору: “*Lež má ženské nohy*”. Близькими до цієї трансформи є вирази *Lež má hezké nohy*; *Lež má ženské nohy a dábel je ženského pohlaví*.

Ще одна примітна особливість використання мовної гри в проverbsьких одиницях – застосування пародії. Пародія, по-особливому відтворюючи чужий текст, іронічно викриває зміст першоджерела, яке ґрунтується на контрастуванні, неадекватності, ілюзорності дійсного й бажаного стану речей. У цьому переконує приклад пародіювання фрагменту Святого Письма – восьмої Божої Заповіді, в основі якої є припис “Не свідчи неправдиво на свого ближнього”:

Poosmé: Nebudeš lhát!
*Tím, že lež má nohu krátkou
Krmili nás jak pohádkou.
Že jen z kopce nohu krátí
Na to dnes jed možno brátí.
Čím výš lháře někdo hledá
Za pravdu mu nikdo nedá.
Nahoře přec, milí zlatí
Vždycky jsou jen “všichni svatí”.
Netřeba se tedy bát
Že by nám snad chtěli lhát...*

Завдяки мовній грі в чеській мові виникають нові прислів’я. Серед зібраного нами матеріалу вирізняється група, які можна вважати потенційними неоприслів’ями на тій підставі, що їх частотність в сучасному дискурсі досить висока.

Узагалі кажучи, проблема визначення критеріїв віднесення нових проverbsьких висловів до розряду прислів’їв залишається відкритим для обговорення питанням. На нашу думку, в новітній паремійний фонд можуть ввійти одиниці, які не прив’язані до конкретного контексту (як напр.: *Любиш кататися – люби і дорогу лагодити*) і мають по можливості коротку ритмічну форму, причому це можуть бути як проverbsькі трансформи, так і зовсім нові вислови проverbsького типу (в дужках зазначаємо частотність в Інтернеті), напр.: *Dvakrát měř jednou řeš* (127); *Bez práce nejsou doláče* (116); *Do očí bratr, za zády had* (16 402); *Všude dobře, doma manželka* (281); *Optimismus je způsoben nedostatkem informací* (351); *Nic tak neomezuje svobodu slova jako rozbitá huba* (62); *Moudrost nekoupiš, hloupost neprodáš!* (28); *Žena je dobrý sluha, ale zlý pán* (21); *Milující srdce na krásu nehledí* (143); *Láska je jako slza – rodí se v očích a padá k srdci* (122); *Často lidé hynou klevetníků vinou* (45); *Dobré slovo hubu nespálí* (117) та ін.

Мовна гра може призвести до невпізнанності вихідної форми паремії. У таких випадках йдеться не про формальну чи семантичну трансформацію прототипу, а про виникнення звичайного вислову зі структурою речення, хай навіть (за законом багатьох одиниць паремійного жанру) й римованого, пор.: *V ústech med, a v srdci jed* → *V ústech med má jen medvěd; Začal na zlatě, skončil na blátě* → *Začal na zlatě, skončil bez gatě* → *Začal na zlatě, neměl na gatě; Bez peněz do hospody nelez* → *Bez peněz do obchodu nelez* → *Bez peněz do nebe* тощо.

Джерелом для провербіальних каламбурів є сучасний політичний, економічний, рекламний дискурси, за якими можна судити про соціальні, психічні, психологічні, культурні процеси в суспільстві. Як влучно зауважили автори словника «Антипословицы русского народа» Х. Вальтер і В. Мокиєнко, «трансформи відомих російських прислів'їв мають різну мотивацію та концептуальну природу – від принципового спростування банальної істини, яку вони виражають, до «сміху заради сміху», простого мовного каламбуру, зубоскальства» [1, с. 7].

Проведений аналіз чеських паремій, які є елементами національної сміхової культури, дозволяє відповісти на питання, чому вони – характерні прикмети сучасної епохи. Могутні спалахи суспільної активності в пострадянський період, демократизація, глобалізація, інтернетизація сприяли мобілізації і небувалому піднесенню масової мовотворчості. Її прояви практично безмежні. Як неможливо визначити кількість ситуацій об'єктивної реальності, знаками яких виступають прислів'я і приказки, так неможливо визначити кількість їхніх каламбурних трансформ. Звідси випливає питання, де межа між узуальним і оказіональним варіантами. У цьому контексті полягає перспектива подальшого дослідження.

Список літератури

1. Вальтер Х., Мокиєнко В. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. Мокиєнко. – СПб. : Издательский Дом «Нева», 2005. – 576 с.
2. Кабанова Н. М. Что наш язык? Игра? / Н. М. Кабанова // Слово во времени и пространстве: К 60-летию профессора В. М. Мокиєнко. – СПб. : Фолио-Пресс, 2000. – С. 290–301.
3. Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Арутюнова Н. Д. – Москва : Индрик, 2007 – 726 с.
4. Николаева Е. Трансформированные пословицы как элемент современной смеховой культуры / Е. Николаева // Słowo. Tekst. Czas – VI. Nowa frazeologia w nowej Europie: Materiały VI Międzinar.konf. naukowej, Szczecin-Greifswald. – 2002. – S. 158–164.
5. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта; Наука, 2006. – 343 с.
6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 547 с.
7. Хлебда В. Метаоператоры в тексте и их основные функции / В. Хлебда // Слово во времени и пространстве: К 60-летию профессора В. М. Мокиєнко. – СПб. : Фолио-Пресс, 2000. – С. 415–429.
8. Bittnerová D., Schindler F. Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století / D. Bittnerová, F. Schindler. – Praha : Karolinum, 1997. – 315 s.
9. Čelakovský F. L. Mudrosloví národu slovanského ve příslovích / F. L. Čelakovský. – Do tisku přípr., rejstříkem, pozn. a dosl. opatř. Karel Dvořák. – 3 vyd. – Praha : Vyšehrad, 1949. – 922 s.
10. Překládání a čeština. – Praha : H & H, 2003. – 264 s.

Даниленко Людмила. Языковая игра как атрибут «языкового вкуса эпохи» / Людмила Даниленко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 302–307.

Статья посвящена исследованию и описанию лингвостилистических и прагматических средств и приемов реализации комического эффекта в современной чешской паремиологии. Определены типы коммуникативных интенций адресанта.

Ключевые слова: чешская паремиология, языковая игра, прагматика, коммуникативная лингвистика.

Danylenko Liudmila. Language Game as the Feature of «Language Flavor of the Era» / Liudmila Danylenko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 302–307.

The article researches and describes lingua-stylistic and pragmatic means and ways of making comic effect in modern Czech paremiology. The types of communicative intentions of the sender are defined.

Key words: Czech paremiology, language game, pragmatics, communicative linguistic.

Стаття надійшла до редакції 1 березня 2012 року

УДК 811.161.1'374.3

ЯЗЫКОВЫЕ ИГРУШКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Дядечко Людмила

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,

Киев, Украина

В статье дается определение понятия «языковые игрушки», демонстрируется использование крылатых выражений (разновидности прецедентных текстов) в речи представителей разных возрастных групп, начиная от самой младшей.

Ключевые слова: крылатые выражения, языковая игра, языковые игрушки.

В психологии давно признано, что каждый человек реализует себя в процессе деятельности, которая принимает разнообразные формы, в том числе игровую. В отличие от занятий физическим или умственным трудом игра не преследует цели создания конкретных материальных благ в принципе, ее главная задача – заполнение досуга, получение удовольствия, проявление себя в иной, не связанной с профессией сфере, а для детей она является прежде всего подготовкой к самостоятельной жизни. Решение столь глобальной задачи предполагает, что в игру может вовлекаться все, что окружает человека, но, естественно, наиболее органичны для игровой ситуации издавна существующие во всех культурах мира, специально изготавливаемые предметы – игрушки.

Законам игрового поведения подчиняется и язык. Игра со словами, их формами, конструкциями, контекстами получила название языковой. Она возможна на любом уровне языка – начиная от фонетического (вспомним знаменитое *качество* и *коликчество* из репертуара А. Райкина или *энтузиизм* Е. Петросяна) и заканчивая синтаксическим (*Вас здесь не стояло!* – неправильно составленная фраза, которую А. Ахматова услышала в очереди и сделала достоянием интеллигенции). Кроме того, она затрагивает не только формальную, но и содержательную сторону: сравн. каламбурное сталкивание разных значений слова (*Шел дождь и два студента*), оживление внутренней формы фразеологизма (*От этого фильма у лысого волосы дыбом встают*), окказиональное словотворчество (*кап-капремонт*) и пр. Основное предназначение языковой игры состоит в том, чтобы, взорвав фейерверком преобразований дремотное клише, удивить, заинтриговать, развеселить собеседника.

Как феномен речевого общения она отличается от собственно игры – ритуализованного действия, причем не только тогда, когда язык выступает в качестве вспомогательного или организующего средства (при объяснении правил, распределении ролей с помощью считалок и под.), но и тогда, когда он выполняет ключевую – игроформирующую – функцию, как при разгадывании шарад, игре «В балду», «В барыню» и др. Такие игры (фольклористы называют их словесными)

сохраняют свою развивающую и развлекательную направленность. (Примечательно, что различие подчеркивается в самом языке предложным управлением: игра *со словами* – это языковая игра, игра *в слова* – словесная игра.)

Как способ экспрессивизации речи языковая игра строится не на простом отступлении от стандарта, наблюдаемом даже в выдержанных в классически строгих тонах, но, безусловно, выразительных художественных или публицистических текстах, а на дерзком несоблюдении нормы, ее предельном нарушении, т. е., по сути, на грубой ошибке. Такая ошибка совершается сознательно, и в этом отношении она не похожа на те, которые допускают дети и иностранцы в период освоения языка или малограмотные люди. При случайной ошибке, обмолвке смех, улыбка слушающего вызывает недоумение или обиду, и наоборот, играя со словом, говорящий рассчитывает на одобрительную реакцию собеседника, разглядевшего в ошибке своеобразную провокацию, пережившего момент радостного и внезапного озарения, ощущение сопричастности с родственной душой. Пройти этот тест можно лишь обладая общей с говорящим базой знаний о мире, более или менее совпадающими культурными ориентирами, сходным языковым вкусом и, конечно же, владея правилами игры со словом.

Приемы языковой игры подробно описаны лингвистами [2; 5], один из них – цитирование – основывается на наличии уже существующих словесных комплексов, представляя собой введение в сообщение целиком либо отдельным фрагментом чужих или своих (только ранее созданных) текстов с возможной, но не обязательной трансформацией. Это готовые игрушки для языковой игры – тексты-игрушки. Бери их и бросай в словесную сеть коммуникации (чем не мяч?!).

Следует учитывать, однако, что цитирование как прием языковой игры, или интертекстуальная языковая игра, не имеет ничего общего с декламацией и принципиально отличается от тех случаев, когда обращение к чужому слову выступает жанрообразующим фактором, как при создании вариаций, пародий, цитонтов (назовем это интертекстуальной литературной игрой). Жанр вариации распространен даже в детском фольклоре, где наиболее часто в последнее время осовремениваются считалки, например: «На золотом крыльце сидели / Микки Маус, Том и Джерри, / Дядя Скрудж и три утенка, / Выходи – ты будешь Понка!».

Разумеется, не всякий раз отступление от оригинала при чтении художественного произведения означает, что имеем дело непосредственно с интертекстуальной литературной игрой. Если трехлетний мальчик произносит: *Уронили мишку на пол, Оторвали мишке лапу. Не брошу я, Хороший он* (интернет-ж. «Солнышко», вып. 130), – то это, скорее всего, ошибка памяти, хотя для взрослых выглядит забавно. Элемент игры-творчества со стороны говорящего проявляется тогда, когда текст переиначивается нарочно. В этих же стихах в интерпретации девочки того же возраста: *Уронили мишку на пол, / Оторвали мишке лапу! / Все равно его не брошу, / Потому что он ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК!* (7ya.ru, 08.06.2001), – уже просматривается желание отразить собственное отношение к изображенному в произведении персонажу. Этот случай приближен к ироническому парафразированию, получившему свое развитие во взрослой литературе, в частности, на материале стихов для детей и в наше время осмеяния всего и вся

обильно представленному на интернет-сайтах в жанре травести, язвительного, уничтожающего: *Уронили Мишку на пол, / Оторвали Мишке лапу, / А потом набили рожу, / Кислотой облили кожу...* – и т. д. (ocf.berkeley.edu).

Литературное пародирование – это своего рода кривляние, сродни детской игре в дразнилки, на что обратила внимание еще А. Ахматова в разговоре с Ф. Раневской. Актриса вспоминала: «Мы бродили по рынку, по старому городу. Ей нравился Ташкент, а за мной бежали дети и хором кричали: «Муля, не нервируй меня». Это очень надоедало, мешало мне слушать ее. К тому же, я остро ненавидела роль, которая дала мне популярность. Я сказала об этом Анне Андреевне. «Сжала руки под темной вуалью» – это тоже мои Мули, – ответила она» [4].

Совершенно иную нацеленность имеет интертекстуальная языковая игра, при которой цитата используется в качестве средства номинации, характеристики некоторой реалии или ситуации.

Игровые свойства цитаты объясняются тем, что она разрушает линейность высказывания, не просто раздвигая его смысловые рамки путем апеллирования к иному, нежели описываемый, факту, но сталкивая два кода, два способа представления действительности, т. е. две речевые личности – говорящего и цитируемого автора, уже выразившего свое понимание аналогичного явления, ситуации в конкретной, характерной для его стиля словесной форме. Если цитирование как прием языковой игры используется без прямых указаний на источник, то это усиливает игровой момент. Высказывание со скрытой цитатой, превращающейся в крылатое выражение с более-менее устойчивым составом, за которым закрепляется новое, отличное от исходного, представленного в первоисточнике содержание, всегда таит интригу: распознает ли собеседник чужие слова, вспомнит ли ситуацию, когда они впервые прозвучали, разгадает ли двойную соотнесенность сказанного?

Положительный ответ на эти вопросы гарантируется, как минимум, знанием соответствующих текстов, накопление которых осуществляется постепенно. Именно поэтому многие ученые считают, что крылатые выражения – прерогатива речи интеллигенции и что дети не включаются в интертекстуальную языковую игру. Но в действительности эта игра имеет лишь незначительные возрастные ограничения. Живя в обществе, ребенок погружен в мир текстов, которые формируют его как языковую личность. Помимо воли человека текстовые фрагменты запоминаются, входят в его лексикон и прагматикон, нередко неся на себе отсвет именно того текста, в котором встретились впервые. На эту особенность обращалось внимание в литературе. Л. Боровой в своей книге «Путь слова», рассказывая о названии Лукоморье, которое можно найти и в древних летописях, отмечал, что запомнилось оно «всем и каждому “из Пушкина” и уже неразрывно срослось со знаменитой пушкинской строчкой». Установление ассоциативных связей такого типа у значительной части лингвокультурного сообщества, отвечающих за эффективность языковой игры с использованием чужих текстов, обеспечивается прежде всего государственной учебно-воспитательной программой, общим кругом чтения и тотальным воздействием национального телевидения,

тиражирующего произведения разных видов искусств и создающего собственные тексты со словесным компонентом.

Для русских детей формирование базы текстов, обычно вслед за Ю. Н. Карауловым обозначаемых как прецедентные [3, с. 216], начинается чаще всего со сборника стихотворных миниатюр с примечательным и пророческим для интертекстуалистики названием «Игрушки» А. Барто. Параллельно усваиваются народные и пушкинские сказки, стихи С. Маршака, С. Михалкова, К. Чуковского, диалоги из любимых мультфильмов о Винни-Пухе, Карлсоне, дяде Федоре, Чебурашке, крокодиле Гене.

Слыша из уст взрослых отрывки знакомых текстов, малыши распознают интертекстуальные загадки – языковые игрушки. Приходилось наблюдать такие сценки. «Ну что, *весь до ниточки промок?*» – обращается мать к расстроенному сынишке, попавшему под ливень, и у того сразу появляются веселые искорки в глазах. «*Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч*», – успокаивает прохожий огорченную девочку, уронившую любимую игрушку в лужу. И в ответ немножко с обидой: «Я не Танечка», – но детское горе уже отступило.

На знание прецедентного текста, без сомнения, рассчитывает и детский писатель, включая в высказывание своего героя оборот из него: [*Незнайке, которому не досталось картошки.*] «Ну, сам виноват, – сказал Стрига. – Не будешь зевать в другой раз. Здесь знаешь какой народ? На ходу подметки отрежут. Нос оторвут, так что не заметишь, *дурачина ты, простофиля!*» (Н. Носов, «Незнайка на Луне», гл. 10, в сокр.).

Дети способны не только распознать языковые игрушки, но и творчески их использовать в своей речи. Так, в концовку приведенной современной вариации детской считалки: *Не хочу я Понкой быть. / Понка в школу не пошла, / Понка денежку нашла*, – включена измененная цитата из сказки К. Чуковского «Муха-цокотуха».

Так как мир взрослых и мир детей не разобщены, то в лингвокультурном багаже современного ребенка оказываются и тексты, вовсе для него не предназначенные: «В России пока и не задумываются над тем, что телезрителями становятся с младенчества. И если умных и добрых телевизионщиков было бы чуть больше, они бы уже создали передачи обучающего характера для самых маленьких (до трех лет), как это делают, скажем, в Японии. Сейчас же роль телевизионного дидактического пособия для малышей играет реклама. «Кто не знает, тот отдыхает», «съел и порядок», «пью и писаю», – послушно повторяют малолетние вслед за роликами» (газ. «Культура», 1998, № 10).

С другой стороны, знакомые фразы из произведений для детей становятся языковыми игрушками взрослых. Первую группу составляют крылатые выражения из детского фольклора: оборот из словесной игры «В барыню» «*Да*» и «*нет*» не говорите – об умении вести тонкую дипломатическую игру; начальные строки считалок *Аты-баты – шли солдаты* и *На золотом крыльце сидели* – в публицистике используются в качестве заголовка статей: первые – о солдатской жизни, вторые – о том, кто занимает почетное или доходное место; зачин докучной сказки *У попа была собака, он ее любил...* – о неоправданном, надоедливом повторении;

обращение из дразнилки *Рыжий, рыжий, конопатый!* – о рыжеволосом человеке с веснушками; загадка *Висит груша – нельзя скушать* – образное обозначение чего-либо недоступного, напр.: *Висит груша – нельзя скушать? 250 тысяч за рождение второго ребенка на руки не выдадут* (Труд, 17.05.2006); отдельные фрагменты из русских и иностранных волшебных сказок: *Встань передо мной, как лист перед травой; Не пей, Иванушка, козленком станешь; Ваша мать пришла, молочка принесла!*; *Али-Баба и сорок разбойников; тысяча и одна ночь* и др.

Во вторую группу можно отнести цитаты из стихотворных и прозаических произведений определенного автора: *остаться у разбитого корыта; Там русский дух, там Русью пахнет* (А. Пушкин); *золотой ключик; поле чудес; страна дураков* (А. Толстой); *рассеянный с улицы Бассейной* (С. Маршак); *Не ходите, дети, в Африку гулять; от двух до пяти; Что вам надо? – Шоколада* (К. Чуковский); *Дело было вечером, делать было нечего* (С. Михалков); *цветик-самоцветик* (В. Катаев); *Мы в ответе за тех, кого приручили* (А. де Сент-Экзюпери) и мн. др.

Третья крупная группа представлена оборотами из отечественных и зарубежных кинематографических произведений для детей, прежде всего мультипликационных: *Поели – можно и поспать* (м/ф «Дюймовочка»); *Ну, заяц, погоди!* (м/ф «Ну, погоди!»); *Спокойствие, только спокойствие; Пустяки, дело житейское* (м/ф «Карлсон, который живет на крыше»); *Индийская национальная изба – “фиг-вам” называется* (м/ф «Зима в Простоквашино»); *Кто там? – Это я, почтальон Печкин* (м/ф «Трое из Простоквашино»); *Мы с тобой одной крови* (м/ф «Маугли»); *Кажется, дождь начинается...* (м/ф «Винни-Пух и его друзья»), *Муля, не нервируй меня!* (к/ф «Подкидыш»), *Мальчишкам и девчонкам, а также их родителям* (киножурнал «Ералаш») и пр.

Популярность многих выражений из литературных произведений поддерживается песенным переложением и экранизацией первоисточников. Так, «Болтунья» А. Барто (из стихотворения выделились сразу две крылатые фразы *А болтать-то мне когда? Мне болтать-то некогда!* и *Драмкружок, кружок по фото, а мне еще и петь охота*) была положена на музыку С. Прокофьевым и уже как вокальная миниатюра включена в школьные программы по музыке, что обеспечило всеобщую узнаваемость соответствующих фрагментов.

В целом, однако, число вошедших в русский язык строк из песен для детей невелико, особенно в сравнении с количеством крылатых оборотов из песенного репертуара взрослых. Можно назвать несколько выражений из пионерских песен: *Взвейтесь кострами, синие ночи!*; *Ах, картошка, – объеденье, пионеров идеал!*; *Орлята учатся летать*; *Гайдар шагает впереди* (последнее используется с заменой начального компонента).

Единичны также случаи, когда названия произведений несловесных форм искусства, связанных с отражением жизни ребенка, включаются в языковую игру. Это название картины Ф. Решетникова «Опять двойка!», используемое как заголовок публикаций о воспитательной функции оценки в школе или же о неумелых действиях руководителей. Условно в эту группу можно включить оборот *танец маленьких лебедей* – название одного из номеров балета П. И. Чайковского, в устной речи обычно служащее для обозначения комичного, пародийного танца.

Многие из названных выражений встречаются в современной литературе. К экспрессивному, игровому свойству оборотов из произведений для детей обращаются писатели-постмодернисты, для которых цитация стала одной из определяющих стилистических черт, напр.: *Я, вероятно, единственный человек на земле, который, получив возможность реализации любого желания, готов отдать магический «цветик-семицветик» другому* (С. Минаев, «Духless: Повесть о ненастоящем человеке»), – и авторы, работающие в традиционном реалистическом ключе: *«О-о! – весело округлил глаза датчанин. – Вы знаете, доктор Стригалов, я у него сегодня ночевал. Я спал на седьмом небе. Как принцесса на горошине»* (В. Дудинцев, «Белые одежды»).

Диапазон описываемых с помощью текстов-игрушек явлений весьма широк – от возвышенных до шутливо-иронических, а нередко и саркастических, ср.: *...независимо от того, во дворце или в каморке живет человек – дверь, ведущая к Истине, находится рядом с ним. При этом Истина для всех одна. И личные воспоминания каждого – золотой ключик к ней* (А. Костюнин, «Земное притяжение»); *Жил-был добрый дурачина-простофиля, Куда только его черти не носили!* (В. Высоцкий, «Жил-был добрый дурачина-простофиля...»).

При включении в повествовательную ткань обороты нередко приспособляются к новому контексту, органично вплетаясь в нее: *В комнате, когда Буров проснулся, царил полумрак. <...> Не понять, то ли утро, которое вечера мудренее, то ли вечер, которым делать нечего.* (Феликс Разумовский, «Смилодон в России»), – или видоизменяясь с целью усиления экспрессивного заряда фразы: *«Здесь русский дух! – весело гаркнул он [Филькин]. – Здесь баней пахнет! Помоемся, Боря, попаримся!»* (В. Астафьев, «Пастух и пастушка»).

В разговорной речи – основной сфере функционирования цитат из текстов, предназначенных для детского восприятия, – в полной мере реализуется неумное стремление народа к карнавализации, к разрушению официозности в общении ради естественности, к разрядке после возникшей в разговоре напряженности посредством шутки, иронии.

В традициях народной смеховой культуры свободное обращение с цитатами, когда весьма серьезное высказывание превращается в балаганное. Смелое преобразование текстового фрагмента – это продолжение языковой игры, похожей на игру с трансформерами. Так в живой разговорной стихии рождаются языковые игрушки-трансформы. Очень редко они сохраняют память о своем конструкторе. Многим, например, известно имя И. Губермана, переименовавшего начальные строки стихотворения С. Щипачева «Пионерский галстук» *Не стесняйся, пьяница, носа своего, он ведь с нашим знаменем цвета одного*, в таком виде получившие широкое хождение на правах пословицы, характеризующей внешний вид пьяницы или простуженного человека. Чаще же автор переделки вовсе не известен, как у фразы *Аты-баты, или дебаты: За время, пока «аты-баты, или дебаты», чиновничество обогатило теорию открытием, что теперь ключевая фигура – не хозяин земельного пая, не – тем более – фермер, даже не бывший колхоз, а инвестор* (Комс. правда, 18.04.2002) – или у многочисленных трансформаций концовки четверостишия «Мячик» А. Барто, среди которых особенно популярны два

перевертыша: 1) *Тише, Танечка, не плачь, а то будешь там, где мяч!*; 2) *Тише, Танечка, не плачь: ставь пузырь – достанем мяч!* – шутливое обещание говорящего помочь устранить неприятность, решить проблему при соответствующем вознаграждении.

Широта охвата разнообразных жизненных коллизий, которые могут быть охарактеризованы с помощью цитат из произведений для детей, вхождение этих цитат в фонд общих знаний, узнавание интертекстуальных языковых игрушек, обычных и трансформированных, и частота обращения к ним позволяют без преувеличения сказать, что и в младенчестве, и в старости вся наша речь – игра.

Список литературы

1. Дядечко Л. П. «Я свидетель! А что случилось?», или Крылатые выражения А. Барто как доказательство демократизации языка / Л. П. Дядечко // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2006. – № 1. – С. 2–9.
2. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. – М.: Наука, 1983. – С. 172–214.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
4. Раневская Ф. Г. Случаи, шутки, афоризмы / Ф. Г. Раневская. – М.: Издатель ЗАХАРОВ, 2000. Цит. по: <http://bookz.ru/authors/faina-ranevskaa/ranevf01/page-3-ranevf01.html>
5. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 544 с.

Дядечко Людмила. Мовні іграшки для дітей і дорослих / Людмила Дядечко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 308–314.

У статті подано визначення поняття «мовні іграшки», репрезентовано використання крилатих слів (різновиду прецедентних текстів) у мовленні представників різних вікових груп, починаючи з наймолодшої.

Ключові слова: крилаті слова, мовна гра, мовні іграшки.

Diadechko Liudmila. Language Toys for Children and Adults / Liudmila Diadechko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 308–314.

The article defines the concept of "language toys" and shows the way winged words (a type of precedent texts) are used by different age groups starting with the youngest.

Key words: winged words, language game, language toys.

Стаття надійшла до редакції 10 березня 2012 року

УДК 800:398.9

ЭКСПЛИЦИРОВАНИЕ И ИМПЛИЦИРОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Николаева Елена

Российский государственный гидрометеорологический университет,

Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена вопросу расширения и сужения компонентного состава пословиц как проблеме диахронического анализа фразеологии и как средству создания языковой игры.

Ключевые слова: эксплицитность, имплицитность, пословица, фразеологизм, историко-этимологический анализ.

Процесс импликации, эллипсиса, редукции, усечения – всеми этими терминами современные исследователи обозначают процесс сокращения языковых знаков фразеологического характера, на который одним из первых обратил внимание А. А. Потебня, положив в основу такого движения процесс «сгущения мысли» [10, с. 520]. Именно благодаря его концепции до сих пор во фразеологических исследованиях переоценивается роль имплицитности. Трудно не согласиться с тем, что многие фразеологизмы (далее – ФЕ) возникли в результате сокращения компонентного состава пословиц (например, *не до жиру* или *ни в зуб ногой*), но прав ли был, например, Б. А. Ларин, один из основоположников историко-этимологического направления во фразеологии, заявляя, что «очень и очень редко происходил процесс обратного направления: древние сжатые лаконичные формулы идиоматического типа развертываются, раскрываются в более полный, вразумительный образ» [5, с. 142–143]? Хотя его несомненной заслугой является уже сам факт обращения внимания на этот процесс. Известные русские филологи Д. С. Лихачев и М. Л. Гаспаров, не занимавшиеся специально фразеологическим составом языка, тем не менее, тоже обращали внимание на «укороченные» (термин Д. С. Лихачева) [6, с. 435] или «усохшие» (термин М. Л. Гаспарова) [3, с. 179] пословицы. Интересно, что у них даже не возникало сомнений по поводу исконности (первичности) именно развернутой формы пословицы, они не допускали возможности позднейшего эксплицирования пословиц. Д. С. Лихачев даже отметил, что «восстановление **первоначальной полной** формы поговорок могло бы быть темой особой научной работы (и очень важной)» [6, с. 436].

Это, безусловно, так, но всегда ли именно полная форма является первоначальной? Рассматривая выражение *лиха беда начало*, Д. С. Лихачев возводит его к высказыванию Петра I «Лиха беда первому оленю в гарь кинуться, остальные все там будут», которое он произнес, по преданию, когда первым в 1702 году стал вбивать свайку в особенно бурной реке, переводя свои фрегаты из Белого моря в Онежское озеро. Д. С. Лихачев полагает, что это высказывание

проясняет внутреннюю форму «укороченной пословицы» (почему начало – это беда), которая когда-то существовала именно в таком развернутом виде [6, с. 436]. Однако аналогичные по смыслу пословицы («начало любого дела трудно») известны с глубокой древности и встречаются уже в латинском языке (*Omniium quidem rerum primordial sunt dura, Omne initium difficile*), не говоря о современных (ср. польск. *Początek każdej rzeczy jest trudny*; нем. *Aller Anfang ist schwer*). Эпитет *лиха* к слову *беда* делает их русскую параллель оригинальной, однако интернациональная образная основа сохраняется. И впоследствии варианты этого устойчивого выражения *лиха беда начало* (*начать*), *лиха беда почин* эксплицировалась в русском языке самыми разнообразными способами, превращаясь в красочные, образные, часто иронические пословицы: *Лиха беда начало, а там уж близок и конец*; *Лиха беда начало: есть дырка, будет и прореха*; *Лиха беда почин: есть дыра, будет и прореха*; *Лиха беда начать, а там все пойдёт как по маслу*; *Лиха беда одной беде прийти, а победы с ног собьют*; *Лиха беда полы шинели завернуть, а там пошёл*; *Лиха беда кафтан нажить, а рубаху можно и дома сшить*; *Лиха беда хлеб нажить, а с хлебом можно паном жить*; *Лиха беда умереть, а там похоронят*. Само обилие и разнообразие экспликаций свидетельствует об их вторичности по отношению к образному стержню. Но процесс импликации в пословице *лиха беда начало* тоже имел место: она дала жизнь фразеологизму *не лиха беда* со значением «нетрудно, не мудрено» [2, с. 34].

В. М. Мокиенко еще в 1980 г. в монографии «Славянская фразеология» весьма убедительно доказал, что процесс эксплицирования является одним из активнейших способов фразеологического словообразования, особо отметив, что «недооценка эксплицитности особенно характерна для анализа взаимоотношений пословиц и фразеологических единиц» [9, с. 119]. Однако в 2003 г., намечая перспективы историко-этимологического описания русской фразеологии и в качестве отдельного направления исследования выделяя целенаправленный диахронический анализ пословиц как источника ФЕ, с одной стороны, и как продукта их эксплицирования – с другой, он был вынужден опять с сожалением констатировать, что «мы, фразеологи, часто подгоняем под процесс «сгущения» пословицы в поговорку спорные или явно не соответствующие этому процессу случаи» [8, с. 577]. Дальнейшее развитие этимологического направления в исследовании ФЕ, а также успехи современной русской и славянской фразеографии позволяют нам сегодня вполне обоснованно судить о процессах, происходящих (или уже произошедших) в русском пословичном фонде.

Так, обратимся к списку «усохших» пословиц М. Л. Гаспарова: *Голод не тетка, пирожка не подсунет. Рука руку моет, да обе свербят. Чудеса в решете: дыр много, а выйти некуда. Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса. Губа не дура, язык не лопата. Хлопот полон рот, а перекусить нечего. Шито-крыто, а узелок-то тут. Собаку съели, хвостом подавились. Собачья жизнь: брехать нужно, а есть нечего. Ума палата, да ключ потерян. Копейка ребром, покажися рублем. Смелым бог владеет, а пьяным черт качает. Дураку хоть кол теши, а он своих два ставит. Лиха беда начало: есть дыра, будет и прореха. Все люди как люди, а мы как мыслете. Два сапога пара, оба левые* [3, с. 179].

Из 16 приведенных М. Л. Гаспаровым единиц в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» (далее – БМС) удалось обнаружить этимологии 11 выражений, при этом 9 из них являются примерами эксплицирования поговорок (ФЕ): *голод не тетка* [1, с. 152]; *рука руку моет* [1, с. 605]; *чудеса в решете* [1, с. 759]; *ни рыба, ни мясо* [1, с. 616]; *собаку съест* [1, с. 652]; *собачья жизнь* [1, с. 225]; *ума палата* [1, с. 711]; *хоть кол на голове теши кому* [1, с. 317]; *два сапога пара* [1, с. 623].

В двух единицах из списка М. Л. Гаспарова исконной в БМС признается их расширенная форма: *зуба не дура, язык не лопата* (в БМС: *зуба не дура, язык не лопатка: знает, где горько, где сладко*) [1, с. 170]; *хлопот полон рот, а перекусить нечего* [1, с. 732].

Не вызывает сомнения и первичность пространной формы пословицы *Смелым бог владеет, а пьяным черт качает*. Обращение к «Большому словарю русских пословиц» (далее - БСРП) показывает, что пословица в этой форме (правда, с глаголом *шатает*) фиксируется с начала XVIII в. и что усеченные варианты этой единицы вообще не регистрируются в сборниках: *Смелым Бог владеет (владеет), а пьяным чёрт качает* – Сн. 1848, 377; Д 2, 99; Д 4, 241, 597; Мих. 2, 282; Тан. 1986, 139; *Смелым Бог владеет, а пьяным чёрт шатает* – Петр. галер. нач. XVIII в., 35; СР 2, 231; СПП 2001, 125; Тан. 1986, 139 [7, с. 69].

Несколько сложнее обстоит дело с пословицей *Все люди как люди, а мы как мыслете*, извлеченной Гаспаровым, видимо, из словаря В. И. Даля. В БСРП мы находим и другие ее варианты: *Все люди как люди, а мы – как безлюдья* – Богд. 1741, 72; *Все люди как люди, а вы – как телятники*. Яросл. – ЯОС 5, 13; *Все люди как люди, один чёрт в колтаке* – Д 2, 143; Д 4, 597; Мих. 1, 135; *Все люди как люди, а мой муж как поршень* – ДП 1, 117; *Все люди как люди, а ты как х.. на блюде*. Неценз. – Тан. 1986, 32; *Все люди как люди, а ты как шиши на блюде*. Эвфем. – Тан. 1986, 32 [7, с. 505]. С одной стороны, начальная часть пословицы представляет собой устойчивый структурный и семантический стержень, на который нанизываются разные контексты, что может свидетельствовать о развертывании поговорки. С другой, первая фиксация этого выражения в сборнике А. И. Богданова первой половины XVIII в. подтверждает исконность расширенного состава. В пословице представлена оппозиция: обычный человек – необычный (отличающийся от других) человек (*Все люди как люди, а мы – как безлюдья*), которая поддерживается и в некоторых последующих контекстах БСРП.

Что дает право историкам фразеологии настаивать на первичности той или иной формы? Это анализ вариантов, сравнение с другими языками, ареал распространения, первая (или наиболее ранняя) фиксация – т. е. использование принципов этимологического анализа, разработанных Н. И. Толстым. Однако всегда ли необходим подобный анализ? Ведь во вторичности последних 2-х вариантов выражения (*Все люди как люди, а ты как х... (шиши, хрен) на блюде*), думаю, никто не усомнится. Что дает нам такую уверенность? Почему мы сразу чувствуем языковую игру? И дело здесь не только во времени фиксации. В этих выражениях, построенных как развернутые сравнения, нет оснований для сопоставления, уподобления. Сравни оппозиции в других вариантах: *люди – безлюдья; люди –*

тенятники «ненужный, бестолковый человек»; *люди* – *мыслете* «люди, имеющие отклонения от нормы поведения, не от мира сего». Кстати, возможно и по-другому, с позиций языковой игры, интерпретировать вариант *Все люди как люди, а мы как мыслете*. Пословица может строиться на игре значениями слов-омонимов: *мыслете* – люди, имеющие отклонения от нормы поведения, не от мира сего (11, с. 61) и *мыслете* – название буквы *м* церковно-славянского алфавита: *Все люди как люди, а мы как м...*, где *м* может подвергнуться дальнейшему разворачиванию в слово *муде* (дв.) «мужские половые железы, яички». Тогда полную форму этой пословицы можно было бы представить в виде: *Все люди как люди, а мы как муде*. В пользу этой версии говорит и то, что: 1) *людие* (ср. *люди*) – это тоже название буквы церковно-славянского алфавита (*л*), а, следовательно, может рассматриваться как дополнительный компонент языковой игры; 2) значение ‘люди, имеющие отклонения от нормы поведения’ диалектное, фиксируется лишь в Словаре русских народных говоров, а В. И. Даль этот компонент пословицы воспринимал как старинное название буквы *м* [4, с. 365]. Именно это значение отражено в его словаре и в другой ФЕ с этим компонентом *писать мыслете*.

Если принять это допущение, то тогда пословица В. И. Даля окажется прародительницей современных нецензурных и просторечных вариантов рассматриваемой пословицы (*Все люди как люди, мы как хрен на блюде (как шиш на блюде, как х.. на блюде)*).

Грубая ирония, присущая этим пословицам, создается за счет неожиданности образа сравнительной части и, возможно, в большей степени за счет рифмы. Обратите внимание, что это единственные рифмованные варианты в рассматриваемом ряду. Вопреки распространенному мнению, что рифма – прерогатива исконных пословиц, мы позволим себе утверждать, что именно рифма (облегченная, упрощенная) в ряде случаев может служить (а не служит – sic!) сигналом искусственно созданных пословиц, в нашем случае – поговорок, развернутых в пословицы. Посмотрите, например, на так называемые «псевдопословицы» – искусственно созданные пословицы для прославления достижений советского строя: *Спасенья не чай, когда рубит Чапай; В колхоз пойдешь – богато заживешь; Советская молодежь – веселее не найдешь*. Большинство подобных пословиц – рифмованные, причем, рифмы в них весьма незатейливые.

Возвращаясь к списку рассматриваемых пословиц, обратим внимание на их семантику: добавленная часть этих поговорок, как правило, приводит к их частичной демегафоризации, к актуализации прямого значения компонентов этих словосочетаний, за счет чего создается ирония, игра прямым и переносным значением, например: *два сапога пара, оба левые; собачья жизнь: брехать нужно, а есть нечего*. В некоторых из этих единицах ирония, насмешка в добавленной части разрушает фразеологическое значение, меняя его на противоположное: *собаку съели, хвостом подавились; ума палата, да ключ потерян*.

Таким образом, если словари фиксируют сокращенный вариант пословицы (ФЕ), а расширение придает иронический (саркастический) оттенок или же меняет значение единицы, то это уже знак того, что произошла экспликация ФЕ, а не

забвение исконной формы пословицы. Другими словами, именно наличие языковой игры может служить знаком, сигналом «искусственного» расширения единицы для этимологов.

Показательно, что именно на этом (особенно на добавлении не отдельных слов, а предикативной части) и построена языковая игра в современных антипословицах, которые существуют вне контекста в качестве шутливых высказываний, мини-анекдотов и могут претендовать на статус узуальных: *Тише едешь – дальше будешь (от того места, куда едешь); С милым рай и в шалаше, если милый атташе; Каждой твари – по паре (как говорил некий преподаватель на экзамене).*

Интересно, что экспликация гораздо шире представлена в современных трансформациях пословиц такого типа, видимо, потому что создает больше возможностей для создания игры смыслов, нежели импликация. В качестве языковой шутки импликация возможна в случаях неожиданного обрыва пословицы (иногда в середине слова), в результате чего изменяется ее значение: *Плох тот солдат, который не хочет...; Там хорошо, где нас...; Не рой другому яму сам.* В диссертационном исследовании Н. Н. Федоровой «Современные трансформации русских пословиц» приведено только 11 единиц, трансформированных методом импликации, и только 6 из них содержат элементы языковой игры [12, с. 180], в то время как эксплицированные единицы представлены 54-мя пословицами [12, с. 177–179].

Возвращаясь к основной теме доклада, хотелось бы еще раз предупредить фразеологов, занимающихся этимологическими разысканиями, о неправомерности переоценки роли имплицирования при образовании ФЕ. Многие пословицы, закрепившиеся в языке и зафиксированные в сборниках XVIII – XIX вв., являются эксплицированными вариантами поговорок. И одним из сигналов (не доказательством!) позднейшего развертывания единицы может служить, как представляется, факт наличия в их структуре и семантике элементов языковой игры, что, впрочем, не исключает необходимости этимологического анализа.

Список литературы

1. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Москва : Изд-во «Астрель», «АСТ», «Люкс», 2005. – 926 с.
2. Войнова Л. А. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров / Под ред. А. И. Молоткова – [4-е изд., стереотип.] – Москва : Изд-во «Русский язык», 1986. – 543 с.
3. Гаспаров М. Л. Записи и выписки / М. Л. Гаспаров. – Москва: Изд-во «Новое литературное обозрение», 2000. – 416 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Т. 2. – Москва : Изд-во «Русский язык», 1979. – 779 с.
5. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. – Москва: Изд-во «Просвещение», 1977. – С.125–162.
6. Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет / Д. С. Лихачев. – Ленинград: Изд-во «Советский писатель», 1989. – 608 с.
7. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц. / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : Изд-во «ЗАО ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

8. Мокиенко В. М. Перспективы историко-этимологического описания русской фразеологии / В. М. Мокиенко // *Rossica Olomucensia XLII za rok 2003 – Olomouc, 2004.* – С. 571–582.
9. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Изд-во «Высшая школа», 1980. – 207 с.
10. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности / А. А. Потебня // Эстетика и поэтика. – М. : Изд-во «Искусство», 1976. – С. 464–560.
11. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Вып. 19. – Ленинград: Изд-во «Наука», 1983. – 359 с.
12. Федорова Н. Н. Современные трансформации русских пословиц: дис. ... канд. филол. наук. / Н. Н. Федорова. – Псков : Псковский государственный педагогический университет, 2006. – 234 с.

Ніколаєва Олена. Експлікування та імплікування прислів'їв як засіб мовної гри / Олена Ніколаєва // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 315–320.

Стаття присвячена питанню розширення й звуження компонентного складу прислів'їв як проблеми діахронічного аналізу фразеології і як засобу створення мовної гри.

Ключові слова: експліцитність, імпліцитність, прислів'я, фразеологізм, історико-етимологічний аналіз.

Nikolaeva Elena. Explicit and Implicit Use of Proverbs as a Type of Wordplay / Elena Nikolaeva // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 315–320.

Expansion and shortening of proverbs are discussed in this paper both as diachronic phenomena and as a strategy of wordplay.

Key words: implicit use, explicit use, proverb, phraseological expression, historical and etymological analysis.

Стаття надійшла до редакції 22 березня 2012 року

УДК 811.161.1'33:801.81

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ

Палий Елена

Старооскольский филиал Национального исследовательского университета

«Белгородский государственный университет»

Старый Оскол, Россия

Языковая игра применительно к паремическому дискурсу рассматривается не только как стилистическая фигура, но и как средство выражения дополнительных смыслов, напрямую не связанных с исходной мотивирующей базой высказывания.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая игра, паронимазия, анаграмма, паремии, псевдопословицы, антипословицы.

Лингвокультурологический подход к изучению пословиц и поговорок позволяет рассматривать их и как языковой знак, и в качестве культурно значимого текста. Как и любой текст, паремии обладают рядом художественных особенностей: это и ритмическая организация, и использование тропов (в том числе приёма языковой игры), что способствует реализации паремиями орнаментальной функции и успешному их функционированию в современной речи.

Конец XX – начало XXI вв. отмечены значительным вниманием к языковой игре и ее роли в языке и речи (Т. А. Гридина, Е. А. Земская, В. З. Санников, Б. Ю. Норман). Основными источниками для изучения этого языкового явления являются художественные тексты, фольклор, рекламные и медиатексты, разговорная речь. Вопросу использования приёма языковой игры в пословицах и поговорках, в частности пословичным трансформантам, немало внимания уделяют В. М. Мокиенко, Х. Вальтер, Т. Г. Никитина, П. Ю. Ковалишин и др.

Анализ русских пословиц религиозного содержания на предмет наличия в них языковой игры представляет особый интерес, поскольку данные паремии аккумулируют наследие предыдущих веков, отражают исторически сложившийся взгляд на основы христианской религии, ее взаимосвязь с мифологией и язычеством, исторические реалии. Так, рассматривая языковую игру на материале пословиц и поговорок религиозной тематики в диахроническом плане, мы приходим к выводу, что языковая игра на лексическом и фонетическом уровнях выполняет разные функции. Например, языковая игра в паремиях на фонетическом уровне выполняет аттрактивную, экспрессивную функции. Если мы заглянем в словарь В. И. Даля, то уже здесь найдём множество примеров использования языковой игры в паремиях как средства выразительности, эстетического оформления:

Бог даст и в окошко подаст (1),

Жить – Богу служить (2)
Богу-то с перст, а черту-то с пест (о свече) (3),
Береженого Бог бережёт (4),
Келья – гроб, и дверью – хлоп! (5),
Бог поберег вдоль и поперек (6),
Бог не убог, а Никола милостив (7),
Батожье – дерево божье, терпеть можно(8),
Взял боженьку за ноженьку да об пол (9),
Что Бог ни даст: либо выручит, либо выучит (10)
[3: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/].

В приведённых примерах мы наблюдаем некоторые разновидности языковой игры на фонетическом уровне: анаграмматические (построенные на принципе повторения звуков заданного слова в другом или других словах, отражённости одного слова в других: 7, 8), паронимазийные (намеренное сближение слов, имеющих звуковое сходство: 3, 5, 6, 9, 10) и смешанные (1, 2, 4).

Таким образом, для пословиц важны такие элементы языковой игра, как звуковые повторы-рифмы, задающие особый ритм воспроизведения. При этом преднамеренно рифмуются в тексте паремии не только окончания 'строка', частей пословицы или поговорки, но и наиболее важные, ключевые слова высказывания – слова, на которые следует обратить внимание, которые нужно запомнить. То есть всё то, что Д. С. Лихачёв говорил о роли рифмы в пословицах и поговорках, можно смело отнести и к языковой игре: иными словами, она способствует актуализации значения сопоставляемых слов-компонентов пословицы, создавая нужный эффект (чаще комический), делает «схожим несхожее» [5, с. 349].

Языковая же игра на лексическом и лексико-фонетическом уровне в паремиях – одно из средств репрезентации необходимого содержания, что можно проиллюстрировать на примере паремий советского периода, носящих выраженный лозунговый характер, и некоторых современных паремических аллюзий:

Всякие боги – убоги [1, с. 15] (1),
Бог богатых любит [1, с. 23] (2),
Бог трешницу любит [1, с. 21] (3),
И первая брачная ночь может оказаться Варфоломеевской [2, с. 43] (4).

Таким образом, мы наблюдаем либо подмену исконного содержания новым, лозунговым с расчётом на лучшую «усваиваемость» (1, 2, 3), либо апелляцию к уже известному образу, опыту с целью привлечения внимания, своеобразного эпатажа (современные антипословицы, журналистские / авторские новообразования) (4).

Интересно, что в пределах тематической группы пословиц, прошедших ряд «идеологических» трансформаций и интерпретаций, наблюдаются существенные содержательные и семантико-стилистические изменения, привнесённые, в том числе, и с использованием приёма языковой игры. В качестве примера рассмотрим пословицу, зафиксированную в словаре В. И. Даля: *Кабы (Аще бы) не Бог, кто бы нам помог*. В советскую эпоху большее распространение получила зафиксированная в том же сборнике пословица *Бог-то Бог, да и сам не будь плох*, а сегодня уже есть

и такой вариант: *(Бог в помощь! –) Бог-то Бог, сам бы помог* [3, с. 42]. Так же у Даля зафиксированы следующие пословицы:

С Богом пойдешь – до блага дойдешь,

С Богом пойдешь – к добру путь найдешь,

С Богом пойдешь – добрый путь найдешь, а в словаре А. М. Жигулёва, изданном в советское время, уже встречаем: *С наукой пойдешь – счастье найдешь* [4, с. 14] – наблюдаем не только мену компонентов: *Бог - Наука*, но и замену компонентов *благо* и *добрый путь* на стилистически и «идеологически» нейтральное *счастье*.

Современные антипословицы, в отличие от псевдопословиц советского периода уже не преследуют идеологической цели, а используют приём языковой игры с целью создания комического эффекта в русле общей тенденции развития современной смеховой культуры:

Кто первым встал, тому и тапочки (того и тапки),

Кто рано встает, тому Бог поддает (ср. Кто рано встает, тому Бог подает),

И первая брачная ночь может оказаться Варфоломеевской,

Бог создал сон и тишину, а черт – подъем и старшину [3, с. 43],

Грех предаваться унынию, когда есть другие грехи [3, с. 112],

Чтобы сохранить ангельский характер, нужно дьявольское терпение [3, с. 29].

Таким образом, языковая игра в паремиях - это не только средство выразительности и экспрессивности, но и довольно мощное орудие в формировании необходимого для тех или иных целей содержания. Однако следует заметить, что любые попытки искусственного создания паремий по заданным параметрам, как правило, редко заканчиваются «языковой удачей». Достаточно ознакомиться с содержанием атеистических сборников пословиц и поговорок, чтобы отметить: их убеждающая сила заметно уступает безусловной авторитетности фольклорных единиц. В силу того, что паремии отражают многогранный взгляд народа на явления и жизненные реалии, чутко реагируют на изменения, происходящие в обществе, исторические факты, часть псевдо- и антипословиц со временем находит отклик у русского народа и, видимо, частично сможет перейти в паремиологический фонд русского языка, остальные же останутся отдельной страницей в истории развития современного русского литературного языка.

Список литературы

1. Без Бога шире дорога. Атеистические пословицы и поговорки. / Сост. А. М. Жигулев.– М.: Гослитиздат, 1963
2. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко – СПб: Издательский дом «Нева», 2005. – 576 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/
4. Захарова М. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка / М. Захарова [Электронный ресурс] // Знамя. – 2006. – № 5. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/5/za12.html>

5. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение / Д. С. Лихачев. – СПб : Изд-во «Алтейя», 1997– 511 с.

Палій Олена. Мовна гра в прислів'ях і приказках релігійної тематики / Олена Палій // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 321–324.

Мовна гра в паремійному дискурсі розглядається не тільки як стилістична фігура, але і як засіб вираження додаткових смислів, безпосередньо непов'язаних із вихідною мотивувальною базою висловлювання.

Ключові слова: лінгвокультурологія, мовна гра, паронимазія, анаграма, паремія, псевдоприслів'я, антиприслів'я.

Paliy Elena. Language Game in Proverbs and Sayings about Religion // Elena Paliy // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 321–324.

Language game in relation to paremiches discourse is regarded not only as a stylistic figure, but also as a means of expression of additional meanings that are not directly related to the original base of motivating speech.

Key words: linguistics, language play, paronomasia, an anagram, Old Testament, psevdoproverbs, antiproverbs.

Стаття надійшла до редакції 24 березня 2012 року

УДК 811.161.1'374.3

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА С ГОГОЛЕВСКИМ КРЫЛАТЫМ СЛОВОМ В ЗАГЛАВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Петренко Ольга

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,

Киев, Украина

В статье рассматривается феномен языковой игры на материале крылатых выражений Н. В. Гоголя. Проводится исследование способов использования игровых трансформаций, которые функционируют в заглавиях современных публицистических текстов.

Ключевые слова: крылатые слова, эпитонимы, языковая игра, трансформация.

Актуальность данной темы обусловлена традиционным интересом лингвистов к сфере языковой игры в целом и к феномену языковой игры на основе фразеологических ресурсов языка в частности. Особенно актуальным в связи с этим представляется анализ крылатых слов и выражений (или эпитонимов в терминологии Л. П. Дядечко) как особой части фразеологии с точки зрения их возможности становиться элементом игры с языком, образуя новые, оригинальные и даже окказиональные смыслы. Одним из наиболее часто цитируемых авторов является Н. В. Гоголь, меткость языка которого получила всеобщее признание, что нашло свое отражение в широком функционировании гоголевских крылатых слов и выражений в устной и письменной речи. Так, наиболее активно эти крылатые единицы используются в текстах средств массовой информации, в частности в заглавиях публикаций, характеризуясь большим потенциалом влияния на читателя.

Чаще всего эпитонимы функционируют в заглавиях в трансформированном виде, что ставит перед исследователями *проблему* изучения способов и результатов такой трансформации, которая является частью языковой игры. Постановка этой проблемы в рамках данной работы предполагает решение следующих *задач*:

- рассмотрение культурно-философского и лингвистического содержания языковой игры;
- изучение феномена языковой игры в современной публицистике;
- исследование особенностей публицистических заголовков, включающих крылатые выражения;
- анализ приемов языковой игры, встречающихся в заглавиях СМИ, которые построены с использованием гоголевских крылатых единиц.

Языковая игра является традиционно актуальным вопросом, который интересует не только лингвистов, но и философов, что обусловлено, по-видимому, утверждением ценностей эпохи постмодерна. В частности, Ж. Ф. Лиотар отмечает, что говорить – значит играть, получая удовольствие от придумывания новых приемов, слов и выражений [цит. по: 10, с. 177]. В сфере философии игре

придавался также статус особой формы познания, формы существования человеческой свободы [4, с. 252]. Сам термин «языковая игра» восходит к лингвофилософской концепции Л. Витгенштейна, который связывал любые языковые значения с контекстным употреблением слов в процессе той или иной деятельности.

В отечественном языкознании термин «языковая игра» вошел в научный обиход благодаря работе Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой [1983], в которой под языковой игрой подразумеваются «те явления, когда говорящий “играет” с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» [6, с. 172]. Похожее определение данного феномена дает В. З. Санников, называя языковой игрой «всякое намеренно необычное использование языка (например, для создания художественного эффекта)» [9, с. 3]. Таким образом, в лингвистике содержание языковой игры соотносят с ее структурно-стилистической функцией.

Исследователи отмечают, что «игровые формы генетически свойственны художественно-публицистическим жанрам, функционально направленным на интерпретацию действительности, на “встраивание” событийно-фактологической информации в определенные ценностно-идеологические рамки» [8, с. 76]. В текстах СМИ, в том числе текстах интернет-изданий, языковая игра обнаруживает весь спектр своих стилистических возможностей, применение которых преследует не только эстетические цели «украшения» текста, но и прагматические цели влияния на реципиента. Автор и читатель используют двойной языковой код, переходя с эксплицитного способа выражения и восприятия смысла на имплицитный и наоборот. В процессе языковой игры автор чаще всего апеллирует к презумптивным знаниям читателя, что имплицитно «подталкивает» его к заключению выводов, которые «тянет» за собой обращение к фонду общих знаний. В публицистике одним из наиболее продуктивных приемов языковой игры, построенном на обращении к фоновым знаниям, называют использование крылатых слов.

Чаще всего крылатые слова и выражения встречаются в заглавиях текстов СМИ. Сильная позиция заглавия как компрессированной формы речи обуславливает повышенное внимание читателя к нему, а также большой потенциал влияния за счет особенностей его восприятия. Так, О. Е. Белинская выделяет два уровня восприятия читателем заглавия: предтекстовый (до чтения самого текста) и послетекстовый (после ознакомления с текстом) [1, с. 135–136]. Расширенную версию этапов восприятия заголовка предлагает Т. В. Желтоногова, выделяя прецикл (заглавие выполняет функцию маркировки текста), основной цикл (функция соотнесения текста и заглавия) и постцикл (расширяется смысл заголовочной единицы) [5, с. 5]. Для публицистических заглавий характерна «предтекстовая амбивалентность», т. е. в заголовочный комплекс не всегда вынесены концептуально значимые слова, передающие часть фактической информации и являющиеся ключом для адекватного восприятия текста [1, с. 137]. «Предтекстовая амбивалентность» может быть соотнесена с интригующей функцией, которую выделяет М. В. Гусар [2, с. 10] и которая особенно важна для заглавий, использующих в своей структуре эпитонимы. Такие заглавия в

классификации А. А. Лютой относятся к заголовкам-символам культуры, которые составляют арсенал фоновых знаний представителей того или иного национально-культурного сообщества. Отсылка к прецедентным феноменам, к которым относят и крылатые единицы, вписывает заглавие публицистического текста в культурный контекст, формируя у реципиента оценочно-эмоциональное поле смыслов. Характерной особенностью таких заглавий является то, что интертекстуальная информация подчиняется экспрессивной функции заголовка [7, с. 5].

В заглавиях современных массмедиа особенно активно используются крылатые слова и выражения Н. В. Гоголя, что обусловлено «читаемостью и почитаемостью» автора в среде носителей русского и украинского языков. Это подтверждается тем, что гоголевские сочинения лидируют по количеству возникших на их базе крылатых единиц в русском языке среди произведений классиков-прозаиков (конкуренцию текстам Н. В. Гоголю в этом плане может составить только творческое наследие И. Ильфа и Е. Петрова), а в украинском – среди текстов иноязычных авторов (согласно подсчетам, проведенным по словарю А. П. Коваль и В. В. Копилова, в украинском языке Н. В. Гоголю принадлежит 21, А. С. Пушкину – 20, М. Горькому – 16, В. Шекспиру – 11 крылатых оборотов) [3, с. 5].

Популярность гоголевских крылатых выражений для цитирования в публицистике находит свое подтверждение не только в широком функционировании в заглавиях СМИ, но и в разнообразии трансформаций эпонимов, восходящих к гоголевским текстам. Это свидетельствует не просто об осведомленности носителей языка с наследием Гоголя, но и о бесспорном закреплении гоголевских крылатых единиц в современном лексико-фразеологическом фонде. Материалом для анализа послужили крылатые слова и выражения Н. В. Гоголя, приведенные в переводном русско-украинском и украинско-русском словаре «250 крылатых слов и выражений Н. В. Гоголя», который является изданием, содержащим на данный момент наиболее полный список гоголевских крылатых единиц.

Языковая игра с гоголевскими эпонимами представлена следующими видами трансформаций:

1. Семантические трансформации. Крылатое выражение не подвергается каким-либо структурным изменениям, но его общеязыковое значение оказывается трансформированным. Например:

***Капитан Копейкин** • Хобби бывают разные. Иногда просто удивительные. Например, новосибирский военный пенсионер Юрий Бабин собрал 5 млн копеечных монет, которые весят примерно 7,5 тонны, и собирается изготовить из них памятник самой мелкой денежной единице (А. Белкина, «Финансовые Известия», 30.07.2008).*

Согласно исходному значению, *капитаном Копейкиным* называют алчного, эгоистичного человека, стремящегося жить за счет других [3, с. 222]. Заглавие во внутренней форме слова «*копейка*» обыгрывает описанное в статье хобби – собирание копеечных монет.

***Зачем же стулья ломать?** • «Спартак» нанес поражение «Динамо». Фанаты – уцерб стадиону («Время новостей», 07.09.2000).*

Исходное значение данного крылатого выражения следующее: это проблема, ситуация, не соответствующая чьей-либо бурной эмоциональной реакции [3, с. 39]. В приведенном примере семантика заглавия не переносная, она буквализирует возникшую ситуацию, когда, по-видимому, фанаты действительно ломали стулья.

Ах, какой Пассаж! • Владелец Смоленского «Пассажа» противостоит аферистам (В. Антонов // Версия, 17.12.2004).

Исходное значение: о совершенной кем-либо оплошности; о чем-либо, вызвавшем неожиданное удивление, недоумение [3, с. 53]. В данном случае значение крылатого выражения изменяется вследствие игры с разными значениями слова *пассаж*, которое в приведенном примере обозначает конкретное здание и выражает не удивление, а восхищение.

Одна из распространенных разновидностей семантического преобразования гоголевских оборотов – **изменение модуса высказывания**.

Есть еще порох в пороховницах! • Россияне, наблюдая последнее время за поселившимся Владимиром Жириновским, начали думать, что его экспрессивный способ вести полемику остался в прошлом. Ан нет! Лидер ЛДПР доказал, что есть еще порох в пороховницах («Известия»: Мультимедиа, 21.02.2008).

К нам едет ревизор? • Владимир Литвин, глава Администрации Президента Украины, лидер блока «За единую Украину!»: Все визиты представителей Запада в последние полгода <...> вызвали волну спекуляций о том, что они прибыли в Киев, чтобы поставить Украине «двойку» или на что-то «сурово указать». Сейчас особое «внимание» в этом плане вызывают визиты Мадлен Олбрайт и Хавьера Соланы. То, что они приезжают, свидетельствует как раз совсем о противоположном, о значительном интересе и внимании, которые Евросоюз и США проявляют к углублению сотрудничества с Украиной. («День», 19.02.2002).

Изменение модуса высказывания с утвердительного на вопросительный подчеркивает ироничность.

2. **Структурно-семантические трансформации.** Форма эпитима представлена в заголовке в трансформированном виде, при этом следует обратить внимание на то, что обычное «встраивание» в актуальный контекст гоголевской фразы не является приемом языковой игры, всегда строящейся на глубокой перестройке изначального оборота, вызывающей ошибку.

Такая трансформация обычно связана с преобразованием компонентного состава, предполагающим замену и/или добавление какого-либо слова или слов, которые непосредственно связаны с ситуацией, отображенной в актуальном сообщении. Например:

Как поссорились Голливуд с Болливудом • Представители Американской Киноакадемии потребовали от Индии еще раз подтвердить своего номинанта на «Оскар» в категории «Лучший фильм на иностранном языке». Причиной тому стали сомнения в том, насколько честно был выбран претендент (Kinoport.net/news, 18.10.2007 – от Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем);

А подайте-ка сюда цензора • («Украина и мир сегодня», 2000, № 50, с. 19 – от А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!);

Якщо не цуценятами – то конвертамі • (В. Точкін // Upravno.org, 15.12.2003 – от брата хабарі цуценятами-хортами).

3. **Комбинированные трансформации.** При структурно-семантическом преобразовании возможны и такие комбинированные трансформации, которые предполагают не простую замену и / или добавление компонента (компонентов), но и глубинное переосмысление значения оборота в целом. Например:

«Балтика LITE»: и легкость в креативе необыкновенная • Рекламное агентство JWT Russia разработало лончевую кампанию «Легкость во всем!» бренда «Балтика LITE» (Adworker.ru/news, 16.07.2008).

Исходное значение: о чьей-либо легковесности, беспечности, беззаботности или поверхностности в суждениях [3, с. 249]. В заглавии статьи изменяется компонентный состав эпонима (*Легкость в мыслях необыкновенная*), а также кардинально переосмысливается его значение: благодаря полисемичности слова *легкость* появляется сема 'простота', то есть имеется в виду простота и легкость решения какой-либо творческой задачи.

Холода на хуторе близ Диканьки • *Последний день перед Рождеством прошёл. Зимняя ясная ночь поступила. Глянули звезды. И вот в эту ясную тихую украинскую ночь кто-то украл газ. Ляхи заволновались и решили послать гонца к достопочтенной куме Солохе ТEMAШЕНКО, которая обещала им этот газ аккурат под Рождество* (Анализы сдавал пасечник Рудый Панько // Новое дело, 15.01.2009).

Исходное значение: о том, что исполнено поэтического очарования, простоты и спокойствия (обычно о жизни в деревенской глубинке) [3, с. 84]. Прототипом для этой трансформации стал эпоним *Вечера на хуторе близ Диканьки*. В производном выражении происходит компонентная трансформация и модификация смысла: речь идет не о спокойствии и очаровании какого-либо места, но о конкретной общественно-политической ситуации в Украине, не предполагающей спокойного к ней отношения.

Бычок в хозяйстве пригодится! • *И действительно, на полках рядом с потешными зайцами и прочим зверьем стоят бычки всевозможных размеров и даже назначений: бычок-подушка, бычок-креслице – малышам на забаву!* (И. Самарина // АиФ: Белгород, 31.12.2008).

Исходное значение: совет приобрести какую-либо вещь или оправдание ее приобретения [3, с. 107]. В данном примере компонентная трансформация (*В хозяйстве пригодится*) дополняется семантической: приведенное выражение является констатацией наличия определенного предмета, находящегося в конкретном магазине, что подчеркивается восклицательной интонацией.

Таким образом, игровые трансформации крылатых выражений в значительной степени характерны для современной публицистики, о чем свидетельствует приведенный анализ. Чаще всего в заглавиях можно наблюдать комбинированные изменения, что обусловлено, по-видимому, большим потенциалом введения нужной автору имплицитной информации. Перспективой для исследований в данном направлении может стать разработка расширенной модели трансформаций

крылатых выражений, применимой для анализа изменений эпитонимов, восходящих к произведениям других авторов.

Список литературы

1. Белинская О. Е. Текстоброющая роль заголовка в формировании коммуникативной перспективы художественного текста / О. Е. Белинская // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського. Серія : Філологія. – 1999. – № 1. – С. 135–138.
2. Гусар М. В. Лінгвокогнітивний і комунікативно-прагматичний аспекти приватних газетних оголошень (на матеріалі сучасної британської періодики): автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / М. В. Гусар. – К., 2004. – 20 с.
3. Дядечко Л. П. 250 крылатых слов и выражений Н. В. Гоголя: русско-украинский толковый словарь. 250 крылатых слов и выражений Н. В. Гоголя : украинско-русский толковый словарь / Л. П. Дядечко, О. В. Петренко, Ю. Ф. Прадид. – Симферополь : ФЛП Лемешко К. А., 2012. – 584, 236 с. – Книга-«перевертыш».
4. Жбанков М. Р. Игра // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск, Изд. В. М. Скакун, 1998. – С. 252.
5. Желтоногова Т. В. Заголовок як компонент структури українського поетичного тексту: автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Т. В. Желтоногова. – Кіровоград, 2004. – 20 с.
6. Земская Е. А. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова / Отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1983. – С. 172–214.
7. Лютая А. А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: автореф. дисс. ... канд. філол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / А. А. Лютая. – Волгоград, 2008. – 20 с.
8. Негрышев А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ: Учебное пособие / А. А. Негрышев. – Владимир : ВГГУ, 2009. – 144 с.
9. Санников В. З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры / В. З. Санников // ВЯ. – 2005. – №4. – С. 3–20.
10. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – СПб., 2002. – 383 с.

Петренко Ольга. Мовна гра з гоголівським крилатим словом у заголовках сучасної публіцистики / Ольга Петренко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 325–330.

У статті розглянуто феномен мовної гри на матеріалі крилатих висловів М. В. Гоголя. Проведено дослідження шляхів використання ігрових трансформацій, які функціонують у заголовках сучасних публіцистичних текстів.

Ключові слова: крилаті слова, епитоніми, мовна гра, трансформація.

Petrenko Olga. Language game with Gogol's winged words in the headlines of contemporary publicism / Olga Petrenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 325–330.

The article analyses the phenomenon of language game on the material of Gogol's winged words. The ways of game transformations usage are investigated from the point of view of their functioning in the headlines of contemporary publicism writing.

Key words: winged words, eponyms, language game, transformation.

Стаття надійшла до редакції 29 травня 2012 року

УДК 811.161.1'81'

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РУССКОЙ ЭПТОГРАФИИ

Салахатдинова Эльмира

Национальный авиационный университет,

Киев, Украина

В статье рассматриваются приемы языковой игры, используемые в рекламных оборотах, закрепленных в русском языке в качестве крылатых выражений – эпонимов, что подтверждает включение их, а также их производных в эптографический словарь.

Ключевые слова: крылатые выражения, рекламные фразы, языковая игра, эптография.

Языковая игра многократно выступала предметом исследования лингвистов. Однако она еще не исследована в плане ее отражения в лексикографических изданиях. Более того в «серьезных» академических словарях она практически не представлена. В эптографических изданиях, то есть в словарях крылатых слов и выражений, авторы нередко обращают внимание на всевозможные переделки. Среди таких изданий заметно выделяется фразообразовательный словарь Л. П. Дядечко «Вокруг да около рекламы» (2007), послуживший *материалом исследования*.

Целью статьи является выявление основных приемов создания языковой игры в оборотах рекламного происхождения, закрепленных в современной русской речевой практике. Реализация данной цели предполагает решение таких *задач*: 1) выяснить, с помощью каких выразительных средств языка достигается эффект воздействия на адресата рекламных фраз-эпонимов; 2) показать продуктивные способы приема языковой игры в процессе трансформации рекламных слоганов, отраженных в указанном словаре.

С конца прошлого столетия благодаря средствам массовой информации самым продуктивным поставщиком крылатых выражений выступают рекламные тексты.

Особое место среди словарей крылатых слов и выражений занимает словарь Л. П. Дядечко «Вокруг да около рекламы» (2007), который, как отмечает Т. В. Радзиевская, «заслуживает пристального внимания как лексикографический труд, как текст и как культурное событие», потому что в нем совмещаются «коммуникативно-прагматические черты словаря, научного исследования <...> и эссеистического сочинения, заставляющего размышлять о современном состоянии языка» [4].

Цель словаря – описать популярные цитаты, получившие статус крылатых выражений и вошедшие в повседневную речь, а также показать этапы их эпонимизации. Поэтому первый в лексикографии фразообразовательный словарь, по сути, является и толковым словарем (содержит семантизацию и значительный иллюстративный материал), и справочно-энциклопедическим изданием (содержит историко-этимологическую и культурологическую информацию).

Источниками описываемых языковых единиц явились рекламные тексты в основном конца XX – начала XXI вв.: *Баунти – райское наслаждение!*; *Лучшие друзья девушки – это бриллианты*; *Ваша киска купила бы «Вискас»*; *Имидж – ничто, жажда – все!*; *Полон орехов – съел и порядок* [1, с. 35; 83; 159; 232; 346] и др. Распространенные рекламные фразы обычно занимают, как пишет автор словаря, «среднее положение между популярной цитатой и крылатым выражением» [1, с. 13]. Поэтому для автора было важно правильно отобразить динамику процесса эпитонимизации и фразеологизации. Выбранный Л. П. Дядечко динамический принцип описания включенных в словарь единиц повлиял на композицию словарной статьи, где «начертан маршрут движения рекламной цитаты к фразеологической единице – через цитату-реминисценцию и крылатое выражение» [3, с. 781] и размещена информация о производных выражениях, которые возникли в результате смены авторства.

Разнообразие подобранного к каждой словарной статье иллюстративного материала (отрывки из художественной литературы, прессы, из современного городского фольклора, интернет-форумов и дневников), его полнота позволяет читателю увидеть путь рекламной цитаты к фразеологизму или высказыванию пословичного типа, составить точное представление о характере и сфере ее употребления, убедиться в востребованности описываемой единицы обществом.

Основные единицы словаря – словосочетание, предложение, диалогическое единство – представлены в словаре со своими производными или вариантами. Например, рекламная фраза, распространенная в начале XX века, *«Одеколон не роскошь, а гигиена»* создала большое количество производных единиц: *Согласно теории сохранения личности, одеколон не роскошь, а предмет ширпотреба и культурной жизни*; *Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения*; *Автомобиль – средство передвижения, а бензин – роскошь!*; *Автомобиль – не роскошь, роскошь – его содержание!*; *Деньги – не роскошь, а средство проживания*; *Длинные ноги – не роскошь, а средство передвижения*; *Наглость не порок, а средство продвижения* [1, с. 319–337].

Реклама как один из видов информации является способом, с помощью которого можно донести до потребителя сведения о товаре или услуге. Факторами, влияющими на проникновение рекламных цитат в повседневную речь и закрепление их ассоциативной связи с источником, выступают, с одной стороны, сверхвысокая частота воспроизведения в эфире рекламных текстов, с другой – словесная игра, влияющая на сознание и эмоциональную сферу потребителя и тем самым способствующая увеличению интереса к товару или услуге. Составители рекламных текстов, прекрасно понимая значение эффективного речевого образа в формировании имиджа товара или услуги, которые предлагаются, нередко обращаются к языковой игре.

В основе языковой игры лежит стремление говорящего достичь определенного эффекта воздействия на адресата путем осознанного нарушения или изменения привычных лексической и грамматической форм языковых единиц, их творческого использования. Сам термин «языковая игра» принадлежит Л. Витгенштейну, а понятие языковой игры подразумевает плюрализм смыслов.

Анализируя популярные рекламные цитаты, зафиксированные в словаре Л. П. Дядечко «Вокруг да около рекламы», необходимо отметить, что авторы рекламных текстов прибегают к помощи различных выразительных средств языка.

В основе использования выразительных средств чаще всего лежит эффект обманутого ожидания, когда слушатель сталкивается с необычным явлением. Например, в рекламе фирмы «Сэлдом»: *Не простую, а очень простую* [1, с. 268]. Распространенным приемом является и метафора, напр.: *Твикс – сладкая парочка!* [1, с. 372] – цитата из телерекламы шоколадных батончиков «Twix». Здесь метафора построена на ассоциациях, представляющих объективно присущие предмету признаки. Такая ассоциативная метафора близка по своему характеру к образному сравнению, сопоставляя мир материальных вещей (шоколадный батончик, состоящий из двух частей) с миром людей («сладкой» парочкой). Иногда используется признаковая метафора, выполняющая функцию повышения ранга одушевленности предмета. Примером этому может служить реплика персонажа телерекламы компании «Русская америка»: *Ну о-о-очень смешные цены!* [1, с. 315]. В указанном случае неодушевленный объект (цены) приобретает характеристики другого класса предметов – одушевленного.

Большим авторитетом в языковой игре пользуются неологизмы, образованные по окказиональной модели и появляющиеся в результате, к примеру, составления рекламного слогана шоколадных батончиков «Сникерс»: *Не тормози – сникерсни!* [1, с. 275]. Неологизм *сникерсни* прочно вошел в современный сленг, особенно молодежи.

Языковая игра в телерекламе корма для кошек компании «Whiskas» построена на таком лексическом приеме, как каламбур – игре близкозвучных слов. Слоган *Ваша киска купила бы «Вискас»* [1, с. 159], по сути, является призывом, который скрывает в себе команду «Покупай, если ты желаешь сделать приятное своему питомцу, считаешься с его вкусами!»

Для того чтобы реклама была краткой, понятной, легко запоминающейся, и, следовательно, эффективной, в слоганах используют рифмование. Такими рекламными цитатами, зафиксированными в словаре, являются: *Жилетт – лучшие для мужчины нет!* [1, с. 209] – реклама мужских средств для бритья «Gillette»; *У МММ нет проблем* [1, с. 395] – рекламный слоган ролика акционерного общества «МММ», основанного С. П. Мавроди и представляющего собой финансовую пирамиду.

Нередко в слоганах используется вопросно-ответная форма построения высказывания, напр.: *А что это граф Суворов ничего не ест? – Так ведь пост. До первой звезды нельзя. Ждем-с* [1, с. 22] – диалог героев одного из роликов телерекламной кампании «Всемирная история, банк Империял», сюжет которого построен на одной из легенд о Суворове; *Ты же лопнешь, деточка... – А ты налей и отойди!* [1, с. 381] – диалог отца и маленькой дочери из телерекламы сока «Моя семья».

В рекламных текстах встречается параллелизм синтаксической конструкции, напр.: *Выигрываете вы – выигрывает спорт* [1, с. 190] – «рекламный лозунг популярной в советское время лотереи «Спортлото»».

Огромную роль в развитии феномена парадокса играют рекламные цитаты, особенно их производные выражения, отличающиеся юмористическим характером, создающим стилистический эффект за счет эмоционально-экспрессивной выразительности создаваемой при этом языковой игры. Парадоксальное высказывание как одно из проявлений языковой игры способно «убеждать и впечатлять независимо от глубины и истинности высказывания, поскольку обладает чертами оригинальности, дерзости и остроумия» [2, с. 267]. Парадокс представляет собой грамматически правильную структуру, выстроенную на основе алогической связи двух противоречивых компонентов на уровне одного высказывания и являющуюся разновидностью намеренных авторских аномалий и интенций. Особенно часто языковую игру мы встречаем в переделках, трансформированных оборотах. Часто такие обороты могут быть окказиональными, и тогда мы можем встретить их в примерах словарных статей, а есть и такие, которые закреплены – они практически всегда построены на принципе языковой игры. Такая игра слов и может породить новые, производные выражения, напр.: *Ваша киска купила бы Cisco* – речь идет о сетевых новшествах компании Cisco; *Ваша киска купила виски*; *Ваши (/ наши) киски любят виски* – употребляется обычно шутол. или ирон. [1, с. 164–173].

Фраза *Автомобиль не роскошь, а средство передвижения* часто выступает в трансформированном виде согласно схеме *N – не роскошь, а средство P род. пад.*, а несколько переделок, являющихся, по сути, парадоксальными высказываниями, вошли в русский язык на правах пословиц:

1) *Автомобиль – средство передвижения, а бензин – роскошь!* – “о дороговизне бензина – одной из основных проблем автомобилистов” (шутл.) [1, с. 334];

2) *Автомобиль – не роскошь, роскошь – его содержание!* – “о дороговизне ухода за автомобилем” (шутл.) [1, с. 335];

3) *Деньги – не роскошь, а средство пропивания* – “оправдание расходов на выпивку” (шутл., редко) [1, с. 336];

4) *Длинные ноги – не роскошь, а средство передвижения* – “о высоких и стройных (используется как заголовок интернет-публикаций службы знакомств или надпись к фотоснимкам)” [1, с. 336];

5) *Радио не автомобиль, но тоже роскошь* [1, с. 333] – выражение является парадоксальным, так как в нем прослеживается нарушение причинно-следственных связей – следствие, вывод не вытекают из посылки;

6) *Наглость – не порок, а средство продвижения* (реже – *передвижения*) – “оправдание наглости, позволяющей добиваться жизненных благ” [1, с. 337]. В данном случае переделка Н. Фоменко создает парадоксальность использованием утверждения, обратного житейскому опыту и прямо противоположного ожидаемому. Высказывание пословичного типа, как пишет автор словаря, «представляет собой контаминацию трех единиц: ильфо-петровского крылатого выражения *Автомобиль не роскошь, а средство передвижения* и пословиц *Бедность не порок* и *Наглость (/ нахальство) – второе счастье*» [1, с. 337].

К парадоксальности может приводить «взрывание изнутри» общеизвестных рекламных слоганов, напр.: *Ваша киска купила бы шубу и бриллианты* – “о предпочтениях женщины, девушки” (шутл. или ирон.) [1, с. 175]; *Лучшие друзья*

девушек – мужчины, которые дарят бриллианты – “о женщинах, которые верят в настоящую любовь мужчин, которые к тому могут обеспечить материально” (шутл.) [1, с. 96]; *А что это (у нас) граф Суворов ничего не ест. – Да он и не дышит уже...* – “один из вариантов анекдота; о чем-л. поломавшемся, нефункционирующем; о ком-л. переставшем делать что-л.” [1, с. 34]; *Ты же лопнешь, деточка!.. – А ты налей и ... сам выпей* – “занимайся своим делом, отстань” (разг., грубовато или шутл., ирон.) [1, с. 390].

Итак, очевидно, что отражение языковой игры на материале устойчивых оборотов должно стать непременным условием создания эптографических изданий, шире – фразеологических словарей, так как приобретает в таком случае динамический характер и показывает реальное бытие описываемых единиц в живой речи.

Список литературы

1. Дядечко Л. П. Вокруг да около рекламы: Фразообразовательный словарь / Л. П. Дядечко. – Киев: ООО «Изд. дом. “Аванпост-Прим”», 2007. – 416 с.
2. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.
3. Мокиенко В. М. Дядечко Л. П. Вокруг да около рекламы: Фразообразовательный словарь. – Киев: ООО «Изд. дом. “Аванпост-Прим”», 2007 – 416 с. / В. М. Мокиенко // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011, – №3 (33). – С. 780–783.
4. Радзиевская Т. В. Дядечко Л. П. Вокруг да около рекламы: Фразообразовательный словарь. – Киев: ООО «Изд. дом. “Аванпост-Прим”», 2007. – 416 с. / Т. В. Радзиевская // [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.marqyal.org / content / вестник – №69, 2012.](http://www.marqyal.org/content/вестник-№69,2012) – С. 39–42.

Салахатдінова Ельміра. Мовна гра в російській ептографії / Ельміра Салахатдінова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 331–335.

У статті розглядаються прийоми мовної гри, які використовуються в рекламних зворотах, закріплених у російській мові як крилаті вислови – ептоніми, – що підтверджено залученням їх та їхніх похідних до складу ептографічного словника.

Ключові слова: крилаті вислови, рекламні фрази, мовна гра, ептографія.

Salakhatdinova Elmira. Linguistic Game in Russian Eptography / Elmira Salakhatdinova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 331–335.

The article examines the methods of linguistic game which are used in an advertising constructions attached to Russian language in the meaning of winged expressions – eptonimives which confirms to include them and their marching in an eptographyc dictionary.

Key words: winged words, advertising phrases, linguistic game, eptography.

Стаття надійшла до редакції 3 червня 2012 року

УДК 811.161.1'33:801.81

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА И ДИСКУРСИВНАЯ ИНТЕНЦИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)**

Семененко Наталия

Старооскольский филиал Национального исследовательского университета

«Белгородский государственный университет»

Старый Оскол, Россия

Языковая игра применительно к паремическим единицам рассматривается и как внутритекстовый механизм выражения умозаключения, и как форма дискурсивного бытования народных афоризмов. Дискурсивная интенция – один из важнейших факторов реализации в семантической структуре паремии исходной когнитивной модели, создающий предпосылки для воплощения приёма языковой игры.

Ключевые слова: паремическая семантика, дискурсивная интенция, парадоксальность умозаключения, когнитивная модель.

Языковая игра – один из самых «востребованных» приёмов в современном паремическом дискурсе, что обусловлено целым рядом факторов этнокультурных, дискурсивно-риторических и собственно языковых:

1) общее усиление тенденции к трансформации прецедентных единиц и текстов с выраженной этнокультурной функцией, приводящее к доминированию в публицистическом дискурсе смеховых «форм» с выраженным «игровым началом»;

2) статус «народной мудрости», располагающий к разного рода речевым «экспериментам» с паремией как с исходным авторитетным мнением национального сообщества относительно типичных жизненных ситуаций;

3) когнитивно-прагматический потенциал паремических единиц, репрезентирующих сложные интегрированные когнитивные пространства с учётом смыслового вектора дискурсивной интенции;

4) уникальные свойства языковой формы паремии, тяготеющей к лаконичному и максимально «визуализируемому» выражению культурно значимых образов;

5) сосредоточенность паремической семантики на стержневом для умозаключения смысле, выражение которого зачастую осуществляется по принципу «от противного» и т. д.

Проблема языковой игры в паремиях тесно связана с вопросами национальной смеховой культуры, которая регулярно претерпевает определённые изменения, но, вместе с тем, базируется на традиционных принципах, транслируемых, в том числе, и паремиями. В частности, такая «национальная русская форма смеха» как балагурство, которое «разрушает значение слов и коверкает их внешнюю форму» [2, с. 256], весьма продуктивно для паремий. Например: *Купить-то б купила, да купило притупила* [1, с. 139]. Разрушение значения слов может происходить и без

искажения его формы, за счет алогичного сочетания личных местоимений. Например, в поговорках: *Выпьём за мой счет, за твои деньги; Сперва ты меня повезешь, а потом я на тебе поеду; Сперва ты меня в гости пригласишь, а потом я к тебе приду* [1, с. 44].

Вообще, в отдельных случаях сам механизм создания комического эффекта с помощью приёма языковой игры может рассматриваться как совокупность семантических и стилистических особенностей, заложенных в структуре и содержании паремий и в самых общих чертах сводимых к алогизму ее семантической структуры. Причем, если экспрессивность как средство создания комического эффекта ярче проявляется в поговорках, то парадокс, на наш взгляд, чаще встречается в пословицах, поскольку он является одним из средств формирования в высказывании выраженного подтекста.

Комический эффект, реализующийся через различные парадоксальные конструкции, далеко не всегда связан с языковой игрой, чаще он связан с разного рода фактическими противоречиями, заложенными в когнитивном основании паремии: *Кому я должен, всем прощаю* [1, с. 44] или *Одни заплатки, хозяина не видать* [1, с. 78]. Вообще, природа возникновения основанных на парадоксах паремий сугубо речевая. Поскольку пословица всегда стремится занять центральное место в коммуникативном акте, вбирая в себя и обобщая смысл контекста высказывания, она оказывается способной охватить описываемую жизненную ситуацию как бы «со всех сторон» и одновременно передать суть заключенных в ней внутренних противоречий. Поэтому в паремиях с парадоксальным эффектом зачастую ироничный смысл, заключенный в первой части, может быть понятен лишь по прочтении второй части. Например: *Деньги девать некуда: кошелек купить не на что; Время, которое мы имеем, это деньги, которых мы не имеем* [1, с. 145].

Для паремии, имеющей четкое коммуникативное предназначение, парадоксальность – важнейший принцип ее структурной организации, и достигается она различными приемами. Например, это может быть оформление общеизвестных истин как итога «глубоких» размышлений говорящего с использованием перифразы и союзных средств в нетипичной для них функции: *Лучше быть богатому, но здоровому, чем бедному, но больному* [1, с. 45].

У парадоксальных поговорок встречается использование градационной структуры с нарастающими по смысловой значимости компонентами, представленными в структуре в качестве аргументов: *Дай напиться, а то я три дня не ел, и ночевать негде; Дай закурить твоего табачку, а то спички дома забыл на рояле, а рояль через форточку украли* [1, с. 45].

В парадоксальных конструкциях также возможно привлечение в структуру компонентов, смысл которых осознается как исключаящие друг друга ситуации: *А что у меня, детей что ли мало или мало кому должен* (рассуждение «от обратного») [1, с. 57].

В пословицах парадоксальность достигается и за счет обоснования поступка или состояния персонажа пословицы через денотаты, не соответствующие или

прямо противопоставленные общей семантике: *Теперь к нему и на кривой кобыле не подъедешь* [3, с. 36]; *С печали шея сравнялась с плечами* [1, с. 80].

Парадоксальная конструкция зачастую останавливает на себе внимание участников коммуникативного акта за счет неожиданного для слушателей сочетание фактов: *Живем без кручины: нет ни дров, ни дучины* [1, с. 153]; *Пока толстый похудеет, тонкий с голоду помрет* [1, с. 136].

Паремия, имеющая парадоксальную семантическую структуру, базируется на определенном семантическом «допущении», задающем правила «игры». Вообще языковая игра, словесная игра, игра со смыслом, затеваемая паремией, имеет своей целью не столько демонстрацию легкости бытия, сколько доказательство его сложности, многогранности и неоднозначности в его оценке. И если юмор поговорки – это сугубо коммуникативное свойство, обеспечивающее ей регулярную воспроизводимость, то юмор пословицы – это свойство, которое не только обеспечивает ей коммуникативную востребованность, но и способствует реализации ряда важнейших языковых функций. Ведущую «культурологическую» функцию при этом выполняет все тот же подтекст как определенный ментальный «посыл» к культурному «фону» языка.

Таким образом, выделяемые нами частные способы создания парадоксального эффекта в паремиях весьма разнообразны, но, как показывает предметный анализ, они не имеют общего основания с созданием парадоксальных по форме и сути современных антипословиц. В современной речевой культуре достаточно чётко прослеживается тенденция к образованию специфических единиц, совмещающих в себе свойства прецедентного текста-источника и прецедентной ссылки как определенной трансформации исходного текста, характеризующейся наличием образной основы и смещением денотативного плана. При этом, экспрессивно-художественные способности паремий служат основанием для различного рода трансформаций, появление которых – результат авторской реконструкции текста пословицы с юмористической целью. Юмористический эффект, достигаемый с помощью подобных новообразований, есть не что иное, как эффект несовпадения ожидаемого смысла, выражаемого производящей базой, с тем или иным смыслом, который возникает при её реконструкции. Эта «производная» парадоксальность способствует значительным изменениям не только на денотативном, но и на концептуальном и прагматическом уровнях семантической структуры подобных новообразований.

Так, в тезаурусах антипословиц, широко распространённых в сети Интернет, мы обнаруживаем множество реконструированных пословиц с самыми различными изменениями значения на уровне отдельных частей высказываний. Например, в перифразе *А шило в мешке ногам покоя не дает* часть, взятая от пословицы *Шило в мешке не утаишь*, обозначающая в контексте пословицы ‘неудобный, неприятный факт’, при трансформации приобретает значение, близкое к прямому – происходит своеобразная дефразеологизация значения. Вторая часть, взятая от пословицы *Дурная голова ногам покоя не дает*, также дефразеологизируется, в результате чего высказывание теряет метафоричность, а вместе с ней и прагматическую значимость. Аналогичный процесс наблюдается и в высказываниях, в которых сохраняется лишь

часть исходного «материала», функционирующая как фразеологизм, конденсирующий в себе весь смысловой план пословицы. Например, *Не рой яму другому, пусть роет ее сам; Без рубашки ближе к телу; В тихом омуте черви водятся; Под лежачий камень мы всегда успеем.*

Изменение структуры пословицы может производиться почти «в русле» парадигмы вариантов, без существенных изменений в семантике «исходной» пословицы, но с дополнительной коннотацией: *Большому кораблю – большая торпеда; Кто раньше встал, того и тапки; Лучшие синица в руке, чем утка под кроватью.* Иногда возможно и образование «самостоятельных» вариантных парадигм: *Тише едешь – дальше кукиш; Тише едешь – дешевле обойдется; Тише едешь – шире морда.* Интересно, что такой тип трансформации практически не сказывается на референтных свойствах исходных текстов, и полученные единицы характеризуются тем же феноменом обобщенного значения, что и классические паремии.

Трансформированные прецедентные единицы, являющиеся следствием языковой игры, как правило, характеризуются заметными сдвигами на прагматическом уровне значения, но при этом они могут сохранять метафорические свойства, позволяющие усмотреть в их смысловой структуре определённую глубину. Например, *На чужой каравай семеро одного не ждут; Не все то золото, что плохо лежит; Чем дальше в лес, тем третий лишний; Голод не тетка – в лес не убежит.* Трансформация пословицы может сопровождаться заменой метафорического образа на условно «синонимичный»: *Сытый конному не пеший; Пеший конному не товарищ* и т. д.

В аспекте выявления связи дискурсивных условий и механизма приёма языковой игры актуален тот момент, что отмеченные трансформации не зависят от дискурсивного окружения и являются самодостаточными микротекстами, способными к формированию вокруг себя микродискурса. Иная ситуация наблюдается в тех случаях, когда общеупотребительная паремия в условиях конкретного дискурса, по сути, «вынуждена» прибегать к означенному приёму, чтобы выступить в роли прецедентного для определённой ситуации текста. Чаще всего это – трансформация пословицы с заменой одного лексического компонента.

Например, художественно-публицистический текст, посвящённый технологии выполнения фокусов, озаглавлен следующим образом: *Без труда не вытащишь и чудо из пруда*; а итальянский художественный фильм с элементами эротики (режиссер Франко Мартинелли), посвящённый сомнительным способам расследования частного детектива и его помощника, называется *Без греха не вытащишь и рыбку из пруда*. Подробные лексические замены создают эффект «раздвоения» внутренней формы, поскольку в высказываниях сохраняется исходная мотивация наряду с переосмыслением образной основы текста пословицы с учётом нового компонента. Если в первом случае замена лексического компонента *рыбка* на компонент *чудо* существенно не влияет на обобщённое значение пословицы (компонент *рыбка* характеризуется сниженной денотативной референцией, что и способствует обобщению значения и стереотипизации образа), то во втором случае замене подвергается концептуально значимый компонент пословицы, что и ведёт к

перестройке когнитивной структуры высказывания. В центре когнитивной основы паремии оказывается концепт «Грех», а прагматическое прочтение значения выглядит как утверждение о том, что ‘Усилия по достижению результата могут быть и не праведны, главное – цель’. Соответственно, дискурсивная обусловленность смысла (дискурсивная интенция), возникающая под влиянием собственно контекста, представляет собой по сути прагматическую установку коммуникантов и когнитивного фона событийной основы дискурса, создающую предпосылку к использованию приёма языковой игры

Таким образом, можно отметить, что приём языковой игры, несмотря на всю очевидность произвольности его применения, существенно зависит от условий, диктуемых формой и прагматической сущностью языковой единицы, а также условиями дискурса, определяющего параметры языковой игры как способа выражения нового значения.

Список литературы

1. Зимин В. И., Спириин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спириин. – М. : Сюита, 1996. – 544 с.
2. Лихачёв Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение / Д. С. Лихачёв. – Санкт-Петербург, Изд-во «Алтейя» (СПб) – 1997. – 341 с.

Семененко Наталія. Мовна гра і дискурсивна інтенція (на матеріалі російських прислів'їв і приказок) / Наталія Семененко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 336–340.

Мовна гра стосовно паремійних одиниць розглядається і як внутрішньотекстовий механізм вираження розумового висновку, і як форма дискурсивного побутування народних афоризмів. Дискурсивна інтенція – один із найважливіших чинників реалізації в семантичній структурі паремії вихідної когнітивної моделі, що створює передумови для втілення прийому мовної гри.

Ключові слова: паремійна семантика, дискурсивна інтенція, парадоксальність розумового висновку, когнітивна модель.

Semenenko Natalya. Language Game and Discursive Intention (on the Basis of Russian Proverbs and Sayings) / Natalya Semenenko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 336–340.

Russian Language game in relation to paremicheskim units is considered as a mechanism for the expression of intra-reasoning, and as a form of discursive existence of popular aphorisms. Discursive intention - one of the most important factors in the implementation of the semantic structure of the Old Testament of the original cognitive model, which creates prerequisites for the realization of the reception of language games.

Key words: paremia semantics, discourse intention, paradoxical reasoning, cognitive models.

Стаття надійшла до редакції 3 травня 2012 року

УДК 811.161.1:81'373

**ПИОНЕРСКО-КОМСОМОЛЬСКИЙ СЛЕД
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ,
ИЛИ СУДЬБЫ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ-СОВЕТИЗМОВ**

Шулежкова Светлана

Магнитогорский государственный университет,

Магнитогорск, Россия

В статье предпринята попытка проследить судьбы крылатых выражений пионерско-комсомольской тематики, восходящих к различным жанрам искусства советской эпохи, и установить основные пути их адаптации в русском языке постсоветской России.

Ключевые слова: крылатое выражение, советизм, трансформация, пионерский, комсомольский.

Резкий поворот в исторической судьбе России и других республик на постсоветском пространстве не мог не вызвать существенных изменений в фондах крылатых единиц каждого из национальных языков бывшего СССР, особенно в тех их областях, которые обслуживали СМИ и обеспечивали идеологическое воздействие на население.

Казалось бы, новые реалии должны были породить новые лозунги, объединяющие граждан внутри бывших советских республиках. И такие попытки предпринимались не раз в каждом новом государстве, в том числе в Российской Федерации. Однако, отринув все советские призывы, отправив в небытие знаменитые, но быстро «погасшие» формулы *Перестройка, гласность, демократия!*, *Перестройка – дело каждого* и *Социализм с человеческим лицом*, политические лидеры не смогли найти старому публицистическому арсеналу достойную замену. За последние 20 лет фактически не было создано ни одного лозунга, который был бы способен отразить или хотя бы поддержать в гражданах России чувство единства и любви к своей стране. Даже название самой влиятельной сегодня партии «Единая Россия» простые люди воспринимают иронически, так как считают эту общественную организацию партией чиновников и олигархов, настроенной прокапиталистически. 1 октября 2011 г. на акции «Антикапитализм 2011» молодые демонстранты Великого Новгорода несли вместе с транспарантом «Буржуи, под стол! Идет КОМСОМОЛ!» плакат с надписью «Смерть ждет страну в буржуазной трясине, мы не сдадимся «Единой России». В России «пошатнулась любовь к Родине». Современный российский писатель В. Курбатов с болью говорит: «Давно ли вы слышали это слово из уст, скажем, руководителей государства? Стесняются они его. Нечего, мол, высокие слова тратить <...> А как тебя заставили стесняться их, так жди, что и Родина твоя спятится (sic!) на вторые роли. <...> Мы уже никогда не сможем любить свою Родину с естественностью и

простотой – так, чтобы написать в песне «*Как невесту, Родину мы любим*» ... [12, с. 3].

Достойной альтернативы блоку социалистических, или, как принято сейчас с насмешкой говорить, *совковых* лозунгов, призывов, афоризмов современная политическая элита, во всяком случае, российская, создать не смогла. Массовое же искусство, поставившее в годы советской власти крылатые единицы (КЕ) общенационального вдохновляющего, пронизанного коммунистическим духом содержания, стало постепенно вытесняться шоу-бизнесом, тематика которого очень далека от жизнеутверждающих лозунгов советского периода. Но потребность в лозунгах, особенно в условиях идеологической смуты, политической неустойчивости, безверия молодежи, ощущается необыкновенно остро. Между тем вот уже более 20 лет Россия живет даже «без официального девиза – главной фразы, которая наряду с гербом, гимном и флагом традиционно дополняет национальные символы государств. Фразы, которая выражала бы идею большинства, фразу – национальную идею» [8, с. 8].

Обычно пишут о том, что в СССР таким объединяющим лозунгом был заключительный призыв «Манифеста Коммунистической партии», написанного К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 г., *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!* Действительно, объявив в декабре 1922 г. о создании СССР, большевики уже в 1923 г. утвердили этот пролетарский девиз в качестве государственного, и он был начертан на гербе под серпом и молотом. Однако, будучи непременным атрибутом всех политических изданий и общественных акций в СССР, широко использовавшаяся в наглядной агитации, этот призыв все же оставался лозунгом «международного рабочего движения, призывающим к сплочению работников наемного труда в борьбе за свои права» [7, с. 300; 2, т. 2, с. 259]. Его главная идея – интернациональная солидарность трудящихся всех стран, а не внутреннее единство граждан многонационального государства. Руководство молодой социалистической республики, возникшей после Октябрьской революции на обломках царской России, ориентировалось на мировую революцию. И, что было вполне естественно, государственным гимном страны был признан «Интернационал». Наряду с лозунгом *Вся власть советам!* и призывом из «Манифеста Коммунистической партии», строки «Интернационала» Э. Потье (1877) в переводе А. Я. Коца (1902) составили ядро политических лозунгов первых десятилетий нового рабоче-крестьянского государства. К ним относятся 8 КВ призывного, констатирующего, «угрожающего» или «обещающего» характера: *Вставай, проклятьем заклейменный* (, / *Весь мир голодных и рабов!*); *Кипит наш разум возмущенный* (/ *И в смертный бой вести готов*); *Весь мир насилья мы разрушим*; *С Интернационалом воспрянет род людской*; *Кто был ничем [никем], тот станет всем*; *Мы наши, мы новый мир построим*; *Никто не даст нам избавленья* [, / *Ни бог, ни царь, и не герой*]; *Это есть наш последний и решительный бой* [2, т. 1, с. 163, 202, 233, 345, 499, 543, 647; т. 2, с. 89, 597].

Осознав безнадежность упований на скорое свершение мировой пролетарской революции, руководство СССР уже в 1920-е гг. взяло курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране, и доминантными темами в

идеологической деятельности становятся любовь к социалистической Отчизне, трудовой энтузиазм и повышение обороноспособности государства. Деятели искусства, писатели, поэты, композиторы приняли живейшее участие в пропаганде этого курса. Советская песня, советский кинематограф, советская поэзия становятся поставщиками новых лозунгов, новых девизов, что не замедлило сказаться на публицистическом стиле Страны Советов. Именно в это время в русском языке активно формируется пионерско-комсомольский пласт крылатых единиц (КЕ). В ядро этого пласта вошли строки из пионерских и комсомольских песен, из поэтических произведений патриотически настроенных авторов, отшлифованные в лаконичные фразы высказывания государственных и политических лидеров. В современных словарях отмечено около 50 песенных КЕ пионерско-комсомольской тематики (см. [1] – 4 ед.; [4] – 35 ед.; [6] – 45 ед.; [2] – 53 ед.) и около трех десятков – из других источников. Они были на вооружении у членов двух политических организаций, которые нуждались в жизнеутверждающих девизах и лозунгах; это были ВЛКСМ, основанный 29 октября 1918 г. как РКСМ, а в 1924 г. переименованный во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи, и Всесоюзная пионерская организация им. В. И. Ленина, основанная 19 мая 1922 г. и прекратившая свое существование вместе с ВЛКСМ в 1991 г. после роспуска КПСС.

Лозунги 1920-х гг., проникнутые задорным оптимизмом, уверенностью в великом предназначении молодого поколения, воспитывали готовность к защите социалистического Отечества от внешних врагов, поддерживали стремление к знаниям, веру в мировую революцию и в светлое будущее трудового народа всего мира, готовность к самопожертвованию во имя коммунистической идеи. Приведу только некоторые лозунги из тех, что были рождены на заре комсомольского и пионерского движения: *Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем* (строки из поэмы А. А. Блока «Двенадцать», 1918 г.); *Смело мы в бой пойдем / За власть советов* (первые строки припева народной песни с тем же названием, которую пели с 1919 г. в Красной Армии); *Учиться, учиться и [еще раз] учиться!* (фраза, впервые прозвучавшая в речи В. И. Ленина на III съезде Российского коммунистического союза молодежи в 1920 г.); *Наш паровоз, вперед лети! / В коммуне – остановка* (начало припева песни «Паровоз», сочиненной предположительно в 1920 г. комсомольцами в железнодорожных мастерских, где работал Н. А. Островский); *Взвейтесь кострами, синие ночи! [Мы – пионеры, дети рабочих], Близится эра светлых годов. / Клич пионеров – «Всегда будь готов!»* («Марш юных пионеров» С. Ф. Кайдан-Дешкина на стихи А. А. Жарова – 1922 г.); *Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, Все выше, и выше, и выше [/ Стремим мы полет наших птиц], [Нам разум дал стальные руки-крылья, /], А вместо сердца – пламенный мотор* («Авиамарш» Ю. И. Хайта на стихи П. Д. Германа – 1920 г.); *Вперед заре навстречу, / Товарищи в борьбе!, Штыками и картечью проложим путь себе, Мы – молодая гвардия рабочих и крестьян* («Молодая гвардия», муз. тирольская, слова А. И. Безыменского – 1922 г.).

1930-е годы, отмеченные расцветом песенного жанра и звукового кино, обогатили пионерско-комсомольский пласт КЕ множеством новых единиц.

Привычная идеологическая тематика пополнилась в этот период новыми гранями. Особое место заняли формулы, отражающие любовь молодого поколения к своей Родине, ответственность за ее судьбу, гордость за ее успехи, готовность служить ей; коллективизм; трудовой энтузиазм; радостное ощущение полнокровной жизни в социалистической стране: *Мы мирные люди, но наш бронепоезд / Стоит на запасном пути* («Песня о Каховке» И. О. Дунаевского на стихи М. А. Светлова из кинофильма реж. С. А. Тимошенко «Три товарища» – 1935 г.); *Как невесту Родину мы любим, / Бережем, как ласковую мать, Наше слово гордое товарищ / Нам дорожке всех красивых слов, С каждым днем все радостнее жить, Человек проходит как хозяин / Необъятной Родины своей, Широка страна моя родная, Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек, И никто на свете не умеет / Лучше нас смеяться и любить* («Песня о Родине» И. О. Дунаевского на стихи В. И. Лебедева-Кумача из кинофильма реж. Г. В. Александрова «Цирк» – 1936 г.); *Когда страна быть прикажет герою, / У нас герой становится любой, Легко на сердце от песни веселой, Мы можем петь и смеяться, как дети, Мы – молодые хозяева страны, Нам песня строить и жить помогает, Покоряя пространство и время, С песней по жизни, Шагай вперед, комсомольское племя* («Марш веселых ребят» И. О. Дунаевского на стихи В. И. Лебедева-Кумача из кинокомедии Г. А. Александрова «Веселые ребята» – 1934 г.); *Нам ли стоять на месте? / В своих дерзаниях всегда мы правы, Здравствуй, страна героев, / Страна мечтателей, страна ученых, Нам нет преград ни в море, ни на суше, Труд наш есть дело чести, / Есть дело доблести и подвиг славы* («Марш энтузиастов» И. О. Дунаевского на стихи А. А. Д'Актиля (Френкеля) – 1936 г.).

Свою лепту в обогащение пионерско-комсомольского лозунгового фонда внесли публицистика и искусство военных лет. Характерная особенность лозунгов, рожденных в годы Великой Отечественной войны, – общенародная направленность. Их основное содержание – призыв к защите Отечества от ненавистного врага, поднятие боевого духа воинов Красной Армии, ударный труд в тылу во имя победы: *Вставай, страна огромная! / Вставай на смертный бой! <...> Пусть ярость благородная вскипает, как волна, Идет война народная, / Священная война* («Священная война» А. В. Александрова на стихи В. И. Лебедева-Кумача – 1941 г.); *Наше дело правое. Враг будет разбит! Победа будет за нами!* (из речи наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, обращенной к гражданам СССР в день начала Великой Отечественной войны); *Смелого пуля боится. / Смелого штык не берет* («Песня смелых» В. А. Белого на стихи А. А. Суркова, созданная 22 июня 1941 г.); *Родина-мать зовет!* (название агитационного плаката И. М. Тоидзе – 1941 г.); *Ни шагу назад! [Стоять насмерть!]* (из приказа, подписанного народным комиссаром обороны СССР И. В. Сталиным 28 июля 1942 г.); *Все для фронта! Все для победы!* (призывы, помещенные 1 июля 1941 г. редакцией газеты «Правда» на 1-й странице).

Во 2-й половине 1940-х вплоть до начала 1980-х гг. пионерско-комсомольский пласт КЕ, помимо единиц, прославляющих подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны, пополнялся по преимуществу за счет лозунгов,

призывающих подрастающее поколение равняться на партию коммунистов, бороться за мир на земле, строить коммунизм и восстанавливать разрушенное войной хозяйство: *Мы делу Ленина и партии верны, Партия – наш рулевой* (песня В. И. Мурадели «Партия – наш рулевой» на стихи С. В. Михалкова – 1952–1953 гг.); *Партия велела – комсомол ответил: «Есть!»* (песня «Едем мы, друзья» В. И. Мурадели на стихи Э. Ф. Иодковского – 1955 г.); *Парни, парни, это в наших силах – / Землю от пожара уберечь* (песня «Если бы парни всей земли» В. П. Соловьева-Седого на стихи Е. А. Долматовского – 1957 г.); *Мы к коммунизму на пути* («Марш коммунистических бригад» А. Г. Новикова на стихи В. Г. Харитонова, 1958 г.) и пр.

И как не похожи они на те лозунги, с которыми выходят на митинги сегодня: *«Путину – клизму! Смерть – капитализму!»*, *«Скажем еще раз кому не понятно: Ильич завещал учиться бесплатно!»*.

Сформировавшаяся к концу перестройки новая российская демократическая элита, радио- и тележурналисты, политологи, государственные деятели, лидеры появившихся после роспуска КПСС партий, пытавшиеся привлечь на свою сторону простых граждан, выбирали, как правило, тактику разоблачения действий руководства Коммунистической партии в годы советской власти и критики всего *совкового*. Не выдвигая новых, объединяющих общество лозунгов, они продолжали эксплуатировать публицистический арсенал, сложившийся в СССР. И дело здесь не только в недостатке таланта тех, в чьих руках сосредоточилась власть. «В российском отнюдь не однородном обществе, как и в сегодняшнем гетерогенном мире, слишком многое зависит от избранного угла зрения, точки отсчета, предлагаемого набора критериев. А они не просто различны – нередко они конфликтно противоположны», – пишет член-корреспондент РАН Ю. Л. Воронников в статье «Русская культура и русский язык на рубеже веков» [3, с. 771]. В основе этого конфликта лежит взгляд на пути развития России: идти ли ей по западному, европейскому пути, где господствует тенденция «Я-сознание», или, сохраняя свою самобытную культуру, ядром которой является «Мы-сознание», совместить «бережное отношение к великому классическому наследию с пристальным интересом к реалиям современного мира», то есть следовать «традициям с отзывчивостью к новациям» [там же, с. 772].

Носители русского языка своеобразно реагирует на столь сложную общественно-политическую ситуацию. Свобода личности в России, проблески которой наблюдались в культуре во времена «хрущевской оттепели», в годы перестройки и в постсоветскую эпоху проявилась в полной мере и в искусстве, и в СМИ как языковая игра. Языковая игра стала одним из самых мощных суггестивных орудий в идеологической борьбе между сторонниками западного пути развития России и сторонниками самобытного ее развития, но главная ее направленность все же, и в годы перестройки, и позднее, – антисоветская, антикоммунистическая, и в этом отношении адепты обеих тенденций нередко действовали и действуют заодно.

Языковая игра с публицистическим арсеналом советского прошлого особенно активно проявляется в СМИ. Б. В. Дубин, на наш взгляд, удачно назвав языковую

игру в российских СМИ *стебом*, охарактеризовал ее как «разновидность публичного интеллектуального эпатажа, который состоит в провокационном и агрессивном, на грани скандала, снижении любых символов других групп, образов прожективных партнеров – как героев, так и адресатов сообщения <...> через подчеркнутое использование этих символов в несвойственном им, пародийном или пародическом контексте, составленном из стереотипов двух (точнее, как минимум, двух) разных лексических и семантических уровней, рядов» [5, с. 163].

Для любителей острого словца из числа ниспровергателей советского прошлого пионерско-комсомольские лозунги и девизы оказались чрезвычайно привлекательными. Это произошло не случайно: языковая игра в подлинном смысле ее слова возможна лишь в том случае, если она «ведется» на знакомом поле с хорошо известными языковыми единицами. Она является своеобразным индикатором коммуникативной ценности вовлекаемых в игру языковых средств. Можно согласиться с Г. Г. Слышкиным, который считает «смеховую востребованность – подверженность коммуникативным трансформациям, направленным на достижение комического эффекта», «признаком, демонстрирующим одновременную культурную типичность и языковую устойчивость единицы, т. е. гарантирующим ее принадлежность к комплексной системе лингвокультуры (концептосфере)» [10, с. 182]. При этом необходимо оговориться: опыт наблюдения над судьбами КЕ русского языка не подтверждает категоричного вывода ученого, настаивающего на всеобъемлющем охвате этого признака. Далеко не «все, что воспринимается социумом как культурно значимое и лингвистически устойчивое, непременно подвергается осмеянию». Так, языковая игра почти не коснулась фонда КЕ, восходящих к песням военных лет. Что же касается пионерско-комсомольских лозунгов и девизов, то они оказались в самом центре «смеховых экспериментов» последних трех десятилетий. Пик их адаптации к новым политическим и идеологическим условиям приходится на 2-ю половину 1980-х – начало 1990-х годов, когда из арсенала положительных публицистических средств с высокой стилистической окраской журналисты с энтузиазмом переводили их в разряд стилистически сниженных, снабжая отрицательными коннотациями.

Отметим здесь лишь наиболее характерные приемы, с помощью которых проходит этот процесс.

1. Нередко носители языка намеренно «заражают» советский лозунг, вводя в его структуру несовместимые с закрепившимся значением компоненты. Так, знаменитый девиз *Страна должна знать своих героев*, рожденный на страницах газеты «Правда» в 1931 г., многие годы сопровождал сообщения о выдающихся людях СССР, о подвигах, совершенных ими во благо Отчизны. Но А. И. Солженицын, описывающий дикие порядки, царившие в советских концлагерях, вкладывает в уста своего героя, Ростислава Доронина следующие слова: – ...*Осведомителю по ведомости выписывают 150 рублей за квартал. Но надо для приличия пересылать по почте, а неумолимая почта берет 3 рубля почтовых сборов <...> Завтра в обед надо столпиться около штаба и у всех выходящих от опера, смотреть перевод. Родина должна знать своих стукачей, как вы находите, господа? <...> – Страна должна знать своих стукачей!* –

повторял Булатов, поддерживая их [заключенных] в намерении не расходиться («В круге первом», гл. 48, 80). Аналогичные приемы адаптации советских лозунгов к современным реалиям можно наблюдать во множестве других случаев. Так, в выражении *Доллар – наш рулевой* нетрудно увидеть пародию на девиз *Партия – наш рулевой* (см. название заметки о денежных затруднениях ватерпольного суперклуба в КП, 2.07.91), а в заголовке статьи Ю. Самарина об уборке урожая *И вновь мы в бой пойдем за лук с картошкой* (КП, 25.08.93) – на красноармейский лозунг *Смело мы в бой пойдем / За власть советов*.

2. Разрушение семантики лозунгового КВ и его «травестирование» может достигаться не только за счет лексической мены компонентов, но и за счет погружения самого лозунга в непривычный контекст. Строки *За детство счастливое наше / Спасибо, родная страна* из «Песни советских школьников», написанной Д. Ф. Салиман-Владимировым (Салиман-Владимирским) на стихи В. М. Гусева (1935 г.), превратившиеся в один из самых популярных пионерских лозунгов 1930-х – начала 1950-х гг., с иронией произносит одна из героинь Е. Матвеевой в «Истории одной зечки и других з/к, з/к, а также некоторых вольняшек», когда женщинам, отбывающим срок в лагере, посчастливилось разжиться настоящим чаем: *В хлебрезке царили порядок и чистота. В полураскрытой печке шипела черная кастрюля с кипятком. – Вот это и есть счастливое детство, за что возблагодарим товарища Сталина, – сказала Валя и отмерила из пачки не две ложки чая, как обычно, а целых три, для заварки*. В статье «*За детство счастливое наше, спасибо чужая страна*» Е. Овчаренко с горечью пишет о том, как американские семьи усыновляют русских сирот, которым Родина не может обеспечить достойной жизни (КП, 4.02.93), а в заметке «*За детство счастливое наше спасибо товарищу Ельцину!*» А. Бушев с сарказмом сообщает о том, как «бесхозные» 538 тысяч долларов, которые сторонники президента Б. Н. Ельцина пытались вынести из «Белого дома» в разгар предвыборной кампании, депутаты решили передать детям-сиротам, но половина из этих денег уже оказалась истраченной (КП, 20.06.97).

3. Из КВ может «вытравляться» его прежний идеологический смысл либо за счет экспликации (когда в его структуру внедряются компоненты-«обвинители» при одновременном отсечении части его собственных компонентов и трансформации его синтаксической структуры), или за счет импликации и погружения в необычный, «разоблачающий» контекст. Так, например, пионерский девиз *Взвейтесь кострами, синие ночи!* в результате таких манипуляций из повелительного предложения-призыва превратился в процессуальное КВ *взвиться кострами* со значением, весьма далеким от исконного, – ‘вспыхнуть, возмутиться’ (о ком-л.) либо ‘вспыхнуть, начать проявляться необычайно активно’ (о чем-л.): – ... *Идеи национал-коммунизма могут «взвиться кострами» в новых исторических условиях <...> «Гражданской войны не будет!» – заявляет Анатолий Собчак в беседе с нашим корреспондентом Андреем Черновым (МН, 31.03.91); При мне знакомый инженер, застенчивый заика, *взвился кострами*. Мать вашу, полыхнул, кто съел мой килограмм? Я же не пос...посягаю на ваш ммешок! Отдайте мне мой ку...ку...лек!* (З. Ибрагимова. «Сахарные слезы», Ог. №2, 1992); *Взвильсь*

гибельными кострами синие ночи...(статья Б. Нестерова и А. Синельникова о трагедии в Воронежском детском лагере, где полуночный пожар унес жизни четырех девочек-сирот не старше 12 лет; КП, 20.06.97); **Взвильсь молитвой синие ночи.** После трех лет почти полного бездействия в поселке Дубовка Воронежской области вновь ожил спортивно-оздоровительный лагерь «Кристалл». По решению главы местной администрации «Кристалл» передали в ведение епархиальному управлению <...> Естественно, подробно изучаются Библия, жития святых. А у костра пионерские песни сменились вознесенными к Господу молитвами (Заметка А. Шаховой; КП, 6.08.96).

4. Нередко пионерские и комсомольские девизы в силу отточенности формы и лаконизма содержания становятся базой для формирования фразеологических серий, когда при сохранении синтаксической модели переменными становятся идеологически заряженные компоненты. Так, в адресованном пионерам наказе *Как повяжешь галстук – береги его*, который восходит к стихотворению С. П. Щипачева «Красный галстук» (1942), переменной становится первая часть выражения, в то время как вторая, лишённая всякой идеологической нагрузки, остаётся неизменной: **Как получишь ваучер, береги его** (заметка Е. Аракелян о перспективах приватизации в России; КП, 24.09.92); **Как возьмешь Самтредиа, береги его!** (сообщение Г. Маринина из зоны боев в Грузии. КП, 27.10.93); **Как получишь полис – береги его!** (эпиграф к статье О. Чегодаевой «Народная медицина: выживает сильнейший»; КП, 10.12.94); **Как натянешь платье – береги его** [В тексте:] *Я вот раньше никак не могла понять, зачем это тот или иной исполнитель обязательно упоминает, сколько костюмов он везет с собой на гастроли. Теперь – как прозрела. Два платья на концерте – значит, работа «вполноги». Четыре-пять – работа в полную силу. Ну а если, как «На-На» или Киркоров, по десять меняют – это уже нечто гениальное, супершоу! Неважно, что ты поешь со сцены и поешь ли вообще, главное – нарядов побольше сменить* (иронические заметки О. Сапрыкиной; КП, 22.04.99); **Как посадишь овощ, береги его!** (подзаголовок в рубрике «Сад и огород», где даются советы, когда и что следует сажать на приусадебных участках в соотношении с лунным календарем; КП, 26.05.2000); **Как получишь пластик, береги его...** (С. Семушкин перечисляет простые правила пользования банковскими картами; КП, 5–15.07.2007).

5. Сохраняя компонентный состав лозунга-КВ, любители языковой игры добиваются его «развенчания» за счет многократного «возвращения» его компонентам исконного значения. Такова была судьба девиза пионеров *Будь готов!* – *Всегда готов!* (об истории его возникновения из скаутского приветствия см. [2, т. 1, с. 127–128]), закрепившегося в русском языке не только через официальные документы, но и благодаря талантливому внедрению этого девиза в тексты пионерских песен (ср. рефрен песни «Эх, хорошо!» И. О. Дунаевского на стихи В. Шмидтгофа из кинофильма «Концерт Бетховена» 1936 г): *Знай один лишь ответ, / Боевой наш привет: / «Будь готов! Будь готов! Будь готов!» / Будь готов всегда во всем! / Будь готов и ночью и днем! / Чем смелее идем к нашей цели, / Тем скорее к победе придем*). Возвращение компонентам девиза исконного их значения сопровождалось появлением у оборота нового значения: он стал ирон.-осужд.

символом бездумной готовности подчиниться чужой воле или тому, кто представляет власть: «Я многое стала понимать, – читал он новое письмо. – Мы ведь играли в детские игры, продиктованные твердым детским идеализмом. – Нельзя вовлекать детей в подобные игры. Так как, кроме пылких деток, есть еще трезвые, погасшие взрослые люди, не знающие жалости. Ну, а если уж нас вовлекли, если мы не погасли, нечего жалеть. Выбрал этот путь – **будь готов** к расплате. Вот как надо понимать слова «**Будь готов**». Мы с тобой, Федя, **оказались готовы!**» (В. Дудинцев «Белые одежды»); Мальчики, которых я встретил, были Плохиши, они не пошли в школу, а отправились смотреть, как буржуины лупят тех, кто обязательно научил бы их **быть всегда готовыми** под салютами воздей, но теперь было уже поздно. (В. Чернов. «Как я провел понедельник»; Ог., №40-41, 1993); Государственные деятели хотят запомниться проведением крупных исторических акций и докладывают президенту, что народ полностью **готов** к объединению. Так у нас можно доложить, что народ **готов** вообще выехать с этой территории. У нас в России народ **всегда готов**. (В. Максимов. «Наш народ всегда готов»; Нов. изв., 17.03.2004).

Здесь упомянуты лишь некоторые приемы трансформации пионерско-комсомольских КВ-лозунгов. Многие лингвисты, отмечая небывалый всплеск языковой активности носителей русского языка и в перестроечные, и в постперестроечные годы, когда происходила адаптация советских лозунгов к новым условиям, не без основания видят в изощренной языковой игре, в интеллектуальном стебе доказательство безграничных возможностей нашего национального языка. Смеховую же (иначе – карнавальную, профанную) картину мира, также не без основания, признают одной из двух «равноправных мировоззренческих концепций, сосуществующих в человеческом сознании» [10, с. 182] и выполняющих конструктивную функцию. Однако смех хорош тогда, когда смеющиеся стоят на твердой морально-этической основе, когда в их душах есть нечто святое, над чем глумиться опасно, – Родина, честь, достоинство, долг и пр. Реально же той карнавальной картине мира, которая создается ерническими средствами интеллектуального стеба, сегодня в СМИ ничто серьезное не противостоит. Просто «на смену пропагандистскому триумфализму, лозунговости, стандартизованности и ритуальности пришли механическое следование западным образцам, безответственность и чрезмерная раскрепощенность, способствующие успеху в реализации новых способов манипуляции сознанием читателей и слушателей» [11, с. 18–19].

Список литературы

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : Худож. лит., 1966. – 824 с.
2. Берков В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова / под ред. С. Г. Шулежковой. – Магнитогорск: Магнитогорский гос. ун-т; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität. – Т. 1. А–М. – 2008. – 658 с.; Т. 2. Н–Я. – 2009.

3. Воротников Ю. Л. Русская литература и русский язык на рубеже веков / Ю. Л. Воротников // Вестник РАН. – 2002. – Т. 72. – №9. – С. 771–778.
4. Грушко Е. А. Современные крылатые слова и выражения / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М. : Рольф, 2000. – (Энциклопедии).
5. Дубин Б. В. Кружковый стеб и массовые коммуникации: К социологии культурного перехода. Памяти Сергея Шведова / Б. В. Дубин // Дубин Б. В. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. – М. : НЛЮ, 2001. – С. 163–174.
6. Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени : толковый словарь: более 1000 единиц / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – М. : НТ Пресс, 2008. – 797 с.
7. Займовский С. Г. Крылатые слова: справочник цитаты и афоризма / С. Г. Займовский. – М. ; Л. : Госиздат, 1930. – 494 с.
8. Овчинников А. Над страной вопрос повис: герб-то есть, а где девиз? / А. Овчинников // Комсомольская правда. – 23.03.2012. – С. 8.
9. Панченко А. Н. О русской истории и культуре: сб. ст. / А. Н. Панченко. – СПб : Азбука, 2000. – 464 с.
10. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепт: монография / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. – 4-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2012. – 256 с.
12. Шигарева Ю. Хватит уже пятииться! (Писатель Валентин Курбатов – о том, в чьих руках «ключ от темницы») / Ю. Шигарева // Аргументы и факты. – 2012. – №17. – С. 3.

Шулежкова Світлана. Піонерсько-комсомольський слід у сучасній російській мові, або доля крилатих висловів-радянців / Світлана Шулежкова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 341–350.

У статті здійснено спробу прослідкувати долю крилатих висловів піонерсько-комсомольської тематики, що належать до різних жанрів мистецтва радянської доби і встановити основні шляхи їхньої адаптації в російській мові пострадянської Росії.

Ключові слова: крилатий вислів, радянське, трансформація, піонерський, комсомольський.

Shulezhkova Svetlana. Pioneer-Komsomol Trace in Modern Russian or the Fate of Winged Sovietisms / Svetlana Shulezhkova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 341–350.

This is an attempt to trace the fate of winged phrases covering pioneer and Komsomol subject area and originating from different genres of the Soviet epoch, and to figure out how they assimilated in the Russian language of the post-Soviet period.

Key words: winged phrase, Sovietism, transformation, Pioneer, Komsomol.

Стаття надійшла до редакції 6 травня 2012 року

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумова Ольга Борисівна	к. філол. н., доцент, доцент кафедри англійської філології Орловського державного університету, м. Орел, Росія
Абрамець Іда Володимирівна	к. філол. н., доцент, доцент кафедри журналістики Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля, м. Луганськ, Україна
Акімова Катерина Геннадіївна	аспірант кафедри документознавства і стилістики російської мови Тульського державного педагогічного університету ім. Л. М. Толстого, м. Тула, Росія
Алефіренко Микола Федорович	д. філол. н., професор, завідувач кафедри російської мови Белгородського державного університету, заслужений діяч науки РФ, м. Белгород, Росія
Артеменко Галина Степанівна	аспірант кафедри історії та культури української мови Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича, м. Чернівці, Україна
Архангельська Юлія Володимирівна	к. філол. н., доцент, завідувач кафедри літератури і духовної спадщини Л. М. Толстого Тульського державного педагогічного університету ім. Л. М. Толстого, м. Тула, Росія
Балакова Дана	д. філол. н., доцент кафедри словенської мови філософського факультету Католицького університету, м. Ружомберок, Словаччина
Барчот Бранка	к. філол. н., докторант, асистент кафедри російської мови філософського факультету Загребського університету, м. Загреб, Хорватія
Бондаренко Віктор Терентійович	д. філол. н., професор кафедри російської мови Тульського державного педагогічного університету ім. Л. М. Толстого, м. Тула, Росія
Бочина Тетяна Геннадіївна	д. філол. н., професор, завідувач кафедри російської мови як іноземної Казанського (Приволзького) федерального університету, м. Казань, Росія

Буянова Людмила Юрївна	д. філол. н., професор, професор кафедри загального і слов'яно-російського мовознавства Кубанського державного університету, м. Краснодар, Росія
Вайнбергер Гельмут	д. філол. н., доцент кафедри славістики Інсбруцького університету імені Леопольда і Франца, м. Інсбрук, Австрія
Валенчич Арх Уршка	професор університету, магістр філософії департаменту філософського факультету Люблянського університету, м. Любляна, Словенія
Вальтер Харрі	д. філол. н., професор, старший науковий співробітник кафедри слов'янського мовознавства Грайфсвальдського університету імені Ернста Моріца Арндта, м. Грайфсвальд, Німеччина
Васунг Ана	аспірант філософського факультету Загребського університету, м. Загреб, Хорватія
Виходилова Зденька	доктор філософії, доцент кафедри славістики філологічного факультету Оломоуцького університету імені Франтішека Палацького, м. Оломоуц, Чехія
Данилевська Анна Сергіївна	молодший науковий співробітник науково-організаційного відділу науково-дослідної частини, здобувач кафедри російської мови Київського національного університету імені Тараса Шевченка, м. Київ, Україна
Даниленко Людмила Іванівна	к. філол. н., доцент, доцент кафедри слов'янської філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка, м. Київ, Україна
Дем'яненко Наталія Борисівна	к. філол. н., доцент, доцент кафедри полоністики Київського національного університету імені Тараса Шевченка, м. Київ, Україна
Дідковська Вікторія Генріхівна	д. філол. н., доцент, професор кафедри російської мови Новгородського державного університету імені Ярослава Мудрого, м. Нижній Новгород, Росія
Дядечко Людмила Петрівна	д. філол. н., професор, професор кафедри російської мови Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка, м. Київ, Україна

Жунусова Жанил Нигізбаївна	д. філол. н., професор кафедри російської філології Євразійського національного університету ім. Л. М. Гумільова, м. Астана, Казахстан
Ковачевич Барбара	д. філол. н., старший науковий співробітник Інституту хорватської мови і лінгвістики, м. Загреб, Хорватія
Краснобаєва- Чорна Жанна Володимирівна	к. філол. н., доцент, доцент кафедри української мови та прикладної лінгвістики Донецького національного університету, м. Донецьк, Україна
Кржишник Еріка	д. філол. н., професор кафедри словенської літературної мови і стилістики Люблянського університету, м. Любляна, Словенія
Кузнецова Ірина Володимирівна	к. філол. н., доцент, доцент кафедри методики викладання російської мови Чуваського державного педагогічного університету ім. І. Я. Яковлева, м. Чебоксари, Росія
Лагоденко Джультта Володимирівна	к. філол. н., доцент, доцент кафедри англійської мови Белгородського державного національного дослідного університету, м. Белгород, Росія
Лебедєва Людмила Олексіївна	д. філол. н., професор, професор кафедри загального і слов'яно-російського мовознавства Кубанського державного університету, м. Краснодар, Росія
Макаров Владлен Іванович	к. філол. н., доцент, докторант кафедри російської мови Новгородського державного університету імені Ярослава мудрого, м. Великий Новгород, Росія
Мокієнко Валерій Михайлович	д. філол. н., професор, професор кафедри слов'янської філології Санкт-Петербурзького державного університету, м. Санкт-Петербург, Росія
Набережнєва Тетяна Євгенівна	к. філол. наук, асистент кафедри теорії та практики перекладу з англійської мови Київського національного університету імені Тараса Шевченка, м. Київ, Україна
Ніколаєва Олена Каїрівна	к. філол. н., доцент, завідувач кафедри російської мови Російського державного гідрометеорологічного університету, м. Санкт-Петербург, Росія

Орел Ірина Іванівна	к. філол. н., старший викладач кафедри романо-германської філології Рівненського державного гуманітарного університету, м. Рівне, Україна
Осадча Мирослава	здобувач, провідний бібліотекар МКУК «Старооскольська ЦБС», ЦБ ім. О. С. Пушкіна, м. Старий Оскол, Росія
Осипова Олександра Анатоліївна	к. філол. н., доцент кафедри загального мовознавства й історії мови Федерального державного бюджетного освітнього закладу вищої професійної освіти (ФДБОЗ ВПО) «Магнітогорський державний університет», м. Магнітогорськ, Росія
Палій Олена Іванівна	здобувач кафедри філології Старооскольської філії Національного дослідного університету «Белгородський державний університет», м. Старий Оскол, Росія
Петренко Ольга Валеріївна	магістр кафедри російської мови Київського національного університету імені Тараса Шевченка, м. Київ, Україна
Прадід Юрій Федорович	д. філол. н., професор, академік Академії наук вищої школи України, завідувач кафедри українського мовознавства Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського, м. Сімферополь, Україна
Рібарова Славомира	д. філол. н., професор кафедри англійської та чеської мов і літератури Загребського університету, м. Загреб, Хорватія
Сагірова Ольга Михайлівна	аспірант Донецького національного університету, асистент кафедри грецької мови та перекладу Маріупольського державного університету, м. Маріуполь, Україна
Салахатдінова Ельміра Шамілівна	старший викладач кафедри філологічних і природничих дисциплін Національного авіаційного університету, м. Київ, Україна
Свердан Тетяна Петрівна	к. філол. н., доцент, докторант кафедри історії та культури української мови Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича, м. Чернівці, Україна

- Семененко
Наталія
Миколаївна** к. філол. н., доцент, доцент кафедри філології Старооскольської філії Національного дослідного університету «Белгородський державний університет», м. Старий Оскол, Росія
- Скаб
Марія
Василівна** д. філол. н., професор, професор кафедри історії та культури української мови Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича, м. Чернівці, Україна
- Скаб
Мар'ян
Степанович** д. філол. н., професор, завідувач кафедри історії та культури української мови Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича, м. Чернівці, Україна
- Степанова
Людмила
Іванівна** к. філол. н., доцент, доцент кафедри славістики Оломоуцького університету імені Франтішека Палацького, м. Оломоуц, Чехія
- Фінк
Арсовська
Желька** д. філол. н., професор, завідувач кафедри російської мови Загребського університету, м. Загреб, Хорватія
- Шевченко
Наталія
Михайлівна** к. філол. н., доцент, завідувач лексикографічного відділу Киргизько-Російського Слов'янського університету ім. Б. М. Єльцина, м. Бішкек, Киргизстан
- Шинделарова
Яроміра** доктор педагогіки, к. філол. н., старший викладач кафедри богемістики чеської мови Університету ім. Я. Є. Пуркіне, м. Устінад-Лабою, Чехія
- Шулежкова
Світлана
Григорівна** д. філол. н., професор, професор кафедри загального мовознавства та історії мови Магнітогорського державного університету, м. Магнітогорськ, Росія
- Якоп
Наташа** доктор філософії, науковий співробітник Інституту словенської мови Франа Рамовша, м. Любляна, Словенія

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Прадиш Юрий.</i> Славная история Таврического университета.....	3
<i>Прадиш Юрий.</i> Развитие фразеологической науки в Украине (II пол. XX ст. – начало XXI ст.).....	11

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

<i>Baláková Dana.</i> Frazeologické po/vedomie ako predklad apercepce jazykovej hry.....	43
<i>Jakop Nataša.</i> Normativni vidik apelativizacije v frazeologiji – anomalija ali jezikovna igra?.....	50
<i>Šindelářová Jaromíra.</i> Frazeologie a jazyková hra ve výuce mateřského jazyka.....	57
<i>Weinberger Helmut.</i> Frazemi sa značenjem «obmanjivati koga» u hrvatskom jeziku.....	65
<i>Алефиренко Николай.</i> Когнитивно-дискурсивные механизмы языковой игры в сфере фразеологии.....	70
<i>Буянова Людмила.</i> Фразеологизм как этнокогнитивное средство и результат языковой игры.....	77
<i>Дем'яненко Наталія.</i> Мовна гра як засіб відображення етнокартини світу в польській фразеології.....	81
<i>Кржишиник Эрика.</i> Два аспекта семантического потенциала фраземы.....	87
<i>Лебедева Людмила.</i> Игровая вариативность устойчивых сравнений и поле нормативности.....	94
<i>Мокиенко Валерий.</i> Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла.....	100

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОНФРОНТАТИВНОМ АСПЕКТЕ

- Жунусова Жаныл.* Фразеографический материал в аспекте межкультурной коммуникации.....110
- Кузнецова Ирина.* Сербские и черногорские устойчивые сравнения с антонимичными планами содержания и выражения.....115
- Степанова Людмила.* Игра и фразеологическая картина мира (на материале русского и чешского языков).....121

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

- Barčot Branka.* *Homo ludens:* frazemi i jezična igra na transparentima povorke ponosa hrvatskoj.....127
- Fink Željka.* Što nam kaže srce? (od reklamnog slogana do frazeosheme).....134
- Kovačević Barbara.* Frazeološke modifikacije u novinskim naslovima.....141
- Ribarova Slavomira.* Vizuální prezentace některých frazémů a idiomů.....146
- Vasung Ana.* Frazemi s varijabelnom numeričkom sastavicom u bugarskom i hrvatskom jeziku.....153
- Акимова Екатерина.* К вопросу о языковой игре: смех во фразеологии Александра Проханова.....159
- Архангельская Юлия.* Трансформация фразеологических единиц как средство выражения иронии в дискурсе Л. Толстого.....167
- Бочина Татьяна.* Русская паремика в зеркале интернет-игры.....174
- Дидковская Виктория.* Фразеологизм как «участник» языковой игры в текстах современной литературы.....180
- Краснобаева-Чорна Жанна.* Дискурсивно-рангові особливості фразем у дискурсивних практиках: типологічні вияви фраземних ігрових начал.....187
- Макаров Владлен.* Эстетическая и риторическая функции фразеологизмов в аспекте языковой игры.....193

<i>Орел Ирина.</i> Вплив мовної гри на реалізацію прагматичних функцій фразеологічних одиниць сучасної німецької мови (на матеріалі публіцистичних текстів).....	200
<i>Осадчая Мирослава.</i> Фразеологические аллюзии в художественном дискурсе О. Мандельштама.....	206
<i>Осипова Александра.</i> Сравнительные конструкции как средство создания языковой игры в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» (к особенностям вербализации концепта «Война»).....	211
<i>Сагірова Ольга.</i> Онімна гра як засіб неологізації фразеологізмів у грецькій мові.....	218
<i>Свердан Тетяна.</i> Принцип семантичної маркованості в ігрових модифікаціях українських фразеологізмів.....	225
<i>Скаб Марія, Скаб Мар'ян.</i> Біблійні фразеологізми як об'єкт мовної гри в сучасній українській літературі.....	232
<i>Шевченко Наталия.</i> Фразеотворчество М. Цветаевой.....	238

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА

<i>Valenčič Arh Urška.</i> Besedna igra v slovenskih prevodih otroške in mladinske literature.....	244
<i>Выходилова Зденька.</i> Каламбуры и проблематика их перевода.....	252
<i>Лагоденко Джульетта.</i> Дискурсивный потенциал трансформированных идиом.....	258
<i>Набережнева Тетяна.</i> Мовна гра з ідіомою <i>eat humble pie</i> в романі Дж. С. Фоера «Everything is illuminated» та його перекладах.....	263

ПАРЕМИИ, ЭПТОНИМЫ, ЗАГАДКИ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

<i>Абакумова Ольга.</i> Пословица и языковая игра.....	268
<i>Абрамец Ида.</i> Фразеологизм в структуре кроссвордной загадки.....	276

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артеменко Галина. Алогічність фразеологізму та мовна гра: співвідношення понять</i>	280
<i>Бондаренко Виктор. Ответные реплики как источник языковой игры</i>	286
<i>Вальтер Харри. Мифологические персонажи в русских антипословицах</i>	290
<i>Данилевская Анна. Смеховое начало во фразеологизмах говоров Сибири и Приамурья</i>	297
<i>Даниленко Людмила. Мовна гра як атрибут «мовного смаку епохи»</i>	302
<i>Дядечко Людмила. Языковые игрушки для детей и взрослых</i>	308
<i>Николаева Елена. Эксплицирование и имплицирование пословиц как средство языковой игры</i>	315
<i>Палий Елена. Языковая игра в пословицах и поговорках религиозной тематики</i>	321
<i>Петренко Ольга. Языковая игра с гоголевским крылатым словом в заглавиях современной публицистики</i>	325
<i>Салахатдинова Эльмира. Языковая игра в русской эптографии</i>	331
<i>Семененко Наталия. Языковая игра и дискурсивная интенция (на материале русских пословиц и поговорок)</i>	336
<i>Шулежкова Светлана. Пионерско-комсомольский след в современном русском языке, или судьбы крылатых выражений-советизмов</i>	341
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	351
СОДЕРЖАНИЕ.....	356